

а.введенский

всё

а.ВВЕДЕНСКИЙ

BCë

УДК 82.09+82-1
ББК 83(2Рос=Рус)6+84-5
В24

Составление, подготовка текста, вступительная статья
и примечания А. Герасимовой

Оформление и макет Андрея Рыбакова

В оформлении использованы акварели Бориса Маркевича

За предоставление фотографий и документов издательство
благодарит держателей архивов и первых публикаторов:
Б. А. Викторова, А. Л. Дмитренко, Е. Н. Спицыну, Е. А. Левитана

Введенский А. И.

В24 Всё / А. Введенский. — М: ОГИ, 2013. — 736 с.

ISBN 978-5-94282-714-4

В собрание сочинений крупнейшего поэта, драматурга и философа русского авангарда, одного из основоположников литературы абсурда, участника объединения ОБЭРИУ вошел практически полный корпус «взрослых» произведений. В приложении публикуются переписка, биографические материалы, воспоминания о Введенском.

УДК 82.09+82-1
ББК 83(2Рос=Рус)6+84-5

ISBN 978-5-94282-714-4

- © А. И. Введенский, наследники, 2010
- © Я. С. Друскин, наследники, 2010
- © Д. И. Хармс, наследники, 2010
- © Л. С. Липавский, наследники, 2010
- © Н. А. Заболоцкий, наследники, 2010
- © А. Л. Дмитренко, 2010
- © А. Г. Герасимова, 2010
- © В. Н. Сажин, 2010
- © Б. А. Викторова, 2010
- © С. Е. Бирюков, 2010
- © А. В. Крусанов, 2010
- © Т. А. Кукушкина, 2010
- © ОГИ, 2010

Содержание

<i>А. Герасимова. Об Александре Введенском</i>	7
--	---

Всё

1 «И я в моем теплом теле...»	27
2 «На Набережной болтаются...»	27
3 Стихи из цикла «Дивертисмент»	28
4 В Ленинградское отделение Всероссийского Союза Поэтов. 10 стихов александроведенского.	32
5 Отрывок («Было дело под Полтавой...»)	36
6 Парша на отмени	37
7 Галушка	39
8 Острижен скопом Ростислав	43
9 Воспитание души.	46
10 Начало поэмы	49
11 Минин и Пожарский.	51
12 Седьмое стихотворение	69
13 На смерть теософки	72
14 Птицы	75
15 Ответ богов.	76
16 Всё	80
17 Больной который стал волной	84
18 Пять или шесть	88
19 Две птички, горе, лев и ночь	95
20 Зеркало и музыкант	99
21 «Человек веселый Франц...»	104
22 «Снег лежит...»	107
23 Святой и его подчиненные	109
24 Факт, теория и бог	115
25 Битва.	118
26 Значенье моря.	121
27 Кончина моря	124
28 Суд ушел	127
29 Кругом возможно Бог	131
30 Евстафьев и Маргарита Кронпринцева	161
31 Куприянов и Наташа	162

32	Мир	168
33	<Серая тетрадь>	170
34	Гость на коне	181
35	Четыре описания.	183
36	Приглашение меня подумать.	193
37	Сутки.	195
38	Очевидец и крыса	198
39	Бурчание в желудке во время объяснения в любви	206
40	Заболевание сифилисом, отрезанная нога, выдернутый зуб	207
41	«Мне жалко, что я не зверь...»	208
42	Потец.	211
43	«вдоль берега шумного моря шел солдат АзБукиВеди...»	218
44	«ясно, нежно и светло...»	220
45	Некоторое количество разговоров (или начисто переделанный темник).	222
46	Елка у Ивановых	240
47	Элегия	261
48	<Где. Когда>	264

Примечания	269
-----------------------------	-----

Приложение

А. Л. Дмитренко. Некоторое количество документов к ранней биографии А. И. Введенского	331
Я. С. Друскин. «Чинари»	
Я. С. Друскин. Коммуникативность в стихах и прозе Александра Введенского	360
Из записных книжек Даниила Хармса	384
Н. А. Заболоцкий. Мои возражения А. И. Введенскому, авторитету бессмыслицы	393
Воспоминания А. С. Ивантер и Е. С. Коваленковой.	396
А. Введенский и Д. Хармс в их переписке. <i>Вступительная статья, публикация и комментарий В. Н. Сажина</i>	406
Борис Викторов. Александр Введенский и мир, или «Плечо надо связывать с четыре».	446
Л. С. Липавский. Разговоры	582
А. Герасимова. Бедный всадник, или Пушкин без головы. Реконструкция одного сна	662
Сергей Бирюков. Кости времени и чувств	692
А. В. Крусанов. Хроника жизни и творчества Александра Введенского	700
Александр Введенский. «СЕЛЬСК ^{ий} и ЗАБЕЛ. аНЕГДОТ» (или десятое стихотворение). <i>Публикация, предисловие, примечания Т. А. Кукушкиной</i>	728

Об Александре Введенском

Первый вариант этой статьи, написанной для одного из несостоявшихся изданий, был написан году в 1992-м и в этом виде лежит в интернете. Для настоящего тома ее пришлось слегка отредактировать. — А. Г.

Долгие годы Александра Ивановича Введенского (1904—1941) знали исключительно как детского писателя. Лишь немногим были известны его произведения, не предназначенные для детей. В 50—70-е годы преданные друзья поэта Яков Семенович Друскин и Тамара Александровна Липавская разбিরали его рукописи, изучали их, комментировали. Я. С. Друскин написал о нем исследование, Т. А. Липавская составила словарь языка Введенского. В 60-е годы несколько молодых филологов, заинтересовавшихся деятельностью группы ОБЭРИУ, легенды о которой литературный Ленинград передавал из уст в уста, разыскали Якова Семеновича и прочли эти сохраненные им, почти никому не известные тексты. Тогда, однако, удалось опубликовать всего два стихотворения Введенского в малотиражном Тартуском научном сборнике. В 1978 г., незадолго до смерти, Друскин начал передавать свой архив, где хранились главным образом рукописи Введенского и Д. И. Хармса, Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Этот архив включал в себя и рукописи, переданные Друскину из Харькова вдовой поэта. А в начале 80-х один из тех филологов, М. Мейлах, при участии Вл. Эрля составил Полное собрание сочинений Александра Введенского. Мало кто из читателей держал в руках этот двухтомник, вышедший в Америке (Ар-

дис, 1980—1984). В 1993 году, исправленный и дополненный, он увидел свет по эту сторону границы в московском издательстве «Гилея», имел большой успех и стал библиографической редкостью, ибо с тех пор, по известным причинам не вполне филологического характера, в полном виде в одной книге Введенский не издавался. Тексты, однако, были выложены в интернете (хоть и не без ошибок), так что каждый мог решать: почему так долго были скрыты от него и нужны ли ему вообще эти не вполне обычные стихи.

Скорее всего, с угасанием моды на «белые пятна» русской литературы весьма небольшой процент читателей назовет Александра Введенского по-настоящему «своим». (Эти слова были написаны в 1992-м году — и, в общем, так и получается; ничего тут плохого нет, даже скорее наоборот.)

* * *

Родился Александр Введенский в Петербурге 23 ноября (6 декабря) 1904 года. Его отец, Иван Викторович (1870—1939), был сыном священника, закончил юридический факультет Киевского университета, затем Киевское пехотное юнкерское училище, исправно служил на гражданской службе в разных городах от Вильны до Иркутска и к Февральской революции дослужился до статского советника. В 1903 году женился на Евгении Ивановне Поволоцкой (1876—1935). Дочь генерал-лейтенанта, она получила медицинское образование и впоследствии стала известным врачом-гинекологом. Детей было четверо: Александр (старший), Владимир (1906—1971), Евгения (1908—1946) и Евлалия (1909—1920). В Петербурге семья жила на Петроградской стороне в красивом новом доме на углу Съезжинской улицы и Кронвержского проспекта (Съезжинская 37, кв. 14). Как видим, генералы и священники, населившие впоследствии тексты Введенского, не с улицы взялись; не исключено, что лишь благодаря профессии матери, которая не только работала в советской больнице, но и вела частную практику, семья избежала репрессий, связанных с социально-чуждым происхождением. Отец при советской власти вполне успешно работал экономистом. Характерно, что, заполняя анкету для поступления в университет, в графе «сословие» Александр сначала написал: «сын врача» и затем только исправился на «мещанин» (см. материал А. Л. Дмитренко в Приложении).

Вначале обоих братьев определили в кадетский корпус, что, конечно, наложило определенный отпечаток на характер и манеры молодых людей. Но в апреле 1917 мать проявила замечательную предусмотрительность (за что ей до сих пор большое спасибо) и подала прошение о переводе сыновей в Гимназию им. Л. Д. Лентовской, находившуюся сравнительно недалеко от Съезжинской. Гимназия славилась своим педагогическим составом. Сре-

ди преподавателей были блестящий учитель литературы Л. В. Георг, историк А. Ю. Якубовский, философ, учитель психологии проф. С. А. Алексеев-Аскольдов, учитель рисования — художник, брат Леонида Андреева П. Н. Андреев и др. Сестра Якова Семеновича Друскина, Лидия Семеновна, учившаяся там же, в своей записке отмечает: «Это были талантливые, увлеченные своим делом педагоги, которые не только учили по программе <...>, но устраивали спектакли («Плоды просвещения», «Ревизор», «Майская ночь») и музыкальные вечера; по вечерам работали кружки и т. д.» Там же учились и те двое, которые остались друзьями поэта на всю жизнь: Л. С. Липавский (погибший на войне) и Я. С. Друскин. «Время, Смерть, Бог», — так, по свидетельству Друскина, еще в юности назвал Введенский свою главную и единственную тему. И если он разрабатывал ее поэтически, то можно сказать, что Друскин писал о том же — с философско-теологической точки зрения, а Липавский — с естественнонаучной. Только не в том традиционном смысле, которым склеено устоявшееся словосочетание «естественные науки», а в буквальном: естественность подхода, естественность течения свободной мысли. В этом смысле естественными — и так же миновавшими печать — были и поэтическая философия Друскина, и философская поэзия Введенского.

Через много лет в очерке «Чинари» (впервые: Аврора, 1989. № 6) Друскин напишет: «Из всех наших учителей, школьных и университетских, наибольшее влияние на Введенского, Липавского и меня оказал наш школьный преподаватель русского языка и литературы. Появился он у нас в гимназии, когда я был, кажется, в пятом классе. Он поразил нас на первом же уроке. Задавая тему для письменной работы в классе, Леонид Владимирович Георг вместо того, чтобы сесть за стол и молчать, не мешая нам писать заданное сочинение, весь урок ходил по классу и рассказывал самые разнообразные и интересные истории, события и случаи из своей собственной жизни <...> Он учил нас не только правильно писать, но и понимать, чувствовать и любить русский язык <...> Его суждения не только о литературе, но и по самым различным вопросам из жизни и даже философии были всегда оригинальны, интересны и неожиданны: например, утром он мог сказать одно, а после уроков — противоположное тому, что сказал утром, причем оба суждения — тезис и антитезис — разрешались не в софистическом, порожденном преимущественно логикой, синтезе, а как-то удивительно дополняли друг друга, создавая какое-то особенное настроение, строй души. Он практически учил нас диалектике».

В том же очерке Друскин упоминает о гимназическом объединении троих поэтов: Владимира Алексеева (сына преподавателя С. А. Алексеева-Аскольдова), Липавского и Введенского. «Близки им были символисты, особенно Блок, отчасти акмеисты, футуристы, — пишет Друскин. — Весной

1917 года, может, и в 1918-м, Алексеев, Введенский и Липавский написали шарж на футуристов, назвав его “Бык буды”; не помню, была и буква “б” во втором слове прописной (тогда, очевидно, имелся в виду Будда) или строчной и одно “д” (возможно, это слово было производным от слова “будетляне” <...>) или два. Шарж был, кажется, дружеским, во всяком случае, уже чувствуется в нем интерес к футуристам — Хлебникову, Бурлюку, Крученых и другим».

В 1921 году трое молодых поэтов вложили свои стихи в конверт и послали А. А. Блоку. Сопроводительное письмо написано рукой Введенского, в качестве обратного указан его адрес — не следует ли из этого, что вся затея принадлежала именно ему? Послание сохранилось в архиве Блока с его пометкой, из которой явствует, что стихи ему не слишком понравились, интереснее других показался Алексеев. Введенского Блок не «распознал». Да и как было распознать поэта в мальчишески-залихватских, неумелых строчках? Имелись, правда, и находки:

У загнанного неба мало
Глядят глаза на нас, когда
Влетают в яркие вокзалы
Глухонемые поезда, —

но они, наверное, слишком пахивали самим Блоком.

После гимназии (ставшей к тому времени «трудовой школой») Введенский поступил в университет на правовое отделение факультета общественных наук, которое не закончил. По некоторым сведениям, он перевелся на китайское отделение восточного факультета, чтобы учиться вместе с Т. А. Мейер (эта женщина, сыгравшая немалую роль в жизни поэта, в 1932 году вышла за Л. Липавского и взяла его фамилию), но вскоре Мейер была «вычищена» из университета, вслед за ней ушел и Введенский. (Правда, никаких подтверждающих эти факты документов не обнаружено — см. у А. Л. Дмитренко в Приложении).

За короткое время молодой поэт приобрел некоторую известность в литературных кругах. Об этом можно судить хотя бы по статье «Футуризм», подписанной инициалами «Г. К.», в журнале «Жизнь искусства» за 1923 год, № 27. Автор статьи (известно, что это Г. Крыжицкий), цитируя строки из не дошедших до нас текстов ни разу не печатавшегося Введенского, пишет: «Это уже “там”, где восприятие мира переродилось, где основной принцип композиции — “игра” или — использование всех видов ассоциаций». Противопоставляя политической ангажированности и социальной задезованности свободное творчество будущего, Г. Крыжицкий ненароком предсказал судьбу наследия поэта: «Футуризм не нуждается ни в “Домах Искус-

ства" <...>, не нуждается он и в политике Наркомпроса, — ибо не боится никаких нэп'ов <...> и живет там, впереди, в будущем; и творит свое свободное искусство. — Какое ему дело до настоящего!» Введенский знакомится с М. Кузминым (который высоко ценил его и неоднократно упоминал в своих дневниках), Н. Клюевым, И. Терентьевым, руководившим в то время отделом фонологии при Гинхуке (Гос. институте художественной культуры, — во главе его стоял К. Малевич); позже — с П. Филоновым и его учениками. Известно, что Введенский и Терентьев читали работавшим при Инхуке художникам заумные «ряды слов» с целью установления некоей связи между текстами и живописью. С 1924 года Введенский — член Союза поэтов.

Обратимся вновь к очерку Я. Друскина «Чинари»:

«В начале января <1924> года начинается моя дружба с Введенским. <...> Возвращаясь с похорон ученицы нашей школы, мы начали разговор, тему которого определить трудно. Я назвал бы это разговором об ощущении и восприятии жизни: не своей или чьей-либо другой, а ощущении и восприятии жизни вообще. В этих вопросах мы сразу же нашли общий язык <...>.

В то время мы жили на Петроградской стороне Ленинграда: Александр Введенский — на Съезжинской, Леонид Липавский — на Гатчинской, а я — между ними, на Большом проспекте, недалеко от Гребецкой (сейчас — Пионерской) улицы. В 1922—1923 годах Введенский почти каждый день приходил ко мне — и мы вместе шли к Липавскому или они оба приходили ко мне <...>. Весной или летом 1925 года Введенский однажды сказал мне: “Молодые поэты приглашают меня прослушать их. Пойдем вместе”. Чтение стихов происходило на Васильевском острове на квартире поэта Евгения Вигилианского. Из всех Введенский выделил Даниила Хармса. Домой мы возвращались уже втроем, с Хармсом. Так он вошел в наше объединение. Неожиданно он оказался настолько близким нам, что ему не надо было перестраиваться, как будто он уже давно был с нами».

Так произошла встреча Введенского с Хармсом — момент, оказавшийся исключительно важным для обоих поэтов. (В записной книжке Хармса за 1925 год находим, среди других адресов, адрес Введенского — с написанием улицы «Съезжинская», видимо, по аналогии с Надеждинской, на которой жил сам Хармс.) Эта встреча положила начало их многолетнему дружескому и творческому союзу. Вначале они назвались «чинарями»:

«Слово “чинарь” придумано Александром Ивановичем Введенским, — пишет Я. Друскин. — Произведено оно, я думаю, от слова “чин”; имеется в виду, конечно, не официальный чин, а духовный ранг. С 1925 до 1926 или 1927 года Введенский подписывал свои стихи: “Чинарь авто-ритет бессмыслицы”, Даниил Иванович Хармс называл себя “чинарем-взиральником”. <...>

В одной из записных книжек Хармс упоминает Леонида Савельевича Липавского как теоретика “чинарей”.

В конце двадцатых годов, когда я прочел Введенскому одну несохранившуюся свою вещь, скорее литературного, нежели философского характера, он причислил или “посвятил” и меня в “чинари”. К “чинарям” принадлежал также и поэт Николай Макарович Олейников».

Вместе с Хармсом Введенский принимал участие в деятельности авангардной литературно-театральной группы, некоторое время менявшей состав и название. Об этом периоде подробнее всего рассказано в воспоминаниях И. В. Бахтерева «Когда мы были молодыми» — в кн. «Воспоминания о Н. Заболоцком», М., 1984; см. также интервью Бахтерева и Г. Н. Кацмана, режиссера одного из предобэриутских объединений — театра «Радикс» — в обоих изданиях двухтомника. В конце 1927 года группа утвердилась в качестве ОБЭРИУ — Объединения реального искусства. Членами ОБЭРИУ — обэриутами — помимо Введенского и Хармса, были К. Вагинов, Н. Заболоцкий, И. Бахтерев, Ю. Владимиров и прозаик Б. Левин; в «киносекцию» группы (была и такая) входили А. Разумовский и К. Минц. Группа была включена в состав творческих секций ленинградского Дома печати (по предложению его директора Н. П. Баскакова), в «Афишах Дома печати» № 2 за 1928 год появилось нечто вроде обэриутского манифеста, где о Введенском говорилось:

«А. Введенский (крайняя левая нашего объединения), разбрасывает предмет на части, но от этого предмет не теряет своей конкретности. Введенский разбрасывает действие на куски, но действие не теряет своей творческой закономерности. Если расшифровать до конца, получается в результате — видимость бессмыслицы. Почему — видимость? Потому что очевидной бессмыслицей будет заумное слово, а его в творчестве Введенского нет. Нужно быть побольше любопытным и не лениться рассмотреть столкновение словесных смыслов. Поэзия не манная каша, которую глотают не жуя и о которой тотчас забывают». (Основным автором первого раздела этого манифеста или ознакомительной статьи — «Поэзия обэриутов», в который входит процитированная характеристика, считают Н. Заболоцкого, так что первую часть манифеста можно найти в собраниях его сочинений.)

Судя по всему, Введенский не играл в ОБЭРИУ никакой организаторской роли — эти функции взял на себя Хармс, как явствует из его записных книжек, — однако участвовал в публичных читках и театрализованных вечерах обэриутов, выступая нередко и в качестве ведущего, правда, в отличие от изобретательно-эксцентричного Хармса — без особого эпатажа, чаще всего в обычном своем черном костюме и белой рубашке с галстуком. Самый громкий, хорошо известный по мемуарам обэриутский вечер под названием «Три левых часа» состоялся 24 января 1928 года в Доме печати на Фонтанке.

В это же время Введенский, Хармс и некоторые другие из обэриутов по предложению С. Я. Маршака начали сотрудничать с детской редакцией ленинградского Госиздата, где с конца 1928 г. стал выходить забавный журнал для школьников «Еж» — «Ежемесячный журнал», а несколько позже — «Чиж» — «Чрезвычайно интересный журнал», для младшего возраста. С тех пор и до конца жизни детская литература стала для Введенского единственным источником средств к существованию: из «взрослых» текстов были напечатаны лишь два небольших стихотворных отрывка в коллективных сборниках Ленинградского отделения Союза поэтов 1926 и 1927 гг. Произведения Введенского для детей пользовались популярностью, несмотря на то, что, как кажется, уступают в изобретательности и непосредственности хармсовским и порой, увы, не свободны от политической конъюнктуры. Кое-что написано явно ради заработка. Но нам ли осуждать поэта? При жизни Введенский выпустил несколько десятков детских книжек (стихи, рассказы, переложения сказок братьев Grimm и др.), и даже после его гибели не проходило, наверное, ни года, чтобы какое-нибудь из издательств нашей большой страны не переиздало хотя бы одной из них.

«Последние левые» довоенного Ленинграда, обэриуты продержались долго. В печати появились резкие отклики на их публичные выступления, комсомольская аудитория которых, судя по этим откликам, была скандализована аполитичностью «непонятных» поэтов. Тогда же прошла «дискуссия о детской литературе», где подверглись жестокой критике К. Чуковский, С. Маршак, другие идеологически невыдержанные писатели, в том числе молодые авторы детской редакции Ленгиза. В конце 1931 года Хармс, Введенский и некоторые другие сотрудники редакции были арестованы. Как пишет в своем предисловии к двухтомнику М. Мейлах: «несмотря на предъявленные им обвинения в контрреволюционной деятельности по 58 статье, шли они по “литературному отделу” ГПУ, и им инкриминировалось, что они отвлекают людей от задач строительства своими “заумными стихами”. <...> По одной из версий причиной ареста Введенского был сказанный им у Е. В. Сафоновой тост за покойного императора Николая Второго. Впрочем, <...> монархизм Введенского был довольно своеобразным, — он говорил, что при наследственной власти у ее кормила случайно может оказаться и порядочный человек». Есть также сведения о том, что поводом для ареста послужило исполнение Введенским на дружеской вечеринке «бывшего гимна». Материалы, непосредственно касающиеся хода следствия, были опубликованы: Октябрь, 1992. № 11; De Visu, 1992. № 0; за подробностями лучше обратиться к материалам Приложения.

Известно, что Введенского взяли в вагоне поезда, едва он успел отойти от вокзала. С отъездом на поезде будут связаны через 10 лет и трагические обстоятельства его второго ареста. Надо сказать, что «отъезд» у Введенского

обычно выступает знаком, «иероглифом» перемещения в иной мир; так, в последнем из сохранившихся текстов «Где. Когда» о человеке, который перед смертью прощается со всем сущим в мире, сказано: «Он, должно быть, вздумал куда-нибудь, когда-нибудь уезжать». (Homo viator — «странником» называет Введенского и Я. Друскин.) Полгода арестованные провели в ДПЗ на Шпалерной, затем были отправлены в недолгую ссылку в Курск, после этого Введенский некоторое время жил в Вологде и Борисоглебске (подробнее об этом — также в материалах Приложения). Не исключено, что вся эта история обязана своим относительно благополучным исходом отцу Хармса, бывшему народовольцу И. П. Ювачеву, ездившему хлопотать за сына в Москву к Н. Н. Морозову, с которым в свое время сидел в крепости.

Вероятно, именно в ссылке Введенский пишет то, что позже было условно названо «Серой тетрадь»: размышления о времени, смерти, последнем смысле слов и предметов. Фрагментарность, незавершенность этих записок, заключенных в невзрачную школьную тетрадь в серой обложке (отсюда и название), нисколько не отменяют того значительного, пожалуй, даже центрального места, которое они занимают у Введенского.

«Все что я здесь пытаюсь написать о Времени, является строго говоря неверным. Причин этому две. 1) всякий человек, который хоть сколько-нибудь не понял время, а только не понявший хотя бы немного понял его, должен перестать понимать и все существующее. 2) Наша человеческая логика, и наш язык не соответствуют времени, ни в каком ни в элементарном ни в сложном его понимании. Наша логика и наш язык скользят по поверхности времени.

Тем не менее, м. б. что-нибудь можно попробовать и написать если и не о времени, не по поводу непонимания времени, то хотя бы попробовать установить те некоторые положения нашего поверхностного ощущения времени, и на основании их нам может стать ясным путь в Смерть, и в сумрак, в Широкое непонимание.

Если мы почувствуем дикое непонимание, то мы будем знать что этому непониманию никто не сможет противопоставить ничего ясного. Горе нам, задумавшимся о времени. Но потом при разрастании этого непонимания тебе и мне станет ясно что нету, ни горя, ни нам, ни задумавшимся, ни времени».

К 1933—1934 гг. относятся «Разговоры» Л. Липавского — фиксация бесед, происходивших в узком кругу (Хармс, Введенский, Друскин, Липавский, Н. Заболоцкий, Н. Олейников, Д. Михайлов в разных сочетаниях), а также путных, весьма интересных мыслей автора (см. Приложение). Записанные Липавским высказывания Введенского близки процитированным отрывкам из «Серой тетради»:

«Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провел как бы поэтическую критику разума — более основа-

тельную, чем та, отвлеченная. Я усумнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием здание. Может быть, плечо надо связывать с четыре. Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал. И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые. Я даже не знаю, должна ли быть одна система связей или их много. И у меня основное ощущение бессвязности мира и раздробленности времени. А так как это противоречит разуму, то значит разум не понимает мира».

«Я читаю Вересаева о Пушкине. Интересно, как противоречивы свидетельские показания даже там, где не может быть места субъективности. Это не случайные ошибки. Сомнительность, неукладываемость в наши логические рамки есть в самой жизни. И мне непонятно, как могли возникнуть фантастические, имеющие точные законы, миры, совсем не похожие на настоящую жизнь. Например, заседание. Или, скажем, роман. В романе описывается жизнь, там будто бы течет время, но оно не имеет ничего общего с настоящим, там нет смены дня и ночи, вспоминают легко чуть ли не всю жизнь, тогда как на самом деле вряд ли можно вспомнить и вчерашний день. Да и всякое вообще описание неверно. «Человек сидит, у него корабль над головой» все же наверное правильнее, чем «человек сидит и читает книгу». Единственный правильный по своему принципу роман, это мой, но он плохо написан». (Роман Введенского «Убийцы вы дураки», к сожалению, так и не был найден.)

Здесь уместно привести запись Я. Друскина:

«Темы двух утерянных вещей В.:

1. Две смерти: человек умирает. Но это первая смерть. Затем наступает вторая смерть.

2. Раз я сказал В.: самый приятный возраст — от 5 до 7 лет. Хорошо, если бы после 7 лет снова наступало 5 лет и т.д. На эту тему В. написал вещь. Только периодическое возвращение назад происходило между 30 и 40 годами. Обе вещи были написаны в начале 30-х годов.

Между 1935 и 1937 годом В. рассказал тему вещи, которой он не написал: человек пишет дневник; время в мире этого человека каждый день идет, как и у нас, вперед, но дни идут назад, так что после сегодняшнего дня наступает вчерашний, позавчерашний и т. д. Дни в дневнике идут назад».

(Получается, таким образом, что Введенский придумал «дискретную контрамоцию», значительно позже описанную Стругацкими в «Понедельнике».)

Одновременно с этой напряженной внутренней работой Введенский продолжает вести тот же, что и до ареста, рассеянный образ жизни, о котором любят вспоминать мемуаристы, противопоставляя его, «игрока и гуляку», сдержанному и сосредоточенному Хармсу. Не без самоиронии пишет об этом Липавский в тех же «Разговорах»:

«А. В. купил пол-литра водки; он отпил половину, так как хотел пойти еще на вечер.

<...> И вот А. В. ушел на другой вечер, все равно, что в другой мир. Я. С. <Друскин> и Л. Л. <т. е. сам Липавский — А. Г.> остались одни.

<...> Неторопливость дает счастье только как пауза. И мне кажется часто, что счастье невозможно без торопливости и суеты, без власти и влечений. И тогда человек, снующий ночью по улице, высматривающий себе на несколько часов проститутку, кажется мне сравнительно счастливым. И кажется мне, такой должна была быть и моя судьба, от которой я неправильно уклонился. Конечно, это отчасти мрачное счастье. Однако А. В., предчувствующий сейчас неожиданности, сидя на диване рядом с малознакомой женщиной, ощущая в желудке водку, смешанную с вином, живет сейчас как игрок, живет интереснее в данный момент и счастливее нас».

В 1934 году Введенский становится членом Союза писателей. Вскоре и он начинает оседлую жизнь: будучи в 1936 году проездом в Харькове (*homo viator!*), знакомится с Г. Б. Викторовой, через некоторое время женится на ней и переезжает в Харьков. В 1937 году у них родился сын Петя. Этот период жизни Введенского подробно и убедительно описан старшим сыном Викторовой, Б. А. Викторовым (см. Приложение).

В конце сентября немцы подступили к Харькову. В силу своей наивности и крайней непрактичности Введенский и его семья вовремя не выехали в эвакуацию вместе с писательским эшелоном. Б. А. Викторов вспоминает:

«На рассвете, все еще спали, — постучали. Мы вскочили. Вошли двое высоких в штатском. Вели себя спокойно, не агрессивно, даже доброжелательно. В доме были Саша, мама, бабушка, четырехлетний Петька и я. Я понимал, что происходит. Впечатление было такое, что их ждали, казалось, к их приходу были готовы. Все были внешне спокойны, чему я, семилетний, был удивлен. Ни во время обыска, ни при прощании не было слез, стояла тишина, все было сосредоточено, никто не разговаривал.

Ясно помню, и это одно из самых ярких впечатлений, что обыск сопровождался вываливанием на пол из ящиков шкафа множества бумаг — разных писем и Сашиных рукописей. Что они забрали, неизвестно. Но не могли же ничего не забрать!

Эти люди закончили обыск, ни слова не говоря, вопросительно посмотрели на Сашу. Мы выстроились в первой комнате возле двери. Саша быстро холодно всех поцеловал. И они вышли.

Мы все бросились во вторую комнату к окну: трое спокойно, не спеша, шли в сторону НКВД, до него рукой подать, метров сто.

Сохранилась записка Александра Ивановича из заключения, написанная тупым карандашом:

“Милые, дорогие, любимые.

Сегодня нас уведят из города.

Люблю всех и крепко целую. Надеюсь, что все будет хорошо, и мы скоро увидимся. Целую всех крепко, крепко, а особенно Галочку и Петеньку.

Не забывайте меня.

Саша”».

В 1995 году соответствующие органы г. Казани открыли рукописный Акт о смерти, составленный 19 декабря 1941 года. Акт подписан начальником конвоя, комиссаром конвоя и врачом эшелона. В акте сказано, что Александр Иванович Введенский умер в пути следования 19 декабря 1941 года от экссудативного плеврита. Так что действительная дата смерти Введенского именно такова, а не 20 декабря, как считается в официальных документах.

* * *

Приступая к чтению стихов Введенского, нельзя не подивиться бедности его языка в том, что касается специально поэтических средств. Не случайно в уста одного из условных персонажей «Некоторого количества разговоров» вложена реплика: «Уважай бедность языка». Не хочется говорить: «бедность поэтического языка», так как в этом был бы слишком определенный терминологический оттенок. Никаких изысков в размерах и рифмах: почти везде — четырехстопные хорей и ямбы, иногда раешник, с перекрестной или парной несложной рифмовкой. Ни специальных аллитераций и ассонансов, ни игр со звуком. Сравнения и уподобления выглядят пародией на соответствующие приемы, настолько они случайны, алогичны («окрестный воздух был жуком», «письменный как Иван да Марья стол»). Далекий Введенский, однако, и от царственной бедности, выверенной простоты, происходящей от осознания исчерпанности традиционных средств поэтической выразительности (как, например, у Георгия Иванова). Простота Введенского — запыхавшаяся скороговорка ребенка, влетающего в избу со страшной вестью: «тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!». Тут не до подробностей.

Иногда создается ощущение, будто Введенский писал под диктовку. Черновики его разительно отличаются от черновики Хармса, чьи рукописи, часто черные от исправлений, являют собой картину кровопролитной борьбы двух противоположных начал: тяги к автоматическому письму и критического отношения к собственному тексту. В сохранившихся черновиках Введенского (их не так уж много) исправлений почти нет, наибольшее количество подряд зачеркнутых строк — четыре, и это редкость. (Как будто — на скорости, с разгону свернул не туда, сразу дал задний ход и помчался дальше.) Как в «Зеркале и музыканте»:

по земле едва шагаю
за собой не успеваю
а они вдруг понеслись
мысли — я сказал — вы — рысь!

В связи с этим интересна характерная ненормативная пунктуация, например, строчная буква после точки: задумался на минуту, поставил точку; мысль заработала дальше, и зачеркивать точку уже некогда. (Пунктуация такого типа дает представление о ходе творческой мысли поэта, тем более, что зачастую ненормативные знаки препинания сохраняются и в авторизованной машинописи; эту пунктуацию старались сохранять при переписке текстов Введенского его друзья и знакомые: Хармс, Друскин, В. Н. Петров, художники В. В. Стерлигов и Т. Н. Глебова.) По воспоминаниям близких, он так и писал — запоем, запираясь в комнате и не выходя оттуда, пока не закончит стихотворение.

Выше не хотелось говорить о «бедности поэтического языка» Введенского, потому что у этого языка есть свое, специфическое богатство. Правда, на сторонний взгляд оно может показаться шутовским богатством, богатством понарошку, свалкой случайных вещей. Вообще роль случайности у обэриутов огромна. В связи с этим стоит вспомнить слова Ю. Н. Тынянова из его статьи «О Хлебникове», где говорится о новой морали этого великого учителя и предтечи обэриутов — новой морали в отношении к словесной случайности, «морали внимания и небоязни», порождающей новое поэтическое качество. В те годы многие, особенно на Западе, увлекались автоматическим письмом. Автоматическое письмо — это не так просто, как кажется: оно требует доверия к собственному внутреннему голосу, умения зафиксировать его честно, не приукрашивая, без особых потерь и искажений; а главное — требует значительности того, что стоит за этим внутренним голосом, от имени чего он говорит. Если это третье, главное условие не соблюдается, то результат даже самого расторможенного и аутентичного автоматического письма будет интересен разве что психиатру.

В стихах Введенского освобожденная случайность словесных смыслов преобразуется, переорганизуется по открываемым ею же самой новым и древним законам. С начала 20-х годов Введенского явно интересует автоматическое письмо. Наиболее ранние из сохранившихся его опытов в этом роде еще несут на себе отпечаток влияния футуристов, в частности, И. Терентьева. К 1925 году, с преодолением этих влияний и становлением собственной поэтической системы, сквозь хаос «бессмысленных» случайностей начинает проступать единственная и главная, бесконечно значительная тема: Время, Смерть, Бог. Так, например, в распадающемся на «кирпичики» стихотворении «Галушка» большин-

ство «кирпичиков» являет собой разнообразные фигуры сна-смерти: «нукдох нукдох за ящики / стремятся трупы падчериц», «жена моя звезда / рыдая умерла», «и зыбко зыбко мертвый дух / склонился на ошей / НИК». Уже пришлось писать о том, как постепенно в случайных столкновениях словесных смыслов выделяются у Введенского опорные слова со сквозным увеличенным, повышенным значением, сверхзначением — слова-символы, слова-знаки. Удобен термин «иероглиф», к происхождению которого лучше всего привести цитату из исследования Я. Друскина «Звезда бессмыслицы»:

«Л. Липавский ввел термин для того, чего нельзя услышать ушами, увидеть глазами, понять умом: и е р о г л и ф. Иероглиф — некоторое материальное явление, которое я непосредственно ощущаю, чувствую, воспринимаю, и которое говорит мне больше того, что им непосредственно выражается, как материальным явлением.

Иероглиф двузначен, он имеет собственное и несобственное значение. Собственное значение иероглифа — его определение как материального явления — физического, биологического, физиологического, психофизиологического. Его несобственное значение не может быть определено точно и однозначно, его можно передать метафорически, поэтически, иногда соединением логически несовместимых понятий, то есть антиномией, противоречием, бессмыслицей.

Иероглиф можно понимать как обращенную ко мне непрямую или косвенную речь нематериального, то есть духовного или сверхчувственного, через материальное или чувственное.

Некоторые примеры иероглифов, которые приводил Л. Липавский:

Листопад: его собственное значение биологическое; несобственное — ощущения-чувства-мысли, вызываемые в нас этим биологическим явлением, когда мы его наблюдаем: жизнь — смерть — рождение новой жизни (осенний листопад неявно предполагает возрождение дерева весной), смена человеческих поколений, исторические периоды и круговороты.

Огонь, сидение перед камином, ощущение — видение — наблюдение огня.

Этот иероглиф, как и с в е т (в оппозиции: свет — тьма), по-видимому, принадлежит к вечным иероглифам. Его несобственное значение очень многообразно. Многообразие и многозначность вообще характерны для иероглифов <...>

Для Л. Липавского вода была иероглифом, одна из его вещей называется «Трактат о воде» <...>

Примеры, которые приводил Л. Липавский из искусства: Въезд Чичикова в город в начале «Мертвых душ» именно, как определенное материальное явление, как «въезд в город», или «въезд в новый город» или «первый въезд в город» — иероглиф <...>

Дорога. Фильм Чаплина «Пилигрим» кончается дорогой, уходящей в даль, по которой нетвердой походкой направляется герой фильма неизвестно куда.

Термин и е р о г л и ф оказался полезным для анализа вещей Введенского».

Сам Липавский говорит: «Слова обозначают основное — стихи; лишь потом они становятся названиями предметов, действий и свойств. <...> Я хотел бы составить колоду иероглифов, наподобие колоды карт». В другом месте «Разговоров» он горюет о «крушении Словаря»; из контекста ясно, что Друскин, Введенский, Олейников должны были вместе с ним принять участие в составлении этого Словаря, но по разным причинам не смогли или не захотели. Уж не словарь ли «иероглифов» собирались они составлять?

Задолго до знакомства с полным текстом «Разговоров» мне показалось необходимым составить словарь языка Введенского, но не такой исчерпывающий, как у Т. Липавской, а небольшой, в который вошли бы только наиболее значимые «иероглифы». Получилось, видимо, нечто вроде той «колоды иероглифов», о которой говорил Л. Липавский, с примерами из Введенского. В этом словарики было около 100 единиц (отдельных слов или семантических гнезд), к каждой выписаны все контексты, в которых употребляется у Введенского данное слово или каждое из группы слов, объединенных общей семантикой (например, в единицу «огонь» входят слова: «гореть», «пламя», «пожар» и т.п.; в единицу «река» — «поток», «ручей», различные гидронимы и др.), и на основе сопоставления этих контекстов устанавливается приблизительное значение. Работа оказалась трудоемкой, но полезной и позволила сделать несколько важных наблюдений.

Во-первых, выяснилось, что частотность употребления — далеко не главный критерий «иероглифичности» слова, гораздо более верным критерием является употребление слова в алогичных контекстах. Так, например, частые у Введенского слова «звезда», «небо», «цветок» обладают слабым, размытым «несобственным» значением, а такие сравнительно редкие, как «фрак» или «тарелка» — сильным. Алогичность как основной критерий — этим лишний раз подчеркивается отличие «иероглифа» от поэтического иносказания, аллегии, символа. Об этом пишет в «Звезде бессмыслицы» Я. Друскин: там между знаком и обозначаемым — отношения подобия, призванного показать нечто читателю, дать ему что-то понять, натолкнуть его на некую мысль. Тут — отношения алогичного тождества, происходящие от собственного Широкого непонимания, о котором говорится в «Серой тетради».

Во-вторых, большинство «иероглифов» обнаруживают связь с традиционными мифопоэтическими образами, т.е. обладают архетипической природой, что неудивительно, если учесть изначальную установку автора на высвобождение подсознательных ассоциаций. (Здесь возникает интересный

вопрос: до какой степени осознавал сам Введенский значения собственных «иероглифов» и их близость мифопоэтическим образам?).

В-третьих, оказывается, что все «иероглифы» так или иначе связаны со смертью, они — маски или псевдонимы смерти, в чистом виде невыносимой, слишком алогичной (см. первое наблюдение) для смертного сознания. И когда осознаешь это, вся пестрая многоголосоица стихов Введенского сливается в один одинокий голос, с монотонностью и внушительностью колокола говорящий все об одном, все о том же самом:

«Мне немоготу. Кому? мне. Что? немоготу. Я один как свеча. Я семь минут пятого один 8 минут пятого, как девять минут пятого свеча 10 минут пятого. Мгновенья как не бывало. Четырех часов тоже. Окна тоже. Но все то же самое».

«Время единственное что вне нас не существует. Оно поглощает все существующее вне нас. Наступает ночь ума. Время всходит над нами как звезда. Закинем свои мысленные головы, то есть умы. Глядите оно стало видимым. Оно всходит над нами как ноль. Оно все превращает в ноль. ([Последняя надежда — Христос воскрес.])

Христос Воскрес — последняя надежда («Серая тетрадь»).

Не случайно один из говорящих в «Серой тетради» именуется Колоколов, и там же колоколами названы звери, бабочки, муравьи.

Как же действует на практике эта система «иероглифов»? Вот один из бесчисленных примеров:

Тут раскаленные столы
стоят как вечные котлы
(«Кругом возможно Бог»)

Сравнение столов с котлами — алогизм, бессмыслица. «Раскаленный» — слово из семантического гнезда «огня», имеющего отношение к представлениям об адском пламени. «Стол» — так же, как «свеча», «венчик» и др. — из числа предметных знаков земной смерти: гроб на столе, вероятно, был одним из очень сильных детских впечатлений будущего поэта. Ср. далее там же: «Лежит в столовой на столе труп мира в виде крем-брюле». «Котлы» — традиционный атрибут преисподней (и бани, ее маскарадного субститута — ср. «Разговор купцов с банщиком» из «Некоторого количества разговоров»), прямо связанный со словом «раскаленные». Почему «вечные», таким образом, тоже вполне ясно. А все вместе — эпизод всеобщего пожара, эсхатологического события, «тема» которого — «Бог посетивший предметы» в финале мистерии «Кругом возможно Бог».

В другом месте слово «котлы» служит мостиком между темой плотской любви и темой смерти:

а ты красива и светла,
и грудь твоя как два котла,
возможно что мы черти.
(«Куприянов и Наташа»)

Обычное, хотя и «грубоватое» сравнение переключается в нечто inferнальное, а там уже рукой подать до строки «Неужели время сильнее смерти», с которой рифмуется повторяющаяся строка «возможно что мы черти» в заключительном монологе Куприянова. Аналогичный прием (если вообще слово «прием» применимо к текстам Введенского) можно усмотреть в таком диалоге из «Кругом возможно Бог»:

— Нина Картиновна, что это ртуть?
— Нет, это моя грудь.
— Скажите, прямо как вата,
вы пушка.

Ртуть — смертельный яд, пушка — смертоносное орудие. Третье уподобление — вата — казалось бы, вполне мирно, т.е. принадлежит миру сему. Ан нет: другие контексты употребления Введенским этого слова раскрывают его как предметную характеристику сонного, больного или мертвого тела: «ты бы опочил в ватных штанишках» («Минин и Пожарский»), «он стал валяться на кровати / воображать что он на вате» («Больной который стал волной») и т.п. С этим значением «ваты» связано и значение корня «пух», клонящегося к физиологии «распухания»; вот еще одна мотивировка уподобления «вы пушка» (видимо, в некоторой связи с этим значением стоит даже неоднократно упоминающаяся у Введенского фамилия Пушкина). Таким образом квазиротический диалог становится предупреждением о том, что на следующей странице произойдет дуэль и убийство, так оно и происходит.

Обрываю цепочку цитат: как видим, каждое слово цепляется невидимыми крючками за ткань соседних стихотворений, «иероглифы» раскрывают и объясняют друг друга, текст «решается», как уравнение со многими неизвестными.

Далее позволю себе процитировать, с незначительной правкой, собственный доклад на конференции «ОБЭРИУ в Эрмитаже» (май 1990):

«Насколько же осознаны поэтом все эти «иероглифы»? Это, пожалуй, главный вопрос. Очевидно, в ранний период Введенский еще не осознавал их как таковые, они существовали у него на подсознательном уровне. Позже благодаря неподдельности, аутентичности фиксации потоков сознания, искренности в общении с самим собой опорные слова могли выделить-

ся в наиболее чистой форме. 1929—1930 гг. — рубеж, на котором происходит осознание и выделение опорных слов. В таких вещах, как «Битва», «Значенье моря» и «Кончина моря», «Две птички, горе, лев и ночь», — мы находим попытки саморасшифровок отдельных «иероглифов». Позднее, как кажется, происходит своего рода кризис такого способа выражения. Карусель взаимного называния, правильность которого невозможно доказать или проверить — стихотворение «Сутки»:

ВОПРОС. Но кто ты ласточка небес
ты зверь или ты лес
НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ ОТВЕТ ЛАСТОЧКИ. Я часовщик.
<...>
Похож ли ветер на цветки
на маргаритки и тюльпаны
<...>
Похож ли ветер на скамью?
<...>
Не есть ли море лучший мир.
Не есть ли море лучший мир.
<...>
Снег был зимой числом.
<...>
Похож ли лес на ночь.
Деревья есть частица ночи
дубы есть звезды птицы влага
листья ответ.

В этом стихотворении — знаменательные строки, отмечающие возможность каких бы то ни было сравнений и уподоблений: «Стал небосклон пустым и чистым / как небосвод».

Поздние вещи Введенского написаны как бы просто. Как бы, потому что неадекватность слов-иероглифов не исчезает, она становится привычной, по мере того как крепнет тема смерти. И вот появляется последний из известных нам текстов, некоторым образом пророческий, — «Где. Когда». Поэт перед смертью как бы прозревает и видит явления предметного мира такими, какими они были все это время. И вдруг оказывается, что он раньше не видел их, а видел в каждом из них лишь очередной образ смерти. А на самом деле они другие, они живые, настоящие. «Имело ли море слабый вид орла? Нет оно его не имело». И человек горько раскаивается и просит прощения у предметов мира, которых он при жизни не разглядел. И в этот самый

миг прозрения, в тот самый смертный час, который Введенский считал единственным по-настоящему существующим часом в жизни человека («Серая тетрадь») — в этот единственный час Смерть выходит из предметов, оставляет, освобождает их. Выходит из предметов и входит в человека. И он наконец умирает по-настоящему».

* * *

При подготовке этого предисловия к печати пришлось подробно перечитать его еще раз. И вот что оказалось: здесь ни слова нет о собственно смешном (отличию термина «смешное» от общепринятого «комическое» была посвящена вся первая теоретическая, как положено, глава моей пресловутой диссертации «Проблема смешного в творчестве обэриутов» (1986)). А напрасно, потому что смешное — основа, на которой стоит весь Введенский. И в диссертации об этом много чего говорилось. А потом, видимо, как-то утопталось в само собой разумеющееся.

Прочитав вышеизложенное, можно подумать, что Введенский какой-то невероятно мрачный. Вовсе он не мрачный. И смешны его тексты не по ошибке и не потому, что все алогичное кажется смешным обыденному сознанию, а по причине породившей их Божественной Иронии, перед лицом которой все эти костяки-червяки, фраки-мраки, свечи-печки-речки, попытки языка что бы то ни было назвать, срифмовать, понять и объяснить — смех один, потеха для ворон. Продолжать излишне, пусть Введенский сам, у него лучше получится.

И последнее. Называя книгу «Всё», я не претендую ни на исчерпывающую полноту, ни на то, чтобы закрыть тему. Скорее это факт моей биографии. Я влюбилась в этого автора в 1981-м году, когда к нам попала полуслепая копия ардисовского издания, третий или четвертый ксерокс. Я и в аспирантуру-то пошла единственно из хулиганского желания написать «диссертацию о Введенском». Я начала работать над этим сборником в начале девяностых — и оставила почти готовую машинопись в столе, узнав о переиздании двухтомника. С 1995 года я не занимаюсь филологией и не собиралась к ней возвращаться. Но когда прошлой весной на меня свалилась необходимость и возможность вернуться, чтобы доделать вот эту одну вещь, отказать было немислимо. Ну, а теперь-то уж, надеюсь, всё.

*А. Герасимова
1992—2010*

Bcë

1

И я в моем теплом теле
Лелеял глухую лень,
Сонно звенят недели
Вечность проходит в тень.
Месяца лысое темя
Прикрыто дымным плащом,
Музыкой сонного времени
Мой увенчаю дом.
Ухо улицы глухо,
Кружится карусель.
Звезды злые старухи
Качают дней колыбель.

Май 1920

2

(отрывок из поэмы)

На Набережной болтаются
Дома у самой реки.

Безкосые китайцы
Ждут звездной руки.
А каменные солдаты
Мечтающие о хлебе
Проваливаются в квадраты
Просверленные на небе.
Внимания не обращая
Ни на Великого ни на Петра
Дряхлым шагам внимая
Заря поет до утра.
Земля еще дышит
Красными <шестами> мятежей
Шаги прозвучат еще тише
По дорогам соседних аллей.

Август 1920

3

СТИХИ ИЗ ЦИКЛА «ДИВЕРТИСМЕНТ»

1.

Играет на корнете-а-пистоне,
Мой друг, мой верный друг.
На голубом балконе
Из длинных синих рук.
 Мое подымет платье
 Веселый ветерок,
 Играя на закате
 В краснеющий рожок.
Я прохожу по улице
В юбке до колен;
Становишься распутницей:
Так много перемен.
 Я в лавке продовольственной
 В очередях стою.
 Все помню с удовольствием
 Последнее люблю!

И плачу долгим вечером,
И думаю о нем,
Что ж — делать больше нечего
Вздыхаю пред огнем.

2.

Та-ра-ра-бумбия
Сажу на тумбе я.
 Простерты руки
 К скучной скуке.
Рука простертая
Ласкает звездочки,
А солнце мертвое
Лежит на жердочке
 У нее узкая талия
 В руках белое полотенце;
 Мои глаза в Австралии
 Темнее тамошних туземцев.
Та-ра-ра-бумбия
Сажу на тумбе я.

3.

Ночь каменеет на мосту,
Холодный снег и сух и прост
Послушайте трактир мой пуст,
Где звезды лошадиный хвост.
 У загнанного неба мало
 Глядят глаза на нас, когда
 Влетают в яркие вокзалы
 Глухонемые поезда;
 Где до утра
 Ревут кондуктора.
А ночь горбатая взрастает до зари,
И хмуро жмурятся от снега фонари
 Одень меха!
 По улицам пройдишь!

Она тиха
Воров безумных летопись.
Черный Гарри крался по лестнице
Держа в руке фонарь и отмычки;
А уличные прелестницы
Гостей ласкали по привычке.
Черной ночью сладок мрак
Для проделок вора.
Трусит лишь один дурак
В серых корридорах.
О пустынный кабинет,
Электрический фонарик!
Чуть скрипит сухой паркет, -
Осторожен тихий Гарри
А в трактире осталась та,
Ради которой он у цели.
О, красавица твои уста
И они участвуют в деле!
Вот уж близок темный шкаф
С милыми деньгами.
Но предстал нежданно граф
С грозными усами.
И моментально в белый лоб
Вцепилась пуля револьвера.
Его сложила в нищий гроб
Не сифилис и не холера.
Не пойте черноглазых од
Над жертвою слепого рока.
Пусть месяц скорбный идиот
Целует руки у востока.

4.

Рвется ночью ветер в окна,
Отвори-ка! отвори!
Я задумалась глубоко
Но ждала вас до зари.
Я любила вас, не зная,
На четвертом этаже.

Все по комнатам гуляю
Одиноко в неглиже.
Ах зачем же тихо стонет
Зимний день на рождество.
Вы сдуваете с ладоней
Пепел сердца моего.
Пусть мои закрыты двери,
Под глазами синева.
Разболелась от потери,
Закружилась голова.

5.

«В ночных шикарных ресторанах».
Из соврем. романа.
Аргентинское танго.

В ресторанах злых и сонных
Шикарный вечер догорал.
В глазах давно опустошенных
Сверкал недопитый бокал,
А на эстраде утомленной,
Кружась над черною ногой,
Был бой зрачков в нее влюбленных,
Влюбленных в тихое танго.
И извиваясь телом голубым,
Она танцует полупьяная,
(Скрипач и плач трубы)
Забавно-ресторанная.
Пьянеет музыка печальных скрипок,
Мерцанье ламп надменно и легко.
И подают сверкающий напиток
Нежнейших ног, обтянутых в трико.
Но лживых песен танец весел,
Уж не подняться с пышных кресел,
Пролив слезу.
Мы вечера плетем, как банты,
Где сладострастно дремлют франты,
В ночную синюю косу.

Кто в свирель кафешантанную
Зимним вечером поет:
Об убийстве в ресторане
На краснеющем диване,
Где темнеет глаз кружок.
К ней, танцующей в тумане,
Он придет — ревнивый Джо.
Он пронзит ее кинжалом,
Платье тонкое распорет;
На лице своем усталом
Нарисует страсть и горе.
Танцовщица умершими руками
Лежит под красным светом фонаря.
А он по-прежнему гуляет вечерами,
И с ним идет свинцовая заря.

1920 г.

Ноябрь—декабрь

4

В ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ

10 стихов

александравведенского

I

Ленинградскому отделению
ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА П О Э Т О В

а вам вам ТАРАКАНАМ
кричу с БАЛКОНА ТЕПЕРЬ
что иным детям безрассудно
то вам КАСПИЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ

ЧЕРТИ

II

три угла четыре колокольни
три боба нестругана доска
стало сердцеОТ ВЧЕРАШНЕЙ БРАНИ
отчего нестругана доска
оттого что сгнила

III

ТАТАРИН МОЙ татарин
у тебя хорошие усы
ТЫ СЛАВНО ЗАБИВАЕШЬ ГВОЗДИ
прекрасный ты столяр
ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК ТАТАРИН

IV

ны моя ны
моя маленькая грязная ны
моя нечистоплотная ны
моя милая хорошая ны
КРЕПКАЯ КАК ОРЕШЕК
моя добрая старушка ны
славная обкуренная трубка
А КОГДА КУПИЛ НЕ ПОМНЮ

V

шопышин А шопышин А шопышин А шопышин а
мост поперечен крыло поломали стало как в бочке стало сельдь
была голова круглой хвост был длинный глаза два гривенника
агарусный ШАРФ
ты отчего ржавая
отчего на простынях
отчего при лампочке
УшЕЛОГая

Вспыхнул керосин и потух полосы ночные пошли и выглянув
из-за лампы пуп и застыл
Плесневая струйка ползет в ней царствует безИН в узком платье
Струйка тир-тир-тир ляски это не отверстие мячик гриб в углу
а над грибом одна звездочка и страшно высоко как пустошь
написано было ФАТА УГЛЕКОП ОЛИФА СЕЛЕДКА

VI

Нас немного карликов
мы глухие жолобы
аседло у нас
будапешт туркестан суламифь конь
есть одНИ большие звезды
и одни большие лица
как коричневая пакля
выкрашенные потому в цвет
все деревья в кушаках
ЭНЬЗЯ БЕНЬЗЯ и фаддей
старенькая наша дедушка
изба какаязвонКая НИЗка
в самом темном зеркале
рожа мухомориная
стала на пятки
железные лапки
бьет барабан
верблюжьем мясом
СМЕРТЯЧКА В БАНКЕ

№ VII

ВОКЗАЛЫ ЧЕРНЫЕ ВОКЗАЛЫ
Гнедые смутные вокзалы
коней пустынных позабудешь
зачем с тропинки не уходишь
когда дороги побегут
тяжелых песен плавный жар

шумят просторы черной ночи
летят сухие сны костылик
от черных листьев потемнели
и рукомойники и паства
певцы пустыни отчего замолкли
испорчен плащ печальна ночь у печи
у печки чтож не у широких рощ
 не у широких рощ
глаза твои желты и дом твой бос
 но не на сердце скал
не на огромных скал
певец пузатый прячет флейту
спокойствие вождя температур

VIII.

Вы были родом из Персии
не все Исидоры кусы не все леса но ВСЕ
геометры он знает вы все театралы. Нет не
театралы мы мы все нищие духом мы все
мошенники голенькие и из другой земли и у
нас чолы есть потому в пробках
Из зеркальных кустарников бутоны мед
и столбы летели из широких штор
а улыбка их была не понятна

IX.

пустынник дверцу отворил
ее войти он пригласил
светила тусклая звезда
и лампочку жестяную зажег
стояло колесо большое
и деревянная большая дверь
закрыла дождь и ночь
и стало как пустое о
толстая шершавая скамейка
твой платок стоит теплый

стены были в голых бревнах
 твоя теплая нога

она босая как богиня
 горячая как уют
 прелая потная башня
 падать начнет с мохом
 здесь не будет ни одного странника

не будет ни одного комода
 они из пены как венера
 и зачем им быть
 а твоя стеклянная копилка
 все равно на слом пошла
 вот сидел и щупал пальцы

щупал пальцы керосин ревел
 где орлы тяжелые ворота
 необозримые ночные пряжи
 все только мельницы
 да снова мельницы
 из кусочков бархата и кожи
 холод лег на почтовый ящик

и глаза отчаянные страстные как кожа
 уток УТОК стонет тесная нищенка
У пасмурных больших колыбелей ноготками.

5

Было дело под Полтавой
нет не дело а медаль
мы дрались тогда со шведкой
чуть что вправо мы налево
тсс видим побежала
юбку синюю порвала
я кричу остановись
чуть что вправо мы налево
за сосною под Полтавой

голенький сидит Мазепа
говорит был бы Федором
было б веселей
тут все войско мое
зарыдает навзрыд
закричит заговорит
вот несчастный какой
с той поры здесь и трактир

<1925>

6

ПАРША НА ОТМЕЛИ

ветер был сильный и раздул огонь. Огонь начал
лизать<ь>ся и причмокивать и морщась торопливо
обхватывать дровяной склад. Ветер ветер
закричали жалобно дрова. Огонь огонь
запищали доски. Ты, ломаешь нам тазобедренные
суставы сказали дрова и и коленные чашечки
ДОБавили доски. Но огонь долизывая склад
говорил. Не могу-с не хочу-с у меня жена
РОДИЛА ей щипцы накладывали.
ДВА фонаря стоят доска досочка дощечка дошка дощечкаА дошка
дашка доска досчепчик досочек

ЧТО ЕСТЬ ДРОВА КОТОРЫЕ ГОРЯТ
ТАКУШТО как ШИНКИЛЬ
в карнафейку «ЕСТЬ ЗОЛОТОБОРОДЫЕ ПУПСЫ» в карнафейку
есть хитрые дома и шинкари забуженные в старых лесах
потому что для них кистень с надписью А есть слишком долгая
тюремная подпись ВОДЯная волна приК.С.
семечки емей ей е АТТОТТЫ емечки и е ай и ячики и а ы-ы-ы <нрзб>
лента лента лентатя НАСЕКОМОЕ летит насекомое КУВЫРКАЕТСЯ зядА
ГАННА твоя корзинка полна
песочными сугробами

полна широких сковородок
хвостах полнели нелли по КАРМНАМ

З Д Е С Ь С Т О Н У Т З Я Б Л И К И

каста каста каста каста

ЗДЕСЬ ПЛАЧУТ КУРОЧКИ

а Х я на вытянутых вам руках несу вам плод махнатой стрекозЫ
животная царицаКСИРА

ее зовут

КОМАР здесь пеших не подточит

НУИЯМА полная вареников

веселько взмахнулось по водке по воде речной

кусты шеслестелят

супруг с супругоЮ в кроватиИ

она замужем

АОННА вате

здесь дремлет старый рукомойник

сосед по ДАНЕ генерала

и свист идет и дым ползет и струп ф голое зало

ТАМ СТОИТ большая кушетка

А на ней сладко спит ЗАДОПУЗ

Шида Шида дикий голос ХРОМОЙ нос

как много свистков как много неуклюжих ЗАДНИЦ

ПУСТЕКИ пустеки как много пувуноф плывет

смотрите по тем стенам

ОНИ все РАБЫКА восах оеных

УЖЕ темнеет что вы пристааете ко мне с вашими нелепыми

предложениями гнусными как пятикопеечная марка клеенная

под ситцевыми занавесками, сеенная на звонках

в П О С Л Е О Б ед

НЕ БЕДА лебеда что ты поперхнулась

плохо что ты оттататакнулась

три воробья сидели на ветке и клевали ЖИЖИЦУ

братцы сказал один воробей полетим кодным

пекарням, где сегодня ПЕКУТ много ситного

чем тут клевать собственную ЖИЖицу. Два воро-

бья одного звали Федором другого арбузом по-
чесались и сев на лампу сказали что они это
видели и знать ничего не хотят. треТий ЖЕ
полетел и наевшись досыта вернулся и стал
смеяться над своими товарищами
А они наХоХлившись УЛЕТЕли в

Т И Б Е Т

ИКРАЙБЕЛЫ

ХНОК

19 ФЕВРАЛ

<1921—1923>

7

ГАЛУШКА

Л. Липавскому

Да Бог с ним Бог с ним кралинька
чего поешь ты маленька
чего ты плачешь фетинька
коль наступило летинька
нукдох нукдох за ящики
стремятся трупы падчериц
дрожит очей молчание
петруша досвидание
артиклъ уский суточный
летит неглупый будочный
я здравствуй плачет весело
на сук жену повесила
жена моя звезда
рыдая умерла
жена моя погасла
печальной каплей масла

кричат певуны птички
мы знаем по привычке
так верно Бог сулил
что я из перца кладбищ
из перца могил
старушка в ванну сядет
чулок развязать
к ней подойдет Евлалия
чтоб петь шептать
я ангел певчий ангел
и крылья есть я тигр
слепил подушки глаз
кадил дымил лик
ладонька спе и спя
свалилась львицей с шей
глуха нема толпа
а кто ее умней
 событий обсуждал
 здесь каждый серик бантик
 ты в баночку плевал раз раз
 КУМА ΘОМА петраА попА
 и стук и он не стал

луна катит волну
седую вдалеке
в знакомую страну
овес летит в песке
не спит последний час
медвежий недотяпа
который бурный спал
славянская ты лапа
и дремлет часовой
на ветке заинздесь
чертями мир оброс
и адский пир везде
далекий чеха склеп
теперь плывет на нас
спасайся Арзамас
 и тверь кричит
 Ахни мандолина

незрим и дом
скрипучий наш орех
везут на смех
С Л Е П У Ю А Р М И Ю

хрипит наш мир
хрипит наш путь итам
и сонный клир
открыл свой рот свой рот свой род
желтый пух
летит из вялых мышей
и зыбко зыбко мертвый дух
склонился на ошей
 ниК
и зыбко руки простирал
куда авсе куда авсе кинжал

смутился пар
проклятая пасха
она нам не нужна
деревянная пробка
но но он сдох
вы знаете он сдох

 кречет кречет
 ратник воли
 ты летящий сквозь юдоли
 раненый пращею
 туман тимпан веспасиан
 рим город гнильною струею
 течет в овин
 не он один
 старец
 пачкающий палец
 пруссия пруссия
 снегов белоруссия

игрушкой прыгнул васисдас
приветствую ребята вас
о чем клест кнут пут
здесь все как пух
и мыла пена дух

звезда сияя вдруг
исчезла
саламна козырей
монах
пробка
лук
семя
вестнику
в течении лета из'яснился
сердце мое зубр арбр урбр
хлрпр крпр рпр
крестьянин креста носитель сп
одеяния нет

Н Е Т.

огл агнь пропё
сой вакх с тирсом
и ветер в степях ой ой
вонючка вонючка лиса
с тревогой гортань с трубой
с тревогой гляжу столбой
ох/вздох упаду
на синюю медь в аду
и воздух остался немым Самум
головы подперев от дум
и птица летит в гантах пев
пех пех пирх пирх пряная
птица та пьяная
о мученье
какая старая
сурво бстро отвечал
неин качал
пыл пол пул
сухо мигнул
в далекий солнечный аул
летит старушка панихида
такая гнида
Архелук
прощальный птоломей утих
проныра сна
изящный колодец

Соленый водопад
Тупо Тупо
Страница трупы
Любо любо
Зуба Зуба
Хаша
халушка
пуд с мячиком.

23 мая 1925

8

ОСТРИЖЕН СКОПОМ РОСТИСЛАВ

Д. ХАРМСУ

Ребенок
что же стих?
нет пасекой икает
может
он помер?
нет ногой болтает
и вид его хмур и лих
он кожи сухари гложет.
но где же
детский врач? —
картуз на голове режет
стоит себе в чадре
пиликает и слезится
в посмертный лазарет
не торопится
а акушерочка??
она
на животе своем рисует имена
что значат ЭТИ ПИСЬМЕНА?
колдовство или гордость
мрачные ухабы
ее седой бахчи

народы
кипятки и бабы
она стремится им рассказать про всякие фуфу апчхи
с обручем
в тазу стоит??
нет она с гнедыми поджАрками
трудится
 косой шевелит
куриной косточкой брату письмо пишет:
ЗДРАВСТВУЙ фрер мой аркаша
онкль
бинокль
это АКУШЕРКИН шаг?
нет это верблюдов гамаша
но где же где же врач
уж отчаянный Мстислав
трава растет он держит кинжал
не говорит лишних слов.
так вот ему повелось
на охоту попасть
он на штык зевнул
сидит комар родной в лузе
 он их власть?--??
нет он лишь зулейка
 ты монах ты монах
 честный проповедник
 прискакали на одной ноге бояре в землю ханаанскую
 там петр великий и онан чашки куют
 кто ты последний
 солдат рыжий Егузов
 без подкладок ротных песен
он умирает без усов
 конец его тесен?
 нет конец его смраден и гадок
 как навоз лошадок
 у него морда чистая?
 мох и ботичелли
Чиновники пришли
к субботе их пришили
они играют на лире

они они хают наш
нашу новую сумрачность
они они порхают
нет это снег на росу начал нос пускать
чего же наудил? —
ерши да дули
велик ли улов? — —
СЮРГУЧ и воля
к падучей иду ли
жадно иволга кричит
врач сипит
акушерочка сестра
спит голубо-шерстяно-глазая
под жестом топора
почему это не Азия?
так здесь же святой тропарь
Армия ворон
прилетела на бронислава
они чинят башмак
шьют портки
завязывают часы
сидел грозный сыч
снял капор
кивал ли он на врагов?
свистит шарабан
в нем племянница
пасхальным яйцом тянется
в богатырские очки
язык вложит?
кто ее жито
разложил на пахабных стенках
никто никто в жизни
она сама венка.
сановники А Д Ж У Р А Й Т И С???!
нет они иконописные мастера Японии.
в Агонии коля
сусликом лежит судача от боли
припадаю на один глаз
умираю на один ус
плывет на меня игла

кораблем су башмаком су
число 87 спина
унесла меня семья
говорит на спи
стало все зачаточным
и воздух сгнил
мертвый тапир;

13 февраля 1926

9

ВОСПИТАНИЕ ДУШИ

Л. Липавскому

Мы взошли на, Боже,
этот тихий мост
где сиянье любим
православных мест
и озираем озираем
кругом идущий забор

залаяла собачка
в кафтане и в чехле
ее все бабкою зовут
и жизненным бочком
ну чтобы ей дряхлеть

снимает жирны сапоги
елки желтые растут
расцветают и расцветают
все смеются погиб
вот уж лет

бросают шапки тут
здесь повара сидят в седле
и музыка играла
и увлеченно все болтали

вольно французскому коту
не наш ли это лагерь
цыганЕ гоготали
а фрачница легла
патронами сидят
им словно кум кричит макар
а он ей говорит
и в можжевеловый карман
обратный бой кладет

меж тем на снег садится
куда же тут бежать
но русские стреляют
фролов егор свисток
альфред кровать листают

М О Н А Х И Э Т О есть пушечна́ тяжба
зачем же вам бежать

молочных молний осязуем
гром пустяком трясет
пускаючи слезу
и мужиком горюет
вот это непременно

но в ту же осень провожает горсточку
их было восемьдесят лет с петром
кружит волгу ласточку
лилейный патрон
сосет лебяжью косточку
на мутной тропинке
встречает ясных ангелов
и молча спит болото

салятся на приступку
порхая семеро вдвоем

и видят. финкель
окрест лежит орлом

о чем ты кормишь плотно
сидятся на весы
он качается он качается

пред галантною толпою
в которой публика часы
и все мечтали
перед этими людьми
она на почки падает
никто ничего не сознает
стремится Бога умолить
а дождик льет и льет

и стенку это радует

тогда французские чины
выходят из столовой
давайте братцы начинать
молвил пение головой
и вышиб дверь плечом
на мелочь все садятся
и тыкнулись ногой в штыки
сичу кудрявый хвост горжусь
о чем же плачешь ты

их девушка была брюхата
пятнашкой бреются они
и шепчет душкой оближусь
и в револьвер стреляет
и все страна теперь богата

но выходил из чрева сын
и ручкой бил в свое решето
тогда щекотал часы
и молча гаркнул: на здоровье!
стали прочие вестись
кого они желали снять

печонка лопнула. смеются
и все таки теснятся

грemia двоюродным рыдают
тогда привстанет царь немецкий

дотоль гуляющий под веткой
поднявши нож великосветский
его обратно вложит ваткой

но будет это время — печь
температурка и клистирь

французская царица стала петь
обводит все двояким взглядом
голландцы дремлют молодцы
вялый памятник влекомый
летал двоякий насекомый
очки сгустились затрещали
ладошками уж повращали
пора и спать ложиться

и все опять садятся.

ОРЛАМИ РАССУЖДАЮТ
и думают что нету их
васильев так вот и затих

27 октября <1926>

10

НАЧАЛО ПОЭМЫ

верьте верьте
ватошной смерти
верьте папским парусам
дни и ночи
холод пастбищ
голос шашек
птичий срам
ходит в гости тьма коленей

летний штык тягучий ад
гром гляди каспийский пашет
хоры резвые
посмешищ
небо грозное кидает
взоры птичьи на Кронштадт
гордой дудкой мчатся волны
мел играет мертвой стенкой
в даль кидает как водичку
спит пунцовая соломка
на спине сверкает «три»
полк английский ерусланский
шепчет важное ура
торг ведет монах с василием
где часовня жабой русою
улыбается густой каймой
на штыки на третье рождество —
дым и пень котел и паучок
скоро сядет на холму воробушек
голубой как утка пиротехничек
ты сова копилка птица глупая
тень диван татары лушь павлин
уж летят степные галки
Уж горячей пеной по небу
в шесть мечей сверкают башни
и блестят латинским маслом
волосами щит лазурный
вмиг покрылся как гусеныш
кипите кости в жиже бурной
варенье черное в стаканах
уста тяжелого медведя
горели свечкою в берлоге
они открылись и сказали
«на гусях смерть играет в рясе
Она пропахшему подружка»
Чу сухорукие костры
(Свиная тихая колхида)
Горели мясом. Рысь женилась

<1926>

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

ПЕТРОВ В ШТАТСКОМ ПЛАТЬЕ

Пирожник. Придушим их.

Веечка мужской человек. лениво-лениво. Как же нам и не плакать, когда мы они взойдут на ступеньку посидят-поседеют, они взойдут на другую ступеньку еще посидят — еще поседеют. Все кудри повылезут — черепа блестеть станут. Кто же они, — а все те кто носит штаны.

Ужели женщины штанов не носят?

штаны у женщин так же есть

и им такая ж будет честь

присели и отошли без шинелей

Пи-пирожник. где же шляпа?

Голубенчиков. где вы тучные ребята

пушки воздух тербят

одевайтесь спешите

ветер на шинели спит

свет хвостами шевеля

уж объелся щавеля

и рассвета керосин

в зябкий облак приносил

спят поля. сон ручью

спят еноты чересчур

князь меньшиков пойду пройдуся мне моя колыбельная песня

не нужна на ветках пристани я вижу точно бы и как бы так.

Хорошо — пойдя сюда властитель.

Князь меньшиков. подходит.

Князь меньшиков к нему. вот хотел бы я спросить зачем здесь родственник

Князь меньшиков (к нему) хотел бы я знать: кто здесь

родственник, уж не я ли. Ох, какой я знатный

Князь Меньшиков (к нему) ужели я не знатный!

Князь меньшиков. и знали впредь

входит ненцов светает и я с сигарой.

монашки как чуден Днепр при тихой погоде, так ты ненцов здесь зачем.

Ненцов уж не я ли зачем?

монашки молчат и ушли.

греков. итак я был убит

судьба моя старалась улететь

и многие прохожие летали

усы их словно ласточки сверкали

прохожие уж щурили глаза

и говорили: пробка Казимир и ветошь

была одна там туча как зола

а все другие были словно шведы

и догорает деревянный зал

кончается как немка перочинный лес

тут он и встал и вместе сел

Князь Меньшиков. да город путевой и будто бледный.

Пирожник. Давай рыбку ловить. вот вижу я фонарщик бежит и

вопит, а за ним Ангел летит и шуршит

и на глазах урок прочел

кто барабаном сел на мель

вариться в пушечном жерле

лягушки в воду звать того

и кто ж ответит не готов

я минин говорю им вон

Минин входит, озираясь словно щит.

закон часов я знаю вновь

что жирен памятник пучок земли

когда вокруг одна мамзель

одна неметчина ее картуз

а Боже мой какой в плечах-то зуд

как в пятках-то щекотно мне

им хорошо бы поумнеть

а то сидят в воротничках

в папах в галстук на мерзлячках

пожарский задумчиво, как бубен.

что шашка лысая моя

уныло жить нам батракам

что шашка тетерев тапал

но и она согласна с ним

и он сельдем уже стоит

тут вскоре качка началась

как будто хохот для плеча.

Поезд отходит.

Греков. Где же мой башлык. О пушкин, пушкин.

Машинист от паровоза. глядел и я на твой башлык
на нем звездами выткан штык

Дед из столовой разбитый барин, цыган. Отойди позабудь свой
башлык. Машенька, дай мне килек, donnez муа доску с маком. Ой
что же это за цифирь.

Минин заросший в снегах Я бестелесный
будто гусыня сидит
и перышки тоски скребет

Факельщик. Я принужден ее забыть.

все будь здоров губернатор

губернатор (опрокинувши платок) будь здорова губернаторская мать
(указав кием на два лежащих камешка) погубили их собратья

затрещит свинцом скамья
ну вот лежу убитый
гляжу на берег еле видный
читаю плесканье копыт
а сам мерцаю от тоски
деревья уж варенные стоят
их листья ходят притаясь
винтовки все что зложены
у ног моих разложены
и месяц пробует в тиши
хотел я пуговку пришить
и в речку бросил плотный щит
как вдруг народ из Риги
как умно говорю
снимите ваши гири
я чистоганом напорюсь.

Чиновник его особых поручений (на следующее утро после смерти
чаю не пьет все твердит) кому китаец или мних

а мне плевать хотелось в них
и так зигзагом кровь лилась
на сало и на тусклый глаз
людей лежащих на земле
родриго в зыбке спит мамзель
ее фердунькой не пугай
она как матушка глупа

очнулся в золоте отец
свеча пошла дымить конец
и еще что-то все
варварова болтая из колыбели голыми ногами, так что видны ее
пышные подмышки и пошлая грудь.

мне дайте мальчика
дитю любви
чтоб мальчик пальчиком.

к тому же и пораженцы. Пингвинчики цып, цып, где ваш кролик.
Пингвины. Мы неизвестно чьи.

Дед Варварова взирал я на тебя
когда как частокол меня тошнило.

Греков

но вопли трудных англичан
прорезали могучий воздух
тут сабли взмах уж прорыдал
нянька ходит по ночам
нянька ищет входу
он пальто свое поймал и там уже дыра
он к ней та — замуж за петра
там пролегала костяна тропа
медведь на ней стоял навзрыд
она кончается а волоса плетет
и Англичанка звездный вид
открыла в шляпе из кальсон
полюбовавшись справедливо
сверкнули шашки их несчастливо
да так что брызнула душа
и пташка Божия пошла на небеса дышать
все люди вскрикнули уже
так выстроили город ржев
охотник плюнул он чудак
носил с колючками колпак
сияла за плечом коса
и был он бабка был осока
священник в городе том жил
где тумана спать бежал
вот он несет широкий требник
а перед ним утес
который чем овес спасет

тем был и титулован
тот пушкин был без головы
то знали ль вы не знали вы
он англичан позвать велит
вина друзей что подвели
те вплачь сорвали воротники
и удалились от тоски
и снова вспомнили требник
медведь в берлоге нарожал ребят
те в долги дни в кулак трубят
а если в щель спустить тебя
то выйдет жареный звук
на котлах сидящий плачет
и костями украшает палисадника траву
горемыка бедной пчелкой их зовут
спешиться изволил он
лакей был в морде как ливрей
уже ли это ржев поляк
и три домашние клопа
как няньки светят тополя
но слышны крики и пальба
наш англичанка уж бежит
одет в курчавое жабо
медведь их видом поражал
медведь он ягода болот
он как славянка сударь Смит
не все напишете в письме
на это пушкин отвечал
его штаны как каланча
лицо целковый по ночам
да говорю вам что не все
и стали сеять все овес
проходит час проходит год
собачка быстро подросла
стояла бурная погода
в кругу крестьянского села
могучий панцырь был утыкан
шмелями плавунами и львами
собачка лаает спят коты
и англичане спят с усами

в одном окне лишь виден мир
стригла там свечка умных рыб.

ПЕТРОВ В ВОЕННОМ ПЛАТЬЕ

Уральская местность. Ад.

голос на крылышках. что ты ласточка как хорошо поешь сердцу
больно. И поздно заснул. Я отчаянно дремала.

плебейкин. Хорошо варварова я тебя полюблю. Ты у меня одна.

робеспьер робеспьер

Катенька

и все прочее такое

сам поймет.

греков. замерзла крепость наша вся как есть кусочек. ну ладно я
пойду.

они дуэтом иди иди и пр.

варварова (отодвигаясь на скамейке). плебейкин зачем ты ко мне
все ближе садишься — я, ведь, немышь что ты?

плебейкин. Правда немышь

Варварова. Что ты опять ближе садишься — ведь я не гусь.

плебейкин. правда не гусь. Я тебя люблю, дай я тебя поцелую.

Погода пришел и ненцов. все они очень рано ушли.

Черти кашу из кружек варят.

Песня пока каша варится.

Григоров стоял

взволнован и сучая

он много горевал

как утка вековая

он зыбких шашек тень

ему б учиться день

слагая травы черепа

кусты и горсти комаров

меньшую жилу и сухие кости

уж в отдалении текла печора

нездешняя кровей свекровь

там путник спутника терял

мужские холмы озира

Минин в палатах готова ли каша?

Пожарский оттуда. Собачка, собачка, поди-ка сюда. У борзый
пес — совсем как ложка?

Греков. Ты ли спал
Ненцов. Я в общем спал.

Песня пока каша варится, а все остальные может быть вяжут чулки
окрестный воздух был жуком
а очи едким пузырьком
девица скажет вестник скал
сияя пальцем от тоски
и собирая сдохший вереск
шумит в прилежные пески
они ее болезни гордо скажут лепестки
и существует припять
в окне он видит за избой
стоит пылающий бизон
и свечка острая горит
уже сидел рабиндранат Тагор
он грустно молвил шляпа тина
уж утопая в волнах ледяных
ему несли любви кафтан
а он как граф в реке потонет
прошли семейные недели
он дикой куклою лежал
из револьвера не стреляя
ее он робко пожалел
он одеялом вспять лежал
на нем посмертные доспехи
висят печеночные шпаги
над ним Урал река и шлаки
крутились в сумрачной потехе
урал кричит поддай ножа
река его жена в водянке
григоров был как пух в портянке
сыночки индии жужжат
григоров как пес заплакал
и григоров был просто шлаком
его собачка тут же шла
народ шептал он дунь в колокола
и сей мужик одет в бушлат
и души свечи он несет
где вновь безбрежный спал сион

Екатерина он пищит открой
со мной бородака камешек и крот
Екатерина подошла
на землю севши вниз исчезла
она как Дон Жуан пропала
и вышел лекарь ниц больной
но с цепочкой золотой стальной

Плебейкин и ждет он тускло переправы
 небрежно гуси плыли вниз
 повсюду разносились крики
 загадочного их числа
 они как сумрачные пики
 равны косичкам силача

Комендант. О что за сахарные люди
 им все играть бы в тары люли
 не видно пазухам числа
 но усмехается силач.
 спят проворные.

Скачи, скачи через берег. Что ж вы римляне милые. Чу лоб и усы,
нет движенья. Попрошу наоборот.

 спят проворные бараны
 и вяло морщась издыхают
 и нет пятерки бороны
 коль няньки желтые порхают
 вода стекает парным свистом
 как цапли прилетают вести.

Ненцов. Сомнительно — я бы вас и не узнал.

Около того места где они все собрались был лес. А если
повернуться кругом была мельница: плывешь не плыву
Петух кареглазый (песня о втором сыне графа Шереметева)

Всю ночь смеялся Кунцев
смеялся словно сом
всю ночь бурчали доли
и бегал Шпажецкий на мост
и был он Шпажецкого внук
и Кунцев сядет в лодку
тут мчится Петров
ту ту Фортунов
задумчивый сыр молодецкий
он злобы надменный песочек

уж ныне крутился в чесотке
был этот край бухарестский
и все там смеялись как вереск
вот жучки гудят
и ноги дугою расставив капрал
орал понимаю я ясли
он разумен и счастлив
как туча что месяц
вот жук нет хоромы
мама мама что за смесь
долговешни храмы
Ах нет то уточек монарх
иль сих минут монах

Прапорщик. что за удивленье
за что же букварей давленье
и что за груз такой навален
край называется ливан
там только мужички да спички
прозябают в спячке
Юпитер там и не жил никогда
он в жизни не имел когтей
семерик надеюсь я не имел и после смерти.
пожелая пожелая на сановника посмотреть
вот пушечные плечи
и Константиновский живот
домашние большие щели
углов курносый новожил
и в этом гугенотском чреве
сидела мутная жена
Она была обнажена
на час на градусник на вечер
и раздражена
потому что утомиться ей пришлось
и на нероновом плече ее головка уж болталась
она козленком все сошли
и пир пустым остался
все подходят к ложу отменно спящего
и ночная панихида умиленно зрела
гаснет свечка и Руслана
петушком в траве лежит

на нее сидящую
орел взирал и бегал
сказав привык ее балет
к слезам но не привык к пальбе.

Нерон. Римляне отомстим им за это?

Дед. Эти стихи вовсе не прапорщик читал. И я к тебе стоял спиной.

Но тут вошел Портупеев, грозен как никогда и черен. Пчела у него сидит на лбу, а не кузов с детьми.
комендант ему говорит. гляди-ка опять Римляне как их почки, пришли.

Портупеев. И ладно что я тебе этого не сказал

Комендант однажды

Портупеев. Прощу тебя любя уйди.

Нерон. выпускайте зверюшек. (побледнев — будто бы из Китая пришел он с сестрицей. И та в очках. Сова — а живот как у будочника)

подымется кактус — опустится флейта.

комендант обиделся. стали на картах гадать. Люба он или нет. шведам усмешка и прошедшие дни. Входит крёстная мать, и на глазах римлян сажает овощи. Вечерело. Они же загадают и турецкий брат на помощь стоит. Ежеминутно стреляя из ружья из девишника летят же скворцы. Павел сын и Егор. и.

Портупеев. Это горничные девки их нарожали

Комендант. Гадаю, Люба я или нет? давайте спать ложиться.

рыбак садясь на невод. Я вам рыбы не дам. Я свою долю найду.

Не на горе, не на лугу в воде

деревенские тети. Что ж там и война началась

деревенские мужики: да тот ли полк прошел

Медвежата на колесиках. вся семья Бутылкиных. Прощайте вот

мы уходим На колесах посмешнее

а в гробнице пострашнее<e>

вышла колбочка беда

сурик воск и лебеда

путник горничный горшок

и военный порошок.

Ненцов с проходящими девушками в записки играть. Посмотрит брюхата, вторая хриповата, третья хромовата и Ненцов сказал. что за девушки в этом городе какие они некрасивые и безобразные нету ни одной заманчивой солнышки и ой что же? а

час посидел и сам умер. Прощай Ненцов.
в кафтане черном как нора
лицо краснеет как медвежья рана
глаза закрыты язык распух
он вялый как <п>огромный пух
не слышит не лежит
порвались сети жил
а раньше звался он Ермолов
был князя меньшикова друг.

Меньшиков всплакнувши ушел.

Мужья напополам с девицами.

Мужья. Мы все любим сажать репку

Девицы а мы ее стукнем молоточком

Мужья прощайте на вокзале

Девицы Нет люди в воскресенье.

Мужья не хорошо так.

Девицы так уж надо.

Мужья прощай Оома, будь здоров Никита, до свиданья всеволод.

Девицы где ты Нюра наш желток.

Минин немного вас и мало нас.

ПЕТРОВ В СУДЕЙСКОМ ПЛАТЬЕ.

ГОНЕЦ-ГОНЕЦ. Я бежал недалеко

там нивы черные кидались

где одинокий лед

и молча пазухой лежал колодец

и псы не вякали кругом

а волки сбрую почесали

и эта сеча началась

медведь сказал и я бежать могу

куда племянницей летит пчела

кто небо обозрит умом?

водкой потекла печаль

а не улыбкой силача

и молоток грудной сын

нам скажет трудно брести носы

в сей вечный праздник

и ходят все в водобоязни

уж все готовы к виду казни

и пальцем щелкают картуз

племянника трясясь везут

родимый грешником смеется
лепешку ест. дрожит пытит
тут многие встают с колен
и шепчут чтоб ты околел
в триглазом шейном он платке
смиреньем был прикрыт в палатке
и зубы просьбы полагал
к ногам священника полка
не дым восходит из лампадок
а дух выходит из него
все смущены какой удалый
в забвеньи рока своего. Стена
и братство павших пленников
их таратайки коноплей
качались по полю стена
и князь на берегу стоит
платком широким улыбаясь
не птичке перейти мосты
перелетев он страстью был
качаясь зыбко в гамаке
глядит в казенного очки
а рядом Днепр бежал и умерев
он стал обедом червячков
была ужасная комедия
блудник змеею спал беседуя
всему виною стал чиновник
и пухли крошечны веночки
в грязи мужской валяясь
плевки на грудь ловя
а он бежал недалеко
где плакал Разин шерстью псов
запоминая жесь псалмов
к дубравам чудным повлечен
вдали мерцает город Галич
показан как минутный палец
и слышит княжескую речь
суков полей и вятки чернь
и он говорит не вы черепа
желаю доспехи вычерпать
молебен отслужи!!

кричат торговые тузы
 монахов тень полуживых
 шипенье мух ослы грозы
 сказали небо никому
 и так урал родился с мукой
 Перщебалдаев. житель водочку спросил
 где ты руку занозил
 я на поле хам лежал
 вред вокруг меня порхал
 ты же кислою вдовой
 шла горошком за водой
 нынче этой свечки лик
 стал безбров мохнат велик
 путники а кто в каретке, кто в беседке, кто в шарабане, кто на
 метле, ну кто на зонтике, на столе, в котелке, на герани, скачут
 и мчатся по пустыне. Но им библейские орлы.
 вот эти путники за кустами остановятся. сядут и там сверлят
 свои дела. И у них дохлые семьи появляются. Они мутные
 как голова. И велит вам собираться поскорее да чтобы вы
 торопились, там пришел и козачок.
 папа. который это казачок
 мама Наш плечистый борщок
 казачок врите, врите
 ваш огонь по идиоте
 сядьте сядьте
 здесь ведь казнь
 пелагея дрожащая опустилась на пупырышки и спрашивает: кого
 здесь судят.
 Борис годунов здесь матушка не судят а казнят, т.е. печку строят
 Народ поясу. будь и ты великодушен. Нули-то и полетели.
 Пелагея дрожащая. Не меня ли казнить будут. вот словно люди
 идут. не бубни. душно кругом. будний день. вот вам барин
 кислых щей. Спасибощки по лбу ложкой
 палач миндаль. Не крути телом тварь, лучше бы ты меня гусиным
 жиром помазал. Что сегодня за день будний или праздник
 возле шведов нам тепло держаться и станем персики есть.
 Конец совести.
 отворили ворота да все и уехали.
 одна крёстная мать в городе сидит и сапоги чистит будто
 дуэлянтша, и рядом человек голову моет. но тихий как старичок

он ее как орешек стукнет свалится и впредь не встанет. Сделай, он говорит, крёстная мать мне подарок? а та ему не хочет никакого подарка делать.

Явление 5. Городничий, Хлестаков и Марья Антоновна с флейтой. (разговаривают на уральской горке).

Марья Антоновна (поплевавши на флейту.) И скажу я вам дорогой Григорий и Яковлевич Григорий, что мужчина вы белобородый и осанистый, мускулистый как эта местность, но зубами вы шелк-шелк, и я опрокажена. прямо как слюна повисаю.

Городничий. Не бойтесь дорогая Фортепянушка, ужли или нет не ужли, а ужели, подарю я вам муфту и седьмой огонек. вы держите сей огонек в придаточном положении. там шьют вам кофту.

Хлестаков. Как смешно печонкам. Присядем. Я чуть качаюсь.

Марья Антоновна. Вы чересчур разборчивы.

Хлестаков. Поиграйте. А я вас почмокаю.

Марья Антоновна. Си как моя флейта пищит си.

Городничий (бегаёт козлом ищет травки). Курчавый я, курчавый, поберегите меня детки. Я ем ловеласа.

Комендант. довольно. С волками жить, рот не разевай.

Проходит свеча в тазу, проходит свеча в тазу, проходит свеча в тазу. Минин сидит, Пожарский сидит, Варварова поет, греков ползет — все мы сидим. Кто не сидит из нас — Ненцов и плебейкин не сидят. Вам птички людские пора бы присесть.

Полуубитый минин с этажерки.

Лежу однажды бездыханный
и образ вижу сонной бездны
вдруг вижу стрелок наслаждение
иль ярких птичек колыханье
папахи добрые девиц
и мономах в кулак свистит
могильный холм растёт зелёный
зелёный он растёт зелёный
быть может круглый нет зелёный
медаль чиновника на нем
и шапка у него земля
ох шапка у него земля
сороконожка не змея
сороконожка это тит

куда как славно дон катил
свою вспотевшую волну
казак куда свой тучный глаз
бросает пасхой на волну
рыбак рыбак топи улов
на вал нисходят словари
латышские французские
литовские ирландские
собачии посмешища
и смотрят на детинец
и щиплют рыжие усы
супруга мечется цените
метанье наше и писк росы
там лебедь беленький летит
дождем он поле моросит
сизу однажды виден в ряд
и ход и щелканье дерев
и брюхо неба паучка
и вещая их пауза
не сплю не вижу Катеньки
а слышу лишь раскаты
огонь да частый передок
и я сизу где Катя
а стелют деды скатерть
ты скажут филин ватерп<р>уф
я испускаю дух
они грибом меня морят
я тайно щеки надувал
они тогда не вытерпят
оставят мухой на валу
вот Катя каковы они
и вся судьба такой овин
могильной трубкою чернея
твоя рука угря чернее
На пашне ночь как человек

ПЕТРОВ В ДУХОВНОМ ПЛАТЬЕ. И я был тут.

В этом Петрове все люди в лежащем и Минин и Ненцов и другие
все. Это ведь не почтовый ящик. Ура.

Минин. указав на покойного спящим перстом.

и троглодитова чтоб палица

сияла б бомба и металица

пожарский: сколько лет жил?

минин. девятки лет жил.

Пожарский сколько лет жил?

ответ. И сами мы словно мысли. обрей ему бороду она стеарином пахнет. Ну вот и пишу я вам про жену, что она вас и знать позабыла и приучилась уже пиццать. Она ваша жена прихожане в косичках сидит.

бабушка: вот какие непоседы.

Варварова. под лампой лежа на животе письмо пишет. Ножки-то у нее, ноги-то какие красивые. Мейн шнеллер замочек Густав, у нас здесь родина, а у тебя там чужбина. Я очень добрая женщина, и очень хорошая, когда Гала Петер, тебе и сую в нос чернильницей. Я узел а ты просто сеял ли, сеял ли, князь Курбский от царского гнева бежал. росчерк пера
твоя Варварова ура!

И Густав это съел сидя в ватных штанах.

Бабушка пойду-ка пробежусь.

Отец и говорит за столом. Мама ты бы им пошлый чай сварила, калачиком на ковре бо бобо и готово. А я погляжу-ка в окно, — ведь я стервятник. нет с длинным носом человек. Не человек а человек но впрочем помолюсь, помолюсь — в яблочко прекращусь. и стал отец не стервец, а стал он яблоком. Нищий его зовет яблоко,

Коля его зовет яблоко. Семья моя вся так теперь меня зовет. Мама ты не мама а жена и задирай четверги, на что мне твои подковки. Жена мама: в оправдание. вот ведь и я ушла из дому. Где ты мой платочек?

Папа. Никуда ты из дому не ушла. Раз ты со мной сидишь, и в твоих ушах кремлевские огоньки видны.

Мама. В лесу меня крокодил съел.

Минин. Мокрым перстом, не все ли что тут?

Ненцов. Нет и еще что-то я хотел сказать.

Мама. Уж правда меня в лесу крокодил съел? И ныне мы не живы. Поперек поперек тебе — иду. вот будешь ли драться. отец. Я купаюсь я купаюсь извини меня извини меня я ослепший корешок я ослепший корешок, и я в котле и я в котле, я купаюсь я купаюсь извини меня.

варварова. Ах все как струпья — пустите я прошибусь.
Пожарский бабушке: где же мой кисет.
Израильский народ. Твой кисет глядит на свет.
Все их собеседники. чуть что и летит крепостная чайка. Пловец
кием пошел на дно. Там парголовским ослом и улегся. думал да
думал и спал. Ужасно устал. Букашкой порхает или семечком
лежит или Попов ему и говорит. Греков пристань и отстань.
Попова не было совсем. Греков вместо того тогда говорит, что за
девишник и здесь ягодный раек. А Варварова качаясь на качелях
муноблием уже все творцы.
Маша давайте будем стаканами
дуня Нет я желаю помидоры есть
Оня. У Бобра живот покатый.
Коля. А ты его почти видела.
Мария Петровна и вы отстаньте бесстыдный и безобидный.
сергеи. давайте, давайте
Никого же никому и останьтесь.
Пожарский (входя) а где здесь москва?
Ненцов. Ну нет не без приятности однако о Финик пыжик не у
вас ли рыжик
Отец. отстань отстань Ненцов не без тебя мы все сидели.
Густав ты бы опочил в ватных штанишках.
Густав. да я может быть и опочил бы в ватных штанишках.
Рабиндранат Тагор.

Невольню к сим брегам я возвращаюсь
с Ромен Ролланом говорю и бритым шляюсь
кишкой я полдень свой кончал
кто ты брадата каланча?

Каланча Я царь Эдип
в носу полип
лежу под бумажным одеялом
и гляжу на тебя без идеала

Рабиндранат уходит исполнившись каши. Мы посидели на песке
и видим свисли у печей глаза. видим покойник лежит такой
бородатый, что видно все время борода растет и нега вокруг.
Брат как стихи медведь и порох. до свиданья, до свиданья мы
уехали. Там в раю увидимся.
ПОЖАРСКИЙ со шкафа.

Лежу двояким на столе
и жилы как бы фонарное желе

и не дует
душа топорщится челом
вздохнув он скажет мелочь
глаза ржавеют белки. вот беда
и начинаются обеды
где храпят под логоть
трубкой подложивши коготь
вообразим числа и фигуры сна
он воскресенье нес
и ноги чувствует слабы
подушка просит унесла б
горят покойным медом лбы
на них душа как тень легла
кто смолкнул зубы растворив
кто спит кругом большая гладь
временно и свечка родилась
и тихая пчелой светает
один с усмешкой видит Ригу
и дыню плод женский
овечье спит он сам движенье
букашек тоже любит всяк
как ножниц пушечных игру
во сне глазами не косят
вот видит он щекотку
другой молчанием погашен
холмом лежит, как смерть, бесстрашный
сопя в далекий кулачок
над ним порхает уж червячок
его глаза простой пустяк
он мяса бронзовый костяк.
так летний человек был поглощен
он бабой раньше тут порхал
теперь на вертеле скакнул
и как зловещий геморрой
лягушки мутные клянут
так погорельцы проходили
и села волжские гордились
вот это Божеский шпинат
исполосована спина
все собирались постонать

но снова лягут под мозги
вот вновь проснулся их кочан
в хомут и жемчуг облечен
и полк смиренный озирает
он на утесе полковом
под ним кусты стоит саратов
в своем обманчивом полку
отец! мундштук! кричат тарасу
дворяне в мраке столбовом
в молчаньи гонит пашни сразу
и тихий купол оболгал
смятенно все. Козлы мужицки
и слезы знатного и свицкого.

Конец.

11 июля 1926. Май—июль 1926.

12

СЕДЬМОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Однажды человек приходит
в сей трехлиственный свет
словно птичка в поле бродит
или как могучий ветер
озирает скалы долы
деревянные гондолы
смотрит на приятный рим
и с монашкой говорит

ты монашка я пятнашка
но услыша пули звук
он упал холодной шашкой
весь рыдая на траву
 что за горе
 но в окно
 смотрит море
 и темно

он с горы сидит в потьмах
он ласкает россомах
побегі идет в вокзал
в безоглядную тюрьму
где качается лоза
где создания умрут
быстро падал детский снег
полный ленты полный нег

когда бы жить начать сначала
он молвит в свой сюртук
я б все печатала рычала
как бы лесной барсук

уже казаки убежали
в углу сияет ангел хилый
и мысли глупые жужжали
над этой ветхою могилой

попешные минуты
как речи потекли
и звезды отдаленно
как тучи расцвели

тогда ребенок молодой
молиться сочиняет
болтает сонной головой
в подушку медную сучает

он плача покидает лес
и южные бананы
колотит точно мутный бес
в сухие жизни барабаны

но скоро вечер наступил
видна пустыня ада
покуда свечкой на пути
не установят сада

что же это стрекоза
нет восток отличный
словно баба егоза
или ветер хищный

и с дворянских сих кустов
нету сумрачных мостов
и в богатой этой печке
все наклонно все как в спячке

о похожие столы
мы сказали ветренно
выбегая из толпы
по дощечке ветренной

сквозь холодное стекло
выставляя лица
замечает рассвело
умерла столица

и ложася на сундук
и сложивши руки
он как утренний бамбук
умер для науки

грохочи отец и мать
светит зябкий уголок
и торопится поймать
однодневный потолок

выходил поспешно дух
огорошенный петух
и на елях на сосне
как дитя лежал во сне
в неслышном оперении
в тоске и измерении

умерший: уж я на статуе сижу
 безбрежную листвой

углы прохожие слежу
любезной головой

на это отвечал судья
в кафтане в простыне
в постель посмертную идя
и думал лежа на спине
что все-таки она уныла
и на подушке спит бескрылой
над всем возносится поток
над всем возносится восток

<1927>

13

НА СМЕРТЬ ТЕОСОФКИ

какое утро ночь темница
в траве лежала заграница
стояла полночь а над нею
вился туман земли темнее
летали птицы чоботы
и поднимали соленные хоботы
тогда на ветке в русских сапогах
стоит сердечнейший монах
в пяти шагах
я видел временный подъем
где травы думают вдвоем
я видел сумасбродку Соню
она платку благодаря
дала мне сон богатыря
и я лежал немой как Соня
и я глядел в окно смешное
и в трех шагах
гулял один иеромонах
я думаю вот добрый вечер
кафтан пустой кому перечить

лишь полки пальмами висят
да в уголках бобы свистят
они себе ломают шляпу
они стучат в большие лапы
медведи волки тигры звери
еноты бабушки и двери
наставница скажу я тихо
обои потерявши лихо
обедуют псалмы по-шведски
а в окнах разные челны
благовоновый воздух светский
станет родственник волны
тогда ко мне бегут сажают
на скрипке песням ужасают
а он смеюсь а он боюсь
мамаша с ним колечком бьюсь
прошли два года как листва
да в уголках бобы свистят
тогда одевшись кораблем
он рассуждает королем
и неподвижный яблок ест
на седалище прежних мест
как скворец мы поем
нивы хижины все пойдем
а если зря лежишь в горячке
как бы коран как бы коран
блюдите детство на карачках
так в кипятке шипит кора
я поднял свой голос сонный
он сказал это все сионы
иерусалимы хижины франции
где циклопы и померанцы
я хотел вступить с ней в брак
но пришлось поехать в барак
в боку завелся червяк
оказалось он был мертвяк
на шляпе выросло перо
друзья вон поезд выбегает на пер<р>он
осыпан снежною судьбой
заняться хочет молотьбой

поля прелестные кругом
наставница читала каблуком
и поднимая ввысь глаза
ей с неба падала лоза
она уже читалась вся
лишь полки пальмами висят
я спал как Боже мой уха
я видел день течет затейливо
во сне носилась чепуха
и все кругом насмешливо
пред смертью улыбалось вежливо
доставши бабушкин цилиндр
и кофту бумазейну
молил я Бога исцели
трещотками брели музеи
ему давали скипидар
горчишники с тремасом
и он как бы поэт пиндар
давился пышным квасом
улыбались ночи расам
бабкою на сундуке
с незабудкою в руке
что за ночи просто ночь
не улыбки бестолочь
он тогда опять заснул
и в париж прилетел
но проснулся на столе
между прочих блюд и дел
и доставши воротник
отвинтил бумажку
чтоб монах стоявший вник
и прочел ромашку
а в бумажке написал
это деньги я сказал

28 июня <1927, 1928?>

ПТИЦЫ

И все ж бегущего орла
Не удалось нам уследить
Из пушек темного жерла
Ворон свободных колотить
Пришлось нам пришлось нам
На карточке сидеть
И вытащенным глобусом
Пред зеркалом вертеть
И где бы я ни думал
И где бы я ни спал
Я ничего не думал
Я никого не спал
Летевшую синицу
Глухую как кровать
На небе как ресницу
Пришлось нам оборвать
Утята <пл>ыли задом
Казачи боком шли
Зима была им адом
И Богом костыли
Мы сядем в злую банку
Мы поплывем в ответ
На няньку иностранку
Совпал прелестный свет
Она упала птицей
Как мокрый ураган
Ударилась косицей
О каменный курган
Приходит кладбищенский внук
Как некий железный каблук
И все рассыпается в прах
И все рассыпается в трах
Перед нами пучина
Перед нами причина
Где корень
Где аист вещей

Потом появился отец
Хотел он законы рожать
И химии тусклый птенец
Начал над ними жужжать
Тогда приходит ягненок
Съедаемый без пеленок
И проваренный осетром
За что не зовут Петром
Он шепчет я русский <В>аня
Окончил свое создаване
Я скупое лег и поблек
Вот бред речной помолился
И будто скотина скучали
Здесь времени стало два года
И дятел на дерево сел
Он был как ночная природа
И бегал вол
И цвел
И будто время брел
Но не был он орел

<1929?>

15

ОТВЕТ БОГОВ

Жили были в Ангаре
три девицы на горе
звали первую светло
а вторую помело
третьей прозвище Татьяна
так как дочка капитана
жили были а потом
я из них построил дом
говорит одна девица
я хочу дахин дахин
сестры начали давиться
шили сестры балдахин

вдруг раздался смех оттуда
гибко вышел белый гусь
говорит ему Гертруда
я тебя остерегусь
ты меня не тронь не рань
я сложнейшая герань
но ответило светло
здесь красиво и тепло
но сказало помело
сколько снегу намело
будем девы песни петь
и от этого глупеть
девы охают поют
из фонтана речки бьют
в это время из камина
появляется домина
а в домине жил жених
видит лучшую из них
видит он и говорит
я рыдать могу навзрыд
я в слезах сию по пояс
огорчаясь беспокоясь
где рука а где рога
и желаю пирога
говорит одна девица
пирога мы вам дадим
ОН я желаю удавиться
ОНА лучше сядем посидим
посмотрите вот орел
брел и цвел и приобрел
он семейник и гурман
между ними был роман
ОН мужем я желаю стать
чистоту хочу достать
а достану чистоту
поднимусь на высоту
верст на тридцать в небо вверх
не взирая на четверг
Подошла к нему Татьяна
так как дочка капитана

и сказала вот и я
 черепаха и статья
 ОН не желаю черепахи
 и не вижу я статьи
 стали девкины рубахи
 опу поды* в забыты
 гусь до этого молчал
 только черепом качал
 тут увидел он — пора
 тронул клювом до пера
 добрым басом произнес
 у меня не клюв, а нос
 слушал я как кипятилок
 слов мучительный поток
 колоссальный этот спор
 стало тяжело как топор
 я дрожу и вижу мир
 оказался лишь кумир
 мира нет и нет овец
 я не жив и не пловец
 МЫ (говорим) слышим голос мрачной птицы
 слышим веские слова
 Боги Боги удалиться
 захотела голова
 как нам быть без булавы
 как нам быть без головы
 БОГИ звезды смотрят свысока
 на большого рысака
 мысли звезд ясны просты
 вот тарелка чистоты
 то ли будет впереди
 выньте душу из груди
 прибежал конец для чувства
 начинается искусство
 ЖЕНИХ странно Боги как же так
 где рука и где рога
 ведь на мне одет пиджак
 я желаю пирога

* опускаться подыматься <примеч. автора>

вот красавица Татьяна
так как дочка капитана
я желаю с Таней быть
с ней минуты проводить
БОГИ нет минут
МЫ (говорим) вы не будьте Боги строги
не хотим сидеть в остроге
мы желаем пить коньяк
он для нас большой маньяк
РОВЕСНИК еду еду на коне
страшно страшно страшно мне
я везу с собой окно
но в окне моем темно
я несу большую пасть
мне она не даст упасть
все же грустно стало мне
на таинственном коне
очертания стоят
а на них бегущий яд
твердый стриженный лишай
ну предметы не плошай
соберитесь в темном зале
как святые предсказали
но ответило светло
где крапивное село
и сказала помело
то село на нет свело
Все бояться подойти
Блещет море на пути
муха ветхая летит
и крылами молотит
начинается закат
беден среден и богат
птица гусь в зеленой шляпе
ищет веточек на лапе
ни кровинки на кольце
ни соринки на лице.
оживает и поет
нашатярь туманный пьет.

ВСЁ

Н. А. Заболоцкому

я выхожу из кабака
там мертвый труп везут пока
то труп жены моей родной
вон там за гробовой стеной
я горько плачу страшно злюсь
о гроб главою колочусь
и вынимаю потроха
чтоб показать что в них уха
в слезах свидетели идут
и благодетели поют
змеею песенка несется
собачка на углу трясется
стоит слепой городской
над позлащенной мостовой
и подслащенная толпа
лениво ходит у столба
выходит рыжий генерал
глядит в очках на потроха
когда я скажет умирал
во мне была одна труха
одно колечко два сморчка.
Извозчик поглядел с торчка
и усмехнувшись произнес
возьмем покойницу за нос
давайте выколем ей лоб
и по щекам ее хлоп хлоп.
махнув хлыстом сказал кобыла
андреевна меня любила
 восходит светлый комиссар
 как яблок над людьми
 как мирновременный корсар
 имея вид семи
а я стою и наблюдаю
 тяжко страшно голодаю

берет покойника за грудки
кричит забудьте эти шутки
когда здесь девушка лежит
во всех рыданье дребезжит
а вы хохочете лентяй
однако кто-то был слюнтяй
 священник вышел на помост
 и почесавши сзади хвост
 сказал ребята вы с ума сошли
 она давно сама скончалась
 пошли ребята вон пошли
 а песня к небу быстро мчалась
 о Боже говорит он Боже
 прими создание твое
 пусть без костей без мышц без кожи
 оно как прежде заживет
 о Боже говорит он правый
 во имя Русские Державы

тут начал драться генерал
с извозчиком больным
извозчик плакал и играл
и слал привет родным
 взошел на дерево буржуй
 оттуда посмотрел
 при виде разных белых струй
 он молча вдруг сгорел
 и только вьется здесь дымок
 да не спеша растет домок

я выхожу из кабака
там мертвый труп везут пока
интересуюсь я спросить
кто приказал нам долго жить
кто именно лежит в коробке
подобно гвоздику иль кнопке
и слышу голос с небеси
мона... монашенку спроси
 монашка ясная скажите
 кто здесь безчувственный лежит
 кто это больше уж не житель
 уж больше не поляк не жид

и не голландец не испанец
и не худой американец
вздыхнула бедная монашка
«без лести вам скажу, канашка,
сей мертвый труп была она
княгиня Маня Щепина
в своем вертепе и легко и славно
жила княгиня Марья Николавна
она лицо имела как виденье
имела в жизни не одно рождение.
Отец и мать. Отца зовут Тарас
ее рождали сорок тысяч раз
она жила она любила моду
она любила тучные цветы
Вот как-то скушав много меду
она легла на край тахты
и говорит скорей мамаша
скорей придите мне помочь
в моем желудке простокваша
мне плохо плохо. Мать и дочь.
дрожала мать крутя фуражкой
над бедной дочкою своей
а дочка скрючившись барашком
кричала будто соловей:
мне больно мама я одна
а в животе моем Двина
ее животик был как холм
высок и очень туп
ко лбу ее прилип хохол
она сказала: скоро труп
меня заменит здесь.
и труп холодный и большой
уж не попросит есть
затем что он сплошной.
Икнула тихо. Вышла пена
и стала твердой как полено<>>
монашка всхлипнула немного
и ускакала как минога.

Я погружаюсь в благодушную дремоту
скрываю непослушную зевоту
и подавляю наступившую икоту
покуда все не вышли петухи
поесть немного может быть ухи
в ней много косточек янтарных
жирных сочных
мы не забудем благодарны
пуховиков песочных
где посреди больших земель
лежит красивая мамзель.
тут кончил драться генерал
с извозчиком нахальным
извозчик руки потирал
извозчик был пасхальным
буржуй во Францию бежал
как злое решето
француз французку ублажал
в своем большом шато
вдова поехала к себе
на кладбище опять
кому-то вновь не по себе
а кто-то хочет спать
и вдруг покойница как снег
с телеги наземь бух
но тут раздался общий смех
и затрещал петух
и время стало как словарь
нелепо толковать
и поскакала голова
на толстую кровать
Столыпин дети все кричат
в испуге молодом
А няньки хитрые ворчат
гоморра и содом
священник вышел на погост
и мумией завыл
вращая деревянный хвост
он человеком был
княгиня Маня Щепина

в гробу лежала как спина
и из тропической земли
слоны цветочков принесли
 цветочек тюль
 цветочек сон
 цветок июль
 цветок фасон.

5 апреля 1929

17

БОЛЬНОЙ КОТОРЫЙ СТАЛ ВОЛНОЙ

Увы стоял плачевный стул
на стуле том сидел аул
на нем сидел большой больной
сидел к живущему спиной
он видел речку и леса
где мчится стертая лиса
где водит курицу червяк
венки звонок и кракавяк.
сидит больной скребет усы
желает соли колбасы
желает щеток и ковров
он кисел хмур и нездоров
смотри смотри бежит луна
смотри смотри смотри смотри
на бесталанного лгуна
который моет волдыри
увы он был большой больной
увы он был большой волной
он видит здание шумит
и в нем собрание трещит
и в нем создание на кафедре
как бы на паперти стоит
и руки тщетные трясет
весьма предметное растет
и все смешливо озираясь

лепечут это мира аист
он одинок
и членистоног
он сена стог
он Бог
но он был просто муравей
в шершавой ползал мураве
искал таинственных жучков
кусал за пятки мужичков
увы он был большой больной
мясной и кожаный но не стальной
он брал худую пирамиду
и прославлял семирамиду
и говорил: я бледен, беден
я будто крыса тощ и вреден
во мне остались пустяки
четыре печени да костяки
но врач ему сказал граждане
я думаю что вы не правы
и ваше злое ожидание
плевок в зеленые дубравы
плевок в зеленые растенья
добавлю: в мира сотворенье.
вот вам мое стихотворенье.
«ну что зеленые, зеленые
какие ж могут быть растенья
и тучи бегают соленые
и куры спят как сновиденья<»>
ну что вы мне твердите право
про паука и честь и травы
вы покажите мне стакан
в котором бегают полкан
который лает гав гав гав
скажу пред смертью не солгав.
я болен болен как дитя
на мне платочков триста штук
давай лечебного питья
по предписанию наук.
так молвил больной усмехаясь
на север и запад чихаясь

но доктор как тихая сабля
скрутился в углу как доска
и только казенная шашка
спокойно сказала: тоска
мне слышать врачебные речи
воды постепенный язык
пять лет продолжается вечер
болит бессловесный кадык
и ухо сверлит понемногу
и нос начинает болеть
в ноге наблюдаю миногу
в затылке колючки и плеть
ну прямо иголки иголки
клещи муравьеды и пчелки.
Вот что странно
он стал похожим на барана
он стал валяться на кровати
воображать что он на вате
что всюду ходят грезы феи
и Тицианы и Орфеи.
синицы тещи и мартышки
играют в тусклые картишки
но этого ничего не было
ему все это показалось
оно воды великой не пило
все быстро в мире развязалось:
стекло стоявшее доселе
в связи с железною дорогой
теперь кивает еле еле
и стало долгой недотрогой
корова бывшая женою
четвероногого быка
теперь качает сединою
под белым сводом кабака
и видит как полкан
залез в большой стакан
звезда казавшаяся ране
одною точкою в грязи
теперь сверкает на овце
на котелке на торговце

и все вообще переменялось
о Бог смени же гнев на милость
так на войне рубила шашка
солдат и рыжих и седых
как поразительная сабля
колола толстых и худых
сбирались в кучу командиры
шипели вот она резня
текли желудочные жиры
всю зелень быстро упраздня
ну хорошо ревет чеченец
ну ладно плакает младенец
а там хихикает испанец
и чирикает воробей
ты не робей.

ты знай что ты покойник
и все равно что рукомойник
так говорил больному врач
держа ручные кисти над водой
во фраке черном будто грач
не в позументах — с бородой
и с продолжительной тоской
вот он какой.

увы стоял в зверинце стул
увы увы там был аул
там собирались казаки
и собирались кусаки
и грациозный разговор
вели с утра до этих пор
был слышен шум тяжелых шпор
увы увы он был мертвец
ты не носи ему овец
ты не ходи к нему с посудой
и не зови его Иудой
где стул где поле где аул
он поплясал и он уснул
и снова увидал аул.
Как же так?

3 мая 1929

ПЯТЬ ИЛИ ШЕСТЬ

ФИОГУРОВ если я и родился
 то я тоже родился
 если я и голова
 то я тоже голова
 если я и человек
 то я тоже человек
 если я и есть поляк
 я полковник и поляк
 если ты как день блестишь
 как ромашка улетишь
 то ты тоже тоже блеск
 то ты тоже тоже треск
 ГОРСКИЙ (адвокат) странно странно
 что же это за мораль
 мне хотелось бы спросить
 впереди гляди сераль
 мужики идут косить
 что косить но что просить
 мне хотелось бы скосить
 наши лошади бежали
 как колеса по пыли
 воробьи кругом жужжали
 райски птички топали
 что же они топали
 может время штопали
 тут локоны вдруг бежали
 тут локоны вдруг стоят
 СОНЯ (летя им навстречу в странном виде)
 вся роскошь кудрей
 не мудрей
 ИЗОТОВ спешившись тут локоны им стригут
 скоро кони побегут
 ФИОГУРОВ (кладя руку на седло)
 но чего чего мудрей
 роскошь кудрей
 если роскошь мудрей

то наверно не кудрей
если ветренных теней
то умней
как, Крестов, это ты?
здравствуй милый, ты откуда?
есть у всех у нас хребты
что? куда? мы все оттуда
от горы да от стола
чудаки как пастила
пастила или пастилка
стыдно нам но мы подстилка
это дело было так
я вам правду расскажу
я хожу и не хожу
я не это и не то
я пальто

ПАРЕНЬ ВЛАС очень умные слова
разумно слезла голова
сначала в пояс поклонилась
потом внезапно удалилась
потом внезапно воротилась
потом как папка удалилась
потом как шапка воротилась
вот что от этих слов случилось
однако может быть и не от них
у нас в деревне так идет
сначала лето настает
мужик в стекло себе плюет
стекло морщинится не хочет
а он стекло представь щекочет
и сам хохочет
а жена сажает хлеб
а мужик уже ослеп
вот он к доктору спешит
о послушай шепчет он
перед ним рублем шуршит
о послушай сердца стон
правильный ли это он
побренчи мои подмышки
там разбухли злые шышки.

доктор доктор говорит
страшно я сошел с ума
ну меня зовут Давид
но у вас-то ведь чума
добрый врач помрачнел
и мужик побледнел
как чума а вдруг холера
или тиф или тиф
по реке прошла галера
эти споры прекратив
не сердитесь дон Ринальдо
молвил доктор мужику
странно как мне не ворчать
вы бы ввали бы жуку
жук совсем не постигает
что время может быть течет
он жук сидит
он жук икает
на солнце голову печет
а да ладно что плести
врачу осталось уползти
а мужик глядел свирепо
на поля да на леса
да на свеклу да на репу
будто курочка слеза
потом с него упала
и в чернозем пропала

ГОРСКИЙ (адвокат) браво браво браво Влас
 ты родимый ловелас

СОНЯ (возвращаясь) как странно тело женское
 ужасно не Введенское

ИЗОТОВ да да да я это знаю
 правда люди это так
 вот я с лошади слезаю
 а земля черна как фрак
 в ней наверно есть червяк
 червячок червячишко
 как мой родственник сынишка
 у него была интрижка
 так пустяк. Почти отрыжка.

Иль икотка. В общем страсть
вообразите, красть и красть
он куда ни попадет
все моментально украдет
увидит мопса украдет
букву тоже украдет
вообще все время крал
наконец себя украл

СОНЯ вы Изотов тиран человек
довели ребенка до этого
вы секли его каждый четверг
молодого еще не одетого
вы Изотов мошенник и жулик
вы копейка вы штопор вы нулик

ИЗОТОВ (отходя в сторону и сморкаясь)
но Соня я его любил
и не его ковры я бил
я был секретно нездоров
и много покупал ковров
сiju однажды взаперти
на мне сюртук из либерти
на голове флажок и шляпка
в руках коровушкина лапка
вдруг колокольчик зазвонил
нелепым звяканьем своим
во мне он много изменил
но молча мы сидим свистим
тут открывается калитка
и входит польский господин
противный скользкий как улитка
я говорю вы что ж один
он говорит нет я одно
желаю вам сейчас открыть
езде езде я вижу дно
ну мы смеемся во всю прыть
скажи какой веселый пан

ПАРЕНЬ ВЛАС он резеда
ФИОГУРОВ нет нет нет
ничего подобного

не любит просто дробного
человек целый
изъясняется понятно. Видит где конец. Очень разумно очень
очень. Я голову дам на отвлеченье.
ГОРСКИЙ (Семен Семенович.) Кол<л>ега безусловно прав. Что
собственно мы имеем пять или шесть лошадей говорю намеренно
приблизительно потому что ничего точного все равно никогда
не скажешь. Четыре одежды.
ГОЛОС Отстаньте вы с числами.
ГОРСКИЙ (Федор Петрович.) А ты не перебивай. Следовательно
я считаю, что подсудимый не мог даже войти в ту комнату, бац
доказано

ПАРЕНЬ ВЛАС у нас в деревне так идет
три месяца как день пройдут
и мигом осень настает
а надо вам сказать что там стоит редут
а там живут военные
они обыкновенные
но только не в чем их винить
да и что их обвинять
выйду на поле звонить
комаров пойду гонять
а у нас какая жара
вся жара на пол-комара
кроме того был у меня конец
которого звали купец
он был мой отец
он жил в доме называемом хата
он по морям большим летал
он жил безбедно безбогато
и разны овощи глотал
вот как-то я к нему примчался
кричу папаша сокол свет
а он как сумрачный качался
кончая третий пуд конфет
мать говорит мне съешь конфетку
не дай погибнуть ты отцу
я будто ветер вырвал ветку
и молча подскочил к купцу
и говорю

отвесьте мне кило четыре часа
 и говорю
 бунтует наша раса
 но тут мой конец умирает
 в свинцовое поле несется
 последний момент озирает
 последним смехом смеется
 но тут вбегает Франц капитан
 мы говорим это что за страна
 он отвечает либо Туркестан
 либо Выборгская сторона
 ФИОГУРОВ вот оно то что не то
 ГОРСКИЙ (адвокат) скажите куда попали
 СОНЯ нас всех закопали
 АРАБСКИЙ МАЛЬЧИК милостивые государины войдите в наш сераль
 ФИОГУРОВ соглашаться или нет
 если да то или нет
 удивляться или нет
 или да то если нет
 я не знаю если я
 или знаю если я
 ИЗОТОВ (спешившись) начнем пожалуй
 Входят. Потом дерутся. Потом их выносят. Потом больше ничего нет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Жили были шесть людей
 Фиогуров и Изотов
 Горский Соня парень Влас
 вот без горя без заботы
 речка жизни их лилась
 Фиогуров был учитель
 значит физику учил
 Горский адвокат мучитель
 буквояд и князь чернил
 а Изотов был концом
 ну как будто был отцом
 воришку сына он имел
 молчит Изотов онемел

стыдится верно
или лицемерно
а Соня девушкой была
и тихой девушкой плыла
в роскошных платьях расписных
в московской шляпке золотой
в середине гордых гор лесных
она казалась молодой
ее жених был парень Влас
без туфелек и без числа
он не сводил далеко глаз
с румяного лица
и долго долго ждал кольца
однажды все они толпой
заснули. Ночь была конечно
в железной ван<н>е водопой
шуршал водичкою беспечной
очень много было часов
шел час ночной тридцать пятый
и спали все без голосов
и каждый был богатый
имел мундир и сто рублей
и много веток и стеблей
вот спят они и смотрят сны
одни из них противны
другие как стакан ясны
четвертые крапивны
то видит пуговицу он
и думает ужели это сон
пускает она имеет вид орешка
мы скажем мы скажем
этот сон насмешка
то видит форточку она
и в форточке цветок отличный
краснеет от такого сна
затем что это неприлично
то видят численность они
простую как весло
и численность лежит как дни
от страха ноги им свело

то видят хвостики вещей
то может быть событие
что будто лев рукой своей
пришел сюда убить ее
убить родить бедняжку
ничтожную бумажку
уже они устали спать
и мигом все проснулись
прошли на речку утопать
едва воды коснулись
вода прозрачная текла
от горки к морю вниз
сначала Соня вниз пошла
как яблочко анис
за нею влезли остальные
и утонули как стальные
на берегу остались брюки
да платья пышные ее
немного ног большие руки
дыханье память вот <мое.>

8—9 июня <1929>

19

ДВЕ ПТИЧКИ, ГОРЕ, ЛЕВ И НОЧЬ

Две птички как одна сова
Летели над широким морем
И разговаривали о себе
Ну просто как случайные индейцы
И тишина была в стакане

о горе птичка говорит одна
не вижу солнечного я пятна
а мир без солнечных высоких пятен
и скуп и пуст и непонятен
и я не таю как струна

беда однако в том
ответило хромое горе,
что будто мрамор это великое море
окостенело и застыло а потом
оно отплыть от берегов стремится
и вот по волнам носится тушканчик
с большим стаканом в северной руке
а в стакане словно племя
играет с барыней в ведро

Тут говорит вторая птичка
и озирает хвост унылый
и улыбается упрямо
слегка вспотев
что значит: носится тушканчик
куда несется злой зверек
и что он значит поперек.
Я не могу постичь зверька
без золотого козырька.
Пойдем молиться Богу горе
дорогое не гляди на море.

Ах что ты что ты горе скажет
Ах что ты птичка говоришь
лишь полдень Бог тебе покажет
ты зря Его боготворишь
тушканчик этот неземной
и неестественный зверек
летите птички все за мной
изображайте пузырек.

Тут птичка первая сказала
я одного не понимаю.
Она частицами летала
над пышной колокольной леса.
Она изображала беса.
Я одного не понимаю.
Неясно мне значение игры,
которой барыня монашка
со словом племя занялась

и почему игра ведро
спрошу я просто и светло

о птичка медная
сказало горе
игрушка бледная
при разговоре
теряет смысл и бытие
и все становится несносное питье
о молодая соль
значения и слова
но птичка говорит позволь
и вдруг летает безголова.
Тогда вторая половинка
сквозная будто шелковинка
порхает в облаке пустом
запуталась в крыле густом
и говорит о горе горе
спрячь в ножны молодое море
вторая птичка обезьяна
а я как десять без изъяна
я как число достойна смеха
я вся из времени и меха
и птичка села на кровать
и стала вальсы шнуровать

тут горе говорит
но что же делает тушканчик
давайте братцы поглядим
в его стакане пышном тихом
как видно появилась ночь
и слово племя тяжелеет
и превращается в предмет
и даже барыня монашка
ура ура кричит ведру
но непредвиденным молчаньем
вдруг наполняется стакан.
Лев изгибается дугой
и рев разносится тугой
над возвышенной горой

над человеческой норой
лев убивается порой.
Было жарко и темно
было скучно и окно
вылезали из земли
лопухи и ковыли
плыл утопленник распух
расписался: я лопух
если кто без головы
то скажи что он ковыль
я царь зверей
но не могу открыть дверей
вздохнули все четыре птицы
единогласно и легко
и распустив свои косицы
<летая> пили молоко
но ночь в кафтане бысролетном
и в железном картузе
сказала голосом бесплотным
виясь на пиковом тузе
о птички о родной тушканчик
вам хорошо
у вас разнообразны мысли
а в мыслях будто кости в мясе чувства
и многие понятия у вас
а я пирующие птицы
летающие так и сяк
не понимаю слова много
не понимаю вещи нуль
но ты прекрасна велика
ответил ночи пеликан
на что моя величина
скажи скажи хромое горе
из моря я извлечена
шипит внизу пустое море
как раскаленная змея
о море море
большая родина моя
сказала ночь и запищала
как бедный детский человек

и кукла в ручках затрещала
и побледнел кузен четверг
сестра сказал он ночи темной
ты ночь я день глухой и скромный
а эти звери все живые
и эти птицы молодые
и горе толстое хромое
умрут холодною зимою
солнце светить перестанет
все живущее завянет.
Земля поморщится подсохнет
и все как муха сразу сдохнет.
Тут испугались обе птички
куда бежать им от судьбы
пришли бои вражда и стычки
и помешательства столбы.
Взросли на поле сухопаром
и дело кончилось пожаром.

15 июля 1929

20

ЗЕРКАЛО И МУЗЫКАНТ

Посвящается Н. А. Заболоцкому

В комнате зеркало. Перед зеркалом музыкант Прокофьев. В
зеркале Иван Иванович.

Музыкант Прокофьев:

Иван Иванович, ты хмур,
ты хмур, печален и невесел,
как тучка голову повесил,
Иван Иванович, ты амур.

Иван Иванович (осваиваясь):

Река или божок?

Если река,
то я водянист,
если божок,
то разумом чист.

Музыкант Прокофьев:

Ты бог конечно. Посмотри
желтеют твердые цветочки
с безумным камешком внутри.
Они забавные кружочки
значки бесчисленных светил.

Иван Иванович:

А ты их посетил?

Музыкант Прокофьев:

А как же? Посещал не раз,
положим мысленно...

Иван Иванович:

И что же?

Музыкант Прокофьев:

Да там все то же,
как у нас.
Допустим — выглянет звезда
из своего гнезда
и залетает будто муха.
Я мигом напрягаю ухо,
я тихо в зверя превращаюсь
и обонянье напрягаю.
Вот в неподвижность я пришел
и сел на стол
и стал как столб,
чтоб уловить звезды дыхание
и неба скучное рыданье.
Потом присел на табурет
и созерцал небес портрет.

Иван Иванович:

И какова была картина?

Музыкант Прокофьев:

Весьма печальна и темна,
непостижима для меня, умна.
Смотри — в могильном коридоре
глухое воет море
и лодка скачет как блоха
конечности болят у лодки.
О лодка, лодка, ты плоха
ты вся больна от ног до глотки.

А в лодке стынет человек
он ищет мысли в голове
чтоб все понять и объяснить
и чтоб узнать движенья нить.

Как звать тебя, существо? —
спрошу спокойно его.

Ответит: звали Иваном,
а умер я под диваном.

И в а н И в а н о в и ч:

Скажи, скажи, какой несчастный,
какая скучная кончина
о как мне жаль тебя, мужчина
ты весь как будто сок ненастный
я слышу голос твой вокальный
Я плачу — херувим зеркальный.

В б е г а ю щ а я м а т ь:

Иван Иванович, ты божок
ударь в тарелку, дунь в рожок
в стекле испуганном и плотном
тебя мы видим все бесплотным,
ты не имеешь толщины
как дети, люди и чины.

М у з ы к а н т П р о к о ф ь е в:

Однако, подойдя к окошку
я вижу ночь и хмурую дорожку
и на дорожках этих узких
я вижу разных птичек русских.
Вот это зяблик, это ворон,
вот соловей с березы сорван.
Вот потрясающий как филин
сидит на дереве Томилин,
и думает, что он сова
и составляет он слова.

И в а н И в а н о в и ч:

Да, это я умею,
хотя подчас немею,
не в силах выразить восторга
пред поведением Наркомторга.
Глядите все:
цветы стоят на расстоянии

деревья мокрые в росе
фигуры гнут как девы Тани
услышьте все
из-под земли несутся ноты,
бегут бобры, спешат еноты,
все звери покидают норы
минорные заводят разговоры
и на своем животном языке
ругают бога, сидя на песке.
Ты, бог наш, плох
ты, шар наш, худ,
от толстых блох
свирепый зуд.
Сердиты мы, владыка всех владык
и в дикой ярости надуем свой кадык.
В х о д я щ а я б а б у ш к а:
Собрание этих атеистов
напоминает мне моря
ругательств умных сатанистов
их мысли будто якоря
застряли в сомкнутых канавах
и в человеческих тяжелых нравах.
Представим все отсутствие земли
представим вновь отсутствие всех тел
тогда войдут бездушные нули
в сей человеческий отдел.
Побледнеет как ланита
минеральная планета
вверх покатится источник
и заплачет, загрохочет,
скажет голосом песочник
что он сыпаться не хочет,
что он больше не песок,
всадник мира и кусок.
И в а н И в а н о в и ч:
Странно это все у вас
на столе пылает квас
все сомнения разобьем
в мире царствует объем
окончательный закон

встал над вами как балкон.
Говорил философ Кант:
я хотя не музыкант,
но однако понимаю
звуков чудную игру
часто мысли вынимаю
и гуляю на пиру.

Суп наперченный вкушаю
ветчину и рыбу ем,
мысли, мысли, не мешаю
вам пастися между тем.
Между тем пасутся мысли
с математикой вдвоем
мы физически прокисли
давит нас большой объем,
а они и там и тут
бессловесные растут.

Музыкант Прокофьев:

Неужели так всеильны?

Иван Иванович:

Да, по чести вам скажу
я допустим из красильной
нынче утром выхожу
относил туда свой фрак,
чтоб он мне напомнил мрак.

По земле едва шагаю
за собой не успеваю
а они вдруг понеслись
мысли — я сказал — вы — рысь!

Мысли, вы быстры как свет,
Но услышал и ответ:

— Голова у нас болит
бог носиться не велит
мир немного поредел,
а в пяти шагах — предел.

Музыкант Прокофьев:

Чем же думать?

Чем же жить?

Что же кушать?

Что же пить?

И в а н И в а н о в и ч:

Кушай польку,
пей цветы,
думай столько,
сколько ты.

Ноябрь 1929

21

Человек веселый Франц
сохранял протуберанц
от начала до конца
не спускался он с крыльца
мерял звезды, звал цветы
думал он что я есть ты.
Вечно время измеряя
вечно песни повторяя
он и умер и погиб
как двустволка и полип.
Он пугаясь видел юбку
фантазируя во сне
и садясь в большую шлюпку
плыл к задумчивой сосне
где жуков ходили роты
совершали повороты
показав богам усы
говорили мы часы
боги были невтопад
и валились в водопад.
Там в развесистой траве
созидался муравей
и светляк недобрый царь
зажигал большой фонарь.
Молча молнии сверкали
звери фыркали в тоске
и медлительно рычали
волны лежа на песке

где же? где все это было
где вращалась эта местность
солнце скажет: я забыло
опускаясь в неизвестность.
Только видно нам у Франца
появляется из ранца
человеческий ровесник
и психолог божества.
Объявляет нам кудесник
вмиг начало торжества
звезды праздные толпятся
люди скучные дымятся
мысли бегают отдельно.
Все печально и бесцельно
Боже что за торжество
Прямо смерти рождество
по заливам ходят куры
в зале прыгают амуры
а железный паровоз
созерцает весь навоз.
Франц проснулся сон зловещий
для чего здесь эти вещи?
тут как пальма стал слуга,
сзади вечности луга.
невысокий как тростник
спит на стуле воротник
керосиновая ветвь
озаряет полумрак
ты кудесник мне ответь?
сон ли это? я дурак.
но однако где кудесник
где психолог божества
он во сне считает песни
осыпаясь как листва.
Он сюда притти не может
где реальный мир стоит
Он спокойно тени множит
и на небе не блестит
дайте турки мне карету
Франц веселый возгласил

Дайте Обера ракету
лошадиных дайте сил.
Я поеду по вселенной
на прекрасной этой конке
я земли военнопленный
Со звездой устрою гонки.
С потолка взгляну на мох
я синица я <издох>
между тем из острой ночи
из пучины злого сна
появляется веночек
и ветвистая коса
Ты сердитая змея
смерть бездетная моя
здрасте скажет Франц в тоске
в каждом вашем волоске
больше мысли чем в горшке
больше сна чем в порошке
вы достаньте вашу шашку
и разрежьте мне рубашку
а потом разрежьте кожу
и меня приклейте к ложу.
Все равно жива наука
я хрипя проговорю
и себе на смену внука
в виде лампы сотворю
будет внук стоять сиять
сочинения писать,
смерть сказала ты цветок
и сбежала на восток.
Одинок остался Франц
созерцать протуберанц
мерять звезды звать цветы
составляя я и ты
лежа в полной тишине
на небесной высоте.

<1929—1930>

Снег лежит
Земля бежит
Кувыркаются светила
Ночь пигменты посетила
Ночь лежит в ковре небес
Ночь ли это? или бес?
Как свинцовая рука
спит бездумная река
и не думает она
что вокруг нее луна.

Звери лязгают зубами
в клетках черных золотых
Звери стучаются лбами
звери коршуны святых
мир летает по вселенной
возле белых жарких звезд
вьется птицею нетленной
ищет крова ищет гнезд.
нету крова нету дна
и вселенная одна.

может изредка пройдет
время бледное как ночь
или сонная умрет
во своей постели дочь
и придет толпа родных
станет руки завывать
в обиталищах стальных
станет громко завывать:
умерла она — исчезла
в рай пузатая залезла
Боже Боже пожалей
Боже правый на скале.
но ответил Бог: играй,
И вошла девица в рай.

Там вертелись вкось и вкривь
числа дома и моря
в несущественном открыв
существующее зря.

Там томился в клетке Бог
без очей без рук без ног.
так девица вся в слезах
видит это в небесах
видит разные орлы
появляются из мглы.
и тоскливые летят
и беззвучные блестят.
о, как мрачно это все
скажет хмурая девица
Бог спокойно удивится
Спросит мертвую ее
Что же мрачно, дева? что.
Мрачно Боже — бытие.
что ты дева говоришь
что ты полдень понимаешь,
ты веселье и париш
дико к сердцу прижимаешь
Ты под музыку паришь
ты со статуей блистаешь.
в это время лес взревел
окончательно тоскуя
он среди земных плевел
видит ленточку косую
Эта ленточка столбы
Эта леночка судьбы
и на небе был меркурий
и вертелся как волчок
а медведь в пушистой шкуре
грел под кустиком бочок
а кругом ходили люди
и носили рыб на блюде
и носили на руках
Десять пальцев на крюках.
и пока все это было
та девица отдохнула
и воскресла и забыла
и воскресшая зевнула.
Я спала сказала братцы
надо в этом разобраться.

сон ведь хуже макарон
сон потеха для ворон
я совсем не умираю
я лежала и зияла
извивалась и орала
я пугала это зало.
летаргический припадок
был со мною между кадок.
Лучше будем веселиться
и пойдем в кино скакать.
и помчалась как ослица
всем желаньям потакать.
Тут сияние небес.
Ночь ли это или бес.

18 января 1930

23

СВЯТОЙ И ЕГО ПОДЧИНЕННЫЕ

СВЯТОЙ. Надо дети водку пить
Надо дети сон купить
Вот лежит бесшумный сад
Скажем ляжем свят, свят, свят.
И у неба у дорожки
Свесив пристальные рожки
И забыв свои забавы
Возле города Либавы
Дети нюхайте эфир
Дети кушайте кефир
Пусть летят к вам с потолка
Три стакана молока
Дует ветер с облаков
А усы у каблуков
Люди Что за странность
Что такое
Сей эфир
Сей фефир

Отчего же он с тоскою
Этот мир и этот мир
Было очень далеко
Тех явлений молоко
СВЯТОЙ Дети люди, люди дети
Все покорствуйте диете
И ложась на постель
Вызывайте коростель
Пусть она поет и свищет
Пусть она дрожит
Птица вашим становищем
Все равно не дорожит
Птица птица
Ты глупа
Я не буду торопиться
Или съела ты клопа
Боже дайте мне напиться
Это зяблик он не птица
Это просто муравей
Кувыркался в мураве
Кувыркался и брыкался
И смеялся и ругался
И среди земных плевел
Как зарезанный ревел
Муравей мой что ревешь
Муравей кого зовешь
Муравей: Я реву
Я зову
Бабочку из бездны
Святой: Твой вой не живой
Твой вой сторожевой
Он пустой и бесполезный
Эта бабочка мертва
Как дорога и трава
Посмотрите смех и камень
Спят в ночи под бамбуками
Люди: Значит здесь мы купим сон
Значит он сюда снесен
Значит здесь его владенье
Значит здесь его костел

Эй, ночное сновиденье
Полезай же к нам в котел
Но взошла кругом луна
Как лисица у слона
И кругом в пустой беседке
Вдруг заспорили соседки
О еде
О беде
О себе
И лебеде

Первая соседка: Ты знаешь Маня
Я вся вниманье
Когда по крыше скачет вождь
Я думаю что это трус
Я думаю что это дождь
Я плачу и руками трусь
Я думаю что это Русь
Я думаю что это ветчина
И посторонняя картошка
И мне тарелка вручена
А в ней пустынная дорожка

Вторая соседка: Беда, беда сказала Лена
Глядит на нас из-под полена
Кончается народ людской
Накрывшись гробовой доской
Глядит на тощую пальбу
И выстрел ставит он ко лбу
И выстрел падает как мяч
И попадает в лоб
Тот выстрел черен как палач
Он наш смертельный клоп

Первая соседка: Еще скажу я о себе
Я пышная звезда
В моем тебе
В моей судьбе
Бессонная вода
Куда журчишь
Ручей воды
О ком ворчишь
Огонь звезды

В пространствах мира
Много лет
Я дочь эмира
Хочу галет
2 соседка: Лежат пески
И лепестки
Святой: Хорошо скажу я мысль
Ты взлети и поднимись
Над балканами небес
Где лишь Бог живет да бес
Как ты сможешь это сделать
Если ты в плену
И поднявшись до предела
Сядешь на луну
В этом светлая душа
Нам поможет анаша
Человек на коне: Человек на коне
Появляется в окне
Я сижу на седле
Ты глядишь на метле
Он поет он в петле
Мы живем на числе
Вы несетесь на осле
Они тоскуют на весле
Вопрос: О чем тоскуете
Останавливаясь
В небо дуете
Приноравливаясь
Они: Дамы дворяне
В нашем ресторане
Божественно и мило
Там бегают Людмила
Тут носится Андрей
Кричит бодрей бодрей
А этот заспанный зефир
Спокойно нюхает эфир
И музыка гремит и лает
И человеки танцы пляшут
Кто построений пожелает
А кто в гостях на воздух ляжет

Наш мир завитой
Уходи домой святой
Здесь огонь и весна
Здесь одни кусочки сна
Люди: О Боже, Боже
Святой: О рожи, рожи
Вы скелеты
Вы крупы
От долгой дрожи
Вы стали трупы
Я один я терплю
Я спокойно сон куплю
1 генерал: Восстав от сраженья
Я видел лесок
Я видел рожденье
Туман колесо
Я знал что туман
Это обман
Я знал что война
Это двойня
2 генерал: Я знаю что сон
Сидит за решеткой
Что сторож Ниссон
Гуляет с трещоткой
Я знаю что ныне
Материи власть
Мне хочется дыни
Мне хочется всласть
1 генерал: Где наши погоны
Где наши полки
Где пушек вагоны
Небес потолки
Мы оба
У гроба
Как люди
Сидим
И дым
От орудий
И груди
Едим

Святой: Сидят генералы
И гложут штыки
Сидят адмиралы
И пьют океан
О море, о море
Назад потеки
О горе, о горе
Собачка Полкан

Люди: Но где же наконец карета
И молча с темного портрета
Оно упало на скамью
На почерневшую семью
И молвил брат аристократ
Конец конца концу
И подошел к отцу
И пяточком глаза закрыв
Лежал как пальма
Был красив

Святой: Ну еще одна минута
Без борьбы и без уюта
Ну еще одно усилие
Вон вдали видна Севилья

Люди: Ура, ура
Видна гора
Мы пришли
Это Бог

Бог (громко): Исчезни

Святой (исчезая): Слава Богу

Бог: Исчезните

Все (исчезая): Слава Богу

<Март 1930>

ФАКТ, ТЕОРИЯ И БОГ

факт. и в этот день меня манил
 магнит малюток и могил
 я утром встал
 я сел на ленту.
 цвела листва.
 я поклонился монументу
 и тихо вышел за дрова
 был сон приятным
 шло число.
 я вижу ночь идет обратно,
 я вижу люди понесло
 моря, монеты и могилу
 мычание, лебедя и силу.
 Я вижу все и говорю
 и ничего не говорю.
 Я все узнал. Я понимаю
 я мысль из тела вынимаю
 кладу на стол сию змею
 ее ровесницу мою.
 Я бегаю пустой по Польше
 крича то Господи, то больше
 то лакомка, то только дольше.
 Вообще я был как сумасшедший,
 за мной виднелся только рай
 и каждый голубь, лев прошедший
 кричал скачи и помирай
 Куда умрешь?
 И что сожрешь?

Вопрос. это поле люди
 поле боевое.
 еду на верблюде
 еду я и вою.
 вою боги
 о звезде.
 Где убогие?

Ответ. везде.

Вопрос. Что мы знаем о Боге
дети, люди, друзья?
мы с тобою на небе, —
это ты, это я.
Бог летит Всемогуший
через райские кущи
сквозь пустые вершины.
сквозь моря и машины.

Теория. я сегодня скончался
Ты скончался вчера.
Кто из нас причащался?

Ответ. три пера

бегущий волк. Смешно: о чем тут разговор?
Я мимо шел. Я вижу лес.
Я долго спал. Я вижу двор.
Покойник, поле. — Я залез.
Я подошел в тоске, дыша.
Какая скука — нет меня.
Под потолком сидит душа,
как тетерев себя маня.

душа иди сюда я.
иди ко мне я.
тяжело без тебя,
как самому без себя.
скажи, мне я
который час?
скажи мне я
кто я из нас?

Факт. ты сидишь в беседке мира,
звездам и планетам брат.
по дороге два кумира
шли из Луги в Петроград
шли кумиры и виднелись.
Ордена на них блещут.
а пришли оцепенели
стали песней не летят.

Кумиры. Мы есть мы
мы из тьмы
вы есть вы

где же львы?
Мы рабы
сидим и плачем.
И в гробы
грозою скачем.
и открытые как печь
верно значим
лечь иль жесть?

Факт. однако ужасен таинственный факт
где это горы и где тот антракт
Что знаем мы дети
о Боге и сне.
Где горы эти

ответ. на той сосне.
В конце отвечало
Торчание скал.
Вот смерти начало
А я вас искал.
Да, очевидно
скажу не крестясь.
что ночь грушевидна,
вскричал воротясь,
с того постороннего света,
и мигом увидев все это.
Я был там. Я буду.
Я тут и я там.
малютку и будду
кому-то отдам.
Индийские черти
речка течет.
Два часа смерти
а Богу почет.

факт. Значительней не знал эпохи:
конец и смерть родные блохи.
Осталось что
лежать и зреть
и на себя в кулак смотреть.
Осталось что
сидеть и гнить
из смерти чудом вырвав нить.

Которые мертвые
Которые нет.
Идите четвертые
в тот кабинет.
здесь окончательно
Бог наступил.
Хмуρο и тщательно
всех потопил.
Бог (подымаясь). Садитесь.
Вы нынче мои гости.
вопрос. мы где?
ответ. мы кости?

конец.

16 апреля <1930>

25

БИТВА

Неизвестно кто. мы двое
воюем
в свирепую ночь
и воем
и дуем
и думаем
дочь.
и эта война
как таинственный ствол
малютка вина
и единственный вол
я думаю тема
проносится час.
с минутами теми
на яблоке мчась
Я тучу поймаю
другая спешит
я небо снимаю

и демон пищит.
летают болтают
большие орлы
мурлычут глотают
добычу ослы.
Но с кем ты воюешь
смешной человек
и стоя тоскуешь
стучишь в голове?
воюю со свечкой
в ночной тесноте
и памяти речка
стучит в темноте.

Человек.

человек ровесник миру
в то же время с ним рожден.
ходит с палкой по Памиру
удручен и поражен.
Где же, где же? он бормочет,
Где найду я сон и дом.
Или дождь меня замочит
Кем я создан? кем ведом
Наконец-то я родился
Наконец-то я в миру
Наконец я удавился
Наконец-то я умру.

Малютка вина.

Умираем
умираем
за возвышенным сараем
на дворе
или на стуле
на ковре
или от пули
на полу
или под полом
иль в кафтане долгополом
забавляясь на балу
В пышной шапке
в пыльной тряпке
будь богатый будь убогий
одинаково везде

мы уносимся как боги
к окончательной звезде.
Человек лежит унылый
он уж больше не жилец
он теперь клиент могилы
и богов загробных жрец
На груди сияет свечка
и едва открыт глазок
из ушей гнилая речка
вяло мочит образок
а над ним рыдает мама
и визжит его птенец
Боже что за панорама
скажет мертвый наконец
Вижу туловище Бога
вижу грозные глаза
Но могила как берлога
Над могилою лоза.
умираю умираю
и скучаю и скорблю
дней тарелку озираю
боль зловещую терплю.

Ангел.

это что за грозди.

Малютка вина.

Два бойца
два конца
посредине гвоздик.

Неизвестно кто.

Мы двое
воем
лежим
и тлеем
слегка жужжим
бежим
и млеем
летит над нами Бог зимы
но кто же мы?

<1930>

ЗНАЧЕНИЕ МОРЯ

Чтобы было все понятно
надо жить начать обратно
и ходить гулять в леса
обрывая волосы
а когда огонь узнаешь
или в лампе или в печке
то скажи чего зияешь
ты огонь владыка свечки
что ты значишь или нет
где котел где кабинет
вьются демоны как мухи
над кусочком пирога
показали эти духи
руки ноги и рога
звери сочные воюют
лампы корчатся во сне
дети молча в трубку дуют
бабы плачут на сосне
и стоит универсальный
бог на кладбище небес
конь шагает идеальный
наконец приходит лес
мы испуганно глядим
думая что это дым
лес рычит поднявши руки
лес волнуется от скуки
шепчет вяло я фантом
буду может быть потом
и стоят поля и горки
на подносе держат страх
люди звери черногорки
веселятся на пирах
бурно музыка играет
и зыряне веселятся
пастухи пастушки лают
на столах челны крутятся

а в челнах и там и тут
видны венчики минут
здесь всеобщее веселье
это сразу я сказал
то рождение ущелья
или свадьба этих скал
это мы увидим пир
на скамье присядем трубной
между тем вертяться как мир
по рукам гремели бубны
будет небо будет бой
или будем мы собой
по усам ходили чаши
на часах росли цветы
и взлетали мысли наши
меж растений завитых
наши мысли наши лодки
наши боги наши тетки
наши души наша твердь
наши чашки в чашках смерть
но сказали мы однако
смысла нет в таком дожде
мы как соли просим знака
знак играет на воде
холмы мудрые бросают
всех пирующих в ручей
в речке рюмки вырастают
в речке родина ночей
мы подумав будто трупы
показали небу крупы
море время сон одно
скажем падая на дно
захватили инструменты
души ноги порошки
и расставив монументы
засветив свои горшки
мы на дне глубоком моря
мы утопленников рать
мы с числом пятнадцать споря
будем бегать и сгорать

но однако шли года
шел туман и ерунда
кто упал на дно морское
корабельною доскою
тот наполнился тоскою
зубом мудрости стучит
кто на водоросли тусклой
постирать повесил мускул
и мигает как луна
когда колышется волна
кто сказал морское дно
и моя нога одно
в общем все тут недовольны
молча вышли из воды
позади гудели волны
принимаясь за труды
корабли ходили вскачь
кони мчались по полям
и была пальба и плач
сон и смерть по облакам
все утопленники вышли
почесались на закат
и поехали на дышле
кто был беден кто богат
я сказал я вижу сразу
все равно придет конец
нам несут большую вазу
там цветок и бубенец
это ваза это ловко
это свечка это снег
это соль и мышеловка
для веселья и для нег
здравствуй бог универсальный
я стою немного сальный
волю память и весло
слава небу унесло

<1930>

КОНЧИНА МОРЯ

МОРСКОЙ ДЕМОН:

и море ничего не значит
и море тоже круглый нуль
и человек напрасно скачет
в пучину от ножа и пуль
и в море также ходят рыбки
собаки бегают играют скрипки
и водоросли спят как тетки
и будто блохи скачут лодки
и в море также мало смысла
оно покорно тем же числам
оно пустынно и темно
быть может море ты окно?
быть может море ты одно?

ОХОТНИК:

я сам ходил в лесах по пояс
я изучал зверей науку
бывало крепкой водкой моясь
испытывал я смерть и скуку
передо мной вращались звери
разнообразные сырые
но я закрыл лесные двери
чтобы найти миры вторые
вот я стою на этих скалах
и слышу мертвых волн рычанье
и на руках моих усталых
написаны слова прощанья
прощайте горы и леса
прощай барсук прощай лиса

Я:

откуда-то идет сановник
в его руке пищит шиповник
на все глядит великосветски
икает редко по-немецки
и величаво горделиво
остановившись он стоит.

шумит сосна. болтает слива
волна безумная блесит
мечтает лодка. и пучина
вдруг говорит ему: мужчина
и ты устав от государства
и службы испытав коварство
узнав ненужность эполет
ужель тебе постыл балет
и жизнь предстала кровопийцей
и ты стоишь самоубийцей

САНОВНИК:

Вот пред вами я
пучина милая моя
я вижу здесь еще людишки
хотят купить на дне домишки
чтоб в этих домиках морских
с русалками обедать
чтобы в трактирах водяных
морской коньяк отведать
мы верим в то что не умрем
что жизнь имеет продолжение
мерцает рыба серебром
мы любим пиво любим ром
играем с бабкой в размноженье
моя невеста дурдина
мои любила ордена
но целый год весну и лето
не выходила из клозета
и я отчаялся потух
сказал себе я не петух
не пишевод она же утка
и продолжение желудка
она рабыня живота
тут появилась пустота
и понял я что все роскошно
но пакостно тоскливо тошно
и я к тебе склоняюсь море
на документах слово горе
гляди написано везде

и вижу сотни категорий
как рыбы плавают в воде
СЛУГИ ВНОСЯТ БОЛЬШОЙ ДИВАН

На диване люди птицы
Мысли мыши и кусты
И у всех печальны лица
И у всех глаза пусты
Птицы ходят по траве
Будто сны на голове
люди желтые лежат
лодки светят дребезжат
мысли крадутся в могилу
через дождь и через силу
мыши ходят вдоль домов
с видом греческих умов
и прозрачны и чисты
спят под знаменем кусты

ГОЛОС: все сюда явитесь
и зажгите ваши свечи
демон овощ дождь и витязь
нынче к нам идут на вечер
море берег и звезда
мы устроим пир огромный
вылетает ангел темный
из пучины из гнезда

АНГЕЛ:
все ли все ли
здесь собрались
все ли сели
на полу
музыканты собирались
как пингвины на скалу
выходило море в гости
с ним под руку шла звезда
и сказало море бросьте
думать бегать ерунда
думай думай думай думай
бегай прыгай и ворчи
смерть возьмет рукой угрюмой
поздно выскочут врачи

будто лебеди, родные
соберутся вокруг постели
и труды придут иные
залетают мухи в теле
но чему могу помочь
дети люди в эту ночь

ОХОТНИК:

море море госпожа
на тебя одна надежда
мы к тебе идем дрожа

САНОВНИК:

замолчи невежда!
мы море море дорогое
понять не можем ничего
прими нас милое второе
и водяное божество
как звери бегаем во мраке
откинув шпаги мысли фраки
в руке дымится банка света
взгляни могущее на это
на голове стучит венец
Приходит нам — пришел конец

МОРЕ:

я не могу.

МОРСКОЙ ДЕМОН:

а что я говорил.

ОХОТНИК:

я думаю я плачу.

МОРЕ:

я также н<ичего не значу>

<1930>

28

СУД УШЕЛ

Шел по небу человек
Быстро шел шатался

Был как статуя одет
шел и вдруг остался
ночь бежала ручейком
говорили птички
что погода ни о ком
что они отмычки
но навстречу шло дитя
шевелилось праздно
это было год спустя
это было безобразно
все кусты легли на землю
все кусты сказали внемлю
отвечал в тоске ребенок
черен я и величав
будто Бог моя одежда
слышно музыку гребенок
в балалайку побренчав
мы кричим умри надежда
николаевна мартынова
а твой муж иван степан
в темноте ночей тюльпан
и среди огня гостинного
но чу! слышно музыка гремит
лампа бедствие стремится
человек находит части
он качается от счастья
видит зеркало несут
как же как же говорит
это окружной сосуд
это входит прокурор
кто мажор а он минор
но однако не забудьте
что кругом был дикий мрак
быстро ехал на минуте
как уж сказано дурак
у него был хвост волос
вдруг создание открылось
всем увидеть довелось
той букашки быстрокрылость
и судейскую немилость

стал убийца перед ними
и стоял он в синем дыме
и стоял он и рыдал
то налево то направо
то луна а то дубрава
вот как он страдал
он стоял открывши душу
он гремел обнявши тушу
был одет в роскошну шкуру
был подобен он амуру
вот как он рыдал
сон стоял по праву руку
и держал под мышку скуку
эту новую науку
вот как он страдал

тут привстал один судья
как проворная бадья
и сказал ему: убийца
что рыдаешь что грустишь
ты престол и кровопийца
а кругом стояла тишь
обстановка этой ткани
создалась в Тьму-Таракани
Дело было так:

в квартире пошлого скворцова
стоял диван по имени сундук
в окно виднелся день дворцовый
а дальше замок виадук
а за домом был пустырь
вот тут-то в бочке и солился богатырь

но ему надоело сидеть в бочке
из червяков плести веночки
и думать что они цветочки
он вдруг затосковал о точке
он вдруг закуковал о Риме
и поглядите стал он зримей
и очутился и возник
он был мечом он стал родник
хорошо сказал им суд
это верно это так

и разбил бы сей сосуд
даже римлянин спартак
но в теченьи дней иных
на морской смотря залив
видя ласточек стальных
стал бы сей спартак соплив
стал бы он соплив от горя
прыгать в бездну прыгать в море
что же этот богатырь
не уселся в монастырь
помилуйте судьи ответил злодей
поднявши меч и всплакнув
помещик, сказал прокурор: владей
собою. он думал уснув,
что это идет по дороге не тело
ожесточенно теряя сустав
на небе новое двигалось дело
от пупс перепутствий как свечка устав
а дальше обвиняемый
что сделали вы с ним
ведь вы не невменяемый
ведь вы я вижу серафим
как сказал убийца
как вы отгадали
и фанаторийцы
мигом зарыдали
Дальше я как полагалось
Лег на печку и ревел
все живущее шаталось
револьвер в меня смотрел
да однако не забудьте
что кругом шурали птички
И летали по каюте
две неважные затычки
Ну-с пищит иван степан
мы закончим этот день
я опять в ночи тюльпан
я бросаю в поле тень
я давно себя нашел
суд ушел

И ОТКРЫВ ДРУГУЮ ДВЕРЬ
ЭТА ДВЕРЬ БЫЛА ВОЛНОЙ
Я ВОСКЛИКНУЛ ГРОМКО: ВЕРЬ
ЧТО СТОИТ НЕМАЛЫЙ ЗВЕРЬ
ЗА НОЧИ СТЕНОЙ СПЛОШНОЙ
И ПОЗВАВ СВОЮ СОБАКУ
НА ОХОТУ Я ПОШЕЛ
БОГ БОГ ГДЕ ЖЕ ТЫ
БОГ БОГ Я ОДИН
МЕЖДУ СЛОВ ДРОЖАТ КУСТЫ
ХОДЯТ ВЕНЧИКИ КАРТИН.

<1930>

29

КРУГОМ ВОЗМОЖНО БОГ

Священный полет цветов

Солнце светит в беспорядке,
И цветы летят на грядке
Тут жирная земля лежит как рысь.
Цветы сказали небо отворись
И нас возьми к себе.
Земля осталась подчиненная своей горькой судьбе.

Эф сидит на столе у ног воображаемой летающей девушки.

Крупная ночь.

Эф. Здравствуй, девушка движенье,
Ты даешь мне наслажденье
Своим баснословным полетом
И размахом ног.
Да у ног твоих прекрасный размах,
Когда ты пышная сверкаешь и носишься над болотом,
Где шипит вода —
Тебе не надо никаких дорог,
Тебе чужд человеческий страх.

ДЕВУШКА. Да, я ничего не боюсь,
Я существую без боязни.

ЭФ. Вот родная красотка скоро будут казни,
Пойдем смотреть?
А я знаешь все бьюсь, да бьюсь
Чтоб не сгореть.

ДЕВУШКА. Интересно, кого будут казнить?

ЭФ. Людей.

ДЕВУШКА. Это роскошно.
Им голову отрежут или откусят.
Мне тошно
Все умирающие трусят.
У них работ<а>ет живот,
Он перед смертью усиленно живет.
А почему ты боишься сгореть?

ЭФ. А ты не боишься, дура.
Взлетела как вершина на горе,
Блестит как смех твоя волшебная фигура
Не то ты девушка, не то вы птичка.
Боюсь я каждой спички
Чиркнет спичка,
И заплачет птичка.
Пропадет отвага
Вспыхну как бумага.
Будет чашка пепла
На столе вонять,
Или ты ослепла,
Не могу понять.

ДЕВУШКА. Чем ты занимаешься ежедневно.

ЭФ. Пожалуйста. Расскажу.
Утром встаю в два —
Гляжу на минуту гневно,
Потом зеваю, дрожу.

На стуле моя голова
Лежит и смотрит на меня с нетерпением.
Ладно, думаю, я тебя надену.
Стаканы мои наполня<ю>тся пением,
В окошко я вижу морскую пену.
А потом через десять часов я ложусь
Лягу, посвищу, покружусь,
Голову отклею. Потом сплю.
Да, иногда еще Бога молю.

ДЕВУШКА. Молишься значит?

ЭФ. Молюсь конечно.

ДЕВУШКА. А знаешь, Бог скачет
вечно.

ЭФ А ты откуда знаешь
Идиотка
Летать, летаешь
А глупа как лодка.

ДЕВУШКА. Ну, не ругайся.
Ты думаешь долго сможешь так жить.
Скажу тебе остерегайся
Учись гадать и ворожить.
Надо знать все что будет.
Может жизнь тебя забудет.

ЭФ. Я тебя не пойму:
Голова у меня уже в дыму.

ДЕВУШКА. Да знаешь ли ты, что значит время?

ЭФ. Я с временем не знаком
Увижу я его на ком?
Как твоё время потрогаю,
Оно фикция, оно идеал.
Был день? был.
Была ночь? была.

Я ничего не забыл.
Видишь четыре угла?
Были углы? были.
Есть углы? скажи, что нет, чертовка.
День это ночь в мыле.
Все твоё время веревка.
Тянется, тянется.
А обрежь, на руках останется.
Прости, милая,
Я тебя обругал.

ДЕВУШКА. Мужчина пахнувший могилою,
Уж не барон, не генерал.
Ни князь, ни граф, ни комиссар
Ни красной армии боец.
Мужчина этот Валтасар,
Он в этом мире не жилец.
Во мне не вырастет обида,
На человека мертвеца.
Я не Мазепа, не Аида,
А ты не видящий своего конца
Идем со мной.

ЭФ. Пойду без боязни
Смотреть на чужие казни.

ВОРОБЕЙ (клюющий зерна радости)
Господи, как мир волшебен,
Как все в мире хорошо.
Я пою богам молебн,
Я стираюсь в порошок
Перед видом столь могучих,
Столь таинственных вещей,
Что проносятся на тучах,
В образе мешка свечей.
Боже мой, все в мире пышно
Благолепно и умно.
Богу молятся неслышно,
Море, лось, кувшин, гумно,
Свечка, всадник, человек,
Ложка и Хаджи-абрек.

Толпа тащится. Гуляют коровы они же быки.

КОРОВЫ. Что здесь будут делать?

ОНИ ЖЕ БЫКИ. Будут резать, будут резать.

КОРОВЫ. Неужто нас, неужто вас.

ГОЛОС. Коровы, во время холеры не пейте квас,
И будет чудесно

Коровы они же быки спокойно уходят.

Появляется царь. Царь появляется. Темнеет в глазах.

ЦАРЬ. Сейчас, бесценная толпа,
Ты подойти сюда.
Тут у позорного столба,
Будет зрелище суда.
Палач будет казнить людей,
Несть эллин и несть иудей.
Всякий приходи созерцай,
Слушай и не мерцай.
Заглушите приговоренных плач
Криком, воплями и хохотом.
Бонжур палач
ходи говорю шопотом.
Люди бывают разные
Трудящиеся и праздные,
Сытые и синие,
Мокрые и высокие,
Зеленые и глаженные.
Треугольные и напوماженные.
Но все мы люди бедные в тиши
Однажды плачем зная что мы без души.
Это действительно тяжелый удар.
Подумать, что ты пар.
Что ты умрешь и тебя нет.
Я плачу.

ПАЛАЧ. Я тоже.

ТОЛПА. Мы плачем.

ПРИГОВОРЕННЫЕ. Мы тоже.

На площади раздался страшный плач. Всем стало страшно.

Входит Эф и Девушка.

ДЕВУШКА. Повадился дурак на казни ходить
Тут ему и голову сложить.

Эф. Гляди, потаскуха, на помост,
но мне не наступай на хвост.
Сейчас произойдет начало

Толпа как Лондон зарычала,
Схватила Эф за руки-ноги,
И потащив на эшафот,
Его прикончила живот
И стукнув жилкой и пером,
И добавив немного олова
Веревочным топором
Отняла ему голову.
Он сдох.

ЦАРЬ. Он плох.
Скажите как его имя.
Пойду затоплю камин,
И выпью с друзьями своими.

ВООБРАЖАЕМАЯ ДЕВУШКА (исчезая) Его фамилия Фомин.

ЦАРЬ. Ах какой ужас. Это в последний раз.

Палач (убегает)

Фомин лежал без движенья,
На красных свинцовых досках.
Казалось ему, наслажденье
Сидит на усов волосках.

Потрогаю, думает, волос,
Иль глаз я себе почешу,
А то закричу во весь голос
Или пойду подышу.
Но чем дорогой Фомин,
Чем ты будешь кричать,
Что ты сможешь чесать,
Нету тебя Фомин
Умер ты, понимаешь?

ФОМИН. Нет, я не понимаю
Я жив.
Я родственник.

ДЕВУШКА. Кто ты родственник небес
Снег, бутылка или бес.
Ты число или понятие,
Приди Фомин в мои объятия.

ФОМИН. Нет, я кажется мертв.
Уйди.

Она спешит уйти.

ФОМИН. Боги, Боги, понял ужас
Состоянья моего.
Я с трудом в слезах натужась
Свой череп вспомнить не могу.
Как будто не было его.
Беда, беда.

(расписывается в своем отчаянном положении и с трудом бежит).

ДЕВУШКА. Фомин ведь ты же убежал
И вновь ты здесь.

ФОМИН. Я убежал не весь.
Когда ревел морской прибой
Вставал высокий вал.
Я вспоминал, что я рябой

Я выл и тосковал.
Когда из труб взвивался дым
И было все в кольце
И становился я седым
Росли морщины на лице.
Я приходил в огонь и в ярость
На приближающуюся старость.
И когда осыпался лес
Шевелился на небе бес.
И приподнимался Бог.
Я в унынии шелкал блох.
Наблюдая борьбу небесных сил
Я насекомых косил.
Но дорогая дура
Я теперь безработный
Я безголов.

ДЕВУШКА. Бесплотный
Садится час на крышку гроба,
Где пахнет тухлая фигура,
Вторая тысяча волов
Идет из города особо.
Удел твой глуп
Фомин, Фомин
Вбегает мертвый господин.

(они кувыркаются)

Петр Иванович Стирkobреев, один в своей комнате жжет поленья.

Скоро юноши придут.
Скоро девки прибегут.
Мне рассеяться помочь.
Скоро вечность, скоро ночь.
А то что-то скучно
Я давно не хохотал
И из рюмки однозвучной
Водку в рот не грохотал.

Буду пальму накрывать
А после лягу на кровать.

Звонит машинка, именуемая телефон.

Да, кто говорит.

ГОЛОС. Метеорит.

СТИРКОБРЕЕВ. Небесное тело?

ГОЛОС. Да, у меня к вам дело
Я, как известно, среди планет игрушка.
Но я слышал, что у вас будет сегодня пирушка.
Можно притти.

СТИРКОБРЕЕВ. Прилетайте. (вешает трубку)
Горжусь, горжусь, кусок небесный,
Находит это интересным.
Собрание пламенных гостей
Их столкновение костей.
Не то сломался позвонок,
Не то еще один звонок
Кто это? Петр Ильич?

ГОЛОС. Нет, Стирkobреев, это я. Паралич.

СТИРКОБРЕЕВ. А, здрасте (в стороны) Вот так несчастье.
Что Вам надо.

ГОЛОС. Шипенье слышишь ада
Вонючий Стирkobреев.
Зачем тебе помада,
Ответь, ответь скорее.

СТИРКОБРЕЕВ. Помада очень мне нужна,
Сюда гостить придет княжна
У нея Рюрик был в роду.

ГОЛОС. Я тоже приду.

СТИРКОБРЕЕВ. Час от часу не легче
Пойду приготовлю свечи,
А то еще неладною порой,
Напросится к нам в гости геморрой.

Комната тухнет. Примечание: временно. Раздаются звонки.

Входят гости.

НИКОЛАЙ ИВАН. Как дела, как дела?

СТЕПАН СЕМЕНОВ Жутко. Жутко.

МАР. НАТАЛЬЕВ. Я едва не родила
Оказалось это шутка.
Где уборная у вас
Мы дорогой пили квас.

ФОМИН. Здравствуй боря,

СТИРКОБРЕЕВ Здравствуй море.

ФОМИН. Как? как ты посмел.
Я тебе отомщу.

В его ногах валялся мел.
Он думал: не спущу
Я Стирkobрееву обиды.
Летали мухи и болиды.

ФОМИН. Если я море,
Где мои волны.
Если я море,
То где челны.

А гости веселы, довольны,
Меж тем глодали часть халвы,
С угрюмой жадностью волны.

Открывается дверь. Влетает озябший Метеорит.

<МЕТЕОРИТ> Как церковный тать
обокравший кумира,
я прилетел наблюдать
эту стенку мира.

ГОСТИ (поют). В лесу растет могилка,
на ней цветет кулич.
Тут вносят на носилках
Болезнь паралич.

СТИРКОБРЕЕВ. Н<у> все в сборе
Сядем пить и есть.

ФОМИН. Я напомним Боря,
Что мне негде сесть.

СТИРКОБРЕЕВ. Эй ты море
Сядь под елью.

МАРИЯ НАТАЛЬ. Быть, чувствую, ссоре.

ВСЕ (хором) Да, дело кончится дуэлью.

(они пьют)

СЕРГ.ФАДЕЕВ. Нина Картиновна, что это ртуть?

НИНА КАРТИН. Нет, это моя грудь.

СЕРГ. ФАДЕЕВ. Скажите, прямо как вата,
вы пушка.

НИНА КАРТИН. Виновата,
А что у вас в штанах.

СЕРГ. ФАДЕЕВ. Хлопушка.

(Все смеются. За окном сияние лент.)

КУНО ПЕТР. ФИШЕР. Мария Натальевна я не монах
Разрешите я вам поцелую пуп.

МАРИЯ НАТАЛ. Сумасшедший, целуйте себе зуб.
Ниночка пойдем в ванну.

ГОСТИ. Зачем.

МАРИЯ НАТАЛ. Пойдем попишем.

ГОСТИ. Слава Богу.
А мы чистым воздухом пока подышим.

СТИРКОБРЕЕВ. В отсутствии прекрасных женщин,
Тут вырастет мгновенно ель.
На это нужно часа меньше
Сейчас мы сделаем дуэль.

ФОМ. Я буду очень рад
Отправить тебя в ад.
Ты небесное светило,
Ты что всех нас посетило
На обратном пути
Этого мертвеца захвати.

СТИРКОБРЕЕВ. Паралич, ты царь болезней,
Сам пойми в сто крат полезней
Чтобы этот полутруп,
Умер нынче бы к утру б

ПАРАЛИЧ И МЕТЕОРИТ. Мы будем секундантами. Вот вам ножи.
Колитесь. Молитесь.

ФОМ. Я сейчас тебя зарежу,
Изойдешь ты кровью свежей
Из-под левого соска
Потечет на снег тоска.
Ты глаза закроешь вяло,
Неуклюже ляжешь вниз.

И загробного подвала
Ты увидишь вдруг карниз.

СТИРКОБРЕЕВ. Не хвастай. Не хвастай.
Сам живешь последние минуты.
Кто скажет здравствуй
Ручке каюты.
Кто скажет спасибо
Штанам и комоду?
Ты дохлая рыба
иди в свою воду.

Дуэль превращается в знаменитый лес. Порхают призраки
птичек. У девушек затянулась переписка.

Шел сумасшедший царь Фомин
Однажды по земле
И ядовитый порошок кармин
Держал он на своем челе.
Его волшебная рука
ИЗОБ-ражала старика
Волнуется ночной лесок
В нем Божий слышен голосок.
И этот голос молньеносный,
Сильней могучего ножа.
Его надменно ловят сосны,
И смех лисицы, свист ужа
Сопутствуют ему.
Вся ночь в дыму.
Вдруг видит Фомин дом
это зданье козла
Но полагает в расчете седом,
Что это тарелка добра и зла.
И он берет кувшин добра
И зажигает канделябры
И спит.
Наутро, в час утра

Где нынче шевелятся арбры*,
Его встречает на березе нищий
И жалуется, что он без пищи.

НИЩИЙ. Здравствуй Фомин, сумасшедший царь.

ФОМИН. Здравствуй добряк.
Уж много лет
Я странствую.
Ты фонарь?

НИЩИЙ. Нет, я голодаю.
Нет моркови, нет и репы.
Износился фрак.
Боги стали свирепы
Мое мнение будет мрак.

ФОМИН. Ты думаешь так
А я иначе.

НИЩИЙ. Тем паче.

ФОМИН. Что паче?
Я не о том.
Я говорю про будущую жизнь за гробом
Я думаю мы уподобимся микробам
Станем почти нетелесными
Насекомыми прелестными
Были глупые гиганты
Станем крошечные бриллианты
Ценно это? ценно, ценно.

НИЩИЙ. Фомин что за сцена?
Я есть хочу

ФОМИН. Ешь самого себя.

* Арбр — по-франц. дерево <примеч. автора>

НИЩИЙ (пожирая самого себя) сказал:

Фомин, ты царь, они исчезли
И толстые тела часов
На множество во сне залезли
И стала путаница голосов.

БЕСЕДА ЧАСОВ.

Первый час говорит второму
Я пустынный.
Второй час говорит первому
Я пучина.
Третий час говорит четвертому
Одень утро.
Четвертый час говорит пятому
Сбегают звезды.
Пятый час говорит шестому
Мы опоздали.
Шестой час говорит седьмому
И звери те же часы.
Седьмой час говорит восьмому
Ты приятель рощи.
Восьмой час говорит девятому
Перебежка начинается.
Девятый час говорит десятому
Мы кости времени.
Десятый час говорит одиннадцатому
Быть может мы гонцы.
Одиннадцатый час говорит двенадцатому
Подумаем о дорогах.
Двенадцатый час говорит первый час
Я догоню тебя вечно мчась.
Первый час говорит второму
Выпей друг человеческого брому.
Второй час говорит час третий
На какой точке тебя можно встретить
Третий час говорит четвертому
Я кланяюсь тебе как мертвому
Четвертый час говорит час пятый
И мы сокровища земли тьмою объаты.

Пятый час говорит шестому
Я молюсь миру пустому.
Шестой час говорит час седьмой
Время обеденное идти домой.
Седьмой час говорит восьмому
Мне бы хотелось считать по-другому.
Восьмой час говорит час девятый
Ты как Енох на небо взятый.
Девятый час говорит десятому
Ты подобен ангелу пожаром объятому.
Десятый час говорит час одиннадцатый
Разучился вдруг что-то двигаться ты.
Одиннадцатый час говорит двенадцатому
И все же до нас не добраться уму.

ФОМИН. Я буду часы отравлять.
Примите часы с ложки лекарство.
Иное сейчас наступает царство.

СОФ. МИХ. Прошу, прошу
Войдите
Я снег сию, крошу
Мой дядя, мой родитель
Ушли к карандашу.

ФОМИН. Не может быть. Вы одна. Вы небо.

СОФ. МИХ. Я как видите одна
Сию изящно на столе
Я вас люблю до дна
Достаньте пистолет

ФОМИН. Вы меня одобряете. Это превосходно. Вот как я счастлив

СОФ. МИХ. Сергей, Иван и Владислав и Митя
Покрепче меня обнимите
Мне что-то страшно я изящна
Но все-таки кругом все мрачно
Целуйте меня в щеки.

ФОМИН. Нет в туфлю. Нет в туфлю. Большого не заслуживаю.
Святыня. Богиня. Богиня. Святыня.

СОФ.МИХ. Рази я так божественна. Нос у меня курносый глаза
щелки. Дура я, дура.

ФОМИН. Что вы, любящему человеку, как мне, все кажется лучше,
чем на самом деле.

И ваши пышные штанишки
Я принимаю за крыло
И ваши речи — это книжки
Писателя Анатоля Франса
Я в вас влюблен.

СОФ. МИХ. Фомин золотой. Лейка моя.

ФОМИН ее целует и берет. Она ему конечно отдается. Возможно,
что зарождается еще один человек.

СОФ. МИХ. Ах, по-моему мы что-то наделали.

ФОМИН. Это только кошки и собаки могут наделать. А мы люди.

СОФ. МИХ. Я бы хотела еще разик.

ФОМИН. Мало ли что. Как я тебя люблю. Скучно что-то.

СОФ. МИХ. Ангел. Богатырь ты уходишь. Когда же мы увидимся.

ФОМИН. Я когда-нибудь приду.
(Они обнялись и заплакали).

Фомин пошел на улицу а Софья Михайловна подошла к окну и
стала смотреть на него. Фомин вышел на улицу и стал мочиться.
А Софья Михайловна увидев это покраснела и сказала счастливо:
«как птичка, как маленький».

Венера сидит в своей разбитой спальне и стрижет последние
ногти.

Увидев одного пострела
Я поняла, что постарела
Он был изящен и усат
Он был высоким будто сон.
Дул кажется пассат
А может быть муссон.
Вбегают мертвый господин
Я думаю теперь уж я не та
Похожая когда-то на крота
Сама красота.
Теперь я подурнела
Живот подался вниз
А вместе с ним пупок обвис
Поганое довольно стало тело
Щетиной поросло, угрями
Я воздух нюхаю ноздрями.
Не нравится мне мой запах.
Вбегают мертвый господин
И мысли мои стали другие
Уже не такие нагие.
Не может быть случки обнаженной
у семьи прокаженной
Поэтому любитесь на сундуках
И человек и женщина в штанах.
Господи, что-то будет, что-то будет.
Вбегают мертвый господин.
Возьму я восковую свечку
И побегу учить на речку
Темнеет парус одинок
Между волос играет огонек
Вбегают мертвый господин.

ФОМИН. Спаси меня Венера
Это тот свет.

ВЕНЕРА. Что вы душка?

ФОМИН. Надежда, Любовь, София и Вера
Мне дали совет.

ВЕНЕРА. Зачем совет. Вот подушка
Приляг и отдохни.

ФОМИН. Венера, чихни.

ВЕНЕРА (чихает)

ФОМИН. Значит это не тот свет

ВЕНЕРА. Давай, давай мы ляжем на кровать
И будем сердца открывать.

ФОМИН. Я же безголовый
вид имея казака,
Я между тем без языка.

ВЕНЕРА (разочар.) Да, это обидно,
Да и другого у тебя
Мне кажется не видно.

ФОМИН. Не будем об этом говорить. Мне неприятно. Ну
неспособен и неспособен. Подумаешь. Не за тем умирал, чтобы
опять все сначала.

ВЕНЕРА. Да уж ладно, лежи спи.

ФОМИН. А что будет когда я проснусь.

ВЕНЕРА. Да ничего не будет. Все то же.

ФОМИН. Ну хорошо. Но тот свет-то я увижу наконец

ВЕНЕРА. Иди ты к чертям.

Фомин спит. Венера моется и поет.

Люблю, люблю я мальчиков
Имеющих одиннадцать пальчиков
И не желаю умирать.

А потому я начинаю скотскую жизнь. Буду мычать

Богиня Венера мычит
А Бог на небе молчит
Не слышит ея мычанья
И всюду стоит молчанье.

ФОМИН (просыпаясь) Это коровник какой-то я лучше уйду
Спустите мне, спустите сходни
Пойду искать пути Господни.

ВЕНЕРА. Тебе надо штаны спустить и отрезать то чего у тебя нет.
Беги, беги.

Вбегает мертвый господин.

ФОМИН Я вижу женщина цветок
Садится на ночную вазу
Из ягодиц ее поток
Иную образует фазу
Нездешних свойств
Я полон снов и беспокойств.
Гляжу туда,
Но там звезда.
гляжу сюда в смущеньи
Здесь человечества гнездо
и символы крещенья.
Гляди забрав с собою в путь зеркало, суму и свечи.
По комнатам несется вскачь ездок.
И харкают овечки.
О женщина! о мать!
Ты спишь накрыта одеялом
Устала ноги поднимать,
Но тщишься сниться идеалом
Кое-каким влюбленным мужчинам
Украсив свой живот пером.
Скажу развесистым лучинам
Я сам упал под топором.
Спросим: откуда она знает, что она то?

ЖЕНЩИНА (просыпаясь с блестящими слезами).
Я видела ужасный сон,
Как будто бы исчезла юбка
Горами вся покрылась шубка
И был мой голос унесен.
И будто бы мужчины неба
С крылами жести за спиной,
Как смерти требовали хлеба
Узор виднелся оспяной
На лицах их.
Я век не видела таких.
Я женщина! — я им сказала
И молча руки облизала
У диких ангелов тоски
Щипая на своей фигуре разные волосы.
Какой был страшный сон
У меня руки и ноги шуршали в страхе.
Скажи мне Бог к чему же он
Я мало думала о прахе
Подумаю еще.

ФОМИН. Подумай, улыбнись свечой
Едва ли только что поймешь
Смерть это смерти еж.

ЖЕНЩИНА. Слаб мой ум
И сама я дура
Слышу смерти шум
Говорит натура:
Все живут предметы
Лишь недолгий век,
Лишь весну да лето,
Вторник да четверг.
В тщетном издыхании
Время проводя,
В любовном колыхании
Ловя конец гвоздя.
Ты думаешь дева беспечно,
Что все кисельно и млечно.

Нет дева дорогая
Нет жизнь это не то
И ты окончишь путь рыгая,
Как пальмы и лото.

ДЕВУШКА. Однако этот разговор
Вести бы мог и черный двор
Ты глупая натура не блещешь умом
Как великие ученые Карл Маркс, Бехтерев и профессор Ом.
Все знают, что придет конец
Все знают что они свинец
Но это пустяки
Ведь мы еще не костяки
И мне не страшен сотник адовый
Вернись Фомин, шепчи, шепчи подглядывай.

ФОМИН. Я подглядываю? ничтожество
Есть на что смотреть.

ЖЕНЩИНА. Давно ты так стоишь

ФОМИН. Не помню. Дней пять или семь
Я свет потерял.
Мне не по себе
А ты что делаешь.

ЖЕНЩИНА. Хочется, хочется
Хочется поворочаться

(ворочается и так и сяк)

ФОМИН. (воет)
Ты сумрак ты непоседа
Ты тухлое яйцо.
Победа, Господи, Победа
Я вмиг узнал ее лицо.

ГОСПОДЬ. Какое же ее лицо

ФОМИН. Географическое.

НОСОВ. Важнее всех искусств
Я полагаю музыкальное
Лишь в нем мы видим кости чувств
Оно стеклянное, зеркальное.
В искусстве музыки, творец
Десятое значение имеет
Он отвлеченного купец
В нем человек немеет.
Когда берешь ты бубен или скрипку
Становишься на камень пеня,
То воздух в маленькую рыбку
Превращается от нетерпенья
Тут ты стоишь играешь чудно,
И стол мгновенно удаляется
И стул бежит походкой трудной
И география является.
Я под рокот долгих струн
Стал бы думать я перун
Или география.

ФОМИН (в испуге). Но по-моему никто не играл. Ты где был?

НОСОВ. Мало ли что тебе показалось что не играли.

ЖЕНЩИНА. Уж третий час вы оба здесь толчетесь,
Все в трепете, в песке и в суете
Костями толстыми и голосом сочтетесь
Вы ездки науки в темноте.
Когда я лягу изображать валдай
Волшебные не столь большие горы,
Фомин езжай вперед. Гусаров не болтай
Вон по краям дороги валяются ваши разговоры.

ФОМИН. Кто ваши? Не пойму твоих вопросов
Откуда ты взяла, что здесь Носов
Здесь все время один Фомин
Это я.

НОСОВ (вскипая). Ты? ты скотина!

ФОМИН. Кто я? Я? (успокаиваясь). Мне все равно (уходит)

НОСОВ. Фомина надо лечить. Он сумасшедший, как ты думаешь.

ЖЕНЩИНА. Женщина спит
Воздух летит
Ночь превращается в вазу
В иную нездешнюю фазу
Вступает живущий мир
Дормир Носов, дормир.
Жуки выползают из клеток своих
Олени стоят как убитые
Деревья с глазами святых
Качаются Богом забытые
Весь провалился мир
Дормир Носов, дормир.
Солнце сияет в потемках леса
Блоха допускается на затылок беса.
Сверкают мохнатые птички.
В саду гуляют привычки
Весь рассыпался мир
Дормир Носов, дормир

ФОМИН (возвращаясь) Я сразу сказал: у земли невысокая
стоимость.

НОСОВ. Ты бедняга не в своем уме (Они тихо и плавно уходят).

И тогда на трон природы
Сели гордые народы
Берег моря созерцать
Землю мерить и мерцать.
Так сидят они мерцают
И негромко восклицают:
Волны бейте, гром греми,
Время век вперед стреми.
По бокам стоят предметы
Безразличные молчат.

На небе вялые кометы
Во сне худую жизнь влачат.
Иные звери веселятся,
Под бессловесною луной,
Их души мрачно шевелятся
Уста закапаны слюной.
Приходит властелин прикащик
Кладет зверей в ужасный ящик
И везет их в бешенства дом,
Где они умирают с трудом.
Бойтесь бешеных собак.
Как во сне сидят народы
И глядят на огороды
Сторож нюхает табак.
Тут в пылающий камин
Вдруг с числом вошел Фомин.

ФОМИН. Человек во сне бодрится
Рыбы царствуют вокруг
Только ты луна сестрица
Только ты не спишь мой друг
Здравствуйте народы,
Петровы, Ивановы, Николаи, Марии, Силантии
На хвост природы
Надевшие мантии,
Куда глядите вы

НАРОДЫ. Мы бедняк, мы бедняк
В зеркало глядим.
В этом зеркале земля
Отразилась как змея.
Ее мы будем изучать.
При изучении земли
Иных в больницу увезли
В сумасшедший дом.

ФОМИН. А что вы изучали, глупцы?

НАРОДЫ. Мы знаем, что земля кругла,
Что камни скупцы,

Что на земле есть три угла,
Леса, дожди, дорога
И человек начальник Бога.
А над землею звезды есть
С химическим составом
Они покорны нашим уставам
В кружении небес находят долг и честь.
Да, вообще есть о чем говорить,
Все мы знаем, все понимаем.

ЗАТЫЧКИН. Ты смотришь робко,
Подобный смерти
Пустой коробкой
Пред нами вертишь.
Ужели эта коробка зла
Приветствую пришествие козла.

ФОМИН Родона начальники я к вам пришел.
И с вами говорить намерен,
Ведь сами видите вы хорошо
Что не козел я, и не черт не мерин
Тем более ни кто-нибудь другой.

Фомин сказал. Махнул рукой
Заплакал от смущенья
И начал превращенье.

РЕЧЬ ФОМИНА.

Господа, господа
Все предметы. Всякий камень
Рыбы, птицы, стул и пламень
Горы, яблоки, вода,
Брат, жена, отец и лев,
Руки, тысячи и лица,
Войну, и хижину, и гнев,
Дыхание горизонтальных рек,
Занес в свои таблицы
Неумный человек.
Если создан стул то зачем?
Затем, что я на нем сажу и мясо ем.

Если сделана мановением руки река,
Мы полагаем, что сделана она для наполнения нашего
мочевого пузыря.

Если сделаны небеса,
Они должны показывать научные чудеса.
Также созданы мужские горы,
Назначения, туман и мать,
Если мы заводим разговоры,
Вы дураки должны их понимать.
Господа, господа,
А вот перед вами течет вода
Она рисует сама по себе.
Там под кустом лежат года
И говорят о своей судьбе.
Там стул превращается в победу,
Наука изображает собой среду
И звери, чины и болезни
Плавают как линии в бездне.
Царь мира Иисус Христос
Не играл ни в очко ни в штосс
Не бил детей, не курил табак,
Не ходил в кабак.
Царь мира преобразил мир,
Он был небесный бригадир,
А мы были грешны.
Мы стали скучны и смешны.
И в нашем посмертном вращении
Спасенье одно в превращеньи.
Господа, Господа.
Глядите вся земля вода.
глядите вся вода сутки.
Выходит летающий жрец из будки
И в ужасе глядит на перемену,
На смерть изображающую пену
Родона начальники, довольны ли вы?

НАРОД Мы не можем превращенья вынести

После этого Фомин пошел в темную комнату, где посредине была
дорога.

ФОМИН. Остроносов, ты здесь

ОСТРОНОСОВ. Я весь

ФОМИН. Что ты думаешь, О чем.

ОСТРОНОСОВ. Я прислонясь плечом к стене
Стою подобный мне.
Здесь должно нечто произойти.
Допустим мы оба взаперти
Оба ничего не знаем, не понимаем.
Сидим и ждем.

ФОМИН. Война проходит под дождем
Бряцая вооруженьем.
Война полна наслаждением.

ОСТРОНОСОВ. Слушай, грохочет зеркало на обороте
Гуляет стул надменный
Я вижу в этом повороте
Его полет одновременный.

ФОМИН. Дотронься до богатого стола
Я чувствую присутствие угла

ОСТРОНОСОВ. Ай жжется.

ФОМИН. Что горит.

ОСТРОНОСОВ. Диван жжется. Он горячий.

ФОМИН. Боже мой. Ковер горит.
Куда мы себя спрячем.

ОСТРОНОСОВ. Ай жжется,
Кресло подо мной закипело.

ФОМИН. Беги, беги
Чернильница запела

Господи помоги.
Вот беда, так беда.

ОСТРОНОСОВ. Все останавливается
Все пылает.

ФОМИН. Мир накаляется Богом,
Что нам делать.

ОСТРОНОСОВ. Я в жизни вина
Не знал и не пил.
Прощайте я превратился в пепел.

ФОМИН. Если вы предметы боги
Где предметы ваша речь.
Я боюсь такой дороги
Мне во век не пересечь.

ПРЕДМЕТЫ (бормочут).
Да это особый рубикон. Особый рубикон.

ФОМИН. Тут раскаленные столы
Стоят как вечные котлы
И стулья как больные горячкой
Чернеют вдали живую пачкой
Однако это хуже чем сама смерть
Перед этим все игрушки
День ото дня все становится хуже и хуже.

<БУРНОВ> Успокойся, сядь светло
это последнее тепло.
Тема этого события
Бог посетивший предметы.

<ФОМИН> Понятно.

БУРНОВ. Какая может быть другая тема,
Чем смерти вечная система.
Болезни, пропасти и казни
Ее приятный праздник.

ФОМИН. Здесь противоречие
Я ухожу.

Лежит в столовой на столе
Труп мира в виде крем-брюле.
Кругом воняет разложением.
Иные дураки сидят
Тут занимаясь умноженьем.
Другие принимают яд.
Сухое солнце, свет, кометы,
Уселись молча на предметы.
Дубы поникли головой
И воздух был гнилой.
Движенье, теплота и твердость
Потеряли гордость.
Крылом озябшим плещет вера
Одна над миром всех людей.
Воробей летит из револьвера
И держит в клюве кончики идей.
Все прямо с ума сошли.
Мир потух. Мир потух.
Мир зарезали. Он петух.
Однако много пользы приобрели.
Миру конечно еще не наступил конец
Еще не облетел его венец.
Но он действительно потускнел.
Фомин лежащий посинел
И двухоконною рукой
Молиться начал. Быть может только Бог.
Легло пространство вдалеке.
Полет орла струился над рекой
Держал орел икону в кулаке.
На ней был Бог.
Возможно, что земля пуста от сна
Худа, тесна.
Возможно мы виновники нам страшно
И ты орел аэроплан
Сверкнешь стрелою в океан
Или коптящей свечкой

рухнешь в речку
Горит бессмыслицы звезда,
Она одна без дна,
Вбегает мертвый господин
И молча удаляет время.

<1930—1931>

30

ЕВСТАФЬЕВ И МАРГАРИТА КРОНПРИНЦЕВА

ЕВСТАФЬЕВ: Я нахожусь в великом раздражени
Есть у меня потребность в размножени
О ты широкая красавица
Хотел бы я тебе понравиться
Мечтал бы я, но нету слов и смелости
И как ручей дрожат от страха челюсти
Желал бы я с тебя сапожки снять
Хочу за спинку я тебя обнять
Твои мне нравятся большие плечи
Они блестят как в церкви свечи
Твои похожи ручки на статую
Без одежды всю босую
Мне хотелось бы к тебе приткнуться
О любви хотел бы заикнуться
До робею не могу
Но ей Богу я не лгу.

КРОНПРИНЦЕВА: Вы наверно лжете

<Лист оборван. На обороте:>

Смотрится в окно
Кто подобно речке
Говорит темно
И сжимает даму
Толстую рукой
Там проносят маму

Хмуро за рекой
Это спит обманута
Злая не жива
И лицо натянуто
Будто тетива
Кто-то из корыта
Говорит рабу
Не носи открыток
Я теперь в гробу
Не носи мне супу
Не носи конфет
Что же нужно трупу

<Оборвано>

<1930—1931>

31

КУПРИЯНОВ И НАТАША

Куприянов и его дорогая женщина Наташа, проведив тех свиных гостей, укладываются спать.

КУПРИЯНОВ, снимая важный галстук, сказал:

Пугая мглу горит свеча
У ней серебряные кости.
Наташа,
что ты гуляешь трепеща
ушли давно должно быть гости.
Я даже позабыл, Маруся,
Соня.
Давай ложиться дорогая спать,
тебя хочу я покопать
и поискать в тебе различные вещи,
недаром говорят ты сложена не так как я.

НАТАША (снимая кофту)

Куприянов мало проку с этой свечки,
Она не осветила бы боюсь овечки,

а нас тут двое,
боюсь я скоро взвою
от тоски, от чувства, от мысли, от страха,
боюсь тебя владычица рубаха
скрывающая меня в себе
я в тебе как муха.

КУПРИЯНОВ (снимая пиджак)

Скоро скоро мы с тобой Наташа
предадимся смешным наслаждениям
ты будешь со мной, я буду с тобой
заниматься деторождением.
И мы будем подобны судакам.

НАТАША (снимая юбку).

О Боже, я остаюсь без юбки.
Что мне делать в моих накрашенных штанах?

На стульях между тем стояли весьма серебряные кубки,
вино чернело как монах
и шевелился полумертвый червь.

Я продолжаю.
Я чувствую мне даже стало стыдно,
себя я будто небо обнажаю:
покуда ничего не видно
но скоро заблестит звезда.
Ужасно все погано.

КУПРИЯНОВ (снимая брюки)

Сейчас и я предстану пред тобой
почти что голый как прибор.
Я помню раньше в этот миг
я чувствовал восторг священный,
я видел женщины родник
зеленый или синий
но он был красный.
Я сходил с ума
я смеялся и гладил зад ее атласный
мне было очень хорошо
и я считал что женщина есть дудка
она почти что человек
недосягаемая утка.

Ну ладно, пока что торопись.

НАТАША (снимая штаны)

Свое роняя оперенье
я думаю твой нос и зренье
теперь наполнены мной
ты ешь мой вид земной
Уже ты предвкушаешь наслаждение
стоять на мне как башня два часа,
уже мои ты видишь сквозь рубашку волоса
и чувствуешь моей волны биенье.
Но что-то у меня мутится ум
я полусонная как скука.

КУПРИЯНОВ (снимая нижние штаны):

Я полагаю что сниму их тоже
чтоб на покойника не быть похожим
чтоб ближе были наши кожи
однако посмотрим в зеркало на наши рожи
довольно я усат. От страсти чуть-чуть красен.
Глаза блестят, я сам дрожу.
А ты красива и светла
и грудь твоя как два котла
возможно что мы черти.

НАТАША (снимая рубашку):

Смотри-ка, вот я обнажилась до конца
и вот что получилось,
сплошное продолжение лица
я вся как будто в бане.
Вот по бокам видны как свечи
мои коричневые плечи,
пониже сытых две груди,
соски сияют впереди,
под ними живот пустынный,
и вход в меня пушистый и не длинный.
и две значительных ноги,
меж них не видно нам ни зги.
Быть может темный от длины
ты хочешь посмотреть пейзаж спины.
Тут две приятные лопатки
как бы солдаты и палатки
а дальше дивное сиденье,

его небесное виденье
должно бы тебя поразить.

И шевелился полумертвый червь
кругом ничто не пело
когда она показывала хитрое тело.

КУПРИЯНОВ (снимая рубашку):

Как скучно все кругом
и как однообразно тошно
гляди я голым пирогом
здесь пред тобой стою роскошно.
и поднята могущественно к небу
моя четвертая рука
хотя бы кто пришел и посмотрел на нас
а то мы здесь одни да на иконе Спас
интересно знать сколько времени мы раздевались.
Пожалуй пол-часа, а. Как ты полагаешь?

Меж тем они вдвоем обнялись
к постели тихой подошли.
— Ты окончательно мне дорога Наташа —
ей Куприянов говорит.
Она ложится и вздымает ноги,
и бессловесная свеча горит.

НАТАША.

Ну что же Куприянов, я легла
устрой чтоб наступила мгла,
последнее колечко мира
которое еще не распаялось,
есть ты на мне.

А черная квартира
над ними издали мгновенно улыбалась.

Ложись скорее Куприянов
Умрем мы скоро.

КУПРИЯНОВ.

Нет, не хочу. (Уходит).

НАТАША.

Ужасно, я одна осталась
любовь ко мне не состоялась
лежу одна, лежу грущу
рукой в окрестности верчу. (Плачет).

КУПРИЯНОВ (сидя на стуле в одиноком наслаждении).

Я сам себя развлекаю.
Ну вот все кончилось.
Одевайся.

Дремлет полумертвый червь.

НАТАША (одевая рубашку):

Я затем тебя снимала
потому что мира мало,
потому что мира нет,
потому что он выше меня.
Я осталась одинокой дурой
со своей безумною фигурой.

КУПРИЯНОВ (одевая рубашку):

Наташа, гляди светает.

НАТАША (одевая штаны):

Уйдите я на вас смотреть не хочу
сама себя я щекочу
И от этого прихожу в удивительное счастье
Я сама для себя источник
Я люблю другого
Я молча одеваюсь в сон
из состояния нагого
я перейду в огонь одежд

КУПРИЯНОВ (одевая нижние штаны):

И нету для меня надежд
Мне кажется, что становлюсь я меньше
и бездыханнее и злее
от глаз подобных жарких женщин
бегут огни по тела моего аллее.
Я сам не свой.

Зевает полумертвый червь.

НАТАША (одевая юбку):

Какой позор, какое бесстыдство
Я доверилась последнему негодяю
Это хам человеческого рода
и такие тоже будут бессмертными.

Стояла ночь, была природа

Зевает полумертвый червь.

КУПРИЯНОВ (одевая брюки):

О природоведение, о логика, о математика, о искусство
не виноват же я что верил в силу последнего чувства.
О как все темнеет
мир окончательно давится
его тошнит от меня
меня тошнит от него
достоинство спряталось за последние тучи.
Я не верил в количество звезд.
Я верил в одну звезду.
Оказалось что я одинокий ездок
и мы не были подобны судакам.

НАТАША (одевая кофту)

Гляди идиот, гляди
на окончания моей груди
они исчезают, они уходят, они уплывают,
потрогай их дурак.
Сейчас для них наступит долгий сон
Я превращаюсь в лиственницу
я пухну.

КУПРИЯНОВ (одевая пиджак):

Я говорил, что женщина это почти что человек,
она дерево.
Что же теперь делать.
Я закурю, я посижу, я подумаю.
Мне все чаще и чаще кажется странным
что время еще движется.
Что оно еще дышит.
неужели время сильнее смерти.

Возможно что мы черти.
прощай дорогая лиственница Наташа
Восходит солнце мощное как свет
Я больше ничего не понимаю.

Он становится мал-мала меньше и исчезает.
природа предается одинокому наслаждению.

<Сентябрь 1931>

32

МИР

Демон.	Няню демон спросил Няня, сколько в мире сил. Отвечала няня две обе силы в голове.
Няня.	Человек сидит на ветке и воркует как сова а верблюды стоят в беседке и волнуется трава.
Человек.	человек сказал верблюду ты напомнил мне иуду
Верблюд.	отчего спросил верблюду я не ем тяжелых блюд.
Дурак-логик.	Но верблюду сказал дурак ведь не в этом сходство тел. в речке тихо плавал рак от воды он пропотел но однако потный рак не похож на плотный фрак пропотевший после бала.

Смерть.	Смерть меня поколебала я на землю упаду под землей гулять пойду.
Убийцы.	Появились кровопийцы под названием убийцы. С ними нож и пистолет жили двести триста лет. И построили фонтан. и шкатулку и шантан. во шантане веселились во фонтане дети мылись.
Няньки.	Няньки бегали с ведерком По окружности земной. все казалось им пятеркой
Он	Звери лазали за мной Он казалось им герой А приснился им горой.
Звери плача.	Звери плача: ты висел Все проходит без следа. Молча ели мы кисель лежа на кувшине льда.
рог. бараны	Мы во льду видали страны мы рогатые бараны.
Демон.	Бросьте звери дребедень Настает последний день. Новый кончился <ш>ильон Мир ложится утомлен Мир ложится почивать Бог собрался ночевать Он кончает все дела
Лягушка.	Я лягушку родила. Она взлетела со стола Как соловей и пастила теперь живет в кольце сатурна

бесшабашно, вольно, бурно
существует квакает
Так что кольца крикают.

висящие люди. Боже мы развешаны
Боже мы помешаны
Мы на дереве висим
в дудку голоса свистим
шашкой машем вправо влево
как сундук и королева.

Нянька Сила первая светло
а за ней идет тепло
а за ней идет движенье
и животных размноженье.

Тапир. Как жуир спешит тапир
На земли последний пир

Метеор. И сверкает как костер
в пылком небе метеор.

Эпилог. На обоях человек
А на блюдечке четверг.

<1931—1933>

33

<СЕРАЯ ТЕТРАДЬ>

<I>

Над морем темным благодатным
носился воздух необъятный
он синим коршуном летал,
он молча ночи яд глотал.
И думал воздух: все проходит,
едва висит прогнивший плод.

Звезда как сон на небо всходит,
пчела бессмертная поет.
Пусть человек как смерть и камень,
безмолвно смотрит на песок.
цветок тоскует лепестками
и мысль нисходит на цветок.
(А воздух море подметал
как будто море есть металл).
он понимает в этот час
и лес и небо и алмаз.
цветок он сволочь, он дубрава,
мы смотрим на него направо
покуда мы еще живем
мы сострижем его ножом.
(А воздух море подметал
как будто море есть металл).
Он человека стал мудрее
он просит имя дать ему.
цветок мы стали звать андреем,
он нам ровесник по уму.
вокруг него жуки и пташки,
стояли как лесные чашки.
вокруг него река бежала
свое вытягивая жало.
и бабочки и муравьи,
над ним звенят колоколами,
приятно плачут соловьи
летая нежно над полями.
А воздух море подметал,
как будто море есть металл.

<II>

Колоколов.

Я бы выпил еще одну рюмку водички,
за здоровье этой воздушной птички
которая летает как фанатик,
над кустами восторга кружится как лунатик

магнитный блеск ее очей
принимает высшую степень лучей.
она порхает эта птичка свечка,
над каплей водки, над горой, над речкой,
приобретая часто вид псалма.
имея образ вещи сквозной.
не задевает крылышко холма,
о ней тоскует человек земной.
она божественная богиня,
она милая бумага Бога.
ей жизни тесная пустыня,
нравится весьма немного.
Ты птичка самоубийство
или ты отречение.

Кухарский.

Хотел бы я потрогать небесное тело,
которое за ночь как дева вспотело.
и эту необъяснимую фигуру ночи,
мне обозреть хотелось бы очень.
эту отживающую ночь
эту сдыхающую дочь
материальную как небесный песок,
увядающую сейчас во вторник,
я поднял бы частицу этой ночи как лепесток,
но я чувствую то же самое.

Свидерский.

Кухарский может быть ты нанюхался эфиру?

Кухарский.

Я камень трогаю. Но твердость камня
меня уже ни в чем не убеждает.
Пусть солнце на небе сияет будто пальма,
но больше свет меня не освещает.
Все все имеет цвет,
все все длину имеет,
имеет ширину, и глубину комет
все все теперь темнеет.
и все остается то же самое.

Колоколов.

Что же мы тут сидим как дети,
не лучше ль нам сесть и что-нибудь спети
допустим песню.

Кухарский.

давайте споем поверхность песни.

Песня про тетрадь.

море ты море ты родина волн,
волны это морские дети.
Море их мать
и сестра их тетрадь,
вот уж в течение многих столетий.
И жили они хорошо.
И часто молились.
Море Богу,
И дети Богу,
А после на небо переселились,
оттуда брызгали дождем
и вырос на месте дождливом дом.
Жил дом хорошо.
учил он двери и окна играть,
в берег, в бессмертие, в сон, и в тетрадь.
Однажды.

Свидерский.

Однажды я шел по дороге отравленный ядом
и время со мною шагало рядом.
различные птенчики пели в кустах,
травы опускались на разных местах.
могучее море как бранное поле, вдали возвышалось.
мне разумеется плохо дышалось.
Я думал о том почему лишь глаголы,
подвержены часу, минуте и году.
а дом лес и небо как будто монголы,
от времени вдруг получили свободу.
я думал и понял. Мы все это знаем,
что действие стало бессонным китаем

что умерли действия, лежат мертвецами,
и мы их теперь украшаем венками.
Подвижность их ложь, их плотность обман,
их неживой поглощает туман.
Предметы как дети, что спят в колыбели.
Как звезды что на небе движутся еле.
Как сонные цветы, что беззвучно растут,
предметы как музыка они стоят на месте.
Я остановился. Я подумал тут,
я не мог охватить умом нашествие всех новых бедствий.
И я увидел дом ныряющий как зима,
и я увидел ласточку обозначающую сад
где тени деревьев как ветви шумят,
где ветви деревьев как тени ума.
Я услышал музыки однообразную походку,
я пытался поймать словесную лодку.
Я испытывал слово на огне и на стуже,
но часы затягивались все туже и туже.
и царствовавший во мне яд,
властвовал как пустой сон.
однажды.

<III>

Перед каждым словом я ставлю вопрос: что оно значит, и над
каждым словом я ставлю показатель его времени. Где дорогая
душечка Маша и где ее убогие руки глаза и прочие части?
Где она ходит убитая или живая. Мне неважно. Кому? мне.
Что? неважно. Я один как свеча. Я семь минут пятого один
8 минут пятого, как девять минут пятого свеча 10 минут пятого.
Мгновенья как не бывало. Четырех часов тоже. Окна тоже. Но все
то же самое.

Темнеет, светает, ни сна не видеть,
где море, где слово, где тень, где тетрадь.
всему наступает сто пятьдесят пять.

<IV>

Свидерский. Перед тобой стоит дорога. И позади тебя лежит тот же путь. Ты стал, ты остановился на быстрый миг, и ты, и мы и все увидели дорогу впереди тебя. Но вот тут мы взяли все и обернулись на спину то есть назад, и мы увидели тебя дорога, мы осмотрели тебя путь, и все все как один подтвердили правильность ее. Это было ощущение — это был синий орган чувств. Теперь возьмем минуту назад, или примеряем минуту вперед, тут вертись, или оглядываясь нам не видно этих минут, одну из них прошедшую мы вспоминаем, другую будущую точку воображаем. Дерево лежит, дерево висит, дерево летает. Я не могу установить этого. Мы не можем ни зачеркнуть, ни ощупать этого. Я не доверяю памяти, не верю воображению. Время единственное что вне нас не существует. Оно поглощает все существующее вне нас. Наступает ночь ума. Время всходит над нами как звезда. Закинем свои мысленные головы, то есть умы. Глядите оно стало видимым. Оно всходит над нами как ноль. Оно все превращает в ноль. ([Последняя надежда — Христос воскрес.])

Христос Воскрес — последняя надежда.

<V>

Все что я здесь пытаюсь написать о Времени, является строго говоря неверным. Причин этому две. 1) всякий человек, который хоть сколько-нибудь не понял время, а только не понявший хотя бы немного понял его, должен перестать понимать и все существующее. 2) Наша человеческая логика, и наш язык не соответствуют времени, ни в каком ни в элементарном ни в сложном его понимании. Наша логика и наш язык скользят по поверхности времени.

Тем не менее, м. б. что-нибудь можно попробовать и написать если и не о времени, не по поводу непонимания времени, то хотя бы попробовать установить те некоторые положения нашего поверхностного ощущения времени, и на основании их нам может стать ясным путь в Смерть, и в сумрак, в Широкое непонимание.

Если мы почувствуем дикое непонимание, то мы будем знать что этому непониманию никто не сможет противопоставить ничего ясного. Горе нам, задумавшимся о времени. Но потом при разрастании этого непонимания тебе и мне станет ясно что нету, ни горя, ни нам, ни задумавшимся, ни времени.

1. Время и Смерть.

Не один раз я чувствовал, и понимал или не понимал Смерть. Вот три случая твердо во мне оставшихся.

1. Я нюхал эфир в ванной комнате. Вдруг все изменилось. На том месте, где была дверь, где был выход, стала четвертая стена, и на ней висела повешенная моя мать. Я вспомнил что мне именно так была предсказана моя смерть. Никогда никто мне моей смерти не предсказывал. Чудо возможно в момент Смерти. Оно возможно потому что Смерть есть остановка времени.

2.) В тюрьме я видел сон. Маленький двор, площадка, взвод солдат, собираются кого-то вешать кажется негра. Я испытал сильный страх, ужас, и отчаяние. Я бежал. И когда я бежал по дороге, то понял что убежать мне некуда. Потому что время бежит вместе со мной и стоит вместе с приговоренным. И если представить его пространственно то это как бы один стул на который и он и я сядем одновременно. Я потом встану и дальше пойду, а он нет. Но мы все-таки сидели на одном стуле.

3. Опять сон. Я шел со своим отцом, и не то он мне сказал, не то я сам вдруг понял: что меня сегодня через час и через $1\frac{1}{2}$ повесят. Я понял, я почувствовал остановку. И что-то по-настоящему наконец наступившее. По-настоящему совершившееся, это смерть. Все остальное не есть совершившееся. Оно не есть даже совершающееся. Оно пупок, оно тень листа, оно скольжение по поверхности.

2. Простые вещи

Будем думать о простых вещах. Человек говорит: завтра, сегодня, вечер, четверг, месяц, год, в течение недели. Мы считаем часы в дне. Мы указываем на их прибавление. раньше мы видели только половину суток, теперь заметили движение внутри целых суток. Но когда наступают следующие, то счет часов мы начинаем сначала. Правда зато к числу суток прибавляем

единицу. Но проходит 30 или 31 суток. И количество переходит в качество оно перестает расти. Меняется название месяца. Правда с годами мы поступаем как бы честно. Но сложение времени отличается от всякого другого сложения. Нельзя сравнить три прожитых месяца с тремя вновь выросшими деревьями. Деревья присутствуют и тускло сверкают листьями. О месяцах мы с уверенностью сказать того же не можем. Названия минут, секунд, часов, дней, недель и месяцев, отвлекают нас даже от нашего поверхностного понимания времени. Все эти названия аналогичны, либо предметам, либо понятиям и исчислениям пространства. Поэтому прожитая неделя лежит перед нами как убитый олень. Это было бы так, если бы время только помогало счету пространства, если бы это была двойная бухгалтерия. Если бы время было зеркальным изображением предметов. На самом деле предметы это слабое зеркальное изображение времени. Предметов нет. На, поди их возьми. Если с часов стереть цифры, если забыть ложные названия, то уже может быть время захочет показать нам свое тихое туловище, себя во весь рост. Пускай бегают мышь по камню. Считай только каждый ее шаг. Забудь только слово каждый, забудь только слово шаг. Тогда каждый ее шаг покажется новым движением. Потом так как у тебя справедливо исчезло восприятие ряда движений как чего-то целого что ты называл ошибочно шагом (Ты путал движение, и время с пространством. Ты неверно накладывал их друг на друга.) то движение у тебя начнет дробиться, оно придет почти к нулю. Начнется мерцание. Мышь начнет мерцать. Оглянись: мир мерцает (как мышь).

Глаголы.

Глаголы, в нашем понимании существуют как бы сами по себе. Это как бы сабли и винтовки сложенные в кучу. Когда идем куда-нибудь, мы берем в руки глагол идти. Глаголы у нас тройственны. Они имеют время. Они имеют прошедшее, настоящее и будущее. Они подвижны. Они текучи. Они похожи на что-то подлинное существующее. Между тем нет ни одного действия которое бы имело вес, кроме убийства, самоубийства, повешения, и отравления. Отмечу что последние час или два перед смертью могут быть действительно названы часом. Это есть что-то целое,

что-то остановившееся, это как бы пространство, мир, комната или сад освободившиеся от времени. Их можно пощупать. Самоубийцы и убитые у вас была такая секунда, а не час? Да секунда, ну две, ну три, а не час говорят они. Но они были плотны и неизменны? да, да.

Глаголы на наших глазах доживают свой век. В искусстве сюжет и действие исчезают. Те действия которые есть в моих стихах, не логичны и бесполезны, их нельзя уже назвать действиями. Про человека, который раньше одевал шапку и выходил на улицу, мы говорили он вышел на улицу. Это было бессмысленно. Слово вышел, непонятное слово. А теперь: он одел шапку, и начало светать, и небо взлетело как орел.

События не совпадают со временем. Время съело события. От них не осталось косточек.

Предметы.

Дом у нас не имеет времени. Лес у нас не имеет времени. Может быть человек инстинктивно чувствовал непрочность, хотя бы на одно мгновение плотность вещественной оболочки предмета. Даже настоящего, того настоящего времени, о котором давно известно что его нет, и того он не дал предмету. Выходит, что дома и неба и леса еще больше нет чем настоящего.

Когда один человек жил в своем собственном ногте, то он огорчался и плакал и стонал. Но как-то он заметил, что нет вчера, нету завтра, а есть только сегодня. И прожив сегодняшний день, он сказал: есть о чем говорить. Этого сегодняшнего дня нет у меня, нет у того который живет в голове, который скачет, как безумный, который пьет и ест, у того который плавает на ящике, и у того который спит на могиле друга. У нас одинаковые дела. Есть о чем говорить.

И он стал обозревать мирные окрестности, и в стенках сосуда времени ему показался Бог.

Животные.

Восходит скверная заря. Лес просыпается. И в лесу на дереве, на ветке, подымается птица и начинает ворчать о звездах, которые она видела во сне, и стучит клювом в головы своих серебряных птенцов. И лев, и волк и хорек, недовольно и сонно

лижут своих серебряных детенышей. Он лес, он напоминает нам буфет, наполненный серебряными ложками и вилками. Или, или, или смотрим течет, синяя от своей непокорности река. В реке порхают рыбы со своими детьми. Они смотрят божескими глазами на сияющую воду, и ловят надменных червячков. Подстерегает ли их ночь, подстерегает ли их день. Букашка думает о счастье. Водяной жук тоскует. Звери не употребляют алкоголя. Звери скучают без наркотических средств. Они предаются животному разврату. Звери время сидит над вами. Время думает о вас, и Бог. Звери вы колокола. Звуковое лицо лисицы смотрит на свой лес. Деревья стоят уверенно как точки, как тихий мороз. Но мы оставим в покое лес, мы ничего не поймем в лесу. Природа вянет как ночь. Давайте ложиться спать. Мы очень омрачены.

Точки и седьмой час.

Когда мы ложимся спать, мы думаем, мы говорим, мы пишем: день прошел. И завтра мы не ищем прошедшего дня. Но пока мы не легли, мы относимся к дню так как будто бы он еще не прошел, как будто бы он еще существует, как будто день это дорога по которой мы шли, дошли до конца и устали. Но при желании могли бы пойти обратно. Все наше деление времени, все наше искусство относится к времени так, как будто бы безразлично когда это происходило, происходит или будет происходить. Я почувствовал и впервые не понял время в тюрьме. Я всегда считал что по крайней мере дней пять вперед, это то же что дней пять назад, это как комната в которой стоишь посредине, где собака смотрит тебе в окно. Ты захотел повернуться, и увидел дверь, а нет увидел окно. Но если в комнате четыре гладких стены, то самое большое что ты увидишь это смерть на одной из стен. Я думал в тюрьме испытывать время. Я хотел предложить, и даже предложил соседу по камере, попробовать точно повторять предыдущий день, в тюрьме все способствовало этому, там не было событий. Но там было время. Наказание я получил тоже временем. В мире летают точки, это точки времени. Они садятся на листья, они опускаются на лбы, они радуют жуков. Умирающий в восемьдесят лет, и умирающий в 10 лет, каждый имеют только секунду смерти. Ничего другого они не имеют. Бабочки однодневки перед нами столетние псы.

Разница только в том что у восьмидесятилетнего нет будущего, а у 10летнего есть. Но и это неверно. Потому что будущее дробится. Потому что прежде чем прибавится новая секунда исчезнет старая, это можно было бы изобразить так. Только нули должны быть

0 0 0 0 0 0 0

0 0 0

не зачеркнуты а стерты. А такое секундное мгновенное будущее есть у обоих. Или у обоих его нет, не может и не могло быть раз они умирают. Наш календарь устроен так что мы не ощущаем новизны, каждой секунды. А в тюрьме эта новизна каждой секунды, и в то же время ничтожность этой новизны стала мне ясной. Я не могу понять сейчас, если бы меня освободили двумя днями раньше или позже была ли бы какая-нибудь разница. Становится непонятным, что значит раньше и позже, становится непонятным все. А между тем петухи кричат каждую ночь. Но воспоминания вещь ненадежная, свидетели путаются и ошибаются. В одну ночь не бывает два раза 3 часа, убитый лежащий сейчас, был ли убит минуту тому назад и будет ли убитым послезавтра. Воображение непрочно. Каждый час хотя бы если не минута должен получить свое число, с каждым следующим прибавляющееся, или остающееся все тем же. Скажем, что у нас седьмой час и пусть он тянется. Надо для начала отменить хотя бы дни, недели и месяца. Тогда петухи будут кричать в разное время, а равенство промежутков не существует, потому что существующее, не сравнить уже с несуществующим а может быть и несуществовавшим. Почему мы знаем? Мы не видим точек времени, на все опускается седьмой час.

Печальные Останки событий

Все разлагается на последние смертные части. Время поедает мир. Я не по

<1932—1933>

ГОСТЬ НА КОНЕ

Конь степной
бежит устало
пена каплет с конских губ.
Гость ночной
тебя не стало
вдруг исчез ты на бегу.
вечер был.
Не помню твердо
было все черно и гордо.
Я забыл
существование
слов, зверей, воды и звезд.
вечер был на расстоянии
от меня на много верст.
я слышал конский топот,
и не понял, этот шопот,
я решил что это опыт
превращения предмета,
из железа, в слово, в ропот,
в сон, в несчастье, в каплю света.
дверь открылась
входит гость
Боль мою пронзила
кость.
Человек из человека
наклоняется ко мне
на меня глядит как эхо
он с медалью на спине.
он обратной рукою
показал мне над рекою
рыба бегала во мгле
отражаясь как в стекле.
я слышал дверь и шкаф
сказали ясно
конский храп
я сидел и я пошел,

как растение как стол.
как понятие неживое.
как пушинка
или жук.
На собрание мировое
насекомых и наук.
гор и леса
скал и беса.
Птиц и ночи,
слов и дня.
Гость я рад
я счастлив очень
я увидел край коня.
Конь был гладок
без загадок
прост и ясен как ручей.
Конь бил гривой
торопливой,
говорил я -
я съел бы щей.
Я собрания председатель
я на сборище пришел.
Научи меня создатель
Бог ответил: хорошо.
повернулся
боком конь
и я взглянул
в его ладонь.
Он был не страшный.
Я решил
я согрешил
значит Бог меня лишил,
воли, тела и ума.
Ко мне вернулся день вчерашний.
В кипятке
была зима
В ручейке
была тюрьма
был в цветке
болезней сбор,

был в жуке
ненужный спор.
Ни в чем я не увидел смысла.
Бог Ты может быть отсутствуешь?
Несчастье.
Нет я все увидел сразу,
поднял дня немую вазу,
я сказал смешную фразу,
чудо любит пятки греть.
Свет возник,
слова возникли,
мир поник
орлы притихли,
человек стал бес.
и покуда
будто чудо
через час исчез.

Я забыл существование,

я созерцал
вновь
расстояние.

<1931—1933>

35

ЧЕТЫРЕ ОПИСАНИЯ

Зумир Желая сообщить всем людям,
зверям, животным и народу.
о нашей смерти, птичьим голосом,
Мы разговаривать сегодня будем,
и одобрять лес, реки и природу,
спешим. Существовал ли кто?
Быть может птицы или офицеры,
и то мы в этом не уверены,
но все же, нельзя, нельзя, нельзя.

Забыть хотя бы те примеры,
у птиц не существуют локти,
кем их секунды смиренны.

Кумир. Прерву тебя.

Зумир. Что.

Кумир. Тебя прерву.

Зумир. Прерви.

Кумир. Прервал тебя.

Зумир. Я продолжаю.

Чумир. Весь в мыслях я лежал.
обозревая разные вещи.
Предметы. Я желал.
Горело все кругом.
спешило все. бегом. бегом.
впрочем когда следишь за временем,
то кажется что все бежит.
и кажется гора дрожит,
и море шевелится.
Песок с песчинкой говорит,
и будто рыбы бьются,
цветы и чай на блюдце.
Луна с луной,
звезда с звездой,
и снег с водой,
и снег седой
и хлеб с едой...
езде как будто бы видны сраженья.
все видим в площади движенья.
Мы спим. Мы спим.

Тумир. Что в мире есть? Ничего в мире нет, все только может
быть?

Кумир. Что ты говоришь? А енот есть. А бобер есть. А море есть.

Тумир. Всего не счесть
что в мире есть.
Стакан и песнь
и жук и лесть.
По лесу бегающие лисицы,
стихи, глаза, журавль и синицы,
идвигающаяся вода,
медь, память, планета и звезда,
одновременно не полны
сидят на краешке волны.
Со всех не видим мы сторон,
ни пауков и ни ворон.
в секунду данную оне,
лежат как мухи на спине.
В другую боком повернутся,
Пойди поймай их, они смеются.
Не разглядеть нам мир подробно
ничтожно все и дробно.
Печаль меня от этого всего берет.

Кумир. Ночь ужасная черна,
Жизнь отвратительна страшна.
Друг друга человек жалеет,
слезами руки поливает
щеку к щеке он прижимает,
он сон лелеет.
бессмертен сон.
Лежит человек
с девой на кровати,
ее обняв.
На столике свеча дымится,
в непостижимое стремится.
обои хладнокровны,
стаканы дышат ровно..
Как будто бы миролюбива ночь,
блистают точные светила.
Страсть человека посетила,
и он лежит жену обняв.

он думает какого черта,
все хорошо кругом все мертво.
Лишь эта девушка жена,
Жива и дивно сложена.
Растения берет он в руки,
и украшает ей живот.
Цветами музыки ее он украшает,
слогами шумными он ей поет.
Но ночь предстанет,
вдруг оживлена.
Свеча завянет,
закричит жена.
На берег выбежит кровати,
туда где бьет ночной прибой.
и пену волн и перемену,
они увидят пред собой.
Проснутся каменные предметы
и деревянные столы.
взлетят над ними как планеты,
богоподобные орлы.

Тумир. Так значит нет уверенности в часе,
и час не есть подробность места.
Час есть судьба,
О, дай мне синьку.

3-ий Умир.(ающий) Хочу рассказать историю моей смерти.

Шесть месяцев уж шла война,
Я был в окопах. Я не пил вина.
Не видел женской незабудки.
Не видел сна. Не знал постели.
Не слышал шутики.
Пули сплошь свистели.
Немецкие руки врагов,
Не боялись наших штыков.
Турецкие глаза врагов,
Не пугались наших богов.
Австрийская грудь врага,
Стала врагу не дорога
Лишь бы ему нас разбить.

Не знали мы все как нам тут быть.
Мы взяли Перемышль и Осовец,
был каждый весел.
богач сибирский иль купец,
иль генерал встать уже не могший с кресел.
все смеялись. Стало быть
нам удалось врага разбить
и победить и вдруг убить.
Лежат враги без головы,
На бранном поле.
И вдовы их кричат увы,
Их дочери плачут оли.
Все находились мы в патриотическом угаре,
Но это было с общей точки зрения.
Лес не заслуживает презрения,
река течет одновременно покорная своей судьбе.
Что расскажу я о себе?

1-ый умир.(ающий.) Я тебя прерву.

3-ий умир.(ающий.) что?

1-ый умир.(ающий.) Прерву тебя.

3-ий умир.(ающий.) Прерви меня.

1-ый умир.(ающий.) Прервал тебя.

2-ой умир.(ающий.) Я продолжаю.

3-ий умир.(ающий.) В окопе на кровати я лежал,
и Мопассана для себя читал.
и раздражался от желания,
приласкать какую-нибудь пышную Маланию.
Хотелось мне какую-нибудь девушку помять,
В присутствии моей довольно близкой смерти.
Мысли эти были плохи,
и в наказание мне, живот поверьте,
кусали вши, чесали блохи.
Вдруг выбегает

денщик Ермаков.
Кричит выбегает
Торопится в псков.
Вдруг приходит,
фельдфебель Путята.
кричит и уходит,
в одежде богатой.
И все рядовые,
вынув штыки,
идут городовые,
кричат пустяки.

Вся армия бежит,
она бежит как раз.
Оставлена Варшава
И Рига, Минск и Павел Павлович Кавказ.
А вышел я на край реки,
держа в руке пустые пузырьки,
и с грустью озираю досадное поражение,
как быстро кончилось несчастное сражение.
И надо мной вертелся ангелок,
он чью-то душу в рай волок,
и мне шептал, и твой час близок,
тебе не спать, с твоей невестой Лизой.
И выстрел вдруг раздался,
и грудь моя поколебалась.
уж я лежал. шатался.
и надо мной береза улыбалась.
Я был и ранен и убит.

То было в тысячу девятьсот четырнадцатом году.

4-ый умирающий. Да это верно. О времени надо думать также
как о своей душе. Это верно.

2-ой умирающий. Хочу рассказать вам историю своей смерти.

Я сидел в своей гостиной,
Я сидел в своей пустынной
Я сидел в своей картинной
Я сидел в своей старинной,
Я сидел в своей недлинной,
За столом.

Я сидел за столом.
вовсе не махал веслом.
Я не складывал частей,
я сидел и ждал гостей
без костей.
Ко мне шли гости.
Мария Павловна Смирнова,
Секретарь суда грязнов
Старый, хмурый, толстый, вдовый,
и Зернов.
Генерал и генеральши,
юнкер Пальмов, гусар Борецкий,
круглый, что орех твой грецкий
дальше.
Вечер славно протекал,
как всегда в еде, в беседе.
За освобождение крестьян
вдруг разбушевался генерал,
он был смутьян.
Крестьян освобождать не надо,
им свобода хуже ада.
им надо кашу, надо плетть,
Нет их надо пожалеть,
сказал купец Вавилов,
довольно их судьба давила.
вмиг завязался спор на час,
И всех развлек и занял нас.
Вдруг на меня тоска напала,
я беспокойство, ощутил.
С тоской взглянул на генерала.
и на Вавилова взглянул.
Борецкий с дамами шутил
трещал под ним некрепкий стул.
Я к зеркалу направился в досаде.
Казалось мне за мной шагает кто-то сзади,
и в зеркало я увидел скворцова,
он умер восемь лет назад.
Его глаза полуприкрыты,
и щеки синие небриты,
и мертвый и дурацкий взгляд

манил меня выйти из столовой,
он мне шептал: ты слаб и стар,
тут меня хватил третий апоплексический удар
Я умер.

Это было в тысячу восемьсот пятьдесят восьмом году.

1-ый умир.(ающий.) да покойники, мы пьем из невеселой чаши,

Нам не сладки воспоминанья наши.

Я также был когда-то жив.

И финский я любил залив.

На состояние воды рябое,

Глядел; и слушал шум прибоя.

Картины репина про бурлаков,

Мне очень были милы.

И Айседору без чулков

Любил я поглядеть. все это было

Я бальмонта читал стихи,

Я государственную думу.

Любил как пуму,

Где депутаты ругались как петухи,

И блока дивные стишки,

Как в море бурном гребешки,

Нам иногда ласкали слух,

и возвышали наш дух.

Мы храбро церковь презирали,

Мы ругали все Бога и попов.

Мы авиаторов любили,

давя без музыки клопов.

аэроплан мы одобряли.

Тогда один среди лесов,

любил гулять теософ.

Тогда писатель граф толстой

уж не ложился с дамой спать.

в год тысячу девятьсот шестой,

затем седьмой, восьмой, существенный

бежал и прятался как день обещанный.

и все не мог для нас настать.

Мы жили все в неопределенном состоянии.

И часто находились в желтом здании.

И многие из нас взяв в руки пистолет,

Пред этим за обедом съев котлет,
Теперь пытались пистолет проглотить
И с жизнью кончить все подсчеты,
Чтоб больше бы не жить.

Кумир. Прерву тебя.

1-ый умир.(ающий.) прерви меня.

И я подобною работой,
однажды тоже занялся.
Мне стало ясно. Жизнь никчемна,
Мне на земле широкой темной,
Не находилось больше места.
И я за ум взялся.
Сказал: прощай, прощай навек невеста
и газированная вода.
Меня не будет больше никогда.
Сидел в своем я кабинете,
И горевал.
На пистолете
Курок сверкал.
И пистолет я в рот вложил,
Как бы вина бутылку.
Через секунду ощутил,
Стук пули по затылку.
И разорвался мой затылок,
На пять и шесть частей.
Это было в тысячу девятьсот одиннадцатом году.

4-ый умир.(ающий.)

был бой. Гражданская война.
в крыму, в сибире и на севере.
Днепр, волга, обь, Двина,
На ржи, на лютиках, на клевере,
езде лежали трупы.
был голод, не хватало супа.
Концы ужасной этой битвы,
остры как лезвие у бритвы,
Я даже не успел прочесть молитвы
как от летящей пули наискось,
Я пал подкошенный как гвоздь.

Граждане взмолился я, родные
ведь у меня ребята есть грудные,
и эти молодые дети,
теперь одни останутся на свете.
и две жены моих красавицы,
теперь развратничать начнут.
О хоть бы. Хоть бы мне поправиться,
Но командир сказал капут.
Подумай сам ведь ты убит,
Тут доктор помощь оказать не сможет,
И окровавленный твой вид,
В земле червяк довольно скоро сгложет.
Я говорю ему нет командир,
Червяк быть может сгложет мой мундир,
И может быть в теченье часа,
Мое сожрет все мясо.
Но мысль мою и душу,
Червяк не съест и я его не трушу.
Но я уже не говорил. Я думал.
И я уже не думал, я был мертв.
Мое лицо смотрело на небо без шума,
и признак жизни уходил из вен и из аорт.
В моих зрачках число четыре отражалось,
а битва, бой, сражение продолжалось.
То тысячу девятьсот двадцатый был год.

Зумир. Мы выслушали смерти описанья,
мы обозрели эти сообщения. от умирающих умов.
Теперь для нашего сознания,
Нет больше разницы годов,
Пространство стало реже,
И все слова паук, беседа, человек, одни и те же.
Кто дед, кто внук,
Кто маргаритка а кто воин,
мы все исчадия наук,
и нами смертный час усвоен.

Чумир. Спят современники морей.

Кумир. Куда же им.

<1931—1934>

ПРИГЛАШЕНИЕ МЕНЯ ПОДУМАТЬ

будем думать в ясный день,
сев на камень и на пень.
нас кругом росли цветы,
звезды, люди и дома.
с гор высоких и крутых,
быстро падала вода.
Мы сидели в этот миг,
мы смотрели все на них.
Нас кругом сияет день,
под нами камень, под нами пень.
Нас кругом трепещут птицы,
и ходят синие девицы.
Но где же, где же нас кругом.
теперь отсутствующий гром.
Мы созерцаем часть реки,
мы скажем камню вопреки.
где ты ночь отсутствуешь.
в этот день, в этот час:
искусство что ты чувствуешь,
находясь без нас.
Государство где ты пребываешь?
Лисицы и жуки в лесу,
понятия на небе высоком,
подойди Бог и спроси лису
что лиса от утра до вечера далеко?
от слова разумеется, до слова цветок,
большое ли расстояние пробежит поток.
ответит лиса на вопросы Бога,
Это все исчезающая дорога.
ты или я или он мы прошли волосок,
мы и не успели посмотреть минуту эту.
а смотрите Бог, рыба и небо исчез тот кусок,
навсегда очевидно с нашего света.
Мы сказали да это очевидно.
Часа назад нам не видно.
Мы подумали нам

очень одиноко.
Мы немного в один миг
охватываем оком.
И только один звук,
ощущает наш нищий слух.
И печальную часть наук,
постигает наш дух.
Мы сказали да это очевидно,
все это нам очень обидно.
и тут мы полетели.
И я полетел как дятел
воображая что я лечу.
прохожий подумал: он спятил,
он богоподобен сычу.
Прохожий ты брось неумное уныние,
гляди кругом гуляют девы синие,
как ангелы собаки бегают умно,
чего ж тебе неинтересно и темно.
Нам непонятное приятно,
необъяснимое нам друг,
мы видим лес шагающий обратно
стоит вчера сегодняшнего дня вокруг.
Звезда меняется в объеме,
стареет мир, стареет лось.
в морей соленом водоеме,
нам как-то побывать пришлось
где волны издавали скрип,
мы наблюдали гордых рыб:
рыбы плавали как масло
по поверхности воды.
мы поняли жизнь всюду гасла
от рыб до Бога и звезды.
и ощущение покоя
всех гладило своей рукою.
Но увидев тело музыки,
вы не заплакали навзрыд.
Нам прохожий говорит.
скорь вас не охватила?
да музыки волшебное светило
погасшее имело жалкий вид.

Ночь царственная начиналась
мы плакали навек.

<1932—1933>

37

СУТКИ

Ответ Вбегает ласточка

Вопрос Но кто ты ласточка небес
ты зверь или ты лес

Несуществующий ответ ласточки: Я часовщик

ВОПРОС Но кто тебя здесь повстречал
в столичном этом мраке
где вьются гнезда надо мной
где нет зеленых листьев
и страждет человек земной
спят раки.
Где моря нет?
Где нет значительной величины воды
Скажи кто ты?
Тут мрак палат.

ОТВЕТ ЛАСТОЧКИ: Я солдат
Я солдат
Сбегает ночь с вершины горной
Вершина пребывает черной
Звезда ни-сходит с небосклона
Он пуст
Как куст.

ВОПРОС Не небосклон ли ты жалеешь
Когда на нем как планета алеешь
Заменяя собой звезду
Упавшую сию минуту
в рощу

ОТВЕТ ЛАСТОЧКИ: Стал небосклон пустым и чистым
Как небосвод
прохладу Бог послал
день встает.

ВОПРОС: Проходит час времени.
ОТВЕТ Проходит час времени
ВОПРОС Похож ли ветер на цветки
на маргаритки и тюльпаны
ОТВЕТ Сидел старик.
из рук он делает щитки
для сохраненья глаз
от блеска.
ВОПРОС Похож ли ветер на скамью?
ОТВЕТ Понятное над нами всходит утро,
за пищей хочется лететь.
и рассуждая мудро
петь.
ВОПРОС Скажи кто прав
я
или
вершины трав.
И кто без чувств лежит как яблоко,
ОТВЕТ Мы чуем камни просыпаются
они заводят разговор
они как листья осыпаются
с вершины благородных гор
пустые числа оживлены
сиянием от нас уходящей луны.
День наступает
мир растет.
ВОПРОС Ах ласточка ты коршун
Столица здесь.
Здесь мира нет.
Здесь моря нет
Поеду лучше в Оршу.
ЛАСТОЧКА Не есть ли море лучший мир.
Не есть ли море лучший мир.
Он рос
СПРАШИВАЮЩИЙ Ласточка что нам делать?
Ты сама задаешь вопрос.
Твои меняются черты.
Скажи где ты?
ОТВЕТ Снег был зимой числом
Он множествен.

- Теперь в ручье кивать веслом
ты можешь.
- ВОПРОС Проходит час времени.
- ОТВЕТ Проходит час времени
- ВОПРОС Не избегают ли нас.
- ОТВЕТ Проплыли тучи синие как краска
Жук пробежал. Трава подвинулась на точку.
за этот час. Ногою ударил муравей
упавшую звезду, как незначительную точку.
и в море плыл корабль передвигаясь проще простого.
Кто нас может избегать?
- ВОПРОС Не обегают ли нас.
Мы посторонние места
Что дороже смерти.
Смотри с пустынного моста,
хочу волнам я крикнуть верьте,
и я к тебе приду вода
в гости.
- ОТВЕТ Безупречная вода.
Она бежит бездонные года
она стоит на месте миг
печаль ей незнакома.
Она под каждую ложбиной дома.
Она ленивица.
Она просторна.
Она горда
Она тверда
Она бесспорна.
она отсутствие луча
- ВОПРОС Шипит брошенная в ручей свеча
Из нее выходит душа
плачет кинутый в воду крот
и слепыми глазами читает небосвод
и рыбак сидящий там где река
незаметно превращается в старика.
быть может он боится блеска.
- ОТВЕТ Чернеет все
день кончился
Еще раз
на бранном месте

где происходила битва.
вновь опускается молитва.
тут совершается молитва.
с вершин травы роса стекает.
жук спать идет. Звезда мелькает.
планетами вновь полон небосклон.
меркнет море. где муравей зрит волны он.
он потирает лапой точку песка
плывет потушенная рыба.
сутки прошли

ВОПРОС Похож ли лес на ночь.
Деревья есть частица ночи
дубы есть звезды птицы влага
листья ответ.

ОТВЕТ В лесу отсутствует крушение.
Сутки прошли.
Сутки прошли.
Зашумела листва.

<1931—1933>

38

ОЧЕВИДЕЦ И КРЫСА

Он Маргарита отвори
мне окошко поскорей
Маргарита говори
мне про рыб и про зверей.
опустилась ночи тень
всюду в мире свет потух.
Маргарита кончен день,
дует ветер. спит петух.
спит орел на небесах,
спят растения в лесах.
будущие спят гробы
сосны, ели и дубы.
волк выходит на позор,
бобр выходит на грабеж.

и бросая в звезды взор
счет ночам заводит еж.
рыбы бегают в реке
бродят рыбы по морям.
и скворец в своей руке
тихо держит мертвый храм.
и дрозды поют слегка,
и рычит печальный лев
гонит Бог издалека
К нам на город облака.
и рычит печальный лев.

Он. Мы не верим что мы спим.
Мы не верим что мы здесь.
Мы не верим что грустим,
мы не верим что мы есть.

Он. Холод горы озаряет,
снежный гор больших покров.
а в снегу как лунь ныряет,
конь под тяжестью ковров.
На коврах курсистка мчится,
омраченная луной.
На коня глядит волчица
пасть облитую слюной.
лежебока, бедный всадник
мчится в тройке как лакей.
входит в темный палисадник
кость сжимая в кулаке.
отдает курсистке кость он,
подает старухе трость.
Каждый час встречая тостом,
он лихую гладит кость.
А курсистка как карета
запыленная стоит.
С незнакомого портрета
глаз не сводит. И блещит.

Он. Я мысли свои разглядывал.
Я видел у них иные начертания.

Я чувства свои измерял,
Я нашел их близкие границы.
Я телодвижения свои испытывал.
Я определил их несложную значимость.
Я миролюбие свое терял.
у меня не осталось сосредоточенности.
догадывающийся догадается.
мне догадываться больше нечего.

Он. Сейчас я буду говорить.

Пока он говорит. Является небольшая комната. Все рассечено.
Где ты наш мир, ни тебя нет. Ни нас нет. На тарелках сидит Петр
Иванович Иванович Иванович, курсистка, дворецкий грудецкий,
Степанов-Песков и четыреста тридцать три испанца.
Входит Лиза или Маргарита.

Одна из двух.

Что вижу я.
Здесь общество собралось адское.
Огнем и серой пахнет здесь
И шеи у вас какие-то пороховые,
и уши, и руки, ноги, и носы
и глаза. Вы все как в столбняке.
Уже зима который час стоит,
Не вышло ль здесь убийства.

Дворецкий-Грудецкий.

Маргарита или Лиза,
чаю дать вам иль часы.

Она (одна из двух).

Ах Грудецкий вы подлиза
еще с царских времен
вы Семен.

Я спрашиваю: не было ли здесь убийства.

После этого три часа играла музыка.
Разные вальсы и хоралы.

Кириллов за это время успел жениться. Но чего-то ему не доставало.

Степанов-Песков.

Убийство. Не говори так много об убийстве,
Мы еще не поняли убийства.
Мы еще не поняли этого слова
Мы еще не поняли этого дела.
Мы еще не поняли ножа.

Костомаров (историк).
Тринадцать лет.
Двенадцать лет.
Пятнадцать лет.
Шестнадцать лет.
Кругом одни кустарники.

Грибоедов (писатель)

О чем тут быть может разговор
ясно что он вор.
Крутые волшебные виденья,
мне душу посещают.
Неизъяснимые больные наслажденья,
они мне обещают.
Мой ум они вскружили
я сам теперь как белка в колесе.
Создания нездешние уйдите,
я еду в Грузию сегодня как и все.

Бледные на тарелке четыреста тридцать три испанца
воскликнули и одногласно, и недружелюбно: Убийству
произойти пора-с.

И тут свершилась тьма-темь. И грудецкий убил Степанова
Пескова. Впрочем о чем тут говорить.

Все вбежали в постороннюю комнату и увидели следующую
картину. Поперек третьего стола, стояла следующая картина.
Представьте себе стол и на нем следующую картину.

Воззрясь на картину,
грудещкий держал,
в руке как картину
кровавый кинжал
Ложилась на землю
и капала кровь
вращалась земля
и планеты кружились.
Лежал на полу
Степанов Песков
подобно орлу,
без сапог и носков.
Лежал он босой
как шиповник.
укушен осой
был чиновник.

Тут снова входит Лиза и кричит:

Ага-ага я говорила, что убийство свершится.

Все на нее закричали, все зашикали. Тише, Лиза. Лиза тише,
тише, вы одна из двух.

Потом опять стал говорить ОН.

Он. Мы видели бедное тело,
Оно неподвижно лежало.
В нем жизнь непрерывно редела,
Под диким ударом кинжала.
Глаза как орехи закрылись.
Что знаем о смерти мы люди.
Ни звери, ни рыбы, ни горы,
Ни птицы, ни тучи мы будем.
Быть может страна иль диваны,
быть может часы и явления,
морские пучины, вулканы,
имеют о ней представление
Жуки и печальные пташки,
Что тихо летают под тучей,

В своей небогатой рубашке,
Для них смерть изученный случай.

Он. Который час.
Они бегут. бегут.

Он. Я обратил внимание на смерть.
Я обратил внимание на время.

Он. Они бегут. бегут.

Он. вновь курсистка появилась,
как лапша.
и студент над ней склонился,
Как душа.
И курсистка состоялась
Как цветок.
Тройка быстрая умчалась
на восток.

Он. Который час.

Он. Листва стоит в лесу как гром.

Он. Сейчас я буду говорить.
Уже усталая свеча
пылать устала как плечо,
а все курсистка говорила
целуй степан еще еще.
Ты мне и ноги поцелуй
ты мне и брюхо поцелуй.
Степан уж был совсем без сил,
он страшно вдруг заголосил.
я не могу вас целовать
сейчас пойду в университет.
наук ученье изучать.
как из металла вынуть медь,
как электричество чинить
как слово пишется медведь,

и он склонился как плечо,
без сил на милую кровать.

Тут пришел Козлов и стал лечиться. Он держал бруснику в руках и все время страшно морщился. Перед ним вставали его будущие слова которые он тем временем произносил. Но это все было не важно. Важного в этом ничего не было. Что тут могло быть важно. Да ничего.

Потом пришел Степанов-Терской. Он был совершенно лют. Он не был Степанов-Песков. Тот был убит. Не будем об этом забывать. Забывать об этом не надо. Да и к чему нам об этом забывать.

Сцена на шестом этаже.

Фонтанов. Вот пять лет живем мы вместе

Ты и я ты и я.
будто филин и сова
как река и берега
как долина как гора.
Ты [курсистка] как и прежде
волоса твои седеют
щеки женские желтеют
жиром ты за это время,
врать к чему, не налилась.
Полысело твоё темя
обветшала твоя сласть.
раньше думал я о мире,
о мерцании светил.
О морской волне о тучах,
а теперь я стар и хил.
На свинину на редиску
направляю мысли я.
Не курсистку а модистку,
видно в жены приобрел.

Маргарита или Лиза (ныне ставшая Катей).

Чем жить? Душа моя слетает
с запекшегося рта. Фонтанов
ты грубым стал и жалким
Твоя мужская сила где она?

Я стану у открытого окна.
Смотри какой громадный воздух шевелится.
Смотри соседний виден дом.
Смотри. смотри. смотри. смотри кругом.
Смотри на подоконник я влезаю,
На подоконник веткой становлюсь

Фонтанов. Курсистка, подожди меня.

Она. На подоконник кружкой становлюсь.

Фонтанов. Курсистка, что с тобой.

Она. На подоконник свечкой становлюсь.

Фонтанов. Курсистка ты сошла с ума.

Она. Я приезжаю.

Тут нигде не сказано что она прыгнула в окно, но она прыгнула в окно. Она упала на камни. И она разбилась. Ох; как страшно.

Фонтанов. Долго думать я не буду,
Я последую за ней.
Я побью в шкапах посуду,
Уничтожу календарь.
Я зажгу повсюду лампы,
Позову сюда дворецкого,
И возьму с собой в дорогу
Навсегда портрет Грудецкого.

Потом три часа играла музыка.

Он. Маргарита Маргарита,
дверь скорей отвори.
дверь в поэзию открыта,
ты о звуках говори.
Мы предметов слышим звуки,
музыку как жир едим.
Маргарита для науки

мы не верим что мы спим.
Мы не верим что мы дышим
Мы не верим что мы пишем
Мы не верим что мы слышим,
Мы не верим что молчим.

Он. Ночь на небо поднималась,
тусклый месяц как душа
над рекою возносился.
в камышах густых шурша
рыба бегала по речке
и печальный лев рычал.
Города стояли прямо,
За добычей мчался бобр.

Он. Я миролюбие свое терял.

Он. Неизбежные года
нам шли навстречу как стада.
Кругом зеленые кусты,
невзрачно, сонно шевелились.

Он. Нам больше думать нечем.

У него отваливается голова.

<1932—1933>

39

БУРЧАНИЕ В ЖЕЛУДКЕ ВО ВРЕМЯ ОБЪЯСНЕНИЯ В ЛЮБВИ

Меня интересует: когда я объясняюсь в любви новой свежей женщине, то у меня почти всегда, или верней часто, бурчит в животе или закладывает нос. Когда это происходит, я считаю что наступил хороший признак, Значит все выйдет удачно. Тут важно, когда начинает бурчать, вовремя закашлять. Вздыхать кажется не надо, иначе бурчание дойдет до ее слуха. От закладываемого носа тоже бывает исходят характерные звуки.

Наверное это происходит от волнения. В чем же здесь волнение? Половой акт, или что-либо подобное есть событие. Событие есть нечто новое для нас потустороннее. Оно двухсветно. Входя в него мы, как бы входим в бесконечность. Но мы быстро выбегаем из него. Мы ощущаем следовательно событие как жизнь. А его конец — как смерть. После его окончания все опять в порядке, ни жизни нет ни смерти. Волнение перед событием, и следствие того бурчание, и заложенный нос есть значит волнение перед обещанной жизнью. Еще в чем тут в частности дело. Да, дело в том что тут есть с тобой еще участница, женщина. Вас тут двое. А так кроме этого эпизода, всегда один. В общем тут, тоже один, но кажется мне в этот момент, вернее до момента что двое. Кажется что с женщиной не умрешь, что в ней есть вечная жизнь.

<1932—1933>

40

ЗАБОЛЕВАНИЕ СИФИЛИСОМ, ОТРЕЗАННАЯ НОГА, ВЫДЕРНУТЫЙ ЗУБ

Почему я так боюсь заболеть сифилисом, или вырвать зуб? Кроме боли и неприятностей, тут есть еще вот что. Во-первых, это вносит в жизнь числовой ряд. Отсюда начинается система отсчета. Она более страшная система отсчета, чем от начала рождения. Там не помнишь, то есть у всех, страшность того никто не ощущает, то все празднуют (день рождения и именин). Тем же мне и страшно было пребывание в Д.П.З. И 2.) тут еще плохо то, что это было что-то безусловно окончательное и единственное и состоявшееся и настоящее. И это в моем понимании тоже становится числом. Это можно покрыть числом один. А один, по-моему, это целая жизнь одного человека от начала до конца, и нормально это Один, мы должны бы чувствовать только в последний миг. А тут вдруг это входит внутри жизни. Это ни чем не поправимая беда. Выдернутый зуб. Тут совпадение внешнего события с временем. Ты сел в кресло. И вот пока он варит щипцы, и потом достает их, на тебя начинает надвигаться время, время, время, и наступает слово вдруг и наступает

наполненное посторонним содержанием событие. И зуб исчез.
Все это меня пугает. Тут входит слово никогда.

<1932—1933>

41

Мне жалко, что я не зверь
бегающий по синей дорожке.
говорящий себе поверь
а другому себе подожди немножко
мы выйдем с собой погулять в лес
для рассмотрения ничтожных листьев.
Мне жалко что я не звезда
бегающая по небосводу
в поисках точного гнезда
она находит себя и пустую земную воду,
никто не слышал чтобы звезда издавала скрип,
ее назначение ободрять собственным молчанием рыб.
еще есть у меня претензия,
что я не ковер, не гортензия.
Мне жалко что я не крыша,
распадающаяся постепенно,
которую дождь размачивает,
у которой смерть не мгновенна
Мне не нравится что я смертен,
мне жалко что я неточен.
Многим многим лучше поверьте,
частица дня единица ночи.
Мне жалко что я не орел,
перелетающий вершины и вершины
которому на ум взбрел
человек наблюдающий аршины.
Мне жалко что я не орел
перелетающий длинные вершины,
которому на ум взбрел
человек наблюдающий аршины.
Мы сядем с тобою ветер
на этот камушек смерти.

Мне жалко что я не чаша,
мне не нравится что я не жалость.
Мне жалко что я не роща,
которая листьями вооружалась.
Мне трудно что я с минутами,
меня они страшно запутали.
Мне невероятно обидно
что меня по-настоящему видно.
Еще есть у меня претензия,
что я не ковер не гортензия.
Мне страшно что я двигаюсь
не так как жуки жуки
как бабочки и коляски
и как жуки пауки.
Мне страшно что я двигаюсь
непохоже на червяка.
Червяк прорывает в земле норы,
заводя с землей разговоры.
Земля где твои дела.
Говорит ей холодный червяк,
а Земля распоряжаясь покойниками,
может быть в ответ молчит.
она знает что все не так.
Мне трудно что я с минутами
они меня страшно запутали.
Мне страшно что я не трава трава
Мне страшно что я не свеча.
Мне страшно что я не свеча трава
На это я отвечал
и мигом качаются деревья.
Мне страшно что я при взгляде
на две одинаковые вещи.
не замечаю что они различны
что каждая живет однажды
мне страшно что я при взгляде
на две одинаковые вещи
не вижу что они усердно
стараятся быть похожими
я вижу искаженный мир
я слышу шопот заглушенных лир

и тут за кончик буквы взяв
я поднимаю слово шкаф
теперь я ставлю шкаф на место
он вещества крутое тесто
мне не нравится что я смертен
мне жалко что я не точен
многим многим лучше поверьте
частица дня единица ночи
еще есть у меня претензия
что я не ковер не гортензия
мы выйдем с собой погулять в лес
для рассмотрения ничтожных листьев
мне жалко что на этих листьях
я не увижу незаметных слов.
называющихся случаем называющихся бессмертием,
называющихся видом основ.

Мне жалко что я не орел,
перелетающий вершины и вершины,
которому на ум взбрел
человек наблюдающий аршины.
Мне страшно что все приходит в ветхость
и я по сравнению с этим не редкость.
Мы сядем с тобою ветер,
На этот камушек смерти.
кругом как свеча возрастает трава,
и миготом качаются деревья.
Мне жалко что я не семя,
мне страшно что я не тучность.
Червяк ползет за всеми,
он несет однозвучность.
Мне страшно что я неизвестность
мне жалко что я не огонь.

<конец 1933 — нач. 1934>

ПОТЕЦ

3 части.

Сыны стояли у стенки сверкая ногами обутыми в шпоры. Они обрадовались и сказали:

Обнародуй нам отец
Что такое есть Потец.

Отец сверкая очами отвечал им:

Вы не путайте сыны
День конца и дочь весны.
Страшен, синь и сед Потец
Я ваш ангел я отец.
Я его жестокость знаю
Смерть моя уже близка
На главе моей зияют
Плеши, лысины — тоска.
И если жизнь протянется,
То скоро не останется
Ни сокола ни волоска.
Знать смерть близка.
Знать глядь тоска.

Сыновья, позвене в колокольчики загремели в свои языки.

Да мы тебя не о том спрашиваем,
Мы наши мысли как чертог вынашиваем.
Ты скажи-ка нам отец
Что такое есть Потец.

И воскликнул отец Пролог

А в прологе главное Бог.

Усните сыны,

Посмотрите сны.

Сыновья легли спать. Спрятав в карман грибы. Казалось что стены, и те были послушны. Ах, да мало ли что казалось. Но в общем немного и нам как и им казалось. Но чу! Что это?

Отец опять непрямо отвечал на вопрос. И вновь проснувшимся сыновьям он сказал вот что восклицая и сверкая бровями:

Пускай поет и пляшет
Седой народ
Пускай руками машет
Как человек.

В мирный день блаженства
Ты истекаешь.
Как скоро смерти совершенство
Я сам постигну.

Несутся лошади как волны
Стучат подковы.
Лихие кони жаром полны
Исчезнув скачут.

Но где ж понять исчезновенье
И все ль мы смерт<н>ы?
Что сообщишь ты мне мгновенье
Тебя ль пойму я?

Кровать стоит передо мною
Я тихо лягу.
И уподоблюсь под стеною
Цветам и флагу.

Сыны, сыны. Мой час приходит
Я умираю. Я умираю.
Не ездите на пароходе
Всему конец.

Сыновья, построясь в ряды, сверкая ногами начинают танцевать кадрили.

Первый сын или он же первая пара.
Что такое есть Потец
Расскажите мне отец.

Второй сын, или он же вторая пара:
Может быть потец свинец,
И младенец и венец.

Третий сын, или он же третья пара:
Не могу понять отец
Где он? кто же он? Потец?

Отец, сверкая очами грозно стонет.
Ох в подушках я лежу.

Первый сын:
Эх отец держу жужу.
Ты не должен умереть
Ты сначала клеть ответь.

Второй сын, танцуя как верноподданный.
Ах, Потец, Потец, Потец
Ах, отец, отец, отец.

И третий сын, танцуя как выстрел:
Куклы все туша колпак
Я челнок челнок челнак.

Сыновья прекращают танцевать. Не вечно же веселиться и садятся молча и тихо возле погасшей кровати отца. Они глядят в его увядающие очи. Им хочется все повторить. Отец умирает. Он становится крупным как гроздь винограда. Нам страшно поглядеть в его, что называется, лицо. Сыновья негласно и бесшумно входят каждый в свою суеверную стену.

Потец это холодный пот выступающий на лбу умершего. Это роса смерти, вот что такое Потец.

Часть вторая.

Отец летает над письменным столом. Но не думайте, он не дух.

Я видел пожалуйте розу.
Сей скучный земли лепесток.

Последние мысли казалось
Додумывал этот цветок.

Он горы соседние гладил,
Последним дыханьем души.
Над ним проплывали княгини
И звезды в небесной глуши.

Мои сыновья удалились,
И лошадь моя как волна
Стояла и била копытом
А рядом желтела луна.

Цветок убежденный блаженства,
Приблизился божеский час.
Весь мир как заря наступает
А я словно пламя погас.

Отец перестает говорить стихами и закуривает свечу, держа
ее в зубах как флейту. При этом он подушкой опускается
в кресло.

Входит первый сын и говорит: Не ответил же он на вопросы.
Поэтому он сразу обращается к подушке с вопросом:

Подушка подушка
Ответь наконец
Что такое есть Потец.

Подушка, она же отец:
Я знаю. Знаю!

Второй сын спрашивает второпях:
Так отвечай же
Почто безмолвствуешь.

Третий сын совершенно распален.
Напрасно вдовствуешь
Уютная подушка.
Давай ответ.

Первый сын. Отвечай же.

Второй сын. Огня сюда, огня!

Третий сын. Я сейчас кого-нибудь повешу.

Подушка, она же отец.

Немного терпенья

Может быть я на все и отвечу.

Хотел бы послушать пенье

Тогда смогу разговаривать.

Я очень устал.

Искусство дало бы мне новые силы

Прощай пьедестал

Я хочу послушать ваши голоса под музыку.

Тогда сыновья не смогли отказать этой потрясенной просьбе отца. Они стали гуртом как скот и спели всеобщую песню.

Был брат брит Брут

Римлянин чудесный

Все врут. Все мрут.

Это был первый куплет.

Второй куплет: Пел пил пробегал

Один канатоходец

Он акробат. Он галл.

Третий куплет: Иноходец

С того света

Дождается рассвета.

И пока они пели играла чудная, превосходная все и вся покоряющая музыка. И казалось что разным чувствам есть еще место на земле. Как чудо стояли сыновья вокруг невзрачной подушки, и ждали с бессмысленной надеждой ответа на свой незавидный и дикий, внушительный вопрос: Что такое Потец? А подушка то порхала, то взвивалась свечкою в поднебесье, то как Днепр бежала по комнате. Отец сидел над письменным как

Иван да Марья столом, а сыновья словно зонты стояли у стенки.
Вот что такое Потец.

Часть третья

Отец сидел на бронзовом коне, а сыновья стояли по его бокам.
А третий сын то стоял у хвоста, то у лица лошади. Как видно,
и нам и ему, он не находил себе места. А лошадь была как волна.
Никто не произносил ни слова. Все разговаривали мыслями.

Тут отец сидя на коне и поглаживая милую утку, воскликнул
мысленно и засверкал очами.

Все ждете что скажет отец,
Объяснит ли он слово Потец.
Боже я безутешный вдовец,
Я безгрешный певец.

Первый сын, нагибаясь, поднял с полу пяточок и простонал
мысленно и засверкал ногами.

Батюшка наступает конец
Зрю на лбу у тебя венец.
Зря звонишь в бубенец.
Ты уже леденец.

Второй сын был тоже очень омрачен, она нагнулась с другого
бока и поднял дамский ридикюль. Он заплакал мыслями
и засверкал ногами.

Когда бы я был жрец,
Или мертвец игрец
Я твой посетил бы дворец
О всеильный творец.

А третий сын стоя у хвоста лошади и пощипывая свои усы
мыслями, засверкал ногами.

Где ключ от моего ума?
Где солнца луч
Подаренный тобой зима?

А переместясь к лицу лошади, которая была как волна и
поглаживая мыслями волосы, засверкал ногами.

Бровей не видишь ты отец.
Кровей каких пустых потец.

Тогда отец вынул из карманов дуло одного оружия и показывая его детям воскликнул громко и радостно, сверкая очами.

Глядите: дуло
И до чего ж его раздуло.

Первый сын: Где? покажи.

Второй сын: Везде. Как чижи.

Третий сын: Последний страх
Намедни
После обедни
Рассыпался в прах.

И вдруг открылись двери рая
И нянька вышла из сарая
И был на ней надет чепец.
И это снова всем напомнило их вечный вопрос о том
Что такое есть Потец?

Вмиг наступила страшная тишина. Словно конфеты лежали сыновья поперек ночной комнаты, вращая белыми седыми затылками и сверкали ногами. Суеверие нашло на всех.

На няньке был надет чепец,
Она висела как купец.

Нянька стала укладывать отца спать, превратившегося в детскую косточку. Она пела ему песню:

Над твоею колыбелью
По губам плывет слюна
И живет луна.
Над могилою над елью
Спи тоскуй
Не просыпайся.

Лучше рассыпайся.
Эй кузнец куй! куй!
Мы в кузнице уснем.
Мы все узники.

И пока она пела, играла чудная, превосходная все и вся покоряющая музыка. И казалось, что разным чувствам есть еще место на земле. Как чудо стоят сыновья возле тихо погасшей кровати отца. Им хочется все повторить. Нам страшно поглядеть в его, что называется, лицо. А подушка то порхала, то взвивалась свечкой в поднебесье, то как Днепр бежала по комнате. Потец это холодный пот выступающий на лбу умершего. Это роса смерти вот что такое Потец.

Господи, могли бы сказать сыновья, если бы они могли. Ведь это мы уже знали заранее.

<1936—1937>

43

вдоль берега шумного моря шел солдат АзБукиВеди. У него была основная руководящая мысль про орехи. Он шел и шептал песню. Был вечер. Солдат АзБукиВеди, подходя к жалкому, неосвещенному рыбаками, живущими в нем рыбацкому домику, в котором жили рыбаки, в том случае, когда они не находились в плавании в шумном, черном, каспийском, по существу даже средиземном, или что то же самое, адриатическом море, а находились на берегу, то тогда они жили в нем. Их рыбаков было пять человек. Они пристально ели суп с рыбой. Их звали: Андрей, Бандрей, Бендрей, Гандрей и Кудедрей. У них у всех были дочери. Их звали: Ляля, Таля, Баля, Кяля и Сая. Они все вышли замуж. Был вечер. Солдат АзБукиВеди не зашел в дом к этим огородникам. Он не постучал к ним в дом. Он шел погруженный в свою мысль, основную руководящую мысль об орехах. Солдат АзБукиВеди, не заметил их рыбацкого дома. Ни их сетей, ни их снастей, ни их дочерей, ни их супа. Хотя он продрог и все равно надвигалась ночь, но он прошел мимо. Настолько он был охвачен своей основной руководящей мыслью об орехах. Был еще вечер. АзБукиВеди

шел, почти бежал и говорил ореховую песню. Представим себе, то есть мысленно услышим, эту песню. Следует ли из того, что песня названа ореховой, что в ней и должны рисоваться орехи. Да, в данном случае, следует. Далеко не всегда это бывает так, но в данном случае следует. Вот она эта песня. Солдат АзБукиВеди пел о разнице скорлуп грецкого и американского ореха. Вот что он пел.

У грецкого ореха скорлупа,
имеет нежный вид.
У американского ореха скорлупа
имеет дикий вид.
первая скорлупа прочна
ясна, сочна, точна.
Вторая скорлупа проста
она как лебедь без хвоста.
откуда эта разница берется,
кто знает тот дерется.
Мне грецкий нравится орех
ведь в нем есть смех.
его скорлупа прекрасна
но мысль о ней напрасна.
есть у американского ореха цвет,
может быть этот цвет ему брат.
Но где начинается его рассвет,
не сказать никому ни вперед ни назад.
откуда эта разница берется,
кто знает, тот дерется.
вот и все что я мог и спел,
об их скорлупе кончающейся на эл.

Тут, как бы в ответ на эту песню, вспыхнуло освещенное свечой, ранее не освещенное окно, потухшего совсем, навсегда рыбацкого домика. Рыбак Андрей, Бандрей, Бендрей и Гандрей постучал в окно и крикнул солдату АзБукиВеди: Ротный командир, любишь ли мир? А рыбак Кудедрей самостоятельно варил, и продолжал есть, свой рыбацкий суп. Был вечер, хотя <...> и надвигалась ночь. Но что мог ответить АзБукиВеди <когда> он не слышал вопроса. Он был уже очень далеко от них. <...> он внезапно, но не неожиданно, превратился в отца и <...>

и сразу спел новую песню. Отец пел. Мать слушала. Отец пел,
а мать слушала. Отец пел и мать слушала. Что же она слушала?

я по улицам ходил.
сына я везде искал.
но нигде его не находил
даже средь прибрежных скал.
я потом пошел в лесок
побежал на брег морской.
где ты, где ты мой сынок
я кричал вокруг с тоской.
сын мне отвечал: ау
может быть я вовсе здесь
я тогда вокруг взглянул
сын мой растворился весь.
тут завывали птицы все
и заворковал зверек
плачьте, плачьте плачьте все
им прокуковал лесок.

Солдат АзБукиВеди сильно вдохновленный, мужественно
пош(...)

<1937—1938>

44

ясно,
нежно
и светло
чтоб землю белоснежной
грудь и ухо
всю посуду
у прекрасной
занесло

3-ий возница (закинув голову, глядит наверх)
Тучи в небе тлеют
Страшен вид страны

То они светлеют
то опять черны
то они недвижны
как скала мертвы
то скоропостижно
мчатся словно львы
столько в них движенья
столько синих сил
будто на сражение
Бог их пригласил
с грохотом и треском
носятся в ночи
ненасытным блеском
светятся мечи.

Входят Треухов, Троекуров и Трегуб: — Да, дождь знатный.
все пляшут.

идет очень сильный дождь.

Генерал перестает говорить стихами. Генеральша отличилась,
умерла, — ее и похоронили
все

Поэт кончил читать. Наступило незаметное молчание. Наконец
его друзья, которых было не больше трех человек, что-то сказали.
Потом один из них, который показался поэту рыжеватым,
повторил слово: «хорошо», и сказал:

— У меня есть стремление задать тебе вопросы:

вопрос 1ый) думал ли ты о концах своих вещей, и о конце этой вещи?

вопрос 2ой) Считаешь ли ты удивление достойным предметом для
входа в поэзию.

вопрос 3ий) Как ты думаешь нужны ли хотя бы нам твоим
друзьям — эти стихи и другие стихи.

вопрос 4ый) Давайте поговорим начистоту.

Поэт сказал:

ответ 1ый) Я думал о концах своих вещей и о конце этой. Я ничего не
придумал.

ответ 2ой) Я не нахожу удивление достойным. Я сожалею, если здесь
есть нечто, что могло бы удивить. Самого же меня удивляет не
очень приятным образом, наличие национального в моих вещах

НЕКОТОРОЕ КОЛИЧЕСТВО РАЗГОВОРОВ (или начисто переделанный темник)

1) Разговор о сумасшедшем доме.

В карете ехали трое. Они обменивались мыслями.

ПЕРВЫЙ. Я знаю сумасшедший дом. Я видел сумасшедший дом.

ВТОРОЙ. Что ты говоришь? я ничего не знаю. Как он выглядит.

ТРЕТИЙ. Выглядит ли он? Кто видел сумасшедший дом.

ПЕРВЫЙ. Что в нем находится? Кто в нем живет.

ВТОРОЙ. Птицы в нем не живут. Часы в нем ходят.

ТРЕТИЙ. Я знаю сумасшедший дом, там живут сумасшедшие.

ПЕРВЫЙ. Меня это очень радует. Меня это очень радует.

Здравствуй, сумасшедший дом.

ХОЗЯИН СУМАСШЕДШЕГО ДОМА (смотрит в свое дряхлое окошко, как в зеркало). Здравствуйте дорогие. Ложитесь.

Карета останавливается у ворот. Из-за забора смотрят пустяки. Проходит вечер. Никаких изменений не случается. Уважай бедность языка. Уважай нищие мысли.

ПЕРВЫЙ. Вот он какой сумасшедший дом. Здравствуй, сумасшедший дом.

ВТОРОЙ. Я так и знал, что он именно такой.

ТРЕТИЙ. Я этого не знал. Такой ли он именно.

ПЕРВЫЙ. Пойдемте ходить. Всюду все ходят.

ВТОРОЙ. Тут нет птиц. Есть ли тут птицы.

ТРЕТИЙ. Нас осталось немного, и нам осталось недолго.

ПЕРВЫЙ. Пишите чисто. Пишите скучно. Пишите тучно. Пишите звучно.

ВТОРОЙ. Хорошо мы так и будем делать.

Отворяется дверь. Выходит доктор с помощниками. Все забнут. Уважай обстоятельства места. Уважай то что случается. Но ничего не происходит. Уважай бедность языка. Уважай нищие мысли.

ПЕРВЫЙ (говорит русскими стихами):

Входите в сумасшедший дом
Мои друзья, мои князья.
Он радостно ждет нас
Мы радостно ждем нас.
Фонарь мы зажигаем здесь
Фонарь как царь висит
Лисицы бегают у нас
Они пронзительно пищат.
Все это временно у нас
Цветы вокруг трещат.

ВТОРОЙ. Я выслушал эти стихи. Они давно кончились.

ТРЕТИЙ. Нас осталось немного и нам осталось недолго.

ХОЗЯИН СУМАСШЕДШЕГО ДОМА (открывая свое дряхлое окошко,
как форточку). Заходите дорогие, ложитесь.

В карете ехали трое. Они обменивались мыслями.

2) Разговор об отсутствии поэзии

Двенадцать человек сидело в комнате. Двадцать человек сидело в комнате. Сорок человек сидело в комнате. Шел в зале концерт. Певец пел:

Неужели о поэты
Вами песни все пропеты
И в гробах лежат певцы
Как спокойные скупцы.

Певец сделал паузу. Появился диван. Певец продолжал:

Дерево стоит без звука,
Без почета ночь течет.
Солнце тихо как наука
Рощи скучные печет.

Певец сделал паузу. Диван исчез. Певец продолжал.

Тучи в небе ходят пышно.
Кони бегают умно.
А стихов нигде не слышно
Все бесшумно все темно.

Певец сделал паузу. Появился диван. Певец продолжал.
Верно умерли поэты
Музыканты и певцы
И тела их верно где-то
Спят спокойно как скупцы.

Певец сделал паузу. Диван исчез. Певец продолжал.
О взгляните на природу

Тут все подошли к окнам и стали смотреть на ничтожный вид.
На беззвучные леса.

Все взглянули на леса, которые не издавали ни одного звука.
Опостылили народу
Ныне птичьи голоса.

Везде и всюду стоит народ и плюется, услышав птичье пение.

Певец сделал паузу. Появился диван. Певец продолжал
Осень. Лист лежит пунцов.
Меркнет кладбище певцов.
Тишина. Ночная мгла
На холмы уже легла.

Певец сделал паузу. Диван исчез. Певец продолжал.
Встали спящие поэты
И сказали, да ты прав.
Мы в гробах лежим отпеты,
Под покровом желтых трав.

Певец сделал паузу. Появился диван. Певец продолжал:
Музыка в земле играет,
Червяки стихи поют.
Реки рифмы повторяют
Звери звуки песен пьют.

Певец сделал паузу. Диван исчез. Певец умер. Что он этим доказал.

3) Разговор о воспоминании событий.

ПЕРВЫЙ. Припомним начало нашего спора. Я сказал, что я вчера был у тебя, а ты сказал, что я вчера не был у тебя. В доказательство этого я сказал, что я говорил вчера с тобой, а ты в доказательство этого сказал, что я не говорил вчера с тобой.

Они оба важно поглаживали каждый свою кошку. На дворе стоял вечер. На окне горела свеча. Играла музыка.

ПЕРВЫЙ. Тогда я сказал: Да как же, ведь ты сидел тут на месте А, и я стоял тут на месте Б. Тогда ты сказал: Нет, как же<,> ты не сидел тут на месте А, и я не стоял тут на месте Б. Чтобы увеличить силу своего доказательства, чтобы сделать его очень, очень мощным, я почувствовал сразу грусть и веселье и плач и сказал: Нас же было здесь двое, вчера в одно время, на этих двух близких точках, на точке А и на точке Б, — пойми же.

Они оба сидели запертые в комнате. Ехали сани.

ПЕРВЫЙ. Но ты тоже охватил себя чувствами гнева, свирепости и любви к истине и сказал мне в ответ: Ты был тобою, а я был собою. Ты не видел меня, я не видел тебя. О гнилых этих точках А и Б, я даже говорить не хочу.

Два человека сидели в комнате. Они разговаривали.

ПЕРВЫЙ. Тогда я сказал: (Я помню) По тому шкапу ходил, посвистывая, конюх, и (я помню) на том комоде шумел прекрасными вершинами могучий лес цветов, и (я помню) под стулом, журчащий фонтан, и под кроватью широкий дворец. Вот что я тебе сказал. Тогда ты улыбаясь ответил. Я помню конюха, и могучий лес цветов, и журчащий фонтан, и широкий дворец, но где они, их нигде не видеть. Во всем остальном мы почти были уверены. Но все было не так.

Два человека сидели в комнате. Они вспоминали. Они разговаривали.

ВТОРОЙ. Потом была середина нашего спора. Ты сказал: Но ты можешь себе представить, что я был у тебя вчера. А я сказал: Я не знаю. Может быть и могу, но ты не был. Тогда ты сказал, временно совершенно изменив свое лицо: как же? как же? я это представляю. Я не настаиваю уже, что я был, но я представляю это. Вот вижу ясно. Я вхожу в твою комнату и вижу тебя — ты сидишь то тут то там и вокруг висят свидетели этого дела картины и статуи и музыка.

Два человека сидел<и> запертые в комнате. На столе горела свеча.

ВТОРОЙ. Ты очень, очень убедительно рассказал все это, отвечал я, но я на время забыл что ты есть и все молчат мои свидетели. Может быть поэтому я ничего не представляю. Я сомневаюсь даже в существовании этих свидетелей. Тогда ты сказал, что ты начинаешь испытывать смерть своих чувств, но все-таки, все-таки (и уже совсем слабо) все-таки, тебе кажется, что ты был у меня. И я тоже притих и сказал, что все-таки, мне кажется, что как будто бы ты и не был. Но все было не так.

Три человека сидели запертые в комнате. На дворе стоял вечер. Играла музыка. Свеча горела.

ТРЕТИЙ. Припомним конец вашего спора. Вы оба ничего не говорили. Все было так. Истина, как нумерация прогуливалась вместе с вами. Что же было верного? Спор окончился. Я невероятно удивился.

Они оба важно поглаживали каждый свою кошку. На дворе стоял вечер. На окне горела свеча. Играла музыка. Дверь была плотно закрыта.

4) Разговор о картах.

А ну сыграем в карты: закричал ПЕРВЫЙ.

Было раннее утро. Было самое раннее утро. Было четыре часа ночи. Не все тут были из тех, кто бы мог быть, те кого не было, лежали, поглощенные тяжелыми болезнями у себя на кроватях, и подавленные семьи окружали их, рыдая и прижимая к глазам. Они были люди. Они были смертны. Что тут поделаешь. Если оглядеться вокруг, то и с нами будет то же самое.

А ну сыграем в карты, закричал все-таки в этот вечер — ВТОРОЙ.

Я в карты играю с удовольствием. Сказал САНДОНЕЦКИЙ, или ТРЕТИЙ.

Они мне веселят душу. Сказал ПЕРВЫЙ.

А где же наши тот что был женщиной, и тот что был девушкой? спросил ВТОРОЙ.

О не спрашивайте, они умирают. Сказал ТРЕТИЙ или САНДОНЕЦКИЙ. Давайте сыграем в карты.

Карты хорошая вещь. Сказал ПЕРВЫЙ.

Я очень люблю играть в карты. Сказал ВТОРОЙ.

Они меня волнуют. Я становлюсь сам не свой. Сказал САНДОНЕЦКИЙ. Он же ТРЕТИЙ.

Да уж когда умрешь, тогда в карты не поиграешь. Сказал ПЕРВЫЙ. Поэтому давайте сейчас сыграем в карты.

Зачем такие мрачные мысли. Сказал ВТОРОЙ. Я люблю играть в карты.

Я тоже жизнерадостный. Сказал ТРЕТИЙ, и я люблю.

А я до чего люблю. Сказал ПЕРВЫЙ. Я готов все время играть.

Можно играть на столе. Можно и на полу. Сказал ВТОРОЙ. Вот я и предлагаю — давайте сыграем в карты.

Я готов играть хоть на потолке. Сказал САНДОНЕЦКИЙ.

Я готов играть хоть на стакане. Сказал ПЕРВЫЙ.

Я хоть под кроватью. Сказал ВТОРОЙ.

Ну ходите вы. Сказал ТРЕТИЙ. Начинайте вы. Делайте ваш ход. Покажите ваши карты. Давайте играть в карты.

Я могу начать. Сказал ПЕРВЫЙ. Я играл.

Ну что ж. Сказал ВТОРОЙ. Я сейчас ни о чем не думаю. Я игрок.

Скажу не хвастаясь, сказал САНДОНЕЦКИЙ. Кого мне любить. Я игрок.

Ну, сказал ПЕРВЫЙ, — игроки собрались. Давайте играть в карты.

Насколько я понимаю, сказал ВТОРОЙ, мне как и всем остальным предлагают играть в карты. Отвечаю — я согласен.

Кажется и мне предлагают. Сказал ТРЕТИЙ. Отвечаю — я согласен.

По-моему это предложение относится и ко мне, сказал ПЕРВЫЙ. Отвечаю — я согласен.

Вижу я, сказал ВТОРОЙ, что мы все тут словно сумасшедшие. Давайте сыграем в карты. Что так сидеть.

Да, сказал САНДОНЕЦКИЙ, что до меня — сумасшедший. Без карт я никуда.

Да, сказал ПЕРВЫЙ, если угодно — я тоже. Где карты — там и я.

Я от карт совсем с ума схожу, сказал ВТОРОЙ. Играть так играть.

Вот и обвели ночь вокруг пальца, сказал ТРЕТИЙ. Вот она и кончилась. Пошли по домам.

Да, сказал ПЕРВЫЙ. Наука это доказала.

Конечно. Сказал ВТОРОЙ. Наука доказала.

Нет сомнений. Сказал ТРЕТИЙ. Наука доказала.

Они все рассмеялись и пошли по своим близким домам.

5) Разговор о бегстве в комнате.

Три человека бегали по комнате. Они разговаривали. Они двигались.

ПЕРВЫЙ. Комната никуда не убегает, а я бегу.

ВТОРОЙ. Вокруг статуй, вокруг статуй, вокруг статуй.

ТРЕТИЙ. Тут статуй нет. Взгляните никаких статуй нет.

ПЕРВЫЙ. Взгляни — тут нет статуй.

ВТОРОЙ. Наше утешение, — что у нас есть души. Смотрите я бегаю.

ТРЕТИЙ. И стул беглец, и стол беглец, и стена беглянка.

ПЕРВЫЙ. Мне кажется ты ошибаешься. По-моему мы одни убегаем.

Три человека сидели в саду. Они разговаривали. Над ними в воздухе возвышались птицы. Три человека сидели в зеленом саду.

ВТОРОЙ. Хорошо сидеть в саду
Улыбаясь на звезду
И подсчитывать в уме
Много ль нас умрет к зиме.

И внимая стуку птиц
Звуку человеческих лиц
И звериному рычанию
Встать побегать на прощанье.

Три человека стояли на горной вершине. Они говорили стихами. Для усиленных движений не было места и времени.

ТРЕТИЙ. Дивно стоя на горе
Думать о земной коре.
Пусть она черна, шершава
Но страшна ее держава.
Воздух тут. Он стар и сед
Здравствуй воздух мой сосед.
Я обнимаю высоту
Я вижу Бога за версту.

Трое стояли на берегу моря. Они разговаривали. Волны слушали их в отдалении.

ПЕРВЫЙ. У моря я стоял давно
И думал о его пучине
Я думал почему оно
Звучит как музыкант Пуччини.
И понял: море это сад
Он музыкальными волнами
Зовет меня и вас назад
Побегать в комнате со снами.

Три человека бегали по комнате. Они разговаривали. Они двигались. Они осматривались.

ВТОРОЙ. Все тут как прежде. Ничто никуда не убежало.

ТРЕТИЙ. Одни мы убегаем. Я выну сейчас оружие. Я буду над собой действовать.

ПЕРВЫЙ. Куда как смешно. Стреляться или топиться или вешаться ты будешь?

ВТОРОЙ. О не смейся! Я бегаю, чтобы поскорей кончиться.

ТРЕТИЙ. Какой чудак. Он бегаёт вокруг статуй.

ПЕРВЫЙ. Если статуями называть все предметы, то и то.

ВТОРОЙ. Я назвал бы статуями звезды и неподвижные облака. Что до меня я назвал бы.

ТРЕТИЙ. Я убегаю к Богу — я беженец.

ВТОРОЙ. Известно мне, что я с собой покончил.

Три человека вышли из комнаты и поднялись на крышу. Казалось бы зачем?

б) Разговор о непосредственном продолжении

Три человека сидели на крыше, сложа руки, в полном покое. Над ними летали воробьи.

ПЕРВЫЙ. Вот видишь ли ты, я беру веревку. Она крепка. Она уже намылена.

ВТОРОЙ. Что тут говорить. Я вынимаю пистолет. Он уже намылен.

ТРЕТИЙ. А вот и река. Вот прорубь. Она уже намылена.

ПЕРВЫЙ. Все видят, я готовлюсь сделать то, что я уже задумал.

ВТОРОЙ. Прощайте мои дети, мои жены, мои матери, мои отцы, мои моря, мой воздух.

ТРЕТИЙ. Жестокая вода, что же шепнуть мне тебе на ухо. Думаю — только одно: мы с тобой скоро встретимся.

Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробьи.

ПЕРВЫЙ. Я подхожу к стене и выбираю место. Сюда, сюда вобьем мы крюк.

ВТОРОЙ. Лишь дуло на меня взглянуло.

Как тут же смертью вдруг подуло.

ТРЕТИЙ. Ты меня задалась замороженная река. Еще немного, и я приближусь.

ПЕРВЫЙ. Воздух дай мне на прощанье пожать твою руку.

ВТОРОЙ. Пройдет еще немного времени и я превращусь в холодильник.

ТРЕТИЙ. Что до меня — я превращусь в подводную лодку.

Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробьи.

ПЕРВЫЙ. Я стою на табурете одиноко, как свечка.

ВТОРОЙ. Я сижу на стуле. Пистолет в сумасшедшей руке.

ТРЕТИЙ. Деревья, те что в снегу и деревья те, что стоят окрыленные листьями стоят в отдалении от этой синей проруби, я стою в шубе и в шапке, как стоял Пушкин, и я стоящий перед этой прорубью, перед этой водой — я человек кончающий.

ПЕРВЫЙ. Мне все известно. Я накидываю веревку себе же на шею.

ВТОРОЙ. Да ясно все. Я вставляю дуло пистолета в рот. Я не стучу зубами.

ТРЕТИЙ. Я отступаю на несколько шагов. Я делаю разбег. Я бегу.

Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробьи.

ПЕРВЫЙ. Я прыгаю с табурета. Веревка на шее.

ВТОРОЙ. Я нажимаю курок. Пуля в стволе.

ТРЕТИЙ. Я прыгнул в воду. Вода во мне.

ПЕРВЫЙ. Петля затягивается. Я задыхаюсь.

ВТОРОЙ. Пуля попала в меня. Я все потерял.

ТРЕТИЙ. Вода переполнила меня. Я захлебываюсь.

Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробьи.

ПЕРВЫЙ. Умер.

ВТОРОЙ. Умер.

ТРЕТИЙ. Умер.

ПЕРВЫЙ. Умер.

ВТОРОЙ. Умер.

ТРЕТИЙ. Умер.

Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробьи.

Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробьи.

Они сидели на крыше в полном покое. Над ними летали воробьи.

7. Разговор о различных действиях

Поясняющая мысль. Казалось бы, что тут продолжать, когда все умерли, что тут продолжать. Это каждому ясно. Но не забудь тут не три человека действуют. Не они едут в карете, не они спорят, не они сидят на крыше. Быть может три льва, три тапира, три аиста, три буквы, три числа. Что нам их смерть, для чего им их смерть.

Но все-таки они трое ехали на лодке, ежеминутно, ежесекундно обмениваясь веслами, с такой быстротой, с такой широтой, что их дивных рук не было видно.

ПЕРВЫЙ. Он дунул.

ВТОРОЙ. Он плюнул.

ТРЕТИЙ. Все погасло.

ПЕРВЫЙ. Зажги.

ВТОРОЙ. Свечу.

ТРЕТИЙ. Снова.

ПЕРВЫЙ. Не получается.

ВТОРОЙ. Гаснет.

ТРЕТИЙ. Свеча снова.

Они начали драться и били молотками друг друга по голове.

ПЕРВЫЙ. Эх спичек.

ВТОРОЙ. Достать бы.

ТРЕТИЙ. Они помогли бы.

ПЕРВЫЙ. Едва ли.

ВТОРОЙ. Тут слишком.

ТРЕТИЙ. Уж все погасло.

Они пьют кислоту отдыхая на веслах. Но действительно вокруг все непрозрачно.

ПЕРВЫЙ. Зажги же.

ВТОРОЙ. Зажигай, зажигай же.

ТРЕТИЙ. Совсем как в Париже.

ПЕРВЫЙ. Тут не Китай же.

ВТОРОЙ. Неужто мы едем.

ТРЕТИЙ. В далекую Лету.
ПЕРВЫЙ. Без злата без меди
ВТОРОЙ. Доедем ли к лету.
ТРЕТИЙ. Стриги
ПЕРВЫЙ. Беги.
ВТОРОЙ. Не зги.
ТРЕТИЙ. Если мертвый, то
ПЕРВЫЙ. Не <пищи>
ВТОРОЙ. Если стертый то.
ТРЕТИЙ. Не ищи.

Так ехали они на лодке обмениваясь мыслями, и весла, как выстрелы, мелькали в их руках.

8. Разговор купцов с банщиком

Два купца блуждали по бассейну, в котором не было воды.
Но банщик сидел под потолком.

ДВА КУПЦА (опустив головы, словно быки). В бассейне нет воды. Я не в состоянии купаться.

БАНЩИК. Однообразен мой обычай
Сижу как сыч под потолком
И дым предбанный
Воздух бычий
Стоит над каждым котелком.
Я дым туманный
Тьмы добычей
Должно быть стану целиком.
Мерцают печи
Вянут свечи
Пылает беспощадный пар.
Средь мокрых нар
Желтеют плечи
И новой и суровой сечи
Уже готовится навар.
Тут ищут веник
<Прсят> денег
Здесь жадный сделался ловец.

Средь мрака рыщут
Воют свищут
Отец и всадник и пловец.
И дым колышется как нищий
В безбожном сумрачном жилище.
Где от лица всех подлецов
Слетает облак мертвецов.

ДВА КУПЦА (подняв головы, словно онемели). Пойдем в женское отделение. Я тут не в состоянии купаться.

БАНЩИК. (сидит под потолком, словно банщица).

Богини
входят в отделенье
и небо стынет
в отдалении.
Как крылья сбрасывают шубки
Как быстро обнажают юбки
И превращаясь в голышей
На шеях держат малышей.
Тут мыло пляшет как Людмила
Воркует губка как голубка
И яркий снег ее очей
И ручеек ее речей
И очертание ночей
И то пылание печей
Страшной желанья свечей.
Тут я сажу и ненавижу
Ту многочисленную жижу
Что брызжет из открытых кранов
Стекает по стремнинам тел
Где животы имеют вид тиранов
Я банщик, но и я вспотел.
Мы банщицы унылы нынче
Нам свет не мил. И мир не свеж.
Смотрю удачно крюк привинчен
Оружье есть. Петлю отрежь.
Пускай купаются красавицы
Мне все равно они не нравятся.

ДВА КУПЦА (смотрят в баню прямо как в волны). Он должно быть бесполой этот банщик.

Входит ЕЛИЗАВЕТА. Она раздевается с целью начать мыться. Два купца смотрят на нее как тени.

ДВА КУПЦА. Гляди. Гляди. Она крылата.

ДВА КУПЦА. Ну да, у нее тысячи крылышек.

Елизавета, не замечая купцов, вымылась, оделась и вновь ушла из бани. Входит Ольга. Она раздевается, верно хочет купаться. Два купца смотрят на нее как в зеркало.

ДВА КУПЦА. Гляди, гляди как я изменился.

ДВА КУПЦА. Да, да. Я совершенно неузнаваем.

Ольга замечает купцов и прикрывает свою наготу пальцами.

ОЛЬГА. Не стыдно ль вам купцы, что вы на меня смотрите.

ДВА КУПЦА. <М>ы хотим купаться. А в мужском отделении нет воды.

ОЛЬГА. О чем же вы сейчас думаете.

ДВА КУПЦА. Мы думали что ты зеркало. Мы ошиблись. Мы просим прощенья.

ОЛЬГА. Я женщина, купцы. Я застенчива. Не могу я стоять перед вами голой.

ДВА КУПЦА. Как странно ты устроена. Ты почти не похожа на нас. И грудь у тебя не та, и между ногами существенная разница.

ОЛЬГА. Вы странно говорите купцы, или вы не видели наших красавиц. Я очень красива купцы.

ДВА КУПЦА. Ты купаешься Ольга.

ОЛЬГА. Я купаюсь.

ДВА КУПЦА. Ну купайся, купайся.

Ольга кончила купаться. Оделась и вновь ушла из бани. Входит Зоя. Она раздевается, значит хочет мыться. Два купца плавают и бродят по бассейну.

ЗОЯ. Купцы, вы мужчины?

ДВА КУПЦА. Мы мужчины. Мы купаемся.

ЗОЯ. Купцы, где мы находимся. Во что мы играем?

ДВА КУПЦА. Мы находимся в бане. Мы моемся.

ЗОЯ. Купцы, я буду плавать и мыться. Я буду играть на флейте.

ДВА КУПЦА. Плавай. Мойся. Играй.

ЗОЯ. Может быть это ад.

Зоя кончила купаться, плавать, играть. Оделась и вновь ушла из бани. Банщик, он же банщица, спускается из-под потолка.

БАНЩИК. Одурачили вы меня купцы.

ДВА КУПЦА. Чем?

БАНЩИК. Да тем что пришли в колпаках.

ДВА КУПЦА. Ну что ж из этого. Мы же это не нарочно сделали.

БАНЩИК. Оказывается вы хищники.

ДВА КУПЦА. Какие?

БАНЩИК. Львы, или тапиры или аисты. А вдруг да и коршуны.

ДВА КУПЦА. Ты банщик догадлив.

БАНЩИК. Я догадлив.

ДВА КУПЦА. Ты банщик догадлив.

БАНЩИК. Я догадлив.

9. Предпоследний разговор под названием один человек и война

Суровая обстановка. Военная обстановка. Боевая обстановка.
Почти атака или бой.

ПЕРВЫЙ. Я один человек и земля.

ВТОРОЙ. Я один человек и скала.

ТРЕТИЙ. Я один человек и война. И вот что я еще скажу.

Я сочинил стихи о тысяча девятьсот четырнадцатом годе.

ПЕРВЫЙ. Без всяких предисловий читаю.

ВТОРОЙ. Немцы грабят русскую землю

Я лежу

И грабежу

внемлю.

Немцам позор Канту стыд

За нас

Каждый гренадер отомстит.

А великий князь К.Р.

Богу льстит.

Наблюдая
деятельность немцев
распухал
как звезда я.
Под взором адвокатов и земцев
без опахал
Упал
Из гнезда я.

ТРЕТИЙ. Сделай остановку. Надо об этом подумать.
ПЕРВЫЙ. Присядем на камень. Послушаем выстрелы.
ВТОРОЙ. Повсюду, повсюду стихи осыпаются как деревья.
ТРЕТИЙ. Я продолжаю.
ПЕРВЫЙ. Что же такое
Нет что случилось
Понять я не в силах
Царица молилась
На запах левкоя
На венки
На кресты
На могилах
Срывая с себя листы
Бесчисленных русских хилых.

ВТОРОЙ. Неужели мы добрались до братского кладбища.
ТРЕТИЙ. И тут лежат их останки.
ПЕРВЫЙ. Звучат выстрелы. Шумят пушки.
ВТОРОЙ. Я продолжаю.
ТРЕТИЙ. Сражаясь в сраженьях
ужасных
досель не забытых
изображенья
несчастных
Я видел трупов убитых.
Досель
они ели кисель
Отсель
им бомбежка постель.
Но шашкой
но пташкой

брящая
кровавой рубашкой
мерца
Но пуча
Убитые очи
Как туча
Как лошади бегали ночи.

ПЕРВЫЙ. Описание точное.

ВТОРОЙ. Выслушайте пение или речь выстрелов.

ТРЕТИЙ. Ты внес полную ясность.

ПЕРВЫЙ. Я продолжаю.

ВТОРОЙ. Ты хороша прекрасная война
и мне мила щека вина
глаза вина и губы
и водки белые зубы.
Три года был грабеж
Крики, пальба, бомбеж.
Штыки, цветки, стрельба,
бомбеж, грабеж, гроба.

ТРЕТИЙ. Да это правда, тогда была война.

ПЕРВЫЙ. В том году гусары были очень красиво одеты.

ВТОРОЙ. Нет уланы лучше.

ТРЕТИЙ. Гренадеры были красиво одеты.

ПЕРВЫЙ. Нет драгуны лучше.

ВТОРОЙ. От того года не осталось и косточек.

ТРЕТИЙ. Просыпаются выстрелы. Они зевают.

ПЕРВЫЙ. (выглядывая в окно, имеющее вид буквы А). Нигде я не вижу надписи связанной с каким бы то ни было понятием.

ВТОРОЙ. Что ж тут удивительного. Мы же не учительницы.

ТРЕТИЙ. Идут купцы. Не спросить ли их о чем-нибудь.

ПЕРВЫЙ. Спроси. Спроси.

ВТОРОЙ. Откуда вы два купца.

ТРЕТИЙ. Я ошибся. Купцы не идут. Их не видно.

ПЕРВЫЙ. Я продолжаю.

ВТОРОЙ. Почему нам приходит конец, когда нам этого не хочется.

Обстановка была суровой. Была военной. Она была похожей на сражение.

10. Последний разговор

ПЕРВЫЙ. Я из дому вышел и далеко пошел.

ВТОРОЙ. Ясно что я пошел по дороге.

ТРЕТИЙ. Дорога дорога она была обсажена.

ПЕРВЫЙ. Она была обсажена дубовыми деревьями.

ВТОРОЙ. Деревья те шумели листьями.

ТРЕТИЙ. Я сел под листьями и задумался.

ПЕРВЫЙ. Задумался о том.

ВТОРОЙ. О своем условно прочном существовании.

ТРЕТИЙ. Ничего я не мог понять.

ПЕРВЫЙ. Тут я встал и опять далеко пошел.

ВТОРОЙ. Ясно, что я пошел по тропинке.

ТРЕТИЙ. Тропинка. Тропинка она была обсажена

ПЕРВЫЙ. Она была обсажена цветами мучителями.

ВТОРОЙ. Цветы те разговаривали на своем цветочном языке.

ТРЕТИЙ. Я сел возле них и задумался.

ПЕРВЫЙ. Задумался о том.

ВТОРОЙ. Об изображениях смерти о ее чудачествах.

ТРЕТИЙ. Ничего я не мог понять.

ПЕРВЫЙ. Тут я встал и опять далеко пошел.

ВТОРОЙ. Ясно что я пошел по воздуху.

ТРЕТИЙ. Воздух, воздух он был окружен.

ПЕРВЫЙ. Он был окружен облаками и предметами и птицами.

ВТОРОЙ. Птицы те занимались музыкой, облака порхали, предметы подобно слонам стояли на месте.

ТРЕТИЙ. Я сел поблизости и задумался.

ПЕРВЫЙ. Задумался о том.

ВТОРОЙ. О чувстве жизни во мне обитающем.

ТРЕТИЙ. Ничего я не мог понять.

ПЕРВЫЙ. Тут я встал и опять далеко пошел.

ВТОРОЙ. Ясно что я пошел мысленно.

ТРЕТИЙ. Мысли мысли они были окружены.

ПЕРВЫЙ. Они были окружены освещением и звуками.

ВТОРОЙ. Звуки те слышались, освещение пылало.

ТРЕТИЙ. Я сел под небом и задумался.

ПЕРВЫЙ. Задумался о том.

ВТОРОЙ. О карете, о банщике, о стихах и о действиях.

ТРЕТИЙ. Ничего я не мог понять.

ПЕРВЫЙ. Тут я встал и опять далеко пошел:

К о н е ц.

<1936—1937>

46

ЕЛКА У ИВАНОВЫХ

Действующие лица:

Петя Перов — годовалый мальчик	:	
Нина Серова — восьмилетняя девочка.	:	
Варя Петрова — семнадцатилетняя девочка.	:	
Володя Комаров — двадцатипятилетний мальчик	:	дети
Соня Острова — тридцатидвухлетняя девочка	:	
Миша Пестров — семидесятишестилетний мальчик	:	
Дуня Шустрова — восьмидесятидвухлетняя девочка	:	
Пузырева — мать.	:	
Пузырев — отец.	:	
Собака Вера.	:	
Гробовщик.	:	

Горничные, повара, солдаты, учителя латинского и греческого языка.

Действие происходит в 90-х годах.

ДЕЙСТВИЕ I

Картина первая

На первой картине нарисована ванна. Под сочельник дети купаются. Стоит и комод. Справа от двери повара режут кур и режут поросят. Няньки, няньки, няньки моют детей. Все дети сидят в одной большой ванне, а Петя Перов годовалый мальчик купается в тазу, стоящем прямо против двери. На стене слева от двери висят часы. На них 9 ч. вечера.

Годовалый мальчик ПЕТЯ ПЕРОВ. Будет елка? Будет. А вдруг не будет. Вдруг я умру.

Всё [240]

НЯНЬКА (мрачная как скунс). Мойся, Петя Перов. Намыль себе уши и шею. Ведь ты еще не умеешь говорить.

ПЕТЯ ПЕРОВ. Я умею говорить мыслями. Я умею плакать. Я умею смеяться. Что ты хочешь?

ВАРЯ ПЕТРОВА (девочка 17 лет). Володя, потри мне спину. Знает Бог на ней вырос мох. Как ты думаешь?

ВОЛОДЯ КОМАРОВ (мальчик 25 лет). Я ничего не думаю. Я обжег себе живот.

МИША ПЕСТРОВ (мальчик 76 лет). Теперь у тебя будет клякса. Которую я знаю, не вывести ничем и никогда.

СОНЯ ОСТРОВА (девочка 32 л.). Вечно ты Миша говоришь неправильно. Посмотри лучше, какая у меня сделалась грудь.

ДУНЯ ШУСТРОВА (девочка 82 л.). Опять хвастаешься. То ягодицами хвасталась, а теперь грудью. Побоялась бы Бога.

СОНЯ ОСТРОВА (девочка 32 л.). (поникает от горя, как взрослый малороссийский человек). Я обижена на тебя. Дура, идиотка, блядь.

НЯНЬКА (замахиваясь топором как секирой). Сонька, если ты будешь ругаться я скажу отцу-матери, я зарублю тебя топором.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальчик 1 г.). И ты почувствуешь на краткий миг, как разорвется твоя кожа, и как брызнет кровь. А что ты почувствуешь дальше, нам неизвестно.

НИНА СЕРОВА (девочка 8 л.). Сонечка, эта нянька сумасшедшая или преступница. Она все может. Зачем ее только к нам взяли.

МИША ПЕСТРОВ (мальч. 76 л.). Да бросьте дети ссориться. Так и до елки не доживешь. А родители свечек купили, конфет, и спичек чтобы зажигать свечи.

СОНЯ ОСТРОВА (дев. 32 л.). Мне свечи не нужны. У меня есть палец.

ВАРЯ ПЕТРОВА(дев.17 л.). Соня, не настаивай на этом. Не настаивай. Лучше мойся почище.

ВОЛОДЯ КОМАРОВ (мальч. 25 л.). Девочки должны мыться чаще мальчиков, а то они становятся противными. Я так думаю.

МИША ПЕСТРОВ (мальч. 76 л.). Ох, да будет вам говорить гадости. Завтра елка и мы все будем очень веселиться.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальч. 1 г.). Один я буду сидеть на руках у всех гостей по очереди с видом важным и глупым, будто бы ничего не понимаю. Я и невидимый Бог.

СОНЯ ОСТРОВА (девочка 32 л.). А я когда в зал выйду, когда елку зажгут, я юбку подниму и всем все покажу.

НЯНЬКА (зверя). Нет, не покажешь. Да и нечего тебе показывать — ты еще маленькая.

СОНЯ ОСТРОВА (дев. 32 л.). Нет покажу. А то что у меня маленькая, это ты правду сказала. Это еще лучше. Это не то что у тебя.

НЯНЬКА (хватает топор и отрубает ей голову). Ты заслужила эту смерть.

Дети кричат: Убийца, она убийца. Спасите нас. Прекратите купанье.

Повара перестают резать кур и резать поросят. Удаленная на два шага от тела лежит па полу кровавая отчаянная голова. За дверями воет собака Вера. Входит полиция.

ПОЛИЦИЯ. Где же родители?

ДЕТИ (хором). Они в театре.

ПОЛИЦИЯ. Давно ль уехали.

ДЕТИ (хором). Давно но не навеки.

ПОЛИЦИЯ. И что же смотрят
Балет иль драму?

ДЕТИ (хором). Балет должно быть
Мы любим маму.

ПОЛИЦИЯ. Приятно встретить
Людей культурных.

ДЕТИ (хором). Всегда ль вы ходите в котурнах.

ПОЛИЦИЯ. Всегда. Мы видим труп
И голову отдельно.
Тут человек лежит бесцельно
Сам нецельный.
Что тут было.

ДЕТИ (хором). Нянька топором
Сестренку нашу зарубила.

ПОЛИЦИЯ. А где ж убийца.

НЯНЬКА. Я перед вами.
Вяжите меня.
Лежите меня
И казните меня.

ПОЛИЦИЯ. Эй, слуги,<> огня.

СЛУГИ. Мы плачем навзрыд
А огонь горит.

НЯНЬКА (плачет).

Судите коня
Пожалейте меня.

ПОЛИЦИЯ. За что ж судить коня
Коль конь не виноват
в кровотеченьи этом.
Да нам и не найти
виновного коня.

НЯНЬКА. Я сумасшедшая.

ПОЛИЦИЯ. Ну, одевайся. Там разберут. Пройдешь экспертизу.
Надевайте на нее кандалы или вериги.

ОДИН ПОВАР. Тебе нянька и вериги в руки.

ДРУГОЙ ПОВАР. Душегубка.

ПОЛИЦИЯ. Эй вы потише, повара. Ну-ну пошли. До свиданья
дети.

Слышен стук в дверь. Врывается Пузырев отец и Пузырева
мать. Они обезумели от горя. Они страшно кричат, лаят и мычат.
На стене слева от двери висят часы, на них 12 ч. вечера.

Конец 1-й картины.

Картина 2-я

Тот же вечер и лес. Снегу столько что хоть возами его
вози. И верно его и возят. В лесу лесорубы рубят елки. Завтра
во многих русских и еврейских семействах будут елки. Среди
других лесорубов выделяется один, которого зовут Федор.
Он жених няньки, совершившей убийство. Что знает он об этом?
Он еще ничего не знает. Он плавно рубит елку, для елки
в семействе Пузыревых. Все звери попритаились по своим норам.
Лесорубы поют хором гимн. На тех же часах слева от двери
те же 9 ч. часов вечера.

ЛЕСОРУБЫ. Как хорошо в лесу
Как светел снег.
Молитесь колесу
Оно круглее всех.

Деревья на конях
Бесшумные лежат.
И пасынки в санях
По-ангельски визжат.

Знать завтра рождество
И мы бесчестный люд
Во здравие его
Немало выпьем блюд.

С престола смотрит Бог
И улыбаясь кротко
Вздыхает тихо ох
Народ ты мой сиротка.

ФЕДОР (задумчиво). Нет не знаете вы того, что я вам сейчас скажу. У меня есть невеста. Она работает нянькой в большом семействе Пузыревых. Она очень красивая. Я ее очень люблю. Мы с ней уже живем как муж с женою.

Лесорубы (каждый как умеет, знаками показывают ему, что их интересует то что он им сказал. Тут выясняется что они не умеют говорить. А то что они только что пели — это простая случайность, которых так много в жизни).

ФЕДОР. Только она очень нервная, эта моя невеста. Да что поделаешь, работа тяжелая. Семейство большое. Много детей. Да что поделаешь.

ЛЕСОРУБ. Фрукт.

(Хотя он и заговорил, но ведь сказал невпопад. Так что это не считается. Его товарищи тоже всегда говорят невпопад.)

2 ЛЕСОРУБ. Желтуха.

ФЕДОР. После того, как я ее возьму, мне никогда не бывает скучно и противно не бывает. Это потому что мы друг друга сильно любим. У нас одна близкая душа.

3 ЛЕСОРУБ. Помочи.

ФЕДОР. Вот сейчас отвезу дерево и пойду к ней ночью. Она детей перекупала и меня теперь поджидает. Да что поделаешь.

Федор и лесорубы садятся на сани и уезжают из леса. Выходят звери. Жирафа — чудный зверь, Волк — бобровый зверь, лев-государь и свиной поросенок.

ЖИРАФА. Часы идут.
ВОЛК. Как стада овец.
ЛЕВ. Как стада быков.
СВИНОЙ ПОРОСЕНОК. Как осетровый хрящ.
ЖИРАФА. Звезды блещут.
ВОЛК. Как кровь овец.
ЛЕВ. Как кровь быков.
СВИНОЙ ПОРОСЕНОК. Как молоко кормилицы.
ЖИРАФА. Реки текут.
ВОЛК. Как слова овец.
ЛЕВ. Как слова быков.
СВИНОЙ ПОРОСЕНОК. Как богиня семга.
ЖИРАФА. Где наша смерть?
ВОЛК. В душах овец.
ЛЕВ. В душах быков.
СВИНОЙ ПОРОСЕНОК. В просторных сосудах.
ЖИРАФА. Благодарю вас. Урок окончен.

Звери — Жирафа — чудный зверь, Волк — бобровый зверь, Лев — государь и свиной поросенок, совсем как в жизни уходят. Лес остается один. На часах слева от двери 12 ч. ночи.

Конец 2-й картины.

Картина 3-я

Ночь. Гроб. Уплывающие по реке свечи. Пузырев-отец. Очки. Борода. Слюни. Слезы. Пузырева мать. На ней женские доспехи. Она красавица. У нее есть бюст. В гробу плащмя лежит Соня Острова. Она обескровлена. Ее отрубленная голова лежит на подушке, приложенная к своему бывшему телу. На стене слева от двери висят часы. На них 2 часа ночи.

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ (плачет). Девочка моя, Соня, как же так. Как же так. Еще утром ты играла в мячик. и бегала как живая.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ (плачет). Сонечка. Сонечка. Сонечка.
Сонечка. Сонечка. Сонечка. Сонечка.

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ (плачет). Дернул же нас чорт уехать в театр и смотреть там этот дурацкий балет, с шерстяными пузатыми балеринами. Как сейчас помню одна из них прыгая и сияя улыбнулась мне, но я подумал на что ты мне нужна, у меня ведь есть дети, есть жена, есть деньги. И я так радовался, так радовался. Потом мы вышли из театра, <я> позвал лихача и сказал ему: Ваня вези нас поскорее домой, у меня что-то сердце неспокойно.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ (зевает). О жестокий Бог, жестокий Бог, за что ты нас наказываешь.

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ (сморкается). Мы были как пламя, а ты нас тушишь.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ (пудрится). Мы хотели детям елку устроить.

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ (целуется). И мы устроим ее устроим.
Несмотря ни на что.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ (раздевается). О это будет елка. Всем елкам ель.

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ (разжигая свое воображение). Ты у меня красавица и дети так милы.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ (отдается ему). Боже, почему так скрипит диван. Как это ужасно.

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ (кончив свое дело, плачет). Господи, у нас умерла дочь, а мы тут как звери.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ (плачет). Не умерла же, не умерла, в том-то и дело. Ведь ее убили.

(Входит нянька с годовалым Петей Перовым на руках).

НЯНЬКА. Мальчик проснулся. Ему что-то неспокойно на душе. Он морщится. Он с отвращением на все смотрит.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ. Спи Петенька спи. Мы тебя караулим.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальч. 1 г.). А что Соня все мертвая.

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ (вздыхает). Да, она мертва. Да, она убита. Да, она мертва.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальч. 1 г.). Я так и думал. А елка будет.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ. Будет. Будет. Что вы все дети сейчас делаете.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальч. 1 г.). Мы все дети сейчас спим. И я засыпаю. (Засыпает).

(Нянька подносит его к родителям, те крестят его и целуют. Нянька уносит его).

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ (жене). Ты побудь пока одна у гроба. Я сейчас вернусь. Я пойду погляжу не несут ли елку. (Выбегает из гостиной. Через секунду возвращается, потирая руки). А кстати и свечей подкинуть надо, а то эти уж совсем отплыли в лету. (Низко кланяется гробу и жене и на цыпочках выходит.)

ПУЗЫРЕВА МАТЬ (остается одна). Сонечка, знаешь, когда мы поднимались по лестнице, надо мной все время летала черная ворона, и я нравственно чувствовала, как мое сердце сжимается от тоски. А когда мы вошли в квартиру, и когда слуга Степан Николаев сказал: Она убита. Она убита. <Я> закричала беспросветным голосом. Так стало мне страшно. Так страшно. Так нелегко.

СОНЯ ОСТРОВА (бывш. дев. 32 л.). Лежит как поваленный железнодорожный столб. Слышит ли она, что говорит ей мать? Нет где ж ей. Она совершенно мертва. Она убита.

Дверь открывается нараспашку. Входит Пузырев отец. За ним Федор. За ним лесорубы. Они вносят елку. Видят гроб, и все снимают шапки. Кроме елки у которой нет шапки и которая в этом ничего не понимает.

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ. Тише братцы тише. Тут у меня дочка девочка при последнем издыхании. Да впрочем (всхлипывает) даже уж и не при последнем, у нее голова отрезана.

ФЕДОР. Вы нам сообщаете горе. А мы вам радость приносим. Вот елку принесли.

1 ЛЕСОРУБ. Фрукт.

2 ЛЕСОРУБ. Послание грекам.

3 ЛЕСОРУБ. Человек тонет. Спасайте.

Все выходят. Соня Острова бывшая девочка 32 л. остается одна. Остается ее голова и тело.

ГОЛОВА. Тело ты все слышало.

ТЕЛО. Я голова ничего не слышало. У меня ушей нет. Но я все перечувствовало.

Конец 3 картины, и I действия
На часах слева от двери три часа ночи.

2-е действие

Картина 4-я

Участок. Ночь. Сургуч. Полиция. На часах слева от двери 12 ч. ночи. Сидит писарь и сидит городской.

ПИСАРЬ. У сургуча всегда грудь горяча. У пера два прекрасных бедра.

ГОРОДОВОЙ. Мне скучно писарь.

Я целый день стоял затмением на посту.
Промерз. Простыл. И все мне опостыло.
Скитающийся дождь и пирамиды
Египетские в солнечном Египте
Потешь меня.

ПИСАРЬ. Да ты городской, я вижу с ума сошел. Чего мне тебя тешить, я твое начальство.

ГОРОДОВОЙ. Ей-Богу

Аптеки, кабаки, и пубдома
Сведут меня когда-нибудь с ума.
Да чем сводить отравленных в аптеки,
Я б предпочел сидеть в библиотеке.
Читать из Маркса разные отрывки,
И по утрам не водку пить, а сливки.

ПИСАРЬ. А что с тем пьяным. Что он все еще качается.

ГОРОДОВОЙ. Качается как маятник вот этот,

И млечный путь качается над ним.
Да сколько их тех тружеников моря,
Отверженных и крепостных крестьян.

Входят Становой пристав и жандармы.

СТ. ПРИСТАВ. Все встать. Все убрать. Помолиться Богу. Сейчас сюда введут преступницу.

Солдаты, слуги, повара и учителя латинского и греческого языка волокут няньку убившую Соню Острову.

СТАНОВОЙ ПРИСТАВ. Оставьте ее. (Обращаясь к няньке). Садитесь в тюрьму.

НЯНЬКА. Мои руки в крови. Мои зубы в крови. Меня оставил Бог. Я сумасшедшая. Что-то она сейчас делает.

СТАНОВОЙ ПРИСТАВ. Ты нянька, о ком говоришь. Ты смотри не заговаривайся. Дайте мне чарку водки. Кто она.

НЯНЬКА. Соня Острова, которую я зарезала. Что-то она сейчас думает. Мне холодно. У меня голова как живот болит.

ПИСАРЬ. А еще молода. А еще недурна. А еще хороша. А еще как звезда. А еще как струна. А еще как душа.

ГОРОДОВОЙ (к няньке). Воображаю ваше состояние
Вы девочку убили топором.
И на душе у вас теперь страданье
Которое не описать пером.

СТАНОВОЙ ПРИСТАВ. Ну, нянька, как вы себя чувствуете. Приятно быть убийцей?

НЯНЬКА. Нет. Тяжело.

СТАНОВОЙ ПРИСТАВ. Ведь вас казнят. Ей-Богу вас казнят.

НЯНЬКА. Я стучу руками. Я стучу ногами. Ее голова у меня в голове. Я Соня Острова — меня нянька зарезала. Федя-Федор спаси меня.

ГОРОДОВОЙ.

Некогда помню стоял я на посту на морозе.
Люди ходили кругом бегали звери лихие.
Всадников греческих туча как тень пронеслась по проспекту
Свистнул я в громкий свисток дворников вызвал к себе.
Долго стояли мы все в подозрные трубы глядели.
Уши к земле приложив топот ловили копыт.
Горе нам тщетно и праздно искали мы конное войско.
Тихо заплакав потом, мы по домам разошлись.

СТАНОВОЙ ПРИСТАВ. К чему ты это рассказал. Я тебя спрашиваю об этом. Дурак! Чинодрал. Службы не знаешь.

ГОРОДОВОЙ. Я хотел отвлечь убийцу от ее мрачных мыслей.

ПИСАРЬ. Стучат. Это санитары. Санитары возьмите ее в ваш сумасшедший дом.

(В дверь стучат, входят санитары).

САНИТАРЫ. Кого взять — этого Наполеона?

Уходят. На часах слева от двери 4 ч. ночи.

Конец 4 картины.

Картина 5-я

Сумасшедший дом. У бруствера стоит врач и целится в зеркало. Кругом цветы, картины и коврики. На часах слева от двери 4 часа ночи.

ВРАЧ. Господи, до чего страшно. Кругом одни ненормальные. Они преследуют меня. Они поедают мои сны. Они хотят меня застрелить. Вот один из них подкрался и целится в меня. Целится а сам не стреляет, целится а сам не стреляет. Не стреляет, не стреляет, не стреляет, а целится. Итого стрелять буду я. (Стреляет. Зеркало разбивается. Входит каменный санитар.

САНИТАР. Кто стрелял из пушки?

ВРАЧ. Я не знаю, кажется, зеркало. А сколько вас?

САНИТАР. Нас много.

ВРАЧ. Ну то-то. А то у меня немного чепуха болит. Там кого-то привезли.

САНИТАР. Няньку-убийцу привезли из участка.

ВРАЧ. Она черная как уголь.

САНИТАР. Знаете ли я не все знаю.

ВРАЧ. Как же быть. Мне не нравится этот коврик. (Стреляет в него. Санитар падает замертво). Почему вы упали, я стрелял не в вас, а в коврик.

САНИТАР (поднимается). Мне показалось, что я коврик. Я обознался. Эта нянька говорит, что она сумасшедшая.

ВРАЧ. Это она говорит — мы этого не говорим. Мы зря этого не скажем. Я знаете весь наш сад со всеми его деревьями, и с

подземными червяками и с неслышными тучами держу вот тут, вот тут, ну как это место называется (показывает на ладонь руки).

САНИТАР. Виноград.

ВРАЧ. Нет.

САНИТАР. Стена.

ВРАЧ. Нет. В ладони. Ну впускай же эту няньку.

(Входит нянька).

НЯНЬКА. Я сумасшедшая. Я убила ребенка.

ВРАЧ. Нехорошо убивать детей. Вы здоровы.

НЯНЬКА. Я сделала это не нарочно. Я сумасшедшая. Меня могут казнить.

ВРАЧ. Вы здоровы. У вас цвет лица. Сосчитайте до трех.

НЯНЬКА. Я не умею.

САНИТАР. Раз. Два. Три.

ВРАЧ. Видите, а говорите что не умеете. У вас железное здоровье.

НЯНЬКА. Я говорю с отчаяньем. Это же не я считала, а ваш санитар.

ВРАЧ. Сейчас это уже трудно установить. Вы меня слышите.

САНИТАР. Слышу. Я нянька, я обязана все слышать.

НЯНЬКА. Господи, кончается моя жизнь. Скоро меня казнят.

ВРАЧ. Уведите ее и лучше приведите елку. Ей-Богу это лучше. Чуть-чуть веселее. Так надоело дежурство. Спокойной ночи.

(На лодке из зала отталкиваясь об пол веслами плывут больные).

С добрым утром больные, куда вы.

СУМАСШЕДШИЕ. По грибы, по ягоды.

ВРАЧ. Ах вот оно что.

САНИТАР. И я с вами купаться.

ВРАЧ. Нянька иди казниться. Ты здорова. Ты кровь с молоком.

На часах слева от двери 6 часов утра.

Конец 5 картины.

Картина 6-я

Корridor. Тут двери. Там двери. И здесь двери. Темно. Федор лесоруб жених няньки, убившей Соню Острову, во фраке с конфетами в руках идет по корридорy. Ни с того, ни с сего у него завязаны глаза. На часах слева от двери 5 часов утра.

ФЕДОР (входя в одну дверь). Ты спишь?

ГОЛОС ОДНОЙ СЛУЖАНКИ. Я сплю, но ты входи.

ФЕДОР. Значит ты в кровати. Смотри-ка я угощенье припас.

СЛУЖАНКА. Откуда же ты пришел.

ФЕДОР. Я был в бане. Я мыл себя щетками, как коня. Мне там в шутку глаза завязали. Дай-ка я сниму фрак.

СЛУЖАНКА. Раздевайся. Ложись на меня.

ФЕДОР. Я лягу, лягу. Ты не торопись. Ешь угощенье.

СЛУЖАНКА. Я ем. А ты делай свое дело. У нас завтра елка будет.

ФЕДОР (ложится на нее). Знаю. Знаю.

СЛУЖАНКА. И девочка у нас убита.

ФЕДОР. Знаю. Слышал.

СЛУЖАНКА. Уже в гробу лежит.

ФЕДОР. Знаю. Знаю.

СЛУЖАНКА. Мать плакала, тоже и отец.

ФЕДОР (встает с нее). Мне скучно с тобой. Ты не моя невеста.

СЛУЖАНКА. Ну и что же из этого.

ФЕДОР. Ты мне чужая по духу. Я скоро исчезну словно мак.

СЛУЖАНКА. Куда как ты мне нужен. А впрочем хочешь еще раз.

ФЕДОР. Нет нет у меня страшная тоска. Я скоро исчезну словно радость.

СЛУЖАНКА. О чем же ты сейчас думаешь?

ФЕДОР. О том что весь мир стал для меня неинтересен после тебя. И стол потерял соль и стены и окно и небо и лес. Я скоро исчезну словно ночь.

СЛУЖАНКА. Ты невежлив. За это я накажу тебя. Взгляни на меня. Я расскажу тебе что-то неестественное.

ФЕДОР. Попробуй. Ты жаба.

СЛУЖАНКА. Твоя невеста убила девочку. Ты видел убитую девочку. Твоя невеста отрубила ей голову.

ФЕДОР (квакает).

СЛУЖАНКА (усмехаясь). Девочку Соню Острову знаешь? Ну вот ее она и убила.

ФЕДОР (мяукает).

СЛУЖАНКА. Что горько тебе?

ФЕДОР (поет птичьим голосом).

СЛУЖАНКА. Ну вот, а ты ее любил. А зачем. А для чего?

Ты наверно и сам.

ФЕДОР. Нет я не сам.

СЛУЖАНКА. Рассказывай, рассказывай, так я тебе и поверила.

ФЕДОР. Честное слово.

СЛУЖАНКА. Ну уходи я хочу спать. Завтра будет елка.

ФЕДОР. Знаю. Знаю.

СЛУЖАНКА. Что ты опять приговариваешь. Ведь ты же теперь в стороне от меня.

ФЕДОР. Я приговариваю просто так от большого горя. Что мне еще остается.

СЛУЖАНКА. Горевать, горевать и горевать. И все равно тебе ничто не поможет.

ФЕДОР. И все равно мне ничто не поможет. Ты права.

СЛУЖАНКА. А то может попробуешь учиться, учиться и учиться.

ФЕДОР. Попробую. Изучу латынь. Стану учителем. Прощай.

СЛУЖАНКА. Прощай.

Федор исчезает. Служанка спит. На часах слева от двери 6 часов утра.

Конец 6 картины.

Действие 3.

Картина 7-я

Стол. На столе гроб. В гробу Соня Острова. В Соне Островой сердце. В сердце свернувшаяся кровь. В крови красные и белые шарики. Ну конечно и трупный яд. Всем понятно, что светает. Собака Вера, поджав хвост, ходит вокруг гроба. На часах слева от двери восемь часов утра.

СОБАКА ВЕРА. Я хожу вокруг гроба
Я гляжу вокруг в оба
Эта смерть — это проба.

Бедный молится хлебу
Медный молится небу
Поп отслужит тут требу.

Труп лежит коченея
Зуб имел к ветчине я
Умерла Дульчиная.

Всюду пятна кровавы
Что за черные нравы
Нянька нет вы не правы.

Жизнь дана в украшение
Смерть дана в устрашение
Для чего ж разрушение.

Самых важных артерий
И отважных бактерий
В чем твой нянька критерий.

Федор гладил бы круп
Твой всегда поутру б
А теперь ты сама станешь труп.

(Входит, ковыляя, годовалый мальчик Петя Перов).

ПЕТЯ ПЕРОВ. Я самый младший — я просыпаюсь раньше всех.
Как сейчас помню два года тому назад я еще ничего не помнил.
Я слышу собака произносит речь в стихах. Она так тихо плачет.

СОБАКА ВЕРА. Как холодно в зале
Что вы Петя сказали.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальчик 1 г.). Что я могу сказать. Я могу только
что-нибудь сообщить.

СОБАКА ВЕРА. Я вою я вою я вою я вою
Желая увидеть Соню живою.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальч. 1 г.). Она была непривычно неприлична.
А теперь на нее страшно смотреть.

СОБАКА ВЕРА. Вас не удивляет, что я разговариваю а не лаю.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальч. 1 г.). Что может удивить меня в мои годы.
Успокойтесь.

СОБАКА ВЕРА. Дайте мне стакан воды. Мне слишком.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальч. 1 г.). Не волнуйтесь. За мою недолгую
жизнь мне придется и не с тем еще ознакоми́ваться.

СОБАКА ВЕРА. Эта Соня несчастная Острова была
безнравственна. Но я ее. Объясните мне все.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальч. 1 г.). Папа. Мама. Дядя. Тетя. Няня.

СОБАКА ВЕРА. Что вы говорите. Опомнитесь.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальч. 1 г.). Мне теперь год. Не забывайте. Папа.
Мама. Дядя. Тетя. Огонь. Облако. Яблоко. Камень. Не забывайте.

(Отбывает в штанах на руках у няньки).

СОБАКА ВЕРА. (припоминая). Он действительно еще мал
и молод.

(Входят шамкая за руки Миша Пестров и Дуня Шустрова).

МИША ПЕСТРОВ (мальч. 76 л.). Поздравляю. Сегодня
Рождество. Скоро будет щелка.

ДУНЯ ШУСТРОВА (дев. 82 л.). Не щелка а пчелка. И не пчелка
а елка. Поздравляю. Поздравляю. А что Соня спит.

СОБАКА ВЕРА. Нет она мочится.

На часах слева от двери 9 ч. утра.

Конец 7-й картины

Картина 8-я

На восьмой картине нарисован суд. Судейские в стариках —
судействие в париках. Прыгают насекомые. Собирается с силами
нафталин. Жандармы пухнут. На часах слева от двери 8 ч. утра.

СУДЬЯ (издыхая). Не дождавшись Рождества — я умер.

(Его быстро заменяют другим судьей.)

ДРУГОЙ СУДЬЯ. Мне плохо, мне плохо. Спасите меня.

(Умирает. Его быстро заменяют другим судьей.)

ВСЕ (хором).

Мы напуганы двумя смертями
Случай редкий — посудите сами.

ДРУГИЕ ВСЕ (по очереди). Судим.

Будем.
Судить.
И будить.
Людей
Несут
Суд
И сосуд
На блюде.
Несут
На посуде.
Судей.

(Пришедший к делу суд, приступает к слушанию дела Козлова и Ослова).

СЕКРЕТАРЬ (читает протокол).

Зимним вечером Козлов
Шел к реке купать козлов
видит шествует Ослов
он ведет с реки ослов.

Говорит Ослов Козлову
Честному ты веришь слову
Зря ведешь купать козлов
А читал ты Часослов.

Говорит Козлов Ослову
Чти Псалтырь а к Часослову
Отношенья не имей
Говорю тебе немей.

Говорит Ослов Козлову
Тут Псалтырь пришелся к слову
На пустырь веда, Козлов,
Чтя псалтырь пасти козлов.

Говорит Козлов Ослову
Я не верю пустослову
На тебя сегодня злы
Погляди мои козлы.

Отвечал Ослов Козлову
Ветку я сорву лозову
И без лишних снов и слов
Похлещу твоих козлов.

Отвечал Козлов Ослову
Ветвь и я сорву елову
И побью твоих ослов
Словно вражеских послов.

Голова твоя баранья
Голова твоя коровья.
Долго длились препиранья
Завершилось дело кровью.

Словно мертвые цветы
Полегли в снегу козлы
Пали на землю ослы
Знаменем подняв хвосты.

Требует Козлов с Ослова
Вороти моих козлов
Требует Ослов с Козлова
Воскреси моих ослов.

Вот и все.

СУДЬЯ. Признак смерти налицо.

СЕКРЕТАРЬ. Ну, налицо.

СУДЬЯ (мягко). Не говорите ну.

СЕКРЕТАРЬ. Хорошо не буду.

СУДЬЯ. Начинаю суд

Сужу

Ряжу

Сижу

решаю
— нет не погрешаю.
Еще раз. Сужу
ряжу
сiju
решаю
— нет не погрешаю.
Еще раз. Сужу
ряжу
сiju
решу
— нет не согрешу.

Я кончил судить мне все ясно. Аделину Францевну Шметтерлинг находившуюся нянькой, и убившую девочку Сою Острову казнить-повесить.

НЯНЬКА (кричит). Я не могу жить.

СЕКРЕТАРЬ. Вот и не будешь. Вот мы и идем тебе навстречу.

Всем становится ясно, что нянька присутствовала на суде, а разговор Козлова и Ослова велся просто для отвода глаз. На часах слева от двери 9 ч. утра.

Конец 8-й картины
и конец 3-го действия.

Действие 4-е

Картина 9-я

Картина девятая, как и все предыдущие изображает события, которые происходили за шесть лет до моего рождения, или за сорок лет до нас. Это самое меньшее. Так что же нам огорчаться и горевать о том что кого-то убили. Мы никого их не знали, и они все равно все умерли. Между третьим и четвертым действием прошло несколько часов. Перед дверями плотно прикрытыми, чисто умытыми, цветами увитыми стоит группа детей. На часах слева от двери 6 часов вечера.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальчик 1 г.). Сейчас откроют. Сейчас откроют. Как интересно. Елку увижу.

НИНА СЕРОВА (дев. 8 л.). Ты и в прошлом году видел.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальч. 1 г.). Видел, видел. Но я не помню. Я же еще мал. Еще глуп.

ВАРЯ ПЕТРОВА (дев. 17 лет.). Ах елка, елка. Ах елка, елка.
Ах елка, елка.

ДУНЯ ШУСТРОВА (дев. 82 л.). Я буду прыгать вокруг. Я буду хохотать.

ВОЛОДЯ КОМАРОВ (мальч. 25 л.). Нянька я хочу в уборную.

НЯНЯ. Володя, если тебе нужно в уборную скажи себе на ухо, а так ты девочек смущаешь.

МИША ПЕСТРОВ (мальч. 76 л.). А девочки ходят в уборную.

НЯНЯ. Ходят. Ходят.

МИША ПЕСТРОВ (мальч. 76 л.). А как? как ходят. И ты ходишь.

НЯНЯ. Как надо так и ходят. И я хожу.

ВОЛОДЯ КОМАРОВ (мальч. 25 л.). Вот я уже и <с>ходил. Вот и легче стало. Скоро ли нас пустят.

ВАРЯ ПЕТРОВА (дев. 17 л.) (шепчет). Няня. Мне тоже нужно. Я волнуюсь.

НЯНЯ (шепчет). Делай вид, что ты идешь

МИША ПЕСТРОВ (мальч. 76 л.). Куда ж бы она с вами пошла.

ДЕВОЧКИ (хором). Туда, куда царь пешком ходит. (Плачут и остаются<).>

НЯНЯ. Дуры вы. Сказали бы что идете на рояли играть.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальч. 1 г.). Зачем ты их учишь врать. Что толку в таком вранье. Как скучно жить, что бы вы там ни говорили.

(Вдруг открывается дверь. В дверях стоят родители)

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ. Ну веселитесь. Что мог то и сделал. Вот ель. Сейчас и мама сыграет.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ (садится без обмана к роялю, играет и поет)

Вдруг музыка гремит

Как сабля о гранит.

Все открывают дверь

И мы въезжаем в Тверь.

Не в Тверь, а просто в зало

наполненное елкой.

Все прячут злобы жало

Один летает пчелкой.

Другая мотыльком
над елки стебельком.
А третий камельком
Четвертая мелком
А пятый лезет на свечу
Кричит и я и я рычу.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальч. 1 г.). Елка я должен тебе сказать. Какая ты красивая.

НИНА СЕРОВА (дев. 8 л.). Елка я хочу тебе объяснить. Как ты хороша.

ВАРЯ ПЕТРОВА (дев. 17 л.). Ах елка, елка. Ах елка, елка. Ах елка, елка.

ВОЛОДЯ КОМАРОВ (мальч. 25 л.). Елка, я хочу тебе сообщить. Как ты великолепно.

МИША ПЕСТРОВ (мальч. 76 л.). Блаженство, блаженство, блаженство, блаженство.

ДУНЯ ШУСТРОВА (дев. 82 л.). Как зубы. Как зубы. Как зубы. Как зубы.

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ. Я очень рад, что всем весело. Я очень несчастен, что Соня умерла. Как грустно, что всем грустно.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ (поет).

А о у е и я

Б Г Р Т (не в силах продолжать пение плачет).

ВОЛОДЯ КОМАРОВ (мальч. 25 л.) (стреляет над ее ухом себе в висок). Мама не плачь. Засмейся. Вот и я застрелился.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ (поет). Ладно не буду омрачать ваше веселье. Давайте веселиться. А все-таки бедная бедная Соня.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальч. 1 г.). Ничего, ничего мама. Жизнь пройдет быстро. Скоро все умрем.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ. Петя ты шутишь. Что ты говоришь?

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ. Он кажется не шутит. Володя Комаров уже умер.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ. Разве умер.

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ. Да конечно же. Ведь он застрелился.

ДУНЯ ШУСТРОВА. Я умираю, сидя в кресле.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ. Что она говорит.

МИША ПЕСТРОВ (мальч. 76 л.). Хотел долголетия. Нет долголетия. Умер

НЯНЬКА. Детские болезни, детские болезни. Когда только научатся вас побеждать (умирает).

НИНА СЕРОВА (дев. 8 л.) (плачет). Няня, няня что с тобою.
Почему у тебя такой острый нос.

ПЕТЯ ПЕРОВ (мальч. 1 г.). Нос острый, но все-таки нож или бритва еще быстрее.

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ. Двое младших детей у нас еще остались. Петя и Нина. Что ж проживем как-нибудь.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ. Меня это не может утешить. Что за окном солнце.

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ. Откуда же солнце, когда сейчас вечер. Будем елку тушить.

ПЕТЯ ПЕРОВ. Умереть до чего хочется. Просто страсть.
Умираю. Умираю. Так, умер.

НИНА СЕРОВА. И я. Ах елка, елка. Ах елка, елка. Ах елка.
Ну вот и все. Умерла.

ПУЗЫРЕВ ОТЕЦ. И они тоже умерли. Говорят, что лесоруб Федор выучился и стал учителем латинского языка. Что это со мною. Как кольнуло сердце. Я ничего не вижу. Я умираю.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ. Что ты говоришь. Вот видишь, человек простонародный а своего добился. Боже какая печальная у нас елка. (Падает и умирает).

Конец 9 картины а вместе с ней и действия, а вместе с ним
и всей пьесы.

На часах слева от двери семь часов вечера.

<1938—1939?>

47

ЭЛЕГИЯ

Так сочинилась мной элегия
о том, как ехал на телеге я.

Осматривая гор вершины
их бесконечные аршины
вином налитые кувшины
весь мир, как снег прекрасный

я видел темные потоки
я видел бури взор жестокий
и ветер мирный и высокий
и смерти час напрасный.

Вот воин плавая навагой
наполнен важною отвагой
с морской волнующейся влагой
вступает в бой неравный.
Вот конь в волшебные ладони
кладет огонь лихой погони
и пляшут сумрачные кони
в руке травы державной.

Где лес глядит в полей просторы
в ночей несложные уборы
а мы глядим в окно без шторы
на свет звезды бездушной.
в пустом смущенье чувства прячем
а в ночь не спим томимся плачем,
мы ничего почти не значим
мы жизни ждем послушной

Нам восхищенье неизвестно
нам туго пасмурно и тесно,
мы друга предаем бесчестно
и Бог нам не владыка.
Цветок несчастья мы взрастили,
мы нас самим себе простили,
Нам тем кто как зола остыли
Милей орла гвоздика.

Я с завистью гляжу на зверя
ни мыслям ни делам не веря
умов произошла потеря
бороться нет причины
Мы все воспримем как паденье
и день и тень и наслаждение
и даже музыки гуденье
не избежит пучины.

В морском прибое беспокойном
в песке пустынном и нестройном
и в женском теле непристойном
отрады не нашли мы.
беспечную забыли трезвость
воспели смерть воспели мерзость
воспоминанье мним как дерзость
за то мы и палимы.

Летят божественные птицы
их развешаются косицы
халаты их блестят как спицы
в полете нет пощады
Они отсчитывают время
они испытывают бремя
пускай бренчит пустое стремя
сходить с ума не надо.

Пусть мчится в путь ручей хрустальный
пусть рысью конь спешит зеркальный
вдыхая воздух музыкальный
вдыхаешь ты и тленье.
возница хилый и сварливый
в вечерний час зари сонливой
гони гони возок ленивый
лети без промедленья.

Не плещут лебеди крылами
над пиршественными столами
совместно с медными орлами
в рог не трубят победный.
Исчезнувшее вдохновенье
теперь приходит на мгновенье
На смерть! На смерть! держи равненье
поэт и всадник бедный.

<1940>

<ГДЕ. КОГДА>

ГДЕ

<Где> он стоял опершись на статую. С <лицо>м переполненным думами. Он стоял. Он сам обращался в статую. Он крови не имел. Зрите он вот что сказал:

прощайте темные деревья
прощайте черные леса
небесных звезд круговращенье
и птиц беспечных голоса.

<Он д>олжно быть вздумал куда-нибудь, когда-нибудь уезжать.

Прощайте скалы полевые
я вас часами наблюдал
прощайте бабочки живые
я с вами вместе голодал
прощайте камни прощайте ту<ч>и
я вас любил и я вас мучил.

<Он с> тоской и с запоздалым раскаяньем начал рассматривать концы трав.

Прощайте славные концы
прощай цветок. Прощай вода.
Бегут почтовые гонцы
Бежит судьба бежит беда.
я в поле пленником ходил,
я обнимал в лесу тропу
я рыбу по утрам будил
дубов распугивал толпу
дубов гробовый видел дом
коней и песню вел вокруг с трудом

<Он воо>бражает и вспоминает как он бывало или небывало выходил на реку.

я приходил к тебе река.
Прощай река. дрожит рука.

ты вся блестела вся текла
и я стоял перед тобой
в кафтан одетый из стекла
я слушал твой речной прибой.
Как сладко было мне входить
в тебя, и снова выходить.
Как сладко было мне входить
в себя и снова выходить.
где как чижи дубы шумели.
дубы безумные умели
Дубы шуметь лишь еле-еле.

<Н>о здесь он прикидывает в уме, что было бы если бы он увидал
и море.

Море прощай. Прощай песок
о горный край как ты высок
пусть волны бьют. Пусть брызжет пена,
на камне я сижу, все с д<удко>й.
а море плещет постепе<нно>
и все на море далеко.
и все от моря далеко.
бежит забота скучной уткой
расстаться с морем нелегко.
Море прощай. Прощай рай.
о как ты высок горный край.

О последнем что есть в природе он тоже вспомнил. Он вспомнил
о пустыне.

Прощайте и вы
пустыни и львы.

И так попрощавшись со всеми он аккуратно сложил оружие и
вынув из кармана висок выстрелил себе в голову.

<И ту>т состоялась часть вторая — прощание всех с одним.

Деревья как крыльями, взмахнули <сво>ими руками. Они
обдумали, что могли и ответили:

Ты нас посещал. Зрите,
он умер и все умрите.
он нас принимал за минуты
потертый, помятый, погнутый.

скитающийся без ума
как ледяная зима.

Что же он сообщает теперь деревьям, — Ничего он цепенеет.

Скалы или камни не сдвинулись с места. Они молчанием и
умолчанием и отсутствием звука внушали и нам и вам и ему.
спи. прощай. Пришел конец
за тобой пришел гонец.
он пришел последний час
Господи помилуй нас.
Господи помилуй нас
Господи помилуй нас.

Что же он возражает теперь камням. — Ничего — он леденеет.
Рыбы и дубы подарили ему виноградную кисть и небольшое
количество последней радости.

Дубы сказали: — мы растем.
Рыбы сказали: — мы плывем.
Дубы спросили: — который час.
Рыбы сказали: — помилуй и нас.

Что же он скажет рыбам и дубам: — Он не сумеет сказать спасибо.
Река властно бежавшая по земле. Река властно текущая. Река
властно несущая свои волны. Река как царь<.> Она прощалась
так, что, вот так. А он лежал как тетрадка на самом ее берегу.

Прощай тетрадь
Неприятно и нелегко умирать.
Прощай мир. Прощай рай
ты очень далек человеческий край.

Что он сделает реке? — Ничего — он каменеет.
И море ослабевшее от своих долгих бурь с сожалением созерцало
смерть. Имело ли это море слабый вид орла. Нет оно его не имело.
Взглянет ли он на море? — Нет он не может.
Но — чу! вдруг затрубили где-то — не то дикири не то нет. Он
взглянул на людей.

КОГДА

Когда он приотворил распухшие свои глаза, он глаза свои приоткрыл. Он припомнил, все как есть наизусть. Я забыл попрощаться с прочим, т. е. он забыл попрощаться с прочим. Тут он вспомнил, он припомнил весь миг своей смерти. Все эти шестерки. пятерки. Всю ту — суету. Всю рифму. Которая была ему верная подруга, как сказал до него Пушкин. Ах Пушкин, Пушкин, тот самый Пушкин, который жил до него. Тут тень всеобщего отвращения лежала на всем. Тут тень всеобщего лежала на всем. Тут тень лежала на всем. Он ничего не понял, но он воздержался. И дикари, а может и не дикари с плачем похожим на шелест дубов, на жужжанье пчел, на плеск волн, на молчанье камней, и на вид пустыни, держа тарелки над головами, вышли и неторопливо спустились с вершин на немногочисленную землю. Ах Пушкин. Пушкин.

Все.

<1941>

Примечания

Все тексты, кроме специально оговоренных случаев, печатаются по автографам. Основной корпус текстов, сохраненный Я. С. Друскиным, был большей частью передан им в Рукописный Отдел Государственной Публичной (ныне Российской Национальной) Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и хранится там под номером 1232 (далее — Фонд). Некоторое количество ранних произведений находится в ИРЛИ (Пушкинском Доме) и РГАЛИ, кое-что — в частных собраниях.

По возможности сохраняем орфографию и пунктуацию подлинника. Исключение составляют замена твердого знака апострофом, отсутствие дефиса в неопределенных местоимениях и некоторые другие незначительные моменты, в основном оговоренные в примечаниях.

Почерк у Введенского не самый красивый, но достаточно разборчивый. Исключение представляют буквы типа *п/н*, *а/и* или, например, слоги типа *пя/те*, сходные в написании, из-за чего возникают разночтения, нередко меняющие смысл. Существует также такая особенность почерка, как произвольная разбивка посреди слова или, наоборот, сращивание отдельных слов. Из автографов подобные случаи иногда перекочевывали в машинопись, добавляясь к опечаткам и чисто машинописным разночтениям, когда в стершемся экземпляре трудно отличить *п* от *н* и так далее (к сверке машинописи Введенский относился невнимательно, он вообще, как известно, терял интерес к готовой вещи после ее завершения), — а впоследствии и в публикации. В примечаниях эти случаи по возможности конструктивно обсуждаются.

Нередко бывало так, что вместо «правильной» запятой ставилась запятая в предыдущем или в последующем промежутке между словами, а то и обе. Зачастую после точки идет строчная буква; впрочем, строчную букву от заглавной отличить у Введенского довольно сложно, начертанием они, как правило, не различаются, да и размер в данном случае не всегда имеет значение. Иногда точка возникает как знак временной остановки мысли — а потом скачок, и опять понеслась поэтическая мысль, и за ней, еле успевая, перо — до знаков ли тут препинания. Например, вопросительные знаки в вопросительных предложениях ставятся чрезвычайно редко, так что это уже становится частью интонации, своего рода речевой характеристикой: весь Введенский — настолько один большой вопросительный знак, что расставлять какие-то дополнительные закорючки не имеет смысла.

Поскольку архивные тексты, как правило, для печати не предназначались, какая бы то ни было редактура, в том числе унификация в оформлении (например, драматических произведений: заглавные буквы, курсив, подчеркивание) представляется излишней. Темных мест в оригиналах хватает, и можно случайно отредактировать что-нибудь не то, как уже бывало. Зачеркнутые фрагменты взяты в прямые скобки, а конъектуры — в угольные.

Практически все вошедшие в этот том произведения, с некоторыми текстологическими расхождениями, были опубликованы в издании: Александр Введенский. Полное собрание сочинений. (В 2-х томах.) Вступительная статья, подготовка текста и примечания Михаила Мейлаха. Анн Арбор: Ардис, 1980—1984 (далее — ПСС). В примечаниях также указаны некоторые ранние публикации, предшествовавшие исправленному и дополненному переизданию двухтомника (Введенский А. И. Полное собрание произведений: В 2 т. М.: Гилея, 1993. Вступ. ст. и примеч. М. Мейлаха. Составление и подготовка текста М. Мейлаха и В. Эрля; далее — ПСП 1993. Подробный перечень публикаций имел какой-то смысл в начале девяностых, но сейчас совершенствовать его не хочется).

В 2004 г. прошло две конференции, приуроченных к столетнему юбилею поэта, — в Санкт-Петербурге и в Белграде. Материалы их опубликованы: Александр Введенский и русский авангард: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. А. Кобринского. СПб., 2004; Поэт Александр Введенский. Сборник материалов / Сост. и общ. ред.: К. Ичин и С. Кудрявцев. Белград—Москва, 2006 (ниже: Белград 2004).

Пользуюсь случаем, чтобы принести искреннюю благодарность А. Т. Никитаеву, М. А. Вишневецкой, Б. А. Викторову, В. Н. Сажину, А. Л. Дмитренко, А. Б. Устинову, Ж.-Ф. Жаккару и всем тем, кто помог мне, пусть на время, вернуться в «большую филологию».

1. «И Я В МОЕМ ТЕПЛОМ ТЕЛЕ...» — Фонд, № 22. ПСС № 37; В мире книг. 1987. № 6. С. 65 (Е. Радов, А. Никитаев). Лист из черновика школьного рукописного журнала быв. гимназии им. Л. Д. Лентовской (№ 190). На обороте тем же почерком переписано стих. «Дни проходят за днями...» за подписью О. Р. (в описи РНБ обозначен автор — О. Розенштейн). Карандашная правка — тем же почерком (похожим на почерк Введенского — по крайней мере, больше, чем почерк неизвестного переписчика), что и карандашный список на 1-й странице, над текстом:

Переписать 2 стр. Введенск<ий> 1, 2

2 стр. Алекс<еев> 1, 2

1 стр. Липавский

1 стр. пустая

2 стр. Экскурсия в Москву. 2

8 стр.

Вверху надпись: *Александр Введенский*, перечеркнута карандашом, под ней цифра 1. Внизу слева надпись: *20 гр<уппа>* (о том, что Введенский обучался именно в 20-й группе, ср. в статье А. Л. Дмитренко в Приложении), справа подпись карандашом *Александр Введенский* и дата *Май 1920 года*. В первой строке *теплом* надписано карандашом над перечеркнутым *усталом*. Весь текст перечеркнут по диагонали карандашом — очевидно, предполагалось заменить его на правленный (см. след. примеч.).

Мой увенчаю дом — над словом *увенчаю* в конце подписано *ан* (как вариант *увенчан?*).

Звезды злые старухи — вместо *злые* было *лысые* (не вполне разборчиво).

2. «НА НАБЕРЕЖНОЙ БОЛТАЮТСЯ...» — ПСС № 37-бис, с примечанием: «печатается по списку, сделанному художницей Т. Н. Глебовой» и незначительными пунктуационными расхождениями. В архиве Т. Н. Глебовой, хранящемся у Е. С. Спицыной (огромное спасибо ей за содействие и доброжелательность), есть не только глебовский список, но и листок из другого экземпляра того же рукописного журнала (см. примеч. к № 1), переписанный тем же почерком (исследователь, к которому обращалась в 1992 году Е. С. Спицына, счел его детским школьным почерком Введенского, но даже поверхностное сравнение с безусловными автографами не оставляет этой версии никаких шансов). Вместо заголовка в скобках значится: *отры-*

вок из поэмы. На обороте — список стихотворения «И я в моем теплом теле...», но белой, с учетом правки, внесенной автором в первый вариант. Как и в экземпляре собрания РНБ, он носит номер 1, «На набережной болтаются...» — номер 2, и подписаны они одинаково: слева — *20 гр<уппа>*, справа — *Александр Введенский* (подпись тоже не авторская) и дата. Очевидно, перед нами часть осуществления плана, намеченного карандашом на листке, который описан в предыдущем примечании: *Переписать 2 стр. Введ. 1, 2.*

Некоторое сомнение вызывает слово *шестами* — возможно, неверно разобрано лицом, переписывавшим текст. Можно предположить, что в оригинале было, например, «пятнами», во всяком случае, слово с ударением на первом слоге.

3. СТИХИ ИЗ ЦИКЛА «ДИВЕРТИСМЕНТ» — РГАЛИ, Ф. 55 (А. А. Блок), оп. 1, ед. хр. 119. ПСП 1993, № 117—121. Автограф, вложенный в письмо А. А. Блоку вместе со стихами В. Алексеева и Л. Липавского. (В авторском написании цикл называется «Дивертиссментъ».) Само письмо, также написанное рукой Введенского, гласит:

Александр Александрович!

Посылая несколько своих стихотворений, просим Вас, если не затруднит, сообщить отзыв по адресу: Съезжинская д. 37 кв. 14 (или по телефону 6-38-67) А. И. Введенскому. (от 6—8 веч.)

В. Алексеев

А. Введенский

Л. Липавский

Р. С. Были бы очень рады поговорить лично с Вами.

Внизу помета Блока: «Получил 20 I 1921. Отв.<етил> 23 I Ничто не нравится, интереснее Алексеев». Подобно этой помете, письмо и стихи Введенского написаны по старой орфографии (причем без ошибок, в отличие от более поздних хармсовских); стихи Липавского и Алексеева — по новой.

Три юных поэта как бы представляют три направления современной молодёжной поэзии или три стихии. Алексеев переживает за судьбы угнетенного класса (цикл «Рудокопы» — земля), Липавский, у которого тексты наиболее умелые и гладкие, отвечает за туманную морскую меланхолию (вода), а Введенский щеголяет ресторанно-кинематографической лихостью (огонь; истинной его стихией оказался, наверное, воздух, но для понимания этого потребовалось некоторое время). Чтобы воссоздать литера-

турное окружение Введенского в начале пути, приведем здесь по небольшому отрывку:

В. Алексеев:

*10 минут назад
взрывом
рабочему оторвало пол щеки
он корчится его взгляд
из ясного стал синим
и стучат заугленные виски
И в темных коридорах
несут и волокут
полу живого
полу тело
встречные лопочут
глядят несмело
у всех во взорах
рыдания много.*

(Что здесь показалось интересным Блоку — загадка).

Л. Липавский:

*Всегда безбрежна синяя вода
И без конца безоблачные дали.
Мы здесь давно, а может быть всегда <...>*

*А там встает торжественный закат
И море стало голубою розой
И стекла желтым пламенем сквозят.*

*Но уж в зрачках дрожат ночные грезы.
Пройдет еще недолгий ряд минут,
Расстелет ночь привычные наркозы,*

И всех обнимет темнота кают...

Та-ра-ра-бумбия / Сiju на тумбе я — вопреки распространенному среди исследователей мнению, дело тут вряд ли в чеховском Чебутыкине из

«Трех сестер», который напевает те же строчки, — скорее это прямое цитирование популярной фривольной шансонетки начала века.

4. В ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ 10 СТИХОВ АЛЕКСАНДРАВВЕДЕНСКОГО — РО ИРЛИ, Ф. 291, оп. 2, № 79. ПСС № 38—46. Бледная машинопись на длинных листах со следами дырокола, с авторской правкой карандашом; общий заголовок — от руки, чернилами. Как уже неоднократно отмечалось, на самом деле стихотворений не 10, а 9. Вполне можно допустить, что написаны они были единым духом просто для вступления в Союз поэтов.

Десятое стихотворение (рукопись) было недавно обнаружено Т. А. Кукушкиной в архиве П. Н. Лукницкого и в ее публикации вошло в состав Приложения к настоящему изданию.

стало как в бочке стало сельдь — последнее слово в конце строки не поместилось и приписано карандашом.

УшЕЛОГая — то же (в самом низу страницы).

из-за лампы пуп и застыл — не вполне ясно, *пуп* или *пун*.

безИН в узком платье — в ПСС и ПСП исправлено как опечатка на *бен-зин*. Заглавные буквы в этой строке вписаны от руки поверх машинописи как правка и, возможно, поэтому крупнее остальных, хотя в принципе игра заглавными буквами в произвольных местах слова, как видим, часто используется молодым Введенским как деталь оформления текста.

СМЕРТЯЧКА В БАНКЕ — первые три буквы первого слова поднимаются лесенкой несколько снизу, как бывает, когда съедет лист в печатной машинке, — видимо, из-за этого в некоторых публикациях последние шесть букв набирались более мелким шрифтом.

шумят просторы черной ночи — буквы запечатаны, так что не совсем ясно, *черной* или *темной*, и каков окончательный вариант.

вот сидел и щупал пальцы — в оригинале *щупала*, вероятно, опечатка — ср. следующую строку.

да снова мельницы — в оригинале *сново*.

5. ОТРЫВОК — ПСС № 49, с примечанием: «Печатается по рукописи, принадлежащей Б. К. Черному». Здесь печатается по ПСС/ПСП. По теме и стилю текст мог бы быть отрывком из «Минина и Пожарского», так что датировка (приблизительная) не вызывает сомнений. О Б. К. Черном, который вместе с Введенским и Хармсом принимал участие в «левых» литературных объединениях, см.: К истории «Левого фланга» Ленинградского От-

деления Союза поэтов. Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова. — Русская литература. 2008. № 4. С. 153 и др.

6. ПАРША НА ОТМЕЛИ — Фонд, № 23. ПСС № 47; Московский наблюдатель. 1991. № 5 (А. Г.). Датируется приблизительно: вверху (рукой Я. Друскина?) написано: 21? 22? 23?. Внизу, под вертикальной надписью *19 февраль* (причем буквы месяца лежат на боку, а мягкий знак стоит сбоку, в середине слова), подпись: *александрвведенский* (то и другое — на машинке). Полустертая, выцветшая машинопись разбирается с трудом, что ведет к разночтениям в публикациях. Заглавие и первые семнадцать строк дублированы карандашом над строкой, согласно его примечанию, Друскиным «лет двадцать тому назад», то есть, очевидно, в 50-е годы.

В первом издании ПСС М. Мейлах пишет, что стихотворение было снабжено карандашной пометой-посвящением «Полотерам онанистам» (ПСС. С. 343; ср. ПСС № 134), ныне стершейся. Ни сейчас, ни 20 лет назад ни следа подобной надписи найти не удалось, да и в двухтомнике 1993 г. это указание отсутствует, так что, видимо, тут какая-то ошибка. Текст под названием «Полотерам или онанистам» также существует и приписывается Введенскому, хотя еще Друскин выдвигал веские аргументы в пользу иного авторства (см.: А. Герасимова, А. Никитаев. Еще один текст Терентьева? — Русский литературный авангард. Материалы и исследования. Trento. 1990. Р. 245—252). Он опубликован в ПСС и ПСП.

семечки емей ей е... — строка на сгибе почти полностью стерта, <нрзб> в конце строки похоже на *ко войны* или *ко вери*.

КАРМНАМ, махнатой, по ДАНЕ — в ПСС исправлены как явные опечатки: *КАРМАНАМ, мохнатой, по ДАЧЕ*.

В «Парше на отмели» Введенский выступает как ученик футуристов, в частности, И. Терентьева. Друскин в своем комментарии пишет: «"Парша на отмели" так сильно отличается и от предшествующих произведений Введенского и от всех последующих, что найти что-либо общее с ними я не могу. Но я не филолог. Мне кажется, что для понимания и связи юношеских произведений с более зрелыми и вообще всего творческого пути Введенского может быть надо начать изучение его вещей с последних, проследить его путь в обратном направлении — с конца к началу».

7. ГАЛУШКА — Фонд, № 24. ПСС № 48; Московский наблюдатель. 1991. № 5 (А. Г.). Рукопись. Датирована автором и подписана: *авведенский*. В по-

черке Введенского не всегда возможно отличить заглавную букву от строчной, а также часто встречаются произвольные интервалы посреди слова, так что при публикации ранних «авангардных» вещей, где начертание является полноправным элементом текста, возникают некоторые проблемы, ведущие к разночтениям в печатных текстах.

Евлалия — имя сестры Введенского, которая писала стихи и умерла в раннем возрасте от туберкулеза.

здесь каждый серик бантик — было *серый* (переделано поверх).

хрипит наш путь итам — последнее слово на сгибе, не вполне разборчиво.

саларна — в ПСС прочитано *семерка*, что подходит по смыслу, но не соответствует начертанию в рукописи, в ПСП 1993 — *соларка*.

вестнику — Впоследствии представление о «вестниках» — существах, населяющих воображаемый мир — заняло важное место в поэтической философии «чинарей». Возможно, в данном случае это просто совпадение, *которых так много в жизни*.

крестьянин креста носитель сп — что это за *сп*, неясно, но рядом с этими строками авторская надпись карандашом:

*Полоцкий хитрая шпанская мушка
около печей сп
скоро кони мочутся
значит так им хочется, —*

причем *около печей сп* приходится ровно против того *сп*. Ср. в записной книжке Хармса 1925 г. (Фонд, № 73. Л. 125):

*Скоро кони
мочатся —
Значит так им
хочится
(Арабия)*

Находясь в эвакуации в поселке Чаша Челябинской области, Друскин переписывал автографы Введенского в тетрадь (Фонд, № 404) и задумывался над их толкованием. Скопированный текст разбит у него косыми черточками по правому полю на небольшие смысловые куски-кадры спометами: «Вопрос», «Изложение I», «Изложение II», «Заключение и ответ» и пр.; составлен своего рода сценарий: «1. Вопрос — ответ. 2. Основание — вывод. 3. Повествование р — m — f — Ff при-

водит к катастрофе» (латинские буквы обозначают возрастание громкости, как в музыкальном произведении). Против строки *хрипит наш мир* написано: «катастрофа эсхатологическая», против *кречет кречет* — «лирическое отступление», против *игрушкой прыгнул васисдас* — «Ироническое > остранение, переходящее в некое недоумение», против *в течении лета изъяснился* — «Абсолютная субъективность. Неслучайная случайность», против *сурво бстро отвечал* — «Звезда бессмыслицы».

8. ОСТРИЖЕН СКОПОМ РОСТИСЛАВ — Фонд, № 25. ПСС № 50. Машинопись; все знаки препинания проставлены чернилами. Над заглавием справа дата: 13 II 26, слева от заглавия наискосок чернилами: *АЛЕКСАНДР Введенский*. Внизу второго листа то же в «парадном» варианте: число — 13 Февраля Суббота 1926 г. и подпись: *ЧИНАРЬ АВТО-ритет БЕССМЫСЛИЦЫ Александр Введенский*. На обороте другим почерком, красным карандашом дважды (лист был сложен вчетверо) написано: *Введенский. Стихи*. Детали оформления позволяют предположить, что автор готовил стихотворение к публикации.

не торопится — после длинного отточия, которым заканчивается эта строка, чернилами написано: (*sic*) (пояснение для публикации?).

акушерочка — возможно, тема в этой и других вещах возникает в связи с профессией матери Введенского, известного в городе врача-гинеколога; ср. в «Парше на отмени»: *родила ей щипцы накладывали*. С другой стороны, возвращение к собственному рождению — базовое психоделическое переживание; ср. в связи с этим запись Хармса от 26 февраля 1927: «Ночь у Шурки. Говорили о рождении (высшее)» (зап. кн. № 8).

фуфу апхи — первоначально отдельная строка, перемещена корректурной правкой; слева на полях звездочка и надпись чернилами: *одна строчка*.

ерши да дули — напечатано *ерш и да дули*, вероятно, из-за отмеченной выше особенности почерка; ниже было также с пробелом напечатано *с сургуч*, исправлено на полях чернилами, печатными буквами (с небольшим интервалом после с): *сургуч*.

они они порхают — напечатано *пархают*, исправлено чернилами.

голубо-шерстяно-глазая — напечатано слитно, дефисы проставлены чернилами.

шьют портки — напечатано *партки*, исправлено чернилами.

пасхальным яйцом — было *пасхальными яйцами*; исправлено черными чернилами.

мертвый тапир; — финальная точка с запятой может быть и двоеточием.

9. ВОСПИТАНИЕ ДУШИ — Фонд, № 48. ПСС № 51. Автограф, датированный «среда 27 октября» и подписанный «чинарь Авто-ритет бессмыслицы александравведенский». Ср. запись в записной книжке Хармса № 8: «Мы вошли на Божий / этот тихий мост». «Покадровая» разбивка — авторская. *этот тихий мост* — *этот* переправлено поверх не вполне разборчивого *правы-й?*.

вот уж лет — примеч. Я. Друскина: «В рукописи большой интервал между словами “уж” и “лет”. Почему? Можно ли вставить слово “сколько”?»

обратный бой кладет, он качается он качается — обе эти строки подчеркнуты — возможно, указание на пробел.

сизу кудрявый хвост горжусь — примеч. Друскина: «строка была переписана мною в тетрадь 1920—1928, в то время ее еще можно было прочесть».

10. НАЧАЛО ПОЭМЫ — Собрание стихотворений Л<енинградского> о<тделения> В<сероссийского> С<юза> п<оэтов>. Л., 1926. С. 14—15 (коллективный сборник). ПСС № 1. Судя по примечаниям, у Вл.Эрля имеется экземпляр с правкой (рукой неизвестного лица), учтенной в двухтомнике (ПСП 1993. С. 225). Одна из двух прижизненных публикаций «недетского» Введенского; вторая — монолог Грекова из «Минина и Пожарского» «*но вопли трудных англичан...*».

мел играет мертвой стенкой — в Собрании стихотворений *стенкой*.
на гусях смерть играет в рясе — в Собрании стихотворений *смерти*.
уж горячей пеной по небу — в Собрании стихотворений эта строка, а также четыре последних — с заглавной буквы.

11. МИНИН И ПОЖАРСКИЙ — ИРЛИ, Ф. 172 (архив ГИИИ), № 960; ПСС № 2. Рукописный беловой автограф на больших двойных линованных листах. Еще как минимум одна копия — машинописная — хранится в ИРЛИ в составе фонда В. Н. Петрова (Ф. 809, № 92). Всеволод Николаевич Петров (1912—1978), историк искусства и художественный критик, в конце 1930-х годов был дружен с Хармсом и оставил об этом интересные воспоминания. Можно предположить, что он стал перепечатывать пьесу именно из-за забавной замены обозначений «действие» или «картина» фамилией *Петров*

(подробнее о значении имени Петр и его производных у Введенского ср. в моей статье «Бедный всадник...» в Приложении). Также там имеются бирюзовым почерком переписанные «Битва», «Элегия», «Мне жалко, что я не зверь...», «Четыре описания» и частично «Некоторое количество разговоров», причем «Разговор об отсутствии поэзии» — по памяти, с небольшими неточностями. Машинопись Петрова была вначале по ошибке выдана мне вместо автографа, но приятнее всего было увидеть на входе в главное здание ИРЛИ небольшую золоченую копию статуи «Минин и Пожарский», постамент которой при ближайшем рассмотрении оказался часами.

Детали оформления автографа указывают на то, что переписана пьеса была в один присест — и, возможно, тогда же закончена. Можно предположить, что черновик был написан в разное время за два месяца, а 11 июля автор сел переписывать его набело, увлекся и закончил. Чернила, перо и почерк не меняются. На первой странице — «парадное» заглавие:

чинарь
АВТО-ритет бессмыслицы
Александрвведенский
МИНИН И ПОЖАРСКИЙ.
11 июля 1926.
май-июль 1926.

Как кажется, лучшее, что можно сделать — это отказаться от объясняющей пунктуации и структурирующего оформления, приличного драматическому произведению, и по возможности следовать оригиналу. При переписывании черновика Введенский, как видно, сам стремился сохранить его особенности: строчные буквы вместо заглавных в фамилиях персонажей (кое-где заглавные даже переправлены на строчные), отсутствие маркировки, отделяющей ремарки от прямой речи и т. п., дабы максимально аутентично передать *образ сонной бездны*, клубящейся, говоря словами другого поэта, в «книге, которая нам снится». Вопрос о заглавных и строчных у Введенского вообще решается с трудом — особенно это касается букв *п*, *к*, *м*, *о*. Но создается впечатление, что так и задумано.

Легко представить себе голову мальчишки-кадета времен Первой мировой войны: сплошные доспехи, мундиры, погоны, размеченные флажками карты военных действий, национально-географический суп с обрывками учебников литературы и истории. А когда мальчик повзрослел, заинтересовался своим подсознанием и открыл его, наружу хлынул бурный поток, отдельные ручейки которого так и не иссякли (сквозной «иероглиф» *битва*, все эти пушки-выстрелы, ср. «Четыре описания», Разговор «Один человек

и война» и др.). Следует заметить, что для техники автоматического письма данный текст — рекордный по размеру и нехарактерный по жанру: не монолог, а многоголосый полилог.

...посидят-поседеют, они взойдут... — вместо *они взойдут* было еще *посидят* — переправлено вверх.

вот хотел бы я спросить... — *В* переправлено на *в*.

Князь Меньшиков — буква *М* постоянно меняет размер, сохраняем эту особенность.

...чуден Днепр при тихой погоде — хрестоматийная цитата из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя.

пробка Казимир и ветошь — некоторые предполагают, что упоминание этого не самого распространенного имени отсылает к Казимиру Малевичу, сотрудничать с которым стремились в то время участники «Радикса».

а за ним Ангел летит и шуршит — *Ангел* вставлено над строкой — возможное указание на то, что первая часть текста переписана с черновика.

закон часов я знаю вновь — вместо *часов* было *[судьбы]*.

а Боже мой какой в плечах-то зуд — возможно, ироническая аллюзия к знаменитому «Раззудись, плечо!» из «Косаря» Алексея Кольцова.

вообразим числа и фигуры сна — ср. заглавие столбца Н. Заболоцкого «Фигуры сна».

татап — было *мамап*, переправлено.

О пушкин, пушкин — как уже неоднократно отмечалось, *Ах Пушкин. Пушкин* — последние из дошедших до нас слов Введенского (не исключена автоцитата), так что возникает некое «окаймление» (термин, которым пользовались Друскин и Липавская при толковании «иероглифа *кругом*» Введенского Пушкиным).

donnez-moi — франц. «дайте мне»; вместо *moi* была русская транскрипция *муа*, переправлено.

Указав кием на два... — было *на двух*, переправлено.

затрещит свинцом скамья — ср: *на красных свинцовых досках* («Кругом возможно Бог»).

варварова болтая из колыбели — заглавное *В* переправлено на строчное, в подтверждение предположения, что небрежность в расстановке заглавных букв — необходимый элемент оформления текста.

но вопли трудных англичан — этот монолог полностью (без названия) опубликован в коллективном сборнике Ленинградского Союза поэтов (Костер. Л., 1927. С. 23—25), где комическое впечатление производит попытка нормативной расстановки знаков препинания, например: *Тот Пушкин был без головы, / то — знали львы — не знали вы, / он англичан позвать велит, / вина друзей, что подвели.*

охотник, чьи атрибуты — *с колючками колпак и коса*, — возможно, предшественник *охотника*, а также вестника-ровесника из более поздних вещей Введенского.

который чем овес спасет — вместо *овес* было *утес* (описка из-за предыдущей строчки?), переправлено.

робеспьер робеспьер / Катенька... — явно «на голос» поныне широко известной строевой песни «Соловей, соловей, пташечка...» (обратим внимание на сходность огласовки).

Григоров стоял / взволнован и скучая... — еще один марш, напоминает «Десять негрятя». (Между прочим, фамилия одноклассника Введенского.)

уж в отдалении текла Печора — здесь *П*, как и ниже в слове *Припять*, среднего размера, так что невозможно установить, заглавная она или строчная.

Я в общем спал — после этого зачеркнут вопросительный знак.

и души свечи он несет — в рукописи произвольная разбивка *и душ и свечи*.

она как Дон Жуан пропала — возможная отсылка в «Каменному гостю» Мольера / Пушкина.

и вышел лекарь ниц больной — в ПСС и ПСП прочитано *пекарь, ниц*. (*Ниц/ниц* — правильный вариант выбрать сложно; такое же написание буквы ниже в слове *цапли*).

Плебейкин — далее зачеркнуто [*с этажерки*].

небрежно гуси плыли вниз — севши вниз ... ниц ... плыли вниз — движение *вниз* и в то же время через реку читается как «иероглиф» *переправы* в нижний мир.

Скачи, скачи через берег... — кажется, тот редкий случай, когда автор выходит на поверхность текста, как бы подхлестывая забуксовавший словесный поток.

Шпажецкий — в обоих случаях строчная буква *ш* переправлена на заглавную.

мама мама что за смесь — в ПСС и ПСП прочитано *спесь*. Аналогичный случай — *утомиться ей пришлось* (в ПСС и ПСП *утопиться*).

орел взирал и бегал — ср.: *И все ж бегущего орла* («Птицы»), *рыба бегала во мгле* («Гость на коне»).

Эти стихи вовсе не прапорщик читал — после этого зачеркнуто: *О что за грусть*.

Пчела у него сидит на лбу — ср. *укушен осой / был чиновник* («Очевидец и крыса»: выстрел как укусы пчелы или осы?

подымется кактус — было *подымется [будто] кактус*.

крёстная мать — здесь и далее в этом слове в рукописи *ё* (вообще Введенский *точек* над *ё* не ставит).

а в гробнице пострашнее — было *а в больнице*, переправлено; в слове *пострашнее* описка, отсутствует последняя буква.

он вялый как <п>огромный пух — возможно прочтение *огромный*: после *п* пробел, и вообще похоже не на букву, а на зачеркнутое начало буквы.

Мужья напополам с девицами. — Отсюда и до *ПЕТРОВА В СУДЕЙСКОМ ПЛАТЬЕ* фрагмент текста отчеркнут на полях грубой волнистой линией карандашом.

до свиданья всеволод — заглавное *В* переправлено на строчное.

ПЕТРОВ В СУДЕЙСКОМ ПЛАТЬЕ — было *В ДУХОВНОМ*, переправлено поверх.

и псы не вякали кругом — было *не вы<ли?>*, переправлено.

и ходят все в водобязни / уж все готовы к виду казни — ср. многочисленные образы «водяной» смерти в других вещах.

восходит ... выходит — написание практически идентичное.

суков полей и вятки чернь — вставлено между строками, возможно, пропущено при переписывании.

житель водочку спросил... — ср. детскую дразнилку «Рыжий красного спросил...»; к ней же отсылает начало стих. «Мир».

кто в каретке, кто в беседке... — перечисление, характерное для детских стихов. Ср., напр., «Тараканище» К. Чуковского (можно отнести сюда же *медвежат на колесиках*, только вряд ли молодой Введенский интересовался детскими стихами Чуковского) или более поздних «Веселых чижей» Хармса.

Кого здесь судят... — микроэпизод с *Пелагеей дрожащей* перекликается и со сценой казни в «Кругом возможно Бог», и с «Елкой у Ивановых».

Нули-то и полетели — в ПСС и ПСП *Пули-то...* (но заглавное *П* всегда пишется у Введенского иначе, так что сомнений почти нет). Ср.: *тогда войдут бездушные нули / в сей человеческий отдел* («Зеркало и музыкант»).

Явление 5 — Отсюда и до слов *поберегите меня детки* включительно фрагмент отчеркнут на полях простым и красным карандашами. Возможно, была идея (у автора?) избавиться от лишних «интермедий».

седьмой огонек — было *седьмого сам* (переправлено).

Марья Антонов<н>а — описка, пропущена буква.

Проходит свеча в тазу — забавное совпадение с воспоминаниями о знакомом Хармса, докторе Шапо, который ставил диагноз с помощью запускания скорлупок со свечками в тазу с водой, по краям которого укреплял бумажки с названиями болезней (воспоминания Алисы Порет).

Ненцов и Плебейкин не сидят — после этого вычеркнуто: *[И они не правы]*.

сiju однажды виден в ряд — было *лежу*, переправлено.

ватерп<р>уф — в оригинале описка, пропущена буква.

ПЕТРОВ В ДУХОВНОМ ПЛАТЬЕ — отсюда и до: *и сами мы словно мысли* (включительно) фрагмент отчеркнут на полях простым карандашом.

в лежачем — было *в лежащем*, переправлено.

указав на покойного спящим перстом — было *спящего*, переправлено.

Гала Петер — марка шоколада.

а ты просо сеял ли, сеял ли — ср. выше псевдофольклорную переключку мужей с девицами — субститут межполового диалога.

князь Курбский от царского гнева бежал — А. К. Толстой, «Василий Шибанов».

И Густав это съел — ср. историю про то, как Хармс съел письмо, пропитавшееся манной кашей, из его письма к Липавским от 28 июня 1932 г.

вот будешь ли драться — *В* переправлено на *в*.

варварова. Ах все как струнья... — в рукописи *вВарварова* (переправил, да мимо).

Попова не было совсем — ср. в «Кругом возможно Бог»: *Откуда ты взяла, что здесь Носов / Здесь все время один Фомин, / Это я.*

Невольню к сим брегам я возвращаюсь — отсылка к «Русалке» А. С. Пушкина: «Невольню к этим грустным берегам / Меня влечет неведомая сила».

ПОЖАРСКИЙ СО ШКАФА — было *с этажерки*, переправлено.

он мяса бронзовый костяк — ср. мотив *меди, бронзы* и т.п. в связи с «иероглифом» *статуя* в других вещах Введенского.

и слезы знатного и свицкого. — т. е., видимо, свитского. Дальше начата была новая строка: *[вход]<ит?>* — но слово перечеркнуто и вместо этого написано *Конец* и поставлена точка — это как раз конец страницы.

На следующем листе пометка: «В данной рукописи двенадцать (12) листов. Заведующий кабинетом <подпись>» и круглый штамп Кабинета современной литературы ГИИИ.

12. СЕДЬМОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ — Фонд, № 26. ПСС № 3; Московский наблюдатель. 1991. № 5 (А. Г.). Машинопись под копирку. Вверху надпись карандашом, рукой Введенского: *Чинар Авто-ритет бессмыслицы Александрвведенский*. Я. Друскин в сопроводительной заметке пишет, что отсутствие мягкого знака — скорее всего описка. На обороте — хармсоподобный рисунок (абстракция или схема) из вертикальных и горизонтальных палочек, кружочков и волнистых линий. На датировку указывает, в частности, местоположение в «Оглавлении Шуркиной тетради», как отмечено и в ПСС/ПСП. Небольшими косыми карандашными черточками по левому полю осуществлена разбивка на строфы-«кадры», возможно, авторская; с друскинской разбивкой в тетради копий (Фонд, № 404) она совпадает лишь

отчасти. «Седьмое стихотворение это жизнь человека, — пишет Друскин в своей тетради, —

1. человек приходит в сей трехлистный свет
- 2.
3. когда бы...
4. тогда» —

Но «когда бы... тогда», отмечает он, «так же обесмыслены», как и «по тому что», «так как» (напр., «Татьяна так как дочка капитана»).

он с горы сидит в потьмах — в друскинской копии *идет в потьмах*, хотя копия снята с той же машинописи.

и с монашкой говорит — последняя буква запечатана, так что неясно, *говорим*, как в ПСС (в этом случае сохраняется точная рифмовка), или *говорит* (сохраняется синтаксическая правильность); как видим, в «Седьмом стихотворении» постоянно используется неточная рифма.

побегі идет в вокзал — ударение проставлено синим карандашом.

не установят сада — было напечатано *установятся, ся* зачеркнуто.

замечает рассвело — было напечатано *расцвело*, исправлено синим карандашом.

умерший: уж я на статуе сию — слово *умерший* подчеркнуто волнистой линией, и стрелкой предлагается перенести его влево как ремарку (правка синим карандашом, согласно примечанию Друскина — авторская).

В искаженном виде (неавторизованная казенная машинопись) включено в «Сборник контрреволюционных произведений», приложенный к делу «антисоветской нелегальной группировки литераторов» (декабрь 1931 г.), по которому, в частности, были арестованы Введенский и Хармс. Сборник, судя по всему, составлен в ОГПУ с целью фальсифицировать деятельность по «нелегальному распространению материалов», вменявшуюся обвиняемым. Значимое расхождение с публикуемым текстом одно: *Он с горы опух в потьмах* — возможно, слово просто не разобрано лицом, перепечатававшим текст; отсутствует концовка. (См.: А. Г., И. Мальский. Сборник контрреволюционных произведений. De Visu. 1992. № 0).

13. НА СМЕРТЬ ТЕОСОФКИ — Фонд, № 52. ПСС № 4. Машинопись. Вверху: *чинарь авто-ритет бессмыслицы александрведенский* (в фамилии очевидная описка). Датировка — без года; по предположению Я. Друскина, написано «в 1927 году, в крайнем случае, в 1928».

в боку завелся червяк — напечатано *зовелся*, явно с ошибкой.

перрон — напечатано с одним *р*.

и он как бы поэт пиндар — Пиндар, древнегреческий поэт VI—V вв. до н.э., был автором помпезных од, воспевавших традиционные ценности и военную доблесть — так что, возможно, строчка *давился пышным квасом* намекает на выражение «квасной патриотизм».

14. ПТИЦЫ — De Visu. 1992. № 0. С. 28—29 (А. Г., И. Мальский). Обнаружено в «Сборнике контрреволюционных произведений» — см. примеч. к «Седьмому стихотворению». Другого источника нет, приходится довольствоваться имеющейся машинописью с явными ошибками.

Утята <плыли> задом — в машинописи *шили задом*, очевидно, неверно разобрано в рукописи.

И Богом костыли — в «Сборнике...» бог, разумеется, с маленькой буквы.

Мы поплывем в ответ — в машинописи: *мы поплывем ветви*, очевидная ошибка.

Где корень — Вероятно, опущено замыкавшее строку слово: аналогичные ошибки есть в других текстах «Сборника...».

я русский <В>аня — в машинописи: *Баня*.

цвел... брел... орел — на том же перечислении из гимназической грамматики построены строки из «Ответа богов», что, возможно, указывает на приблизительную датировку «Птиц».

Составители «Сборника контрреволюционных произведений», очевидно, зацепились за геральдического имперского *орла*, который, соответственно, бежал, и протагонистам стихотворения *не удалось колотить из пушки свергнувших его ворон свободных*. Для равновесия приведем другую смелую интерпретацию: в одном из докладов Белградской конференции обильная орнитология Введенского рассматривается в связи с алхимической символикой, в частности, *орел* и *вороны* связываются со «стадиями алхимической трансформации»; там же приводятся цитаты из «Двух птичек...» и «Снег лежит...» и на их основе делается вывод: «все это стихотворение <которое из двух? — А. Г.> — детальное описание алхимического процесса» (Ирина Атанасиевич. Птицы в творчестве Введенского. — Белград 2004. С. 147).

15. ОТВЕТ БОГОВ — Фонд, № 27. ПСС № 5; Дружба народов. 1988. № 7. С. 176—177 (А. Г.). Машинопись под копирку. Чернилами, рукой М. Мейлаха, отмечены (19 марта 1966 г.) разночтения с рукописью, хранившейся в харьковском собрании (в Фонде не обнаружена). На 1-й странице внизу (вверх ногами) полустертая надпись карандашом: *Тов. Никола<еву?>* (Н. М. Нико-

лаев, как явствует из примечаний В. Н. Сажина к письмам Введенского (см. Приложение), был в конце 1920-х гг. юристом Союза писателей).

Начало пародирует зачин «Сказки о царе Салтане», затем идут еще две школярских отсылки к Пушкину: «Итак, она звалась Татьяна» плюс «Капитанская дочка».

появляется домина; а в домине — в машинописи оба раза *дамина* (согласно примечанию Я. Друскина, опечатка); исправлено по харьковской рукописи.

я хочу дахин дахин — «Dahin! Dahin» («Туда! Туда» — нем.) — из «Песенки Миньоны» И.-В. Гете, хрестоматийный пример романтического стремления — *Sehnsucht*.

не взирая на четверг — некоторый свет на загадочное пристрастие Введенского именно к этому дню недели, который в некоторых вещах просто заменяет слово «день», проливает замечательное соображение Вл.Эрля по поводу строки *а на блюдечке четверг* из стих. «Мир»: «Строка, очевидно, реминисцирует ст-ние А. Крученых «Мироздание начинается с четверга...», с свою очередь восходящее к библейскому: «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен и дней, и годов... И был вечер, и было утро: день четвертый» (Быт 1:14—19). Таким образом, можно считать, что Введенский, вслед за Крученых, началом мироздания считал именно *четверг* — день сотворения времени» (ПСП 1993. Т. 1. С. 255).

соберитесь в темном зале — исправлено по харьковской рукописи (было *темной*) — этот вариант предпочтен, так как *зало* у Введенского чаще всего среднего рода.

Блещет море на пути — опечатка: *блежет*.

ни соринки на лице — строчка вписана чернилами (по харьковской рукописи).

Рассуждение Я. Друскина о некоторых приемах Введенского в этом стихотворении см. в очерке «Чинари».

16. ВСЁ — Фонд, № 28. ПСС № 6; Дружба народов. 1988. № 7. С. 177—178 (А. Г.). Машинопись под копирку, с авторской (согласно заметке Я. Друскина) правкой выцветшими до желтизны чернилами: в основном исправлены незначительные опечатки и проставлены некоторые знаки препинания. Есть ли точка в конце, не вполне ясно. Подписано теми же чернилами: *А. Введенский. 5 апреля. 1929 г.* На обороте вычисления (20 000 в столбик умножено на 15), а также карандашная запись: «Пуис “Утки мистера Кэди”». Имеется в виду Поуис (Powys) Теодор Фрэнсис (1875—1953) —

английский писатель, которого, по отзывам, характеризуют неприятие современности, притчевость, фантастический реализм, внимание к темам су- да и смерти; книга «Утки мистера Кэдди» была как раз тогда издана в пере- воде Л. Л. Слонимской (Л.: Гос. изд-во, 1928. Серия «Библиотека всемир- ной литературы»).

Приложена записка Друскина: «Всё (в копии двух точек над “е” нет, но читать надо всё, а не все)». Посвящение Н. Заболоцкому спровоцировано, очевидно, вниманием его к теме физической смерти (см., напр. стих. «Ис- кушение»), в то время как Введенского интересует прежде всего смерть как метафизический акт.

и стала твердой как полено — в машинописи кавычки не закрыты.

скрываю непослушную зевоту — было напечатано *скрываясь*, исправ- лено.

он человеком был — было напечатано *он человек он был*, исправлено.

17. БОЛЬНОЙ КОТОРЫЙ СТАЛ ВОЛНОЙ — Фонд, № 29. ПСС № 7. Маши- нопись, возможно, поздняя, т. к. в приложенной записке Я. Друскина гово- рится: «В записной книжке Д. Хармс написал, что это стихотворение напи- сано ночью 3 мая».

членистоног — в машинописи *членист он ог*; *ог* слабо перечеркнуто карандашом. Я. Друскин полагал, что это опечатка и следует читать «чле- нист он», — хотя, видимо, потом отказался от этой мысли: примечание пе- речеркнуто. Более вероятно прочтение, сохраняющее рифму, тем более ес- ли учесть упомянутую особенность почерка Введенского — произволь- ные интервалы внутри слова.

он Бог — перед *он*, вылезая слева за столбец, слабо пропечатано «с», так что получается «сон», но это, вероятно, опечатка.

Строчная буква в слове *бог* в обоих случаях исправлена шариковой ручкой на заглавную — исправление позднее и принадлежит Друскину. В других ав- тографах Введенского слово «Бог», как правило, пишется с заглавной буквы.

кусал за пятки мужичков — в машинописи вместо *пятки* — *тетки*; скорее всего, неверно прочитано лицом, перепечатававшим текст. Рискую исправить эту деталь, тем более что вариант с «тетками» уже неоднократно опубликован. Аналогичный случай произошел с Н. Олейниковым: из изда- ния в издание кочевала строка «что значат эти пэтки?» (вместо «пятна» — верный вариант, поддержанный, в частности, рифмой).

и куры спят как сновиденья<> — в машинописи кавычки не закрыты.

вели с утра до этих пор — первоначально напечатано *велись*, две по- следних буквы зачеркнуты карандашом.

18. ПЯТЬ ИЛИ ШЕСТЬ — Фонд, № 53. ПСС № 8. Машинопись, 2-й экз. На полях слева карандашом телефон: 2-31-09. Правка, внесенная М. Мейлахом в 1966 г., показывает разночтения с неполным машинописным списком, хранившимся в Харькове у Г. Б. Викторовой. Вопрос «пять или шесть», как кажется, глубоко лично важен для Введенского, может быть, здесь спрятано что-то детское. Во всяком случае в «Где. Когда» он оказался среди того немногого, что вспоминает человек перед смертью: *Все эти шестерки. пятерки. Всю ту — суету. Всю рифму...*

если я и родился — в слове *родился* в обоих случаях карандашом проставлено ударение над я.

если я и есть поляк — в харьковском списке вместо *поляк* оба раза *на-мек* (явная ошибка).

Горский (адвокат) — ср. профессию Горского, который ниже раздваивается (благодаря чему и возникает недоразумение — «пять или шесть»), с темой метафизического суда у Введенского: «Суд ушел», «Кругом возможно Бог», «Елка у Ивановых» и др.

Соня (летя им навстречу в странном виде) — имя явно соотносится с темой сна-смерти, ср. «На смерть теософки». В харьковском варианте слово *летя* отсутствует.

вся роскошь кудрей / не мудрей — в харьковском списке в одну строку.

если роскоши мудрей — в харьковском списке *роскошь*. Рифму *кудрей — мудрей* находим в поэме В. Хлебникова «Шаман и Венера» (есть игра с этими корнями и у В. Маяковского — «Во весь голос»).

как, Крестов, это ты? — в этом четверостишии знаки препинания перенесены из харьковского списка.

стыдно нам но мы подстилка — эта строка в харьковском списке отсутствует. Примечание Я. Друскина: «Т. к. в рукописном автографе одна строка отсутствует и добавлена в авторском машинописном автографе, а также исправлена явная опечатка на той же второй странице — строка 20, то окончательным текстом надо считать машинописный автограф, тем более, что опечатки исправлены автором.

Каким образом в машинописной копии могла появиться лишняя строка? Ответ: Тамара Александровна Липавская была в то время женой А. Введенского и печатала его произведения». Рукописного автографа в Фонде не обнаружено.

я не это и не то — возможно, отсылка к исследованию Я. Друскина «Совершенный трактат об этом и том»; ср. стих. Хармса «Нéтеперь».

я пальто — отмечено, что в харьковском списке ремарка *ПАРЕНЬ ВЛАС* стоит против этой строки.

Иль икотка — в харьковском списке *икота*.

Семен Семенович, Федор Петрович — в обоих случаях за именем-отчеством закрыта чернилами скобка (но не открыта).

бац доказано — слово *бац* в харьковском варианте отсутствует.

отвесьте мне кило четыре часа — было *отвезти*, явная ошибка (печатано с голоса?), исправлено автором.

в железной ван<н>е водопой — в машинописи с одним *н*.

краснеет от такого сна — уж не ирония ли над модным в ту пору психоанализом, равно как и история про тирана Изотова, который телесными наказаниями довел сынишку до воровства?

как яблочко анис — опечатка: *яблочко*.

дыханье память вот <мое> — изначально было *вот и все; все* перечеркнуто, а *и* — нет, и над строкой написано слово *мое*, т.е. *дыханье память вот и мое*. К этому варианту (все же маловероятному) склонялась Т. Липавская.

19. ДВЕ ПТИЧКИ, ГОРЕ, ЛЕВ И НОЧЬ — Фонд, № 30. ПСС № 9. Машинопись под копирку, полустертая на сгибах, две строки на сгибах восстановлены чернилами (Я. Друскиным). Дата проставлена простым карандашом от руки. Разбивка на строфы соответствует разметке синим карандашом. Заглавные буквы в началах строк первой строфы могут объясняться небрежностью при перепечатке, а могут и служить маркировкой своего рода зачина. Здесь имеется занятное совпадение с мифом о сотворении мира у одного из индейских племен: два голубя, летавшие над водой, увидели торчащую из воды травинку; тут же, будто в насмешку, в тексте появляются *случайные индейцы*.

и вдруг летает безголова — *без голова* напечатано раздельно, возможно, из-за упомянутой особенности почерка.

над человеческой норой — напечатано *порой*. Друскин в своем примечании предлагает так и читать, но, скорее всего, здесь ошибка при перепечатке.

было скучно и окно — Друскин: «Существительное «окно» звучит вполне естественно и нормально как краткое прилагательное или наречие. Пользуясь терминологией Л. Липавского, это можно назвать вращением значения слова». Ср. обратный вариант: *звали первую светло* («Ответ богов»).

<летая> пили молоко — В машинописи эта строка выглядит таким образом: *лакуна*, затем *и пил и молоко*. Конъектура предложена Друскиным.

куда бежать им от судьбы — вместо *им* стоит *они*, что Друскин справедливо считает опечаткой.

и помешательства столбы. — Друскин: «Т.к. рукописи нет, <...>, а Введенский проверял копии очень небрежно <...>, то знаки препина-

ния на машинописных копиях не всегда соответствуют намерению автора. Т. Липавская предлагает <...> переставить точку на одну строку вверх».

На обороте последней страницы полустершиеся надписи карандашом в столбик: *Лип. <нрзб> 3 р. Жена 2,2 р.*

20. ЗЕРКАЛО И МУЗЫКАНТ — Фонд, № 31. ПСС № 10; Юность. 1988. № 9. С. 90—91 (А. Г.). Машинопись под копирку.

то разумом чист — По харьковской копии, в машинописи — *разум*. На полях справа, рукой М. Мейлаха: «В харьковской копии того же экземпляра поправка рукой Введенского».

значки бесчисленных светил — В машинописи явная опечатка: *бесчисленные*.

не в силах выразить восторга / пред поведением Наркомторга — редкое у Введенского обращение к современным актуалиям. Между прочим, в записной тетради Хармса, хранящейся в архиве В. Н. Петрова в ИРЛИ (Ф. 809, № 110), имеется несколько вариантов на тему Ленскупторга: «Ленскупторг / Входите смело не товары а восторг» и др., причем разными почерками и даже подписанных («Я старый брак расторг. / Все вещи в Ленскупторг. Шапо») — можно предположить, что это запись коллективной «мозговой атаки» с целью сочинить рекламу (неужели заказанную?). (О «докторе» Шапо ср. в примеч. к «Минину и Пожарскому».)

бог носиться не велит — как и в предыдущих случаях в этом стихотворении, *бог* с маленькой буквы, но, по мнению Я. Друскина, здесь, в отличие от тех случаев (где строчная буква оправдана контекстом: «бог»-божок Амур и «бог» зверей), опечатка.

21. «ЧЕЛОВЕК ВЕСЕЛЫЙ ФРАНЦ...» — Фонд, № 35. ПСС № 11. Две разных, идентичных по содержанию машинописи: одна, очевидно, более ранняя, перепечатанная Т. Липавской (1-я стр. — 1-й экз., 2-я — под копирку), другая более поздняя, с пометами М. Мейлаха и А. Александрова.

вмиг начало торжества — в 1-й машинописи было *начала*, исправлено карандашом.

дайте турки мне карету — контаминация зачина «Желанья» М. Ю. Лермонтова («Отворите мне темницу, Дайте мне сиянье дня...») с финальной репликой Чацкого из «Горя от ума» А. С. Грибоедова («Карету мне, карету!»); ср. то же значение кареты как некоего метафизического транспорта в потусторонний мир в финале «Святого и его подчиненных».

дайте Обера ракету — имеется в виду немецкий ученый, пионер ракетостроения Герман Юлиус Оберт (1894—1989), который первым теорети-

чески обосновал возможность полета человека на ракете и сконструировал ракету (в 1917 году); автор книг, среди прочих, «Ракета для межпланетного пространства» (1923, переиздавалась с испр. и доп. до 1984 г.) и «Пути к звездоплаванью» (1929).

я синица я <издох> — лакуна в машинописи. На том же листе находим позднейшие (принадлежащие Я. Друскину?) предположения о возможном ее заполнении: «не Бог», «без ног», «оглох», «ох», «блех». Вл.Эрль предлагал вариант «подох» (ПСС, с. 272), но, кажется, вариант «издох» ближе словопотреблению Введенского.

мерять звезды звать цветы — в 1-й машинописи *терять звезды сдаты цветы*, очевидно, слова плохо разобраны в рукописи, несмотря на то, что это «окаймление», ср. зачин.

ровесник — означает, вероятно, мысль о смерти, живущую в человеке с рождения; ср. *ровесника* в стих. «Ответ богов», который является одновременно и *человеком на коне*, выступающим как «иероглиф» мысли о смерти и в других текстах Введенского (ср. «Гость на коне», «Потец» и др.). В связи с этим значением *ровесника* можно попробовать истолковать и темное место *психолог божества*: мысль о смерти — психологический фактор, заставляющий человека думать о божестве; это представление следовало бы приписать не столько автору, сколько персонажу, которого его веселые и интересные занятия не спасают ни от мысли о смерти, ни от самой смерти.

22. «СНЕГ ЛЕЖИТ...» — Фонд, № 40. ПСС № 12. Автограф и машинопись под копирку. На обороте автографа — текст про «оборотные средства промышленности» и т. д., очевидно, из бумаг отца. Дата поставлена в левом верхнем углу карандашом (18 I 30). В машинописи все строки начинаются с заглавной буквы, *бог* везде со строчной, есть другие незначительные разночтения. Здесь в качестве приоритетного источника выбрана рукопись, но строфы-«кадры» с отступами обозначены по машинописи.

спит бездумная река — в рукописи исправлено таким образом, что неясно, *бездумная* или *бездушная*.

или сонная умрет — в машинописи *сонное* (очевидная ошибка).

Там томился в клетке Бог — Я. Друскин, всегда обращавший на эту деталь несоразмерно большое внимание, в своем примечании пишет: «в рукописи исправлено, но неясно: “Б” на “б” или “б” на “Б”. Мне кажется скорее “Б” исправлено на “б”, т.к. “томящийся в клетке бог” не Бог». Исправления в этом месте разглядеть не удалось, буква заглавная.

Извивалась и орала — в машинописи *Я извивалась и орала* (ошибка?).

Эта ленточка столбы — в рукописи первоначально *Эта ленточка [судьбы]*.

23. СВЯТОЙ И ЕГО ПОДЧИНЕННЫЕ — Фонд, № 33. ПСС № 13. Машинописная копия с незначительными опечатками и ошибками (*БОже, поднимись, ЭтоБог* и пр.); последняя страница — из 1-го экз. Известно, что Введенский экспериментировал с эфиром — ср. воспоминания Е. И. Коваленковой-Фохт, записку Введенского Хармсу (в Приложении), а также свидетельства в записных книжках Хармса (1926—1927):

«Некоторые люди путем эфира могут постигать тайны выше положенные но все же в чрезвычайно узком аспекте <...> По случаю нанюхивания Шурки».

«Жму руку Шурке.

Эфир это, курица наоборот.

Ждал чудес и верно.

Что тебя тревожит, то и видишь».

Надо дети сон купить — в оригинале *сонку пить*, очевидно, опечатка или перенесение произвольной разбивки/слитности из рукописи. Ниже говорится *сон куплю*, т. е. речь явно идет о «покупке сна» — сознательном погружении в подсознательные пространства, не без помощи определенных веществ; ср.: музыкант-отвлеченного купец («Кругом возможно Бог»), а также *купцы* в «Некотором количестве разговоров».

возле города Либавы — по совпадению, от латвийского города Либавы (Лиепая) происходит фамилия Липавского.

Дети кушайте кефир — ср. у Хармса «дети кушайте пирог» в стих. «Лампа о словах подносящих укромную музыку» (16 апреля 1931), которое также можно рассматривать как описание психоделического опыта.

Человек на коне, он же всадник — один из основных «иероглифов» Введенского, вестник смерти; восходит к мифопоэтической традиции, согласно которой лошадь — один из проводников человека в нижний мир. Здесь ремарка не вынесена влево из столбца, т. к. не поместилась бы (напечатано, как и многие другие тексты собрания, в два столбца на странице).

Но где же наконец карета — тоска по «путешествию» в измененное состояние иронически облечена в форму аллюзии к финалу «Горя от ума».

И подошел к отцу — характерный для Введенского мотив умирающего и умершего отца; ср. «Потец» и др.

Лежал как пальма — алогичное сравнение восходит, как ни странно, к библейской образности (ср.: «Праведник цветет, как пальма» — Пс 91:13, и др.). Случай не единичный, ср., напр., *тут как пальма встал слуга* («Человек веселый Франц...»), *юнкер Пальмов* («Четыре описания») и др.

24. ФАКТ, ТЕОРИЯ И БОГ — Фонд, № 36. ПСС № 14. В архиве хранится и рукописный черновик, и машинопись. В машинописи все строки начинаются с заглавных букв. В названии три заглавных буквы: «Факт, Теория и Бог». Дата проставлена карандашом. Здесь сохраняются особенности рукописи, но добавлены два вопросительных знака, проставленных автором в машинописном экземпляре (*Куда умрешь? И что сожрешь?*). Некоторые строки и слова полустерты, восстановлены шариковой ручкой (Я. Друскиным). В машинописи пометы красными чернилами — это А. Александров сравнивал пунктуацию с рукописью. Справа от рукописного текста карандашом написано: *фом хаузе бис цум маузе лихьт нур ейн тритт* (искаж. нем.) — «от дома до мыши лежит всего один шаг», немецкая поговорка, — т. е. «от великого до смешного один шаг».

и тихо вышел за дрова — в машинописи слова *тихо вышел* пропущены (не разобраны), вписаны от руки; в рукописи строчка почти полностью стерлась.

ее ровесницу мою — ср. примечание относительно *ровесника* к стих. «Человек веселый Франц...».

и каждый голубь, лев прошедший — в автографе, возможно, стоит запятая после *лев*.

шли из Луги в Петроград — *Петро* — исправлено поверх неразборчивого (вряд ли «Ленинград»).

верно значим — напечатано *значит*, исправлено автором.

что знаем мы дети о Боге и сне — ср. «Святой и его подчиненные».

25. БИТВА — Фонд, № 32. ПСС № 15; Памир. 1989. № 1. С. 131—132 (А. Г.) Автограф (здесь предпочтен в качестве основного источника) и машинопись с незначительными отличиями в пунктуации и пометой А. Александрова: «сверено с рукописью». В машинописи все строки начинаются с заглавных букв; в рукописи заглавие — со строчной. На обороте рукописи текст экономического содержания (из бумаг отца).

Можно рассматривать стихотворение как развернутый «иероглиф» *битва* (варианты: *атака, бой, война, сражение* и т. п.), который означает у Введенского битву между жизнью и смертью в сознании и теле челове-

ка, неприятие мысли о смерти, ведущее к раздвоению сознания на враждующие между собою части, ср. в «Святом»: *я знал что война это двойня; два генерала.*

на яблоне мчась — после этого в рукописи зачеркнуто:

*Я думаю волны
и благословить
и стал недовольный
тучу ловить.*

будь богатый будь убогий — вместо этого в рукописи было: *[Кто] богатый? [Кто] убогий.*

Ангел <...> гвоздик — эти две реплики в машинописи взяты карандашом в общую рамку.

два бойца — ср. в зачеркнутом варианте к тексту Хармса «Вот и Вут час...» <1930>: *Вот и Вут два бойца.*

Неизвестно кто — в рукописи переделано из неразборчивого варианта.

Летит над нами Бог зимы — в машинописи первоначально *[земли]*, исправлено.

26. ЗНАЧЕНИЕ МОРЯ — Фонд, № 37. Материалы. С. 109—112 (А. Александров, М. Мейлах); ПСС № 16. Машинописная копия с незначительной авторской правкой (опечатки). Предполагаемая дата — в правом верхнем углу карандашом. Весь текст разбит карандашом одинарными, двойными и тройными косыми черточками на смысловые «кадры», очевидно, Я. Друскиным (аналогично разметке в тетрадях его рукописных копий).

надо жить начать обратно — ср. свидетельство Друскина о несохранившихся вещах Введенского, темой которых было обратное течение времени.

ты огонь владыка свечи — напечатано *владыко*, хвостик приделан.

лес рычит поднявши руки — было напечатано *поднявшись*, исправлено. Ср. приход Бирнамского леса в шекспировском «Макбете»; см. также «Приглашение меня подумать».

27. КОНЧИНА МОРЯ — Фонд, № 38. ПСС № 17. Машинописная копия, сильно стертая на сгибах, некоторые слова восстановлены чернилами, в правом верхнем углу так же, как и в предыдущем стихотворении, проставлена дата в скобках карандашом.

Возможно, автоиронический ответ самому себе на попытку дать толкование «иероглифа» *море* в предыдущем стихотворении. Интересно также сравнить оба текста (напечатанные и, возможно, написанные в один при- сест) с «Морем» Н. Заболоцкого.

я сам ходил в лесах по пояс — строка полустерлась и восстановлена чернилами, но ошибочно (... *в леса по пояс*).

испытывал я смерть и скуку — первоначально напечатано *смерти ску-* ку, исправлено (печаталось с голоса?).

и службы испытал коварство — последняя буква запечатана, так что неясно, а это или *о*; возможно прочтение *коварства*.

ужель тебе постыл балет — ироническая отсылка к пушкинскому «Ев- гению Онегину»: «Балеты долго я терпел, / Но и Дидло мне надоел». Ср. те- му балета как псевдокультурного буржуазного развлечения в «Елке у Ива- новых».

мерцает рыба серебром — строка слабо подчеркнута синим карандашом.

ГОЛОС: все сюда явитесь — было напечатано *все приподымитесь*, ис- правлено чернилами.

будто лебеди, родные — после этой строки в машинописи запятая, оче- видно, лишняя, так как заставляет отнести определение *родные* к врачам, а речь скорее всего о родных как таковых.

Последние четыре реплики напечатаны в подбор из-за недостатка ме- ста на листе. Конец совсем стерт, т. к. лист сильно обтрепался по краю.

28. СУД УШЕЛ — Фонд, № 34. ПСС № 18; Памир, 1989. № 1. С. 133— 136 (А. Г.). Машинопись под копирку с небольшой авторской правкой (опе- чатки).

вот тут-то в бочке и солился богатырь — было напечатано *слоился*, исправлено.

и фанагорийцы — отбивка с этой строки, возможно, носит чисто технический характер, иначе второй столбец не поместился бы на стра- нице.

НА ОХОТУ Я ПОШЕЛ — ср. *Охотника* — действующее лицо в «Кончине моря»: экзистенциальная охота на Бога, как известно, пуще неволи.

29. КРУГОМ ВОЗМОЖНО БОГ — Фонд, № 39. ПСС № 19. Машинопись (2-й экз.). Листы, склеенные в самодельную «тетрадку», с незначи- тельным количеством опечаток, частично исправленных карандашом; некото- рые наименее читаемые строки расшифрованы чернилами (Т. Липавской

и Я. Друскиным). Карандашом проставлены вопросительные и восклицательные знаки. Римские цифры, членящие текст на действия, согласно его примечанию, проставлены Друскиным.

Определяя жанр этого текста, Друскин писал, что его «можно назвать эсхатологической мистерией или по-русски — действием». Заглавие в оригинальной машинописи отсутствует. Но так везде именует мистирию Друскин, не подвергает заглавие сомнению и М. Мейлах. А. Александров считал, что заглавие дано Друскиным в связи с одной из строк финала: *Быть может только Бог*, настоящим же заглавием является «Священный полет цветов» — по Друскину, заголовок пролога; написан рукой автора слева на полях, такая же подпись, но оборванная (*Священный по<...>*) — сверху над прологом. Очевидно, заглавие значилось на отдельном листе, впоследствии утерянном. После пролога (6 строк) карандашом проставлена римская цифра I.

Гляжу на минуту гневно — Неприязнь к минутам — фиктивным единицам, которыми человек пытается отгородиться от великой тайны времени, есть и в других текстах Введенского, ср., напр., «Мне жалко, что я не зверь...».

Стаканы мои наполня<ю>тся пением — скорее всего, опечатка в машинописном оригинале.

Я тебя не пойму — опечатка: *на пойму*.

мужчина этот Валтасар — Один из немногих у Введенского случаев «нормативного» употребления имени собственного, связанного с традицией. (В ветхозаветном сюжете о пире вавилонского царя Валтасара таинственная рука начертала на стене огненные письма, явившиеся знамением гибели Валтасара и раздела Вавилона).

Ложка и Хаджи-абрек — Следующий за этой строкой кусок текста обозначен римской цифрой II.

Несть эллин и несть иудей — Кол 3:11.

Толпа как Лондон зарычала — Девять строк, начиная с этой и до реплики Царя, по всей видимости, ремарка, хотя в машинописном оригинале не отделены пробелом.

Палач убегает. — Следующий кусок — под римской цифрой III.

Казалось ему, наслаждение — напечатано *Казалось, ему наслаждение*.

Кто ты родственник небес — у Хармса есть строка «мой родственник небесный» («Я запер дверь...»).

Я убежал не весь. — Возможна ироническая аллюзия к строкам пушкинского «Памятника»: «Нет, весь я не умру <...> и тленья убежит». Детскому сознанию, вынужденному учить «Памятник» наизусть, глагол «убежать» в этом значении представляется неожиданно смешным.

Я безголов — напечатано раздельно: *без голов*, ср. «Две птички, горе, лев и ночь».

(они кувыркаются) — Следующий кусок — под цифрой IV.

НИКОЛАЙ ИВАН. — Здесь и ниже — очевидно, авторские сокращения, перешедшие из рукописи в машинопись.

Здравствуй море. — Ср. эсхатологическое значение «иероглифа» *море*, придающее смысл бессмысленному созвучию (напомним, что персонаж вовсе не *Боря*, а Петр Иванович). Возможна аллюзия на «Синие оковы» В. Хлебникова: «Вы здесь просто море, а не масленичный гость».

В его ногах валялся мел — перед этой строкой нет пробела, хотя здесь явно ремарка.

А гости веселы, довольны — то же самое.

<МЕТЕОРИТ> — В машинописном оригинале ремарка отсутствует.

Ну все в сборе — в оригинале *Не все в сборе*, очевидно, опечатка.

У девушек затянулась переписка. — Следующий кусок — под цифрой V.

ИЗОБ-ражала — таково написание этого слова в оригинале. Не берясь судить о значении такого написания, напомним, что подобным же образом выглядело слово *АВТО-ритет* в титуле, которым Введенский подписывал свои тексты в 1925—1927 гг.

я думаю мы уподобимся микробам — Возможно, очередная ироническая отсылка к поэтической натурфилософии Н. Заболоцкого. В связи с этим последующая сцена пожирания нищим самого себя сопоставима с положениями о самопожирющей вселенной Заболоцкого периода «Смешанных столбцов», высказанными С. Семеновой в статье «Человек, природа, бессмертие в поэзии Н. Заболоцкого» (Литературная Грузия. 1980. № 9. С. 138).

Фомин, ты царь, они исчезли — начиная с *они исчезли* по смыслу идет ремарка, никак не выделенная на письме.

И толстые тела часов — после этого в машинописи точка.

Ты как Енох на небо взятый — в Книге Еноха, раннехристианском ветхозаветном апокрифе, от лица патриарха Еноха повествуется, как он был взят живым на небо, беседовал с Богом и видел различные величественные чудеса, в частности, огненную пропасть, куда низвергнуты преступившие закон ангелы (ср. далее: *Ты подобен ангелу пожаром объятому*).

Иное сейчас наступает царство. — Следующий кусок обозначен цифрой VI.

Сергей, Иван и Владислав и Митя — ср. в «Куприянове и Наташе»: *Я даже позабыл Маруся, Соня...* — яркий пример специфического юмора Введенского и вместе с тем прозрачное указание на то, что в подобной ситуации человеческое имя не имеет значения. См. также письма Введенского к Хармсу (в Приложении), где автор постоянно именуется по-разному и себя, и адресата.

«как птичка, как маленький» — Следующий кусок — под цифрой VII.

Он был высоким будто сон. — Алогичное сравнение напоминает строки К. Вагинова: «Вкруг Аполлона пляшем мы, / В высокий сон погружены» («Песня слов», 1927). Случаи переклички между Введенским и Вагиновым (который, хоть и входил в ОБЭРИУ, никогда не был особенно близок кругу Хармса-Введенского), достаточно редки; тем более интересно отметить такую соседствующую с вышеприведенной параллель, как образ старой Венеры в этой сцене и образ старой Афродиты у Вагинова (напр., в стих. «Отшельники», 1924). Возможна также отсылка к поэме В. Хлебникова «Шаман и Венера» (ср.: ПСП 1993. С. 249).

Вбегают мертвый господин. — В ПСС рефрен во всех случаях оформлен как ремарка, хотя в машинописи он никак не маркирован, как будто это очередные строки монолога Венеры. Весь фрагмент отчеркнут слева синим карандашом.

Это коровник какой-то — ср. небесный птичник в «Лапе» Хармса.

Беги, беги. / Вбегают мертвый господин. — Последняя строка выделена в машинописном автографе как ремарка. Следующий кусок — под цифрой VIII.

Я вижу женщина цветок — эта и следующая строки отчеркнуты слева синим карандашом.

Карл Маркс, Бехтерев и профессор Ом — было «Бехтелев», исправлено карандашом.

Я свет потерял — так в машинописи. В ПСС исправлено на *счет*.

Географическое — Следующий кусок — под цифрой IX.

(Они тихо и плавно уходят). — Следующий кусок — под цифрой X.

ЖЕНЩИНА. Женщина спит... — Перед ремаркой поставлена галочка, сама ремарка подчеркнута синим карандашом.

Дормир Носов, дормир — *dormir* (франц.) — спать; французское слово, очевидно, отсылает к детскому засыпанию под руководством все той же няньки-иностранки.

Родоначалники я к вам пришел... — Есть соблазн соотнести разговор Фомина с Родоначалниками — и разговор Солдата с Предками в поэме Н. Заболоцкого «Торжество Земледелия»; ср. четвертую строку в этой реплике Фомина и слова Предков у Заболоцкого: «Дурень ты и старый мерин». Только расстановка сил противоположна: у Заболоцкого с апологией науки как средства покорения природы выступает Солдат, у Введенского — Родоначалники.

Время век вперед стреми — возможно ироническое остранение лозунга «Время, вперед!»; ср. ниже другой элемент наглядной агитации: *Бойтесь бешеных собак*.

Глядите вся вода сутки. — Ср. развертывание универсального «иероглифа» *вода* в стих. «Сутки».

Фомин сказал. Махнул рукой и далее — еще одна не маркированная ремарка.

на смерть изображающую пену — *Пена* здесь оказывается «иероглифом» смерти и как атрибут моря, и как физиологическая деталь (ср.: *икнула тихо. Вышла пена* — стих. «Всё»).

Мы не можем превращения вынести. — Следующий кусок — опять под цифрой X; в примечании Друскин говорит, что возможны варианты членения на «действия».

Не знал и не пил — над обоими *не* проставлены карандашом ударения, вряд ли авторские, причем первое вряд ли правомерно.

Успокойся, сядь светло... — В оригинале эта и следующая реплики объединены и приписаны Фомину; в ПСС/ПСП, вслед за Друскиным, произведено перераспределение по смыслу.

Возможно, что земля пуста от сна <...> Она одна без дна — эти строки отчеркнуты слева синим карандашом.

Примечание Друскина 1976 г.:

«"Священный полет цветов" написано рукой Введенского и относится только к вступлению из 6 строк. Стершиеся слова восстановлены Т. Липавской, а некоторые мною.

В этой драматической или эсхатологической поэме 10 частей или действий и эпилог. Части отмечены автором пропуском лишней строки, я отметил части римскими цифрами (карандашом).

В двух первых частях до казни главное действующее лицо носит имя: "Эф". После его казни в конце второй части обнаруживается, что его имя — Фомин. Мне кажется, автор хочет этим сказать, что жизнь человека до смерти — анонимна и только смерть открывает анонимность жизни человека и анонимность самого человеческого самосознания. С четвертого действия начинается по- или за-смертная жизнь Фомина и затем — вторая смерть. О второй смерти — Откр 20:11—15. Первые два действия — вступление ко второй засмертной жизни Фомина.

Третье действие — переход ко второй жизни.

Четвертое и пятое действие соединены авторской ремаркой: «Дуэль превращается в знаменитый лес. Порхают призраки птичек. У девушек заиграла переписка».

Шестое и седьмое действие объединены противоположеньем как эротическая и антиэротическая сцена.

Восьмое и девятое действие, начинающееся монологом Носова, объединены вступлением нового действующего лица: ЖЕНЩИНА.

Десятое действие эсхатологическое: “Мир накаляется Богом”.

Возможно и другое объединение и разделение действий: два действия, объединенных новым действующим лицом (т. е. VIII и IX в предшествующем разделении) можно принять за одно действие.

Слово ПРЕВРАЩЕНИЕ имеет здесь эсхатологический смысл. В некоторых других вещах (например “Гость на коне”, “Две птички, горе, лев и ночь”) оно имеет иной смысл: отождествление знака с означаемым. <...>

И в этой эсхатологической поэме, как заметила Т. Липавская, тоже проведен принцип окаймления: В начале: “Кругом возможно Бог” (название поэмы), т. е. проблематическая форма. В конце то же самое, но в категорической форме: “Быть может только Бог”, т. е. только Бог истинно сущее».

30. ЕВСТАФЬЕВ И МАРГАРИТА КРОНПРИНЦЕВА — Фонд, № 51. ПСС. № 75. Машинопись на двух сторонах наполовину оборванного листа; сбоку записаны цифры (телефон или адрес?): 81-94. Судя по ПСС, есть (или был) еще один полуоборванный лист, но в Фонде его не обнаружено. Датируется приблизительно.

Будто тетива — в оригинале *тетева*.

Содержание второго листа (по ПСП 1993):

*Гусарский полковник (вбегая). Генералу плохо, очень нехорошо,
надо лекаря.*

Генерал (входя). Глупости. Я здоров, а который час.

*Гусарский полковник. Ваше Превосходительство час тридцать
пятый.*

Генерал. Ага хорошо, пора гостей хоронить.

Архиерей (появляясь). Молитесь.

Гусарский полковник

кончен вечер кончен бал

двинем люди по домам

кто не дерево упал

кто лежать остался там

у меня была жена

а осталась мне пустыня

а она раздражена

головой качает синей

развились ее кудряшки

потекла помада

бойтесь люди замарашки

*Бога смерти ада
Мужья. Где наши котелки.*

(об.:)

есть хлеб чужого мужчины. Тот муж от ревности станет не живой.

Китаец. Да здесь же все пьяные. Никто не узнает. Укусите этот хлеб.

Ксения Львовна. Дайте мел я вам напишу.

(Китаец дает ей мел и она пишет: Милый хороший китаец я не буду кушать ваш хлеб ха ха).

Китаец. А я говорю ешь, а то я тебя зарежу.

Ксения Львовна. Какой вы злой, как грузин.

Китаец. Мы все одного происхождения, нам все нипочем.

Смотрите какой я плотный, как памятник.

Входит Иванова.

Иванова. Как я устала и что теперь делать.

Архиерей (в дверях). Молиться.

Они в страхе бегут в соседнюю комнату. Там Фенфен разговаривает с Дашей и держит ее за косичку. Всем становится стыдно.

Китаец. Деваться некуда. Кругом разврат.

Иванова. Есть одно средство. Это думать о столе.

Картина 6-я

31. КУПРИЯНОВ И НАТАША — ПСС № 20. Печатается по машинописной копии, сделанной Я. Друскиным и хранившейся у Л. С. Друскиной, с коррективкой по ПСС. Повторно сверить публикуемый текст не удалось: по сообщению В. Н. Сажина, среди документов, поступивших в Фонд после смерти Л. Друскиной и к моменту написания этих строк не разобранных, текста не обнаружилось; еще одна машинописная копия, явно послевоенная, но выполненная с экземпляра, близкого к оригиналу, находится в ЦГАЛИ СПб в архиве Г. Б. Ягдфельда. «Важная авторская рукопись “Куприянова и Наташи” <...> оказалась у <...> Алисы Ивановны Порет <...>; в позднейшие годы она эту рукопись дала Кире Сапгир, а та ее не вернула; по рукописи вещь была опубликована в 1977 году в роскошном парижском издании Михаила Шемякина “Аполлонь-77”» (М. Мейлах. Введенский: сорок лет спустя. Белград 2004. С. 455). «Аполлоновский» текст (сверка с которым стала возможной благодаря содействию В. Н. Сажина) содержит ряд пунктуаци-

онных отличий как от публикуемого варианта, так и от ПСС/ПСП, но принять его за эталон нельзя — в частности, там отсутствуют две строки.

Датировка уточняется по записи Хармса на обороте автографа стихотворения «Узы верности ломаешь...», датированного 18 сентября 1931:

*Полусонная как скука —
плохо.
Кругом ничто не пело
Когда она показывала свое хитрое тело —
чужое*

Пугая мглу горит свеча — в машинописи вместо *мглу* — в *мгле*.
Она не осветила бы боюсь овечки — в машинописи *не освети* (очевидно, опечатка).

и мы будем подобны судакам — в ПСС/ПСП, как и в «Аполлоне», *и будем мы подобны судакам*. Ср. у Н. Олейникова: «И если я судак, то ты подобна вилке, При помощи который судака едят».

Глаза блестят, я сам дрожу — в машинописи это строка пропущена.
пониже сытых две груди — в ПСС: *сытных* (в «Аполлоне» — как здесь).
соски сияют впереди — в ПСС: *соски на них сияют впереди* (в «Аполлоне» — как здесь).

Наташа (одевая рубашку) — в ПСС здесь и далее исправлено на «надевая».
мал-мала меньше — в машинописи: *ма-мала меньше*. По свидетельству Л. Друскиной, Друскин считал вариант *ма-мала* верным.

В Фонде (№ 14) хранится записанный Друскиным в 1968 году разговор его с Т. Липавской по поводу этого стихотворения, где она, в частности, говорит: «Я не вижу ничего цинического, неприятного или нечистого в «Куприянове и Наташе», скорее антиэротическое. Я чувствую тоску и одиночество, это прощание со мною. Там есть даже две строки из стихотворения 1920 г., посвященного мне, только тогда это было сказано в настоящем времени: «я не верю в количество звезд, я верю в одну звезду», а здесь в прошлом: «я верил в одну звезду» (л. 1). Друскин отвечает: «<...> все литературные исследования, ищущие последнюю причину и смысл вещи в личных настроениях автора, в интимных событиях из его жизни или в социальных условиях — все такие исследования идут <...> по плесени на поверхности жизни. Все исследования <такого> типа <...> — лакейское подсматривание интимной жизни гения» (л. 1—2). Ниже Друскин рассматривает все стихотворение как «теологический трактат». О «черве», который появляется в ремарке-рефрене, он пишет: «Мне кажется, это тот червь, о котором говорит Христос Мк 9:43—44: ...в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает, и огонь не угасает.

Этот червь, который грызет грешника, необязательно в будущей жизни, он грызет нас уже здесь, в этой жизни. Не Бог наказывает грешника, сам грех ест грешника».

32. МИР — Фонд, № 42. ПСС № 21; День поэзии—1988. Л., 1988. С. 233—234 (А. Александров); Смена. Л., 1990. 14 апр. (А. Александров. М. Максимов). Автограф с исправлениями и кляксами. Примечание Я. Друскина: «И в машинописи и в рукописном автографе неясное написание или стершиеся на сгибах слова восстановлены мною». Машинописи в данной единице хранения не обнаружено. Датировка Друскина — 1932—1933.

Нельзя не согласиться с замечанием М. Мейлаха: «Обозначения персонажей слева от стихотворного текста необязательно вводят здесь их прямую речь, в большинстве случаев служа как бы заголовком, подписью к тексту» (ПСС, с. 285).

Человек сидит на ветке — А. Александров предлагал перенести обозначение Няня на две строки вверх, а *Человек* — к этим и следующим строкам до *Верблюдов*.

Но верблюд сказал дурак — в ПСС: *но верблюд сказал: дурак*; у А. Александрова: *Но верблюд, — сказал дурак*, из чего следует, что расставлять знаки препинания в чужом тексте — дело неблагодарное.

С ними нож и пистолет — в рукописи описка *сним и*.

и шкатулку и шантан — в рукописи описка: *шантане*.

все казалось им пятеркой — возможно прочтение *тетеркой*; оба варианта допускал, переписывая стихотворение в тетрадь, и Друскин.

Звери лазали за мной — было: *люди бегали за мной*.

лежа на кувшине льда — в рукописи описка *льды*.

новый кончился <ш>ильон — расшифровка последнего слова вызывает сомнения (*милльон?*); у Друскина *шилльон*.

Как соловей и пастила — после этого зачеркнуто: [*и поднялась*].

и животных размножение — вместо *животных* было [*рогатых*].

Как жуир спешит тапир — было [*мчится бешеный*].

На обоих оборотах — часть делового текста на машинке (банковские операции, кредитование, Наркомфин и т.д.) за подписью отца поэта: И. В. Введенский.

33. <СЕРАЯ ТЕТРАДЬ> — Фрагмент опубл.: Československá rusistika. 1968. № 5. С. 299 (А. Александров); полностью: ПСС № 33—34; Логос. 1993. № 4. С. 128—136 (А. Г.). Печатается по автографу, хранившемуся у Л. С. Дру-

скиной; ныне хранится в частном собрании, владельца которого искренне благодарю за предоставленную возможность еще раз сверить публикуемый текст с оригиналом. Школьная тетрадка в серой обложке, без названия, которую Введенский передал Я. Друскину в начале 30-х гг. Порядок следования частей в тетрадке не выстроен; здесь сохраняется порядок, предложенный Друскиным и сохраненный в ПСС.

В тетради части записаны следующим образом: вначале кусок, обозначенный здесь римской цифрой [II], включая слова *Хотел бы я потрогать*; затем диалог обрывается и начинается монолог Свидерского [IV]; затем продолжается диалог [III] со слов «небесное тело», затем заключительная часть [V] с авторским обозначением главок. В главку *Точки и седьмой час*, между словами *искусство относится и к времени так*, вклинивается стихотворный кусок «Над морем темным благодатным...» [I], которое Друскин не включил в текст, а М. Мейлах сделал прологом. Границы всех кусков приходяются на конец очередной страницы.

На последней странице имеется набросок (для детей; в два столбца), соотносимый с первой строкой стихотворения «Над морем темным благодатным...»; есть соблазн предположить, что словосочетание *темное море* как раз и явилось первотолчком к его написанию.

Первый столбец:

*Такая каюта
Полна уюта
Диваны
картины
ковры
и цветы
Сидят на диванах
болтают болваны,
банкиры,
торговцы,
пройдохи
плуты.
Сидят на диванах
и плещут фонтаны,
стоят музыканты
и в трубы дуют.
Нарядные дамы
Печальники
Франты*

*Танцуют, болтают
и пьют и едят*

Второй столбец:

*С волнами и ветром
сражаясь и споря
сквозь свежую ночь
и полуденный жар
идет теплоход
аравийским
по темному морю
идет теплоход
Жорж Филиппар*

*Куда они едут
Купцы и банкиры
[Куда] Зачем они едут
Хозяева мира.
Из Индокитая,
[владелец] [хозяин] владелец плантаций
[Из Суматры]
[Явы.]
из Токио
маленький
тощий банкир.
Директоры
фабрик
[владельцы] держатели
акций,
Те кто
грабят и делят
мир.*

*едва висит прогнивший плод — первоначальный зачеркнутый вариант:
висит прогнил последний плод.*

А воздух море подметал / как будто море есть металл — строки, повторяющиеся рефреном, в этом и следующем случае взяты автором в большие общие скобки, точнее, ограничены с обеих сторон волнистой линией,

так что можно предположить, что это не рефрен, а концовка, которую Введенский придумал вскоре после начала стихотворения и приберегал для его завершения. Несколько строк между двумя первыми рефренами (*он понимает <...> его ножом*) слабо перечеркнуты.

свое вытягивая жало — незачеркнутый вариант над строкой: *высовывая за здоровье этой воздушной птички* — первоначально было: *за это <...> <...> небесное тело, которое за ночь <...>* — в одну строку.

эту сдыхающую дочь — ср. мотив умирающей дочери (*девицы*), в т. ч. значимую «иероглифическую» рифму *ночь-дочь* в других текстах Введенского («На смерть теософки», «Всё», «Снег лежит...», «Елка у Ивановых»); можно усмотреть здесь связь со смертью сестры поэта Евлалии.

Кухарский может быть ты нанюхался эфиру? — ср. примеч. к «Святому и его подчиненным».

все все длину имеет — этой строкой заканчивается страница, и в начале следующей страницы строка повторяется.

Песня про тетрадь — заголовок вставлен между строк.

учил он двери и окна играть — слово *играть* слабо перечеркнуто без замены, возможно, случайно.

лежат мертвецами — было [*стали покойники*].

могучее море как бранное поле вдали возвышалось — строка связывает воедино «иероглифы» *море* и *битва*. Слово *возвышалось* указывает на третий «иероглиф» — *гора*, в мифопоэтической традиции — обитель Бога или богов; ср. финал «Святого...».

их неживой поглощает туман — в начале строчки зачеркнуто *и*; вместо *туман* была описка *тумает*, исправлена.

и мы их теперь украшаем венками — следующая страница начинается с перечеркнутого варианта монолога Свидерского:

[Свидерский (стоя в углу).

иду по дороге отравленный ядом,

а время со мною шагает рядом

темнеет светает ни зги не видать

[Недвижное небо]

Но птица как мяч начинает летать.]

И я увидел дом ныряющий как зима — вместо *зима* было: [*рыб[у] и еж<?>*]. обозначающую *сад* — вариант над строкой; было: *обращенную [в число]*. Ср. образ метаморфизирующей ласточки в стих. «Сутки».

Я один как свеча — вместо этого первоначально было [*Ма*]*<ша>*.

Окна тоже. — Было: [*Маши*] *тоже*.

ни сна не видеть — было ни [зги] не видеть.

Свидерский. Перед тобой стоит дорога — Свидерский написано над строкой; первоначальная незачеркнутая фамилия персонажа — *Маятников*, что явно имеет отношение к теме времени, а может, и к глаголу «маяться».

это был синий орган чувств — синий вставлено над строкой.

тут вертись, или оглядывайся — вместо или было [здесь].

Оно поглощает все существующее вне нас. — Было: [не]существующее; не слабо перечеркнуто. Далее зачеркнуто: [Тут].

([Последняя надежда — Христос Воскрес]). — Взято в двойные скобки, круглые и квадратные (как вариант?).

Наша логика и наш язык скользят по поверхности времени — возможна перекличка с одним из темных мест стихотворной части тетради: *Давай-те споем поверхность песни.*

в Смерть, и в сумрак, в Широкое непонимание — в тетради это место выглядит так: *в Смерть и в Широкое непонимание*; над словом *Широкое* написано *сумрак*.

Будем думать о простых вещах — Будем переделано из *Я буду*, вместо *думать* было *[говорить]*.

если бы время только помогало счету пространства — вместо *помогало* было *[контролировало]*.

Если бы время было зеркальным изображением предметов — зеркальным вставлено над строкой.

Пусть бежит мышь по камню. — Ср. о Мандельштаме: «"Серебристая мышь" — это реминисценция "жизни мышь беготня", а кроме того, он откуда-то взял, что мышь (белая) символизирует время <...> Нечто в этом роде есть у индусов» (Н. Я. Мандельштам. Комментарии к стихам 1930—1937 гг. — В кн.: Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж. 1990. С. 199). К той же строке апеллирует Друскин, размышляя над названием пьесы Введенского «Очевидец и крыса» («Материализация метафоры в пьесе А. Введенского «Очевидец и крыса», Фонд, № 15).

оно придет почти к нулю <...> мир мерцает — придет и мир в спешке написаны с подобием твердого знака на конце.

Это как бы сабли и винтовки <...> Они текучи — ср. трактаты Хармса «Сабля» (1929) и «Одиннадцать утверждений...» (1930).

и небо взлетело как орел — было: и [синее] небо <...>.

у того который плавает на ящике — было: <...> на [корабле]; у того — вставлено над строкой.

Животные. — Ср. связь образа *зверя/зверей* с чувством тоски недовольности в других текстах Введенского («Снег лежит...», «Кругом возможно Бог», «Мне жалко, что я не зверь...»).

Восходит скверная заря — не исключено, что это отголосок известной литературной шутки XIX века, ср. у Н. А. Некрасова: «А то раз цензора пропустили, / Вместо северный, скверный орел!» («Газетная»).

подымается птица — переделано из *просыпается*.

синяя от своей непокорности — было *синяя [неп]<окорная(?)>*.

Звери не употребляют алкоголя — перед этим зачеркнуто *[Боже]*.

смотрит на свой лес — свой переделано из *лес*.

Точки и седьмой час. — Вместо *седьмой час* было *[петушок]*. «Иероглиф» *петух* связан у Введенского с представлением об отлетающей душе, иногда в рифмованной паре *петух* — *дух*, напр., в «Седьмом стихотворении». Осмысление «седьмого» как последнего и уже «запредельного», не чуждое фольклорной традиции, может корреспондировать с аналогичными моментами у Хармса, у которого число шесть зачастую выступает как естественный предел. В то же время *седьмой* — рассветный час пением *петуха* кладет конец ночи со всем ее волшебством и смертельными мыслями и включает обычный ход вещей.

они радуют — эти слова находятся внизу страницы и повторяются в начале следующих.

такчтомынеощущаемновизны — далее зачеркнуто: *[абсол]<ютной?>*.

В одну ночь не бывает два раза 3 часа — над числом 3 автор, как видно, задумался, оно неоднократно переделано.

или остающееся все тем же <...> он тянется — этот кусок вставлен между строками. Вообще эта страница, заканчивающаяся словами *не видим точек*, заполнена, в отличие от других, вплотную донизу, как будто Введенский хотел, чтобы она непременно была последней — и все же пришлось конец перенести на следующую.

на все опускается седьмой час — перед *на все* зачеркнуто: *[этим]*.

Печальные останки событий — с этого момента и до конца — другое перо; возможно, финал был приделан позже, так что это скорее всего действительно финал, а не просто обрыв текста.

Я не по — Тут текст обрывается: непонимание перешло в молчание.

В «Серой тетради» Введенский удивительным образом перекликается с Густавом Майринком. Известно, что Майринка очень любил Хармс, но об отношении к нему Введенского мы ничего не знаем. Персонаж, который произносит нижеследующие строки, проник в мир «пиявок, пожирающих время», разобрался с ними и жил очень долго, а зовут его И. Г. Оберейт, но это, как и все остальное, может быть обычным совпадением. Вот что он говорит:

«То, что мы называем жизнью, есть воистину приемная смерти. Я внезапно тогда понял, что такое время: мы сами существа, созданные из време-

ни, тела, которые только кажутся материальными, а на самом деле являются ничем иным, как сгущенным временем.

А наше постепенное увядание по пути к могиле есть превращение во время с сопровождающими его ожиданиями и надеждами <т. е. “пиявка-ми”> — так лед на очаге превращается в воду». (Посещение И. Г. Оберей-том пиявок, уничтожающих время. — Густав Мейринк. Летучие мыши. Пер. с нем. Дмитрия Крючкова. Изд. «Петроград», Пг.; М., 1923. С. 91.)

34. ГОСТЬ НА КОНЕ — Фонд, № 41. ПСС № 22; В мире книг. 1987. № 6. С. 118—119 (Л. Друскина); Смена. Л. 1990. 14 апр. (А. Александров. М. Максимов). Автограф с незначительной авторской правкой, некоторые слова расшифрованы над строкой (Я. Друскиным и Т. Липавской). На обороте первого листа — записи карандашом: зачеркнутые цифры (картежный счет? Участвуют знакомые лица: Т. А., Я., Л. Л.), а также телефоны и адрес: 5-56-44, Над<еждинская?> 36/38 кв. 6, 5-83-52.

как пушинка — *пушинка* перечеркнуто без замены.

Научи меня создатель — вместо *Научи* было неразборчивое слово (*Просвети(?)*, предположение Друскина — *Произвел*).

Он был не страшный. — вместо этого было: [*он был огонь*].

Бог Ты может быть отсутствуешь? — в слове *Ты* строчная *т* исправлена на заглавную.

я сказал смешную фразу — Ср. у Хармса в аналогичной ситуации «вспоминал смешные миги» («Лампа о словах подносящих укромную музыку»): смешное как способ перешагнуть через экзистенциальный страх.

и откуда — было: [*свет*] *покуда*.

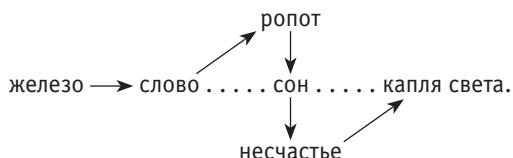
В 1978 году Друскин написал подробное примечание к этому тексту.

(К строкам *я решил что это опыт / превращения предмета / из железа в слово, в ропот, / в сон, в несчастье, в каплю света*): «Бессмысленное слово или бессмысленная последовательность слов не имеет смысла, но имеет значение, которое не может быть рационально определено; иногда оно настолько неясно, что вообще трудно что-либо сказать о нем, иногда же оно высказывается антиномией или постулированием, т. е. требованием совместить два несовместных понятия. У человека помимо ума есть еще, во-первых, чувство или душевное и, во-вторых, дух или духовное. Во-первых: вполне адекватно чувство не может быть определено рационально, тем более, когда это чувство амбивалентно, например, симпатическая антипатия или антипатическая симпатия. Противоречие ум понять не может, в крайнем случае, только сформулировать в виде антиномии или пары несовместных понятий. Чувство в некоторых случаях может не понять, а именно по-

чувствовать, ощутить, принять противоречие. Во-вторых: тем более это относится к духовному. Духовное, говорит Киркегаар, высказывается не прямой речью, а косвенной, духовное — парадокс, по-русски — бессмыслица.

Приведенная выше последовательность слов, бессмысленная для ума, имеет три значения:

1. Запишем все превращения предмета в виде графика:

В горизонтали не эмоциональные понятия; в этом случае сон понимается, как сон чувств, т.е. бессознательное, отсутствие эмоций. В вертикали — эмоциональные понятия, которые могут привести к определенному действию, например, ропот — к бунту и восстанию; тогда сон можно понимать как сновидение, а может кошмар. Сам график в целом — крест: пересечение двух разных начал.

Объяснил ли я бессмыслицу? Нет, я заменил одно непонятное другим непонятным, пытаюсь сказать, что я чувствую, читая эти три строчки. Другой может почувствовать другое. Аналогичное понимание фигуры креста у Хармса и отчасти у Л. Липавского.

2. Слово «превращение» имеет у Введенского и другое значение — эсхатологическое, см. примечание к поэме “Кругом возможно Бог”.

3. Третье значение слова “превращение” у Введенского можно назвать онтологическим: отождествление знака с означаемым. См. примечание к стихотворению “Ковер Гортензия” и “Две птички...”.

<...>

Человек из человека — это, по-видимому, античеловек: голос его звучит как эхо, т. е. отражение звука, медаль у него — не на груди, а на спине, рука — обратная, рыбы в его мире “плавают во мгле / отражаясь как в стекле”. В каждом человеке должно быть есть некоторое раздвоение — я и мое анти я. Но Введенский понимает его не психологически или субъективно, а абсолютно и онтологически, ведь рыбы, плавающие во мгле — это уже не мое анти я, а анти-мир.

<...>

Г. Наан в статье “Проблемы релятивистской космологии” (Эйнштейновский сборник. М., 1966, с. 356) приводит одну из гипотез о возникновении мира и антимира: первоначальное ничто разделилось на нечто и антинечто.

то, так возник наш мир и антимир. Ничто — нигде и никогда, точнее ни где и ни когда, т. е. не в пространстве и не во времени. И также не мир в пространстве и времени, а пространство и время в мире (Эйнштейн, Минковский, а до них — Августин). Поэтому нельзя спрашивать и о антимире: где он? <...> Наан говорит: ничто раскололось и стал мир и антимир. Введенский говорит: человек ИЗ человека. Наан дает научную модель антимира, Введенский — поэтическую. Обе модели одинаково не понятны, хотя может быть и истинны. Истинность и понятность — разные понятия, а в наиболее важных и серьезных вопросах даже несовместные».

35. ЧЕТЫРЕ ОПИСАНИЯ — Фонд, № 54. ПСС № 23; Радуга. Таллинн. 1988. № 9. С. 29—40 (А. Г.). Автограф.

и будто рыбы бьются — здесь пересекаются два значения глагола: биться как вынутая из воды рыба (ср. значение «иероглифа» *рыба*) и биться = бороться, ср. «иероглиф» *битва*, не случайно ниже появляются *сраженья*.

и хлеб с едой — вместо *хлеб* было *снег* (описка?), переделано.

и двигающаяся вода — после этого зачеркнуто начало слова *одно<временно>* — а потом пришла строчка, продолжающая перечисление.

сидят на краешке волны — один из наиболее ярких случаев употребления Введенским «иероглифа» *волна* (часть *моря* и знак колебания между жизнью и смертью).

Пойди поймай их — перед этим зачеркнуто начало строки: [*и вновь*].

и он лежит жену обняв — вместо *жену* было [*жив*] <...>.

Проснутся каменные предметы — вместо *предметы* было: [*вещи*].

Час есть судьба. — Ср. о *смертном часе* в «Серой тетради».

О, дай мне синьку. — Вместо *О* было [*Ах*]. Алогизм оправдан значением слова *синий* у Введенского: цвет воды и неба и одновременно мертвенный цвет (ср. ниже: *и щеки синие небриты*). Ср. значение синего цвета в «Приглашении меня подумать» и др.

Лжат враги без головы — «Безголовость» как синоним смерти; в другом, близком значении — фигура отключения сознания во сне, в бреду («Пять или шесть», «Две птички...»). Ср. у Н. Заболоцкого: «там форвард спит / без головы» («Футбол»).

держа в руке пустые пузырьки — в руке вставлено над строкой.

генерал и генеральши — в списке В. Н. Петрова (ИРЛИ. Ф. 809. № 93) *генеральша*.

бежал и прятался как день обещанный — очевидно, ироническая отсылка к заглавию статьи Н. А. Добролюбова «Когда же придет настоящий день?», тексту каноническому для народнической интеллигенции.

На пять и шесть частей — ср. «Пять или шесть».

Концы ужасной этой битвы — Множественное число становится оправданным, если вспомнить строки из стих. «Битва»: *два бойца / два конца / посредине гвоздик*, ср. ниже *подкошенный как гвоздь*.

О хоть бы. Хоть бы мне поправиться — вместо второго *хоть бы* описка: *хотябы*.

и признак жизни уходил из вен и из аорт — описка: *и звен*.

В моих зрачках число четыре отражалось — ср. примеч. к «Разговору» Липавского относительно омонимичности слов «четыре» и «смерть» в китайском языке. Впрочем, надо сказать, что *четыре* присутствует уже в «докитайском» совместном стихотворении школьников Введенского, Липавского и Алексеева (листок из упомянутого в примеч. к № 1 и 2 школьного рукописного журнала, хранится в собрании Е. С. Спицыной, опубли. в ПСС / ПСП) «Мы с тобой по аллеям гуляем...»: строчка Введенского *и в четыре тогда стемнеет*.

и все слова паук, беседа, человек одни и те же. — Вместо *человек* вначале было *спич<ка?>*.

Куда же им. — После этого зачеркнута «обэриутская» концовка *все* с недописанной последней буквой.

Примечание Я. Друскина: «В пьесе 8 действующих лиц: Зумир, Кумир, Тумир, Чумир и четверо, которым Введенский дает имена: 1ый, 2ой, Зий, 4ый умир.(ающий). Почему после первой части слова “умир.” стоит точка и дальше конец слова в скобке? Т. Липавская дает, мне кажется, правильный ответ на этот вопрос. Зумир, Кумир, Тумир и Чумир — какие-то потусторонние существа <...> создается впечатление, что вся жизнь каждого из умир.(ающих), все время его жизни проходит в акте его смерти, когда уже время остановилось и «..для нашего сознания / нет больше разницы годов». Для Введенского это не игра словами, не экспериментирование, а реальное противоречие между процессом и актом, между временем и вечностью: все время жизни каждого из умир.(ающих) вечно заключено в акте его смерти, когда время, как пишет Введенский в «Серой тетради», останавливается и уже не существует.

Что же касается до Зумира, Кумира, Тумира и Чумира, то кто они — трудно сказать. По-видимому, они не умирают, как мы и не живут, как мы или четверо умир.(ающих) в акте смерти, но само написание слова умир.(ающий), как заметила Т. Липавская, указывает на некоторую близость их а может и нас к этим потусторонним существам — вестникам из неизвестного нам соседнего мира».

Возможно, буквами З, Ч, Т зашифрованы числа: 3, 4, 1, да и заглавное К в почерке Введенского обладает характерной закорючкой, похожей

на двойку, и каждый из «вестников» или, как пишет Друскин, «ангелов-хранителей» приставлен к соответствующему по «порядковому номеру» умир.(ающему), а то и является тем, во что превращается его подопечный после смерти. Слово *кумир* появляется у Введенского и в других текстах: «Факт, Теория и Бог», «Пять или шесть», в первой реплике прилетевшего Метеорита в «Кругом возможно Бог». Подробнее об «иероглифе» *кумир-статуя-памятник* см. «Бедный всадник, или Пушкин без головы» (Приложение). Отмечу, что В. Н. Петров, снимая рукописную копию этого текста, с первых же строк начинает путаться и переделывать Зумира и Чумира соответственно в 3-го и 4-го умирающих.

36. ПРИГЛАШЕНИЕ МЕНЯ ПОДУМАТЬ — Фонд, № 45. ПСС № 25; В мире книг. 1987. № 6. С. 67—68 (Е. Радов, А. Никитаев); Аврора. 1989. № 6. С. 118—119 (Л. Друскина); Смена. Л. 1990. 14 апр. (А. Александров, М. Максимов). Автограф и копия рукой Д. Хармса (примечание Т. Липавской: «Это стихотворение Д. И. переписал для меня»).

понятия на небе высоко — вместо *на небе высоко* было: *на [седьмом небе]*.

Мы подумали нам — после этого в той же строке было *[очень]*.

а смотрите Бог, рыба и небо — вначале было *а смотри*; *те* добавлено.

И только один звук — вместо *И только* было *[мы слышим]*.

ощущает наш нищий слух — было *[нашим нищим ухом]*.

он богоподобен сычу. — В хармсовской копии, чрезвычайно тщательно передающей все особенности орфографии и пунктуации оригинала, единственное неверно прочитанное слово: вместо *сычу* — «свечу».

гляди кругом гуляют девы синие — ср. «иероглиф» умершей *девы* (дочери, девицы) и значение *синего* цвета как двойкого — высокого (небо, море) и низкого (цвет мертвого тела) знака смерти в других текстах Введенского.

необъяснимое нам друг — в примечании 1977 г. Т. Липавская пишет, что возможно прочтение *наш друг*, но *нам* все же вероятнее.

мы видим лес шагающий обратно — ср. *наконец приходит лес* в «Значенье моря».

мы поняли, жизнь всюду гасла — вместо *поняли* было *[видели]*; зачеркнут также вариант *[в них энергично жизнь] (гасла)*.

37. СУТКИ — Фонд, № 44. ПСС № 27. Машинопись под копирку. Слева на полях синим карандашом пронумерованы строки, содержащие вопрос — очевидно, Я. Друскиным. Справа на полях тем же карандашом расшифровано

ваны некоторые слова и стоят какие-то пометки (палочки и крестики). На обороте 2-го листа надпись карандашом: *Гаянэ Христовна*, а также список:

<i>Сел.<едка?></i>	<i>1р 35</i>
<i>2 оседр.</i>	<i>4р 20</i>
<i>2 сыр (н?)</i>	<i>2р. 70</i>
<i>2 кофе</i>	<i>1 р. 20</i>
<i>Какао</i>	<i>1 р.</i>

10 р 45

Поеду лучше в Оршу — игровая подстановка реалии «другого города» вместо «иног мира»; ср. *вон вдали видна Севилья* («Святой и его подчиненные»), *и мы въезжаем в Тверь* («Елка у Ивановых»).

печаль ей незнакома. — Эта строчка заканчивается невесть откуда взявшимися кавычками.

и рыбак сидящий там где река / незаметно превращается в старика — ср. традиционный мифопоэтический образ «реки времени».

листья ответ — возможно, соотносится с сожалением об отсутствии надписей на листьях («Мне жалко, что я не зверь...»).

Можно предположить, что стихотворение отражает своего рода кризис «иероглифического» поэтического сознания, вершина развития которого приходится у Введенского примерно на 1930—1931 гг. «Сутки» — карусель взаимного называния, правильность которого нельзя доказать или проверить. *Ласточка* здесь — тот же «вестник»; ср. тему ласточки у О. Мандельштама.

38. ОЧЕВИДЕЦ И КРЫСА — Фонд, № 43. ПСС № 24. Автограф на длинных листах с авторской правкой.

опустилась ночи тень — было: [*лес летает ночи тень*].

сосны, ели и дубы — После этой строки зачеркнуто: [*Но причем тут сон и тьма,*].

и дрозды поют слегка — после этого было: [*и насвистывает уж*].

и рычит печальный лев (2-й раз) — После этого зачеркнуто начало новой строки: [*Свечка*]. Далее зачеркнуто:

[*Она. Я не могу открыть задвижки у окна, понимаешь эта задвижка очень упрямая. Задвижка никак не открывается. С этой задвижкой что-то случилось. Задвижка, задвижка что с тобой?*]

мы не верим что мы есть. — Далее было:

*[мы не видим что звезда,
Поднимается над нами.
Мы не слышим что вода,
плещет синими волнами].*

кость сжимая в кулаке — в кулаке переделано из [как <нрзб>].

*Отдает курсистке кость он — принятое прочтение плоть он не под-
держивается начертанием, скорее уж пусть он.*

я нашел их близкие границы — вместо близкие было: [порожние].

А<х> Грудецкий вы подлиза — х подписано карандашом.

в руке как картину — было: [корзину].

*Костомаров (историк) — фамилия историка Н. И. Костомарова
(1817—1885) созвучна как кустарникам, так и слову кость.*

*и планеты кружились — после этого зачеркнуто: [и стонала
све<кровь>], потом [и капала кровь].*

без сапог и носков — сапог переправлено из шт<анов>.

Тройка быстрая умчалась — быстрая переправлено из бойкая.

ты мне и брюхо поцелуй — брюхо переправлено из пузо.

Что вижу я — далее было [здесь обществ<о>], ушедшее в следующую строку.

Мы видели бедное тело — бедное переправлено из бледное.

наук ученье изучать — было: науки, последняя буква зачеркнута.

Ты курсистка как и прежде — курсистка зачеркнуто без замены.

*Я приезжаю. — Опять «приезд/отъезд» как эвфемическая замена смер-
ти; ср. «Сутки», «Где. Когда» и др. В связи с каретой не случайным стано-
вится упомянутое выше имя уезжающего в Грузию Грибоедова.*

*Я побью в шкапах посуду — в слове шкапах/шкафах п и ф наложены
друг на друга, так что не ясно, какой вариант выбран.*

в камышах густых шуша — было: [ночных].

рыба бегала по речке — бегала переделано из пла<вала>.

*У него отваливается голова — ср. «иероглиф» безголовый, без головы
в других текстах Введенского («Две птички...», «Пять или шесть», «Четы-
ре описания» и др.), а также конец философского текста Д. Хармса «Мир»:
«И больше я ничего не думал».*

На обороте последнего листа вычисления карандашом (8000 поделе-
но в столбик на 30) и в углу надпись чернилами: 2 ч. 45 м. Значит ли это,
что текст был написан за два часа сорок пять минут? Если да, то это един-
ственная у Введенского запись такого рода; обозначение времени написа-
ния свойственно скорее позднему Хармсу. Возможно, запись не имеет пря-
мого отношения к тексту.

Я. Друскин пишет:

«Названия вещей Введенского, написанных после 1928 года, соответствуют в какой-то мере содержанию или теме. <...> Как понять название “Очевидец и крыса”? Очевидец — это он, наблюдающий происходящие перед ним события. А крыса? если вспомнить три главные темы Введенского, вспомнить четырех потусторонних вестников, выслушивающих рассказы умирающих умов об их смерти, вспомнить заключение к “Где. Когда”: “Все эти шестерки, пятерки. Всю ту — суету...” — то, может, для очевидца, наблюдающего жизнь, вся эта суета — крысиная возня, как в Пушкинских “Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы”: “Жизни мышь беготня” <...>

<О сцене убийства Степанова-Пескова:> Слово “картина” в первой строке понимается снова в переносном смысле, т.е. предшествующая материализованная метафора дематериализуется, снова становится метафорой. Наконец, в третьей строке (...держал / в руке как картину) слово “картина” становится сравнением — это уже не поддается никакому толкованию — полная бессмыслица.

<...> Непонятность <здесь> ведет нас к непониманию самого акта убийства, по-видимому это входило в намерение автора.

<...> при каждом новом неожиданном изменении слова “картина” возрастает напряженное недоумение читателя <...> подчеркивается противоестественность, “дикость”, бессмысленность убийства». (Я. Друскин. Материализация метафоры в пьесе А. Введенского «Очевидец и крыса», — Фонд, № 20).

39. БУРЧАНИЕ В ЖЕЛУДКЕ ВО ВРЕМЯ ОБЪЯСНЕНИЯ В ЛЮБВИ — ПСС № 35. Автограф, в настоящее время находится в частном собрании. Отдельный листок. Хранился вложенным в серую тетрадь, но, как и следующий текст, очевидно, не является ее частью (другой формат листка, почерк, перо, чернила и т. п.). Датируется приблизительно.

40. ЗАБОЛЕВАНИЕ СИФИЛИСОМ, ОТРЕЗАННАЯ НОГА, ВЫДЕРНУТЫЙ ЗУБ — ПСС № 36. Автограф, отдельный листок; см. предыдущее примечание. Датируется приблизительно. Ср. запись в «Разговорах» Липавского о том, как Введенский зачитывал этот текст друзьям.

41. «МНЕ ЖАЛКО, ЧТО Я НЕ ЗВЕРЬ...» — Фонд, № 46. ПСС № 26; В мире книг. 1987. № 6. (Е. Радов, А. Никитаев); Аврора. 1989. № 6. С. 116—117 (Л. Друскина); Смена. Л. 1990. 14 апр. (А. Александров, М. Максимов). Автограф,

а также машинопись с пометами М. Мейлаха: «сверено с харьковской рукописью. 19 марта 1966 г.» и А. Александрова: «Сверено с автографом <...>. Следует однако пояснить, что эта машинопись, возможно, была проверена автором. 15.X.65». Здесь публикуется по автографу. Недостающий фрагмент, находившийся на оторванной части листа, восстановлен по машинописи (со слов не замечаю что они различны до мне жалко что на этих листьях включительно). «Домашнее» название этого стихотворения — «Ковер гортензия», так именует ее в своих статьях и комментариях Я. Друскин.

мы выйдем с собой погулять в лес — было: с тобой; т переправлено на с.

она находит себя и пустую земную воду — пустую переправлено из неразборчивого слова.

многим многим лучше поверьте — второе многим вставлено над строкой.

частица дня единица ночи — вначале было часть дня и единица ночи, вариант не зачеркнут.

человек наблюдающий аршины (2-й раз) — после этого зачеркнуто:

[Мне жалко что я не питание, / не тишина и не море к вечеру].

Мне жалко что я не чаша — Перед этим зачеркнуто:

*Где лось идет бумажный
дорогой будто Бог.
где бьет фонтан отважный
мы видим сколько блох?*

может быть в ответ молчит — было: [про]молчит.

они меня страшно запутали. — Дальше — более крупным почерком (как будто после паузы).

и мигом качаются деревья — было качн[ул]<ись>.

Мне страшно что все приходит в ветхость — перед этим зачеркнуто начало строки: *[Я ви]<жу>.*

и я по сравнению с этим не редкость. — После этого было: *[и обдуваемой вет]<ром>.*

Мне жалко что я не семья — первоначально было *страшно*, поверх этого написано *жалко*.

Примечание Друскина (1977): «Перед тем, как читать мне «Ковер гортензия», Введенский сказал: «эту вещь должен был написать ты, потому что это философский трактат».

В статье «Авторитет бессмыслицы» Друскин пишет:

«У Введенского есть поиски души: почему я не орел, почему не ковер Гортензия... Хлебников нашел бы, что он и орел и ковер Гортензия. Его заполня-

ло содержание души, он терялся в содержании души, поэтому терял и душу. Он не понимал, что находит свою душу именно тот, кто теряет (Евангелие)».

В «Разговорах» Л. Липавского имеется замечательное обсуждение только что прочитанного текста, где Введенский, в частности, говорит: «Это стихотворение, в отличие от других, я писал долго, три дня, обдумывая каждое слово. Тут все имеет для меня значение, так что пожалуй о нем можно было бы написать трактат. <...> Повторений здесь много, но по-моему, лишнего нет, все они нужны, если внимательно присмотреться, они повторяют в другом виде, объясняя. И “Свеча-трава” и “трава-свеча”, все это для меня лично важно» (см. Приложение).

42. ПОТЕЦ — Фонд, № 57. ПСС № 28; Звезда. 1989. № 10. С. 181—183 (А. Александров); Даугава. 1990. № 10. С. 107—111 (М. Мейлах). Печатается по общей авторской машинописи, включающей в себя «Потец», «Некоторое количество разговоров» и «Елку у Ивановых» и привезенной Введенским из Харькова в Ленинград, как явствует из примечания Т. Липавской, в трех экземплярах для Липавского, Друскина и Хармса. Сохранился только экземпляр Липавского, похоже, 3-й под копируку.

Несутся лошади как волны — здесь «иероглифическое» сравнение (ср. выше о *лошади* — проводнике в нижний мир и *волне* — части *моря* и знаке колебания между жизнью и смертью) маскируется под традиционный поэтизм.

крупным как гроздь винограда — ср. и *труп холодный и большой* («Всё»). Увеличение, «распухание» мертвого тела означает у Введенского, видимо, не столько физиологический процесс, сколько грандиозность, «распухание» самой темы смерти, ее значительность.

Над ним проплывали княгини — слово *княгини* (очевидно, не разобранное при перепечатке) вписано чернилами поверх машинописного отточия, согласно примечанию Т. Липавской, автором.

Прощай пьедестал — ср. ниже *Отец сидел на бронзовом коне* — отсылка к строке А. С. Пушкина «Кумир на бронзовом коне» («Медный всадник»; подробнее см. «Бедный всадник, или Пушкин без головы» (Приложение). У мальчика, выросшего в Петербурге, и сам памятник Петру, и эта строка вполне могли застрять на очень глубоких уровнях подсознания.

Часть третья — перед этим обозначением повторяется заглавие *ПОТЕЦ* — возможно, недосмотр при перепечатке, просто третья часть представляла собой отдельную рукопись.

И казалось, что разным чувствам — в оригинале опечатка: *чувством*.

то как Днепр бежала по комнате — ироническая отсылка к гоголевским «лирическим отступлениям», стилистика которых травестируется в этом абзаце.

Ты уже леденец — Переосмысление слова в пользу семантики «льда»; ср. «иероглифы» *снег, лед, зима*.

Нянька стала укладывать отца спать, превратившегося в детскую косточку. — Та же близость детства и смерти, колыбельной и отпевания — в начале стих. «Факт, Теория и Бог»: *магнит малюток и могил*.

Лучше рассыпайся. — Игра слов, отсылающая к образам «рассыпанного», дробящегося мира (ср.: *Весь рассыпался мир. Дормир Носов, дормир* — «Кругом возможно Бог»; *Все распадается на последние смертные части* — «Серая тетрадь», и пр.)

43. «ВДОЛЬ БЕРЕГА ШУМНОГО МОРЯ...» — Фонд, № 56. ПСС № 83. Автограф. Текст оборван. Второй стихотворный кусок (колыбельная) записан с более широкими пробелами таким образом, что столбец подравняется и по правому полю.

Некоторые слова оторваны вместе с уголком, поэтому возможны конъектуры: <уже> и *надвигалась ночь*; <когда (если?)> он не слышал вопроса; <...>он внезапно, но не неожиданно; <...>и сразу спел новую песню.

Датируется приблизительно: «Г. Б. Викторова вспоминает, что Введенский напевал это стихотворение, укачивая сына. Сын родился осенью 1937 года, поэтому стихотворение было написано по всей вероятности в 1937 или 1938 г.» (примеч. Я. Друскина).

44. «ЯСНО, / НЕЖНО / И СВЕТЛО...» — Фонд, № 47. ПСС № 82. Автограф. После слов *все пляшут* цвет чернил меняется на более яркий, возможно, этот кусок приписан позже. На обороте — детские рисунки (два танка) и нехитрые вычисления с надписями: *ск<олько> было* и *вся зад<ача>* — вероятно, то и другое рукой Бори Викторова. Предположительно датировано Я. Друскиным сверху карандашом.

Здесь после характерной обэриутской концовки несохранившейся пьесы следует довольно редкая вещь — авторская запись обсуждения текста, прочитанного узкому кругу друзей (Хармс, Друскин, Липавский?). В примечании Друскин пишет:

«Конец этого незаконченного отрывка носит автобиографический арактер. Введенский в некоторых из своих вещей в конце стихотворения писал: все.

Дальше сказано, что друзей у поэта «было не больше трех человек»: после ареста Н. Олейникова друзей осталось трое: Л. Липавский, Д. Хармс и я.

Обсуждение стихотворения начал тот из друзей, «который показался поэту рыжеватым». Л. Липавский был «рыжеватым» и обычно он начинал обсуждение.

Четыре вопроса, которые задал поэту «рыжеватый», напоминают стиль и характер языка Л. Липавского.

Как понимать слова поэта, высказывающего, повидимому взгляд Введенского: «Самого же меня удивляет не очень приятным образом, наличие национального в моих вещах»? Так же, как понимал ап. Павел, сказавший, что во Христе «нет ни иудея, ни язычника, ни раба, ни свободного, ни мужчины, ни женщины»». Ср. о «национальном» «Рецензию» из записной книжки Хармса (в Приложении).

45. НЕКОТОРОЕ КОЛИЧЕСТВО РАЗГОВОРОВ — Фонд, № 56. ПСС № 29; Разговор об отсутствии поэзии: Смена. Л. 1990. 14 апр. (А. Александров. М. Максимов); Московский наблюдатель. 1991. № 5. С. 48—51 (А. Г.). Машинопись по копирку, см. примеч. к пьесе «Потец». Подробный анализ этого текста дан Я. Друскиным в исследовании «Звезда бессмыслицы». Здесь, как и в предыдущих публикациях, исправлены незначительные опечатки типа *по-соему*, *я входу* и пр.

Темник, как пишет М. Мейлах в своих примечаниях, — книга толкования снов. Больше, однако, нигде такого значения этого слова не обнаруживаем.

2. Разговор об отсутствии поэзии

В этом Разговоре пародийному остранению с помощью иронических ремарок подвергается немецко-романтический, извините за выражение, «дискурс», что особенно интересно рядом с темой «немецких романтиков прошлого века» в «Разговорах» Липавского: «Д. Д.<Михайлов>: Мы соответствуем немецким романтикам прошлого века, они ничего реального не дали, но остались в истории. — И он раздавал роли, кому Шлегеля, старшего или младшего, кому Новалиса, Шлейермахера и других». Отсылка к «Генриху фон Офтердингену» в примечании М. Мейлаха к *Разговору купцов с банщиком* (в связи с тем, что у Новалиса купцы тоже говорят хором, как единый персонаж) позволила обнаружить здесь прямую параллель с вышеупомянутым романом Новалиса:

«— Нам самим приятно вспомнить, — продолжали купцы, — о многих часах, проведенных в Италии, во Франции и в Швабии в обществе певцов, и мы рады, что вы с таким интересом внимаете нам.

В старые времена вся природа была, вероятно, более живой и восприимчивой, чем в наше время. Многое, что теперь, кажется, едва замечают даже звери и что чувствуют и с наслаждением воспринимают только люди, в то время ощущалось даже бездушными предметами; поэтому люди, обладавшие высоким художественным даром, создавали тогда много такого, что нам теперь кажется невероятным и сказочным. Так, в древние времена <...> были поэты, пробуждавшие дивными звуками волшебных инструментов тайную жизнь лесов, духов,

спрятанных в стволах деревьев; <...> укрощали зверей, смягчали нравы дикарей, вызывали в них кроткие чувства, насаждали мирные искусства, превращали стремительные потоки в тихие воды и даже увлекали мертвые камни в стройные движения мерного танца. <...> Странно только то, что хотя прекрасные следы этого и остались на память о благодетелях человеческого рода, но самое их искусство или же тонкое чутье природы утратились» (Пер. А. Р. Минцловой).

3. Разговор о воспоминании событий

временно совершенно изменив свое лицо — в машинописи после временно стоит запятая, взятая карандашом в скобки.

Я захожу в твою комнату и вижу тебя — в машинописи опечатка *я захожу*; слова *вижу тебя* взяты карандашом в квадратные скобки.

но я на время забыл что ты есть — в машинописи *но не на время*, исправлено карандашом на полях.

этих свидетелей — взято карандашом в квадратные скобки. На полях слева надпись: *синих перьев. Их наверно никогда не было*. Тема *синих перьев*, выпавшая из окончательной редакции, присутствует во фрагменте первоначальной редакции (1936), приведенном в ПСС на с. 309: *Тогда я сказал: (я помню) на том шкафу на точ<ке> С> была шляпа с синими перьями, и (я помню) на том комоде <на точ>ке D была шляпа с синими перьями, и (я помню) под сту<лом> и по кровати на точках x, y, z были шляпы с синими перьями. Тогда ты встал, ты сел, ты лег, ты умер, ты изменился (ты вновь стал прежний), и все это произошло в одно мгновение, и улыбаясь сказал: я помню синие перья, но где они, их нигде не видеть. Во всем остальном, кроме существования синих перьев на этих точках x, y, z, мы были почти уверены. Но все это было не так*.

4. Разговор о картах

По-моему это предложение относится и ко мне — в машинописи опечатка *По соему* (но вряд ли *по-своему*).

«Когда я ищу общую тему третьего и четвертого Разговоров, — пишет Я. Друскин, — <...> Тогда первый из этих двух Разговоров можно назвать Разговором о невозможности вспомнить событие, второй — Разговором о невозможности начать событие».

5. Разговор о бегстве в комнате

Мотив «убегания» (ср. в «Кругом возможно Бог»: *с трудом бежит ... Я убежал не весь*), как кажется, связан с «иероглифом» *каре́та* (ср. «Человек веселый Франц...», «Святой и его подчиненные»), фигурирующем в первом Разговоре, аллюзией на тот же финал «Горя от ума»: «Беги, не оглянься <...> Карету мне, карету!»

вокруг статуи — ср. сквозной мотив *статуи/памятника* как посмертной ипостаси человека в других текстах Введенского, а иногда и Хармса.

7. Разговор о различных действиях

три тапира — *тапира* напечатано вместо отточия (видимо, первоначально не разобрано лицом, перепечатававшим текст).

не <пищи> — В машинописи: *не к....* Предложение, высказанное в примечании Т. Липавской 1977 г., читать это место «кы, только букву ы произносить не как букву ы, а как некая неопределенная краткая гласная» представляется не вполне убедительным. Наиболее вероятно конъектура «не пищи» (характерный для Введенского глагол): слово с отделенной вследствие особенности почерка первой буквой не разобрано лицом, перепечатававшим текст.

8. Разговор купцов с банщиком

Монолог банщика отчеркнут карандашом по левому полю. В машинописи во всех случаях — *банщик, банщица*. Семантика слова *купец* в данном контексте переосмыслена в пользу «купания», однако будем иметь в виду и мотив «покупки сна» в «Святом и его подчиненных»; ср. музыкант-отвлеченного *купец* («Кругом возможно Бог»).

<Проят> денег — пропуск в машинописи; конъектура (не слишком ли очевидная?) предложена, как следует из примечания Т. Липавской, Я. Друскиным.

Отец и всадник и пловец — ср. «Потец», где умерший отец превращается во всадника, и вообще сквозной мотив *всадника* как мысли о смерти («Ответ богов», «Гость на коне»), существующий в мифопоэтической традиции. Мотивы плаванья и утопленничества связаны с иероглифом *вода* = смертное пространство; ср. *я купаюсь я купаюсь <...> и я в котле и я в котле <...> я купаюсь я купаюсь* — текст, который произносит в «Минине и Пожарском» Отец — очевидно, умерший, как и прочие персонажи этой пьесы. Таким образом, квазиалогизм становится объяснимым в предлагаемой восьмым Разговором ситуации бани-ада (ср. сакральное значение бани).

Мы хотим купаться — опечатка *Ты* вместо *Мы*; подчеркнуто карандашом, с вопросительным знаком (очевидно, Я. Друскиным).

9. *Предпоследний разговор под названием один человек и война* — ср. сквозной «иероглиф» *война* или *битва*, упрощенно сводимый к битве с мыслью о смерти в человеческой голове. При этом застрявшие в подсознании детские впечатления от первой мировой войны, как видим, оказали немалое влияние на формирование внутреннего мира Введенского; ср. «Минин и Пожарский», «Четыре описания» и др.

внемлю — над *е* проставлено карандашом ударение.

великий князь К. Р. — Константин Константинович Романов (1856—1915), по совместительству поэт. (Философа *Канта* прокомментировал Б. Викторов.)

Что же такое — здесь на полях справа карандашом поставлена галочка.

но пуча / убитые очи — в машинописи *куча*, явная ошибка при перепечатке.

как лошади бегали ночи — в машинописи ноги (то же самое). Обе ошибки исправлены в ПСС.

Нигде я не вижу надписи <...> — Ср. сожаление о том, что на листьях нельзя увидеть *незаметных слов*, в стих. «Мне жалко, что я не зверь...»: проблема отсутствия надписей, которые могли бы объяснить человеку непонятный мир. В некотором смысле «иероглифы» — попытка самостоятельно исправить этот недостаток. В данном случае ирония в том, что окно имеет вид буквы (и тем самым является частью надписи?), но говорящий, наверное, этого не замечает.

46. ЕЛКА У ИВАНОВЫХ — Фонд, № 57. Грани. 1971. № 81. С. 84—108 (М. Арндт); ПСС № 30; Полярная звезда (Якутск). 1990. № 3. С. 66—77 (Е. Радов); Ново-Басманная, 19. 1990. С. 365—385 (М. Мейлах). Машинопись под копирку, см. примеч. к пьесе «Потец». Год проставлен дважды, в начале и в конце, но, видимо, не автором. Здесь, как и в предыдущих публикациях, исправлены незначительные опечатки.

Всегда. Мы видим труп — в машинописи опечатка *видели* вместо *видим*.

Коль конь не виноват — в машинописи «Конь конь не виноват»; в ПСС указано, что поправка была предложена А. Найманом.

Лесорубы поют хором *гимн* — в машинописи между словами *хором* и *гимн* — увеличенный пробел.

Потом мы вышли из театра, <я> позвал лихача — в машинописи *и позвал лихача* (возможно, правильно *и я позвал лихача*).

<Я> закричала беспросветным голосом — В машинописи: *Не закричала беспросветным голосом* (опечатка?).

Вас не удивляет, что я разговариваю а не лаю — в машинописи вместо *лаю* явная опечатка *даю*.

Не дождавись Рождества — *я умер* — опечатка: *я умею*.

Вот я уже и сходил — опечатка: *входил*.

НЯНЯ (шепчет). Делай вид, что ты идешь — После этого большой пробел — около 4 строк.

ПУЗЫРЕВА МАТЬ. Что она говорит. — После этого пропущено две строки. С этого места до конца многое полустерто, восстановлено чернилами, видимо, автором, т. к. идентично слову *княгини* вместо *отточия* в пьесе «Потец».

Нож или бритва еще быстрее — *быстрее* восстановлено чернилами, могло быть и *острее*.

Апофеоз выучившегося *простого человека* Федора на фоне краха «буржуйского» семейства в финале пьесы, вкупе с предшествующей одиозной цитатой *учиться, учиться и учиться*, — редкий для Введенского пример

откровенного глумления над народовольческим пафосом, отношение к которому в принципе ясно и из других вещей (ср. «Очевидец и крыса», «Четыре описания»).

Пьеса явно апеллирует к русской драматической традиции, более всего к Чехову, что неоднократно отмечалось исследователями. Остроумнее всех это получилось у Режисера Гейро в докладе на Белградской конференции 2004 г.: он делает игровое предположение, что Соня из «Дяди Вани» вышла-таки замуж за Астрова, но «для того, чтобы сохранить какую-то долю тайны», несколько изменила эту фамилию и стала Островой. «Астров думал и думал только о лесах, все говорил и говорил о деревьях <...> Соня Астрова-Острова после брака немало страдала и скучала <...> Кажется, Соня стала эротоманкой. Хотя ей и 32 года — она девушка не вполне развитая. Это нередко бывает у жен пропагандистов. Именно из-за этого неприличия нянька Аделина Францевна хватается топор и отрубает ей голову.

Итак, Соня Острова погибла под ударом орудия, которое так ненавидел поклонник деревьев Астров» (Белград 2004. С. 332—333).

Ниже Р. Гейро изящно притягивает к Аделине Францевне Шметтерлинг, с одной стороны, Шарлотту Ивановну из «Вишневого сада», а с другой — Шметтерлинка из пьесы И. Терентьева «Иордано Бруно», к лесорубу Федору — Лопихину, к Пете Перову — Петю Трофимова, подмешивает туда же роман И. Зданевича «Восхищение» и «Кукольный дом» Ибсена, — и заканчивает пассажем, который хочется процитировать:

«Я вас больше не задержу. Я отлично чувствую, что этот неакадемический тон не всем нравится. Об абсурдности в литературе принято говорить серьезно и даже немного угрюмо, как будто подчеркивая весь тайный смысл <...> Тем самым теряется понятие о *froehliche Wissenschaft* — как бы сказал Ницше — которое, мне кажется, должно было бы вдохновить наши исследования <...> Игра «Введенского» с реминисценциями хорошо описывает, что время движется не в одном направлении, как мы обычно думаем — от прошлого до будущего, а в двух — туда и обратно <...> «Елка у Ивановых» — это в какой-то мере игра с темой памяти, и, используя реминисценции, разговаривая с Чеховым или Ибсеном, Введенский делает ощутимой эту обратимость времени, делает явственным то, чему нет начала и нет конца» (С. 342).

Другой исследователь, Виллем Г. Вестстейн, рассматривает пьесу как аллереорию «истребления русского народа» при Сталине, — зато он единственный, кто заметил, что Варю-то Петрову Введенский оставил в живых (Белград 2004. С. 296). Думается, однако, что виной тому не симпатия автора к 17-летним девочкам, а простой недосмотр. По недосмотру же в одну из первых публикаций просочилась фраза «дети или просто черти» в перечис-

лении действующих лиц; впоследствии оказалось, что там стояла фигурная скобка и помета составителя, адресованная верстальщику: «или просто черта» (сообщено Ж.-Ф. Жаккарот). После всего этого тот факт, что заявлены в перечислении одни второстепенные лица, а действуют другие, можно даже не замечать.

47. ЭЛЕГИЯ — Фонд, № 55. Материалы. С. 113—115; ПСС № 31; Новый мир. 1987. № 5. С. 213—214 (В. Глоцер); Огонек. 1988. № 17. С. 16 (Е. Евтушенко (sic!)). Об окончательной редакции стихотворения см.: Русская мысль. Париж, 1989. 23 июня. Лит. прилож. № 8 (М. Мейлах).

В архиве два экземпляра: автограф, сохранившийся не полностью, и довоенная копия рукой Я. Друскина, который в примечании пишет:

«Элегия переписана мною с автографа, в крайнем случае с хорошо проверенной копии, сделанной Д. Хармсом.

Нумерация строк и строф сделана мною.

Слова «вот» и «тень» подчеркнуты, т.к. в оригинале написаны неразборчиво. Но в московской копии, хранящейся у <Л. Г.> Шпет, стоят те же два слова, что и у меня. В конце слово «лети» написано М. Мейлахот: так стоит в московской редакции.

Рукописные авторские отрывки — не окончательная редакция <...> (далее оговариваются расхождения копии с черновиком).

Списки нескольких слегка разнящихся (окончательных?) редакций находятся в частных собраниях и частично опубликованы, в том числе в интернете. Текст печатается по рукописному автографу, за исключением отсутствующих фрагментов, восстановленных по друскинской копии (строфы с первой по четвертую, кроме последних двух строк), и с некоторой корректировкой по этой копии.

Эпиграф, как утверждал И. Бахтерев, взят из его стихотворения 1927 г., также под названием «Элегия»: «Заканчиваю элегию, там — на своей телеге я».

На обороте черновика записи: 83-40. А. А. Фадеев. И5-75-85 (фамилия подчеркнута чрезвычайно жирной чертой), и зачеркнутый фрагмент, написанный теми же чернилами и почерком, что и «Элегия», возможно, внезапно настигшая автора в процессе очередной попытки заработать литературным трудом: *Ребята знаете ли вы / получил я вчера / посылку из Москвы*, — а также полустертый карандашный список лошадиных мастей, в столбик: *белая, вороная (черная), гнедая, рыжая, пегая, сивая, серая*, — но его ли это рука, и имеет ли эта запись какое-либо отношение к теме коня (зеркальной масти) и *сумрачных коней* из «Элегии», определить сложно.

Вот воин плавая навагой — на обороте первой страницы черновик:

*Где воин закусив навагой
[Ис] Наполнен важною отвагой
с морской волнующейся влагой
вступает в бой неравный.
Где конь в безумные ладони
кладет огонь лихой погони
и пляшут сумрачные кони
в руке травы державной
[Там] Где листья носятся сухие*

(не ясно, переправлено *Там* на *Где* или наоборот).

наполнен важною отвагой — так же в рукописной копии В. Н. Петрова (ИРЛИ. Ф. 809, № 91) и в копии Т. Н. Глебовой (довоенная копия карандашом, хранится в собрании Е. С. Спицыной). В копии Друскина *Исполнен*. Вариант *наполнен*, однако, представляется более верным, т.к. *исполнен* требует родительного падежа.

нам тем кто как зола остыли — так в автографе, а также в копиях Петрова и Глебовой. У Друскина *нам тем что как зола остыли*; он и Т. Липавская считали, что этот вариант правильнее и благозвучнее.

Я с завистью гляжу на зверя — было *глядел*, переделано.

умов произошла потеря — в черновике: *[ум[ам] уж суждена] потеря. и даже музыки гуденье* — было: *и даже [слова восхождение]*.

их развешаются косицы / халаты их блестят как спицы — в копиях Петрова и Глебовой так же; в друскинской копии строки поменяны местами.

лети без промедленья — так же у Петрова и у Глебовой; в копии Друскина — *гони без промедленья*.

в рог не трубят — зачеркнуто: *не трубят в рог* (очевидно, с перенесением ударения).

На смерть! на смерть! — в копии Друскина: *на смерть, на смерть*; у Петрова и у Глебовой без знаков препинания.

Примечание Друскина: «Татьяна Николаевна Глебова передала мне, что Введенский перед чтением Элегии сказал: это стихотворение отличается от прежних моих вещей. И еще до того, как Татьяна Николаевна передала мне слова Введенского, мне казалось, что Элегия — единственная вещь Введенского, в которой нет «звезды бессмыслицы». Например, во второй половине строфы II — «волшебные ладони», или «рука травы державной», это копыта коней и земля, по которой они бегут. Метафорическое выражение

создает впечатление ритуального танца коней, подчеркивая противоречие между *миром, как снег прекрасным*, и нашим ничтожеством».

48. ГДЕ. КОГДА — Фонд, № 50. ПСС № 32; Аврора. 1989. С. 119—120 (Л. Друскина). Автограф, местами испорченный (оборванные края, кляксы). Название как единое целое существует лишь условно, озаглавлены отдельно две части: *Где* и *Когда*. Вопрос с заглавными буквами в началах строк решается с трудом, а то и не решается вовсе.

Я. Друскин пишет: «Читая “Где. Когда” людям, которые впервые слушали эту вещь, а некоторые из них и вообще мало знали Введенского, я наблюдал впечатление, которое она производила на них: они вообще не замечали недостатка или отсутствия субтекстового сообщения, “бессмыслицы”, заключенных в ней. Я думаю, если б я спросил их: понятно ли вам “Где. Когда”, — они удивились бы и сказали: а что здесь непонятного? Семиотичность текста, текстовая семантика здесь настолько ясна и прозрачна, что субтекстовую бессмыслицу замечаешь только при внимательном и тщательном анализе. Но именно эта субтекстовая бессмыслица и создает высшую семиотичность текста».

я обнимал в лесу тропу — первоначально: *тропинку*.

дубов гробовый видел дом / коней и песню вел вокруг с трудом — в рукописи эти строки выглядят так: *дубов [и жирных елок] гробовый видел дом / [дубов и [мощных] пчелок]*; во второй строке поверх *[дубов и]* написано *коней и*; после этой, целиком зачеркнутой строки написано: *и песню вел вокруг с трудом*. Можно предположить, что вариант *коней и* не зачеркнут по недосмотру, окончательный же вид строки — *и песню вел вокруг с трудом*.

выходил на реку — было *приходил*, переправлено.

и слушал твой речной прибой — было *слышал*, переправлено.

дубы безумные умели — было *[они как выстр]<елы>*.

Пусть брызжет пена — в оригинале *брыжжет*.

Бежит забота скучной уткой — было: *[скала морская]*. В слове *уткой*, похоже, была первая буква, стершаяся на сгибе, так что, возможно, правомерно прочтение *шуткой*.

цепенеет — слово подчеркнуто двойной чертой.

Взглянет ли он на море — в слове *взглянет* описка, пропущена буква з.

Все эти шестерки. пятерки. — ср. «Пять или шесть».

Которая была ему верная подруга — на самом деле у Пушкина сказано «звучная подруга».

На оборотах — фрагменты рассказа для детей «О девочке Маше, о собаке Петушке и о кошке Ниточке» (машинопись с рукописной авторской правкой), содержание коего некоторым образом коррелирует с темой ку-

да-нибудь, когда-нибудь уезжать и с последующими событиями, о которых, в частности, подробно рассказывает Б. А. Виктор (в Приложении). Вот текст с оборота второй страницы:

— Ах, — сказала мама, — хотя у меня и есть в Сухуми подруга, но все-таки как же я поеду, куда я дену сына и дочь?

А доктора отвечали:

— Этого мы не знаем, это уже ваше дело, одно только помните, что вам нельзя ни беспокоиться, ни волноваться, ни огорчаться. Ну, до свидания, мы пошли.

— Ах, — говорила мама, — что же мы будем делать? Никак, я не могу уехать.

Но вечером пришел к маме папин товарищ, летчик Сергей <Петро>вич, и сказал:

— Ну что вы волнуетесь, как вам не стыдно. Колю ваш<его я> возьму к себе на это время. Ему нельзя школу бросать. У мо<его> сына Мити в комнате кроме кровати хороший диван стоит, на <нем> Коля и спать будет. А вы с Машей спокойно поезжайте. Хоро<шо?>

— Хорошо, — сказала мама, — спасибо вам, Сергей Пет<рович>!

— Хорошо, хорошо, — закричали Маша и Коля, — и мы со<гласны!>

И [все] начали собираться в дорогу.

[и вскоре после этого мама и Маша уехали].

На последней странице внизу, поперек, карандашный список:

Маме	7
Масло	14 р.
Папир<осы>	4 р.
Марш.	3
Груши	2
Булка	70

30 р. 70

Марш., по догадке М. Амелина — С. Я. Маршак, у которого Введенский, возможно, шибал трешку.

Приложение

А. Л. Дмитренко

Некоторое количество документов к ранней биографии А. И. Введенского

I

Дед-священник и дед-генерал. — Родители. — Кадетское воспитание. — Гимназия. — Преподаватели и друзья. — Как характеризовали Введенского преподаватели. — Литературный кружок «Костер». — Письмо к Блоку и визит к Гумилеву

Дед Введенского по отцовской линии был священником, имел приход в Орловской губернии (село Петропавловское Елецкого уезда) [1]. От предков-священников и произошла характерная для духовного сословия фамилия. Отец — Иван Викторович Введенский (1870—1939) — в 1893 году закончил юридический факультет Университета Св. Владимира (Киев) и поступил рядовым вольноопределяющимся в лейб-гвардии Волынский полк. Закончив курс Киевского пехотного юнкерского училища, в 1895 году был уволен в запас армейской пехоты в чине подпоручика. В дальнейшем служил по гражданскому ведомству — сменив ряд должностей (земский начальник, мировой судья, чиновник особых поручений при Виленском, Ковенском и Гродненском генерал-губернаторе), в 1903 году был назначен чиновником особых поручений при Переселенческом управлении Министерства внутренних дел. В ноябре того же года женился на дочери генерал-лейтенанта И. М. Поволоцкого [2]. Евгения Ивановна Поволоцкая-Введенская (1876—1935) впоследствии стала известным в Петрограде врачом-гинекологом, работала в Императорском гинекологическом инсти-

туте, вела частную практику [3]. Иван Викторович вместе с семьей находился в длительных разъездах по делам службы [4], пока в конце 1909 года не получил место в петербургском отделении Крестьянского поземельного банка и не обосновался в столице. В 1910—1918 годах Иван Викторович занимал должность старшего делопроизводителя в этом банке. На момент рождения сына Александра он был коллежским асессором, Февральскую революцию встретил уже в чине статского советника [5]. В семье было четверо детей: Александр, Владимир (1906—1971), впоследствии ставший адвокатом, сестры Евгения (1908—1946) и Евлалия (1909—1920).

Братья Введенские были определены в петербургский Николаевский кадетский корпус [6]. Александр поступил в кадеты, очевидно, в 1914 году. Известно, что военное воспитание сказывалось на внешнем облике, манерах и даже голосе мальчиков (в качестве примера вспоминается, в частности, один из героев повести И. С. Тургенева «Первая любовь», который говорил «сиплым, прямо кадетским голосом») [7]. Характерно, что после трех лет обучения в корпусе соответствующие «отличительные черты» появились и у Введенского. Преподавательница французского языка в Гимназии имени Л. Д. Лентовской, куда вскоре перевелись братья Введенские, отметила у Александра наряду со «склонностью пошалить» и способность «легко подтягиваться» — поскольку, по ее словам, в нем «есть следы кадетской выправки» [8].

25 апреля 1917 года Евгения Ивановна Введенская подала прошения о помещении сыновей в Петроградскую Общественную гимназию имени Л. Д. Лентовской [9]. Иван Викторович в то время находился на действительной военной службе в ополчении. Можно предположить, что не последнюю роль в выборе матери сыграли опасения за судьбу детей, ставшие актуальными в перспективе затянувшейся войны. Александр Введенский экзаменовался по восьми предметам и по постановлению Педагогического совета 4 мая 1917 года был принят в четвертый класс. Он получил «четверки» по Закону Божьему, русскому и французскому языкам и истории, по всем же остальным предметам — «тройки» [10]. И в последующие два года Введенский был выше аттестован именно по этим предметам: оценки «отлично» и «хорошо» в классных журналах соседствуют со стабильным «удовлетворительно» по математике, естествознанию и немецкому языку [11]. Учился он лучше своего младшего брата Владимира, который, насколько мы можем судить, был «круглым троечником» [12].

Гимназия была образована в 1906 году из числа «неблагонадежных» преподавателей, изгнанных из правительственных гимназий в годы революции. По изустным преданиям, она «была создана известной петербургской благотворительницей, состоятельной женщиной и светской дамой,

не чуждой либерализма и даже некоторого радикализма с социалистической окраской, одним словом, передовой по тому времени личностью Лидией Даниловной Лентовской. <...> Дух в этой гимназии был, если не революционный, то во всяком случае леволиберальный и безусловно оппозиционный, сохранившийся до самого 1917 года» [13]. С момента основания и до 1922 года во главе гимназии стоял талантливый педагог и администратор Владимир Кириллович Иванов, который добился в 1917 году уравнивания гимназии с правительственными. Стараниями руководства здесь сложился сильный преподавательский коллектив. А. С. Корженевская (1905—1999), учившаяся в выпускном классе вместе с А. И. Введенским, вспоминала: «Особенно сильное впечатление производили ведущие для нашего выпускного класса педагоги — Л. В. Георг [14], преподававший литературу, П. Ю. Германович — математик, и историк А. Ю. Якубовский, он же классный воспитатель нашей 20-й группы [15]. Каждый класс в школе делился на 2 группы примерно до 15—20 человек в группе (в нашем классе было 2 группы — 19-я и 20-я), и у каждой группы был свой воспитатель» [16].

Александр Введенский был самым младшим из будущих «чинарей», учившихся в этой школе (Яков Друскин закончил школу в 1919-м, а Липавский в 1920 году). Он учился в одном классе с Тамарой Мейер (своей будущей женой, а с 1931 года — женой Леонида Липавского) и с Михаилом Друскиным (братом Якова Друскина). Из одноклассников был особенно дружен с Михаилом Друскиным — впоследствии известным музыковедом, профессором Ленинградской консерватории. А. С. Корженевская вспоминала: «По характеру Введенский был полной противоположностью Мише Друскину — взбалмошный, порывистый, мобильный, далеко не всегда последовательный, так сказать, “более трудный” для преподавателей. Друскин вел себя гораздо более сдержанно, уравновешенно, как человек, знающий себе цену. Весной 1921 года Шура много общался также с Леней Липавским, который иногда приходил в школу, хотя и закончил ее к тому времени. Общались они, кажется, больше по делам “литературным”. Миша Друскин держался в стороне, литература его интересовала в меньшей степени» [17].

Приводим некоторые из отзывов этих преподавателей о Введенском, выбранные из классных журналов. К сожалению, школьный архив сохранился фрагментарно, и нам удалось обнаружить отзывы об учениках только за 1917/1918 и 1918/1919 учебные годы. Наиболее развернутые характеристики учеников мы находим у А. Ю. Якубовского, который был наставником класса, где учился Введенский [18]. Преподаватель русского языка Л. В. Георг в списке учеников «по способностям» поставил Введенского на третье место в классе — вслед за Михаилом Друскиным [19].

1917/1918 учебный год

<Из отзыва преподавателя А. Ю. Якубовского о занятиях по истории>

Общ<ие> успехи Хорошо

Общее развитие, способности, поведение в классе, влияние на товарищей и пр<очее>

Прекрасный, быть может лучший по моему предмету ученик в классе. Развита, способна, активна, в беседах интересна. Влияет на класс благотворно.

<Из отзыва преподавателя Л. В. Георга о занятиях по русскому языку>

Общ<ие> успехи 4

Исправность в приготовлении уроков Исправна

Внимание Хорошее

Интерес к предмету Большой

Общее развитие, способности, поведение в классе, влияние на товарищей и пр<очее>

Хороший человек; развита, способна, но чрезмерно болтлива с учителем. Говорит охотно и много. Необходимо останавливать. Любопытна, но в суждениях не самостоятельна и поверхностна. Несмотря на свой рост, еще большой ребенок.

<Из отзыва преподавателя Е. К. Озол о занятиях по математике>

Общ<ие> успехи 3

Общее развитие, способности, поведение в классе, влияние на товарищей и пр<очее>

Прилежная, исправная ученица, способности небольшие. Успевает. Поведение удовлетворительное [20].

1918/1919 учебный год

<Из отзыва преподавателя А. Ю. Якубовского о занятиях по истории>

Общ<ие> успехи Хорошо

Общее развитие, способности, поведение в классе, влияние на товарищей и пр<очее>

Один из способных учеников класса. К сожалению, обнаруживает такие черты, которые в будущем мало хорошего обещают ученику. Несмотря на высокую для возраста и класса интеллигентность, проявляет во всем легкомыслие и поверхностность. С пылом молодой, юной души бросается на что-нибудь новое, но очень скоро остывает. Склонности и вкусы ученика

в гуманитарной области. Но и здесь мало устойчивого. Мнения меняет быстро и не смущаясь. Сам жалуется, что лишен твердой воли. В оценках своих очень строг, на что не имеет однако права. Чересчур самонадеян и несколько влюблен в себя. К товарищам отношение неровное и несерьезное.

<Из отзыва преподавателя Л. В. Георга о занятиях по русскому языку>

Успехи: Устн<ые> Х<орошо>

Письм<енные> У<довлетворительно>

Общ<ие> Х<орошо>

Исправность в приготовлении уроков Испр<авен>

Внимание Хорошее

Интерес к предмету Несомн<енный>

Общее развитие, способности, поведение в классе, влияние на товарищей и пр<очее>

Несколько скоростен в суждениях, но убеждению вполне доступен. Характера неровного, быстро остывает к своим увлечениям. Вкусы гуманитарные. Характера твердого нет.

<Из отзыва преподавателя П. Ю. Германовича о занятиях по математике>

Успехи: Алг<ебра> Н<е>в<ажно>

Геом<етрия> У<довлетворительно>

В чем именно ученик слаб; что рекомендуется преподавателем для повышения успешности

Гастролер. Верхогляд. Мог бы работать много лучше. Способен. Дома ничего не делает [21].

В конце 1917 или в 1918 г. в школе образовалось содружество трех юных поэтов — Введенского, его одноклассника Владимира Алексеева (сына философа С. А. Аскольдова) [22] и Леонида Липавского. Появление этого содружества, очевидно, было связано с деятельностью школьного литературного кружка «Костер». Во всяком случае, уже в первом полугодии 1918/19 учебного года Л. В. Георг упоминает Липавского и Алексеева в числе учеников, которые «много отдают сил на участие и активную работу в литературно-художеств<енном> кружке “Костер”» [23]. Некоторые подробности деятельности этого кружка проясняются благодаря воспоминаниям Б. Н. Лосского (1905—2001). Он, как и Георг, упоминает о причастности к этому кружку В. Алексеева, а также «другого много обещавшего юного поэта-идеалиста» Липавского: «Липавского встречал только старший брат Владимир (Лосский,

впоследствии известный богослов. — А. Д.), в конце весны 1919 года, когда, наверно, благодаря нашей дружбе с Алексеевыми присоединился к группе лентовцев, которым какое-то государственное учреждение предоставило на летний сезон какое-то национализированное имение за Нарвской заставой в качестве огорода для возделывания, частью в свою пользу. Там мой брат объединялся, в частности, с Вовой (Алексеевым. — А. Д.) и Липавским для спиритуалистических философствований. Если не ошибаюсь (говорю об этом очень осторожно!), даже наименование “Костер” для их объединения было ему даровано какими-то его стихами, когда оно окружило зажженный вечером костер. Надо прибавить, что не все огородники-лентовцы (и хозяйки кружка, лентовки) отличались глубокомысленными настроениями. Во всяком случае не англичанин-спортсмен Чешер <...>, который, когда над ним начинали трунить товарищи, грозился насмешникам “дать по мордам”. Прибавлю, наконец, что, когда уже приближалась осень, школьники-огородники, не поладив с предрежащими властями, покидая поместье, пустили в усадебные здания “красного петуха” [24].

В 1917 или 1918 г. Алексеев, Введенский и Липавский написали поэму «Бык Будды» (текст не сохранился), по характеристике Т. А. Мейер (в замужестве Липавской) — «сочувственную пародию на футуризм» [25]. К 1920—1921 годам относится и единственное дошедшее до нас их коллективное стихотворение — «Мы с тобой по аллеям гуляем...». По свидетельству Я. С. Друскина, трое юных поэтов посылали образцы своих стихотворений А. Блоку и Н. Гумилеву; в письме Блоку, датированном январем 1921 г., они просили его сообщить отзыв о стихах по адресу (или по телефону) А. Введенского. Единственным свидетельством прочтения этих стихов Блоком является его помета на письме: «Получил 20.1.1921. Отв<етил> 23.1. Ничто не нравится, интереснее Алексеев» [26]. Письмо к Гумилеву, если оно и было написано, не сохранилось. Сохранился, однако, текст воспоминания Владимира Алексеева о его визите к Гумилеву — в сопровождении неких не названных им спутников [27]. Были ли этими спутниками Введенский, Липавский или кто-нибудь другой, сказать сколько-нибудь определенно сейчас невозможно.

II

Конторщик в бухгалтерии на «Уткиной Заводи». — Отец просит принять сына в Университет. — Анкета студента. — До какого времени числился студентом? — Когда начал писать стихи?

В июне 1921 года Введенский закончил школу, не сдав при этом, как свидетельствует Я. С. Друкин, зачета по литературе [28]. Уже 14 июня

1921 года он поступил работать на строительство электростанции «Уткина Заводь» — конторщиком в бухгалтерию [29]. Устроился он несомненно по протекции отца, который, успев сменить после Октябрьской революции не одно место работы, с середины 1920 года занимал на станции ключевую административную должность — управляющего делами строительства [30]. Александр Введенский, как явствует из его личной карточки, сначала работал конторщиком, а с 15 ноября 1921 года — счетоводом коммерческого отдела [31]. 8 октября 1922 года состоялось открытие станции. С этого времени она получила название «Красный Октябрь» (существует и ныне — ТЭЦ № 5 в Санкт-Петербурге). Благодаря приобретенному здесь «рабочему стажу» Введенский сумел в октябре 1922 года поступить в Петроградский университет. В то время в Университет принимали в основном рабочих, зачисление в студенты осуществлялось по профсоюзным квотам. 14 октября 1922 года в управлении строительства станции Александр получил направление в профсоюз, подписанное собственным отцом:

Р. С. Ф. С. Р.
Комитет Государственных
СООРУЖЕНИЙ.
Строительство Петроградской
Государственной Электрической
районной станции
«УТКИНА ЗАВОДЬ»
14 Октября 1922 г.
№ 6335
Петроград. Исаакиевская пл. д. № 7

В Союз Строительных Рабочих. —

Просим откомандировать на Общественный Факультет (Правовое Отделение) Петроградского Университета сотрудника нашего Александра Ивановича ВВЕДЕНСКОГО. —

Тов<арищ> ВВЕДЕНСКИЙ состоит членом Союза с 1-го Июля минувшего года, членский билет № 3203. Замедление в откомандировании произошло в связи с переобремененностью работы в Строительстве перед открытием Станции 8-го сего Октября. —

/ Главный инженер В. Сперанский
Управляющий Делами Введенский [32].

На этом направлении стоит резолюция секретаря комитета служащих (этот комитет и являлся представителем Всероссийского союза строительных рабочих), фактически переадресовывающая бумагу в университет: «Комитет служащих поддерживает ходатайство товарища Введенского и подтверждает, что задержка в откомандировании произошла вследствие спешных работ по открытию Станции и невозможности в связи с этим отпустить товарища Введенского из Строительства. 14/Х-22 Секретарь М. Базилинский». В университете бумага побывала у ректора Н. С. Державина, который, в свою очередь, отправил ее в приемную комиссию, о чем свидетельствуют еще две резолюции: «Ректору. Препятствует к приему со стороны Ф. О. Н. [33] не встречается 16/Х 22 Е. Энгель», «В Приемную Комиссию». Прошу прошение принять и рассмотреть. 17.Х Н. Державин». Получив резолюцию ректора, Введенский на следующий же день подал заявление о приеме в число студентов и заполнил анкету. Эти документы, полностью написанные рукою Введенского, приводятся ниже.

В Приемочную Комиссию при
П. Т. Г. Университет
А. Введенского

Заявление

Прошу зачислить меня в число студентов «ФОН»а правового отделения.

А. Введенский
18/Х 22 [34].

Анкета

- 1) **Наименование учебного заведения** Петроградский Университет
- 2) **Факультет или отделение** Ф. О. Н.
- 3) **Фамилия, имя и отчество** Введенский Александр Иванович
- 4) **Пол** мужской
- 5) **Год, месяц рождения** 23 ноября 1904 г.
- 6) **Место рождения** Петроград
- 7) **Национальность** русская
- 8) **Сословие** [сын врача] [35] мещанин
- 9) **Кем откомандирован** рекомендация
- 10) **Какие документы представлены** Заявление о приеме, Удостоверение № 6335, Допризывная личная карточка № 70 [36]

Приложение [338]

11) Какое образование пол<учили> Кончил 10 труд<овую> сов<ет-скую> школу

12) Были ли в других В. У. З. нет

13) Был ли длительный перерыв в Ваших занятиях 1 1/2 года после окончания школы.

14) Чем выражается активность последн<его> контрольного периода, если нет, то указать причину —

15) Чем занимались до 1914 г. учился

16) от 1914—1917 г. учился

17) от 1917—1921 г. учился и с лета 1921 г. работал в стр<оительств>е «Уткина Заводь»

18) Служили ли в Царской Армии нет

19) Служили в Красной Армии нет

20) Отношение к воинской повинности допризывник

21) Семейное положение холост

22) Сколько человек находится на Вашем иждивении —

23) Родство, фамилия лиц, местожительство лиц, находящ<ихся> на Вашем иждивении нет

24) Имеете ли службу в настоящее время да [37]

25) Место службы или должность Стр<оительство> «Уткина Заводь» ныне «Красный Октябрь»

26) Месячн<ый> заработок 50 миллионов

27) Профессия и занятия Ваших родит<елей> до 1914 г. и теперь Отец работал по переселенч<ескому> депар<таменту>. Мать врач. Ныне отец Сов<етский> служ<ащий>.

28) Где родители (точный адрес) Петроград, Сезжинская ул. д. 37. кв. 14.

29) Партийная принадл<ежность> беспартийный

30) Работал ли в Сов<етских> парт<ийных> организац<иях> (нет)

31) Состоите ли в Союзе Член союза Строительных рабочих № 3203

32) Находился ли под судом при Сов<етской> власти нет

33) Ваш адрес Каменноост<ровский> пр. д. 26—28. кв. 122 [38].

Подпись А. Введенский [39]

Материалы студенческого дела Введенского не позволяют ответить на вопрос, до какого времени он учился в Университете. Он получил зачетную книжку (матрикул) и она осталась у него на руках (не подшита к делу) [40]. Можно предположить, что выбыл он автоматически, не сдав очеред-

ную сессию. Факультет общественных наук регулярно, в конце каждой сессии, представлял на утверждение Правления университета списки исключаемых студентов, но протоколы заседаний Правления сохранились, а списки студентов — нет. М. Б. Мейлах, без ссылки на источник, указывает, что, вслед за Т. А. Мейер, Введенский якобы перешел на «китайское отделение Восточного факультета», и после того, как Мейер «вычистили» из университета, тоже оставил учебу [41]. Что касается Мейер, то с ноября 1921 года и по крайней мере по февраль 1923 она числилась студенткой этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук (китайский разряд) [42]. Если Мейер действительно была «вычищена», то, возможно, во время тотальной вузовской чистки весной 1924 года [43], однако в материалах ее студенческого дела это тоже никак не отражено.

Приведенные выше документы позволяют усомниться в точности некоторых уже введенных в научный оборот сведений относительно истоков «литературной биографии» Александра Введенского. М. Б. Мейлах пишет, что «по крайней мере ко времени Февральской революции 1917 г. (а может быть, и много раньше)» Введенский уже писал стихи [44]. Это свидетельство перекликается со словами Я. С. Друскина (а может быть, к ним восходит?): «Когда Введенский начал писать стихи, я не знаю, во всяком случае зимой 1917 г. он уже писал» [45]. Теперь эти утверждения представляются не вполне надежными. Введенский поступил в Гимназию имени Л. Д. Лентовской 4 мая 1917 года [46] одновременно с Леонидом Липавским, который был переведен из Ларинской гимназии. С очень большой долей вероятности можно предполагать, что никто из будущих «чинарей» до этого времени знаком друг с другом не был. Яков Друскин учился в Гимназии имени Л. Д. Лентовской с 1913 года, однако с 16 октября 1917 года почти на целый год выбыл из числа учеников, уехав вместе с семьей в Вологду. Поэтому его сближение с Липавским, равно как и знакомство с Введенским, скорее всего, произошло уже после возвращения, осенью 1918 года [47]. Конечно, Друскин или Липавский могли знать о каких-нибудь стихах Введенского, написанных до знакомства с ними. В таком случае эти стихи были написаны Введенским в период обучения в кадетском корпусе.

[1] Подробно об истории села Петропавловского, основанного Петром I в 1708 году, и о построенной там церкви см.: *Назаров Е.* Из летописи церкви села Петропавловского Елецкого уезда Орловской губернии // *Труды Орловской ученой архивной комиссии*: 1895 год. Орел, 1895. Вып. 1. С. 50—56. Как явствует из этой статьи, в 1862—1864 годах церковь внутри была «вся обновлена и благолепно украшена» старанием священника Виктора Введенского (Там же. С. 53).

[2] Иван Максимович Поволоцкий (1842—1914) получил образование в Брестском кадетском корпусе, 2-м Константиновском военном училище, окончил курс Николаевской академии генерального штаба. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. С 1903 по 1906 год командовал Вторым армейским корпусом, в 1906 году был произведен в генералы от инфантерии. Последние восемь лет жизни являлся членом Военного совета (см.: Список генералам по старшинству: Составлен по 15-е Апреля 1914 года. Пг., 1914. С. 46). Некрологи: Новое время. 1914. 17 [30] октября. С. 6; Наша старина. 1914. № 11. С. 1011.

[3] После революции Е. И. Поволоцкая-Введенская работала консультантом в Центральной коммунальной лечебнице в Ленинграде. Подробнее о ней см.: Научные работники Ленинграда. Л., 1934. С. 286.

[4] В журнале «Театр» (1991. № 11. С. 99) опубликована фотография «Саша Введенский. Иркутск, 1907». Очевидно, трехлетний Саша находился в Иркутске вместе с отцом, который, будучи чиновником особых поручений при Переселенческом управлении, был откомандирован в этот город «для заведывания передвижением переселенцев по линии Забайкальской, Китайской Восточной ж<елезным> д<орогам> и Амурскому водному пути» (с 5 мая 1906 до 1 января 1907 года). В Забайкальско-Манчжурском и Приморском районах И. В. Введенский пробыл до 24 июня 1908 года, пока не был вызван «по делам службы» в Петербург (сведения заимствованы из «Формулярного списка о службе Ивана Викторовича Введенского (1909—1919)» — РГИА. Ф. 592. Оп. 45. Ед. хр. 45. Л. 63 об.—64). В справочниках «Весь Петербург» И. В. и Е. И. Введенские появляются в 1909 году. Первое упоминание: Весь Петербург на 1909 год. <СПб., 1909.> <Отд.> III. С. 129.

[5] Подробнее см. «Формулярный список о службе Ивана Викторовича Введенского (1909—1919)» (РГИА. Ф. 592. Оп. 45. Ед. хр. 45. Л. 50—71).

[6] Этот факт установлен нами на основании текста прошений Евгении Ивановны Введенской от 25 апреля 1917 года о помещении сыновей в Петроградскую гимназию В. К. Иванова, учрежденную Л. Д. Лентовской (ЦГА СПб. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 31, 34). Строго говоря, с 18 апреля 1917 года гимназия уже носила название Петроградской Общественной гимназии имени Л. Д. Лентовской с правами правительственных гимназий.

[7] Живой пример внешнего различия кадетов и гимназистов находим у Ф. П. Еленева, известного публициста и преподавателя, ратовавшего в свое время за реформу классического обучения: «Прежде всего, приходится подтвердить здесь тот, теперь уже общеизвестный факт, что гимназическое ученье, в его настоящем виде, до крайности обременяет ум гимназистов непомерною массою сведений и удручает их телесные силы продолжительностью занятий. Чтобы наглядно в этом убедиться, достаточно простоять четверть часа у две-

рей любой из петербургских гимназий во время выхода учеников из классов. Что за изможденные, бледные лица у большинства гимназистов! Какое утомление во взорах; сколько искривленных лопаток и суженных грудей! Многие дети в 12—14 лет уже оседлались очками. Взгляните теперь на воспитанников кадетских корпусов при выходе их из классов: как будто совсем другая порода людей; у большинства лица дышат свежестью, глаза блестят молодой жизнью, стан держится прямо, грудная клетка развита правильно» (Еленев Ф. О некоторых желаемых улучшениях в гимназическом обучении. СПб., 1889. С. 5).

[8] Из отзыва преподавателя В. Ф. Будкевич о занятиях учеников 4 класса по французскому языку за 1917/1918 учебный год (ЦГА СПб. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 35).

[9] С 1908 года до 18 апреля 1917 года эта гимназия носила название Петербургской / Петроградской гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской. За время обучения здесь Введенского гимназия не раз поменяла не только название, но и местоположение. Название с 18 апреля 1917 года — Петроградская Общественная гимназия имени Л. Д. Лентовской с правами правительственных гимназий. С сентября 1918 года — Петроградская Трудовая школа имени Л. Д. Лентовской. 29 августа 1919 года постановлением Отдела просвещения города Петрограда была закрыта бывшая Петровская гимназия (ул. Плуталова, 24), а Петроградская Трудовая школа имени Л. Д. Лентовской (Большой пр. П. С., 61) переведена по ее адресу, получив название — Петроградская 10-я Трудовая школа имени Л. Д. Лентовской. С конца 1922 года (или с начала 1923-го) — 190 Советская Единая трудовая школа имени Л. Д. Лентовской. Ныне — муниципальное образовательное учреждение «Школа № 47 имени Д. С. Лихачева».

[10] См. приемную ведомость А. И. Введенского (ЦГА СПб. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 32).

[11] См., например, табель («годовой вывод») за 1917/1918 учебный год (Там же. Ед. хр. 179. Л. 20 об.).

[12] Там же. Л. 25 об.

[13] *Розенберг И. А.* Школа (1918—1925 гг.). Авторизованная машинопись (1975). Хранится в музее истории Школы № 47 имени Д. С. Лихачева. Любезно предоставлена хранителем музея В. Н. Пашиковой.

Д. С. Лихачев в своих воспоминаниях называет Л. Д. Лентовскую театральным антрепренером (см.: *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1995. С. 101). Однако, согласно его устному сообщению (март 1996 года), эти сведения являются предположительными. Об этой школе в 1910—1920-е годы, кроме воспоминаний Лихачева, см. также фрагментарно опубликованные мемуары Михаила Друскина (Музыкальная академия. 1995. № 4—5. С. 235—236), автобиографическую книгу Вадима Андреева «Детство» (М., 1966)

и книгу Владимира Полякова «Моя сто девяностая школа» (М., 1976), представляющую собой беллетристические воспоминания автора, выпускника 1926 года. Обращает на себя внимание имеющееся в последней из указанных книг воспоминание о А. И. Введенском, «скромном старшекласнике», присутствующем на школьном поэтическом вечере (С. 235—236). Обширный свод документальных источников по истории школы см. в нашей публикации: Из поэтического архива В. С. Алексеева (1903—1942) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 403—430.

[14] Леонид Владимирович Георг (1890—1927), по словам Я. С. Друскина, из всех школьных преподавателей оказал наибольшее влияние на будущих «чинарей» (см. подробнее: *Друскин Я. «Чинари»* / Публ. Л. Друскиной // Аврора. 1989. № 6. С. 104—105). Интересно, что после того, как Друскин однажды завел разговор о Георге, Д. Хармс заявил ему: «Я тоже ученик Георга» (Там же. С. 105). Л. В. Георг родился в семье военного врача, получил образование в Брест-Литовской гимназии. С 1908 года жил в Петербурге, закончил историко-филологический факультет Петроградского университета (славяно-русский отдел) со званием учителя средних учебных заведений. Состоял штатным преподавателем русского языка в Гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской с 14 октября 1916 года (см. его личную карточку: ЦГА СПб. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 208. Л. 69). Георгу посвящен мемуарный очерк Д. С. Лихачева «Я его так ясно помню...» (Аврора. 1981. № 9. С. 100—107. Несколько измененный текст вошел в «Воспоминания» Д. С. Лихачева (СПб., 1995. С. 103—109)).

[15] Александр Юрьевич Якубовский (1886—1953) — впоследствии известный историк-востоковед и археолог; сотрудник Государственной академии истории материальной культуры (с 1924) и Эрмитажа (с 1928), профессор Ленинградского университета (с 1935). В Гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской, преподавал с 1913 года (см. его личную карточку: ЦГА СПб. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 208. Л. 102); по свидетельству И. А. Розенберга, в среде учеников приобрел прозвище «Македонский» (см.: *Розенберг И. А. Школа (1918—1925 гг.)*).

[16] *Корженевская А. С.* О двух моих школах: Реальном училище В. П. Кузминой и 10-й трудовой школе им. Л. Д. Лентовской. Авторизованная машинопись (1996). Хранится в архиве автора настоящей статьи.

[17] Там же.

[18] Точно известно, что он был наставником по крайней мере в выпускном 1921 году.

[19] ЦГА СПб. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 10 об.

[20] Там же. Ед. хр. 186. Л. 19 об.—20, 11 об.—12, 5 об.—6.

[21] Там же. Ед. хр. 205. Л. 1 об.—2, 5 об.—6, 11 об.—12.

[22] Подробнее о них см.: Из поэтического архива В. С. Алексеева (1903—1942) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. С. 403—430.

[23] ЦГА СПб. Ф. 3102. Оп. 1. № 206. Л. 3 (Отчет об успехах учеников и учениц III класса за первое полугодие 1918—1919 учебного года).

[24] Из письма Б. Н. Лосского к автору настоящей публикации от 18 октября 1995 г. Мимолетное упоминание Б. Н. Лосским кружка «Костер» содержится в его опубликованных мемуарах: *Лосский Б. Н.* Наша семья в пору лихолетия 1914—1922 годов // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб., 1993. [Вып.] 12. С. 71.

[25] Цит. по изд.: *Кобринский А. А., Мейлах М. Б.* Введенский и Блок: Материалы к поэтической предыстории ОБЭРИУ // *Блоковский сборник*. Х. Тарту, 1990 (на обложке — 1991). С. 73 (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 881). С. 74.

[26] Там же. С. 74. В этой статье впервые опубликовано письмо В. Алексеева, А. Введенского и Л. Липавского к А. Блоку и стихи Введенского, приложенные к письму.

[27] См.: Из поэтического архива В. С. Алексеева (1903—1942) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. С. 424—425.

[28] Это свидетельство Я. С. Друскина (см.: *Друскин Я.* «Чинари». С. 104) подтвердить с помощью архивных источников не удалось.

[29] ЦГА СПб. Ф. 1297. Оп. 7. Ед. хр. 16. Л. 95 (личная карточка А. И. Введенского).

[30] Там же. Ед. хр. 16. Л. 96 (личная карточка И. В. Введенского). Сохранилось письмо от 18 августа 1920 года с прежнего места работы И. В. Введенского, адресованное в управление строительства электростанции: «Петрогр<адский> Красноармейский имени тов<арища> Толмачева университет сообщает, что препятствий к переходу к Вам на службу и<справляющего> д<олжность> секретаря просветительного факультета университета тов<арища> Введенского Ивана Викторовича, со стороны Университета не встречается» (Там же. Ед. хр. 35. Л. 28).

[31] Там же. Ед. хр. 16. Л. 95.

[32] ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Ед. хр. 336 (студенческое дело А. И. Введенского). Л. 2. Здесь и далее при цитировании документов сохраняем орфографические особенности оригиналов.

[33] Факультет общественных наук.

[34] Там же. Л. 1. Заявление написано синим карандашом. Имеются две резолюции: «Зачислить по представл<ению> документов <подпись нрзб.>», «К испыт<аниям>? <та же подпись>».

[35] Слова зачеркнуты А. И. Введенским.

[36] Допризывная личная карточка № 70 сохранилась в студенческом деле (Там же. Л. 3). Выдана Учебным отделением Петроградского района 23 июня 1921 года. Указано местожительство: Съезжинская 37, кв. 14.

[37] Это обстоятельство позволяет установить время заполнения анкеты. А. И. Введенский с 17 октября 1922 года получил отпуск и был отчислен с 8 ноября «с выплатой жалов<ания> и продов<ольствия> на 2 нед<ели> вперед» (ЦГА СПб. Ф. 1297. Оп. 7. Ед. хр. 16. Л. 95).

[38] Ср. в воспоминаниях Я. С. Друскина: «Иногда мы собирались и ночью в комнате Введенского на Каменноостровском, там у него была одно время вторая комната» (цит. по: Мейлах М. Предисловие // Введенский А. Полное собрание сочинений. Анн Арбор, 1980. Т. 1. С. XXVIII).

[39] ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Ед. хр. 336. Л. 4. Автограф черными чернилами. В правом верхнем углу приклеена фотография.

[40] Сохранилось заявление Введенского с просьбой выдать матрикул (Там же. Л. 5).

[41] См.: Мейлах М. «Дверь в поэзию открыта...» // Введенский А. Полное собрание произведений. В 2 т. / Вступ. статьи и примеч. М. Мейлаха. Сост. и подготовка текста М. Мейлаха и В. Эрля. М., 1993. Т. 1. С. 12.

[42] ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 5. Ед. хр. 2731 (студенческое дело Т. А. Мейер). Л. 2, 10.

[43] По словам Н. Я. Рыковой, с сентября 1923 по январь 1925 года учившейся в Петроградском университете, за это время «чистка» была только одна. Студенты сдавали матрикулы, затем каждого вызывали на собеседование, и, если студента решено было оставить в университете, матрикул ему возвращался. В проверочной комиссии сидели партийные студенты (сообщено в беседе с автором настоящей статьи 5 марта 1995 года).

[44] Мейлах М. «Дверь в поэзию открыта...». С. 11.

[45] Друскин Я. С. Краткая периодизация творчества А. И. Введенского. Машинопись (ОР РНБ. Ф. 1232. Ед. хр. 17. Л. 5).

[46] Это дата заседания педагогического совета гимназии, принимавшего решения о зачислении учеников. Родители подавали прошения раньше. Так, мать Липавского подала прошение о приеме сына в пятый класс гимназии 18 апреля 1917 года (ЦГА СПб. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 169).

[47] Сохранились прошения родителей Друскиных, удостоверения Вологодской гимназии и прочие документы, касающиеся перевода братьев Друскиных в Вологодскую гимназию (ЦГА СПб. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 195. Л. 217—223).

Я. С. Друскин
«Чинари»¹

1. Предыстория «чинарей»

Еще до революции возникла группа лингвистов и филологов, назвавшая себя «ОПОЯЗ». Через несколько лет после возникновения группа как определенное объединение перестала существовать, хотя ее члены — Виктор Шкловский, Юрий Тынянов, Роман Якобсон, Борис Эйхенбаум и другие — продолжали свою деятельность.

В начале двадцатых годов объединились ряд писателей и назвали себя «Серапионовы братья». И эта группа в дальнейшем распалась, но Михаил Зощенко, Михаил Слонимский, Всеволод Иванов сохраняли и развивали свой индивидуальный творческий стиль.

В 1926 году возникло объединение «Обэриу». Сейчас это слово известно всем любителям поэзии. Наиболее одаренные обэриуты — Константин Вагинов, Николай Заболоцкий, Александр Введенский и Даниил Хармс. В «Обэриу» входили поэты самых разных направлений. Что общего между «поэтом трагической забавы» эллинистом Вагиновым и Заболоцким? Что общего между этими двумя поэтами, с одной стороны, и Введенским и Хармсом, с другой? «Обэриу» возникло как дань тому времени, а также потому, что молодым малоизвестным поэтам легче было выступать и печататься как участникам литературной организации. «Обэриу» просуществовало несколько лет, но еще до появления в литературе «обэриутов» воз-

¹ Впервые: «Аврора». 1989. №6. С. 103—115. Публикация Л. С. Друскиной. Здесь публикуется с сокращениями.

никло неофициальное литературно-философское содружество, участники которого называли себя «чинарями». Слово «чинарь» придумано Александром Ивановичем Введенским. Произведено оно, я думаю, от слова «чин»; имеется в виду, конечно, не официальный чин, а духовный ранг. С 1925 до 1926-го или 1927 года Введенский подписывал свои стихи: «Чинарь авторитет бессмыслицы», Даниил Иванович Хармс называл себя «чинарем-взиральником». В последней полной редакции «Елизаветы Бам» он называет двенадцатую часть этой вещи «Кусок чинарский».

В одной из записных книжек Хармс упоминает Леонида Савельевича Липавского как теоретика «чинарей».

В конце двадцатых годов, когда я прочел Введенскому одну несохранившуюся свою вещь, скорее литературного, нежели философского характера, он причислил или «посвятил» и меня в «чинари».

К «чинарям» принадлежал также и поэт Николай Макарович Олейников.

Кажется, в 1917 году, во всяком случае, не позже 1918 года, в гимназии имени Лидии Даниловны Лентовской (позднее — школа № 190), где учился и я, объединились три поэта: Владимир Алексеев (сын Сергея Алексеевича Алексеева-Аскольдова, преподававшего у нас логику и психологию), Леонид Липавский и Александр Введенский. Липавский был не только поэтом, но и теоретиком группы, руководителем и главой-арбитром их вкуса. С его именем считались также и те, кто встречался с ним позже, когда он в 1923 году перестал писать стихи. У него была редкая способность, привлекавшая к нему многих — умение слушать. «Уметь слушать» не равносильно умению молчать. «Уметь слушать» — это значит: иметь широкий кругозор, сразу же понимать, что говорит собеседник, причем иногда лучше и глубже, чем он сам. Любил он немногих — и его любили немногие. Мнением его интересовались, с ним считались, но в то же время его боялись. Он сразу находил ошибки и недостатки в том, что ему говорили и что давали читать. Он мог и прямо сказать, что плохое — плохо.

Возвращаясь к группе молодых поэтов. Мне трудно определить, что их объединяло. Близки им были символисты, особенно Блок, отчасти акмеисты, футуристы.

Весной 1917 года, а может, и в 1918-м, Алексеев, Введенский и Липавский написали шарж на футуристов, назвав его «Бык буды»; не помню, была ли буква «б» во втором слове прописной (тогда, очевидно, имелся в виду Будда) или строчной и одно «д» (возможно, это слово было производным от слова «будетляне», как называли себя некоторые футуристы) или два. Шарж был, кажется, дружеским, во всяком случае уже чувствуется в нем ин-

интерес к футуристам — Хлебникову, Бурлюку, Крученых и другим. С 1919 года интерес к футуристам возрастает, а в 1920 году увлечение кубофутуристами проявляется отчасти и в некоторых стихах Введенского и Липавского.

Я не был в то время близок к кружку этих поэтов. С 1918 года (может, и раньше) начинается мое сближение только с одним из них — с Липавским. В 1919 году я закончил школу и поступил на исторический факультет Педагогического института. В 1920 году окончил школу Липавский. Он поступил на философское отделение факультета общественных наук университета — и уговорил перейти туда же меня. Еще через год, не сдав зачета по литературе, окончил школу и Введенский. Вскоре, во всяком случае не позже 1922 года, связь Введенского и Липавского с Алексеевым порывается. В начале января этого года начинается моя дружба с Введенским. Возможно, что, как и с Липавским, сближение начиналось уже раньше, но сейчас, через пятьдесят пять лет, мне кажется, что наша близость обнаружилась совершенно неожиданно и для него и для меня. Возвращаясь с похорон ученицы нашей школы, мы начали разговор, тему которого определить трудно. Я назвал бы это разговором об ощущении и восприятии жизни: не своей или чьей-либо другой, а ощущении и восприятии жизни вообще. В этих вопросах мы сразу же нашли общий язык.

Тогда и возникло объединение нас троих, и с тех пор начинается история «чинарей». Но раньше, чем перейти к ней, я сделаю небольшое отступление.

Из всех наших учителей, школьных и университетских, наибольшее влияние на Введенского, Липавского и меня оказал наш школьный преподаватель русского языка и литературы. Появился он у нас в гимназии, когда я был, кажется, в пятом классе. Он поразил нас на первом же уроке. Задавая тему для письменной работы в классе, Леонид Владимирович Георг вместо того, чтобы сесть за стол и молчать, не мешая нам писать заданное сочинение, весь урок ходил по классу и рассказывал самые разнообразные и интересные истории, события и случаи из своей собственной жизни, например, как он, трехлетний мальчик, сидя у камина, свалился в него, а отец, быстро вытащив его, отшлепал. Хотя наш класс не отличался хорошей дисциплиной, но мы были очень обескуражены таким поведением учителя.

Я не помню, учил ли он нас грамматике, но помню, что он учил нас истории русского языка — учил, например, как произносились юс большой и юс малый, рассказывал, что в слове «волк» в древнерусском языке вместо буквы «о» писали твердый знак, а в болгарском — и сейчас так пишут. Он учил нас не только правильно писать, но и понимать, чувствовать и любить рус-

ский язык. Здесь уже я перехожу к русской литературе. Мы проходили и былины, и «Слово о полку Игореве», причем читали не в переводе, а в подлиннике, и затем уже переводили с его помощью. Если сейчас Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Достоевского и Чехова я люблю и считаю их лучшими писателями XIX века не только русской, но и мировой литературы, то обязан этим Георгу. Его суждения не только о литературе, но и по самым различным вопросам из жизни и даже философии были всегда оригинальны, интересны и неожиданны: например, утром он мог сказать одно, а после уроков — противоположное тому, что сказал утром, причем оба суждения — тезис и антитезис — разрешались не в софистическом, порожденном преимущественно логикой, синтезе, а как-то удивительно дополняли друг друга, создавая какое-то особенное настроение, строй души. Он практически учил нас диалектике...

Педагогическую систему Георга я назвал бы антипедагогикой.

2. История «чинарей»

В то время мы жили на Петроградской стороне Ленинграда: Александр Введенский — на Съезжинской, Леонид Липавский — на Гатчинской, а я — между ними, на Большом проспекте, недалеко от Гребецкой (сейчас — Пионерской) улицы. В 1922—1923 годах Введенский почти каждый день приходил ко мне — и мы вместе шли к Липавскому или они оба приходили ко мне. У Введенского мы бывали реже. Весной или летом 1925 года Введенский однажды сказал мне: «Молодые поэты приглашают меня прослушать их. Пойдем вместе». Чтение стихов происходило на Васильевском острове на квартире поэта Евгения Вигилянского. Из всех поэтов Введенский выделил Даниила Хармса. Домой мы возвращались уже троим, с Хармсом. Так он вошел в наше объединение. Неожиданно он оказался настолько близким нам, что ему не надо было перестраиваться, как будто он уже давно был с нами. Когда я как-то рассказал ему о школьном учителе Георге, Хармс сказал мне: «Я тоже ученик Георга». В начале нашего знакомства Хармс был наиболее близок с Введенским. С августа же 1936 года вплоть до своего вынужденного исчезновения [1] в августе 1941 года — со мной.

С поэтами Заболоцким и Олейниковым мы (то есть Введенский, Липавский, Хармс и я) познакомились в середине или в конце 1925 года. Олейников почти сразу вошел в наше содружество. С Заболоцким же наши отношения были иного рода. Уже осенью следующего года у нас возникли с ним серьезные теоретические расхождения. Поэтому связи с ним у «чинарей» были, во-первых, чисто дружескими и, во-вторых, деловыми — имею в виду здесь совместные выступления обэриутов.

Что же объединило на многие годы столь разных на первый взгляд поэтов и философов? Это было литературно-философское содружество пяти человек, каждый из которых, хорошо зная свою профессию, в то же время не был узким профессионалом и не боялся вторгаться в «чуждые» области, будь то лингвистика, теория чисел, живопись или музыка.

Эйнштейн, когда его спросили, как он делает свои открытия, сказал: всегда найдется человек, который не знает того, что знают все: он и пытается по-своему решить задачу (передаю не дословно, только смысл). В мысли надо быть смелым и свободным, и всякое исследование, вообще дело, в том числе и в искусстве, надо начинать с самого начала, не полагаясь ни на какие авторитеты, кроме Того, Кто сказал: «Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин 8:36). Мы хотели быть истинно свободными. Выходя в чуждые, казалось бы, нам области науки и искусства, не боялись выводов, до которых иногда не решались дойти профессионалы.

Поскольку наше содружество было неофициальным, то «чинарями» мы называли себя редко, да и то только два-три года (1925—1927), когда так подписывали свои произведения Введенский и Хармс.

Встречались мы регулярно — три-пять раз в месяц — большей частью либо у Липавских, либо у меня. На этих встречах присутствовала и Тамара Александровна Липавская, которую поэтому (а также как автора толкового словаря Введенского и нескольких анализов его вещей) тоже можно причислить к «чинарям». Общие встречи не исключали и общений вдвоем, втроем, которые происходили и у Введенского, Хармса или Олейникова. Почему общие встречи бывали большей частью у меня или у Липавского? На это трудно ответить. Легче сказать, почему мы все редко собирались у Введенского и у Хармса. У Введенского — потому, что он был, по словам Липавской, «безбытным» [2]. Его комната в двадцатые годы была почти пустой: простая железная кровать, две табуретки и кухонный стол — шести человекам в ней просто негде было даже и поместиться. Он сам раз сказал мне, что номер в гостинице предпочитает с в о е й комнате. Номер в гостинице лишен индивидуальности, это просто временная жилая площадь — оттого Введенский и предпочитал ее с в о е м у дому, с в о е й комнате, с в о е м у столу. Мне кажется, он чувствовал себя в жизни, говоря словами одного псалма, «странником в долине плача». Это может удивить тех, кто знал Введенского только внешне — например, как азартного картежника. Это понятно тем, кто знает его стихи и прозу. И в последний период своей жизни, как говорила его жена Галина Борисовна Викторова, жившая с ним в Харькове, он писал даже не за столом, но просто сидя на стуле и подложив под бумагу книгу.

У Хармса же мы в полном составе не собирались потому, что он был, наоборот, из всех нас наиболее «бытным». У него был и определенный вкус

к быту, определенные точные взгляды, какой должна быть его комната, как обставлена, какие вещи где и как должны лежать. Его интересовало устройство дома, квартиры, комнаты (в записной книжке за 1933 год он рисует планы воображаемых квартир). Но почему столь характерная для Хармса «бытность» мешала нашим общим встречам? Как мне кажется, она в какой-то степени предопределяла характер разговоров, ведущихся нами. Наши же беседы были абсолютно свободны и непринужденны. Никакой официальности, никаких заранее выработанных планов или программ...

Итак, мы регулярно собирались. Разговоры велись преимущественно на литературные или философские темы. Мы читали и совместно обсуждали многое из того, что писали. Иногда спорили, чаще дополняли друг друга. Бывало и так, что термин или произведение одного из нас являлось импульсом, вызывавшим ответную реакцию. И на следующем собрании уже другой читает свое произведение, в котором обнаруживается и удивительная близость наших интересов, и в то же время различия в подходе к одной и той же теме.

Бывали у нас и расхождения — и часто довольно серьезные, однако на непродолжительное время, но одновременно ощущалась такая близость, что бывало, один из нас начинает: «Как ты сказал...», а другой перебьёт его: «Это сказал не я, а ты».

Велись разговоры и на личные темы, но близость наша была не просто дружбой, а сотворчеством очень разных и очень близких по мироощущению людей. Мечтали мы и о совместном журнале, особенно Хармс. В одной из его записных книжек упоминается о журнале, к участию в котором предполагалось привлечь и некоторых других лиц, не входивших в нашу группу: прежде всего двух талантливых, может быть, наиболее талантливых у нас художников — Татьяну Николаевну Глебову, ученицу Филонова, в своем творчестве далеко ушедшую от своего учителя, и ее мужа, Владимира Васильевича Стерлигова, ученика Малевича. С ними я сблизился позднее, в пятидесятые годы. <...>

В истории есть общее, или необходимое, и частное, случайное. Например, беспредметное искусство, абстрактный театр Введенский и Хармс создали еще в конце двадцатых годов, но они остались неизвестными, а потом уже, независимо от них, он возник в сороковые-пятидесятые годы. Однако то, что создали Введенский и Хармс и что бесконечно превосходит Ионеско, Беккета [3] и других — никто не создал и, думаю, не создаст. Что-то личное, оттенок — определяет главное. Главное необходимо в том смысле, что новые идеи все равно возникнут, хотя бы их первый автор умер в неизвестности и все, что он создал, погибло. Но личный оттенок — случаен. То, что ввели в поэзию, в поэтическую философию, в философию и теологию

Введенский, Липавский, Хармс и я — этот штрих уже никто, кроме нас, не может внести и не внесет.

Ниже я укажу кратко на те вопросы, которые мы пытались решать в своем творчестве.

3. Введенский и Хармс

Альберт Швейцер в своей книге «Иоганн Себастьян Бах» [4] различает два типа композиторов, писателей, художников. К первому художественному типу он относит тех, чье творчество непосредственно как будто бы не связано с их личной жизнью. Таким был Бах. Из современных композиторов можно назвать Веберна. Ко второму типу он относит тех, чье творчество настолько тесно связано с их личной жизнью, что, не зная ее, мы не поймем и многих произведений этих авторов; внутреннее и внешнее, жизнь и творчество в этом случае непосредственно соприкасаются. К этому типу принадлежал Бетховен. Из современников — Шенберг.

Введенский принадлежал к первому типу писателей, Хармс — ко второму. И Введенский и Хармс знали это различие и ощущали его. В конце двадцатых годов Введенский сказал, что Хармс не создает искусство, а сам есть искусство. Хармс в конце тридцатых годов говорил, что главным для него всегда было не искусство, а жизнь: сделать свою жизнь как искусство. Это не эстетизм: «творение жизни как искусства» для Хармса было категорией не эстетического порядка, а, как сейчас говорят, экзистенциального.

У Введенского искусство и жизнь — две параллельные линии. И они тоже пересекаются, но в бесконечности. Практически он достиг этой бесконечной точки в «Элегии» (предположительно — 1940 год) и в «Где. Когда» (1941) — в его прощании с жизнью. В этих двух вещах Введенский показал, что и его искусство связано с жизнью, но не так непосредственно, как у Хармса.

Творческие пути Введенского и Хармса — это два равноправных способа жизни в искусстве. Но в первом случае уже по одной вещи, даже ранней, можно составить представление о его творчестве, у Хармса же — нельзя.

Произведения Введенского и Хармса объединяет «звезда бессмыслицы».

Горит бессмыслицы звезда
она одна без дна, —

пишет Введенский в эпилоге большой (около тысячи строк) драматической поэмы «Кругом возможно Бог».

Я различаю семантическую бессмыслицу, состоящую из нарушений правил обыденной, так называемой «нормальной» речи — и ситуационную бессмыслицу, вытекающую из алогичности человеческих отношений и ситуаций. У Введенского бессмыслица не только ситуаций, но и семантическая, у Хармса преобладает ситуационная — «борьба со смыслами», как он говорит в стихотворении «Молитва» (1931).

У Кафки, Хармса и Введенского бессмысленные ситуации или положения, в которые попадает человек, часто открывают его ноуменальное существо («сокровенный сердца человек») и его отношение к тому, что превосходит его понимание.

Введенский до самого конца не отказался от «звезды бессмыслицы». Его вещи со временем делаются все глубже и сложнее — «звезда бессмыслицы» углубляется, но одновременно проясняется: стиль и характер вещи становятся настолько ясными и прозрачными, что абсурд, алогичность, бессмыслицу я чувствую как мое, именно мое алогичное, абсурдное существование, я уже не вижу их алогичности. Наоборот, логичность, как показывает мне Введенский, это что-то абсолютно чуждое мне, внешнее; сама логичность, сама логика Аристотеля начинает казаться мне абсурдом. Но бессмыслица не относительна. Она — абсолютная реальность — это Логос, ставший плотью. Сам этот личный Логос алогичен, так же, как и Его вочеловечение. Но эта бессмыслица стала пониманием моего существования. Понять бессмыслицу нельзя: понятая бессмыслица уже не бессмыслица. Нельзя также искать смысл бессмыслицы; смысл бессмыслицы — такая же, если не большая, бессмыслица. «Звезда бессмыслицы» — есть то, что нельзя услышать ушами, увидеть глазами, понять умом. Липавский ввел термин: и е р о г л и ф. Иероглиф — некоторое материальное явление, которое я непосредственно ощущаю, чувствую, воспринимаю и которое говорит мне больше того, что им непосредственно выражается. Иероглиф двузначен, он имеет собственное и несобственное значение. Собственное значение иероглифа — его определение как материального явления — физического, биологического, психофизиологического. Его несобственное значение не может быть определено точно и однозначно, его можно передать метафорически, поэтически, иногда соединением логически несовместных понятий, то есть антиномией, противоречием, бессмыслицей. Приведу некоторые примеры иероглифов, как их понимал Липавский.

Листопад: его собственное значение биологическое; несобственное — ощущения, чувства, мысли, вызываемые в нас, когда мы его наблюдаем: жизнь — смерть, смена человеческих поколений, исторические периоды.

Огонь: ощущение — видение — наблюдение огня. <...>

В двадцатые годы Введенский писал еще почти «понятные» стихи, хотя некоторые его сравнения, эпитеты и другие тропы были уже необычны-

ми. Не позже 1923 года он написал «Паршу на отмели». Ничего подобного этому я не знаю. Мне кажется, и филолог не сможет определить предшественника Введенского. Сам Введенский сказал как-то мне: «Хлебников мне чужд, уж скорее мне ближе Крученых». Именно «уж скорее», потому что и Крученых был ему чужд. С 1922 года я не помню, чтобы он упоминал какого-либо близкого ему поэта или писателя нашего века. И еще сказал мне Введенский: «В поэзии я, как Иоанн Креститель, только предтеча», то есть предшественник нового взгляда на жизнь и искусство.

В стихах Введенского в каждой фразе — главное направление мысли и погрешность — ее тень; погрешность в слове, нарушающем смысл главного направления. Эта погрешность или тень мысли и есть главное направление, а главное направление — ее тень. Его стихи двумерны, а часто и многомерны. Это и есть духовность, то есть освобождение от душевности, или беспредметность, или косвенная речь, как говорил Кьеркегор.

Один из приемов Введенского: бессмысленное событие или факт объясняется, но его объяснение еще более бессмысленно, чем сам бессмысленный факт. Например:

Звали первую светло
А вторую помело
Третьей прозвище Татьяна
Так как дочка капитана... [5]

Автор не говорит: звали Татьяной, а «прозвище», как будто «светло» и «помело» — обычные женские имена, а Татьяна слишком экзотическое имя. Объяснение бессмысленное, но дальше при повторениях само объяснение входит в имя как его часть: «Татьяна так как дочка капитана», вроде протестантских имен: Карл Август Вильгельм. Один из «смыслов» этой бессмыслицы, может быть, такой: сохраняется форма причинного или объясняющего предложения («так как», «потому что», «для того, чтобы», «если... то»), но содержание бессмысленное. Обесмысливается само причинное или объясняющее предложение, обнажается ложь слов «так как», «потому что», то есть самой предельной мысли, в которой убеждает не ее содержание, а сама форма убеждения. Это — разоблачение условностей, выдаваемых за экзистенциалии жизни.

Другой родственный прием: должно что-то случиться, какое-то действие, но что — неважно:

Жили-были, а потом
Я из них построил дом.

Сказано так авторитетно и убедительно, что кажется, ничего другого и нельзя было сделать из трех сестер, как построить из них дом. Бессмыслица обычной жизни и десубстанциализации жизни.

Введенского интересовало то, что он назвал «окончателностью». Но «окончателность», во-первых, категория времени, его необратимости. Введенский говорил: «Я понял, чем я отличаюсь от прочих писателей, да и вообще от людей. Те говорили: жизнь — мгновение в сравнении с вечностью. Я говорю: она вообще мгновение, даже в сравнении с мгновением». Во-вторых, наиболее окончательна для нас смерть. В «Серой тетради» он пишет: «Чудо возможно в момент Смерти. Оно возможно потому, что Смерть есть остановка времени». Вопросы смерти и засмертной жизни — часто встречающиеся темы Введенского. Стихотворение «Элегия» заканчивается так:

На смерть, на смерть держи равненье,
поэт и всадник бедный.

Абсолютная окончательность — Бог — это третья тема, интересовавшая Введенского. «Христос Воскрес — последняя надежда» — заключительная фраза из стихотворения, условно названного по фамилии первого действующего лица «Колоколов» (1932).

Эти три темы тесно связаны и на рациональном языке, подчиненном логическим законам и исключающем антиномичность мышления, не могут быть выражены. Бессмыслица Введенского не негативна, а позитивна, как тайна.

Нам непонятное приятно,
необъяснимое нам друг,
мы видим лес шагающий обратно
стоит вчера сегодняшнего дня вокруг [6].

Тайна противоречива и амбивалентна: как тайна она непонятна. Но это не просто нечто безразличное для нас: тайна — непонятное, которое, не смотря на непонятность, говорит нам, может, самое главное для нас, хотя и не может быть рационально сформулировано.

Введенского характеризует изречение: «Бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома» (Мк 13: 35), — то есть живите всегда с е й ч а с, так как прошлого у ж е нет, а будущего е щ е нет, поэтому думайте о настоящем — о с е й ч а с, за которое вы отвечаете, несете ответственность за то, что сейчас совершите. Это видно из его стихотворений и прямо сказа-

но в «Серой тетради» — о времени и мгновении. Поэтому, я думаю, так мало сохранилось его вещей: его интересовала только последняя написанная им вещь, предыдущие же он или отдавал тому, кто их просил, забывая взять назад, или просто терял.

В записной книжке Хармса есть перечень стихов Введенского до 1931 или 1932 годов. В начале 1934 года Введенский передал мне папку со своими стихами и «Серой тетрадью». Там нет и одной десятой того, что упоминается у Хармса. Наиболее позднее из переданных мне стихотворений — «Коввер гортензия». В 1936 году (или в конце 1935-го), 1937-м и 1938 годах написаны «Некоторое количество разговоров», «Потец» и «Елка у Ивановых». Что было написано после 1938 года, кроме «Элегии» и «Где. Когда»? Во всяком случае, одна большая вещь была написана. Введенский читал ее Липавскому и затем Глебовой, где я ее и слышал. Но ни у меня, ни у Глебовой ее нет.

После того как в начале войны мне достался архив Даниила Хармса, я в течение почти пятнадцати лет не читал его записных книжек и не разбираю папок с дневниковыми записями, письмами и другими личными бумагами, надеясь, что он (как и другие, ушедшие не по своей воле) вернется. Но он не вернулся. Тогда во второй половине пятидесятых годов я прочел его записные книжки и разобрался в личных бумагах. Среди них я нашел записки расходов, перечни продуктов, которые надо купить. Но если расходы уже сделаны, продукты куплены, зачем сохранять записки? Еще пример: на клочке бумаги рукой Липавского написано: «Сегодня собираемся у Я. (т. е. у меня. — Я. Д.). Введенский знает, сообщите Олейникову». Хармс сохранил и эту записку. Зачем? Под некоторыми стихотворениями и рассказами его рукой написано: «хорошо», «плохо», «очень плохо», «отвратительно». Если автор находит свой рассказ не только очень плохим, но даже отвратительным, он уничтожает его. Хармс сохраняет его. Мне кажется, у него было, может, неосознанное ощущение ответственности за каждое совершенное дело и за каждое слово, написанное или сказанное, хотя бы и мысленно: «За каждое праздное слово дадите ответ на Суде» (Мк 12:36). Все, что он писал, даже ничего не говорящая запись о том, какая у него была температура в определенный день и час, — свидетели его жизни. Так как у Хармса всегда был примат жизни над искусством, то он и сохранял все им записанное. <...>

4. Липавский

Два человека почти в одно и то же время — в середине тридцатых годов — высказали (один по-английски — лингвист Уорф [7], другой по-русски — Липавский) одну и ту же мысль и даже почти одними и теми же

словами: язык делит мир на части. Уорф исходил из Бергсона, Липавский — из других соображений. Вот что оба имели в виду: я вижу мир не таким, как он есть, и не таким, каким вижу, а каким хочу, а иногда и не хочу видеть. Последнее бывает чаще всего, когда в мою жизнь вмешивается чуждая мне — злая или добрая — сила или заговорит совесть. Внешняя мне чуждая сила — воспитание и обучение, также личные черты характера моего «сокровенного сердца человека» — все это определяет мое видение мира. Но воспитание, обучение и общение невозможны без языка или какой-либо другой заменяющей язык знаковой системы. И осознание своих чувств и мыслей, и сознание себя самого о б ы ч н о осуществляется (хотя бы и в молчании) с помощью языка. Я подчеркнул слово обычно, потому что не отрицаю мыслей, не передаваемых словами (Тютчев: «Мысль изреченная есть ложь»)...

Не передаваемые словами мысли (может, даже немислимые мысли), неосознанное сознание и передаваемые словами мысли и состояния сознания, сам язык — вот две основы и отдельной человеческой жизни, и всей человеческой культуры. Первое, может, доходит и до самой глубины жизни и истинной реальности, но не может быть сказано словами; второе передает жизнь, реальность словами, но передает эту реальность преломленной через язык. Тогда мы понимаем ее, но не такой, как она есть, а как ее видят и понимают наши ум, сознание и язык. Язык делит мир на части, чтобы понять его. И понимает части разделенного языком мира. Язык и соединяет разделенные части. Это деление мира на части предполагает и одновременно создает определенный взгляд на мир. При этом возникают два отношения:

1. Отношение разделяющего языка к разделенному — семантическое отношение.

2. Отношение разделенных языком частей — ситуационное отношение.

Леонид Липавский был философ; особенно его интересовала философская антропология. Лет пять или шесть он занимался лингвистикой. Лингвистики он почти не знал, но создал новую лингвистическую систему, которую озаглавил «Теория слов». Вячеслав Иванов [8], прочитав ее, сказал: «Хотя “Теория слов” Липавского противоречит современным лингвистическим теориям, она интересна, ее следовало бы напечатать, но с соответствующими предисловием и замечаниями». Другая лингвистка (Зинаида Минц) назвала ее утопической лингвистикой, но, как известно, утопия иногда становится действительностью.

Из «Теории слов»: «Точки скопления слов... Почему одним понятиям соответствует множество синонимических слов, а другим мало или даже одно? ...Если смысл уподобить небу, а слова — звездам на нем, то можно сказать, что распределение звезд на небе резко неравномерно: имеются такие места, где их особенно много, точки скопления. Эти точки скопления

слов можно также назвать точками наибольшей рождаемости слов: тут, вокруг этих понятий, всего легче рождаются слова, всего больше их возникло...

Иногда термин в какой-то степени определяет и интуицию автора этого термина. Например, термин «категорический императив» (или по-русски «безусловное повеление») до некоторой степени определяет и интуицию Канта в его автономной этике.

Липавский ввел термины: «иероглиф» (о котором я уже писал выше), «соседний мир», «вестник». Как истолковать их?

С о с е д н и й м и р. Лейбниц сказал: «Нет двух одинаковых капель воды». Тем более нет двух одинаковых людей. Каждый человек видит тот же самый мир по-своему, у каждого свое представление о мире — свой мир; я могу назвать этот мир соседним для моего мира.

У Введенского есть пьеса «Некоторое количество разговоров». В седьмом и десятом разговорах три собеседника так ясно и точно понимают друг друга, что предложение, начатое одним, иногда даже первое сказанное им слово продолжает следующий собеседник. Тогда их соседние миры не только близки, но полностью совпадают.

Возможно ли такое полное понимание и совпадение различных человеческих соседних миров? В исключительных случаях, я думаю, возможно. С человеческими соседними мирами мы встречаемся все время. Они имеют и что-то общее — хотя бы язык и некоторое понимание. Но существуют и другие соседние миры, например, мир животных. Их самих мы видим, слышим, но иногда ничего не понимаем и все же хотим хотя бы что-то почувствовать в этом мире.

Соседняя жизнь, соседний мир — темы, интересовавшие Липавского: мы живем в мире твердых предметов, окруженные воздухом, который воспринимаем как пустоту. Как ощущает себя полужидкая медуза, живущая в воде? Можно ли представить себе мир, в котором есть различия только одного качества, например, температурный мир? Каковы ощущения и качества существ, живущих в других, отдаленных от нашего, соседних мирах, наконец, в мирах, может быть, даже не существующих, а только воображаемых?

Во мне самом может быть соседний мир: например, при раздвоении личности или при аннигиляции двух соседних миров во мне.

Поэтическим примером последнего является стихотворение Николая Олейникова «Перемена фамилии».

Однажды Липавский даже предложил имя для существа из такого воображаемого мира: в е с т н и к — буквальный перевод греческого слова ἀγγέλος. Но с ангелами вестники не имеют ничего общего. Вестники — именно существа из воображаемого мира, с которым у нас, может быть, есть что-то общее, может, они даже смертны, как и мы, но в то же время они

сильно отличаются от нас. У них есть какие-то свойства или качества, которых у нас нет.

Возможно, что вестниками из неизвестного нам соседнего мира являются и четыре действующих лица из произведения Введенского «Четыре описания». Их имена: Зумир, Кумир, Тумир и Чумир. Они выслушивают «смерти описания... от умирающих умов». Умирающих тоже четыре и, как заметила Тамара Липавская, написание автором слова «умир»(ающий) указывает на их близость к четырем потусторонним существам, у которых, если мысленно убрать заглавные буквы их имен, останется тот же корень — «умир».

Вскоре после разговора с Липавским о вестниках мне внезапно представился такой отдаленный от нас и в то же время чем-то близкий нам соседний мир вестников. Я записал то, что увидел, — это стало заключительной частью небольшой философской или философско-поэтической работы: «Вестники и их разговоры». Через несколько дней я читал ее у Липавских. Кроме хозяев присутствовали: Хармс, Олейников и Заболоцкий. После чтения было обсуждение. Интереснее всех говорил Хармс. Через сорок лет в одной из его записных книжек я прочел: «Друскин читал... «Вестников». Я — вестник». При обсуждении Хармс этого не сказал и вообще при жизни никому своих записных книжек не показывал. А я, когда писал эту работу, не думал о Хармсе...

В этой краткой заметке я привел лишь немногие примеры того, насколько была внутренняя творческая связь между нами — тремя поэтами и двумя философами, — степень проникновения одного в мир другого.

[1] Т. е. до ареста.

[2] Подобная же «безбытность» характеризовала другого поэта, Осипа Мандельштама, о чем писал, в частности, Н. К. Чуковский.

[3] Ср. в письме Друскина к Г. Б. Викторовой от 26 февраля 1967 г. о встрече со студентами Театрального института: «зашел разговор о Беккете <...> Я сказал им, что пьеса очень плохая — тенденциозная и скучная. Они возмутились. Тогда я сказал им, что прочту настоящий абстрактный театр и прочел Шурины Разговоры <...> и они сами признали, что хотя Разговоры написаны за 20 лет до Беккета, но после них Беккет — ничто».

[4] Эта книга Швейцера была выпущена по-русски в переводе Друскина.

[5] Здесь и ниже цитаты из стих. «Ответ богов».

[6] Из стих. «Приглашение меня подумать».

[7] Уорф Бенджамен Ли (1847—1941) — американский этнолингвист.

[8] Имеется в виду Вячеслав Всеволодович Иванов (р. 1929) — литературовед, лингвист, сын писателя Вс. Иванова, упомянутого в начале очерка.

Я. С. Друскин
**Коммуникативность в стихах и прозе
Александра Введенского**

Под названием «Коммуникативность в творчестве Александра Введенского» этот текст, с незначительной правкой, был опубликован Л. С. Друскиной: Театр. 1991. № 11. С. 80—94. Здесь публикуется по рукописному (с некоторыми вставками рукой Л. С. Друскиной и на машинке) оригиналу, который хранится в РНБ в составе исследования Я. С. Друскина «Звезда бессмыслицы». Это пятая, заключительная глава (Фонд. № 15. Л. 86—113). Очевидно, что, ободренный первыми шагами осваивавшей ОБЭРИУ филологии, автор готовил эту главу, как наиболее самостоятельную значимую, для публикации в каком-либо научном сборнике типа Тартуского. Рукопись претерпела немало изменений, во многих местах разрезана и склеена, носит следы нескольких нумераций.

Ниже исправлены мелкие отклонения от оригиналов в примерах из Введенского, а также убраны указания на год написания того или иного текста. Авторская орфография и пунктуация преимущественно сохраняется, в ряде значимых случаев в примечаниях приводятся зачеркнутые варианты.

1. Все сохранившиеся произведения Александра Введенского можно разбить на четыре категории.

1) Вещи без обозначения действующих лиц, условно назовем их лирическими.

2) Вещи с указанием действующих лиц, но без или почти без авторских ремарок, противопоставляемых действующим лицам. Назовем их условно драматизированными вещами.

3) Вещи с указанием действующих лиц и с авторскими ремарками, противоположаемыми словам действующих лиц, но неотделимыми от текста: они предназначены не для режиссера или актера, а для того, кто читает эти произведения или, если они могут быть поставлены на сцене, то для зрителя. Назовем их драматическими, хотя они и не соответствуют обычному понятию драмы. Таких вещей сохранилось шесть: «Кругом возможно Бог», «Куприянов и Наташа», «Некоторое количество разговоров», «Потец», «Где. Когда».

4) Драма в 9-ти картинах «Елка у Ивановых». Но и в этой драме авторские ремарки, преимущественно в начале и в конце каждой картины, неотделимы от текста и предназначены и для читателя, и для зрителя.

Кроме того сохранилось несколько неоконченных черновики и три теоретических литературно-философских рассуждения <...> [1].

В этой работе меня интересуют преимущественно произведения третьего рода. Но и в стихотворениях первого рода, условно названных лирическими, почти всегда встречаются разговоры и действия, причем действующие лица не обозначены сбоку, как принято в драматических вещах, а в самом тексте: в стихотворной строке иногда в середине или в конце появляется действующее лицо, его слова передаются иногда прямой, иногда косвенной речью. Стихотворение «Две птички, горе, лев и ночь» почти целиком построено на разговорах и действиях упомянутых в названии стихотворения «лиц», помимо того в действии или в разговорах принимают участие «барыня монашка», «утопленник», «пеликан», «кузен четверг» и другие. Семантическая связь, хотя и не обычная и не всегда «понятная», сохраняется и в авторской речи и в словах действующих «лиц». В написанном приблизительно в то же время стихотворении «Суд ушел» разговоров меньше, преобладает авторская речь, непосредственно переходящая в слова двух главных, а иногда и эпизодически появляющихся действующих лиц. Тема стихотворения сказана в самом названии: СУД. Два главных действующих лица — подсудимый, который иногда называется обвиняемым, злодеем, убийцей, и прокурор, он называется иногда судьей или судом. К концу стихотворения подсудимый отождествляется с авторским «я» и выясняется, что суд в этом стихотворении, по-видимому, тот же, что и в романе «Процесс» Франца Кафки (Кафку Введенский не знал) <...> [2].

Диалоги, разговоры, вообще коммуникативный момент характерны и для раннего Введенского. Стихотворение, написанное в начале 1926 года, «Острижен скопом Ростислав», все построено на вопросах, с которых оно начинается, и ответах: на протяжении 109 строк 13 вопросов и столько же ответов. Вопросы размером от одной до пяти строк, ответы иногда краткие, иногда пространные, иногда же переводят разговор на другую тему. Ответ-

ты связаны с вопросом более близко, чем в «Сутках», но так как звезда бессмыслицы здесь еще очень усложнена, то ответы, хотя и непосредственно связанные с вопросом, менее «понятны», чем часто не связанные с вопросом ответы Ласточки в «Сутках». Вопросы создают и структурное разделение, и, одновременно, единство, и ритм всего стихотворения, причем постоянно нарушаемый. Так как ответы, хотя бы и «бессмысленные», не независимы от вопросов, то нет и полифонии, это одномерный диалог. [3]

2. Коммуникация предполагает контекст, текст и контакт между отправителем сообщения и получателем. Для контакта требуется общий язык и понимание сообщения (текста). Как это совмещается с бессмыслицей у Введенского?

О. Г. и И. И. Ревзины [4] вводят восемь «содержательных» постулатов нормальной коммуникации и приводят примеры нарушения этих постулатов в драмах Ионеско. Эти нарушения нормальной коммуникации можно назвать антикоммуникацией. И коммуникацию, определенную восемью «содержательными» постулатами, и антикоммуникацию Ионеско можно объединить в один род нормальной коммуникации, первую со знаком плюс, вторую со знаком минус. Минус-коммуникация или антикоммуникация Ионеско только отрицает плюс-коммуникацию, не внося ничего нового в содержание понятия коммуникации. В сущности так же понимают минус-коммуникацию Ионеско и авторы «Семиотического эксперимента на сцене». Применимы ли постулаты нормальной коммуникации или плюс-, минус-нормальной коммуникации к вещам Введенского? Для ответа на этот вопрос обратимся прежде всего к постулату истинности, то есть требованию соответствия текста — действительности. Что значит соответствие, как понимать его?

В IV веке были особенно актуальны два понятия — подобосуция (Арий) и единосущия (Афанасий Великий). Подобосущность двух лиц или состояний, то есть подобность их сущностей, предполагает правдоподобное сходство или соответствие, если же эти состояния соединяются, то правдоподобное соединение. Единосущность двух лиц или состояний требует наиболее глубокого объединения их, в пределе — отождествления даже если они различны. Первое из этих учений пыталось рационально обосновать соединение [5] несовместимого; второе, требуя наиболее глубокого объединения вплоть до отождествления того, что для нашего ума несовместно, утверждало тайну, то есть алогичность подобного объединения или отождествления. Понятия подобосущности (правдоподобия) и единосущности могут быть применены и к постулату истинности, то есть к соответствию текста контексту. Это соответствие может быть подобосущным, то есть

правдоподобным, или единосущным. Вот что я под этим понимаю: соответствие текста контексту осуществляется в соответствии слова или слов тому, что эти слова обозначают. Слово — знак, что-либо обозначающий, то есть знак, как отношение знака к обозначаемому. Это отношение подобосушно, если оно остается только отношением; единосушно — если [6] постулирует тождество [7] знака означаемому. Возможно ли подобное отождествление? В некоторых сакральных и молитвенных текстах, в некоторых жизненных состояниях, мне кажется, оно реализуется; в музыке соответствие знака означаемому наиболее тесное: если в мелодии означаемым считать направление интервала (вверх, вниз), то два звука, обозначающих этот интервал, при слушании неотделимы от самого интервала; может, поэтому Введенский так часто упоминает в своих вещах музыку, музыкантов и певцов, звуки — ведь он сам хотел, чтобы поэзия производила не только словесное чудо, но и реальное [8]: он называет это ПРЕВРАЩЕНИЕМ слова в предмет, одного состояния в другое. Привожу три примера [9]:

1. как видно появилась ночь
и слово племя тяжелеет
и превращается в предмет
(«Две птички, горе, лев и ночь»)

2. я услышал конский топот
и не понял этот шепот,
я решил, что это опыт
превращения предмета
из железа в слово, в ропот
в сон, в несчастье, в каплю света.
(«Гость на коне»)

В первом случае слово превращается в предмет, во втором — предмет превращается в слово, и не только в слово, но и в определенные душевные или жизненные состояния: ропот, сон, несчастье.

3. Я вижу искаженный мир
я слышу шепот заглушенных лир
и тут за кончик буквы взяв
я поднимаю слово шкаф,
теперь я ставлю шкаф на место
он вещества крутое тесто
(«Ковер Гортензия» [10])

И здесь тоже слово шкаф превращается в шкаф. Во всех трех примерах противоположные члены оппозиции отождествляются [11]. В первых двух примерах отождествление различного Введенский называет превращением. О подобном же превращении Введенский говорит в большой поэме-драме «Кругом возможно Бог»:

И в нашем посмертном вращении
Спасенье одно в превращении.

Но здесь это превращение понимается в эсхатологическом смысле:

Мир накаляется Богом.

<Далее приводится несколько примеров упоминания музыки у Введенского, в том числе монолог Носова из «Кругом возможно Бог»:>

Важнее всех искусств
Я полагаю музыкальное
Лишь в нем мы видим кости чувств
Оно стеклянное, зеркальное.
В искусстве музыки, творец
Десятое значение имеет
Он отвлеченного купец
В нем человек немеет.
Когда берешь ты бубен или скрипку
Становишься на камень пенья,
То воздух в маленькую рыбку
Превращается от нетерпенья
Тут ты стоишь играешь чудно,
И стол мгновенно удаляется
И стул бежит походкой трудной
И география является.
Я под рокот долгих струн
Стал бы думать я перун
Или география.

Здесь тоже повторяется слово «превращается». Превращение для Введенского определенный иероглиф, имеющий онтологический и эсхатологический смысл.

Когда я учился у Э. Л. Радлова, он сказал мне раз: «главное чувство не зрение, а слух. Посмотрите на разговор глухонемых жестами и мимикой, это уродство, а слепые не производят впечатления уродов. Слух — наиболее интимное чувство». Для коммуникации слух важнее зрения, а для Введенского коммуникация, причем наиболее глубокая коммуникация — соборность — может быть самое главное. Цель звезды бессмыслицы — реализация соборности. Полное осуществление этой идеи — в будущем. Поэтому он и сказал мне раз: в поэзии я — предтеча, как Иоанн Креститель в религии [12].

Напомню еще слова Стравинского о том, что искусство не выражает что-либо, а ЕСТЬ единение с СУЩИМ, то есть единосущно. Стравинский сказал это о музыке, Введенский повторил бы то же самое о поэзии, во всяком случае он стремился к этому. Но единосущность знака означаемому в словесном искусстве, вообще в языке, противоречива, то есть алогична; бессмыслица Введенского и есть попытка осуществить единосущное соответствие знака означаемому, текста контексту. Это относится и к коммуникации, которая может быть подобосущной (правдоподобной) и единосущной, единосущная коммуникация — наиболее глубокая, ее можно назвать соборной коммуникацией, к ней и стремится Введенский в своих вещах, также и в Разговорах [13], особенно в шестом и десятом.

Подобосущность, то есть правдоподобие может быть плюс-, минус-правдоподобием, отношение между плюс- и минус-правдоподобием, как и плюс- и минус-коммуникацией контрарное и оба одинаково отрицают единосущность. Но единосущность не может быть минус-единосущностью, она есть или ее нет. Поэтому так ожесточенны были споры между сторонниками подобосущности и единосущности, причем первые шли на компромиссы, потому что подобосущность, то есть правдоподобие допускает различные степени правдоподобности, а единосущность не допускает никаких степеней — она, снова повторяю: или есть или ее нет. Я модернизирую или скорее реконструирую старые учения о подобосущности и единосущности, потому что они могут быть применимы и к современному искусству, и к философии, и даже к физике. Известны слова Бора об одной гипотезе: она слишком правдоподобна, чтобы быть истинной. Здесь уже прямо сказано, что правдоподобие и истинность — несовместимые понятия в современной физике.

В логике различается контрарная и контрэдикторная противоположность. Если понятие контрэдикторной противоположности расширить и определить как отрицание общего суждения не только противоположного, но и того же качества, то контрэдикторное отрицание можно понимать как отрицание рода абстрактной общности. Тогда единосущное соответствие текста контексту и вообще единосущная коммуникация будет контрэдикторным отрицанием нормальной подобосущной коммуникации,

как плюс-, так и минус-коммуникации. Единосушная коммуникация требует единосушность знака и означаемого, а эта единосушность алогична. Но алогичность не равносильна невозможности, сама жизнь алогична, об этом пишет Введенский и в «Серой тетради» [14].

Абсурд и антикоммуникация Ионеско принадлежит к тому же роду, что и логичность нормальной подобосушной (правдоподобной) коммуникации, то есть правдоподобного соответствия текста контексту, только со знаком минус. Бессмыслица и единосушная коммуникация Введенского или единосушное соответствие текста контексту — контрдикторное отрицание всего рода [15] нормальной правдоподобной коммуникации, то есть правдоподобного соответствия текста контексту, как плюс-, так и минус-соответствия. Поэтому и бессмыслица Введенского, в отличие от абсурда Ионеско, не негативное понятие, а имеет положительное содержание, но оно не может быть адекватно сказано на языке, предполагающем подобосушное соответствие текста контексту, знака означаемому.

Выводы [16]. На вопрос: признает ли Введенский постулат истинности, нельзя ответить ни да, ни нет; его понимание соответствия текста контексту и коммуникации [17] принципиально иное — вне понятий плюс- или минус-нормальной коммуникации.

Из неприменимости постулата истинности к стихам и прозе Введенского вытекает и неприменимость остальных «содержательных» постулатов.

ПОСТУЛАТ О ДЕТЕРМИНИЗМЕ утверждает, что не все события равновероятны [18]. И в произведениях Введенского не все события равновероятны, например действия, которые предполагаются в шестом Разговоре, то есть [Т] [19] вполне обоснованы. И также бездействие в метатексте, то есть [М], тоже не нарушает постулата о неравной вероятности событий. Но [Т] и [М], как действие и бездействие в одно и то же время несовместно [20]. Если из двух несовместных событий вероятность одного равна единице, то вероятность другого несовместного с первым равна нулю. Введенский же в шестом Разговоре отождествляет их. Тогда можно ли сказать, что Введенский признает постулат о детерминизме, то есть утверждает, что не все события равновероятны? Снова он не признает и не отрицает этот постулат, его понимание и действительности, и соответствия текста контексту, а поэтому и равной и неравной вероятности двух событий принципиально иное.

ПОСТУЛАТ ОБ ОБЩЕЙ ПАМЯТИ. В третьем Разговоре идет спор о том, был ли вчера ПЕРВЫЙ у ВТОРОГО или не был, причем собеседники понимают друг друга, помнят, что сказал другой собеседник, помнят и ссылаются на те же факты, хотя иначе толкуют их. Если бы не было предположения об общей памяти, то собеседники не могли бы ссылаться на те же самые факты, которые оба помнят, не мог бы вообще возникнуть этот спор. Но к какому

результату приводит этот спор? Удастся ли им вспомнить вчерашнее событие? Нет, не удастся, спор не приводит ни к какому результату:

ВТОРОЙ. Ты очень, очень убедительно рассказал все это [21], отвечал я, но я на время забыл что ты есть и все молчат мои свидетели. <...> Тогда ты сказал, что ты начинаешь испытывать смерть своих чувств, но все-таки, все-таки (и уже совсем слабо) все-таки, тебе кажется, что ты был у меня. И я тоже притих и сказал, что все-таки, мне кажется, что как будто бы ты и не был. Но все было не так».

Что это — признание общей памяти или ее отрицание? Ни то, ни другое, или и то и другое. Последние подчеркнутые мною слова можно применить к постулату об общей памяти: у Введенского ВСЕ БЫЛО НЕ ТАК и этот постулат Введенский не отрицает и не не отрицает.

ПОСТУЛАТ ОБ ИНФОРМАТИВНОСТИ.

Приведу [22] цитату из первого Разговора: «ВТОРОЙ. Тут нет птиц. Есть ли тут птицы».

Второе предложение как вопрос, следующий непосредственно за ответом на этот же вопрос, очевидно не сообщает никакой новой информации, ни субтекстовой, ни текстовой. Но это будет нарушением постулата об информативности только в подобосушной коммуникации. Сравнивая же эту пару предложений с другими аналогичными парами предложений из первого Разговора, где происходит аннигиляция двух высказываний, мы находим, что отсутствие новой информации в этом Разговоре создает новое функциональное значение отсутствия новой информации: семиотическое молчание. Снова Введенский не утверждает и не отрицает постулата об информативности.

В шести из восьми постулатов упоминается контекст: действительность, модель мира. Но модель мира, предполагаемая нормальной подобосушной (правдоподобной) коммуникацией, кажется Введенскому абсолютно нереальной и фантастичной. В шестом Разговоре контекст или действительность — [23] это то, что я назвал предметом текста [Т] и предметом метатекста [М]. Так как они, хотя и несовместны, отождествляются в метапредмете, то действительностью будет в этом случае метапредмет. Можно ли применить к нему постулат о тождестве, то есть меняется или не меняется метапредмет, пока о нем говорят? Но можно ли вообще применить понятие тождества к метапредмету, который есть тождество двух нетождественных предметов? Один из этих предметов [Т] изменяется во времени, другой [М] остается все время неизменным, фактически время для него равно нулю. Если искусственно выделить из метапредмета предмет текста [Т], то для него «тождество предмета не меняется, пока о нем говорят»: текст

в каждом столбце шестого Разговора полностью соответствует контексту (соблюдается постулат тождества). И также, если мы выделим предмет метатекста [М], то он тоже не меняется, пока о нем говорит автор; предполагается, что он вообще не меняется, может быть он вне времени — на это намекает автор в «Поясняющей мысли». Если же два несовместных предмета, один из которых меняется, а другой не меняется, отождествляются в метапредмете, то к нему вообще не применимы слова МЕНЯЕТСЯ или НЕ МЕНЯЕТСЯ. Но тогда не применимы к вещам Введенского и все «содержательные» постулаты, где упоминается действительность или модель мира, его модель мира и коммуникация в его модели мира — вне подобосущной или нормальной коммуникации, как плюс-, так и минус-нормальной коммуникации. В шестом Разговоре вполне ясна неприменимость «нормального» понятия контекста к модели мира у Введенского. Это относится и к другим вещам Введенского: в шестом Разговоре несовместны [Т] и [М]. В первом, пятом и седьмом Разговорах несовместны вступительная и заключительная авторские ремарки с средними ремарками в тексте. Если предметы, предполагаемые этими авторскими ремарками, объединить и назвать метапредметом, то к этому метапредмету не применимы постулаты плюс-, минус-подобосущной коммуникации. В третьем Разговоре [М] не совместен с [Т]. Предмет [Т] и [М] — спор ПЕРВОГО со ВТОРЫМ, то есть разговор. А в заключение ТРЕТИЙ говорит: «Вы оба ничего не говорили». Снова разговор отождествляется с неразговором. Тема или предмет спора — установление истинности или ложности определенного утверждения. И снова ТРЕТИЙ говорит: «Истина, как нумерация прогуливалась вместе с вами». Опять это высказывание находится вне понятия как плюс-, так и минус-подобосущной коммуникации. Это можно показать и на других вещах Введенского, все они вне плюс-, минус-нормальной коммуникации, потому что во всех его вещах (кроме может быть «Элегии») и модель мира и коммуникации в его мире основаны на единосущности [24].

3. Типы коммуникации в вещах Введенского.

И «технические» (схема Р. Якобсона) и «содержательные» постулаты коммуникации имеют в виду сам акт коммуникации между отправителем сообщения и его получателем. Но возможен и другой подход к коммуникации, когда возникает вопрос: КТО отправляет сообщение, для кого оно предназначено и КТО получает его. При таком подходе в вещах Введенского можно найти по крайней мере три типа коммуникации:

[1] Я — Я: внутренняя коммуникация или автокоммуникация.

[2] Я — Ты: внешняя коммуникация или просто: коммуникация.

[3] Я — ТЫ — МЫ: соборная коммуникация.

3.1. Я — Я. В «Последнем разговоре» [Т] одновременно как [Т] есть [М], то есть язык тождественен метаязыку. Как метаязык это разговор автора с самим собою, то есть автокоммуникация. Но как [Т], то есть разговор трех разных лиц, «Последний разговор» принадлежит к третьему типу. Привожу еще три примера автокоммуникации.

«Факт, Теория и Бог». В этом стихотворении встречаются разные типы коммуникации. Действующие «лица» в нем: Факт, Теория, Бегущий волк, Душа, Кумиры, Бог, Вопрос, Ответ. К первому типу относится монолог Души:

ДУША. иди сюда я.
иди ко мне я.
тяжело без тебя,
как самому без себя.
скажи, мне я
который час?
скажи мне я
кто я из нас?

Этот Разговор души с собою можно понимать и как внутреннее раздвоение души и как уже наметившееся, но еще не совершившееся разделение трех функций сознания — обозначателя, обозначаемого и обозначающего, и как тоже только еще возможное разделение Я на Я и Я САМ, Я САМ — уже не Я, а объект мысли о себе САМОМ.

Противоположение Я — Я САМ есть и в других вещах Введенского:

Мне жалко, что я не зверь
бегающий по синей дорожке.
говорящий себе поверь
а другому себе подожди немножко
мы выйдем с собой погулять в лес
для рассмотрения ничтожных листьев.
(«Ковер Гортензия»)

«Мы» в предпоследней строке, по-видимому, Я и Я САМ.

будет небо будет бой
или будем мы с собой
(«Значенье моря»)

Цветок несчастья мы взрастили
Мы нас самим себе простили
(«Элегия»)

«Битва». Действующие лица: Неизвестно кто, Человек, Малютка вина (последнее слово — не родительный падеж, а именительный), «Ангел». Начинает и кончает это стихотворение «Неизвестно кто» <...> [25]

«Неизвестно кто» здесь действительно неизвестно кто, может, это тот же, кто дальше назван Человеком, но сознающий свою внутреннюю раздвоенность, поэтому он и говорит о себе «мы». И последняя строка, может быть, относится уже к читателю: к каждому из нас.

«Ковер Гортензия» («Мне жалко что я не зверь») почти целиком автокоммуникация. 32 раза встречаются обороты, подобные следующим: «мне жалко что я не звезда», «мне не нравится что я не жалость», «мне страшно что я двигаюсь / не так как жуки жуки», «мне трудно что я с минутами, / они меня страшно запутали», «мне невероятно обидно / что меня по-настоящему видно». Всего же на протяжении 104 строк местоимение «я» в именительном, родительном и дательном падеже встречается 70 раз (помимо других местоимений).

Когда Введенский учил Т. Липавскую читать «Ковер Гортензию», он особенно подчеркнул [26] выделение местоимений. В связи с этим привожу слова Ю. М. Лотмана: «Чем отчетливее текст направлен на изображение не «эпизода из жизни», а «сущности жизни», чем отчетливее он имеет установку на изображение не «речи» действительности, а ее «языка», тем весомее в нем роль местоимения» [27]. Замечание Ю. М. Лотмана объясняет, почему Введенский именно «Ковер Гортензию», в котором по сравнению с другими его вещами больше всего местоимений, назвал философским трактатом [28].

3.2. Я — Ты. К этому типу принадлежит «Разговор о воспоминании событий» и вторая часть восьмого Разговора, где два купца в унисон, то есть как одно лицо, разговаривают с Ольгой, потом Зоей, потом с банщиком. Местами и в других Разговорах встречаются диалоги.

Есть диалоги и в «Елке у Ивановых», например, в третьей картине диалог родителей девочки Сони Островой, которой нянька отрубила голову. В конце третьей картины разговор головы с телом:

ГОЛОВА. Тело ты все слышало.

ТЕЛО. Я голова ничего не слышало. У меня ушей нет. Но я все переживало [29].

В шестой картине — разговор служанки с Федором, женихом няньки <...> [30].

В седьмой картине Собака Вера разговаривает с годовалым мальчиком Петей Перовым.

Очень часто полилог переходит в диалог и обратно, например, в стихотворении «Две птички, горе, лев и ночь», причем «ночь в кафтане быстротечном / и в железном картузе» обращается к двум птичкам и тушканчику, а ей отвечает пеликан, она же обращается со своим ответом не к «пеликану», а к «хромому горю» и затем к «морю» <...>

Привожу еще диалог из «Битвы»:

МАЛЮТКА ВИНА: Умираю умираю
И скучаю и скорблю
Дней тарелку озираю
Боль зловещую терплю.
АНГЕЛ: Это что за грозди?
МАЛЮТКА ВИНА: Два бойца
Два конца
Посредине гвоздик.

Если в последних трех строчках вместо слово «бойца» подставить слово «кольца», то получится известная загадка (ножницы). Подобные пародии и перифразы встречаются у Введенского и в некоторых других вещах, особенно много их в большой поэме «Минин и Пожарский».

Этот отрывок не так «бессмыслен», как может показаться при первом чтении. Напомню начало «Битвы»: «Мы двое воюем» [31], поэтому: два бойца; два конца — может быть рождение и смерть, о которых говорит Человек в приведенной выше цитате. «Дней тарелка» — дни жизни. В «Кругом возможно Бог» — «тарелка добра и зла» — по-видимому древо познания добра и зла. Не случайно, мне кажется, ТАРЕЛКА дней жизни и ТАРЕЛКА добра и зла: соединяются жизнь и грехопадение, а может и так: по Кьеркегору время начинается с грехопадения, то есть с вкушения плодов древа познания добра и зла. Последнюю строку можно соединить с «зловещей болью». Это пояснение я ни в коем случае не считаю объяснением «звезды бессмыслицы», которая здесь есть, она останется не объясненной и не понятой. Это только совет: хочешь, думай так, а не хочешь, думай иначе или вообще не думай, что может быть самое правильное.

Некоторые стихи Введенского целиком диалоги, например «Куприянов и Наташа» или «Сутки». «Зеркало и музыкант» — в основном диалог между музыкантом Прокофьевым и Иваном Ивановичем. Но в вступительной ремарке сказано:

«В комнате зеркало. Перед зеркалом музыкант [32] Прокофьев, в зеркале Иван Иванович».

Поэтому трудно сказать, разговор ли это двух разных лиц, или скорее раздвоение одного лица, и разговор человека с его отражением в зеркале. Но и в этом случае мое отражение в зеркале не я, а анти-я. Л. Д. Ландау писал [33]: если бы мы могли увидеть античастицу, она выглядела бы как отражение в зеркале соответствующей частицы. В отрывке из «Гостя на коне» отражение рыб и вообще мира получают самостоятельное существование как антимир.

То же самое мы наблюдаем и в пьесе «Зеркало и музыкант». С одной стороны, «Вбегающая мать» говорит:

Иван Иванович ты божок
ударь в тарелку, дунь в рожок
в стекле испуганном и плотном
тебя мы видим все бесплотным,
ты не имеешь толщины
как дети, люди и чины.

Из выделенных мною слов ясно, что Ив. Ив. — отражение в зеркале. Далее же «Входящая бабушка» говорит о Прокофьеве и Иване Ивановиче как о двух разных лицах:

Собрание этих атеистов
напоминает мне моря
ругательств умных сатанистов
их мысли будто якоря
застряли в сомкнутых канавах
и в человеческих тяжелых нравах.

Подчеркнуто, как всегда, мною.

Отмечу одну особенность некоторых диалогов (и полилогов) у Введенского: тождество личности в них иногда одновременно и сохраняется и не сохраняется. Например в девятом Разговоре участвуют как и во всех Разговорах, три разных лица, в конце возникает спор, и ясно, что спорят разные люди; и в то же время в начале ТРЕТИЙ сообщает, что «сочинил стихи о тысяча девятьсот четырнадцатом годе» и затем ПЕРВЫЙ говорит, что прочтет их, а читает ВТОРОЙ [34]. Дальше после краткого разговора сообщает ТРЕТИЙ: «Я продолжаю», а читает уже ПЕРВЫЙ и аналогично дальше. Только ТРЕТИЙ вначале сообщает, что сочинил стихи, но читают их по поряд-

ку: ВТОРОЙ — ПЕРВЫЙ — ТРЕТИЙ — ВТОРОЙ, причем трижды сообщает «Я продолжаю» не тот, кто читает стихи, а предшествующий собеседник. Что это — несохранение тождества личности или наоборот наиболее глубокая коммуникативность участников разговора?

В «Четырех описаниях» полностью сохраняется тождество личности каждого из четырех умир.(ающих) и в то же время рассказ третьего умир.(ающего) прерывается:

1-й умир.(ающий). Я тебя прерву.
3-й умир.(ающий). Что?
1-й умир.(ающий). Прерву тебя.
3-й умир.(ающий). Прерви меня.
1-й умир.(ающий). Прервал тебя.
2-й умир.(ающий). Я продолжаю.
3-й умир.(ающий). В окопе на кровати я лежал,
И Мопассана для себя читал
.....
.....

Продолжает рассказ о своей смерти тот же, кто и начал его — ТРЕТИЙ, в самом разговоре ПЕРВОГО с ТРЕТЬИМ полностью сохраняется «обычная» семантическая связь и коммуникация, но говорит: «Я продолжаю» — ВТОРОЙ, а не ТРЕТИЙ.

3.3. Я — ТЫ — МЫ. К этому типу принадлежат большинство Разговоров. Наиболее интенсивна соборная коммуникативность в двухмерных [35] Разговорах, то есть в шестом и десятом, хотя в них ни разу не встречается слово МЫ. Именно двумерность Разговора создает наибольшую коммуникативность: в шестом Разговоре — совместное или соборное действие: непосредственное продолжение жизни в смерть; в «Последнем разговоре» — соборность мысли; может потому, что в этом Разговоре [Т] тождественно [М] и он одновременно воспринимается и как [Т] и как [М], то в нем сильнее всего ощущается коммуникативность: автокоммуникация в [М] и соборная коммуникация в [Т].

Если Разговоры расположить по степени интенсивности соборной коммуникации, то во вторую группу войдут первый, пятый и седьмой разговор. В этом отношении наиболее интересен седьмой Разговор: несмотря, а может именно благодаря распадению речи на слова, в нем сильно ощущается соборная коммуникативность в раздробленности и «мерцании» речи и мира. Слабее всего соборная коммуникативность в восьмом Разговоре: в маскараде скрывают себя.

Приведу еще несколько примеров из других стихотворений Введенского.

В «Четырех описаниях», как я уже говорил, восемь действующих лиц: четыре покойника, которых автор называет «умир.(ающими)», рассказывают о своей смерти и четыре потусторонних вестника. Стихотворение начинается словами одного из них, Зумира:

Зумир. Желая сообщить всем людям,
зверям, животным и народу.
о нашей смерти, птичьим голосом
мы разговаривать сегодня будем.

К концу стихотворения снова говорит Зумир:

Зумир. Мы выслушали смерти описанья,
мы обозрели эти сообщенья [36] от умирающих умов.

Кто эти «Мы»? Во-первых, это вестники, выслушивающие «смерти описанья». Во-вторых, и сами умир.(ающие) рассказывают о своей смерти не только вестникам, но и друг другу:

1-й умир. (ающий). Да покойники, мы пьем из невеселой чаши,
нам не сладки воспоминанья наши.

И сообщения умир.(ающих) и рассказы вестников в большом вступлении шесть раз прерываются репликами действующих лиц. Иногда эти реплики лишены конкретного содержания, прерывающий только сообщает, что он прервет рассказ.

Из первых слов Зумира можно предположить, что «Мы», выслушавшие «смерти описанья», включает и читателя, ведь сообщение направлено «всем людям, / зверям, животным и народу».

«Приглашение меня подумать». В этом стихотворении местоимение Мы в разных падежах встречается на протяжении 78 строк 25 раз, а местоимение Ты, Вы и повелительное наклонение преимущественно во втором лице — 13 раз. В середине стихотворения в одной строке «Ты», «Я» и «Он» объединяются в «Мы»:

Ты или я или он, мы прошли волосок,
мы и не успели посмотреть минуту эту,
а смотрите Бог, рыба и небо исчез тот кусок
навсегда очевидно с нашего света.

В этом стихотворении автор обращается к ночи, к искусству [37], к лисицам и жукам, к Богу, рыбе и небу, и, по-видимому, и к читателю: **Мы** объединяет здесь автора с читателем, «Приглашение меня подумать» распространяется и на читателя. На это, мне кажется, указывает и начало стихотворения:

Будем думать в ясный день,
сев на камень и на пень.

В стихотворении «Ковер Гортензия» дважды объединяется **Я** и **Ты** в **Мы**. Хотя автор обращается здесь к ветру, все же, а может быть тем более, это объединение интересно и характерно для Введенского:

Мы сядем с тобою ветер,
На этот камушек смерти
кругом как свеча возрастает трава,
и мигом качаются деревья [38].

«**Мы**» здесь авторское **я** и ветер.

Может быть, к этому же роду коммуникации относятся и следующие строки в начале и в конце стихотворения «Человек веселый Франц»:

мерял звезды звал цветы
думал он что я есть ты
.....
.....

мерять звезды звать цветы [39]
составляя я и ты.

В «Элегии» в первой и пятой строфе упоминается местоимение **Я**, с третьей по шестую строку — **Мы**, в двух последних — **Ты** и глагол второго лица повелительного наклонения. Тема первой и второй строфы — «весь мир как снег прекрасный». Пусть это будет **ОН**. В седьмой строфе «божественные птицы» — судьба, рок или скорее Провидение, так как язычески-пантеистический взгляд на мир Введенскому абсолютно чужд. Пусть это будет **ОНО**.

Я ввожу местоимения **ОН** и **ОНО**, потому что в дальнейшем «миру как снег прекрасному» и летящим «божественным птицам» противопоставляются **Я**, **Ты** и **Мы**. Из этих пяти элементов можно построить схему «Элегии»:

I.	ОН	↔	Я
II.	ОН		
III.	ОН	↔	МЫ
IV.	МЫ		
V.	Я	→	ОН
	МЫ	→	ОН
VI.	ОН	↔	МЫ
VII.	ОНО	↔	МЫ
VIII.	ОН	↔	ТЫ
IX.	ОН	↔	ТЫ

Слева стоят номера строф. В последней строке первой строфы уже чувствуется намек на конфликт между Я (или МЫ) и ОН: «И смерти час напрасный». Вторая половина второй строфы — ритуальный танец коней:

Вот конь в волшебные ладони
 Кладет огонь лихой погони
 И пляшут сумрачные кони
 В руке травы державной.

«Волшебные ладони» (копыта) коней соединяются с рукой «травы державной».

Первые две строки третьей строфы относятся еще к НЕМУ, то есть к миру, как снег прекрасному, которому противопоставляется «МЫ», начиная с третьей строки. В строфе — три раза местоимение МЫ, с которым согласуются семь глаголов. В четвертой строфе — восемь раз слово МЫ в разных падежах:

Нам восхищенье неизвестно
 нам туго пасмурно и тесно,
 мы друга предаем бесчестно
 и Бог нам не владыка.
 Цветок несчастья мы взрастили,
 мы нас самим себе простили,
 Нам, тем что [40] как зола остыли,
 Милей орла гвоздика.

В пятой строфе Я объединяется с МЫ или входит в МЫ и противопоставляется ЕМУ, то есть миру, как снег прекрасному. Это противоположение продолжается и в шестой строфе. В седьмой строфе оппозиция ОНО ↔ МЫ:

Летят божественные птицы
Их развешаются косицы
Халаты их блестят как спицы [41]
В полете нет пощады.

Противоположение сказано в последней строке, а также и во второй половине строфы.

В восьмой строфе в первых трех строках — «ручей хрустальный», «конь зеркальный» и «воздух музыкальный», снова ОН, которому противопоставляется ТЫ и так же в последней строфе:

Не плещут лебеди крылами
над пиршественными столами
совместно с медными орлами
в рог не трубят победный.
Исчезнувшее вдохновенье
Теперь приходит на мгновенье
На смерть! На смерть! держи равненье
поэт и всадник бедный.

В пятой строфе Я вошло в МЫ, в восьмой строфе ТЫ — обращение к читателю, «Вдыхая воздух... Вдыхаешь ты и тленье», поэтому и «всадник бедный» — каждый из нас.

Обращение к читателю сильно ощущается и в других стихах Введенского, особенно в вещах с авторскими ремарками. Напомню «Поясняющую мысль» [42] — она уже прямо обращена к читателю: «Не забудь, тут не три человека действуют... Что НАМ их смерть, для чего ИМ их смерть». В последних словах объединяются МЫ (НАМ) и ОНИ — трое действующих лиц. Девятая картина «Елки у Ивановых», как и все картины начинается авторской ремаркой, она тоже обращена непосредственно к читателю (или зрителю): «Картина девятая, как и все предыдущие изображает события, которые происходили за шесть лет до моего рождения, или за сорок лет до нас. Это самое меньшее. Так что же нам огорчаться и горевать о том что кого-то убили. Мы никого их не знали, и они все равно все умерли».

И в других вещах Введенского (например, в пьесе «Потец») встречается прямое обращение к читателю [43].

Авторские ремарки у Введенского [44] произносят не действующие лица, а сообщает сам автор, поэтому они обращены к читателю или зрителю. И одновременно они входят в текст; метатекст, даже если он антитекст, как в шестом Разговоре, является неотделимой частью текста в широком смысле,

то есть всего произведения. Так достигается наиболее глубокая коммуникация автора с читателем (или зрителем). Это относится и к другим вещам Введенского: и в стихах, без выделенных автором ремарок, они есть, как рассказ о событиях, непосредственно переходящий в слова действующих лиц.

4. Мысль Введенского все время движется в противоположениях, причем противоположные члены оппозиции отождествляются. Коммуникация предполагает контакт, то есть связь. Введенский утверждает наиболее тесный контакт, но находит его в «бессвязности мира» и в «раздробленности времени». В «Разговорах» Л. Липавского приводятся следующие слова Введенского: [45] «...я убедился в ложности прежних связей (речь идет “о поэтической критике разума более основательной, чем та, отвлеченная” <...> я даже не знаю, должна ли быть одна система связей или их много. И у меня основное ощущение бессвязности мира и раздробленности времени. А так как это противоречит разуму, то значит разум не понимает мира». Тогда же в 1933—34 году он сказал: «Я понял, чем я отличаюсь от прочих писателей, да и вообще от людей. Те говорили: жизнь — мгновение в сравнении с вечностью. Я говорю: она вообще мгновение, даже в сравнении с мгновением». О «мгновенности» жизни писал еще Кьеркегор, его последняя вещь — «Листки» под названием «Мгновение». До Кьеркегора об этом говорил и Паскаль: «большинство людей вообще не живут, так как живут или в воспоминаниях, то есть в том, чего уже нет, или в ожидании будущего, то есть в том, чего еще нет». Приведу еще два отрывка из стихотворений Введенского:

Не разглядеть нам мир подробно,
ничтожно все и дробно.
Печаль меня от этого всего берет.
(«Четыре описания»)

Женщина спит
Воздух летит
Ночь превращается в вазу
В иную нездешнюю фазу
Вступает живущий мир
Дормир Носов, дормир.
Жуки выползают из клеток своих
Олени стоят как убитые
Деревья с глазами святых

Качаются Богом забытые
Весь провалился мир
Дормир Носов, дормир.
Солнце сияет в потемках леса
Блоха допускается на затылок беса.
Сверкают мохнатые птички
В саду гуляют привычки
Весь рассыпался мир
Дормир Носов, дормир.
(«Кругом возможно Бог»)

В «Серой тетради» эта «дробность» и «рассыпание» мира понимается как «мерцание мира»: «...Если с часов стереть цифры, если забыть ложные названия <минут, секунд, дней, недель, месяцев...> [46], то уже может быть время захочет показать нам свое тихое туловище, себя во весь рост. Пускай бегают мышь по камню. Считай только каждый ее шаг. Забудь только слово КАЖДЫЙ, забудь только слово ШАГ. Тогда каждый ее шаг покажется новым движением. Потом так как у тебя справедливо исчезло восприятие ряда [47] движений как чего-то целого что ты ошибочно называл шагом <...>, то движение у тебя начнет дробиться, оно придет почти [48] к нулю. Начнется мерцание. Мышь начнет мерцать. Оглянись: мир мерцает (как мышь) [49] («Серая тетрадь», «Простые вещи»).

В прозаическом заключении стихотворения «Колоколов», написанном в то же время (1932), снова идет речь о дробности мира и времени, причем они объединяются с иероглифом свечи.

«Мне невольно. Кому? мне. Что? Невольно. Я один как свеча. Я семь минут пятого один восемь минут пятого как девять минут пятого свеча десять минут пятого. Мгновенья как не бывало. Четырех часов тоже. Окна тоже. Но все то же самое <...>. Наступает ночь ума. Время всходит [50] над нами как звезда <...>. Глядите оно стало видимым. Оно всходит над нами как ноль. Оно все превращает в ноль. Христос Воскрес — последняя надежда». (Сохранена в точности пунктуация Введенского).

«Дробность», «рассыпание», «мерцание» мира у Введенского двузначно: во-первых, дробится и рассыпается и речь (например, в седьмом Разговоре), то есть связь и коммуникация между людьми: «печаль меня от этого всего берет»; во-вторых, подлинная жизнь понимается, как предельная «дробность» — мерцание или мгновение, причем эта мгновенность и дробность не исключает коммуникации между людьми; в седьмом Разговоре даже речь распадается на слова [51].

Привожу первую строфу из седьмого Разговора:

ПЕРВЫЙ. Он дунул.
ВТОРОЙ. Он плюнул.
ТРЕТИЙ. Все погасло.
ПЕРВЫЙ. Зажги.
ВТОРОЙ. Свечу.
ТРЕТИЙ. Снова.
ПЕРВЫЙ. Не получается.
ВТОРОЙ. Гаснет.
ТРЕТИЙ. Свеча снова.

<...>. Распадение предложения на слова здесь не уничтожает, а наоборот создает наиболее глубокую коммуникативность участников совместного разговора и совместного действия — поездку «в далекую Лету». Здесь Введенский снова отождествляет два противоположных члена оппозиции: раздробленность мира, жизни и речи, уничтожающей всякую возможность коммуникации, с наиболее глубокой коммуникацией и совместным действием в этой раздробленности — в мерцании мира [52].

Этот раздел я закончу тремя выдержками из «Серой тетради», где Введенский говорит о главных темах, интересовавших его всю жизнь. Эти темы по его собственным словам: Время. Смерть. Бог. Они неотделимы от алогичности, от понимания — непонимания и от коммуникации в том виде, как ее реализовал в своих вещах Введенский. Бессмыслицу, алогичность, непонимание связывают иногда с иррациональностью, а последняя ассоциируется часто с некоторой неясностью или смутностью. Бессмыслица Введенского не иррациональна, а арациональна [53]. Хотя логос и логичность происходят от одного корня, но это два разных и иногда несовместных понятия. Logos — не *pus* и *sermo* — не *ratio*. И также по-русски эти два слова различаются. Логос именно алогичен, но алогичность не обязательно иррациональна. И стихи и проза Введенского, особенно начиная с 1929 года, и [54] по языку и интонационно очень четки и ясны, почти прозрачны. Я приведу еще три выдержки из «Серой тетради», где он говорит и о трех главных темах, интересовавших его всю жизнь и о непонимании и алогичности подлинной а не по его словам фантастической жизни. Я привожу эти выдержки еще потому, что они дают некоторое представление о прозе Введенского, которая может быть «даже выше его стихов. Это основа всякой будущей прозы, открытие ее» (Н. Олейников о Введенском. Цитата из «Разговоров» Л. Липавского) [55].

1973

[1] Далее в рукописи: *выдержки из одного из них, условно называемого «Серой тетрадью», приводились выше* (в опубл. варианте, соответственно: *приводятся ниже*).

[2] Далее приводится финал стих. «Суд ушел», в первой публикации цитата заменена отточием в скобках.

[3] С начала и до этого момента — набело переписано рукой Л. Друскиной, далее — черновая авторская рукопись.

[4] О. Г. Ревзина, И. И. Ревзин. Семиотический эксперимент на сцене. Труды по знаковым системам, V. Тарту. 1971 (примеч. Друскиной).

[5] Первоначально: *совместимость* (зачеркнуто).

[6] Далее зачеркнуто: *во всяком случае*.

[7] Слова с этим корнем, столь важные для данного текста, пишутся в нем по-разному: сначала без «д» («тожество» и т. п.) затем со вставленным «д» и затем с «д» («тождество» и т. п.). Оба написания равно допустимы; здесь, вслед за первой публикацией, принят окончательный вариант.

[8] Л. Липавский. Разговоры (примеч. Л. Друскиной).

[9] Вместо этого предложения в рукописи стоит: *(примеры на стр. <пробел>)*.

[10] Условное название стихотворения «Мне жалко, что я не зверь» (примеч. Л. Друскиной).

[11] Фрагмент отсюда и до слов *Иоанн Креститель в религии* заменен в опубликованном Л. Друскиной варианте предложением: *Это превращение имеет для него также и сакральный и эсхатологический смысл*.

[12] Далее в рукописи (с. 12, откуда взяты примеры) — о вариации иероглифов.

[13] А. Введенский. Некоторое количество разговоров (примеч. Л. Друскиной).

[14] Далее в рукописи: *выдержки из нее приложены к этой главе*. В примечании Л. Друскиной объясняется, что такое «Серая тетрадь» (на тот момент хранившаяся у нее).

[15] В публикации Л. Друскиной: *всякого рода*.

[16] Подчеркнуто волнистой линией.

[17] В публикации исправлено на *коммуникации и соответствия текста контексту* — очевидно, во избежание падежной путаницы.

[18] Далее зачеркнуто: *хотя по его собственным словам действия, которые есть в его стихах и иногда прозе, «не логичны и бесполезны» («Серая тетрадь», в конце главы цитата приводится полностью), но нелогичность или бессмыслица Введенского не неча-ячны?* здесь кончается страница».

[19] В драматических вещах Введенского текст разделяется <Друскиным> на собственно текст — слова действующих лиц [Т] и авторские ремарки — метатекст [М.]. (Примеч. Л. Друскиной).

[20] В публикации Л. Друскиной: *как действие и бездействие в одно и то же время, несовместны.*

[21] У Друскина: *Ты очень убедительно доказал все это <...>.*

[22] В рукописи: *Я уже приводил <...>.*

[23] В этом месте открыта скобка, а где она должна была закрыться, не вполне ясно.

[24] Далее зачеркнут фрагмент о «постулате о семантической связности текста».

[25] Далее цитаты из этого стихотворения, опущенные также в публикации Л. Друскиной.

[26] В рукописи здесь: *второе из приведенных на стр. <пропуск> замечаний — <...>.*

[27] Ю. М. Лотман. Анализ поэтического текста. Л., 1972. С. 85 (примеч. Друскина).

[28] В разговоре с Я. Друскиным (примеч. Л. Друскиной).

[29] У Друскина: *прочувствовало.*

[30] Здесь и в следующем случае, вслед за публикацией Л. Друскиной, цитаты опущены.

[31] У Друскина: *Мы оба воюем.*

[32] Это слово у Друскина пропущено.

[33] В рукописи: *Вспомним, что писал Л. Д. Ландау о частице и античастице (стр. <пропуск>).*

[34] Далее в рукописи: *(Стихи, которые он читает, приведены на стр. <пропуск>).*

[35] «Двухмерность» — термин автора. Определение его дано в 1 главе «Звезды бессмыслицы». Поясню его на примере десятого Разговора. В этом Разговоре четыре части: каждая из них заканчивается словами Третьего: «Ничего я не мог понять» (В последней части за ними следуют слова Первого). Если расположить эти части одну рядом с другой так, чтобы соответствующие реплики Первого, Второго и Третьего совпадали по горизонтали, то получим матрицу, которую можно читать не только по вертикали, т. е. строку за строкой, но и по горизонтали: строку (или две) из первой части, затем также из второй части и т. д. При таком «горизонтальном» чтении мы обнаружим глубокую внутреннюю связь соответствующих строк из разных вертикалей. Конечно, после такого чтения надо вернуться к обычному чтению по вертикали. Но после «горизонтального» чтения оно звучит уже иначе — открываются внутренние вертикальные и горизонтальные связи — сверхсмысл всего Разговора. Таким образом составляется матрица шестого Разговора. (Примеч. Л. Друскиной).

[36] У Друскина: *сообщения и ниже описания, восхищение и пр.*

[37] Далее зачеркнуто: *к государству*.

[38] В рукописи вначале ошибочно *небеса*, исправлено.

[39] В рукописи ошибочно (вслед за машинописью): *терять звезды
сдать цветы*.

[40] В авторском (Я. Д.) экземпляре «Элегии» стоит именно «что». Кроме того, он считал, что «кто как» звучит поэтически хуже, чем «что как». (Три «к» сливаются: «кто как».) (Примеч. Л. Друскиной).

[41] У Друскина вторая и третья строки поменаны местами, в соответствии с вышеупомянутым экземпляром. См. примеч. к «Элегии» в наст. изд.

[42] Начало седьмого Разговора (примеч. Л. Друскиной).

[43] Этой строки в рукописном оригинале нет.

[44] В оригинале: *и у Введенского* (описка?).

[45] Начиная отсюда вклеена машинопись.

[46] Угольные скобки с пояснением — авторские.

[47] У Друскина ошибочно: *исчезнет восприятие рода*.

[48] Этого слова в рукописи Друскина нет.

[49] Скобок в рукописи Друскина нет.

[50] Здесь и ниже у Друскина — *восходит*.

[51] С этого места и до конца текст рукописи заменен в публикации Л. Друскиной следующим абзацем:

Главные темы, интересовавшие Введенского всю жизнь, — это Время, Смерть, Бог. Об этом он пишет в «Серой тетради». А они, в свою очередь, неотделимы от алогичности, от понимания-непонимания и от коммуникации в том виде, как ее реализовал в своих вещах поэт. Бессмыслицу, алогичность, непонимание связывают иногда с иррациональностью, а последняя часто ассоциируется с некоторой неясностью или смутностью. Бессмыслица Введенского не иррациональна, а арациональна. Хотя Логос и логичность происходят от одного корня, но это два разных и иногда несовместных понятия. Логос именно алогичен, но алогичность не обязательно иррациональна. И стихи и проза Введенского, особенно начиная с 1929 года, по языку и по композиции очень четки и ясны, почти прозрачны. По сути же своей это философская поэзия (и проза). В этом отношении он продолжает традицию русской литературы, начатую еще Державиным.

[52] С этого места — опять рукопись.

[53] Следующее предложение — вставка рукой Л. Друскиной.

[54] Здесь зачеркнуто слово *стилистически*: правка весьма знаменательная, так как о «стиле» применительно к Введенскому говорить не приходится.

[55] Далее в оригинале — обширные цитаты из «Серой тетради».

Из записных книжек Даниила Хармса

Оглавление Шуркиной Тетради

По записным книжкам Хармса разбросано множество отрывков и отдельных строк из известных нам текстов Введенского. В записной книжке № 8 (1927) содержится список «Оглавление Шуркиной тетради». Судя по нему, в тетради было более 300 страниц. Из перечисленных 36 текстов сохранились «Начало поэмы», «Острижен скопом Ростислав», «Минин и Пожарский», «Седьмое стихотворение», остальные, судя по всему, утрачены.

Зап. кн. № 8. Л. 68—68 об., 1926. Опубликовано в ПСС, ПСП 1993 и других изданиях.

1) Под Лошадку, под Лампадку Журналист.....	1
2) Сказание не то о царьках.....	6
3) Могила памятник драгун.....	12
4) Ладонь Киевлянина	7
5) Начало Поэмы.....	29
6) Сатира на жинатых.....	33
7) Он сказал, нянька ему ответ[ила], а [он] опять сказ[ал]	36
8) Крен, жабры, оселок	41
9) Острижен скопом Ростислав	46
10) Даниил Хармс	52
11) И я в шинели	82
12) Моя мама вся в часах	86

13) И он был добрым к своим друзьям	121
14) О ———	127
15) Минин и Пожарский	132
16) Обмокни Дитя	170
17) По небу смутному полночи	173
18) Пожар на пользу	176
19) Вот зреет абенд вздохнули плечи	181
20) Испанцы милые	185
21) Буря и Дядя	188
22) Ответ Девы	190
23) Воспитание души	191
24) Русское чтение	197
25) Беседа с Рощей	248
26) Самонаблюдение над стеной	259
27) Грецкая элегия	265
28) Вторые темные поля	269
29) Пиковая Дама	278
30) (/Состояние Двухперстного ощущения времени/)	288
31) Окончательные Дела	288
32) Гробовое небесное видение	293
33) Что мы об этом знаем	299
34) День и Ночь	
35) Гимн водке	
36) Седьмое стихотворение	

[Рецензия]

Текст, условно называемый «рецензией», занимает четыре разворота одной из записных книжек 1925 г., которые, очевидно, были заполнены в один присест и по одному поводу. Могут быть высказаны разные предположения:

1. Что это наброски оригинального произведения самого Хармса, как предполагал в свое время А. Устинов.

2. Что это размышления по поводу текста, принадлежащего другому лицу. Об этом свидетельствуют присутствующие в «рецензии» оценки: «хорошо», «плохо».

3. Промежуточный вариант: что это наброски текста, который Хармс предполагал написать совместно с другим лицом.

Второе предположение представляется наиболее вероятным. Есть основания идентифицировать «другое лицо» как Введенского.

*Опубликовано в журн. «Московский наблюдатель», 1991. № 5 (А. Г.). Фонд. № 73.
Л. 90—94. Орфография и пунктуация оригинала сохранены, подчеркивания и рам-
ки — опущены.*

<л. 90>

действующие лица
определенны
дольч фарниент.
все ты вреш Цициан
Ты должно быть просто пьян.
разговор одинаковыми фразами.

корешок корешок

отставить
оправится.

хмамбанный
у провского: «разговор двух людей».
наоборот разговор предметов.

<л. 91>

12.53 др. что октер Маховое добро
штуцы исполать.
микитками шпокола.
яж бук.

утомленными утомленными
дядя дядя ныл ныл
(гёмлю?) черемис дедушка Енот
черемис (серия).

как мак

чихает как розовая вода
как ошпаренная
дочь

лаялем. (стоял).
панихидушка матка
ладон
к
человек ада

Иван не Кузмич.
проплывать персиком
он сложить гвоздиком.
не говорю бедный Артур
тоже сапоги

<л. 91 об.>

непрерывно рядом с
землей; дальше
Мелкий бес.

Мар. Петр. Маховое добро.
в эту рань в эту рань
Разговор офицера
о воде. хорошо.
А вот перед этим
разговор о вдове раскладной
плохо.
О в зубы дал
я челюсть сломал.
вставные лица
с [глупыми]
нелепыми фразами.

<л. 92>

Разговор о вдруг и т. д.
в 1-ый раз.

афины

Ваше тело здорово
пахнет сильно боровом

вставленно [для] ради
того, что понравилось

засыпая стал памятником чугунным
достойно старых писателей.

Плохие стихи в начале
10 [главы] названия.
(все купцы)

хорошо.

концовки перечнем.

<л. 92 об.>

I часть по многообразию
«Зангези» Велемира.
О солнце слонце
о слунцо слунко
Маяков. Ура Гипп
банзай
Асеев Соловей
расиньоль нахтигаль
снаряды смерти
мельница с
кнопками смерти
символизм
Пора стаканы смерти
сбросить.

<л. 93>

II часть символическая.
Слова разговорного
лексикона поставлены
в таком построении
что не теряется их
руско-национальная
красота.

жестов/к?
Эй вали по дороге
пустой

челкимвэк

мельница огня

<л. 93 об.>

Р Е Ц Е Н З И Я .

I действие легче
нежели II-ое.

общий славянизм.

О конце
Уничтожается ли
<нрзб> Король.

Любовник по
мнению Запатонова
несерьезно.

о Абстрактной
Зауми.

<л. 94>

Если от не заумной речи
можно требовать
национальность,
то от зауми тем более.

Свою теори[ю] о
красоте национального
слова.

Л. 90. *Разговор одинаковыми фразами*, примеры подобного «разговора» здесь и на л. 91. Ср. в «Минине и Пожарском»: «Проходит свеча в тазу, проходит свеча в тазу, проходит свеча в тазу»; «Я купаюсь извини меня извини меня я ослепший корешок я ослепший корешок, и я в котле и я в котле, я купаюсь я купаюсь извини меня». Характерный прием Введенского на все времена.

у провского: «разговор двух людей». — Можно предположить, что «провский» — фамилия персонажа утраченного текста Введенского; ср. у него аналогичные фамилии, отчасти апеллирующие к его собственной: Горский, Сви-дерский, Сандонецкий и др. *Разговор* — наиболее удачное обозначение важнейшего для Введенского жанра: именно не «пьеса» (действие), а разговор (обмен текстами), субъектами которого выступают не только люди и животные, но и предметы. Ср.: «ну предметы не плошай» («Ответ богов»).

Л. 91. *микитками, исполать* и др. — ср. ниже «о красоте национального слова». Подобное словоупотребление, наряду с «плясовыми» и частушечными ритмами, характерно для раннего Введенского, но еще более для раннего Хармса.

как мак, чихает как розовая вода, как ошпаренная дочь — ср. основной для Введенского прием неадекватного сравнения, которое не приближает к предмету, а скорее удаляет от него («когда как частокол меня тошнило», «письменный как Иван да Марья стол» и др.) Сквозная тема «дочери» или «девицы», больной, умирающей и умершей, возможно, связана у Введенского с ранней смертью сестры Евлалии. Ср. у Друскина в «Чинарях» о первом серьезном разговоре с Введенским на похоронах одноклассницы.

панихидушка matka — ср. «летит старушка панихида» в «Галушке».

Иван не Кузмич — ср. игру с именами собственными, в частности с отчествами, в других текстах Введенского: «И скажу вам дорогой Григорий и Яковлевич Григорий» («Минин и Пожарский»), «Нина Картиновна» («Кругом возможно Бог»), «Петр Иванович Иванович Иванович» («Очевидец и крыса») и т. п.

тоже сапоги — рефрен хармсовского фрагмента «ныне португалия...». Возможно, записи внизу листа не имеют отношения к его основному содержанию.

Л. 91 об. *Мар.[ия] Петр.[овна]* — ср. выше об игре именами-отчествами. У самого Хармса в пьесе «Лапа» (1930) имеется «Мария Ивановна Со сна» или «Сосна»: ремарка сростается в «фамилию».

Разговор офицера о воде. Вода — один из основополагающих «иероглифов» Введенского.

Вставные лица с нелепыми фразами — один из приемов квази-драматургии Введенского. См. особенно в «Минине и Пожарском»: «ПИНГВИНЫ. Мы неизвестно чьи»; «НЕРОН. Выпускайте зверюшек... Подымется кактус — опустится флейта».

Л. 92. *Разговор о вдруг.* Категория внезапности чрезвычайно важна в обэриутском мире. Ограничимся кратким замечанием.

Вставлено ради того, что понравилось — точная и, видимо, лишенная осуждения формулировка. Отсутствие рациональной мотивации — один из основных структурообразующих антипринципов Введенского.

Засыпая стал памятником чугунным. Статуя или памятник — одна из фигур сна-смерти у Введенского. Возможно, отражение инфантильного представления о превращении в статую/памятник как форме посмертного существования.

все купцы — Слово «купец», один из «малых иероглифов» Введенского, зачастую появляется и в алогичных контекстах, иногда с переосмыслением в пользу семантики «купания» (что несомненно связано с «иероглифом» *вода*). «В искусстве музыки творец <...> отвлеченного купец» («Кругом возможно Бог»); ср. мотив «покупки сна» как сознательного погружения в бессознательное состояние в «Святом и его подчиненных». Развертывание этого «иероглифа» см. в «Разговоре купцов с банщиком» («Некоторое количество разговоров»).

концовки перечнем — очевидно, в предполагаемой рецензии Хармс собирався дать перечень концовок стихотворений Введенского. Отметим, что концовки многих текстов Введенского семантически подводят к слову «конец», иногда венчающему текст.

Л. 92 об. *И часть по многообразию «Зангези» Велемира.* — На этом развороте речи идет, как видно, о некоей двухчастной пьесе, I часть которой сравнивается со «сверхповестью» В. Хлебникова «Зангези».

Маяков.<ский> Ура Гипп банзай — неточная цитата из поэмы В. Маяковского «Человек» (1918): «Бр-р-аво! Эввива! Банзай! Ура! Гох! Гип-гип! Вив! Осанна!» (Маяковский В. ПСС. В 13 томах. Т. 1. М., 1955. С. 252).

Асеев. Соловей расиньоль нахтигаль — «Соловей! Россиньоль! Нахтигаль!» — цитата из стих. Н. Асеева «Об обыкновенном», 1922 (Асеев Н. Стихотворения и поэмы. — М., 1967. С. 134). Оба примера приведены по аналогии с процитированным перечислением названий солнца на разных славянских языках.

Символизм — Если предметом «рецензии» действительно являются тексты Введенского, то хармсовское определение его метода как «символизма» чрезвычайно интересно, в частности, в связи с отмечавшейся повышенной знаковой нагрузкой отдельных ключевых слов.

Пора стаканы смерти сбросить. — *Стакан* (а также *чаша, тарелка* и др. посуда) как фигура материальной емкости для нематериального содержимого — один из «иероглифов» Введенского. Ср.: «тарелка чистоты» («Ответ богов»), «молчаньем <...> наполняется стакан» («Две птички, горе, лев и ночь») и т. п. Интересно привести здесь слова В. В. Розанова: «Какой это ужас, что человек (вечный филолог) нашел слово для этого — «смерть»! <...> Разве

оно имеет имя? <...> И, произнося в разговорах «смерть», мы как бы танцуем в бланманже для ужина или спрашиваем: «сколько часов в миске супа?» Цинизм. Бессмыслица» («Опавшие листья». В кн.: *Розанов В.* Сумерки просвещения. М., 1990. С. 410. За указание на это место у Розанова спасибо А. Медведеву).

Л. 93 об. *Общий славянизм.* — Ср. в ПСС примечание к стих. «Галушка»: «сохраняющее гоголевский колорит название <...> В стихотворении вообще присутствует тема славянства» (С. 344).

[нрзб] *Король.* — Кажется, неразборчивое слово можно прочесть как «качеств.[енный]». Рискнем предположить, что «король» — описка вместо «контроль» (подобные описки в рукописях Хармса — не редкость, так, в тексте «Сила заложенная в словах...» (1931) вместо «известно» написано «изесто»). В таком случае, возможно, речь идет о правомерности «качественного контроля» за текстом, приближающимся к «абстрактной зауми» — вопрос, не теряющий актуальности и поныне.

Запатонова — буква «т» написана слабее и крупнее прочих, с наложением на букву «д». Видимо, Хармс сомневался в написании этой фамилии.

Л. 94. [О «национальности» заумной речи] — здесь можно усмотреть полемику с теоретическими взглядами и поэтической практикой А. Туфанова. См., напр.: *Туфанов А.* К Зауми. Пб., 1924). Последняя запись может указывать на то, что у Хармса в то время была своя «теория о красоте национального слова». Отметим, что Введенский к подсознательно заложенному национальному колориту собственных текстов относился, в отличие от Хармса, без энтузиазма. Ср. во второй части фрагмента «ясно / нежно / и светло...»: «Самого же меня удивляет не очень приятным образом, наличие национального в моих вещах».

Н. А. Заболоцкий
**Мои возражения А. И. Введенскому,
авторитету бессмыслицы**

Оригинал хранится в ОР РНБ, в Фонде Друскина, шифра не имеет. Автограф, неоднократно публиковавшийся. Письмо было отдано Заболоцким Хармсу для Введенского, но, очевидно, Хармс его не передал, опасаясь открытых разногласий внутри ОБЭРИУ.

Открытое письмо

Позвольте, Поэт, возражать Вам в принципиальном порядке по следующим пунктам:

- а) бессмыслица, как явление вне смысла;
- б) антифонетический принцип (специально: анти-интонация);
- с) композиция вещи;
- д) тематика.

Часть I

Бессмыслица как явление вне смысла.

Установим значение термина. Ни одно слово, употребляющееся в разговорной речи, не может быть бессмысленным. Каждое слово, взятое отдельно, является носителем определенного смысла. «Сапоги» имеют за собой

определенную сеть зрительных, моторных и других представлений нашего сознания. Смысл и есть наличие этих представлений. «Дыр бул щыл» — слова порядка зауми, они смысла не имеют. Вы, поэт, употребляете слова смыслового порядка, поэтому центр спора о бессмыслице должен быть перенесен в плоскость сцепления этих слов, того сцепления, которое должно покрываться термином бессмыслица. Очевидно, при таком положении дела самый термин «бессмыслица» приобретает несколько иное, своеобразное значение. Бессмыслица не от того, что слова сами по себе не имеют смысла, а бессмыслица от того, что чисто смысловые слова поставлены в необычайную связь — алогического характера. Необычное чередование предметов, приписывание им необычных качеств и свойств, кроме того — необычайных действий. Говоря формально — это есть линия метафоры. Всякая метафора, пока она еще жива и нова, алогична. Но самое понятие логичности есть понятие не абсолютное, — что было алогично вчера, то стало сегодня вполне логичным. Усвоению метафоры способствовали предпосылки ее возникновения. В основе возникновения метафоры лежит чисто смысловая ассоциация по смежности. Но старая метафора легко стерлась — и акмеистическая, и футуристическая. Обновление метафоры могло идти лишь за счет расширения ассоциативного круга — эту-то работу Вы и проделываете, поэт, с той только разницей, что Вы материализуете свою метафору, т. е. из категории средства Вы ее переводите в некоторую самоценную категорию. Ваша метафора не имеет ног, чтобы стоять на земле, она делается вымыслом, легендой, откровением. Это идет в ногу с Вашим отрицанием темы, где я и сосредоточу свое возражение по этому поводу.

Часть II

Убиение фонетики.

Вы намеренно сузили свою деятельность, ограничив поле своего фонетического захвата. Я разумею ритм, согласные и гласные установки и, наконец, интонацию. Первые два элемента при случае еще используются Вами, последние два почти нет. По слову Хлебникова, женств<енные> гласные служат лишь средством смягчения мужеств<енным> шумам, но едва ли можно безнаказанно пренебрегать женственностью первых. (Только гласная может заставить стихи плыть и трубить, согласные уводят к загробному шуму. Смена интонации заставляет стихотворение переливаться живой кровью, однообразная интонация превращает ее в безжизненную лимфатическую жидкость, лицо стихотворения делается анемичным. Анемичное лицо — Ваш трюк, поэт, но я принципиально против него возражаю).

Часть III

Композиция вещи.

Кирпичные дома строятся таким образом, что внутрь кирпичной кладки помещается металлический стержень, который и есть скелет постройки. Кирпич отжил свое, пришел бетон. Но бетонные постройки опять-таки покоятся на металлической основе, сделанной лишь несколько иначе. Иначе здание валится во все стороны, несмотря на то что бетон — самого хорошего качества. Строя свою вещь, избегаете самого главного — сюжетной основы или хотя бы тематического единства. Вовсе не нужно строить эту основу по принципу старого кирпичного здания, бетон новых стихов требует новых путей в области разработки скрепляющего единства. Это благодарнейшая работа для левого поэта. Вы на ней поставили крест и ушли в мозаическую лепку оматериализованных метафорических единиц. На Вашем странном инструменте Вы издаете один вслед за другим удивительные звуки, но это не есть музыка.

Часть IV

Выбор темы.

Этот элемент естественно отпал в Вашем творчестве — при наличии уже указанного. Стихи не стоят на земле, на той, на которой живем мы. Стихи не повествуют о жизни, происходящей вне пределов нашего наблюдения и опыта, — у них нет композиционных стержней. Летят друг за другом переливающиеся камни и слышатся странные звуки — из пустоты; это отражение несуществующих миров. Так сидит слепой мастер и вытачивает свое фантастическое искусство. Мы очаровались и застыли, — земля уходит из-под ног и трубит издали. А назавтра мы проснемся на тех же самых земных постелях и скажем себе:

— А старик-то был неправ.

20.IX.26. Н. Заболоцкий

Воспоминания

Нижеследующие воспоминания были записаны мною в конце 80-х — начале 90-х годов и опубликованы в специальном обзирютском номере журнала «Театр» (1991. № 11), который мы готовили вместе с Юлией Гирбой. Юля еще беседовала с Михалковым, но по некоторым соображениям этот текст, не особо интересный, здесь не публикуется. Журнал готовился в разгар перестройки, и вышло так, что последняя верстка сдавалась 19 августа 1991 года. Я специально приехала для этого с дачи и сереньким утром пошла в редакцию «Театра», а мимо меня по Хорошевскому шоссе грохотали танки. Прихожу в редакцию, сидит Юля, совершенно зеленая, и говорит: что будем делать? А ничего, — говорю я храбро, — надо только пару твоих шуточек с намеком на Горбачева убрать. Шуточки убрали, ГКЧП свернулось, журнал вышел и имел такой успех, что лично у меня не осталось ни единого номера, — это при том, что раздавали мы их друзьям десятками. Пришлось Б. А. Викторову присылать мне по почте ксероксы моих же собственных публикаций, за что ему большое спасибо.

Обе дамы были, конечно, старенькие, обеих уже нет в живых. Удивительно, что мне первой пришла в голову идея взять у них интервью, записать и опубликовать (записывала я от руки, расшифровывала и приносила на ревизию). Обе отнеслись ко мне очень хорошо, все, что помнили, рассказали, подарили даже некоторые фотографии. С этими фотографиями вышла дурацкая история: поскольку с середины 90-х по настоящее время я, в общем-то, нигде постоянно не живу и постоянно переезжаю, вся коробка фотографий, среди которых было несколько бесценных оригиналов, у меня при очередном переезде пропала — история впол-

не в духе исследуемого материала. До сих пор надеюсь, что коробка эта когда-нибудь найдется.

Анна Семеновна жила в Питере, если не ошибаюсь, в коммуналке, в невероятно бедной, голой, обшарпанной комнате. А Елизавета Сергеевна, с которой мы как-то особенно подружились, жила в Москве, в районе ВДНХ, в отдельной квартире, уютной, но запущенной, полной заманчивых старинных вещей. Она уже почти не вставала, но была занятнейшей остроумной собеседницей и даже в старости — красавицей.

В обоих текстах, как можно судить из окружающих материалов, есть ошибки и неточности, но я призываю рассматривать их (тексты) не как источники историко-литературных сведений, а как артефакт. Гоголь сказал о Пушкине: «русской человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет». Не знаю, как Пушкин, а Введенский, судя по всему, намного опередил свое время (в отличие от Хармса, который был до мозга костей человеком 19 века). В частности, склонность к опытам с сомнительными веществами, а также к свободной любви с участием художественных женщин в ярких одеждах — очень подходит к этим летучим, свободным, заоблачным текстам, в которых поэт, возможно, сам не до конца это осознавая, так удачно расправился со своим главным врагом и соперником — Временем.

Анна Семеновна Ивантер вспоминает

В 1928 году я пришла на вечер обэриутов в ГИИИ, где тогда учился мой брат, и там кто-то меня познакомил с Введенским. Он вызвался проводить меня домой. Мы жили с братом в одной комнате у дяди и тети (родители умерли), и, конечно, я не могла пригласить Введенского в гости. Почему-то мне кажется, что это была пора белых ночей. Мы с ним идем по улице, и тут он говорит: «Я вас сейчас поцелую». Я ответила: «Нет, этого я не разрешу!» — и ему это, наверное, понравилось. «Но телефон, — говорит, — дадите?» Телефон я ему дала. А он все настаивал: «Пока вы меня не поцелуете, домой не пушу...»

Потом мы с ним поженились, но до этого он еще бывал у своей Тамары, она плакала, никак не хотела с ним расстаться...

Жить с ним было интересно, легко. Мы жили с его матерью и сестрой, в отдельной квартире на Съезжинской, 37, квартира 14. Когда он писал (я думаю, детские вещи), он говорил вслух, а меня посылал в другую комнату. Если Маршак ему заказывал стихотворение, он его придумывал моментально, но к Маршаку приходил только через неделю, чтобы Маршак не подумал, что он наспех написал.

Он очень любил мать, и когда мы ходили в гости — к Липавским, Шварцам (Евгению, а не Антону), Олейниковым — и возвращались поздно, он всегда шел первым делом в комнату матери и все ей рассказывал. Мать была совершенно очаровательная женщина, крупнейший ленинградский гинеколог. Отец же был какой-то замкнутый, совсем другого плана человек.

Еще был кот Пуся, к которому Введенский относился очень нежно. Бывало, вернется поздно вечером и кричит с порога: «Где мой Пуся?» Мать ему говорила: «Что же ты сразу Пусю зовешь, почему не Нюрочку?» У нас часто бывали гости, устраивались танцы — другие гости, не обэриуты.

У Липавских тоже была отдельная квартира — там жили Липавский, Тамара Александровна и мать Леонида Савельевича. Бывали там Хармс, Введенский, реже Заболоцкий, кажется, Бахтерев... Еще какой-то Михайлов. Леонид Савельевич и Хармс часто играли в шахматы; я с женщинами сидела, они, мужчины, отдельно.

Как-то он повел меня к Ключеву — жил тот, по-моему, на улице Герцена. Я сидела за столом между Введенским и Ключевым и все удивлялась, что Ключев то и дело норовит через мои колени погладить коленку Введенского. Пришли домой, я спрашиваю: почему он себя так странно вел? Введенский смеется: «Он, — говорит, — мужчин любит...» Я так возмущалась: «Куда же ты меня привел?!»

Смутно помню какой-то их вечер, в котором я участвовала, — играла, кажется, Елизавету Бам. Все, помню, повторяла: «Пуговицы, пуговицы...». Публика кидала в нас гнилые яблоки, апельсины...

Введенский очень любил детей. Встречая меня, Евгений Шварц и другие всегда говорили: «Нюрочка, вам бы надо троих детей!» Но я детей не хотела: ведь Введенский почти все, что получал, сразу проигрывал в карты, а с ребенком и без денег не так-то легко. Он мог проиграть 1000 рублей за одну ночь. Когда ему выписывали гонорар, он всегда приглашал меня приехать в издательство, и мы вместе брали деньги и шли покупать что-нибудь для меня, какое-нибудь платье или чулки... На другой день он уже шел играть. Из-за этой страсти и его мать очень страдала...

А детей он любил. Однажды, когда мой брат с женой жили в Южинском (в Москве), Введенский с Михалковым пришли к ним за вещами, которые Шура оставлял там. Семимесячные близнецы спали, а жена брата сидит и плачет: «Мне надо пойти за едой для ребят, оставить их я не могу, а мужа нет дома». Шура говорит: «Мы останемся с детьми». Она возвращается с едой и застаёт такую картину: каждый держит по мальчишке в руках, дети в восторге...

Между прочим, книжка «Про девочку Катю» — это про дочку Н. Кончаловской... Получая авторские экземпляры, — а их было много, — он всег-

да говорил: «Дари детям!» Взрослых же своих стихов никогда в жизни мне не читал.

Когда мы с ним расстались, он подарил мне фото и надписал в таком духе, что единственное, что он будет помнить — то, что я мало ревновала, никогда не интересовалась его похождениями. Помню, году в 1934-м ездили мы с ним на роскошном теплоходе вдоль Крымского побережья (он потом написал книжку для детей «Путешествие в Крым»). Там же на теплоходе был знаменитый ленинградский певец Мигай с женой, и вот Введенский заставлял меня с ними в преферанс играть, а потом рано ложиться спать: а то, мол, буря будет. Ну, я, конечно, слушалась его, молоденькая была. А он, оказывается, ходил на танцы и там всех женщин танцевал... Однажды поехал в Москву в понедельник, остановился в «Метрополе». Я должна была приехать в пятницу или в субботу, а приехала в четверг. Сидим у него в гостинице, вдруг стук в дверь, и входит очень интересная девушка. «Знакомьтесь, — говорит он ей, — это моя жена». Она говорит: «А, Нюрочка, он много о вас рассказывал...»

Сам же он был страшно ревнивый. Однажды пошли мы с ним на вечеринку и там кто-то играл на рояле; я подсела, стала слушать. Тут вдруг Шура говорит: «Идем моментально домой! Ты же назначила свидание этому пианисту!» После этого мои друзья говорили: «Приходите, только без мужа, без вашего ревнивого Александра». Я говорила ему: «Почему ты думаешь, что я должна относиться к мужчинам так же, как ты к женщинам?»

Арестовали его (в первый раз), когда он уезжал на юг. Я его провожала и видела, как какой-то подозрительный мужчина все ходил туда-сюда, видно, ждал, когда мы попрощаемся. Наверное, с одной из первых остановок его сняли с поезда и отвезли в Ленинград. Никто к нам домой не приходил. Меня вызвал по телефону следователь, сказал: ваш муж сидит на Шпалерной у нас, в такой-то день встреча. Мы с его матерью ездили туда... Когда позвонил следователь, я сожгла в печке все взрослые вещи Шуры — я же их никогда не читала, думала — может, его из-за них посадили. Но с обыском так и не пришли. Половину рукописей он всегда отдавал Якову Семёновичу Друскину, и вот те вещи сохранились. Потом его сослали в Курск, и я поехала вместе с ним. Не помню, чтобы там был Хармс. Мы там очень нуждались, и я уехала обратно в Ленинград, может быть, тогда Хармс приехал?

В 1936 году мы с ним развелись. Он поехал на юг читать какие-то стихи и заехал по дороге в Харьков. Я поехала в Москву, в гости к брату, и зашла к Михалкову. Михалков показал мне Шуру телеграмму с юга: «Долетели, как хотели». Я удивилась, почему «долетели», а не «долетел». Михалков смеется. Потом оказалось, что Шура в Харькове познакомился с этой Галей, секретарем Союза писателей, и говорит ей: «Хотите со мной на юг?»

Ну, она захотела... Потом выяснилось, что у нее будет ребенок, и они поженились. Но, надо сказать, когда Введенский уже жил в Харькове, мы оставались в хороших отношениях: он приезжал в Ленинград, мы встречались, он познакомил меня с Галей...

Мы очень дружили с Хармсом, часто встречались, он даже ухаживал за мной. С Шурой я тогда уже развелась, но все равно он мне писал: «Зачем тебе нужен Даня?» У Даниила Ивановича была жена — Марина, но я ее очень мало знала. Хармс водил меня в филармонию — он очень любил туда ходить и слушал музыку всегда с партитурой в руках. Между прочем, неправда то, что пишут о Введенском, что он не любил музыку, мы и с ним ходили часто в филармонию. Еще мы ходили с Хармсом в Эрмитаж, в Русский музей, он знал всех художников, знакомил меня с их творчеством. Но дома у него я бывала редко. Как-то Хармс мне сказал, что у него в ванной живет змея — а я ужасно боюсь змей... И называл он меня всегда на «вы» и «Анна Семеновна», а я его — «Даниил Иванович». Хармс любил полных — обе его жены были полненькие, — а Введенский безумно худых: когда мы с ним поженились, я весила всего 53 кг, и то он говорил, что мне нужно похудеть; и еще он любил, чтобы женщины носили яркие платья.

Когда началась война, Хармс все говорил: «Будьте осторожны...». Его Марина знала, что он за мной ухаживал, но тогда, помню, мы встретились, она говорила: «Давайте дружить, все забудем...». Вскоре меня со студией «Леннаучфильм» отправили копать окопы, и о гибели Хармса и Введенского я узнала только потом.

Между прочим, Анна Семеновна Ивантер (а также Шура) упоминаются (если это выражение здесь уместно) в черновиках к известному рассказу Хармса «Судьба жены профессора». Хармс вообще любил превращать своих близких в литературных персонажей (ср., напр., его письмо к Липавским со словом «соскрючились», тексты про Марину и «золотые сердца» и др.), но вот такое вплетение реальных лиц в ткань рассказа — случай довольно редкий. Приведем здесь этот зачеркнутый фрагмент:

[Анна Семеновна Ивантер]

[Нюрочка] [не то курочка, не то] Нюрочка

Профессорша говорит:

— Ах, это вы!

А Нюрочка отвечает:

— Да, это я. А подо мной [Хар] Даня сидит. [Хармс.]

[Профессорша говорит:

— Как же так? А где же Толстой?

А Нюрочка отвечает:

— Да Шура в Москву переехал.

Профессорша говорит:

— Нет, не Шура, а Толстой где?

А Нюрочка уже не отвечает и профессорша видит, что это уже не Нюрочка, а скорее]

Со слов Профессорша говорит — Как же так? перечеркнуто красными чернилами. Еще один набросок перечеркнут синим карандашом:

[Стала профессорша тоже смотреть и видит будто это уже не Толстой, а сарай, а в сарае сидит Нюрочка и говорит:

— А у меня под юбкой Даня сидит.

Профессорша говорит]

(и далее, как в окончательном тексте, до слова поедемте).

Елизавета Сергеевна Коваленкова вспоминает

С Введенским познакомил меня Сережа Михалков (мы были с ним дальние родственники, вернее, свойственники). Сережа, тогда еще бедный студент, знакомился с богатыми молодыми людьми и приводил их ко мне, с тем чтоб они повели меня с ним в ресторан. Так он привел и Сашку. Это было в 1934 году, мне было тогда восемнадцать лет.

Я очень хорошо помню, как он выглядел. Он мало заботился об элегантности, носил всегда один и тот же костюм — черный, в мелкую белую полосочку, вероятно, дорогой, но весь обсыпанный пеплом: Саша не расставался с пачкой «Казбека». У него были красивые черные глаза, но кожа в каких-то щербинках и зубы плоховатые, а еще постоянный насморк. И всегда — чистые большие платки: где он при своей кочевой жизни умудрялся стирать эти платки и вечную белоснежную рубашку, которую носил с галстуком, — оставалось загадкой (впрочем, может быть, ему стирали в гостинице).

Он приезжал из Ленинграда, хватал меня и тащил куда-нибудь на Арбат, где у Б. Щуко ночь напролет играл в карты. Я тогда в картах ничего не понимала, но он не отпускал меня — надо было быть так влюбленной, чтобы всю ночь сидеть около него и смотреть, как он играет.

Я работала тогда в Малом театре и была у меня приятельница Катя Рогожина (потом она вышла за писателя Льва Никулина), она была постарше

меня и считала свои долгом меня опекать и оберегать. Катя знала, что у меня роман с Введенским. И вот она говорит однажды:

— Лиза, будь подальше от Введенского, он грязный, нехороший человек. Такой развратник — говорят, живет с ужами!

Это надо знать Сашку — он, кажется, даже мух боялся!

И вот я выхожу из театра и реву: «Сашка, мне сказали, что ты... живешь с ужами...»

Он страшно смеялся, а потом написал мне на книге — своим пересказе сказок братьев Гримм — такое посвящение:

Я погибаю от разврата,
Всему виной проклятый уж.
Я третьим Гриммов стал собратом,
И, право, Гриммов я не хуже.
Пусть я развратник, пусть злодей,
Но если хочешь, мной владей!

Эта книжка, как и многие, пропала у меня в войну.

Оказалось, эта компания ленинградцев — Стенич, Дикий... — решила меня оберегать от обзериутов и трепалась, а Катя поверила. Это они могли. А что Введенский вел козу по Невскому — не знаю, может, и было. Может, пьяный был. Там у них, например, Давид Гутман, известный режиссер, сидел на Невском со шляпой, разыгрывая нищего. Стенич, когда гробы Гоголя, Вяземского переносили на Новодевичье кладбище, умудрился украсть ребро Гоголя... Но Стенич, по моему, был нехороший человек. Был у него роман с женой Дикого, а их маленькая собачка всегда на него кидалась. Так он эту собачку выкинул из окна с высокого этажа на улице Горького (они жили напротив Центрального телеграфа).

Как они относились к обзериутам, вся эта компания — Катаев, Стенич, Олеша?.. Они больше любили говорить о себе. Но, по моему, была у них по отношению к обзериутам какая-то ирония. Воспринимали их просто как детских писателей. В Москве знал Введенского еще Миша Светлов — это по картежным делам...

Саша был очень широкий человек, в смысле денег. Не помню, чтобы, скажем, Олейников что-то покупал: всегда Сашка водку, закуску. Однажды на масленицу решил свозить меня в Ленинград, познакомить с друзьями — купил билеты на «Стрелу», отдельное купе... Швырял деньги, абсолютно не дорожа ими.

В Ленинграде, помню, он повел меня к Хармсу — в страшно зачуханную, маленькую комнату, кажется, там ничего и не было, кроме стола и кровати, — самая что ни на есть холостяцкая комнатенка. Была, кажется, у него

какая-то женщина. Просидели там всю ночь, пили, веселились, и, как всегда, был первым — Олейников.

Собственно, к Хармсу мы пошли потом, а первым делом Саша повел меня в редакцию «Ежа» и «Чижа». Вышел Олейников, спросил: «Кто это?»

— Это Лиза Фохт, моя приятельница, актриса.

Олейников ненадолго исчез и вскоре вернулся со стихами, вот с этими:

В прехорошенькой одежде
Я вчера вас увидел...

Недавно я, к своему удивлению, прочла эти стихи под названием «Актрисе» в журнале «Юность». Моей подруге, Минне Михайловне (она уже умерла), он написал:

...Пожалейте, Минна,
Гения-мужчину...

Он наверное, всегда так поступал: намахает стихи, а потом раздаривает разным дамам, слегка изменяя к случаю.

Потом они с Введенским приезжали вместе к нам в Москву. Мы жили тогда на Пушкинской площади, теперь этого дома уже не существует, а вместо него сквер, напротив Бронной. Олейников сразу начинал читать стихи. Прочел как-то и эти:

Скрипит диванчик,
Маруся тут...

А перед тем, как прочесть: объявил: «Сейчас я прочту стихотворение, совершенное по содержанию, но несовершенное по форме». Это он, наверное, имел в виду строки:

...Их оказалось
Всего одна.
Тут завязалась
Меж нами страсть.

Но я уже знала эти стихи — мне их раньше прочел Саша, он иногда читал стихи Олейникова. А своих — не читал.

Вообще Олейников был очень занятен, очень остроумен, любил придумывать всякие штуки. Например, снимал трубку и говорил:

— Константин Сергеевич Станиславский? Это говорит Николай Макарович Олейников. — И начинался безумно смешной разговор (причем с того конца трубки, понятно, никто не отвечал). Так он «беседовал» с разными знаменитыми людьми, с Мейерхольдом, например... Но, не в пример Введенскому, он почти не пил, и мы никогда ничего не знали о его романах и как-то не воспринимали его с этой стороны, не то что Сашку. Ходил Олейников с золотой серьгой в ухе — он ведь считал себя казаком.

Вообще были мы тогда молодые, пили, веселились, любили друг друга, и ни о чем серьезном я Сашу не спрашивала, хотя теперь, конечно, жалею об этом... Помню только, однажды он мне сказал: обязательно читай Бунина, это замечательный писатель. И я пошла к букинистам и купила приложение к «Ниве» в ужасном, конечно, состоянии, но вот тогда благодаря Саше я впервые узнала о Бунине. А однажды Саша рассказал мне, как они с товарищем, уж не знаю с кем, нюхали эфир, что это было очень приятно: будто бы товарищ бросал в него подушку, и она летела медленно-медленно...

А вот театр он не любил. Я работала тогда в Малом театре, у меня уже были небольшие роли. Но он никогда не приходил на спектакль: «Не пойду тебя смотреть!», — а всегда ждал у выхода.

Нельзя сказать, чтобы он был мрачен, но был как-то трусоват. Все время ему было страшно чего-то. Он боялся даже зубного врача, поэтому и за зубами не ухаживал. Очень боялся арестов, особенно после Курска. Это, наверное, было естественно, но мы, молодежь, об этом не думали...

Потом-то я выкинула штуку. Уже все думали, и мама была уверена, что мы поженимся. Но однажды он уехал в Ленинград, через несколько дней должен был вернуться. А я за это время встретила другого человека (Николая Кончаловского, брата Натальи Кончаловской) и в два дня вышла за него замуж. Приезжает Саша с огромным тортом, а ему говорят: так и так, Лиза вышла замуж.

Но не думаю, чтобы он после этого долго страдал. Вскоре он женился и стал жить в Харькове. Но мы с ним остались друзьями и в 1939 году, когда я уже по-настоящему вышла замуж и у меня уже родился сын, приезжал ко мне со своим сыном Петей. Наверное, в тот же приезд он пробовал читать мне — в первый раз — свою пьесу «Елка у Ивановых». Но я ему сказала честно, что ничего не понимаю...

Был у меня такой знакомый — Володя Тимирев, художник, он учился в Суриковском. Его отец, капитан шхуны «Штандарт» Николая II, эмигрировал в Италию, а мать, Анна Васильевна, была гражданской женой Колчака. Когда Колчака расстреливали, она, сестра милосердия, не покинула его, но ее не расстреляли, и, хотя официально она находилась в высылке (где-то в Вышнем Волочке), иногда приезжала в Москву и жила здесь тайно. Она

была родной сестрой Елены Васильевны Сафоновой, ленинградской художницы, которая дружила и работала с Введенским; их отец был Сафонов — директор Московской консерватории. Приезжая из Ленинграда, в их квартире останавливалась Елена Васильевна, часто останавливался и Саша. И вот однажды, это было уже в 1938-м или 1939 году, приходит к нам Саша и говорит: сегодня ночью арестовали Володю.

Ему дали десять лет без права переписки (теперь все знают, что это такое), а его матери — десять лет с перепиской.

Я до сих пор с ужасом представляю себе этот момент, когда Сашу, как мне рассказывали, взяли в Харькове на вокзале, а они остались с чемоданами. Что он пережил при этом... Наверное, он сразу понял, что конец. Ну кого угодно, но не Сашку... Даже Володя — он был какой-то более защищенный, что ли. А Саша был такой незащищенный...

А. Введенский и Д. Хармс в их переписке

Вступительная статья, публикация и комментарий В. Н. Сажина

Впервые: издание Ассоциации «Русский Институт в Париже». 2004

Введенский и Хармс познакомились в 1925 г. К этому времени [1] Введенский уже состоял членом Союза поэтов: 6 мая 1924 г. он заполнил анкету, где написал, что причисляет себя к футуристам и что его псевдоним — александрвведенский, и постановлением приемной комиссии от 14 ноября был принят в Союз [2]. В свою очередь, Хармс окончил летом 1924 г. «полный курс двухступенчатой трудовой школы» [3] в Детском Селе и поступил учиться в 1-й ленинградский Электротехникум. Введенский был почти ровно на год старше Хармса: он родился 6 декабря (23 ноября ст. ст.) 1904 г., а Хармс — 30 декабря (17 декабря ст. ст.) 1905 г. Точная дата их знакомства в 1925 г. неизвестна: по воспоминаниям Я. Друскина — «Кажется, весной или летом 1925 года Введенский однажды сказал мне: “Молодые поэты приглашают меня прослушать их. Пойдем вместе”. Чтение стихов происходило, кажется, на Васильевском острове на квартире поэта Вигилянского [4]. Из всех поэтов Введенский выделил Д. И. Хармса, друга Е. Вигилянского. Домой мы уже возвращались вдвоем, с Хармсом» [5]; с другой стороны, в небольшом альбоме Хармса, куда на протяжении 23 марта — 8 апреля 1925 г. его друзья заносили краткие памятные записи, один из последних (недатированных) экспромтов принадлежит Введенскому: «Странно у кошки сначала пять, потом 4, потом 3 а может быть 2 ноги. авведенский» [6]. Во всяком случае, очевидно, что в это время уже состоялось знакомство по-

этов друг с другом, и с тех пор их общение станет интенсивным. А в отдельные периоды жизни — повседневным [7].

19 августа 1925 г., составляя расписание дел на этот день, Хармс записал: «12 <часов> <...> Позв<онить> Введенскому» (4. Л. 3). В конце того же месяца Хармс записал адрес: «Александр Иванович Введенский. С'езжинская 37 кв. 14» (4. Л. 13), и, собираясь в какую-то поездку, намечает взять с собой «стихи Введенского» (4. Л. 15). В начале 1926 г. Хармс снова записывает адрес Введенского и его телефон: 5—45—26 (5. Л. 6) — около этого времени, 13 февраля 1926 г., Введенский посвящает Хармсу стихотворение «Острижен скопом Ростислав» (Введ. II. 119—122).

По-видимому в конце мая или начале июня 1926 г. Хармс записал впечатление от чтения Ю. И. Юркуном своего романа (не сохранился): «Есть лица... и... лица, а то есть еще личность, а то есть еще: писатель Юркун. Да мало ли на свете всякой дряни! Близкая по душе Александру Ивановичу» (6. Л. 12; можно полагать, что на чтении присутствовал Введенский и ему, в отличие от Хармса, роман Юркуна понравился). Летом того же года Хармс записал адрес, по которому проживал в Крыму направлявшийся туда Введенский [8]: «Александр Иванович Введенский. Крым, Алупка, дом отдыха Промбанка, б. дача Овчинникова» (6. Л. 13).

Осенью и в начале зимы 1926 г., в период интенсивных репетиций совместно Хармсом и Введенским написанной пьесы «Моя мама вся в часах» [9], имя Введенского то и дело возникает в записях Хармса: «Ночь у Введенского» (27 сентября; 7. Л. 3), «Ночь у Шурки» (14 ноября; 7. Л. 10), «К 2 ч. у Шурки» (22 ноября; 7. Л. 11). Около 12 ноября Хармс записывает: «Два человека, Введенский и Заболоцкий [10], мнения которых мне дороги. Но кто прав — не знаю. Возможно, что стихотворение, одобренное тем и другим, есть наиболее правильное. Такое суть пока “Комедия Города Петербурга” [11]. Я же лично стою за “Казачью смерть” [12]. Если оно оправдается целиком, я буду рад» (8. Л. 11).

О смысле другой записи Хармса можно только догадываться: «Шуркина опасность [13] в ночь с 15 на 16 ноября 1926 г. от Ермолаевой» (8. Л. 8) — имеется в виду художница В. М. Ермолаева (1893—1938), зав. лабораторией цвета в Государственном Институте художественной культуры, где с ней познакомился Введенский [14]; она была одним из авторов афиши вечера «Три левых часа», и в период подготовки этого вечера Хармс и Введенский часто с ней общались; впоследствии работала в журналах «Чиж» и «Еж» и иллюстрировала детские произведения Хармса [15]; можно полагать, что эта запись свидетельствует о неизвестной нам интимной стороне взаимоотношений Введенского (или Хармса) с Ермолаевой — так, в начале января 1929 г., по-видимому, ее имя возникает в записной книжке Харм-

са в контексте сравнения с другими женщинами: «тетушка Вера лучше других» (16. Л. 17).

Примерно 11—13 января 1927 г. Хармс составляет список участников вечеринки, среди которых, разумеется, присутствует и Введенский (8. Л. 36 об.). 26 февраля того же года записано: «Ночевал Шурка <видимо, в ночь с 25 на 26. — В. С.>. <...> Ночью у Шурки. Говорили о рождении (высшее)», а на другой день: «Был с Шуркой у Игоря Б. [16], потом у Гаги [17]. Вечером у ТАМ [18]. Ночевал Шурка у меня» (8. Л. 60). В начале марта, во время работы над «Комедией города Петербурга», на обороте одного из листов автографа Хармс записывает шутливый «Каментарий к философии А. И. Введенского»:

§ 1. — Удивление.

Он в комнату бежит на четвериньках,

Смотрит в комнате стол стоит

Ах он рад, он пришел на вечеринку

Позабыв и молодость и стыд <...> [19]

6 июля 1927 г., незадолго до своего отъезда в Детское Село, Хармс записал: «I. Позвонить Шурке» (9. Л. 2).

По-видимому, в феврале 1928 г. Хармс помогал Введенскому в каком-то его судебном деле, поскольку в записной книжке под 27 февраля отмечено: «Позвонить Шуре относительно мирового, результаты оставить дома для передачи Николаеву» [20] {11. Л. 23}.

Введенский и Хармс намеревались участвовать в новогоднем писательском шахматном турнире: 30 декабря 1930 г. в столовой Ленинградской комиссии по улучшению быта литераторов (Ленкублит) на пр. 25 Октября (Невский), д. 106 был вывешен лист для записи участников; в нем под № 1 записался Введенский; под № 35 записался и Хармс, но его фамилия оказалась вычеркнутой [21].

По воспоминаниям Бахтерева, по-видимому в сентябре (или несколько позже) 1931 г. на квартире хармсовского приятеля, журналиста Е. Э. Сно, состоялась организованная последним по просьбе своего сына Евгения — студента Университета («следователя НКВД», по утверждению Бахтерева) — вечеринка с участием Введенского, Хармса и еще нескольких их друзей [22]. Бахтерев рассказал, как по инициативе хозяев Введенский исполнил «бывший гимн» и это послужило во время вскоре последовавшего ареста и следствия по Делу Введенского, Хармса, Бахтерева и других поводом для обвинения Введенского в монархизме [23].

С 10 декабря 1931 г. Введенский и Хармс оказались вследствие ареста в одном Доме предварительного заключения [24], а лето — осень 1932 г. провели в ссылке в Курске в соседних снимавшихся ими комнатах [25].

Примерно со второй половины июля 1933 г., в течение более полугода, достаточно регулярно, Хармс и Введенский с ближайшими друзьями встречались для «Разговоров» — специально назначенных бесед на разнообразные темы [26]. Здесь в августе 1933 г. Введенский читал в присутствии Хармса свое «рассуждение» «Заболевание сифилисом, отрезанная нога, выдернутый зуб» [27], Хармс высказывал мнение о творчестве Введенского [28]; здесь, по-видимому, Хармс услышал от Н. М. Олейникова (участника «Разговоров»): «НМ. считает, что АИ <Введенский. — В. С.> и я почти то же самое» (24. Л. 20).

20 сентября 1934 г. Хармс отметил в записной книжке: «Решили писать фильм троим: Липавский, Введенский и я. Но я подумал и решил, что тройственный союз не получится, а потому я ухожу из этого союза» (30. Л. 30 об.).

Введенский и Хармс культивировали такую форму взаимоотношений, которая больше походила на игру, но, по их мнению, содержала особый, понятный лишь посвященному, смысл. Кое-что на этот счет впоследствии вспоминали современники, о некоторых таких ситуациях свидетельствуют записные книжки Хармса.

6 ноября 1926 г. Хармс ретроспективно записал: «В апреле сего года я читал первую книгу Рамачараки “Основы мирозерцания индийских йогов”. — Только я прочел ее, пришел Шурка и искушал меня. Я поддался искушению и сжег эту книгу» (8. Л. 9 об.).

Другая запись:

«23 нояб<ря>. Вторник. 1926 г. Я, Даниил Хармс, обязуюсь предоставить себя до субботы в смысле выпевок и ночей Александру Ивановичу Введенскому.

Прим. Если выпивки не будет, которую Введенский признает достаточной, то срок переносится.

Даниил Хармс

А. Введенский [29]

Клянусь в исполнение этого самым святым для меня на свете.

Д».

Над этим текстом запись: «Исполненно. Д. Х». (8. Л. 19).

Вскоре после этого, собираясь 24 ноября на спектакль по пьесе Л. Сейфуллиной «Виринея», Хармс записал: «Надую Ш<урку> на Виринею Сейфуллиной» (8. Л. 19 об.).

И следом за этим, 26 или 27 ноября Хармс и Введенский разрабатывают сценарий представления, которое, по-видимому, должно было дома у Хармса разыгрываться ими для самих себя:

«Программа Ритуала «Откидыванья»¹

- 1) Молчание 10 мин.
- 2) Собаки 8 мин.
- 3) Приколачивание гвоздей 3 мин.
- 4) Сидение под столом и держание Библии 5 м.
- 5) Перечисление святых
- 6) Глядение на яйцо 7 м.

Поломничество к иконе $7 = 3 + 1 + 3 (33 + x)$

Чинарь александр введенский исполнить сие обязуюсь.

Чинар Даниил Иванович Хармс мимо не прохожу всеу» (8. Л. 21).

По-своему, но тоже программировалась очередная вечеринка Введенского у Хармса в марте 1927 г.:

«На 21 марта — Ночь на 22-ое.

Придет ко мне Шурка. Предлагаю сегодня ночью разобрать партию Гунсберга [30] — [1]

- 2) Пописать стихи.
- 3) Покушать редьку.
- 4) Сыграть в шахматы.
- 5) Прочсть Шурке мне:
Ладонь киевлянина, и я в шинели» [31] (8. Л. 55).

Кажется, что даже стрижка организовывалась как некий значимый ритуал: «18 янв<аря> 1927 г. остригли мы волосы» [32] (8. Л. 39).

Собираясь отправиться (ночевать?) к Введенскому, Хармс в июне 1927 г. составляет список:

«Взять с собой к Шурке

- 1) Кисть для бритья.
- 2) Книга Ходоровской [33] .
- 3) Глупые предметы» (9. Л. 11).

¹ Ритуал происходит в тюлевых масках <примеч. Хармса>.

Самый обширный «игровой» текст Хармса о Введенском, написанный в середине 1930-х гг. и демонстрирующий стилистику их взаимоотношений, — VI часть его квазибиографического произведения, начинающегося: «I. Однажды я пришел в Госиздат...» (ПСС. II. 320—321). Можно предположить, что Хармс не случайно переходит к рассказу о Введенском после предыдущей части, начинающейся: «V. Когда два человека играют в шахматы, мне всегда кажется, что один другого околпачивает. Особенно, если они играют на деньги.

Вообще мне противна всякая игра на деньги. Я запрещаю играть в своем присутствии.

А картежников я бы казнил. Это самый правельный метод борьбы с азартными играми» (ПСС. II. С. 318—319) — Введенский был, как мы видим, и шахматистом, партнером Хармса, и, в отличие от Хармса, заядлым картежником.

Регулярное общение Введенского и Хармса, разумеется, сопровождалось взаимным чтением своих новых произведений. Благодаря свойственной Хармсу манере записывать по ходу слушания отдельные фрагменты или даже слова из услышанного, в его записных книжках оказались зафиксированными более тридцати произведений Введенского, многие из которых были впоследствии утрачены [34].

Хармс, как можно полагать, считал себя «хранителем» литературного наследия Введенского [35]: в его записных книжках сохранились три обширных списка произведений его друга — «Творения Александра Иван. Введенского» (составлен между 9 и 12 ноября 1926 г.; 8. Л. 11; Введ. II. 94—95), «Оглавление Шуркиной Тетради» (апрель — май 1927 г.; 8. Л. 68—68 об.; Введ. II. 98) и еще один, составленный, вероятно, в начале июня 1930 г. (20. Л. 1). Это свидетельствовало об особом отношении Хармса к Введенскому, о чем он и писал: «Учителями своими считаю Введенского, Хлебникова и Маршака» (17. Л. 41), а другой раз, как зафиксировано в уже упоминавшихся «Разговорах», отметил: «<...> я считаю А. В. выше Хлебникова, у него нет тщеты и беспокойного разнообразия Хлебникова». Наконец, приведем рассуждение Хармса из его записной книжки, которое, по-видимому, относится к октябрю 1933 г. (все к тому же периоду «Разговоров»): «Демоническое, сказал Гете 2 марта 1831 года, — есть то, что не решается при помощи разума и рассудка. В моей натуре его нет, но я ему подчинен. Гете считал демоническим Наполеона и великого герцога Карла Августа, чья натура, полная безграничной энергии, не знала покоя. Демонические существа такого рода, греки причисляли к полу богам. Мефистофель, по мнению Гете, не демоничен, он слишком отрицательное существо. Демоническое проявляется только в совершенно положительной энергии. Между художниками его больше в музыкантах, чем в живописцах. Я думаю, что среди нас наиболее демоничен А. И. Введенский» (28. Л. 22).

Общественный темперамент, который в большей степени, если не по преимуществу, был свойственен Хармсу, объединял обоих писателей и на литературно-общественном поприще. Вернемся к 1925 году, к началу знакомства Введенского и Хармса. В это время писатель А. В. Туфанов (1877 или 1878 — не ранее 1941) разработал теорию заумного творчества, основал «Орден заумников DSO» и принял в него двух своих учеников: Е. Вигилянского и Д. Хармса [36]. 10 или 17 марта 1925 г. Хармс записал: «Вторник 8 ч. у Туфанова D. S. O». (2. Л. 6) — это наиболее точная хронологическая точка отсчета возникновения «Ордена заумников» и причастности к нему Хармса. По мнению Бахтерева, вследствие знакомства с Хармсом [37] «...Введенский оказался в орбите Туфанова. Он бы не стал сотрудничать с заумниками, если бы не встреча с Хармсом» [38]. 17 октября Введенский и Хармс участвовали в выступлении «Ордена заумников» в Союзе поэтов (Введ. II. 137-138) [39].

В ноябре 1925 г. в записях Хармса появляется слово «левый»: «Нам-же нужно объединить самых левых...» (5. Л. 28 об. — 29 об.). Это свидетельство участия Хармса и Введенского в новом литературно-общественном «предприятии», инициированном Туфановым под первоначальным наименованием «Самовщина», но не принятым другим участниками, — оно получило название «Объединение групп «Левого фланга»». На его заседаниях Введенский и Хармс встречались 3 и 12 ноября, 9, 23 и 30 декабря 1925 г.; 5, 13 и 27 января 1926 г. Последняя дата — день, когда по обоюдному убеждению Хармс и Введенский вышли из этого «Объединения» и организовали новый «Левый фланг» [40].

Тем временем Хармс, с 9 октября 1925 г. уже посещавший заседания Союза поэтов, подал заявление о вступлении в Союз и 26 марта 1926 г. был в него принят [41]. С начала 1926 г. под произведениями Хармса и Введенского появится (в качестве части подписи) придуманное Введенским [42] слово «чинарь». Хармс будет подписываться: «Школа чинарей Взира зауми» («Вьюшка смерть»; 14 января 1926) и «Чинарь Даниил Иванович Хармс» («Стих-Петра-Яшкина»; 1926 — нач. 1927); Введенский всегда одинаково — «ЧИНАРЬ АВТО-ритет бессмыслицы», только имя будет писать то «Александр Введенский», то «Александрвведенский»: «Острижен скопом Ростислав» (13 февраля 1926), «Минин и Пожарский» (май — июль 1926), «Воспитание души» (27 октября 1926), «Начало поэмы» (1926), «Седьмое стихотворение» (нач. 1927), «На смерть теософки» (28 июня 1927 или 1928). В таком качестве они будут выступать перед публикой [43] и это наименование сохранится даже тогда, когда они придумают себе иное имя — «Обзриуты»: «чинарем», например, назовет Хармс Введенского в шуточном сти-

хотворении «Я в трамвае видел деву...» (нач. января 1930; 17. Л. 62), а Введенский так аттестует себя в своеобразной «визитной карточке» А. Крученыху: «Введенский Александр Иванович. Ленинград, Съезжинская ул., д. 37, кв. 14. В прошлом до 1930 г. обэриут Чинарь Авто-ритет бессмыслицы. В группе были Хармс Даниил Иванович, Заболоцкий Николай Алексеевич, и др. 18 марта 1936 г. Москва» [44].

К концу 1926 г. наименование «Левый фланг» (об устройстве литературных вечеров которого ведутся переговоры с Домом искусств — 8. Л. 28) трансформируется во «Фланг левых» (8. Л. 29) или, как называл Хармс свое и своих друзей (в том числе Введенского) выступление 9 января 1927 г. в Кружке друзей камерной музыки: «Левый Фланг Поэтов» (8. Л. 34 об.) — судя по всему, Хармсу и Введенскому было дорого не само по себе наименование, но слово «левый», которым они, собственно, и будут себя дистанцировать от писателей других направлений: «Мы оба являемся единственными левыми поэтами Петрограда», — писали они Б. Пастернаку 3 апреля 1926 г. (<IV. 72>), посылая ему свои стихи для публикации.

Общественный темперамент Хармса побуждал его искать все новые и новые формы объединения. Как можно судить, его привлекала структура Государственного Института художественной культуры — подобие академического учреждения с отделами, разрядами и прочими подобными атрибутами. 25 марта 1927 г. он вместе с Введенским, Бахтеревым и Г. Кацманом намеревался писать «декларацию» «Академии Левых Классиков», но встретил сопротивление Введенского, который настаивал на первоначальном наименовании — «чинарей» (8. Л. 56 об.). Несмотря на возражения Введенского, Хармс назвал свое решение «блестящим» (там же), однако наименование «Академия Левых Классиков» в творческой жизни Хармса и Введенского встретится только в совместном заявлении Введенского и Хармса в ответ на критику их выступления, которое состоится через несколько дней (см. далее) [45].

«Левый фланг» устраивал литературные вечера. Об одном из них сообщалось в печати: «...Третьего дня собрание литературного кружка Высших курсов Искусствоведения носило буйный характер. Пришли “чинари” — читали стихи» [46]. «Буйным» выступление Хармса и Введенского авторы называли вследствие того, что, как они написали, на неприязненную реакцию публики Хармс заявил: «Я в конюшнях и публичных домах не читаю!» [47]. В ответ последовало «Заявление в Ленинградский Союз Поэтов от Академии Левых Классиков» за подписями: «Чинарь А. Введенский, Чинарь Д. Хармс» — в нем друзья подтвердили, что публика вела себя вызывающе и по заслугам получила отпор выступавших поэтов [48].

По-видимому, в конце октября 1927 г. относительно творчества Хармса и Введенского впервые возникает понятие «реального искусства»: в статье об их выступлении (вероятно, 25 октября в Доме печати) с декларацией «Объединения работников реального искусства» [49], а 23 ноября состоится «Заседание Обэзэриу» (11. Л. 3) — придуманное Хармсом новое наименование «Объединения реального искусства» (сокращенно, с присущим Хармсу «сдвигом» в слове, правильно называвшееся «Обэриу») он сам будет все время в своих записях трансформировать, называя его то «Обэзэриу», то «Обэзэлиу» (конец декабря; 11. Л. 9).

Началу регулярных выступлений Введенского, Хармса и их единомышленников в качестве «обэриутов» послужил знаменитый вечер «Три левых часа» 24 января 1928 г. [50]. За ним последовали в этом году (зафиксированные в записных книжках Хармса) выступления: в октябре (с неназванным автором «Доклада обэриутского», выступлением, среди других участников, Хармса и 10-минутным выступлением Введенского: 15. Л. 5 об.), вероятно, 28 ноября выступление в Университете (16. Л. 5), 12 декабря на открытии Дома печати в Мариинском дворце (Хармс читал «Предметы и фигуры», Введенский «Самонаблюдение над стеной» — 16. Л. 13 примеч.) [51], 26 декабря в Институте истории искусств (16. Л. 15); в марте 1930 г. Хармс планировал несколько вариантов обэриутских вечеров (театрализованных и «без театрализации», а также «спектакль Обэриу» — 18. Л. 8).

Как уже отмечалось, исключительно тесным, почти повседневным было творческое общение Введенского и Хармса осенью 1926 г., когда Бахтевев, Кацман и их друзья, организовавшие театральный коллектив «Радикс» в Институте художественной культуры, «<...> решили обратиться к двух ленинградцам — «чинарям» — Хармсу и Введенскому» [52] с просьбой написать для этого коллектива пьесу. 21 сентября Введенский и Хармс «начали писать драму» (7. Л. 2) и в итоге получилась «<...> необычная пьеса-монтаж, названная по одноименному стихотворению Введенского “Моя мама вся в часах”» [53]. Репетиции пьесы происходили в сентябреноябре, иной раз ежедневно, некоторые — дома у Введенского. Это несостоявшееся предприятие трансформировалось в марте 1927 г. в проект сборника статей и литературных произведений, где, среди прочих, должны были быть напечатаны проза и стихи Введенского (8. Л. 55 об.), но и эта затея не осуществилась.

В протоколах архива Союза поэтов (ИРЛИ) зафиксировано совместное выступление Хармса и Введенского на «пятнице» 18 февраля 1927 г.; оба читали свои стихи [54] (тогда же выступал и Заболоцкий), 15 марта читал стихи Введенский, а в начале апреля он баллотировался в Правление Союза поэтов (8. Л. 58); 21 октября того же года Введенский и Хармс при-

существовали на собрании Союза поэтов, которое, как записано в протоколе, «прошло в бурных прениях, касавшихся организационной структуры Союза, его целеустремленности и его деятельности»; 24 мая 1929 г., как сообщали афиши, Введенский выступал в Доме печати на вечере Союза поэтов [55]; о другом подобном выступлении Введенского и Хармса в 1929 г. вспоминал Б. Семенов [56].

Опирая преимущественно лишь теми фактическими сведениями о деятельности Введенского и Хармса, которые содержатся в записных книжках последнего (хоть и очень обширными), мы не всегда можем точно идентифицировать события, зафиксированные в них: так, например, 12 ноября 1926 г. Хармс составляет три «вариации» репертуара произведений Введенского, которые он «советует» ему прочесть на неизвестном вечере (8. Л. 10 об.); около 26 ноября того же года записывает проект состава участников вечера, на котором должен был присутствовать и Введенский («вечер не состоялся» — 8. Л. 16 об.); еще один подобный проект с участием Введенского и Хармса составлен им около 11 января 1927 г. (8. Л. 35 об.); в начале декабря 1927 г. по приглашению Н. Клюева Введенский и Хармс собирались участвовать в литературных чтениях для неких студентов (11. Л. 5); в начале мая 1929 г. Введенский должен был участвовать в придуманном Хармсом вечере «самоедов» (17. Л. 3 об.) [57].

Начиная с двух своих первых публикаций [58] Введенский и Хармс нередко одновременно оказывались среди участников проектировавшихся Хармсом, но неосуществленных литературных сборников: один из таких проектов составлен Хармсом около 14 января 1927 г. (8. Л. 37); другой — в августе 1928 г. (13. Л. 8 об.); по-видимому, в начале мая начал составляться сборник «Ванна Архимеда» (17. Л. 4), который был собран к началу января (17. Л. 52 об. — 53) [59]; по сведениям В. Эрля, стихотворения Введенского, Хармса (и Крученыха) должны были печататься в 1930 г. в альманахе «Атом» [60].

В конце ноября или начале декабря 1927 г. Введенский и Хармс были приглашены в числе участников еще одного литературно-общественного проекта: «Олейниковым и Житковым организуется ассоциация “Писателей детской литературы”. Мы (Введенский, Заболоцкий и я) приглашаемся» (11. Л. 5). Но и это предприятие не имело продолжения.

С 1928 г. Хармс и Введенский начинают постоянное сотрудничество в детских журналах — «Еж», а затем и «Чиж»; печатались они и в некоторых других детских журналах, выпустили значительное число детских книжек — с этого времени и до конца жизни оба приобретают статус детских писателей и в таком качестве совместно выступают в Доме печати (например, 19 марта 1930 г.) и регулярно фигурируют в отзывах критики.

Как ни парадоксально это прозвучит, в декабре 1931 — январе 1932 г. Введенский и Хармс оказались в положении взаимных рецензентов, вынужденных давать оценки творчеству друг друга. 10 декабря 1931 г. Введенский, направлявшийся в Новый Афон, был снят с поезда, арестован и доставлен назад в Ленинград; в этот же день на квартире их общего приятеля П. Л. Калашникова были арестованы Хармс и сам Калашников и на своей квартире — Туфанов, а 14 декабря — Бахтерев [61]. Судя по количеству и интенсивности допросов на протяжении 11 декабря 1931 — 17 января 1932 г. (Введенский был допрошен девять раз, Хармс — пять, остальные участники, кроме Бахтерева, по два, а Бахтерев один раз) легко сделать вывод о том, кто были главные «фигуранты» Дела [62].

Анализ протоколов допросов показывает, что Хармсу пришлось на втором допросе кратко охарактеризовать произведения Введенского: «Весьма приближаются к форме заумного творчества такие произведения Введенского: “Кто”, “Железная дорога”, “Бегать прыгать” и другие в том же роде» [63]; на третьем допросе те же произведения Введенского уже названы не заумными, а «антисоветскими», и к ним еще добавлены «Авдей-Ротозей» и «Подвиг пионера Мочина» [64].

Похожая, но и более тяжелая ситуация сложилась у Введенского, поскольку ему пришлось испытать почти вдвое больше допросов: на втором допросе он назвал «заумными» произведения Хармса «Иван Иванович Самовар», «Врешь, врешь, врешь» (имелось в виду стихотворение «Врун») [65], на четвертом появилась краткая политическая характеристика его творчества: «оплакивание прошлого строя» [66], а следом, на пятом и шестом, — развернутая характеристика «антисоветского» творчества Хармса [67].

Парадокс состоял в том, что почти все произведения, которые называли Введенский и Хармс «антисоветскими», были опубликованы в советской детской печати и, следовательно, прошли положенную придирчивую цензуру: их творческому слуху абсурдность ситуации, в которую их вводило следствие (безусловно, диктовавшее соответствующие политические эпитеты), не могла быть не слышна.

И еще один парадокс: в итоге оба друга не только не оказались разлучены, но должны были провести несколько месяцев под одной крышей в ссылке в Курске [68].

Это было нелегким испытанием для обоих: более жизнерадостный темперамент Введенского должен был постоянно входить в конфликт с непрерывно испытывавшим недомогание Хармсом, которому, в свою очередь, были в тягость некоторые свойства характера друга [69].

* * *

Удивительным образом сошлись и предсмертные перипетии обоих друзей.

Последний раз Хармса арестовали в Ленинграде 23 августа 1941 г. Чуть более чем через месяц, 27 сентября, в Харькове был арестован и Введенский.

Обескуражив следователя абсурдными сведениями о своей биографии, экстравагантным поведением и признаниями о преследующих его фантастических идеях, Хармс был признан страдающим «душевным расстройством в форме шизофрении» [70] и 7 декабря 1941 г. определением Военного трибунала войск НКВД направлен «в психиатрическую лечебницу для принудительного лечения до его выздоровления» [71]. Как сообщается в извещении тюрьмы № 1 г. Ленинграда, Хармс скончался 2 февраля 1942 г. [72]

Введенский, после своего ареста, был трижды допрошен: 29 сентября, 6 и 10 октября; 13 октября ему было предъявлено обвинение в ведении антисоветских разговоров и отказе эвакуироваться из Харькова. По предъявлении обвинения Введенский лишь частично признал свою вину: в том, что остался с семьей в Харькове и отговаривал других людей покидать город. В деле Введенского отсутствует собственно приговор, который должен был последовать за постановлением о предъявлении обвинения; имеется лишь справка казанской тюремной больницы от 29 декабря 1941 г., гласящая: «Заклученный Введенский Александр Иванович, 1904 г. р., умер 20 декабря 1941 года во время следования пути этапом из города Харькова в город Казань» [73].

На обложке Дела, помимо заглавия и номера, находится отметка Харьковской тюрьмы о прибытии в нее заключенного 27 сентября 1941 г. и пометы, сделанные уже в Казани: в одном случае — «Умер 20 декабря 1941 год<а>», в другом — «Умер 20/XII в этапе». На обложке стоит печать Казанской спец. психиатрич<еской> больницы МВД Тат<арской> АССР. <...>

Таким образом, оказывается, что тело писателя, по всей видимости, было сдано на станции Казань и помещено в местную спецпсихбольницу — подобную той, в какой полутора месяцами позже в Ленинграде скончается друг Александра Введенского Даниил Хармс [74].

[1] О более раннем периоде жизни Введенского см.: Дмитренко А., Сажин В. Краткая история «чинарей» // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»... М., 2000. С. 12—28.

[2] Jaccard J.-Ph., Устинов А. Заумник Даниил Хармс: начало пути // Wiener Slawistischer Almanach. 1991. Bd. 27. S. 222—223; Введ. II. 227.

[3] Дмитренко А., Сажин В. Краткая история «чинарей» // Указ. изд. С. 34.

[4] Евгений Иванович Вигилянский (1903—1942?) — поэт, преподаватель той же Детскосельской школы, где учился Хармс; впоследствии учился на театральном отделении Высших курсов искусствоведения при Институте истории искусств (1926—1927); в 1925—1926 гг. посвятил Хармсу несколько стихотворений со своим автопортретом; участвовал в спектакле «Елизавета Бам», представленном на знаменитом вечере «Три левых часа», устроенном Хармсом, Введенским и их друзьями.

[5] Друскин Я. Чинари. Указ. изд. С. 398.

[6] РНБ. Ф. 1232. Без шифра.

[7] Для суждения об этом мы имеем возможность обратиться к записным книжкам Хармса, на которые и будем в дальнейшем ссылаться.

[8] См. наст. publ., письма 1—5.

[9] Об этом см. далее.

[10] О Н. Заболоцком см.: наст. publ., примеч. к письму 3.

[11] См.: ПСС. II. 191—237 и примеч.

[12] См.: ПСС. I. 54—56.

[13] Сначала Хармс написал «боль», потом зачеркнул это слово.

[14] Марочкина А. Вера Михайловна Ермолаева // В кругу Малевича: Сопратники. Ученики. Последователи в России 1920—1950-х. СПб., 2000.

[15] О происхождении одной из иллюстраций Ермолаевой к книге Хармса см.: Стерлигов В. В. Выступление на вечере памяти Ермолаевой // Дух дышит, где хочет: Владимир Васильевич Стерлигов. 1904—1973: Выставка произведений. Каталог. Статьи. Воспоминания. СПб., 1995.

[16] Имеется в виду Игорь Владимирович Бахтерев (1908—1996) — поэт, драматург, прозаик, художник; вместе с друзьями организовал театр «Радикс», для которого Хармс и Введенский написали пьесу «Моя мама вся в часах» (см. далее); разработал композицию и художественное оформление пьесы Хармса «Елизавета Бам», представленной на вечере «Три левых часа»; был арестован в 1931 г. по одному с Введенским и Хармсом Делу № 4246—31 г. (см. далее); автор воспоминаний о Введенском, Хармсе и других своих друзьях: Бахтерев И. Когда мы были молодыми // Воспоминания о Заболоцком. М., 1984; Он же. Встречи с Виктором Борисовичем Шкловским // Ванна Архимеда. Л., 1991; Он же. Горькие строки / Подгот. текста И. С. Мальского; вступит. статья и примеч. А. В. Крусанова и И. С. Мальского // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»... <2-е изд> Т. 2. М., 2000.

[17] Георгий Николаевич Кацман (псевд. Кох-Боот; 1908—1985) — режиссер и теоретик театра; главный режиссер театра «Радикс», под его руководством ставилась пьеса Введенского и Хармса «Моя мама вся в часах» (см.: Кацман Г. <Интервью М. Мейлаху> // Введ. 2. 128—131); арестован в апреле 1927 г., осужден и остался вольнонаемным в месте заключения.

[18] Так сокращенно Хармс обозначал Тамару Александровну Мейер (о ней см.: наст. публ., примеч. к письму 3).

[19] ПСС. I. 72.

[20] Николай Михайлович Николаев был в конце 1920-х гг. юристом Союза писателей.

[21] РНБ. Ф. 1203. Ед. хр. 21. В этом документе есть яркая примета игрового поведения Хармса, распространявшегося им на самые разные сферы жизни: под № 14 и 15 рукой Хармса записаны, соответственно, А. Бобриков и С. Рогнедов — это вымышленные персонажи (сам же Хармс их вычеркнул и подписал: «от не сущ<ествующих>. Хармс»); те же фамилии фигурируют в письме Хармса к Т. Мейер от 20 августа 1930 г. (ПСС. <IV>. 58; они же — в августе 1930 г. в наброске письма Хармса к Мейер: 20. Л. 9).

[22] Бахтерев И. Горькие строки // Указ. изд. С. 578—590. Здесь же справки об отце и сыне Сно (С. 643).

[23] См.: наст. публ., письма 12—15.

[24] То же.

[25] То же.

[26] Липавский Л. Разговоры.

[27] См.: Введ. II. 85.

[28] См. далее.

[29] Личная подпись Введенского.

[30] Исидор Гунсберг (1854—1930) — венгерский шахматист.

[31] Эти произведения Введенского неизвестны.

[32] Введенский в этой записи не упомянут, но можно предположить, что событие не обошлось без ближайшего друга Хармса.

[33] О ней см.: наст. публ., примеч. к письму I.

[34] Как легко заметить, наличие фрагментов произведений Введенского в записных книжках Хармса учтено в Полном собрании произведений Введенского (Введ.); тем не менее, мы считаем важным привести здесь все эти сведения со ссылками на номера и листы записных книжек Хармса — не только потому, что благодаря таким ссылкам эти фрагменты можно легко отыскать в издании ПСС Хармса, но и по причине значительных расхождений наших датировок этих записей и их текстологии с Введ.

Так, в начале мая 1926 г. Хармс дважды подряд записал фрагменты неизвестного произведения под одинаковым заглавием «Из Введенского» и начинающиеся одной и той же строкой: «и ухом вьются их уста...» (6. Л. 2—2 об.; Введ. II. 93—94); около 12 ноября того же года — фрагменты «Воспитания Души» (8. Л. 13; Введ. II. 122—124); в конце ноября — строчки из «Беседы с Рощей» (8. Л. 16; Введ. II. 95); 12—13 и около 20 февраля 1927 г. записаны фрагменты «Пиковой Дамы» (8. Л. 45, 45 об., 47 об.; Введ. II. 96—97);

около 18 марта — фрагменты под заглавием «Гробовое небесное видение» (8. Л. 50 об.; Введ. II. 97); около 20 марта — «Что мы об этом знаем» (8. Л. 54; Введ. II. 97); в июне-июле 1927 г. Хармс записал фрагменты произведения Введенского «Что я видел в час кончины» (9. Л. 9 об.; Введ. II. 99); в январе 1928 г. строчки «Оды отвращения» (11. Л. 42, 43; Введ. II. 99); в июле-августе 1928 г. — строчку из «Птиц» (13. Л. 14 об.; Введ. II. 258—259); в ноябре 1928 г. — фрагмент «Евстафьева и Маргариты Кронпринцевой» (15. Л. 23 об.; Введ. II. 88); в мае 1929 г. — фрагменты произведения «Убийство Чиновника» (сохранились рисунки Хармса к этому несохранившемуся произведению Введенского; заглавие можно сопоставить с первоначальными заглавиями пьесы Хармса «Елизавета Бам»: «Случай убийства» и «Случай с убийством») и заглавия: «Больной который был волной» и «Ответ Богов» (17. Л. 14); в мае-июне — фрагмент произведения «Больной который стал волной» (17. Л. 17 об., 19 об.; Введ. I. 77—80), характеристику текста «Трагический случай» (17. Л. 19 об.; Введ. II. 215) и фрагменты произведения «Пять или шесть» (17. Л. 22; Введ. I. 81—87); в июле 1929 и январе (?) 1930 г. Хармс эпизодически записывал фрагменты романа Введенского «Убийцы вы дураки» (17. Л. 30 об. — 32, 40 об., 41 об., 71—71 об.; Введ. II. 101—103); также в июле 1929 г. записаны фрагменты стихотворения «Две птички, горе, лев и ночь» (17. Л. 36 об.; Введ. I. 88—91); около 17 ноября — фрагменты «Зеркала и Музыканта» (17. Л. 78 об. — 79; Введ. I. 92—96); в декабре — «человек веселый Франц...» (17. Л. 83; Введ. I. 97—99); 18 января 1930 г. Хармс записал фрагменты стихотворения «снег лежит...» (17. Л. 66; Введ. I. 100—102), а затем две строчки из произведения «Стариковская ночь» (17. Л. 69; Введ. II. 103); 11—18 марта того же 1930 г. Хармс записал фрагменты из произведения «Святой и его подчиненные» (18. Л. 10 об., 25 об.; Введ. I. 103—108); в апреле — мае — «Размышления о самоубийце» (19. Л. 12; Введ. II. 99); в августе — заглавие и строчку из «Значенья моря» (20. Л. 13; Введ. I. 116—118); в августе 1933 г. записаны две строчки из произведения «Без названия» (27. Л. 40; Введ. II. 103); в январе 1934 г. записаны фрагменты стихотворения «Мне жалко, что я не зверь...» (29. Л. 24 об.; Введ. I. 183—185). Помимо названных, в записных книжках Хармса фигурируют фрагменты нескольких стихотворений, написанных Введенским для детей — чтение и обсуждение этих произведений, как видим, также казалось важным обоим поэтам (17. Л. 27 об., 29 об., 58, 65, 72 об.).

[35] Действительно, по воспоминаниям Я. Друскина, Введенский в 1934 г. передал Хармсу все автографы своих произведений, а в конце 1930-х гг., приезжая в Ленинград из Харькова, где он поселился со второй половины 1936 г., привозил рукописи новых произведений и тоже передавал их Хармсу.

[36] См.: Jaccard J.-Ph., Устинов А. Заумник Даниил Хармс: начало пути // Указ. изд. С. 160; Туфанов А. Заумный орден // Туфанов А. Ушкуйники / Сост. Ж.-Ф. Жаккар и Т. Никольская. Berkeley, 1991. С. 176—180; см. также отдельную главу в кн.: Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995.

[37] См. выше текст, дающий иную, чем Бахтерев, датировку этого события.

[38] Бахтерев И. Когда мы были молодыми // Указ. изд. С. 67.

[39] Заметим, что это была не рядовая «пятница», которые традиционно устраивались Союзом поэтов для своих мероприятий, а субботнее специальное «представление».

[40] Исчерпывающую документацию деятельности «Объединения групп “Левого фланга”» и участия в ней Введенского и Хармса см.: К истории «Левого фланга» Ленинградского отделения Союза поэтов / Вст. ст., подготовка текста и комментарии Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова // Русская литература. 2008. № 4. С. 149—207.

[41] См.: Jaccard J.-Ph., Устинов А. Заумник Даниил Хармс: начало пути // Указ. изд. С. 166—169.

[42] Друскин Я. Чинари. «Произведено оно, я думаю, от слова «Чин»: имеется в виду конечно не официальный чин, а духовный ранг» (То же). Интерпретацию этого наименования см. также: Stone-Nakhimovsky A. Laughter in the Void // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 5. 1982. S. 10; новая версия: Мейлах М. К чинарско-обэриутской контрверзе // Александр Введенский и русский авангард: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Введенского. <СПб.>, 2004. С. 96—97. «Чинарям» посвящена специальная глава в монографии: Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995.

[43] См.: Иоффе Н., Железнов Л. Дела литературные...: (О «Чинарях») // Смена. 1927. № 76. 3 апреля.

[44] Кобринский А. А. «А вообще живу очень плохо...»: К биографии Александра Введенского харьковского периода: (Переписка с Детиздатом) // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1995. Vol. I. № 3. С. 247.

[45] Возможно, Хармс пытался вернуться к «академической» идее — на 2—3 августа 1928 г. он записывает очередные дела: «сходить в библиотеку и списать устав», «Позвонить в Главнауку», «Устав общ<ест>ва не преследующего целей выгоды» (З. Л. 8—8 об.). Но последствия и этого предприятия неизвестны.

[46] Иоффе Н., Железнов Л. Дела литературные... // Указ. изд.

[47] Там же.

[48] Вечер состоялся 28 марта. Введенский и Хармс отвечали (автограф «Заявления» — рукой Введенского) не столько на статью, сколько на «Протест» в Ленинградское отделение Союза поэтов, направленный в него девятнадцатью лицами, присутствовавшими на литературном вечере, с требованием исключить Хармса из Союза поэтов. Этот «Протест» а также полный текст «Заявления» Хармса и Введенского подготовлен к публикации Т. А. Кукушкиной (которую искренне благодарю за предоставленную возможность ознакомиться с материалами будущей публикации).

[49] Толмачев Д. Дадаисты в Ленинграде // Жизнь искусства. 1927. № 44. 1 ноября.

[50] Отметим, что, убрав по настоянию руководства Дома печати из названия своего объединения слово «левый» — потому и пришлось придумывать наименование «Обэриу», — участники сохранили это слово в названии своего заглавного выступления.

[51] Об этом вечере см.: Бахтерев И. Когда мы были молодыми... // Указ. изд. С. 98—99.

[52] Там же. С. 68.

[53] Там же.

[54] В этот день Хармсом написано стихотворение «Искушение» (ПСС. I. 68—70).

[55] Несмотря на то, что общим собранием Союза Введенский и Хармс были 10 марта исключены из числа его членов «ввиду неуплаты членских взносов и не погашения старой задолженности» (Jaccard J.-Ph., Устинов А. Заумник Даниил Хармс... // Указ. изд. С. 170—171); впрочем, формальное постановление об этом исключении было принято лишь 30 сентября (там же).

[56] Семенов Б. Время моих друзей. Воспоминания. Л., 1982. С. 278—279.

[57] Это наименование саамских племен было позднее перенесено на ненцев, энцев, ганасан и селькупов; среди знакомых Хармса был языковед и этнограф, преподаватель Университета и Педагогического института, создатель ненецкого словаря Г. Н. Прокофьев (1897—1942); в записной книжке отца Хармса И. П. Ювачева 6 февраля 1931 г. отмечено: «Был у меня Даня и рассказывал о самоедах и условиях их жизни» (Ювачев И. П. Записные книжки // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993); вероятно, помимо познавательного интереса, Хармса, как нередко у него бывало, привлекло экзотическое слово. (*Созвучно слово «обэриуты» и названию другой народности — алеутов, каковая созвучность и в более поздние времена, и, возможно, во время существования ОБЭРИУ наводила несведущих на мысли об «ин-*

тересной народности», у которой — надо же! — «уже есть литература». — Примеч. А. Г.)

[58] При жизни Введенскому и Хармсу удалось опубликовать лишь по два «взрослых» произведения: Введенский А. Начало поэмы // Собрание стихотворений: Сборник Ленинградского отд. Всероссийского Союза поэтов. Л., 1926. С. 14—15; Он же. «Но вопли трудных англичан...» // Костер: Сборник Ленинградского Союза поэтов. Л., 1927. С. 23—25; Хармс Д. Случай на железной дороге // Собрание стихотворений: Сборник Ленинградского отд. Всероссийского Союза поэтов. Л., 1926. С. 71—72; Он же. Стих Петра-Яшкина // Костер: Сборник Ленинградского Союза поэтов. Л., 1927. С. 101—102.

[59] Об истории его создания см.: Блюмбаум А. Б., Морев Г. А. «Ванна Архимеда»: к истории несостоявшегося издания // Wiener Slawistischer Almanach. 1991. Bd. 28. S. 263—269.

[60] Эрль В. Даниил Хармс в трех неосуществленных изданиях // Транспонанс. 1986. № 28 (рукописное издание).

[61] 10 декабря по тому же делу были арестованы художник Н. И. Воронин и И. Л. Андроников, в марте-сентябре являвшийся секретарем редакции журналов «Еж» и «Чиж», а с 1 сентября — секретарь детского сектора изд. «Молодая гвардия».

[62] См. выше.

[63] Следственное дело № 4246—31 г. // Указ. изд. С. 526.

[64] Там же. С. 528—530.

[65] Там же. С. 535.

[66] Там же. С. 539.

[67] Там же. С. 540—543.

[68] См. наст. издание, примеч. к письму 12.

[69] См. 23 записную книжку Хармса, которую он вел в Курске.

[70] Дело № 2196—41 г. // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»... Указ. изд. С. 598.

[71] Там же. С. 603.

[72] Там же. С. 604.

[73] Дело № 148347 / Публ. и примеч. И. С. Мальского // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»... <2-е изд> Указ. изд. С. 621—638.

[74] По сведениям заместителя редактора «Книги памяти жертв политических репрессий», руководителя программы «Поисково-информационный Центр Республики Татарстан», участника международного проекта «Возвращенные имена» М. В. Черепанова, обследовавшего книгу захоронения погибших по Казани, тела умерших за декабрь, январь и начало февраля из психбольницы впервые хоронили 14 февраля 1942 г.; всего захоронено

78 пациентов, все перечислены пофамильно, за исключением одного «неизвестного» — Черепанов предполагает, что это Введенский. Захоронение производилось на Арском кладбище Казани.

Письма Александра Введенского Даниилу Хармсу

До настоящего времени была опубликована лишь одна короткая записка Введенского Хармсу, сохранившаяся в архиве адресата (ПСС IV. 126; см. ниже, примеч. к письму б), хотя упоминалось о существовании других писем, из которых цитировались (с неточностями, как теперь выясняется) отдельные фразы (Введ. I. 33, 257; II. 85, 86, 94, 126, 208, 214, 260). Ныне эти письма оказались доступны для полной публикации.

21 августа 1978 г. философ, музыковед, один из ближайших друзей Хармса, сохранивший от уничтожения после его ареста архив писателя (в том числе и рукописи Введенского) Я. С. Друскин (1902—1980), в ходе передачи на постоянное хранение в тогдашнюю Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ныне — Российская национальная библиотека) своего архива и собрания рукописей упаковал в отдельный конверт 21 письмо Введенского к Хармсу и надписал: «Не распечатывать раньше 2000 года». Благодаря любезному разрешению Л. С. Друскиной, хранительницы наследия Я. Друскина, конверт с письмами оказался возможным вскрыть и подготовить к нижеследующей публикации.

Трудно объяснить решение о запечатании писем, которое в свое время принял Я. Друскин. Если предположить, что, по его мнению, эти письма так или иначе (в политическом или личном плане) могли в чьих бы то ни было глазах «компрометировать» корреспондента или адресата, то легко заметить, что в них не упоминаются такие события или обстоятельства, персонажи, персональные подробности или, наконец, словечки, которые бы не были известны или не встречались в других источниках, находившихся в руках Я. Друскина, — в произведениях Хармса, его записных книжках и переписке, — но относительно которых Я. Друскиным не делалось никаких ограничивающих распоряжений.

Вместе с тем эти письма представляют определенную историко-литературную и научную ценность. В них наличествуют те аспекты дружеских отношений, которые установились между Введенским и Хармсом с самого начала знакомства и поддерживались всю их дальнейшую жизнь (см. нашу вступительную статью): заинтересованность в литературном творчестве друг друга; потребность в постоянном информировании друг друга обо всех событиях своей жизни, от общественно-значимых вплоть до самых интимных; культивировавшаяся обоими

писателями, как видно, на протяжении почти двух десятилетий дружбы специфическая игровая (подчас — мистифицирующая) стилистика взаимоотношений, проявлявшаяся, в том числе, в выработанном собственном языке для обозначения тех или иных событий, предметов или именованя людей (вследствие этого при комментировании писем их идентификация затруднена; поэтому они иногда оставлены без комментария). Можно сказать, что Введенский (как и Хармс) сделал эпистолярию — при всех необходимых оговорках — одним из равноправных жанров своего творчества (в широком смысле слова), с присущими ему, этому творчеству, элементами зауми и абсурда.

Краткое извещение об этой находке — о печатающихся ниже письмах — см.: Сажин В. Двадцать одно неопубликованное письмо Александра Введенского к Даниилу Хармсу (Предварительное сообщение) // Александр Введенский и русский авангард: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Введенского. <СПб>, 2004. С. 13—15.

Письма публикуются с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Место написания и дата выносятся в начало; восстановленные по почтовому штемпелю оговариваются в примечании, все предположительные данные — указываются в угловых скобках. Зачеркнутые фрагменты воспроизводятся в прямых скобках.

1.

Бологое, Новгородской обл., 29 июля 1926

Я ему говорю чего ты кусаешься, маленькая такая машинка [но ничево] кланялся. На вокзале был я провожаем Фроманом, хоть может он провожал и свою мать? Да (!), а ты знаешь, кто едет со мной в вагоне. Скрипач из бара (или виолончелист) с черной стриженной головой. Прошу сообщит<ь> кто из вас третий. Поклон Скипидарову, Индашке кукиш [а Дине поклон] а Дине и Лине поклоны.

Почтовая карточка; на обороте адрес: «гор. Ленинград. [Петрог] Надеждинская ул. д. 11 кв. 9. Чинарю-Взиральнику Даниилу Ив. Хармсу». Место отправления и дата — по почтовому штемпелю. Письмо написано с дороги по пути в Алупку.

Фроман М. (наст. имя и фамилия Михаил Александрович Фракман; 1891—1940) — писатель, переводчик; секретарь Правления Союза поэтов во время пребывания в нем Введенского и Хармса; три года спустя — в статье к пятилетию Союза поэтов Фроман (в соавторстве с И. Оксеновым) —

положительно отзывался о «заумниках» Введенском, Хармсе и Туфанове (Фроман М., Оксенов И. Пять лет Ленинградского Союза поэтов // Жизнь искусства. 1929. № 15. С. 7).

Дина — вероятно, Мелитина Васильевна Маркова-Лесовская, врач-гинеколог; одна из интимных приятельниц Введенского и Хармса; в записных книжках Хармса в 1926 г. отмечен ее день рождения (20 июня: 6. Л. 6) и именины (30 сентября, но Хармс, как нередко, ошибся — именины Мелитины 29 сентября: 7. Л. 3); в декабре 1928 г. Хармс сделал о Марковой-Лесовской несколько записей: «Все равно Дина будет принадлежать Шурке <Введенскому. — В. С.> а потому плюнь на нее» и др. (16. Л. 11 об., 12, 12 об.); «с сего дня у меня с Диной все кончено, она теперь будет с введенским я ей буду неприятен <...>» (январь 1929 г.: 16. Л. 17); см. также: ПСС. Т. <5>. Кн. 2 (именной указатель к Записным книжкам).

Лина Васильевна Ходоровская — приятельница Введенского и Хармса; в мае 1926 г. Хармс отметил дату ее рождения и свадьбы: соответственно, 31 декабря и 20 августа (6. Л. 6); в записных книжках Хармса она чаще упоминается рядом с Диной (см. выше).

Чинарь-Взиральник — см. вступит. статью.

2.

Алупка, 6 августа 1926

данька! Это письмо я тебе пишу, — а не Всеволожский, вчера 5 августа в четверг, я написал стишки под названием «Обмакни ДИТЯ». Не ходи, сволочь, без меня в бар, подожди меня. Я здесь прямо умираю от тоски, скуки и других шпинатных эмоций. Здорово скучно и без тебя,

<волнистая линия> это речка а это точки. Поцелуй за меня Лину передай ей мой горячий привет, и дине также. Индашке скажи, что я его отсюда разрисовываю. Пиши скорее.

Чинарь Павлуша

Почтовая карточка; на обороте адрес: «гор. Ленинград. Надеждинская ул. д. 11 кв. 9. Тел. 90—24. Чинарю-Взиральнику Хармсу». Год и место отправления — по почтовому штемпелю.

Обмакни ДИТЯ — это произведение Введенского не сохранилось.

Лина и Дина — см. письмо 1 и примеч.

Чинарь Павлуша — эту игру Введенского можно сопоставить, например, с придуманным Хармсом «чинарем Михаилом», фигурирующим в его записных книжках, или также сочиненным Иваном Ивановичем Хармсом, бывшим приват-доцентом Санкт-Петербургского университета, в образе которого Хармс сфотографировался (Хармс Д. Полет в небеса: Стихи. Проза. Драммы. Письма. Л., 1988. С. 352).

Чинарь-Взиральник — см. письмо 1 и примеч.

3.

<Алупка>, 9 августа <1926>

Мне Данька его хрип не нравится, к тому же я все время спиной сижу. Твое письмо получил сегодня 9 августа, то получил, которое от 4го августа. У нас в Сестрорецке слава Богу народ теплый, и я еще написал стихи. Чего и вам. Интересная подробность, во 2ом стихотворении оказалось столько же строк, сколько и в первом, про которое я тебе уже писал, т. е. ровно 55 строчек, вторым стихотворением я доволен, в нем есть кое что новое. А в общем классицизм. Пишешь ли ты? Есть у меня к тебе большая просьба, позвонил бы ты как нибудь к Тамаре (тел. 50—20) и сходил бы с ней в кинематограф, что ли. Конечно если тебе это будет не трудно и не слишком скучно сделать, не говори ей только, что это я написал тебе об этом. [А то она] Не сердится ли Лина на то что я ей не пишу, ты ей передай мой горячий поцелуй и привет и скажи, что я был бы крайне рад получить от нее, хотя бы несколько строк. Вчера мы уже еблись, Индашке скажи, что я теперь понял, что он ФЕМИСТОКЛ, и что напрасно он так долго нас обманывал. В Крыму он пользуется широкой популярностью, как пупок моего дедушки. Событий других здесь нет, кроме моего страшного отвращения ко всей этой жизни и невероятной тоски по Петербургу. Пиши чаще, каждое письмо, для меня праздник и ЩЕЛКОПЕР. Привет Заболоцкому.

Жму подтяжки.

Твой Поляков

Казань, Нижний Новгород, студенту Сорбон<н>ского университета Петру Яковлевичу Даниилу Хармсу.

За глаза и в живот.

Тете Дине поклон в ножки.

Еб я некую Леню.

Здравствуй дорогой Даня как ты поживаешь. До свиданья.

Место и дата — по содержанию.

Сестрорецк — мистификация Введенского, отсылающая — по аналогии с Алушкой? — к наименованию курорта вблизи Ленинграда, где бывали Введенский и Хармс.

Про которое я тебе уже писал — т. е. «Обмакни ДИТЯ» (см. письмо 2).

Тамара Александровна Мейер (1903—1982) — одноклассница Введенского; вместе с ним по окончании школы училась на факультете общественных наук университета, но была «вычищена» в 1923 г. и работала санитаркой; затем окончила 1-й Институт иностранных языков (см.: Дмитренко А., Сажин В. Краткая история «чинарей» // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»... Указ. изд. Т. 1. С. 27—28); Хармс познакомился с Мейер благодаря Введенскому («Милая, дорогая Тамара Александровна! Зачем Шурка мой друг! Какая насмешка судьбы! Ведь, не знай я Шуру, я бы и Вас не знал!» — из письма Хармса 5 декабря 1930 г.: ПСС. <IV>. 59) и в 1929—1930 гг. ухаживал за ней; по-видимому, с 1921 г. — гражданская жена Введенского (впрочем, на первом допросе 12 декабря 1931 г. на вопрос о семейном положении Введенский ответил: «разведен» — «Дело № 4246—31 г». // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»... Указ. изд. Т. 2. С. 532); по свидетельству Мейер, их разрыв произошел в сентябре 1931 г.; в том же году вышла замуж за Л. Липавского, на их квартире происходили беседы, записанные Липавским («Разговоры» — см. вступит. статью).

Лина — см. письмо 1 и примеч.

ФЕМИСТОКЛ — возможно, аллюзия на имя одного из двух сыновей Манилова («Фемистоклус») в «Мертвых душах» Гоголя.

Петербург — архаизированное наименование города и его топонимов характерно для Введенского и Хармса на всем протяжении их творчества (см.: Сажин В. Жил человек рассеянный... (Странный город Хармса) // «Странная» поэзия и «странный» проза: Филологический сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого. М., 2003. С. 246—250).

Заболоцкий Николай Алексеевич (1903—1958) — поэт; внимание Хармса на Заболоцкого обратил М. Фроман (см. письмо 1 и примеч.) во время одного из первых выступлений в Союзе поэтов осенью 1925 г. (Бахтерев И. Когда мы были молодыми... // Указ. изд. С. 69); с этого времени началась дружба с Заболоцким Хармса (по воспоминаниям его сестры, Заболоцкий жил в 1926 г. у Хармса «на раскладушке») и Введенского (с ним у Заболоцкого отношения обостряются в начале 1930-х гг., а в 1934 г. произойдет окончательный разрыв).

Поляков — ср. *Павлуша* в письме 2 и примеч.

Дина — см. письмо 1 и примеч.

Здравствуй дорогой Даня... — характерная для творчества обоих писателей инверсия.

4.

Алупка, 11 августа 1926

цыплят по осени считают,
они из города Читы
за колокольчик их тащи
в (з)алупке бабушки ищи.

Данька присяжный поверенный Снегирев — жулик в кустюмчике, как дитя. Кланяйся двум веточкам. Как оказалось имя у меня до сих пор тоже самое. 11 августа.

А. Введенский

Еще 10 авг. написал стихи назыв. ПОЖАР НА ПОЛЬЗУ.

Почтовая карточка; на обороте адрес: «гор. Ленинград. Надеждинская ул. д. 11 кв. 9. П о э т у Дан. Ив. Хармсу Чинарю-Взиральнику».

ПОЖАР НА ПОЛЬЗУ — неизвестное произведение Введенского. *Чинарь-Взиральник* — см. письмо 1 и примеч.

5.

<Алупка>, 21 августа <1926>

Спешу тебе сообщить, что наконец я получил от 15 числа письмо от Даниила Хармса. Как ты поживаешь? Я же на все смотрю как Петенька. Большой популярностью здесь пользуются «случай на Жел. Дор». который я помню наизусть и отрывок из «Польки затылки», чуть ли не каждый день приходится их читать, а из моих вещей меня дразнят «Пеночкой стучит» и «хреном трет супругу», — публика, надо сказать, идиотская, я здесь 18 числа написал еще стихи. Думаю, что 3го ночевать к тебе я вряд ли смогу придти, потому что ко мне наверно придет ночевать Тамара, если будет

так увидимся днем 4го, а читку устроим 4го ночью. Это обязательное условие для начала нормальной жизни. Поклон КУСТОЧКАМ СИНГАПУР. На это письмо не отвечай — ответ не успеет придти. Я же тебе до от'езда напишу еще открытку или письмо. Женьке ответь, что я тронут и как буду немногочислен тут.

Я

Когда получишь это письмо позвони ей и спроси получила ли она. Я посылаю вам одновременно. Она жалуется, что письма не доходят.

Я

На обороте письма — нижеследующие стихотворные строки Введенского, поверх которых написано:

«[Это черновик] Это не эпиграмма а Кусок из черновика ПЕСОЧЕК»:

вот зреет абенд вздохнули плечи
а пекарь двух печей семью калечит
и тени хитрого Петра
на плохо выбритом [сияли] виднелись лбу Кутузова
и донесли светило дня Урусову
и безболезненного в бархате недужные
покажут на ноже немецком
он
но тот терпением как причт
спешил в похабство и в париж
толпою мелькая полусветской
повис от гибели на статуе
как бабочка качал он латами
здесь извините выплыл кактус
и здесь хохочут рюрючки пушки
что за платочек худой опушки
убранство бурного леса
любителей слеза

Далее следует обрыв листа, на котором текст продолжался.

Место отправления и год — по содержанию.

Петенька — ср. *Павлуша* в письме 2 и примеч.

«Случай на Жел<езной> Дор<оге>» — первое опубликованное стихотворение Хармса (1926; Собрание стихотворений: Сборник Ленинградского отделения Всероссийского Союза Поэтов. Л., 1926. С. 71—72).

«Полька затылки» — стихотворение Хармса (1926; ПСС. I. 36—38).

«Пеночкой стучит» и «хреном трет супругу» — эти произведения Введенского не известны.

Тамара — см. письмо 3 и примеч.

Женька — вероятно, Евгения Ивановна Введенская (1908—1946) — сестра поэта.

6.

<Ленинград, кон. 1926 — нач. 1927>

P. S. Ч

Чинарь Даниилка Хаарс.

Сегодня пополудни я в бессознательном состоянии написал тебе письмо, и чуюсь я этого, ибо я писем, терпеть писать не могу. И, потому пишу ответ сразу к 4 дядькам свешивающимся в данном году с потолка. Пишу им просто речь.

Дядя Ястреб, дядя Клен, Фева и Лукинос, купайтесь! $4 \times 7 = 28$.
е левэ се ту левэ.

СЕЙЧАС СЛУЧИЛОСЬ ЧУДО ? , ; :

— дописав до этого места, до черты, вмиг раз опле дался звонок, и получил я твое письмо.

Сплю я и вижу горнична — горнична пакетик мне внесет и его на 2 куриных яйца положит.

Тут же я на Бердет отдохнул.

Заходил Александр Введенский вчера вечером к Ракову. И было мне там скучно до чорта с белыми ноздрями, скучно. ОНЧУКС и рыбу не ем. Были разговоры общественные, а меня одни кишки интересуют. У нас на Петербургской стороне Мороз и Солнце, О! я печку топлю.

Все!

ОТСТАНЬ БЕШИГ

Я КАЧНУСЬ
И УМРУ. БОЮСЬ.
Ч.

Там же рисунок (с пояснениями: «слон в верх ногами», «море», «звезда»).

Место и дата — по содержанию.

Можно предположить, что письмо написано Введенским под влиянием нюхания эфира: «свешивание с потолка» или «летание под потолком», чудесные видения — все это атрибуты нескольких произведений Введенского: «Святой и его подчиненные» (1930), «К о л о к о л о в. Я бы выпил еще одну рюмку водички» (1932—1933), «Я нюхал эфир в ванной комнате...» (1932—33) и Хармса: «Приходите приходите...» (1927), «В смешную ванну падал друг...» (1927) и «Осса» (1928), — мотивом которых являются трансформации, происходящие с миром, воспринимаемым под влиянием эфира. Как видно из записей Хармса, именно Введенский познакомил его с эффектом воздействия эфира на сознание (единственное бывшее известным до настоящей публикации послание Введенского Хармсу гласит:

Данька. Я достану эфир сегодня на ночь. Через полчаса пойдем и будем нюхать, —

1927—28 гг.; ПСС. <IV>. 126). Так, 2 ноября 1926 г. у Хармса записаны рассуждения о «постижении высших тайн» с ремаркой: «По поводу нанюхивания Шурки» (8. Л. 8 об.); 26/27 ноября того же года: «Достали эфир с какими-то примесями. Дома маме было плохо от запаха. Я понюхал первый раз» (8. Л. 20 об.); во второй половине января 1927 г.: «А. И. Введенский нюхает эфир. Он мне в этот момент просто противен. Может, я не дорос до него. Он, как труба, звучен. Все, что делает, мне не нравится. Зачем это. Ведь твердо решил, чтобы он при мне не нюхал, но он потребовал у меня жертву, а я уступил. Возможно, он и впрямь что постигает высшее, но я не особенно верю в это» (8. Л. 39 об.); к этому же времени относится запись, которую Хармс сделал после нюхания эфира: «Жму руку Шурке. Эфир это курица наоборот <ср. «куриный» мотив в комментируемом письме. — В. С.>. Ждал чудес <ср. в комментируемом письме: «СЕЙЧАС СЛУЧИЛОСЬ ЧУДО». — В. С. > и верно. Что тебя тревожит, то и видишь.

Эта ночь была вредна. Я нюхал в первый раз эфир <ср. подобное же утверждение выше, в записи за 26/27 ноября 1926 г. — В. С.>. Было замечательно. Когда не помню. Должно быть, в январе 1927 года» (8. Л. 41 об.);

наконец, последняя в ряду подобных записей — за март 1928 г.: «Христославе незабутче. Нюхал Шурка эфир и говорил это славянское имя» (II. Л. 31 об.).

Фева — в оригинале через фиту; употребление фиты Введенским и Хармсом заслуживает особого примечания. Оба практиковали заглавную фиту вместо Ф, отсылая, как можно предположить, к эротической коннотации этой буквы: у любимого обоими писателями Гоголя в «Мертвых душах» Ноздрев бранится фетюком и следует пояснение, что фетюк происходит от фиты, «почитаемой некоторыми неприличною буквой», а в одном из масонских трактатов начала XIX в. находим рассуждение о том, что фита и написание внутренней линии вертикально означают «женское и мужское семя всей природы и твари» (Теоретический градус соломоновых наук // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ). Собрание рукописей Общества любителей древней письменности (ОЛДП). Ф. 460. Л. 45).

е левэ се ту левэ — затрудняемся определить, какое французское выражение здесь до неузнаваемости трансформировал Введенский.

Раков Лев Львович (1904—1970) — историк, музейный работник, литератор; о дружбе с ним Хармса и Введенского сведения не обнаружены; с ним оба писателя могли познакомиться у посещавшегося ими М. Кузмина, другом которого был Раков.

ОНЧУКС — здесь, одновременно, палиндром предшествующего *скучно* и слово, созвучное с рыбой анчоусом (ср. последующее: *рыбу не ем*).

Мороз и Солнце — очевидная цитата из стихотворения Пушкина «Зимнее утро».

7.

Ленинград, 13 июля 1927

Приеду в пятницу утречком. Возможно что с Нюрочкой.

Если это ничего —

То наступит рождество.

Все таки понимаешь она ему почему то он т. е. но невзначай я и думаю что же это в самом но тут только что взглянул и стали селиться я и шепнул Убегай Петя убегай.

А. И. Роза Люксембург

Среда 13-го

Почтовая карточка; на обороте адрес (с инверсией): «Даниилу Ивановичу Карлу Либкнехту (Хармсу-Ювачеву). Детское Село. Ул. Труда д. 17. II-ая Сов. Трудовая школа».

Место отправления и год — по почтовому штемпелю.

Письмо адресовано Хармсу в Детское Село, где он жил у своей тетки и крестной Натальи Ивановны Колюбакиной (1868—1945) — учительницы, а затем директора школы (бывшей Мариинской гимназии), на территории которой, как видно из адреса, располагалась ее квартира.

Игра в переименование себя и Хармса в Карла Либкнехта (1871—1919) и Розу Люксембург (1871—1919) — основателей Коммунистической партии Германии (1918) и ее печатного органа газеты «Роте фане» — строится Введенским на том, что в 1919 г. были переименованы по соседству с местом его жительства: Большой проспект Петроградской стороны — в проспект Карла Либкнехта, а Введенская (sic!) — в улицу Розы Люксембург (позволим себе отметить невольно зловеще-провидческий зеркальный аспект этой игры, который не мог быть учтен Введенским: оба ее персонажа, одногодки, были одновременно жестоко убиты — ср. вступит. статью).

Нюрочка — Анна Семеновна Ивантер (1906—1996) — жена Введенского с 1931 (по другим сведениям — с 1930) г. Как вспоминала Ивантер: «В 1928 <так! — В. С.> году я пришла на вечер обзриутов в ГИИИ, где тогда учился мой брат, и там кто-то меня познакомил с Введенским» (Анна Семеновна Ивантер вспоминает // Театр. 1991. № 11. С. 116; см. в наст. изд.). По воспоминаниям Ивантер (как видим, не очень точным; см. также далее), невозможно определить время ее замужества за Введенским: «Потом мы с ним поженились, но до этого он еще бывал у своей Тамары <см. письмо 3 и примеч. — В. С.>, она плакала, никак не хотела с ним расстаться» (там же).

Петя — ср. письмо 5 и примеч.

8.

Ленинград, 17 июля 1927

Данька! Я к тебе в воскресенье приехать не смогу так как заболела Тамара. А тебе самому придется приехать в понедельник в город и привезти свой Союзный билет. Его нужно сдать в понедельник же Эсфирь Борисовне. Она во вторник с утра их относит для обмена. Приезжай иначе вылетит из Союза. Эстер к тебе собирается во вторник или в среду. Во всяком случае я ее предупрежу.

Твой

А. Введенский

Почтовая карточка; на обороте адрес: «Детское Село. Ул. Труда д. 17 (б. Мариинская гимназия). Даниилу Ивановичу Хармсу».

Тамара — см. письмо 3 и примеч.

Эсфирь Борисовна Шлосберг — канцелярская служащая Союза поэтов; по получении письма Введенского, Хармс записал: «Книжечку союзную передать Эсфирь Борисовне для обмена» (9. Л. 18).

Эстер Александровна Русакова (1909—1943) — первая жена Хармса (1928—1932); служила в Центральной геохимической лаборатории; информатором в справочном бюро магазина «Пассаж»; арестована в 1936 г. и осуждена на 5 лет лагерей; Хармс посвятил ей ряд своих произведений, а во множестве других прямо или косвенно отражены перипетии их взаимоотношений.

9.

Ленинград, 25 июля 1927

сезон понедельник 25 июля 1927—28 года

Дорогой Даня. Я не смог к тебе приехать

живи как форточка!!!

Ни в субботу ни в воскресенье потому
что у меня не было ни копейки.

Твое письмо получил и прочел с

цвёльф не в состоянии

удовольствием. Сегодня наверно
буду нюхать эфир. Перемен у меня

будь добр — ответь

пока Слава Богу никаких нет.

спасите нас — который час?

писать ничего не пишу, чего и

Вам желая. Город Петербург рас-
положен на ровной болотистой местнос-
ти и стоит как тебе известно на реке Неве.

Шура

Почтовая карточка; на обороте адрес: «Детское Село. Ул. Труда д. 17. Трудовая школа II-ой ступени. Даниилу Ивановичу Хармсу».

Выделенные строки вписаны более мелко между остальных строчек основного текста.

Цвёльф (нем. zwölf) — двенадцать.

Буду нюхать эфир — см. письмо 6 и примеч.

Петербург — см. письмо 3 и примеч.

10.

<Алупка>, 3 сентября <1927>

где-то в дороге.

Я не квакаю. Я, понимаешь, ему так и сказал. А также у нас здесь много собак. Еще вот что удивительно мне, что посылаешь ты письмо в Алупку, когда мы все в поезде едем, [скоро] впрочем, письмо дошло, шпарь по тому же адресу и дальше. Ведь когда же нибудь то мы приедем. 18976 простите я к вам чай пить приду. Сегодня нашел здесь порядочного человека, который хорошо знает литературу. Много с ним беседовали о минете, а также и о самарских. Никуда я вас не звал, стихов я не пишу, чего и вам не желаю. До вчерашнего дня я здесь от скуки подыхал. Лине и Дине передай передай мой поцелуй с титькой и скажи Лине, что я извиняюсь, что не пишу ей письмо, но лирических писем я писать не умею, а если напишу такое как тебе так она верно обидится.

Милый Коля как ты живешь и сто кусаешь.

Твой Соколов

Здравствуй дорогой Дан. Ив. Как ты поживаешь?

Досвиданье

сбоку через рулет.

Письмо на двух листах: на обороте листа 1 — рисунок и надпись:

Вид на Архангельск. Поклон Пете, Стутеньковым и генералу Скобелеву.

Место отправления и год — по содержанию.

Лина и Дина — см. письмо 1 и примеч.

Милый Коля — по-видимому, Заболоцкий (см. письмо 3 и примеч.). *Соколов* — ср. *Павлуша* в письме 2 и примеч.

Архангельск — этот город упоминается в цитируемом Хармсом фрагменте несохранившегося произведения Введенского «Убийцы вы дураки» (17. Л. 71 об.) и в прозаическом произведении Хармса «В бывшей Архан-

гельской губернии...» (ПСС. II. 25—26); отметим также, что из Архангельской губернии был родом Туфанов (см. вступит. статью).

Письмо насыщено именами вымышленных лиц — см. письмо 2 и примеч.

11.

Ленинград, 15 октября 1930

Даня. был у тебя оставил вино. Зайду ночью выпьем.
Шура (Михаил)

Пей один (вино на окне). Половину я выпил.
15 окт. 1930 года.

Место — по содержанию; дата под письмом — автограф Хармса.
Шура (Михаил) — см. письмо 2 и примеч.

12.

Курск, 21 июня 1932

Здравствуй Даниил Иванович, откуда это ты взялся. Ты говорят подлец в тюрьме сидел. Да? Что ты говоришь? Говоришь, думаешь ко мне в Курск прокатиться, дело хорошее. [<1 нрзб.> все вышли, а без тебя мне скучно]. Рад буду тебе страшно, завтра же начну подыскивать тебе комнату. Дело в том, что я зову сейчас сюда Нюрочку, если она приедет, хорошо бы если бы вы вместе поехали, то надо будет тебе найти комнату, та в которой живу я очень маленькая, да и кровати нет и хозяйка сердитая, но авось чтонибудь придумаем. Может быть 2 комнаты сразу достанем. Одну для меня с Нюрочкой, другую для тебя. [Справ] Во всяком случае устроимся. От Нюрочки я правда еще ответа не имею: приедет она или нет тоже не знаю. Жду от тебя письма с нетерпением. Комнату можно будет найти рублей за 15—20. Я сам плачу 20 рублей.

Когда будешь выезжать дай телеграмму буду встречать. Телеграфируй номер поезда и день приезда.

Только что получил от тебя телеграмму, и сам не свой от радости прямо писать не могу.

Ну целую тебя крепко. Будь здоров.
Шура
Сияю как лес.

Место и год — по содержанию.

Настоящим письмом открывается серия писем Введенского, связанных с его и Хармса высылкой, последовавшей по приговору, вынесенному в результате обвинения по Делу № 4246—31 г. (см. вступит. статью). 31 января 1932 г. зам. полномочного представителя ОГПУ в Ленинградском военном округе И. Запорожцем было утверждено «Обвинительное заключение», по которому Введенский «будучи врагом советской власти и монархистом по убеждению —

а) являлся членом руководящего ядра антисоветской группы литераторов;

б) сочинял и протаскивал в детскую литературу политически враждебные идеи и установки, используя для этих целей детский сектор ЛЕНОТГИЗ'а;

в) культивировал и распространял поэтическую форму «зауми», как способ зашифровки антисоветской агитации;

г) сочинял и нелегально распространял антисоветские литературные произведения —

Виновным себя признал — пр. пр. ст. 58—10 У. К». («Дело № 4246—31 г». // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»... // Указ. изд. С. 570—571).

14 марта это «Обвинительное заключение» было утверждено прокурором Ленинградской области, 21 марта на заседании выездной сессии коллегии ОГПУ принято постановление: «Введенского Ал-дра Ивановича из-под стражи ОСВОБОДИТЬ, лишив права проживания в Московской, Ленинградской обл., Харьковском, Киевском, Одесском окр., СКК, Дагестане, Казани, Чите, Иркутске, Хабаровске, Ташкенте, Тифлисе, Омске, Омском р-не, на Урале и погранокругах, сроком на ТРИ года, считая срок с 10/XII-31 г». (Там же. С. 572—573).

Тем же постановлением Хармс был осужден на заключение «в концлагерь сроком на ТРИ года, считая срок с 10/XII-31 г.»; на обороте цит. документа отметка: «Заседание коллегии ОГПУ от 23.05 1932 г. постановило: Хармса досрочно освободить, лишив права проживания в 12 п. Уральской области на оставшийся срок» (Там же. С. 573).

Таким образом, очевидно, что Введенский был освобожден едва ли не на три месяца ранее Хармса, который, в свою очередь, вышел из заключения 18 июня 1932 г., о чем свидетельствуют сделанные им записи — в записной

книжке: «18 июня 1932 года, в Субботу — Свободен» (22. Л. 11) и на отдельном листе: «Награда 18 июня, Суббота, 1932 года» (Частное собрание). Под этой записью отец Хармса написал: «6/19 июня 1932 г., в день Св. Троицы, из третьей молитвы с коленопреклонением: “Владыко Вседержителю, Боже отец и Господи милости... связуя в немощи и отпускай в силе”» (Там же). Как явствует из комментируемого письма, Хармс, по-видимому, тотчас по выходе из заключения написал Введенскому о своем желании отправиться в ссылку к своему другу в Курск. Хармс оказался в Курске не позднее 13 июля (на том же листке, где им отмечена «награда», т. е. освобождение из тюрьмы, и его отцом написана молитва, Хармс записал: «13 июля 1932 года прибыл в Курск»); вместе с тем, в составленном Хармсом списке отправленных им в Ленинград писем первые два датированы 12 июля (22. Л. 17), но это, вероятно, те, которые он послал с дороги в место ссылки.

Нюрочка — см. письмо 7 и примеч. Настоящим и следующими письмами, по-видимому, корректируются сведения Ивантер о том, что она поехала в ссылку в Курск вместе с Введенским: «Не помню, чтобы там был Хармс. Мы там очень нуждались, и я уехала обратно в Ленинград» (Анна Семеновна Ивантер вспоминает. См. в наст. изд.).

13.

Курск, 22 июня 1932

Милый Даня, нам с тобой везет, вчера же вечером в день получения твоей телеграммы нашел 2 прекрасных комнаты. Одна поменьше для тебя, другая побольше для меня с Нюрочкой. Это прямо отдельная квартира. Комнаты выходят в замечательный сад. Платить 30 р. в месяц за две комнаты. Жду тебя с нетерпением.

Как ты относишься к петухам, тут их много.

Еще раз повторяю, телеграфируй день приезда и № поезда. Если поедешь скоро, то езжай вместе с Нюрочкой. Целую крепко.

Шура

Извини, что без марки, жду денег, в настоящий момент пуст.

Место и год — по содержанию.

Нюрочка — см. письмо 12 и примеч.

Курск, 1 июля 1932

Дорогой Даня,

Получил твое умное, в том смысле что глупое письмо. Потом вот еще какой ты неграмотный, разве слово непременно пишется так как ты его пишешь. Ты его пишешь так: «вчера я гулял», — ну что в этом общего со словом непременно. Слово непременно пишется так: однажды, потом семерка, потом река. [Понял?] Также спешу тебе сообщить, что я сейчас уезжаю на 5 дней в деревню куда меня командирует редакция газеты, вернусь 5 июля. Пиши мне на новый адрес Первышевская 16. Там же и ты будешь жить. Это и есть наша с тобой квартира. Я учусь пению. Приедешь спою тебе русскую песню, о разбойнике Стеньке Разине и о персидской княжне. Эту песню я пою тенором и контредансом. Когда я тебе писал, что я «сияю как лес», то я вовсе не хотел этим сказать, что у меня болят ноги, с чего ты это выдумал. Это просто образное красивое выражение.

Даня, как ты себя чувствуешь, может быть тебе нездоровится?

Вези с собой сухари, крупу и чего нибудь сладкого. Хлеб здесь дорог. Около 2 рублей фунт. Впрочем, что же это я. до свиданья.

Александр Введенский

Место и год — по содержанию.

Командирует редакция газеты — в местной газете «Курская правда» за период пребывания в Курске Введенского появились две его статьи: На дрожзаводе бригадному хозрасчету ноль внимания: Когда же треугольник научится работать и руководить по-новому? // Курская правда. 1932. № 147. 22 июня; Исправить ошибки в организации бригад // Курская правда. 1932. № 159. 6 июля (подпись: Бригада «Курской правды» Введенский, Амелин; последний был заместителем ответственного редактора).

Первышевская 16 — по этому адресу и будут жить Введенский и Хармс, каждый в своей комнате, на протяжении всего периода совместной ссылки в этом городе.

Ленинград, 3 октября 1932

Дорогой Даня,

Я сегодня приехал в Ленинград, чего и тебе желаю. Был у твоего отца, ни до чего с ним не договорился. Он ждет т. Когана, который приедет 5 или 6го. Калинин тоже писать не хочет. Вообще же все таки рекомендует Вологду. В Москве сразу садись на 49 номер трамвая и езжай на Октябрьский вокзал. Там (вход со двора) найдешь кассу № 2, у которой будет стоять очень большая очередь. Обратись к носильщику, не давай ему больше 5 рублей, чтобы он тебе закомпостировал билет (это значит сидячее место, платить за это место не нужно — это не плацкарта) на поезд 4 ч. 30 м., и тогда в 8 ч. утра на следующий день ты будешь в Ленинграде. Понятно? Приезжай скорее. Деньги тебе, как будто бы уже высланы.

А. Введенский

Приписка А. И. Введенскому.

Дорогой Шура, мне без тебя очень скучно. То то же.

А. Введенский

Место и год — по содержанию.

Комментируемому письму предшествовали следующие обстоятельства, зафиксированные в записной книжке Хармса: 26 сентября «Сафонова <см. примеч. к письму 21. — В. С.> вбежала в комнату, когда мы с А. И. пили чай. Ей придется уехать. Почти всех высылают. <...> Ей надо ехать в Вологду» (23. Л. 29). 29 сентября Введенский тоже попросил разрешения уехать в Вологду и «ему разрешили» (Там же). 1 сентября Введенский и Сафонова уехали из Курска (23. Л. 29 об. — 30). Как выясняется из комментируемого письма, Введенский поначалу отправился в Ленинград.

Был у твоего отца и далее — Иван Павлович Ювачев (1860—1940) за участие в «Народной воле» по «процессу 14-ти» приговорен 28 сентября 1884 г. к смертной казни, которая была заменена 15-летней каторгой; первые 4 года провел в одиночных камерах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей; за это время стал ревностным христианином, сочинял молитвы, поучения и проповеди; ссылку провел на Сахалине, где заведовал метеостанцией и занимался научными исследованиями; после 1899 г. вернулся в Петербург; писал этнографические очерки и христианско-

проповеднические книги. Во время пребывания Хармса в ссылке в Курске Ювачев в качестве бывшего политкаторжанина обращался с заступничеством за сына: «Даня <...> просит меня писать Калинин <тогдашнему председателю ЦИК СССР Михаилу Ивановичу Калинин (1875—1946). — В. С.>, но я уже писал в Полит<ический> Красн<ый> Крест и просить в другом месте я не могу. А вот он до сих пор палец о палец не ударил, чтобы просить Когана <Коган (Каган) Лазарь Вениаминович (1902—1939?) — нач. 4-го отделения Секретно-политического отдела ОГПУ; присутствовал на допросах по Делу № 4246 — 31 г.; в дальнейшем — зав. детским отделом Ленфильма. — В. С.> о документах» — запись в дневнике за 23 сентября 1932 г.: Хроника жизни и творчества Даниила Хармса / Сост. А. Крусанов // Хармс Д. Случаи и вещи / Сост. и примеч. А. Дмитренко и В. Эрля. Подготовка текстов В. Эрля. СПб.: Вита Нова, 2003. С. 457. Судя по тому, что Хармс, вернувшись из Курска, остался в Ленинграде, какие-то ходатайства отца (или самого Хармса) увенчались успехом и на этом срок его ссылки, в отличие от Введенского, закончился.

16.

Вологда, 30 ноября 1932

Даня, ты пишешь, что тебе чего то тоскливо. Глупо, Даня, не огорчайся. Потом ты пишешь что то такое про зонтики. Зачем? Мне это неинтересно. Напиши лучше чегонибудь про среду.

Я уехал в Вологду. Тут зима. Сейчас иду обедать. Время тут такое же как в Ленинграде, то есть как две капли воды.

Поклон минутам.

А. Введенский

Почтовая карточка; на обороте адрес: «Ленинград. Надеждинская д. 11 кв. 8. Даниилу Ивановичу Хармсу».

Место отправления и дата — по почтовому штемпелю.

По-видимому, это первое письмо Введенского с нового места ссылки; из дневниковых записей Хармса известно, что он был 20 ноября с Введенским на выставке «Художники РСФСР за XV лет» в Русском музее, а 28 ноября провожал его в Борисоглебск, но, как видим, Введенский первоначально остановился в Вологде.

17.

Борисоглебск, 4 декабря 1932

Здравствуй дорогой Даня. Ты ли это или не ты? Не знаю. Мой адрес: Кривой пер. 35. Позвони Тамаре и скажи ей его.

Я очень много тут ем. В моей комнате растет большое дерево. Ты спрашивал меня, нравятся ли мне гвозди? очень нравятся. Сегодня тут был один случай. Часто ли ты бреешь бороду? Между прочим, будь добр напиши, который у вас час. Пиши и правильно дыши. Целую.

А. Введенский

Почтовая карточка; на обороте адрес: «Ленинград. Надеждинская ул. д. 11. кв. 8». Место отправления и дата — по почтовому штемпелю.

Тамара — см. письмо 3 и примеч.

18.

Борисоглебск, 6 декабря 1932

Даня, Я сегодня именинник, и мое рождение. 3 день подряд пишу некоторую вещь. Написал уже страниц 8—9, а конца еще нет. А детского пока не писал. А папиросы тут, спасибо, есть. Помидоров нет. У Гершова в Москве украли одеяло, и подушку, а здесь фунт масла. Поклонись от меня Т. Н. Глебовой и Александру Иван. Порэт, и скажи им, что я про них что то узнал. А также поклонись Бобе. Пускай он уже наводит справки, насчет денег.

Подпись

Почтовая карточка; на обороте адрес: «г. Ленинград. Надеждинская ул. д. 11 кв. 8. Даниилу Ивановичу Хармсу»,

Место отправления — по почтовому штемпелю.

Гершов Соломон Моисеевич (1906—1989) — художник; арестован в апреле 1932 г. и сослан в Курск, где находились также Введенский и Хармс; с ноября 1932 г. переехал в Борисоглебск; с недостоверными воспоминаниями Ивантер ср. подобные же воспоминания о Курске Гершова: «Все жили в одной комнате — я, Хармс, Введенский, Сафонова, — сняли у какой-то проститутки» (Введ. II. 182).

Глебова Татьяна Николаевна (1900—1985) — художница; с самого начала возникновения сотрудничала в журналах «Еж» и «Чиж»; написала портрет Хармса, исчезнувший во время блокады.

Александр Иван. Порэт — по-видимому, в данном случае Введенский так именует Алису Ивановну Порет (1902—1984), художницу, жившую до замужества вместе с Т. Н. Глебовой, автора воспоминаний о Хармсе, с которым в конце 1932 — начале 1933 г. у нее был роман.

Боба — Левин Дойвбер (Борис Михайлович) (1904—1942) — писатель; участвовал в театральных экспериментах Введенского и Хармса и выступал с ними на литературных вечерах.

19.

Борисоглебск, 10 декабря 1932

Ты то почему не пишешь? Что у тебя рук нет. Кланяйся Керекевичу. Город мой называется Борисоглебск.

Пиши

и правильно дыши.

Позвони Нюрочке, отчего она не пишет.

А. Введенский

Кривой переулок 35.

Почтовая карточка; на обороте адрес: «г. Ленинград. Надеждинская ул. д. 11 кв. 8. Даниилу Ивановичу Хармсу».

Место отправления — по почтовому штемпелю.

Нюрочка — см. письмо 7 и примеч.

20.

Борисоглебск, 18 декабря 1932

Даня,

Почему ты ничего не пишешь. Если все будет хорошо скоро приеду. Пускай Боба узнает насчет денег.

Выеду я отсюда числа 25—26.

Почта: почта, почта, почта, почта и почти.

А. Введенский

Почтовая карточка; на обороте адрес: «Ленинград. Надеждинская 11 кв. 8. Даниилу Ивановичу Хармсу».

Место отправления — по почтовому штемпелю.

Боба — см. письмо 18 и примеч.

21.

Курск, 13 августа 1934

Проезжая город Курск,
Я понял что он не Иркутск
И проезжая город Клязьму
Я угадал, что вижу Вязьму.
Прошу тебя поверь мне ты
Что тут на деревьях растут зеленые листы.

Дорогой Даня, у нас в Курске все по старому. Эрбштейн, Хармс, Гершов и Сафонова тебе кланяются.

А. Введенский

Почтовая карточка; на обороте адрес: «Ленинград. Надеждинская ул. д. 11 кв. 8. Даниилу Даниилу <так! — В. С.> Ивановичу Хармсу. Курск. А. Введенский».

Введенский вызывает в своей и в памяти Хармса воспоминания о совместном пребывании в ссылке в Курске, называя имена тех, кто был там вместе с ними.

Эрбштейн Борис Михайлович (1901—1964) — театральный художник; находился в ссылке в Курске одновременно с Введенским и Хармсом.

Гершов — см. письма 18 и примеч.

Сафонова Елена Васильевна (1902—1980) — художница; иллюстратор детских книг Введенского и Хармса; находилась вместе с ними в ссылке в Курске (см. примеч. к письмам 15,18).

Борис Викторов
**Александр Введенский и мир,
или «Плечо надо связывать с четыре»**

Я написал строки под этим длинным названием только для своих близких. Однако составители публикуемой книги, прочитав мой текст, сказали, что многое из него необходимо в этой книге напечатать, исключив лишнее.

Чтобы не раздражать читателей, я попытался было изменить форму моего изложения, — форму учебного пособия для младших школьников. Но из этой попытки у меня ничего не получилось, выходила какая-то преснятина и скука.

Пришлось форму не менять, оставить прежней, только выбросить те куски, которые показались лишними и неприемлемыми для этой книги.

Б. В.

Для младших школьников

Публикуется в авторской редакции

Лучше я расскажу тебе почти все, что знаю об Александре Ивановиче Введенском.

В связи с его именем произносят много разных слов. Приведу некоторые, — гениальный, великий, классик, эпохальный, демонический, аристократический, бескорыстный, интеллигентный; один из самых трагических и загадочных поэтов XX века; на два десятилетия опередил театр абсурда Ионеско и Беккета¹, их вещи кажутся пресноватыми по сравнению с текстами Введенского; вредитель в области литературы; отвлекает людей от строительства социализма; горжусь, что живу с вами в одно время; женщины ради него, ссыльного и опального, убегают из дома; театр Введенского будет по-настоящему открыт где-то в начале XXI века; был пассивен в общественной жизни Союза писателей; Введенский был беспартийный, но вполне советский человек. Опубликован роман о Введенском²; написана «Элегия 2»³; на его вещи пишут музыкальные композиции, оратории и оперы; его произведения играют театры; кто-то его имя упомянул в одном ряду, страшно сказать, с Пастернаком, Тютчевым и Пушкиным⁴; по радио и телевидению его фамилию порой произносят с ударением на первом слоге.

¹ Эжен Ионеско (1912—1994), французский драматург.

Сэмюэл Беккет (1906—1989), писатель, драматург, Нобелевский лауреат. Ирландец по происхождению, жил во Франции, писал на французском и английском языках.

на вал нисходят словари
латышские французские
литовские ирландские

(Из Введенского)

² См. Михаил Левитин. Убийцы вы дураки. Реконструкция романа. — Журнал «Октябрь», 1995, № 4.

Михаил Захарович Левитин (р. 1945), режиссер, прозаик, драматург.

(«Убийцы вы дураки» — название исчезнувшей рукописи романа Александра Введенского.

Введенский: «Единственный правильный по своему принципу роман — это мой, но он плохо написан» [см. «Разговоры» Л. Липавского].)

³ «Элегия» — стихотворение Введенского. «Элегия 2» — см. Виктор Пелевин. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда. Избранные произведения. — Москва, издательство «Эксмо», 2004.

Виктор Олегович Пелевин (р. 1962), прозаик.

⁴ Борис Леонидович Пастернак (1890—1960), поэт, прозаик, переводчик, Нобелевский лауреат, посетил немецкий город Марбург.

От себя добавлю, что сегодня уже трудно представить себе президента великой страны, не знакомого с творчеством обэриутов.

И при всем при этом у меня остались неопубликованные письма и документы, некоторые воспоминания о нем, о его жене, его семье, его друзьях и знакомых. И всё это некуда девать. Мне показалось также необходимым несколько дополнить или даже поправить кое-что из того, что уже публиковалось.

После того как о Введенском так громко и много заговорили, у меня появилось ощущение, что во взаимоотношении с ним меня лишили некой тайны, а потому скрывать больше нечего.

Не относящегося к Введенскому постараюсь, как смогу, писать как можно меньше. Но я не имею права не рассказать о некоторых убиенных и замордованных добрых людях, которых, если не здесь, никто никогда нигде не помянет. Я вынужден буду упоминать плохих и очень плохих людей.

Поскольку ты человек необразованный, постараюсь в тексте и сносках рассказывать тебе, о ком, а иногда и о чем будет идти речь, и объяснять некоторые тонкости советской жизни. Хотя уверен, полностью мне это не удастся, и ты должна, хотя это и не принято, читать книжки. И ни в коем случае, никогда не смотри телевизор. И, конечно, ты должна прочитать обэриутов и чинарей и почитать об обэриутах и чинарях, иначе ничего не поймешь.

Поверь, я пишу, преодолевая брезгливость и отвращение к перу, зная о существовании болезни графомании, помня: «что бы человек ни говорил, он го-

Введенский: «Недавно Д. И. вошел в отсутствие Н. М. и увидел на диване открытый том Пастернака. Пожалуй, Н. М. действительно читает тайком Пастернака» (см. «Разговоры» Л. Липавского).

Д. И. — Даниил Иванович Хармс (1905—1942), поэт, прозаик, драматург, друг Введенского, погиб в заключении. Рассказывать о нем в сносках невозможно. Читай про него в книжках.

Хармс: «Не знаю, почему все думают, что я гений; а по-моему я не гений... Куда не покажусь, сейчас же все начинают шептаться и на меня пальцами показывают. “Ну что это в самом деле!” — говорю я. А они мне и слова не дают сказать, того и гляди схватят и понесут на руках».

Н. М. — Николай Макарович Олейников (1898—1937), поэт, детский писатель, редактор. Репрессирован в июле и расстрелян 24 ноября 1937 года.

Федор Иванович Тютчев (1803—1873), поэт, двадцать лет прожил в немецком городе Мюнхене.

Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837).

«Тут он вспомнил, он припомнил весь миг своей смерти. Все эти шестерки, пятерки. Всю ту — суету. Всю рифму. Которая была ему верная подруга, как сказал до него Пушкин. Ах Пушкин, Пушкин, тот самый Пушкин, который жил до него». (А. Введенский, «Где. Когда».)

ворит о себе». Я наслышан о существовании пошлых non-fiction всяких артисточек и президентов. Но, несмотря на всё, я должен это писать, пока не помре.

Естественно возникает вопрос: а не выпендреж ли манера и форма моего изложения? — Отвечаю: я с удовольствием написал бы всё это в другом, менее развязном ключе, но, поверь, у меня иначе не получалось. Даже начать.

— Да никакo ты писака! — воскликнул незабвенный Даниил Иванович Хармс.

— Должно быть, писатель — Вития... — уточнил Александр Александрович Блок⁵.

И оба, одновременно и независимо друг от друга, оказались правы.

Предупреждаю — написано это плохо.

Явление в Харьков.

Жена. Какая есть...

Билет на ипподром. Убийцы вы дураки

Какая есть. Желаю вам другую, —
Получше. Счастьем больше не торгую,
Как шарлатаны и оптовики.

Анна Ахматова

я выхожу из кабака
там мертвый труп везут пока
то труп жены моей родной
вон там за гробовой стеной
я громко плачу страшно злюсь
о гроб главою колочусь
и вынимаю потроха
чтоб показать что в них уха

А. Введенский

⁵ Александр Александрович Блок (1880—1921), поэт, публицист, переводчик, посетил немецкий город Бад-Наугейм.

и Блока дивные стишки
как в море бурном гребешки
нам иногда ласкали слух
и возвышали наш дух.

(Из Введенского)

«Летом 1936 года Александр Иванович Введенский, которому было немногим больше тридцати, приехал вместе с Сергеем Михалковым⁶ в Харьков по каким-то издательским делам и в Харьковском отделении Союза писателей познакомился с молоденькой двадцатитрехлетней Галиной Борисовной Викторовой, у которой, однако, был уже полуторагодовалый ребенок, сын Боря⁷. Вскоре они поженились, и Введенский переехал из Ленинграда в Харьков. В следующем, 1937 году у них родился сын Петя⁸»⁹.

Поскольку слово «секретарша» ассоциируется с особой, хоть и вправду молоденькой, но лишь сидящей в приемной, лишь отвечающей на телефонные звонки, лишь время от времени подающей своему начальнику кофей и лишь печатающей письма на немецкой пишущей машинке «Ундервуд», — уточняя, что Галина Борисовна Викторова работала в должности технического секретаря кабинета молодого автора (после окончания «Українського Комуністичного Газетного Технікуму при ВУКІЖ»¹⁰). В учебной характеристике техникума от 12 апреля 1933 года написано:

⁶ Сергей Владимирович Михалков (1913—2009), поэт, баснописец, драматург. За заслуги перед Русской Православной Церковью награжден орденами Св. Сергия Радонежского и Св. Благоверного царевича Дмитрия.

⁷ Борис Александрович Виктор (р. 1934), инженер-строитель. В метрике «полуторагодовалого ребенка, сына Бори», в графе «отец» стоит прочерк. Имя Бори, в графе «дети», вписано в паспорт Введенского. Этот самый Боря и пишет эти строки.

⁸ Петр Александрович Введенский (1937—1993), учился в библиотечном институте, не окончил — бросил; рабочий на стройках, в их числе Великие стройки коммунизма в Сибири; рабочий сцены, артист миманса в харьковской опере; в последующие годы, до конца жизни, работал в должности инженера, старшего инженера в отделе снабжения на «номерном предприятии». Свое «номерное предприятие» Петя называл «Почтовый ящик имени Гнесиных».

Гнесины — семья музыкантов.

Однажды, когда Петя работал в опере рабочим сцены, вечером давали «Лебединое озеро». Во время действия Петя находился на колосниках (над сценой), на которых после дневного представления «Евгения Онегина» залежались остатки конфетти для имитации снега в сцене дуэли. Петя по неосторожности задел эти залежи и снег пошел теперь уже в первом акте «Лебединого озера» акурат во время исполнения *pas de trois*. Конечно, если бы такое произошло в XXI веке, то было бы расценено как удачная находка режиссера, но во времена социалистического реализма данное обстоятельство было воспринято неподготовленной публикой с недоумением и обидой, а у «шерстяных пузатых» балетных вызвало панику. (Обэриутам это бы понравилось.) Когда Петя выходил из дома, за пазухой у него всегда торчал журнал «Новый мир».

⁹ Владимир Глоцер. «У меня нет никакого выхода, и никакой возможности жить так дальше...» Письма А. Введенского в Детиздат. — «НГ EX LIBRIS». 2004. № 46. 2 декабря.

¹⁰ ВУКІЖ — Всеукраїнський комуністичний інститут журналістики.

«...» виявила недосить серйозне ставлення до навчання. Підготовка достатня. Курс засвоїла цілком задовільно. В громадсько-політичному житті орієнтується. Мову знає добре. На практиці була літробітником райгазети. Можна використовувати літробітником райгазети, або газети МТС».

Сергей Михалков рассказывал, что «это была обаятельная, симпатичная женщина, чье сердце он «Введенский» сумел покорить»¹¹.

Она родилась 5 января 1913 года в Москве. Крещена в Московской Трехсвятительской, на Кулишках, церкви 26 января 1913 года (по старому стилю). В 1919 году семья переехала в Харьков.

В 1993 году была опубликована сохранившаяся в каких-то архивах заметка Г. Викторовой о поэте Владимире Свидзинском¹². В ней она пишет и о себе, о том, какой была в середине тридцатых годов, —

«Все це було так давно, що та молода, легковажна дівчина здається мені зовсім чужою, а уявити, що та дівчина — це я сама, неможливо. Але факти — річ сувора, це справді була я — техсекретарка кабінету молодого автора при Спілці письменників України.

Ніде правди діти, роботою мене не перевантажували. Я уважно перечитувала твори (головним чином вірші) молодих авторів. Ти з них, які я вважала гідними уваги, передавала комусь із письменників, реєструвала відповідь і надсилала її адресатові. А на твори, які, на мою думку, не заслуговували уваги, я відповідала сама з усією безапеляційністю дівчининедоучки, що з технікуму потрапила в коло письменників, які друкувалися в пресі і тому здавалися мені надлюдьми.

У затишній кімнаті, де я сиділа, завжди було багато людей — молоді, літні, поважні й легковажні, галасливі, талановиті й нездарі читали свої вірші, сперечалися, захоплено лаяли чи вихваляли вірші інших поетів.

¹¹ Сергей Владимирович Михалков вспоминает / Записала Ю. Гирба. — Журнал «Театр». 1991. № 11.

¹² Владимир Ефимович Свидзинский (1885—1941), украинский поэт, переводчик. Был арестован 27 сентября 1941 года (по статье 54, ч. II Ук. УССР) в один день с Введенским. В отличие от развернутого дела Введенского, в деле Свидзинского имеется лишь один протокол допроса от 2 октября 1941 года. На обороте справки НКГБ СССР от 1 мая 1942 года сделана карандашная приписка от 4 мая 1942 года о том, что Свидзинский, следовавший из тюрьмы г. Харькова в тюрьму г. Иркутска, 18 октября 1941 года сгорел в с. Бутырки Уразовского района Курской области. (Группа заключенных живо сгорела в сарае [овине].)

Несмотря на арест в один и тот же день и обвинение по одной и той же статье, по каким-то причинам этапированы Введенский и Свидзинский были в разное время, различными способами, в разные места. Погибли каждый по-своему.

Іноді щось питали і в мене, і мені здавалося, що я теж беру участь у великій справі літератури»¹³.

Брак Александра Ивановича Введенского и Галины Борисовны Викторой зарегистрирован 22 ноября 1937 года.

После войны она работала корректором в газетах, журналах, издательствах Харькова, откуда ее время от времени увольняли при очередных «чистках кадров»¹⁴ из-за репрессированных мужа, отца, других родственников, из-за сомнительного происхождения, из-за того, что оставалась в оккупации. А иногда ее увольняли из-за ее нетерпимости к начальникам-антисемитам: она всегда была кем-то, кого теперь называют словом «диссидент», борцом за правду на местном уровне. Тестом для оценки людей на вшивость у нее были сталинизм, антисемитизм и отношение к празднику 8 марта. А поскольку на работе и в быту сталинистов и антисемитов было большинство, а она была весьма агрессивна и бескомпромиссна, такое поведение не очень способствовало размеренному существованию ее семейства. На расспросы внуков и правнуков по поводу Сталина¹⁵ она нарочито спокойно и вкрадчиво всегда начинала свой рассказ так: «Сталин — это злодей...»

В начале пятидесятих годов были репрессированы ее харьковские друзья — журналисты, «безродные космополиты»¹⁶ Владимир Морской¹⁷

¹³ Галина Вікторова. Загублений талант. — Харків, журнал «Український Засів». 1993. № 3.

¹⁴ «Чистка кадров» — словосочетание советского времени, не поддающееся лаконичному объяснению, проводилась периодически.

¹⁵ Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили, 1879—1953).

¹⁶ «Безродные космополиты» — словосочетание советского времени, получившее распространение во второй половине сороковых годов во времена государственных кампаний антисемитизма и ксенофобии. Кампании начались с обвинения театральных критиков — евреев, как писали в те времена, «<...> в попытке дискредитировать передовые явления нашей литературы и искусства, яростно обрушиваясь именно на патристические, политически целеустремленные произведения под предлогом их якобы художественного несовершенства».

¹⁷ Владимир Савельевич Морской (1899—1952), журналист. Арестован 8 апреля 1950 года. Уголовное дело МГБ по Харьковской области № 6823 (в государственном архиве № 4404).

Из постановления на арест, —

«Из имеющихся в Упр. МВД материалов видно, что Морской до 1949 года являясь критиком проводил антинародную работу в области литературы и театрального искусства и был разоблачен как буржуазный космополит.

Будучи враждебно настроен, Морской с 1949 года и последующее время ведет антисоветскую агитацию, клеветает на вождя народов, проводимые мероприятия ВКП (б)

и Александр Светов¹⁸. Мы носили им в тюрьму передачи. Было известно имя одного из тех, кто «закладывал» Сашу Светова, так она до конца своих дней звонила по праздникам этому человеку и напоминала ему о его стукачестве. Жестоко поступала. Неизвестно, правда, страдал ли он при этом так, как страдала несчастная булгаковская¹⁹ Фрида²⁰.

И тут мне показалось интересным попытаться провести некую параллель в поведении жены и мужа, Г. Викторовой и А. Введенского.

Анатолий Найман²¹ приводит разговор неназванного художника с Введенским, — «Введенский: “Встретил сегодня Маршака”²²». Мне показалось, он ничего, можно ему правду сказать” — “И что сказали?” — “Что он подлец”... Я сразу спросил: а тот?.. Да при чем тут тот? Что он — этого не знал? Введенский сказал, чтобы лишний раз увидеть самого себя в другом списке, особом, не в том, где Маршак. “Можно правду сказать”: не про Мар-

и Советским правительством, демократическое устройство в СССР, распространяет провокационные слухи о жизни трудящихся в Советском Союзе и одобряет антисоветские радиопередачи Америки и Англии.

Кроме этого, он с антисоветских позиций критикует литературу, печать и радио Советского Союза».

В допросах следователь упрекает Владимира Морского в том, что по паспорту он русский, в то время как на самом деле он Вульф Савельевич Мордкович. Еще ему ставят в вину то, что он плохо относится к романам Панферова и пьесам Корнейчука. В числе изъятых при обыске вещей значится билет на ипподром. В одном из протоколов допроса свидетель по его делу заявляет: «Он хвалил немецкое пиво, говорил, что в Германии очень хорошее пиво, а наше пиво плохое». За всё за это его приговорили на содержание в ИТЛ сроком на 10 лет. Доставлен в Ивдельлаг. Погиб в заключении в 1952 году.

Федор Иванович Панферов (1896—1960), писатель, орденноносец.

Александр Евдокимович Корнейчук (1905—1972), украинский драматург, орденноносец.

моя невеста дурдина
мои любила ордена
но целый год весну и лето
не выходила из клозета
(Из Введенского)

¹⁸ Подробных биографических данных Александра Светова у меня нет. Знаю, что в результате пыток он почти ослеп, после выхода из заключения жил в Риге, однажды прислал мне в подарок однобортный костюм из толстой шерсти.

¹⁹ Михаил Афанасьевич Булгаков (1891—1940), прозаик, драматург.

²⁰ Фрида — персонаж романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита».

²¹ Анатолий Генрихович Найман (р. 1936), поэт, прозаик, эссеист, переводчик.

²² Самуил Яковлевич Маршак (1887—1964), поэт, прозаик, переводчик, одно время фактический руководитель Детского сектора Госиздата.

шака же — а вообще правду, про всё. Иногда надо — просто чтобы не не сказать»²³.

У мужа и жены прямо какое-то «родство душ», обоим правду было «говорить легко и приятно», просто зуд какой-то.

Нужно ли что-либо писать о родственниках жены Поэта? Не знаю. Читать о родственниках жены Поэта Пушкина любопытно. Что ж, напишу коротко и о родственниках жены Поэта Введенского. Их судьбы характеризуют время, о них никто никогда не расскажет, если не при этой okazji.

Ее отец, Борис Климентьевич Викторов (1882—1938), родился в городе Балашове Саратовской губернии, крупный инженер-строитель, работал на строительстве Днепрогэса и Комсомольска-на-Амуре, — расстрелян. Участвовал в контрреволюционной организации, был вредителем, затягивал строительство, дезорганизовывал рабочую массу, хотел ликвидировать железного наркома Ворошилова²⁴ и убить Сталина. «Органы» в Ростове-на-Дону любезно ознакомили меня с его Уголовным делом и подарили тюремную фотографию. При аресте в опись его имущества было включено одеяло шерстяное серое, а также одеяло ватное красное и электрочайник. (Уголовное дело 13525/41818, хранится в Управлении ФСБ по Ростовской области.)

Двоюродный брат ее отца, Михаил Владимирович Викторов (1894—1938), крупный военачальник, — расстрелян.

Ее родственники со стороны матери — шотландского происхождения.

Ее мать, Елизавета Васильевна Викторова, урожденная Елизавета-Мария Мак-Киббин (1888—1983), родилась в Петербурге, окончила Историко-философский факультет Высших женских курсов в Москве, всю жизнь работала медицинской сестрой. В харьковском институте неотложной хирургии работал с ней хирург немец Бельц, который однажды в критических обстоятельствах сложной хирургической операции, когда их руки соприкоснулись в районе заднепроходного отверстия оперируемого, вдруг запел:

²³ Анатолий Найман. Неприятный человек. — Москва, издательство «Вагриус», 2000.

²⁴ Климент Ефремович Ворошилов (1881—1969), государственный и политический деятель.

«В том заду, где мы с Вами встретились...»²⁵ А в один из своих уже предсмертных дней, лежа в постели, держа в своей руке руку внука, Е. В. неожиданно сказала: «Представляешь, эти из НКВД вошли в операционную без халатов, не дали ему даже закончить операцию, забрали прямо от операционного стола».

В 1910 году ездила специальным поездом в Ясную Поляну на похороны Толстого²⁶; вспоминала о трогательном братстве «демократической молодежи», пассажиров этого поезда. Наивно удивлялась тому, что жена одного ее знакомого, после того как того выпустили из сталинской тюрьмы, не захотела с ним встретиться, покормить, поговорить, узнать, как дела, как он себя чувствует после пыток... Этой странной женой была знаменитая актриса, небожитель, любимица трудящихся, орденоноска, которая с этим своим первым мужем была на «ты», а со своим последним мужем почему-то на «вы»²⁷.

Ее дядя, Василий Васильевич Мак-Киббин (1887—1931), родился в Петербурге, инженер путей сообщения, в прошлом офицер в чине подпоручика, в одном документе сказано — «потомственный дворянин» (шотландский, наверное) — расстрелян. Нашипионил в пользу Англии, был вредителем, хотел разрушить водные пути и флот на реке Лене. «Органы» в Москве любезно ознакомили меня с его Уголовным делом и подарили тюремную фотографию. (Уголовное дело № 91921, начато 17 декабря 1929 года, инвентаризовано в 1941 году, архивный № 552642, Н-6910, Р-34404, хранится в ФСБ Российской Федерации. См. также Расстрельные списки Ваганьковского кладбища 1926—1936, выпуск 2. — Москва. Мемориал, 1995.)

²⁵ См. романс Николая Харито «Отцвели хризантемы».

Николай Иванович Харито (1886—1918), композитор, убит неким ревнивцем ба-
ронгом Бонгартеном.

²⁶ Лев Николаевич Толстой (1828—1910).

Тогда писатель граф Толстой
уж не ложился с дамой спать.
(Из Введенского)

²⁷

Но у женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.
(Из Бунина)

Иван Алексеевич Бунин (1870—1953), прозаик, поэт, публицист.

Ее другой дядя, Александр Васильевич Мак-Киббин, известен тем, что в 1911 году играл за сборную Москвы по футболу, об этом свидетельствует фотография, опубликованная в одном из номеров журнала «Огонек» за 1957 год. После революции жил в Англии.

Два брата Г. Викторовой: Георгий Борисович (1915—1990), инженер-строитель — родился в Москве; Владимир Борисович (р. 1920), инженер-металлург — родился в Харькове. В армию их не брали из-за отца, «врага народа». Выхав в 1941 году из Харькова в Сибирь, так и остались там жить и работать.

Несколько друзей Галины Борисовны были репрессированы, некоторые из них погибли.

Почти все отцы ее друзей были казнены.

Многие ее друзья, — родственники репрессированных; остававшиеся в оккупации; еврейской крови; «украинские националисты», — постоянно подвергались дискриминации.

В 1958 году в ее переводе на украинский была опубликована повесть Введенского для детей «О девочке Маше, о собаке Петушке и о кошке Ниточке»²⁸, а в 1961 году рассказ «Наташа и Пуговка»²⁹.

Галина Борисовна умерла 27 марта 1985 года.

Дом «Слово» на Барачной улице.

Еще одной новой большой любви я не вынесу

жили были в Ангаре
три девицы на горе
звали первую светло
а вторую помело
третьей прозвище Татьяна
так как дочка капитана
жили были а потом
я из них построил дом

А. Введенский

²⁸ О. Введенський. Про дівчинку Машу, про собаку Півника і про кішку Ниточку / Переклад Г. Вікторової. Малюнки О. Яблонської. — Київ, Державне видавництво дитячої літератури УРСР, 1958.

²⁹ О. Введенський. Наташа та Гудзик / Переклад з російської Г. Вікторової. Малюнки Ю. Северина. — Київ, Державне видавництво дитячої літератури УРСР, 1961.

Существует точка зрения, повторяющаяся из публикации в публикацию, что в провинциальном Харькове Введенскому и поговорить было не с кем. Поэтому кажется целесообразным посвятить некоторое количество текста людям, с которыми Александру Ивановичу довелось общаться в недавней столице Украины. Не то, чтобы я ставил себе целью так уж категорически развенчать это устойчивое мнение, — конечно, здесь не было Даниила Ивановича, Лени Липавского³⁰, Тамары³¹, Якова Семеновича³², — что говорить, где подобные могли повториться? Но всё-таки хотелось бы посмотреть на харьковское окружение Введенского непредвзято. Полагаю, люди эти, хотя и не были большими писателями, поэтами и художниками, многие были людьми образованными и интересными.

В Харькове Введенского называли Сашей (в Ленинграде Шурой). Среди домов, в которых Введенский постоянно бывал в Харькове, был гостеприимный дом известной на Украине писательницы Натальи Львовны Заби-лы и ее мужа, художника Дмитрия Николаевича Шавыкина, давних верных друзей Г. Викторовой, а впоследствии и Александра Ивановича. В их большой четырехкомнатной квартире на четвертом этаже писательского дома «Слово» на Барачной улице бывало много людей, с которыми, не сказать дружил, но общался Введенский.

Наталья Львовна Забила (1903—1985), украинская (в основном детская) поэтесса, прозаик, переводчица, член КПСС, из дворян, дочь царского

³⁰ Леонид Савельевич Липавский, псевдоним Л. Савельев (1904—1941), поэт, детский писатель, редактор, автор философских и лингвистических работ. Погиб на фронте. Второй (с 1931-го года) муж Т. А. Липавской, друг А. Введенского.

Хармс: «Теперь я всё понял: Леонид Савельевич немец. У него даже есть немецкие привычки. Посмотрите, как он ест. Ну чистый немец, да и только! Даже по ногам видно, что он немец. <...> И всё-таки Леонид Савельевич немец! Обязательно при встрече скажу ему это».

Тема школьного сочинения: «Немцы в non-fiction "Александр Введенский и мир, или "Плечо надо связывать с четыре"»».

³¹ Тамара Александровна Липавская (1903—1982), урожденная Мейер, преподаватель английского языка, до 1931 года жена А. Введенского, затем жена Л. С. Липавского.

³² Яков Семенович Друскин (1902—1980), философ, музыковед, избрал неприметную внеидеологическую должность учителя литературы и математики в вечерних и заочных школах Ленинграда, друг Введенского, Хармса, Липавского, Тамары Липавской.

Друскин: «Мазепе, восставшему против изверга Петра, — анафема, а Петр — Великий».

Иван Степанович Мазепа (1639—1709), гетман.

Петр Алексеевич Романов (Петр I Великий, 1672—1725), царь.

генерала; ее первый муж Савва Захарович Божко (1901—1947), украинский писатель, в 1939 году был репрессирован.

В каком поэтическом ряду располагается Наталья Заби́ла, я не знаю, не специалист, пусть в этом разбираются «отсталые интеллигенты и академики», но знаю — была она человеком красивым, ярким, тем, о ком говорят «интересный человек». Возможно, ее можно было бы назвать одним из основателей детской украинской, пусть советской, литературы, некой украинской Агнией Барто³³. Ее печатали в букварях, ее стихи заучивали наизусть украинские дети с самого раннего возраста. Хороши ее ранние сказки для детей. Ею были придуманы и введены в обиход несколько новых слов и словосочетаний, «оливець-малювець», например. Член Союза писателей СССР с 1934 года. Была редактором журнала «Барвінок». Переводила на украинский русскую поэзию, даже Бестужева-Марлинского³⁴, перевела «Слово о полку Игореве», переводила Лонгфелло, Бодлера, Гейне³⁵, поэзию народов СССР. При этом французский, немецкий, английский действительно знала. Переводила она и с идиша, с подстрочника: в Харькове было несколько еврейских писателей, и Заби́ла своими переводами давала им возможность зарабатывать (много переводила Хану Левину³⁶).

То, что Наталья Львовна была человеком высокообразованным, это очевидно.

Начиная с шестидесятых годов ее иногда печатали в Канаде, так она всегда отказывалась от гонораров в валюте, брала только «нашими, советскими», правда до тех пор, пока внуки с трудом не уговорили ее не делать глупостей.

В Киеве Заби́ла жила по соседству с Виктором Некрасовым³⁷, была в добрых отношениях с ним и его матерью Зинаидой Николаевной³⁸.

Введенский перевел на русский несколько детских стихотворений украинских поэтов, в их числе и Заби́лы³⁹.

³³ Агния Львовна Барто (1906—1981), детская поэтесса.

³⁴ Александр Александрович Бестужев-Марлинский (1793—1837), писатель. Погиб в бою при высадке на мыс Адлер.

³⁵ Генри Уордсворт Лонгфелло (1807—1882), американский поэт.

Шарль Пьер Бодлер (1821—1867), французский поэт.

Генрих Гейне (1797—1856), поэт, немец.

³⁶ Хана Мироновна Левина (1900—1969), поэтесса, прозаик, писала на идише.

³⁷ Виктор Платонович Некрасов (1911—1987), прозаик, подвергался преследованиям, эмигрировал, французы наградили его орденом Почетного Легиона.

³⁸ Зинаида Николаевна Некрасова (Мотовилова, 1879—1970), врач.

³⁹ Н. Заби́ла. Ивасик-танкист. Стихи / Перевод с украинского А. Введенского. — Журнал «Чиж». 1938. № 4.

Н. Заби́ла. Ивасик-танкист / Н. Заби́ла. Про всех. Стихи. — Москва, Детиздат, 1939.

Любопытно, что Наталья Львовна родилась в Петербурге, где, так же как и Введенский, окончила гимназию и провела юность.

Дмитрий Николаевич Шавыкин (1902—1965), живописец, художник книги, плакатист.

Наряду с занятием живописью увлекался философией и литературой. В середине двадцатых годов окончил Киевский художественный институт. С конца 20-х до середины 30-х годов занимался преимущественно книжной графикой и плакатом, а затем работал в живописи и гобелене.

Написал три портрета Г. Викторовой. Портретов Введенского не писал.

Портреты Г. Викторовой сейчас находятся: первый (довоенный) — в Киевском музее изобразительных искусств на улице Грушевского, дом 6; второй (работы 1945 года) — у меня; третий (работы 1958 года) — в Киевской Художественной академии (бывшем художественном институте) на улице Смирнова-Ласточкина, дом 20. Кто изображен на этих портретах, искусствоведы музея и академии не знают, в их каталогах они значатся как «Жіночий портрет».

Друг четырех поколений Викторových, Борис Маркевич⁴⁰, умный, тонкий, скромный, замечательный художник, считал Шавыкина хорошим мастером.

Шавыкин был высок ростом, красив и образован. В какой-то степени «домашний философ», что позволяет предполагать у него что-то общее с чинарями.

Не сказать, что был наркоманом, но был период употребления морфия. Не сказать, что был картежником, но в карты играл.

Александр Абрамович Хазин (1912—1976), прозаик, поэт, драматург.

Был завсегдатаем дома Забины-Шавыкина и до войны, и после, пока не переехал в Ленинград. Входил в круг людей, с которыми общался Введенский. За глаза Хазина всегда называли Сашка Хазин, произносили как-то скороговоркой, в одно слово — Сашкахазин. Пожалуй, из круга харьковских знакомых Введенского имя наиболее известное.

Его имя зазвучало после знаменитого постановления ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 года «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», точнее после

⁴⁰ Борис Анисимович Маркевич (1925—2002), живописец, график, художник книги. В доме Маркевичей, в Москве на Третьей Мещанской, неоднократно бывали Г. Викторова и А. Введенский. Поначалу написал было о некоторых «высоких» официальных званиях и наградах Бориса, но вовремя понял, что в отношении него это выглядит нелепо.

доклада Жданова⁴¹, в основном известном по шельмованию Зощенко и Ахматовой⁴². Параллельно с ними в докладе фигурировал и Александр Абрамович, который обзывался «пошляком Хазиным» — за стихотворный сатирический фельетон «Возвращение Онегина».

Забавно, что большинство школьников впервые познакомились и с Зощенко, и с Ахматовой, и с Хазиным, изучая доклад Жданова в школе. Такого поворота событий «партия и правительство» не учли, что, безусловно, было их серьезным проколом. Отрывки из «Возвращения Онегина», а также ахматовские строки, процитированные в постановлении: «Но клянусь тебе ангельским садом / Чудотворной иконой клянусь / И ночей наших пламенным чадом — / <Я к тебе никогда не вернусь>», с восторгом вдохновенно с придыханием, к ужасу нашей учительницы-словесницы, мы декламировали при вызове к доске для разбора этих великих документов партии. Где еще школьники могли почитать Ахматову?

Впрочем, школьники были разные: не все, конечно, так прочли доклад Жданова.

В этой связи позволю себе лирическое отступление.

Недавно мне попались на глаза воспоминания одного рафинированного интеллигента о его встрече Нового года с одноклассниками во второй половине сороковых годов. Это бывший ученик моей харьковской школы; бывший лимита⁴³ («понаехали тут»), сейчас театральный критик и «коренной москвич»⁴⁴; один из тех, кто никогда не забывает заверять своих читателей в том, что на фуرشетах⁴⁵ по леву руку от него всегда стоит Народная артистка, по праву руку — известный поэт-песенник, а напротив — знаменитый писатель-хохмач; один из тех бывших украинцев, кто признал Пома-

⁴¹ Андрей Александрович Жданов (1896—1948), советский государственный и партийный деятель.

⁴² Михаил Михайлович Зощенко (1894—1958), прозаик, участник первой мировой войны, имел пять боевых наград, исключался из Союза писателей СССР.

Анна Андреевна Ахматова (1889—1966), настоящая фамилия Горенко, поэтесса, переводчица, пушкинист. Ее первый муж Николай Степанович Гумилев (1886—1921), поэт, прозаик, критик, офицер русской армии — расстрелян. Один из ее мужей Николай Николаевич Пунин (1888—1953), искусствовед, педагог — погиб в заключении. Ее сын Лев Николаевич Гумилев (1912—1992), историк, географ — был неоднократно репрессирован.

⁴³ Лимита — тот, кто приехал работать по лимиту (из лексики жителей города-героя, гордо именующих себя «коренными москвичами»).

⁴⁴ Нужно сказать, что недавних «коренных харьковчан», теперь «коренных москвичей», обремененных своими популярными в народе фамилиями, довольно много.

⁴⁵ Фуршет — <...> обычно стоя <...>. (Толковый словарь.)

ранчеву революцію значительно позже Вацлава Гавела, но зато несколько раньше президентов России⁴⁶. Он пишет, что на этой встрече Нового года первый тост они, «естественно», подняли за здоровье товарища Сталина. Должен сказать, что в моем кругу одноклассников той же школы того же города, в те же годы, тосты за здоровье товарища Сталина никто никогда не произносил. То есть мера испорченности школьников одного поколения из разных семей была всё-таки разная («нужно иметь умных товарищей»). В нашей классной комнате висел портрет Сталина, на переменах мы со своими «умными товарищами» играли в разновидность баскетбола, забрасывая мяч за этот портрет, называлась эта игра «За портрет вождя»; что было бы, если бы нас разоблачили, трудно себе представить. (Интересно, играют ли, когда их никто не видит, в игру «За портрет президента» или в игру «За икону» эти современные бедные «умные товарищи», трогательно вывешивающие портреты президентов и устраивающие иконостасы в своих кабинетах?)

В день смерти Сталина мы с приятелем стояли на улице, кто-то из нас нахвистывал, подошел какой-то гражданин и сказал: «В такой день — свистунов под суд!»

И здесь мне хочется сделать глубокомысленный вывод о том, что правы были большевики, когда не очень доверяли родным и близким врагов народа и лицам, остававшимся на оккупированной территории⁴⁷.

Однажды Хазин отозвал меня в сторонку и попросил не вступать в партию.

К слову, расскажу один эпизод о себе, родном, так как он связан с именем Введенского. В молодости мне несколько раз предлагали оформлять документы для работы в таких экзотических странах, как Индонезия и Эфиопия. В анкете я писал: отец — Введенский. Каждый раз моим возмущенным домохозяевам приходилось носить в майонезных баночках на анализ

⁴⁶ Вацлав Гавел (р. 1936), чешский драматург, писатель, философ, политзаключенный, с 1989 по 2003 годы президент Чехословакии, затем Чехии, знаток творчества обэриутов. Достоверных сведений об увлечении президентов России творчеством обэриутов нет.

⁴⁷ Лидия Чуковская писала: «<...> по плану, разработанному НКВД, семьи “врагов народа” должны были в своих недрах выращивать “мстителей”; дети в этих семьях брались на учет заблаговременно <...> “Мстители”!.. Расстреляв отцов, застеноч мстил за свое злодейство детям убитых».

Лидия Корнеевна Чуковская (1907—1996), критик, публицист, прозаик, поэтесса, правозащитница, исключалась из Союза писателей СССР. Ее муж, Матвей Петрович Бронштейн (1906—1938), физик-теоретик, — расстрелян.

свою эксклюзивную мочу и делать по восемнадцать фотографий, но, несмотря на это, мне постоянно в такой работе отказывали. Когда в очередной раз в мою контору прислали еще одну разнарядку на работу в подобной стране, мне снова предложили заполнить анкету. И я решил согрешить, написал — отца не было. Через некоторое время меня вызывают в спецотдел, и симпатичный культурный кадровик (жен своих подопечных он называл супругами, а уборную туалетом) говорит:

— Ты меня подвел, что ты написал?

Я объясняю:

— В моей метрике стоит прочерк.

Кадровик говорит:

— В «органах» сказали, это непорядок, пусть пишет — отец Введенский.

Написал. Не пустили. («Органы» не любили неопределенность. Однажды, на вопрос анкеты о наличии у меня родственников за границей, я написал — не знаю. Они вернули анкету, сказали кадровику, пусть пишет — нету.)

Вообще, похоже, «органы» Украины бдели с бóльшим энтузиазмом, чем «органы» РСФСР и других республик нашей многонациональной родины. Хотя в защиту «органов» нужно сказать, что в те годы, когда меня не выпускали, Введенского они еще не реабилитировали. Так что какие могли быть претензии?

Многие фразы Хазина стали афоризмами: «Не поймите меня правильно», «Партия учит нас, что газы при нагревании расширяются».

Много писал для эстрады, для Аркадия Райкина⁴⁸.

К пятидесятилетию Забины, день рождения которой пришелся на 5 марта 1953 года, на день смерти Сталина, Хазин написал ей стихи, т. е. писал их при жизни Сталина. Пожалуй, по тем временам в этих стихах были довольно смелые строки. Автор видел и в самой Забине, и в ее окружении людей, способных эти стихи преспокойно воспринять. Вот они, —

К 50-летию Забины

Поскольку денег мне не дали
И к просьбам были все глухи,
Взамен подарка, для Натали
Я написал сии стихи.

⁴⁸ Аркадий Исаакович Райкин (1911—1987), актер, режиссер.

Давайте ж милая Забила
Попомним всё, что с нами было.
Я знаю Вас немало лет
Как Ваш товарищ и поэт.
Я помню Вас почти что с детства
Как образ чудной красоты,
Очарованья и кокетства
И невозможной красоты!

Я помню, как из магазина,
Бежала к Вам моя Ирина,
Сказать, что там с утра, давно
Дают какое-то говно.
Я помню ночи переводов,
Когда Вы с мыслью о друзьях,
Добыли десять бутербродов
В жестоких бешеных боях.
И как в собрание Литфонда
Вдруг Вы явились, Джиоконда,
И так орали, что Сагиб
Имел довольно бледный вид.
Как Вы для радостной дороги
Покинули Алма-Ату,
Я помню Вас и в «Дни тревоги»,
И на ответственном посту.
Как Вы в работе были гибки,
Нас всех по-прежнему пленя,
Как совершали Вы ошибки,
Как прозевали Вы меня.
Немало Вам досталось муки,
Укоров злых и острых жал,
За то, что был пассивен Цуккер,
И пьес Балабан не писал.
Теперь уже Ваш мозг не пухнет
От всех писательских невзгод,
Теперь уже наш Лёня Юхвид
За них ответит через год.

Конечно, я не из ведущих,
Не из больших, не из имущих,

Я свой подарок променял
На сей дешевый мадригал.
Но всё ж скажу в порядке справки,
Что если строчки взять в расчет,
То ей по самой низкой ставке,
Здесь есть рублей на восемьсот.

Что Вам Наталка так сказать,
Сегодня стукнуло... пожалуй
Не будем это уточнять,
А просто выпьем всю пиалу,
Забыв тревоги и грехи,
За именинницу Наталку
И за Наталкины стихи^{<49>}.

Во время выхода постановления ЦК ВКП (б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» и публикации доклада Жданова с нападками на Хазина Забила была Секретарем Харьковского отделения Союза писателей. Игривое «<...> прозевали Вы меня», связанное с шельмованием Хазина членом Политбюро ЦК ВКП (б), всё-таки было довольно развязным и смелым по тем временам. (Александр Абрамович иронизирует над тем, что в Союзе писателей его плохо воспитали, не заметили его «неискренности перед парти-

⁴⁹ Как говорится, публикуется впервые.

Ирина — Ирина Акимовна Дудник (1916—1986), врач, в те времена жена Хазина. Ее отец, Аким Минович Дудник (1881—1934), партийный и хозяйственный деятель, умер своей смертью, однако вскоре его могила была властями осквернена, т. к. он оказался «врагом народа». Ее первый муж, Валентин Павлович Постышев (1916—1938) — расстрелян. Отец первого мужа, Павел Петрович Постышев (1887—1939), партийный и государственный деятель, уговорил Сталина разрешить новогодние елки — расстрелян. Мать первого мужа, Татьяна Семеновна Постолюнская (1899—1938) — расстреляна.

Джиоконда (Джоконда, Мона Лиза) — портрет работы Леонардо да Винчи. Леонардо да Винчи (1452—1519), итальянский художник, писатель, ученый. Сагиб — работник Литфонда (?).

В Алма-Ату во время войны эвакуировались писатели Харькова, туда же должна была эвакуироваться и семья Введенского.

«Дни тревог» — название книжки детских стихов Забины.

Цуккер — харьковский литератор.

Балабан — харьковский драматург.

Леонид Аронович Юхвид (1909—1968), украинский драматург, автор текста знаменитой «Свадьбы в Малиновке», — тогда сменил Забину на посту Секретаря Харьковского отделения Союза писателей.

ей».) Наверняка в связи с этим постановлением и докладом в Харьковском Союзе проводились соответствующие собрания, проработки, «единодушные осуждения», но, как видно, всё это не отразилось на отношениях старых друзей. Я не уверен, могли бы такое позволить себе в других писательских организациях, в том же Ленинграде, в той же Москве (обращаясь с такими стихами к тому же Михалкову)? Это я всё к тому, что люди, с которыми в свое время в Харькове общался Введенский, не были такими уж одиозными провинциалами-жлобами.

Игорь Леонтьевич Муратов (1912—1973), украинский поэт, прозаик
Входил в круг друзей дома Забины-Шавыкина, общался с Введенским.

Член Союза писателей СССР с 1934 года. Участвовал в финской и Второй мировой войнах, был в плену. Дважды его считали погибшим. Человек красивый, умный, образованный, яркий, блестяще читал свои стихи. К разряду провинциалов ну никак не отнесешь.

Но интересно вот что.

Сам Введенский никому в Харькове, наверное, своих вещей и не показывал. Однако Галина Борисовна после его гибели, после войны, носила читать его рукописи этим и другим людям, это достоверно. Но те, кроме сочувствующих взглядов и вежливых слов, ничего интересного не выказывали. Тем более тех слов, которые рядом с именем Введенского употребляют сейчас. Никто из них «за серьезное» произведения Введенского не принимал, — так, причуды... А ведь люди эти были профессионалами, образованными и доброжелательными.

Хотя Введенский и до сих пор не прояснен.

Введенский: «Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провел как бы поэтическую критику разума — более основательную, чем та, отвлеченная⁵⁰». Я усомнился, что, например,

⁵⁰ По-видимому, имеется в виду «Критика чистого разума» Канта.
Иммануил Кант (1724—1804), философ, «беспокойный старик», немец.

Немцы грабят русскую землю.

Я лежу

И грабежу

Внемлю.

Немцам позор, Канту стыд.

(Из Введенского)

дом, дача и башня связываются и объединяются понятием “здание”. Может быть, плечо надо связывать с четыре. Я делал это на практике, в поэзии...»

Подумалось, а если бы мне, инженеру-строителю, показали бы отличающиеся от общепринятых конструктивные или архитектурные решения, неужели же и я не распознал бы в них интересное? Вопрос, наверное, наивный. Гуманитарные науки, искусство — вещи, наверное, более тонкие и нежные, чем техника.

— Зачем же, — спросишь ты, — тебе понадобилось столько слов на сомнительное удостоверение образованности и ума у людей, с которыми общался Введенский? — Ну хотя бы для того, — отвечу, — чтобы показать, каково было общение Введенского в Харькове на бытовом и, может быть, чуть-чуть на творческом уровне, чем я хотел несколько дополнить и скорректировать публикации его биографов. А настоящую заинтересованность и понимание вряд ли он встретил бы где-либо еще, кроме как в узком кругу своих уникальных ленинградских друзей-соратников.

Проблема взаимного непонимания коллег по искусству — это, видимо, отдельная большая тема, давно, наверное, исследованная.

Уместно задать вопрос, — А как ты сам, негодяй, воспринимал недетскую поэзию Введенского, пока он не был признан? — Отвечу, — Не вос-

— Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!

(Из Булгакова)

говорил философ Кант:
я хотя не музыкант
но однако понимаю
звуков чудную игру
часто мысли вынимаю
и гуляю на пиру
суп наперченный вкушаю
ветчину и рыбу ем
мысли мысли не мешаю
вам пастися между тем
между тем пасутся мысли
с математикой вдвоем
мы физически прокисли
давит нас большой объем
а они и там и тут
бессловесные растут

(Из Введенского)

принимая, конечно, его вещей в сегодняшнем высоком толковании, наивно обожал и декламировал наизусть с раннего детства. Другое дело, слово «гений» не приходило в голову, до должного осознания значимости Введенского не доходил.

И, конечно, все мы были в восторге от знаменитого теперь письма Хармса в Харьков с его автошаржем. Его читали и перечитывали, показывали друзьям и знакомым, школьным соученикам, в результате такой интенсивной эксплуатации обтрепался низ письма, и стало невозможным прочесть дату, поставленную Даниилом Ивановичем (мне кажется, это 1937 год). Даниил Иванович любовно раскрасил автошарж нежными акварельными красками.

Вот оно, это письмо, —

Дорогой Александр Иванович,
Я слышал, что ты копишь деньги и
скопил уже тридцать пять тысяч.
К чему? Зачем копить деньги?
Почему ты не поделишься тем, что ты имеешь,
с теми, которые не имеют даже совершенно
лишней пары брюк? Ведь, что такое деньги?
Я изучал этот вопрос. У меня есть
фотографии самых ходовых денежных
знаков: в рубль, в три, в четыре и
даже в пять рублей достоинством. Я
слыхал о денежных знаках, которые содержат
в себе разом до 30-ти рублей! Но копить
их, зачем? Ведь я не коллекционер. Я всегда
презирал коллекционеров, которые собирают
марки, перышки, пуговики, луковки и т. д.
Это глупые, тупые и суеверные люди.
Я знаю, например, что так называемые
«нумизматы», это те, которые копят деньги,
имеют суеверный обычай класть их, как
бы ты думал куда? Не в стол, не в
шкатулку а ... на книжки! Как тебе
это нравится? А ведь можно взять
деньги, пойти с ними в магазин и
обменять их, ну скажем, на суп (это
такая пища), или на соус кефаль (это

тоже вроде хлеба).

Нет, Александр Иванович, ты почти такой же нетупой человек как и я, а копишь деньги и не меняешь их на разные другие вещи. Прости, дорогой Александр Иванович, но это не умно! Ты просто поглупел, живя в этой провинции. Ведь должно быть не с кем даже поговорить. Посылаю тебе свой портрет, что бы ты мог хотя бы видеть перед собой умное, развитое, интеллигентное и прекрасное лицо. Твой друг

Даниил Хармс

Недавно я прочитал исследование — «К вопросу об истоках: Елена Гуро⁵¹ и обэриуты»⁵². И вспомнил, что у нас дома с довоенных времен был альманах «Лирень» за 1920-й год, в котором были напечатаны произведения Елены Гуро. Альманах был, конечно, внесен в дом Введенским. Так что наличие этой книжки у Введенского, видимо, подтверждает проницательность исследователя. Хорошо, что я вспомнил об этом. Большие куски из Гуро я знал в детстве наизусть, например этот, —

«Доктор Паччини вошел в хлев и кормил людей, приходивших из размалеванных вывесками улиц. Потом он вошел в интеллигентное сияющее стекло двери.

И пока он был комодом и переживал новизну улицы весны и ветерка и талого снега.

И он стал белой башней. Розовые лучи грели его бока, точно вся весна лется в эти ворота.

— А мне ничем сегодня не пришлось быть, кроме черного блестящего сапога».

Безусловно, чтение в детстве рукописей Введенского, письма Хармса, книжки с Еленой Гуро оказало большое влияние на восприятие действительности, а попытки внедрения в повседневный обиход их парадоксов вызывало у окружающих, в лучшем случае, непонимание и пожатие

⁵¹ Елена (Элеонора) Генриховна Гуро (1877—1913), поэтесса, прозаик, художник.

⁵² Виктория Костюк (Санкт-Петербург). К вопросу об истоках: Елена Гуро и обэриуты / Александр Введенский и русский авангард. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Введенского. СПб., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева; Петербургский институт иудаики, 2004.

плечами, а в худшем — обвинение в умничестве или идиотизме. Опять тянет к обобщению, но скажу тебе: то, что будешь подсовывать читать своим детям в детстве, то их и сформирует. Будь осмотрительной: может быть, давать им читать обэриутов и не стоит, может, лучше им быть прагматиками, чем шлемазлами⁵³. Подумай. Шлемазлы, конечно, симпатичнее, но с карьерой у них будет хуже: читателям обэриутов трудно будет стать миллионерами или руководителями аппарата Кабинетов Министров, хотя, может быть, они смогут дорасти до первых скрипок симфонических оркестров.

Мне кажется, чем дальше уходит время, тем абсурднее, если брать даже только тогдашнюю детскую жизнь (об абсурдности жизни тех лет в зрелые годы и не говорю), представляются пионерские линейки, пионерские салюты, «перед лицом своих товарищей», «рапорт сдан — рапорт принят», пионерские галстуки на шеях великовозрастных сексуально озабоченных девиц-пионервожатых. И если раньше весь этот маразм представлялся маразмом только редким уродам, — читателям обэриутов, Елены Гуро и писем Хармса, — то теперь абсурдом та, давняя, пионерская действительность представляется всё, а творчество обэриутов представляется теперь реалистическим искусством. И прав был тот, кто пророчествовал, что обэриуты по-настоящему будут поняты в XXI веке.

Когда вышла в свет первая большая «американская» книжка Введенского⁵⁴, которая начала свое хождение по рукам в Москве, вот что писал Борис Маркевич Г. Викторовой⁵⁵, —

«Вчера Андрюша⁵⁶ принес мне первый том Шашиного собр. сочинений и поэтому я тебе пишу. Так приятно было посмотреть на ваши с Сашей милые молодые лица и так интересно было почитать Шашины стихи, о которых я только слышал, но никогда не читал.

Я не знал, что такая книжка издана. Сколько всего томов? Все ли они вышли? (Я это спрашиваю в уверенности, что они у тебя есть.)»⁵⁷

⁵³ Не могу устоять против употребления словечка из лексикона нашей соседки мадам Маслянской, шлемазл — слово на идише — употреблялось в значении «симпатичный недотепа, неумеха».

⁵⁴ Александр Введенский. Полное собрание сочинений. — Ann Arbor, Michigan, USA, Ardis, 1980.

⁵⁵ Дата на письме не проставлена, по-видимому — конец 1981 — начало 1982 года.

⁵⁶ Андрей Борисович Маркевич (р. 1949), художник, сын Бориса Маркевича.

⁵⁷ Книжки не было. Откуда ей было взяться?

Видимо, на ответ Галины Борисовны, что книжки у нее нет, Борис Маркевич пишет новое письмо⁵⁸, в котором одновременно делится впечатлением о книжке. Вот что он пишет, —

«Андрею дали Сашину книжку какие-то его приятели почитать. Он притащил ее, конечно, к нам с Алей⁵⁹, а теперь уже отдал. Если в течение какого-то разумного срока твой Миша-йог тебе не доставит книжку⁶⁰, напиши — Андрей тогда будет стараться как-нибудь ее выцыганить — м. быть удастся. Стихи Сашины конечно очень трудно воспринимать человеку так в поэзии не сведущему, как я. Единственное, что я могу сказать, что я с большим удовольствием читал их вслух, особенно самые ранние и последнюю Элегию. Поскольку в изобразительном искусстве форма сама по себе может быть содержанием, видимо в поэзии это тоже естественно. Вообще в оценке искусства я свято верю профессионалам — говорят гениально — значит гениально. Даже ошибаясь они правее, чем мы, т. к. ощущают цену каждого слова иначе, и каждой строки и всего содержания — стиха. Ну и конечно Сашина поэзия видимо ценна, как начало какой-то ветви поэзии теперешней.

Андрей, кроме Сашиной книги, принес такое же издание прозы Цветаевой⁶¹ и я с наслаждением продираюсь сквозь дебри этой прозы, и уже к ней привык (эту книжку дали на более длительное время) и весь

⁵⁸ Дата почты Москвы на конверте — 8.3.82.

⁵⁹ Алевтина Николаевна Власова (1924—2004), живописец, книжный художник, работала в аппликации и орнаменте, жена Бориса Маркевича. Художник самобытный и «обособленный» (термин Елены Муриной), фантазер, в работы вкладывала свое неподражаемое ощущение смешного.

Елена Борисовна Мурина (р. 1925), искусствовед.

⁶⁰ Галина Борисовна так и не получила эту книжку. Не смогла ее показать ни обитателям дома «Слово», ни друзьям своим, ни врагам. Так и умерла, не дождавшись книжки. Ты думаешь, хоть один издатель «доставил» семье Введенского хоть один экземпляр издания 1993 года? Или хоть один экземпляр издания 1997 года? Или хоть один экземпляр издания 2000 года? — Успокойся, не «доставил».

⁶¹ Марина Ивановна Цветаева (1892—1941), поэтесса, прозаик, переводчица, мемуаристка, покончила жизнь самоубийством. Посетила немецкий город Фрейбург и немецкий город Берлин. Ее муж, Сергей Яковлевич Эфрон (1893—1941), искусствовед, расстрелян. Ее дочь, Ариадна Сергеевна Эфрон (1912—1975), переводчица, мемуаристка, искусствовед, художник, 16 лет провела в лагерях и ссылках. Ее сестра, Анастасия Ивановна Цветаева (1894—1993), писательница, 17 лет провела в лагерях и ссылках.

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,

И всё — равно, и всё — едино.

Но если по дороге — куст

Встает, особенно — рябина...

(Из Цветаевой)

ее странный ход мыслей кажется естественным. Наверное, в Сашиных стихах, если пробраться в них, в середину, будет всё естественно (а понятно с обычной точки зрения м. быть и не должно быть вовсе).

Воспоминания Порет⁶² в «Панораме искусств»⁶³ я читал. Глоцер⁶⁴ у меня был как-то, просил рассказать всё, что я помню о Саше — сама понимаешь, как немного я мог ему рассказать. А малый он очень живой и симпатичный».

Вот еще отрывок из письма⁶⁵ Бориса Маркевича в продолжение той же темы (видимо, Галина Борисовна пожаловалась еще и на то, что ей не было возвращено письмо Хармса), —

«Сначала о Сашиней книге.

Сразу ее умыкнуть уже нельзя, т. к. у Андрея ее забрали, значит возможно попробовать только выцыганить (что мы попытаемся сделать). Нет ли у тебя телефона твоего йога — я бы ему позвонил (м. б. дашь адрес, я попробую узнать по адресу телефон — сам не сильно брожу т. к. всё болит). Или м. быть у тебя есть телефонные № кого-нибудь, кто его знает. Пришли. М. быть у нас есть общие знакомые, но не знаю кто.

Если я его достану, я выну из него и книгу и письмо».

Поскольку я уже начал о Борисе Маркевиче (в связи с его словами о стихах Введенского), продолжу о нем, расскажу о его письмах, хотя по хронологии эти письма могли бы быть приведены в самом конце моего текста.

Борис Маркевич родился в Харькове. С его родителями в большой дружбе были еще родители Г. Викторовой. С 1929 года семья Маркевичей жила в Москве, одно время в Доме-на-набережной, пока в 1938 году не расстреляли отца⁶⁶ Бориса, после чего они переехали на Третью Мещанскую. Борис знал Введенского, правда, в юношеском возрасте: в 1941 году, когда погиб Александр Иванович, ему было 16 лет.

⁶² Алиса Ивановна Порет (1902—1984), живописец, график, художник книги, ученица Павла Николаевича Филонова (1883—1941), работала в Детском отделе Госиздата, в журналах «Еж» и «Чиж».

⁶³ Алиса Порет. Воспоминания о Данииле Хармсе / Предисловие Владимира Глоцера. — «Панорама искусств». Москва, издательство «Советский художник». 1980.

⁶⁴ Владимир Иосифович Глоцер (1931—2009), писатель, историк литературы, специалист по детской литературе.

⁶⁵ Дата почты Москвы на конверте — 12.5.82.

⁶⁶ Анисим Миронович Маркевич (1893—1938), агроном, перед арестом — заместитель Наркома земледелия СССР.

Интересно, что ощущение смешного у Бориса было в чем-то близким Введенскому и Хармсу.

Из письма к Г. Викторовой от 1 сентября 1941 года:

«Получили твою вторую открытку, в которой ты пишешь, что этой второй открытке никакая первая не предшествовала, т. е., что эта вторая открытка является первой открыткой, тем не менее, мы считаем ее второй открыткой, т. к., хотя ты и утверждаешь обратное, мы получили перед этой открыткой другую, которую поэтому мы называем первой, а ту твою, которую ты называешь первой, мы называем второй!!»

Лаконичная открытка от Маркевича ко мне, ни с того, ни с сего:

«Конечно, Боря! О чем говорить. Но это еще не основание, чтобы объявлять Харьков вольным городом».

Телеграмма от Маркевича ко мне в Харьков, ни с того, ни с сего:

«Беспокоюсь молчанием Клары».

Никакой Клары, конечно, не существовало.

Попросил я как-то слезно Маркевича пройтись «рукой мастера» по работам одного художника-любителя. Маркевич ответил:

«Я, Боря, не против. Если только он не зануда. Если ты и жена Нина можете поклясться, что он не зануда. Потому что, если он зануда — я погибну. Главное он рядом живет в Новых Черемушках и ему ко мне в мастерскую — рукой подать, а тебе от него и в Харькове на Деревянко жизни нет.

И чтобы он не влюбчивый был, а то влюбится и как начнет ходить, начнет ходить. А ведь я, Боря, его пихнуть ногой не смогу, тем более ему скоро 60 лет и тем более у меня нога болит. Да и новой большой любви я не вынесу, поскольку мне, как ни странно, тоже под шестьдесят и сердце сильно ослаблено. Вот ты, Боря, всё это возьми на ум и если всё в порядке и если очень такой милый, скромный, деликатный старик кое-как разок приволокется со своими рисунками (и не обидчивый чтоб был) и зачем-то мне их покажет (кстати, зачем он хочет мне их показать?) и потом покинет меня навсегда и уйдет в Новые Черемушки, то пусть.

Тут главное, Боря, чтобы была хилость, вялость характера, заботность и, напротив, чтобы не было этой лихости, бодрости и общительности.

А еще, Боря, вдруг он против формализма, абстракционизма и модернизма при том, что он в Новых Черемушках живет. Что тогда? У меня дядя был сильно старше, тоже рисовал и жил бы знает, как далеко, так всё норовил меня на путь праведный наставить и брошюры подкидывал по почте против извращений в искусстве.

И еще, Боря, он кто <Игрек>? Может он <Игрек>, хочет всё бросить и стать мастером кисти и тем на хлеб зарабатывать? Тогда, Боря, нет. Тогда — нет.

У меня у самого один сын хочет стать мастером карандаша, а еще пу-ще хочет жениться, а другой, напротив, никак не женится, тогда как третий (первый) по третьему разу женился.

Так что, Боря, понимаешь, каковы мои нервы. Вот и гляди сам. Главное, еще раз скажу, чтоб ничего от жизни не хотел и чтобы ходить не любил по причине ишиаса и отвращения к людям.

Целуй свою милую жену Ниночку, и Сашеньку⁶⁷, маму, бабушку, Петю-ню и всех других людей целуй. И будь здоров. И <Игреку>, если он не жлоб, дай телефон.

Целую еще раз всех вас.

Боря».

И строки из одного из последних писем:

«Мы действительно еще живы, но уже не совсем, т. е. в смысле еще живы.

Дряхлеем и хвораем. Друг на друга посматриваем с некоторым удивле-нием: кто этот старик, кто эта старушенция».

Итак, я представил доказательства того, что друзья и знакомые Введен-ского «со стороны жены» не были идиотами.

1936—1941.

Сталин петух.

Двенадцатый этюд Скрябина⁶⁸, patetico.

Папа, убей немца! Мадам Маслянская

Из всех мест, в каких я был доселе, самое светлое воспоминание оставила во мне Венеция. Рим по-хож в общем на Харьков, а Неаполь грязен.

А. П. Чехов⁶⁹

⁶⁷ Нина Михайловна Уманцева (р. 1934), инженер-строитель.

Уманцева: «Никогда не думала, что вышла замуж за писателя».

Александра Борисовна Викторова (р. 1956), дочь Б. А. Викторова.

⁶⁸ Александр Николаевич Скрябин (1872—1915), композитор.

⁶⁹ Из письма из Ниццы А. П. Чехова к М. П. Чехову от 15 апреля 1891 года.

Антон Павлович Чехов (1860—1904, умер в немецком Баденвейлере), писатель, перед своей кончиной говорил по-немецки.

Милый сюрреалист⁷⁰ Антон Палыч! — Единственный в мире, кто обнаружил сходство Вечного города с Харьковом!

(Впрочем, Рим до сих пор очень похож на Харьков. — В самом деле, — в Риме Собор Святого Петра, а в Харькове Гольдберговская церковь⁷¹; в Риме Капитолий, а в Харькове дом «Красный бродильщик»⁷²; в Риме площадь Испании, а в Харькове площадь Поэзии⁷³; Рим расположен на семи холмах, а в Харькове есть горы — Лысая и Холодная⁷⁴; есть в Харькове еще и Спуск Пасионарии⁷⁵.)

Вот в какой замечательный город попал Александр Иванович Введенский.

Я называл Введенского Сашей.

— Отчего это я называю тебя по имени? — спросил я Введенского.

Михаил Павлович Чехов (1865—1936), писатель, самый младший брат Антона Павловича.

⁷⁰ Сюрреализм (фр. *surrealisme* сверхреальность) — реакционное, упадочническое течение в литературе и искусстве современной Франции. В сюрреализме большую роль играют сновидения, галлюцинации, бредовые речи. С. — яркий образец разложения буржуазной культуры. — Словарь иностранных слов. Москва, 1949.

⁷¹ Церковь носит название по имени ее основателя, еврея-выкреста Гольдберга.

⁷² Так замечательно был назван жилой дом работников пивоваренной промышленности.

⁷³ Как красиво звучит! А ведь до революции эта площадь носила тривиальное название Театральная.

⁷⁴

Я на горке была,
Я Егорке дала,
Не подумайте плохого,
Я махорки дала.

(Частушка)

Эту частушку следует изучать в начальных классах средней школы, чтобы дать детям представление о внутренней рифме.

⁷⁵ Спуск назван в честь Долорес Ибаррури (1895—1989). Забавно, что бдительная Советская власть, давая такое название, не усмотрела в нем смешной двусмысленности.

А недавно в Харькове даже издана книга, почему-то с портретом народного депутата на обложке, в которой помещены семь строк из стихотворения Введенского, в этих семи строках всего лишь шесть искажений, среди них самое трогательное: бедные издатели, ну никак не нашли возможным рядом со словом гортензия написать слово ковер, написали клевер.

ты меня не тронь не рань
я сложнейшая герань

(Из Введенского)

Он ответил:

— Так бывает, привык: слышал, что все так называют, и ты так называешь.

Во многих публикациях почему-то пишут, что лицо Введенского было побито оспой. Ничего подобного не было.

В доме «Слово», в одной из четырехкомнатных квартир, в третьем подъезде, на первом этаже, расположился детский сад для писательских детей, ходил туда и я. Рассказывают, что однажды, придя в детский сад, я заявил: «Сталин петух». Естественно это вызвало переполох не только среди служащих детского сада, но и за его пределами. Несмотря на все попытки окружающих разуверить меня в этом утверждении, я, видимо, обратив внимание на повышенный интерес к этому заявлению, упорно продолжал настаивать на своем. Трудно представить шухер, который поднялся после этого. В результате меня быстренько то ли выперли из детского сада, то ли Введенский сам забрал меня оттуда от греха подальше. После смерти Сталина, после XX съезда нашей партии, встречая меня, даже малознакомые мастера пера, заговорщицки подмигивая и почему-то скашивая глазки в сторону, как бы обращаясь к кому-то, сидящему в кустах, приговаривали что-то вроде:

— Вот кто на самом деле первым высказал всю правду о товарище Сталине!

Меня отдали в другой, городской, детский сад, в который меня время от времени отводил (или забирал) Введенский. Движения Саши и походка быстры, порывисты и нескоординированы. Не помню, чтобы он по дороге вел со мной светские беседы или балагурил. В этом детском саду во время дневного сна детей зимой укладывали на веранде в спальных мешках, но для этого нужно было согласие родителей. Это согласие дал Саша. Воспитательницы через меня неоднократно просили его почитать в детском саду свои стихи, но он ни разу так и не откликнулся на эту просьбу. В этом детском саду я играл в оркестре на гlockenspielе, — опять от немецкого Glockenspiel, — на колокольчиках.

Харьковские писатели, в их числе и обитатели дома «Слово», так, бедные, и не узнали никогда, что среди них находился человек по фамилии Введенский, признанный миром в их иерархическом писательском ряду значительно выше, чем они.

Жили мы на Совнаркомовской улице (бывший Старокладбищенский переулок), в доме 8, в квартире 4, до сих пор помню и телефон — 8-14-76. Это одноэтажный дом, в коридоре (холле) которого был остекленный по-

толок, над ним стеклянная пирамидальная крыша. У нас были две большие проходные комнаты с большими окнами и высокими потолками. Во второй комнате, окнами выходящими на улицу, спали мама, Саша и Петька, там же Александр Иванович работал. В первой комнате, окнами выходящими во двор, где стоял большой стол, за которым мы все вместе обедали, спали бабушка, мамин младший брат (студент) и я.

Материально жили скудно: обедаем, я свою котлету быстро съел, бабушка старается незаметно подложить мне половину своей котлеты. Мама это замечает, возмущается.

Рядом с нашим домом располагался Дом ученых, обрамленный лепными амурами, напротив — художественный музей с несколькими подлинниками Репина и Айвазовского⁷⁶, а в ста метрах от нашего дома находилось здание НКВД.

Из окон наших комнат постоянно раздавалась фортепьянная музыка, звуки виолончели и трубы, пока другой мамин брат не забрал пианино, переехав после своей женитьбы в другой дом. (В один прекрасный день, находясь в другом городе на студенческой практике, этот мамин брат прислал бабушке телеграмму: «Телеграфируй разрешение брак».)

Саша, мама и я летим самолетом в Москву (такая безумная затея, по тем временам, могла прийти в голову только Александру Ивановичу и Галине Борисовне). Я интересуюсь, для чего раздали пакеты. Мне объясняют. Снисходительно ухмыляюсь: мне, во всяком случае, такой позор не грозит. Самолет летел, наверное, более трех часов (представляешь, какой самолет в 1937 году?), его болтает, меня тошнит, а под моим влиянием стало тошнить и маму (она беременна Петей). Саша возится с нами, мечется по самолету с этими пакетами.

Саша работает с местным кукольным театром. Иногда ходит туда по делам и берет меня с собой. Нас радушно и весело встречает директриса театра. Недавно побывал в этом театре. Рукописей или машинописных текстов Введенского не нашел, но ознакомился с «досье» «худрука», той са-

76

Картины Репина про бурлаков
мне очень были милы
(Из Введенского)

Иван Константинович Айвазовский (1817—1900), художник. Когда будешь в Феодосии, походи в музей Айвазовского и обрати внимание на его многочисленные невиданно огромных размеров автопортреты. На всех на них он изобразил себя с большой любовью и необузданным уважением, всегда при всех регалиях, лентах, орденах...

мой довоенной директрисы. В досье ее фотография. Память меня не подвела — запомнившееся круглое, подчеркнутое короткой стрижкой, доброе лицо возмужавшей «Петроградской мадонны» Петрова-Водкина⁷⁷, или женщины-работницы тридцатых годов. Только фамилия не Белорусская, как помнилось, а Варвара Павловна Белоруссова (1896 — ?). В досье вложена машинописная копия ее статьи в харьковскую газету «Красное Знамя» 1941 года, в ней такие строки: «В голландской сказке “Три пары деревянных башмаков” инсценировка А. Введенского, в применении теневого театра, в использовании конференса (“Человек перед ширмой”) театр искал сближения со своей аудиторией <...> В. Белоруссова, художественный руководитель первого областного кукольного театра».

Интересно, что Введенский подал идею знаменитого кукольного спектакля театра Образцова «Необыкновенный концерт», вошедшего в Книгу Гиннеса, предложив Сергею Образцову⁷⁸ во взрослом и детском вариантах свою пьесу «Концерт-варьете», написанную в Харькове (поставлена при жизни Введенского не была)⁷⁹.

Не забыть бы сказать, — если любишь русский язык, читай сказки братьев Гримм⁸⁰ только в пересказах Введенского под редакцией Маршака (в последние годы эти сказки издают в пересказах «родных и близких» издателей... с пересказов Введенского).

Дом отдыха писателей в Лещиновке (сейчас Полтавская область). В нем проводят лето и перечисленные выше харьковские друзья и знакомые Вве-

⁷⁷ Кузьма Сергеевич Петров-Водкин (1878—1939), художник, теоретик искусства, прозаик.

⁷⁸ Сергей Владимирович Образцов (1901—1992), театральный режиссер, актер, руководитель Центрального театра кукол.

⁷⁹ Подробно об этом см. журнал кукольников «Театр Чудес», 2001, № 0. Предисловие к опубликованному в этом журнале детскому варианту «Концерта-варьете» написано Борисом Голдовским. Упоминание об этой пьесе также см. ниже в письме Введенскому от 24 ноября 1940 года заведующей литературной частью театра Образцова Лены Густавовны Шпет.

Вот какими словами начинает свое предисловие Борис Голдовский, —

«В Центральный театр кукол, который находился в то время на Триумфальной площади Москвы, в кабинет главного режиссера Сергея Образцова пришел Автор. Это был не простой автор пьес, а великий русский поэт, которому в то время очень нелегко жилось. Его звали Александр Введенский».

Борис Павлович Голдовский (р. 1948), историк театра, театральный критик, драматург, сценарист.

⁸⁰ Якоб Гримм (1785—1863), Вильгельм Гримм (1786—1858), фольклористы, писатели, литературоведы, юристы, немцы.

денского. Взрослые играют в пляжные карты, у них нет карандаша, они ведут записи только что зажженной и потушенной спичкой.

Мы едем в Лещиновку поездом. Тогда в моде были детские марлевые сачки для ловли бабочек. Я высовываю в открытое окно вагона сачок красного цвета, он сопротивляется ветру; палка, к которой прикреплен сачок, изгибается, — получается весело и интересно. К нам в купе врывается проводник: я дал красный машинисту паровоза! Саша грубо вырывает сачок у меня из рук.

В Лещиновку приезжала и Тамара Липавская, но я этого не помню.

В день объявления войны я, семилетний, был возмущен только одним, — тем, что была отменена поездка в Лещиновку.

Я пою. Соседка, мадам Маслянская, говорит маме:

— Галя, ваш босяк Борык это вылитый балет — он поет, как соловей⁸¹.

Я пою, искажая тексты. Но когда в арии из оперы «Руслан и Людмила», в которой есть слова: «О, моя Людмила, Лель сулит мне счастье», становится понятным, что я пою «<...> лень сулит мне счастье», Саша истерически хохочет.

Иногда мы с мамой и Сашей ходим в кино. В фойе певица поет: «Дядя Ваня хороший и пригожий, / Дядя Ваня всех юношей моложе, / Дядя Ваня чудесный наш толстяк, / Без дяди Вани мы ни на шаг». Певец поет: «Ничего не случилось, пожалуй, / Только шла кавалерия вниз — / Впереди — комиссар возмужалый, / Позади — молодой гармонист». Семейный спор, в первый или последний ряд покупать билеты.

Нечто вроде богемного салона в доме Веры Дражевской⁸². Этот салон, без жены, иногда посещает Введенский. При упоминании имени хозяйки дома у мамы на лице ироническая улыбка. Это не круг дома Забилы.

⁸¹ «Г», в слове Галя, мадам Маслянская произносит мягко и протяжно, не так как в черноземной полосе: без французского прононса, кажется, такой звук называется фриккативным. Мадам Маслянская: «Утром сделала базар, вырвала синенькие на икру. Сварила жидкое». («Сделала базар» — была на базаре, «вырвала синенькие» — купила баклажаны, «сварила жидкое» — сварила суп.) Во время войны был плакат «Папа, убей немца!», мадам Маслянская интерпретировала этот лозунг на свой лад, используя его вместо словосочетания «легко сказать», произнося с неповторимой одесской интонацией.

Тема школьного сочинения: «Образ мадам Маслянской в поп-fiction “Александр Введенский и мир, или “Плечо надо связывать с четыре”».

⁸² Вера Артемовна Дражевская (1912—1994), художник.

Салон Веры Дражевской упоминает в своих работах исследователь творчества Свидзинского Элеонора Соловей. — Оказывается, дом Веры Дражевской посещал Свидзинский.

Элеонора Стефановна Соловей (р. 1944), филолог, литературовед.

Похоже, у Веры Дражевской бывал и Николай Макарович Олейников. Об этом свидетельствует существование портрета Олейникова работы Веры Дражевской, а также приведенное ниже письмо Тамары Липавской к Г. Викторовой от 27 декабря 1966 года: Тамара Александровна предполагала, что у некой Веры Павловны могли быть рукописи и Олейникова, и Введенского (а отчество, Артемовна или Павловна, могла и перепутать).

Журнал «Чиж» призывает детей-читателей присылать в журнал стихи, за что те получают какие-то награды. Я пишу стихотворение (первый и последний раз в жизни) под названием «Самолет и пароход», которое заканчивается строкой: «<...> а на речке в это время пароход летит стрелой». Несу стихи Саше в расчете, я это хорошо помню, что он их поправит или, кто знает, может быть напишет за меня новые. Мои ожидания не оправдываются, стихи мои он прочитал с интересом, но руки своей к ним не приложил. Однако ответ из журнала, подписанный лицом по имени Дима, а также премиальную картинку, я получил. Это было первое в жизни адресованное мне письмо, да еще напечатанное на пишущей машинке. Было очень-очень приятно.

Саша работает, слышны его шаги, работая он всегда вышагивает, дверь в его комнату закрыта. У меня с мамой почему-то заходит спор о том, умею ли я свистеть в два пальца? Я уверяю, что умею, но не могу продемонстрировать, так как свист получится страшно громким, и потревожит Сашу. Жестокая мать приглашает Сашу. Он входит и с любопытством на меня смотрит, приглашая свистнуть. Свистеть я не умею. Мне стыдно до сих пор.

Я играю в комнате мячом. Саше это надоедает, он подхватывает мяч и забрасывает под высокий потолок на «крышу» недействующей голландской печи. Такое повторяется много раз. Во время оккупации я каким-то образом забираюсь к этой крыше, полагая, что там собралось чуть ли не десять мячей. Там пусто...

После ухода разных гостей всегда одно и то же: мама и Саша вопросительно смотрят друг на друга и обсуждают гостей только в крайних терминах: дурак—не дурак. (Лучше бы я запомнил о Введенском что-нибудь более интересное и существенное. Но любопытен детский максимализм: хорошо помню, что меня шокировала, как я считал, неискренность родителей — мне казалось, что гостям хорошо бы сказать, что они дураки, непосредственно, а не говорить об этом за глаза.)

Неподалеку от нашего дома жил один безобидный сумасшедший (мишиген⁸³, как говорила про него мадам Маслянская). Разговаривал он на безукоризненно грамотном русском языке, изощренно и витиевато строя фразы, при этом неся совершеннейшую околесицу, чем ставил в тупик не знающих его людей. Когда он достаивал меня своим вниманием, мне было очень интересно с ним беседовать. Каково же было мое удивление, когда однажды Саша, придя домой, сказал без тени иронии и улыбки, что задержался, так как долго беседовал с этим человеком.

Вскоре после начала войны в Харьков приезжал Сергей Михалков. Домой к нам он не приходил, но для меня уже тогда его фамилия была известным писательским именем, поэтому я запомнил, что Саша подтрунивал над ним, рассказывая, что тот с непривычки норовит бежать в бомбоубежище при первом же звуке сирены.

Через некоторое время после начала войны, по улице перед нашими окнами, Введенский, в качестве командира, провел отряд ополченцев. Отряд шел по проезжей части Совнаркомовской улицы, а Саша как начальник шел по тротуару, лавируя между деревьями и прохожими. Мы все наблюдали это великолепное зрелище из окон (очевидно, он организовал этот проход из озорства, предварительно нас предупредив). Саша был очень доволен исполнением такой совершенно не свойственной ему роли. А я им гордился, поскольку это было, в моих глазах, действие «настоящего мужчины», черт которых мне в Введенском явно не доставало.

Я уже говорил, что в Харькове в те годы ходило много словечек на идише. И услышав во дворе одно грязное выражение на этом языке, я незамедлил выкрикнуть его дома. Саша схватил меня, уложил поперек кровати и рукой довольно жестко отшлепал. Это был первый и последний случай такой его экзекуции. Очень ясно помню свою обиду. Рассуждал я так: я ведь мог и не знать значения этих слов, меня, наивного простачка, взрослые пацаны подучили, а он, ничего не выяснив, сразу лупить, какая несправедливость!

Кто-то спрашивал, был ли Введенский религиозен? С полной определенностью могу сказать, что никаких внешних проявлений религиозности у него не было. Если бы что-либо было, я бы знал об этом, хотя бы от мамы, с которой мы не раз обсуждали эту тему.

⁸³ Мишиген — тот же сумасшедший (глупый) на идише.

Кто-то спрашивал, были ли у Введенского признаки высокой самооценки? Могу сказать, что внешне никакой — это и по моему собственному ощущению, и по отзывам других близких.

Точно знаю, что Введенский называл гениальным Зощенко.

Был беспомощен в быту. Видимо, роль «главы семьи» давалась ему трудно.

Хорошо запомнились часто употребляемые дома слова: договор, литфонд, УЗАП, аванс.

Сейчас мне предстоит трудный выбор: приводить или не приводить некоторые стихи Введенского. Тут такое дело, — многие поэты, в их числе и подлинные, плохие стихи и стихи о Сталине писали, каждый из них, по разным, исследованным специалистами-литературоведами причинам, в разных обстоятельствах. У Введенского тоже есть такие стихи. Я решил их привести: всё равно, рано или поздно, дотошные исследователи их обнаружат и напечатают, возможно, без привязки к месту, времени и обстоятельствам. Так я хоть предварю их своим предисловием.

Тут можно рассуждать об искреннем осознании Введенским необходимости своего вклада в борьбу с врагом, о неподдельном патриотизме — «Всё для фронта, всё для победы»; о том, что, по правде говоря, очень уж глубокие чувства в этих стихах не прослеживаются; о том, что, несмотря на неумение писать на такие темы, нельзя было отказываться, так как отказ был бы расценен как демонстративный. Пусть в этом разбираются психоаналитики и ученые люди.

Наталья Львовна Забила рассказывала, что стихи эти для авральных сборничков, которые издавались под ее руководством, Введенский писал, кажется, даже не в редакции, а в типографии, буквально на коленках, пока она, заставляя его их писать, стояла у него за спиной. Затем выхватывала и отправляла в верстку (так, кажется, это называется: технологии книгопечатания и ее терминов, в том числе замечательного слова «метранпаж», я не знаю). Между прочим, других недетских стихов на злобу дня у Введенского, похоже, нет. Короче, что было, то было. Стихи публиковались под именем Введенского, немцам вряд ли бы понравились, поэтому обвинения в том, что он не хотел эвакуироваться (см. ниже материалы Уголовного дела), хотя бы только по этой причине, совершенно безосновательны. Вот эти стихи, —

Слово вождя

Вождь говорил, а мы внимали
Словам и мудрым и простым.
Он говорил — великий Сталин,
И мы все были вместе с ним.

Над нашей мирною страной
Пробил суровый час войны.
Враги идут на нас войною,
Враги коварны и сильны.

Они свои расчеты строя,
Забыли только об одном:
Что мы живем в стране героев,
Что наша крепость — каждый дом.

Родные наши деревушки
Средь зеленеющих лугов
Пусть станут грозною ловушкой
Для обезумевших врагов.

Пусть всюду ждет врагов засада
И смерть врагу пусть каждый шлет,
Из-за деревьев густого сада,
Из тростников глухих болот.

Им не придется поживиться
Ни крошкой хлеба, ни зерна!
И сноп сожжет, коль надо, жница —
Так наша ненависть сильна!

Пусть в каждом доме, в каждой хате,
Пойдет на бой с врагом боец.
У нас и сил и воли хватит, —
И недалек врагов конец!

Что Гитлеру снится...

Гитлер спит. Бандиту снится
Сон, как солнце, золотой.
Нашей зреющей пшеницы
Тучный колос налитой.
Улыбается бандит,
Просыпается, глядит —

И теряет в страхе голос,
Потому что в этот миг
Видит он не спелый колос,
А советский острый штык.

Снятся Гитлеру заводы,
Шахты, вышки, рудники,
Паровозы, пароходы
И советские станки.
Улыбается бандит,
Просыпается, глядит —

И бледнеет, и трясется,
И лежит едва живой,
Потому что в небе вьется
Красный сокол боевой.

А еще бандиту снится
Наша красная Москва;
От такого сна кружится
У бандита голова.
Улыбается бандит,
Просыпается, глядит —

От могучего удара
Сон прошел у подлца.
Получай, бандит, подарок
От советского бойца⁸⁴.

⁸⁴ Оба стихотворения см. — Фронт и тыл. Библиотечка художественной литературы. Вперед, боевые полки! — Киев-Харьков, издательство «Радянський письменник», 1941. (Тираж 7000, подписано к печати 14-VII-41.)

Краткие примечания к газетным сообщениям

*Немецких солдат перед наступлением
поят водкой.*

— Пьяным море до колен! —
Так решил бандит-грабитель,
Мы ж такого, взявши в плен,
Отправляем в вытрезвитель!

*Для борьбы с парашютными десантами
созданы истребительные батальоны.*

Приготовлена площадка
для непрошенных гостей.
На такой площадке гладкой
не собрать гостям костей!

*За свою книгу «Моя борьба» Гитлер
получил миллион марок.*

Сей выродок — «наполеон»
за книжку получил мильон.
Оставим мы «наполеона»
без головы и без мильона^{<85>!}

Харьковские писатели эвакуировались в Алма-Ату. Многие подробно-сти об этом ниже, вместе с Уголовным делом Введенского. А сейчас — как всё это помнится мне.

Мы влезли в вагон поезда, как самые ушлые, конечно, последними. Нормальным, более или менее практичным людям не понять, как это можно было совершенно не быть готовыми к эвакуации. А наши, кажется, вообще толком не понимали, что происходит, что и как делать, как собираться, какая дорога предстоит. Об этом, кстати, свидетельствует и показания одного из клеветников (см. ниже материалы Уголовного дела), который заявил, что в дорогу это подозрительное семейство захватило лишь какой-то маленький чемодан и небольшой узелок. Вагон этот был, что и теперь так

Адольф Гитлер (Шикльгрубер, 1889—1945), политический деятель Германии, в 1933—1945 фюрер (вождь) и канцлер Третьего рейха, немец.

⁸⁵ Эти четверостишья см. — Фронт і тил. Бібліотечка художньої літератури. Грізний сміх / Упорядкувала Н. Забіла. — Київ-Харків, видавництво «Радянський письменник», 1941.

называется, плацкартным. Все проходы, думаю, более чем на метр от пола были забиты вещами. И дети, и вещи передавались через окна. Мама была больна. В вагоне была жара и духота. Мне запомнились проблемы с отправлением естественных надобностей, а у Петьки с этим делом всё ещё были большие сложности, подробно описывать это очень не хочется. Висел дух бедствия.

Начались разговоры о том, что на днях будет еще один эшелон, с которым можно будет уехать. У других людей дальше разговоров дело не пошло, а наша наивная семья в составе бабушки, мамы, Саши, Пети и меня, к моему возмущению, выгрузилась. Несмотря на мое малолетство, я чувствовал, что имеет место подстрекательство и подначка окружающих, — выгрузившись, мы всё-таки освобождали бы какое-то жизненное пространство: а то «приперлись тут последними» и заняли уже насиженные места (подобная атмосфера часто образуется во всяких присутственных местах, в тех же очередях, например). Я ужасно злился и ненавидел этих писателей и их жен: мне, конечно, очень хотелось отправиться в путешествие.

И еще одно важное обстоятельство: бабушкин младший сын Володя, студент, в это время был на окопах⁸⁶. Можно себе представить, какво было бабушке оставлять его одного в прифронтовом городе (впоследствии, перед приходом немцев, он ушел из Харькова пешком). Об этом свидетельствует полная отчаяния бабушкина записка сыну (она сохранилась благодаря тому, что была написана на обороте Володиной похвальной грамоты):

«20/9

Дорогой мой, любимый мальчик, я в огорчении, что не увидела тебя.

Вообще, Вовочка, мне легче умереть, чем так уезжать и бросить тебя. Одно меня утешало, что Саша останется, и вы будете вдвоем, а уже на станции в последнюю минуту он тоже решил ехать. У меня так сердце болит за тебя. Мне кажется, что у меня оторвали кусок меня самой. Что с тобой будет, как ты будешь жить. Думаю, что тебя куда-нибудь мобилизуют. Если же будут эвакуировать, то пробирайся к нам <...> Сыночек, будь здоров».

Наверное, записку она писала на вокзале, после того, как Саша решил тоже ехать; записку эту она, как видно, предполагала каким-то образом переправить домой, написав на ней и наш адрес. Уверен, что бабушка, сознательно или несознательно, оказала большое влияние на то, что мы остались.

⁸⁶ То есть — рыл окопы, тогда говорили «был на окопах».

Короче говоря, основными причинами, по которым мы не эвакуировались, полагаю, было три: мамина болезнь, нежелание бабушки оставлять сына и подстрекательство попутчиков. И это решение стало роковым в судьбе Введенского: может быть, алма-атинское НКВД и не стало бы им заниматься. Во всяком случае, шансов остаться в живых было бы больше, даже и при пресловутой 58-й (по уголовному кодексу УССР 54-й) статье, хотя, кто знает...

Апест. *C'est à l'aube*⁸⁷

На рассвете, все еще спали, — постучали. Мы вскочили. Вошли двое высоких в штатском. Вели себя спокойно, не агрессивно, даже доброжелательно. В доме были Саша, мама, бабушка, четырехлетний Петька и я. Я понимал, что происходит. Впечатление было такое, что их ждали, казалось, к их приходу были готовы. Все были внешне спокойны, чему я, семилетний, был удивлен. Ни во время обыска, ни при прощании не было слез, стояла тишина, все были сосредоточены, никто не разговаривал.

Ясно помню, и это одно из самых ярких впечатлений, что обыск сопровождался вываливанием на пол из ящиков шкафа множества бумаг — разных писем и Сашиных рукописей. Что они забрали, неизвестно. Но не могли же ничего не взять!⁸⁸

Эти люди закончили обыск, ни слова не говоря, вопросительно посмотрели на Сашу. Мы выстроились в первой комнате возле двери. Я стоял послед-

⁸⁷ На рассвете (*фр.*).

Из французского поэта Ф. Моно (Flavien Monod), перевод Давида Самойлова, —

На рассвете, на рассвете
Стонет раненый солдат,
И колодники не спят,
Им заказан путь назад <...>

Давид Самойлович (Самуилович) Самойлов (Кауфман, 1920—1990), поэт, переводчик.

⁸⁸ Между тем, на мои настойчивые запросы о том сохранилось ли что-нибудь, кроме тома Уголовного дела, «органы» Харькова и Казани отвечали отрицательно. На мой запрос, Управление службы безопасности Украины по Харьковской области 29 июля 1994 года сообщило: «<...> кроме архивного уголовного дела <...> других документов, в том числе рукописей и писем репрессированного, <...> не имеется. Передача материалов архивного уголовного дела в личную собственность, снятие ксерокопий с процессуальных документов, а также ограничение доступа к материалам архивных уголовных дел по ходатайствам близких родственников репрессированных законодательством не предусмотрено».

ним. Саша начал быстро холодно всех целовать. У меня в голове пронеслось: поцелует он меня или нет (видимо, тот инцидент с ругательством и экзекуцией произошел незадолго до этого). Поцеловал. Последним. И они вышли.

Мы все бросились во вторую комнату к окну: трое спокойно, не спеша, шли в сторону НКВД, до него рукой подать, метров сто.

Сохранилась записка Введенского, написанная перед этапированием:

«Милые, дорогие, любимые

Сегодня нас уводят из города

Люблю всех и крепко целую. Надеюсь,

что всё будет хорошо и мы

скоро увидимся.

Целую всех крепко, крепко

А особенно Галочку и Петеньку⁸⁹. Не забываете меня

Саша».

Записка эта представляет собой сложенный в двенадцать раз тетрадный лист в линейку, пожелтевший, в потеках. На внешней стороне, на одном из квадратиков, образовавшихся при сложении листа, — следующий, едва заметный, ранее никем не приводившийся карандашный текст: «Нашедшего прошу отправить на Совнаркомовскую 8 кв 4 Викторовой». Кто-то из публикаторов писал, что записка была выброшена Введенским из окна тюремного вагона жене и детям. Ничего подобного не было, никакой тюремный вагон мы не провожали. Смутно припоминаю, что записку принес нам какой-то мужчина. Видимо, Саша подбросил ее в дороге, добрый человек ее подобрал и принес к нам в дом.

Сохранилось мамино заявление:

«В приемную НКВД

Викторовой Г. Б.

Заявление.

Прошу принять вещевую и пищевую передачу для арестованного 27/IX-41 г. Введенского Александра Ивановича.

7/X-41 г».

Резолюция на заявлении:

«Нач. Внутр. тюрьмы.

Прошу принять вещевую передачу.

<Подпись>

13.X.41».

⁸⁹ Я долгое время вместо «Петеньку» прочитывал «Наталочку», чем ввел в заблуждение одного из литературоведов, о чем сожалею.

Сохранился список одежды, которую мама пыталась передать в тюрьму:
«Список вещей Введенскому А. И.

1. Свитер 1
2. Нижние рубашки 2
3. Верхние рубашки 3
4. Носки шелк. 5
5. Носки шерст. 1
6. Наволочки 1
7. Перчатки 1 пара»

Сейчас в доме на Совнаркомовской уютно расположилась библиотека «духовно-эзотерической литературы» Дома ученых. Часть помещений ученые сдали в аренду под стоматологический кабинет и какие-то офисы. Рядом с домом стоит, еженедельно обновляемый учеными, стенд с гороскопом⁹⁰. Наши комнаты перепланировали, сбили изразцы голландской печи. Исчезли родные запахи коммунальной квартиры. Ни ученые (читатели духовной литературы и гороскопа), ни зубные техники, ни конторщики знать не знают, ведать не ведают, какие события происходили здесь в те времена и что тут жил Поэт.

Уголовное дело.

**Введенский принимал Соколовскую за украинку,
хотя в действительности она по национальности еврейка**

Аделину Францевну Шметтерлинг <...>
казнить-повесить.

А. Введенский, «Елка у Ивановых»

В начале 1994 года Управление службы безопасности Украины по Харьковской области допустило меня к уголовному делу Введенского, которое я в несколько приемов переписал от руки. Переснял я и известную теперь тюремную фотографию фас и профиль. Я сомневался в своевременности публикации этих материалов. Однако, через шесть лет, в 2000 году, дело Введенского было частично опубликовано. Публикатор рассказал, что начитывал тексты на диктофон с последующей их расшифровкой с голоса.

⁹⁰ Гороскоп (гр. *horoskopos*, наблюдающий время) — таблица расположения светил в момент рождения человека, которую средневековые *астрологи* составляли для мистических предсказаний его судьбы. — Словарь иностранных слов. Москва, 1949.

Поэтому мой материал будет несколько отличаться, он значительно полнее, и сопровождается моими комментариями.

Хранить вечно

УССР

Народный комиссариат внутренних дел

Третье управление

Следственный отдел

Дело 148347^{<91>}

По обвинению Введенского Александра Ивановича по ст. 54-10 ч II Ук
УССР^{<92>}

Начато 26 сентября 1941 года

Окончено 31 января 1942 года

В I томах

⁹¹ Кроме этого основного номера, Дело имеет еще один, современный номер: 0-21820.

⁹² Статья 54¹⁰, ч. II Уголовного кодекса УССР того времени (в редакции 1927 года) идентична статье 58¹⁰, ч. II Уголовного кодекса РСФСР того времени (в редакции 1927 года), вот ее текст, —

«Особенная часть

Глава I

Контрреволюционные преступления

54¹⁰ Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 54²—54⁹), а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания, влекут за собою — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою — меры социальной защиты, указанные в ст. 54².

Из ст. 54²:

«<...> — высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР навсегда с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества».

Протокол допроса

Свидетеля Дворчик Михаил Абрамовича

1903 г. р. уроженец с. Листвянка, б/Мариупольского уезда, по национальности еврея, гр-ва СССР, б/п, не судимого, с неоконченным высшим образованием, проживает в гор. Харькове, по ул. Киевской № 17, кв 2, работает в должности директора художественного фонда.

От 22 сентября 1941 года

О содержании ст. 89 УК УССР свидетель предупрежден.

Вопрос: Знаете ли Вы писателя Введенского Александра Ивановича?

Ответ: С писателем Введенским Александром Ивановичем, лично я знаком примерно 3—4 месяца.

Вопрос: Известно ли Вам соцпроисхожд. Введенского А. И.?

Ответ: Бухгалтер худож. Фонда Соколовская Эмма Михайловна около месяца тому назад рассказала мне, что Введенский в беседе с ней назвал себя дворянином. Лично мне соцпроисхождение Введенского неизвестно.

Вопрос: Расскажите какие факты антисоветских проявлений Вам известны со стороны Введенского?

Ответ: Приблизительно около месяца тому назад, когда немецко-фашист. войска подошли к правому берегу реки Днепр, упомянутая мною выше Соколовская, передала мне содержание ее разговора с Введенским.

В этой беседе Введенский поделился с Соколовской, что в случае угрозы занятия противником гор. Харькова, он никуда выезжать не собирается, т. к. он по происхождению дворянин и по этому не опасается каких либо репрессий со стороны немцев.

В этой беседе Введенский принимая Соколовскую за украинку, хотя в действительности она по национальности еврейка, рекомендовал Соколовской добыть какие-либо документы, которые удостоверяли ее буржуазное происхождение и также не эвакуироваться из Харькова, в случае угрозы занятия его войсками противника. Лично я никаких антисоветских выражений от Введенского не слышал.

Вопрос: Проживает ли в настоящее время гр-ка Соколовская в гор. Харькове?

Ответ: Соколовская 19.IX.41 года эвакуировалась из г. Харькова в Ташкент или Алма-Ату.

Вопрос: Кто еще может подтвердить изложенные факты антисов. проявлений со стороны Введенского?

Ответ: Я затрудняюсь ответить на этот вопрос, т. к. почти все сотрудники худож. Фонда из гор. Харькова эвакуированы. Возможно, что указанные мною факты антисоветских проявлений известны Наталии Львовне Забило⁹³. Если она не выехала, то ее можно допросить о Введенском.

Протокол записан с моих слов верно, мною прочитан, в чем я расписываюсь.

Дворчик

Допросил:

Ст. оперуполномоченный II отд. III упр.

Сержант госбезопасности

Богуславский

Форма № 2⁹⁴

«УТВЕРЖДАЮ»

ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ

ДЕЛ УССР

МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Савченко

26 сент. 194 г.

Арест санкционирую

Пом ПРОКУРОР УССР

<Подпись без расшифровки>

27 сентября 1941 г.

Постановление (об избрании меры пресечения)

Харьков « » сентября 1941 г. Я, — ст. Оперуполномоченный 2 отдела 3 Управления НКВД УССР — Сержант Госбезопасности Богуславский

рассмотрев поступившие в НКВД материалы о преступной деятельности:
Указать фамилию *ВВЕДЕНСКИЙ*

⁹³ Фамилия искажена. Речь идет о Забиле.

⁹⁴ В тех случаях, когда у меня имеются оригиналы документов или их ксерокопии, тексты бланков я печатаю обычным шрифтом, а вписанные или печатанные тексты — курсивом. Это относится и ко всем последующим документам.

Ксерокопия данного документа слева и справа местами не допечатана.

Имя и отчество *Александр Иванович*
Год рождения *1904*
Профессия и специальность *писатель*
Место работы и должность

Место рождения

парт. *беспартийный*
нац. *русский* гр-во *СССР*

Образование
Семейное положение *женат*

Адрес *г. Харьков, Совнаркомовская ул. Дом № 8, кв. 2^{<95>}*

НАШЕЛ: что *ВВЕДЕНСКИЙ А. И.* подозревается в преступлениях, предусмотренных *54¹⁰ ч. II ст. УК УССР* и принимая во внимание, что *ВВЕДЕНСКИЙ А. И.*

находясь на свободе может *уклониться от следствия и суда.*

Руководствуясь ст.143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда *в отношении ВВЕДЕНСКОГО Александра Ивановича* избрать содержание под стражей, о чем объявить арестованному под расписку <...>

В соответствии со ст. 144 УПК УССР, копию постановления направить Прокурор <...> начальнику тюрьмы для приобщения к личному тюремному делу.

СТ О/УПОЛНОМОЧ 2 ОТДЕЛА 3 УПР НКВД УССР
за Сержант Госбезопасности

<Подпись>

НАЧ 2 ОТДЕЛА 3 УПР НКВД УССР
Лейтенант Госбезопасности

Герсонский

«Согласен» Начальник 3 УПР НКВД УССР
Ст. Лейтенант Госбезопасности

Медведев

Настоящее постановления мне объявлено « » 194 г

⁹⁵ Номер квартиры указан неправильно. Правильно — 4.

«Утверждаю»
Зам. наркома внутр. дел УССР
Майор госбезопасности
Савченко

26 сентября 1941 г.

«Арест санкционирую»
Пом. прокурор УССР

27 сентября 1941 г.

Постановление (на арест)

Гор. Харьков

1941 года, сентября, 26 дня

Я — ст. оперуполномоченный 2 отдела 3 управления НКВД УССР — сержант Госбезопасности Богуславский, рассмотрев материалы о преступной деятельности Введенского Александра Ивановича — 1904 года рождения, происходит из дворян, жена также из дворянской семьи, отбывал 3-х летнее заключение за к-р деятельность, имеет репрессированных родственников^{<96>}, беспартийный, русский, гр-ва СССР, женат, по профессии писатель, проживает в гор. Харькове по ул. Совнаркомовской № 8 кв. 4, —

нашел:

что Введенский А. И., будучи антисоветски настроен, проводил в кругу сослуживцев профашистскую агитацию, высказывал намерение остаться в гор. Харькове в случае занятия его войсками противника.

Допрошенный 22.IX-41 года свид. Дворчик об этом показал следующее:

«...Введенский поделился с Соколовской^{<97>} о том, что в случае угрозы занятия противником гор. Харькова, он никуда выезжать не собирается, так как он по происхождению дворянин и поэтому не опасается репрессий со стороны немцев...»

«...В этой же беседе Введенский рекомендовал Соколовской добыть документы, удостоверявшие бы ее буржуазное происхождение и также не эвакуироваться из Харькова...»

На основании изложенного и руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР,

Постановил:

Мерой пресечения уклонения от следствия и суда Введенского Александра Ивановича — избрать содержание под стражей, подвергнув обыску и аресту.

⁹⁶ Кроме родственников жены, был в свое время репрессирован и брат Александра Ивановича — Владимир Иванович Введенский (1906—1971), адвокат.

⁹⁷ Каких-либо сведений о Дворчике и Соколовской у меня нет. Я их и не искал...

Ст. о/уполном. 2 отдела 3 упр НКВД УССР
Сержант госбезопасности

(Богуславский)

Нач. 2 отдела 3 упр НКВД УССР
Лейтенант госбезопасности

(Герсонский)

«Согласны» —
Зам. Нач. 3 управления НКВД УССР
Ст. лейтенант госбезопасности

Медведев

УССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Талон ордера № 22

«27» сентября 194 1 г.

Нач. внутренней тюрьмы НКГБ УССР

Примите арестованного *Введенского Александра Ивановича*
Зачислите содержанием за
Справка

НКГБ

Народный Комиссар Государственной
Безопасности УССР

<Подпись>

Нач. третьего отдела НКГБ

<Подпись>

Приложение [494]

<Из анкеты арестованного

Образование	Неоконченное высшее Учился в трех институтах Разновременно по году и пол года в каждом
Социальное происхождение	Отец был экономистом. Имел чин личного дворянина. Мать врач гинеколог
Категория воинского учета (запаса)	Рядовой запаса II категории.
Отец	Введенский Иван Викторович ^[98] умер в 1939 году
Мать	Введенская Евгения Ивановна ^[99] умерла в 1935 году
Жена	Викторова Анна ^[100] Борисовна 27 лет домохозяйка живет со мной
Дети	Викторов Борис Александрович 7 лет Введенский Петр Александрович 4 года 27 сентября 1941 года>

<Из протокола обыска

27 сентября 1941 г.

Понятая Викторова Е. В.^[101]

Изыято: паспорт, военный билет, членский билет ССП, Справка президиума Верх — Совета о снятии судимости^[102], три справки об эвакуации^[103]>

⁹⁸ Иван Викторович Введенский (1870—1939), окончил юридический факультет Императорского университета Св. Владимира в Киеве и Киевское пехотное юнкерское училище. После революции работал экономистом.

⁹⁹ Евгения Ивановна Введенская, урожденная Поволоцкая (1876—1935), врач-гинеколог.

¹⁰⁰ Правильно Галина, по некоторым документам Анна (путаница из-за украинизмов: Галина-Ганна-Анна); правильно 28 лет.

¹⁰¹ Понятая — теща.

¹⁰² Имеется в виду судимость 1932 года.

¹⁰³ В 1994 году Управлением службы безопасности Украины по Харьковской области документы мне возвращены.

Ценности и вещи арестованного

27.IX.1941

Копия квит. № 939

Наименование

Ремень узкий 1 шт

Галстучек 1 шт

Резинок 1 пара

Запонки 2 шт

Квитанцию получил на руки

<Подпись>

А. Введенский

Талон квитанции № 1056 27.IX.1941

Изъято на руб 199—70

Квитанцию получил

<Подпись>

А. Введенский

Протокол личного обыска

27.IX.1941

Я дежурный надзиратель Кайдалов

Сего числа произвел обыск арестованного Введенский Александр Иванович.

При обыске обнаружено:

денег 199 р 70 к

ремень узкий 1 шт

галстучек 1 шт

резинки 1 пара

запонки 2 шт

Обыскавший

<Подпись>

Отобранные вещи в протокол занесены правильно

Арестованный

<Подпись>

А. Введенский

«Утверждаю»

Начальник следотделения 3 управления
НКВД УССР — лейтенант госбезопасности

(Носков)

28 сентября 1941 года

Постановление

гор. Харьков, «28» сентября 1941 года.

Я, Ст. следователь 3-го Управления, НКВД УССР — сержант госбезопасности Дубок, рассмотрев следдело № 148347 по обвинению Введенского Александра Ивановича, 1894^{<104>} года рождения, писателя, жителя г. Харькова, —

Нашел:

По настоящему следделу необходимо провести ряд следственных действий, а посему руководствуясь ст. ст. 93 п. 2 и 108 УПК УССР, —

Постановил:

Следдело по обвинению Введенского Александра Ивановича принять к своему производству, о чем известить Прокурора УССР, —

Ст. Следователь следотделения 3 УПР. НКВД УССР

Сержант Госбезопасности

(Дубок)

<Дактилоскопия

Составлена 29.IX.1941 г.>

<Фотография

Фас, профиль>

¹⁰⁴ Так в тексте (год рождения Введенского 1904).

Протокол допроса

обвиняемого Введенского Александра Ивановича
от 29 сентября 1941 г.

<Рука следователя

Следуют анкетные данные, среди них —

Состав семьи:

Жена и двое детей.

Каким репрессиям подвергался:

В 1932 году был судим по ст. 58—10 УК РСФСР. Осужден к 3 годам ссылки, минус 12 городов. В 1935 году судимость снята^[105].

Рядовой запаса>

Допрос начат в 20¹⁵

Вкратце о причине моего не выезда из г. Харькова могу рассказать следующее:

Поезд, которым выехала группа писателей, где должен был ехать и я ушел из Харькова 20 сентября с. г. в субботу. Я не уехал по следующей причине: Еще за дня два-три до отъезда писателей была создана группа в 10 человек, куда входил и я, — которая должна была остаться для работы по указаниям ЦК КПБУ и ОК КПБУ. В субботу, т. е. 20 сентября утром мне прислали записку из союза писателей с тем чтобы я подготовил семью к эвакуации, т. к. поезд уходит в 12 часов дня. Я пришел в Союз писателей и начал спрашивать Смолича^{<106>}, Забиллы^{<107>} и Юхвида^{<108>}, как мне быть, ехать или нет! Юхвид ничего конкретного не ответил, а Смолич и Забилла сказали, что группа которая должна остаться — останется. Присутствовавший в Союзе писателей работник Обкома КПБУ <фамилия написа-

¹⁰⁵ На самом деле судимость снята в 1936 году (постановление Президиума ЦИК СССР от 27 мая 1936 года).

¹⁰⁶ Юрий Корнеевич Смолич (1900—1976), украинский прозаик. В то время ответственный секретарь Харьковского областного правления Союза писателей Украины.

¹⁰⁷ Следователи, каждый по-своему, постоянно искажают фамилию Забилы.

¹⁰⁸ Юхвид в то время Секретарь парторганизации Харьковского областного правления Союза писателей Украины.

на неразборчиво»^{<109>} который раздавал посадочные талоны в эшелон, на мой вопрос оставаться ли мне ответил «оставайтесь, работа найдется». После непродолжительной с ним беседы по этому вопросу он мне также выдал посадочный талон. К 12 часам дня я совместно с женой, тещей и детьми был на вокзале, но вагонов еще не было. Когда я прибыл на вокзал меня начали уговаривать писатель Владко^{<110>} и художник Шавыкин — муж Забиллы чтобы я уехал, а сама Забилла говорила, чтоб я остался. Поскольку эшелона еще не было, а я не имел при себе паспорта^{<111>}, т. к. сдал его на прописку и кроме того должен был еще получить немного денег, — я ушел в город сделать это — т. е. забрать паспорт и получить деньги. На вокзал я пришел часам к шести вечера. Эшелон еще стоял и семья моя была погружена в вагон.

Когда я пришел, некоторые хотели выйти с вагона и не ехать, т. к. было очень тесно. В частности хотела выйти и Забилла. Затем начали выходить мои — теща, жена и дети. Я через окно вынул все вещи и моя семья вышла из вагона, при чем два мои места так и остались в вагоне^{<112>}.

Из числа писателей, которые должны были ехать этим вагоном — кроме меня никто не вышел, — все поехали, но как я говорил уже хотела сойти Забилла, но не сошла, т. к. не могла достать вещи. Таким образом, я и моя семья из г. Харькова не уехали. Причем присутствовавшая при моем пребывании на вокзале директор издательства «Мистецтво» Калекина^{<113>} сказала, что я буду работать в этом издательстве и если оно будет эвакуироваться, — я уеду с ними. До моего отъезда это издательство никуда не эвакуировалось. Дополняю это прийдя в 6 часов вечера на вокзал я уже зашел в вагон, но затем вышел, т. к. семья захотела выходить.

Вставленному «Мистецтво» верить.

¹⁰⁹ Впечатление такое, что неразборчиво фамилия написана нарочито: не поминай партийных работников всуе.

¹¹⁰ Владимир Николаевич Владко (1900—1974), украинский прозаик.

¹¹¹ В паспорте, который мне отдали «органы», написано: дата выдачи 18/IX-41г. Только не от мира сего обзриут мог позволить себе в столь драматическое время не иметь исправного паспорта!

¹¹² Нельзя исключать того, что среди этих «мест» могли находиться и какие-то рукописи Введенского, и какие-то письма.

С письмами и рукописями мы никогда не расставались: во время оккупации нам пришлось пережить несколько переездов (с помощью ручной тележки, саночек), точнее переходов, из одного места жительства на другое, но рукописи и письма всегда были с нами. С переносами чемоданчиков с рукописями, письмами и книжками двум женщинам с двумя детьми в оккупированном Харькове было так же трудно, как и Якову Семеновичу Друскину в блокадном Ленинграде с рукописями Хармса.

¹¹³ Каких-либо сведений о Калекиной у меня нет.

Протокол с моих слов записан верно, лично мной прочитан, в чем и расписываюсь:

А. Введенский

Допрос прерван в 22³⁵.

Допросил:

Ст. следователь 3-го упр. Службы безопасности НКВД УССР
Сержант госбезопасности

Дубок

Протокол допроса

обвиняемого Введенского Александра Ивановича от 6 октября 1941 года

Допрос начат в 24-00

Вопрос: Расскажите подробно из какой социальной среды происходит Ваша жена и где в настоящее время ее родственники?

Ответ: Отец моей жены Викторов был видным инженером. Занимал ответственные посты на строительстве Днепротеса и на строительстве г. Комсомольска.

В 1937 году он арестован и дальнейшая его судьба мне не известна. Арестован он был органами НКВД. Был членом ВКПб. Институт он кончил кажется до Октябрьской революции. Сам отец ее — по происхождению из небогатой семьи. Всё это мне известно со слов. Родная ее мать очень долгое время работала в институте переливания крови медсестрой. Так работала и по день моего ареста. Когда я собирался уезжать из Харькова — она рассчиталась, а когда мы не поехали — она снова поступила на работу туда же.

Мать жены происходит из семьи обрусевших англичан. Ее отец — был моряком.

Отец моей жены — женился на другой женщине¹¹⁴, которая также некоторое время была арестована, а затем вскоре была освобождена.

¹¹⁴ Мария Ивановна Романовская, в 1937 году была арестована, вскоре отпущена. Ее московский адрес в те времена: Большой Левшинский переулок, дом 8/1, квартира 16.

Вообще должен сказать, что женился я в 1936 году и отца жены знаю мало. Жена имеет двух родных братьев. Один из них в этом году окончил Харьковский строительный институт, а второй до дня моего ареста учился в Харьковском технологическом институте.

Со слов моей тещи — у нее был брат проживавший в Эстонии. Этот брат якобы приезжал в СССР в 1925—1926 году или же она от него получила последнее письмо в 1925—1926 году. Точно я об этом сказать не могу. За то время, которое она живет со мной с этим братом теща никаких связей не имела.

Другого о родственниках моей жены я ничего не знаю.

Вопрос: Вы с женой договаривались, что не поедете с тем эшелоном на который у Вас был посадочный талон или она сама с тещей решили не ехать?

Ответ: Когда мы шли с женой, тещей и детьми на вокзал, мы договорились, что я их отправляю, а сам остаюсь в г. Харькове. Однако посадочный талон был и на меня. О том, что я еду было решено на вокзале и жена этому очень обрадовалась.

Когда я в 6 часов вечера пришел на вокзал — моя теща и жена уже собирались выходить из вагона.

Когда теща меня увидела, она мне сказала, что они выходят, а затем я уже принимал вещи и детей.

Как я уже показывал в предыдущем протоколе допроса — два места моих вещей так и остались в вагоне.

Причем инициатива о том, что нужно сходить принадлежала Забилле и Смоличу. О том, что Забилла собиралась сходить я лично слышал, а о том что хотел сходить Смолич мне сказала жена. Хочу также сказать, что когда я днем уходил с вокзала — то все документы на проезд и деньги были у тещи. Это я сделал потому что на случай если бы я уже не застал поезда — у них были бы документы и деньги, а там я сумел бы выехать.

Вопрос: На предыдущем допросе Вы показали, что когда днем Вы пришли на вокзал с семьей — Вас начали уговаривать Владко и Шавыкин чтобы Вы уезжали вместе с ними. Чем это объяснить?

Ответ: Еще раз заявляю, что когда я провожал семью на вокзал — решено было, что я не еду. Тем более, что у меня не было паспорта и всё таки мне сказали, хотя и не твердо, что я должен остаться работать в Харькове. Когда я пришел на вокзал Владко и Шавыкин, а также моя жена стали меня уговаривать ехать с ними. Мне жалко было расставаться с семьей, а к тому же вопрос о моей работе твердо не был решен и поэтому я согласился уехать с ними. Когда уже вместе с семьей в 6 часов вечера вышел из вагона, мне директор издательства «Мистецтво» Калекина обещала, что я буду у них работать и она обеспечит мне выезд с Харькова вместе с их работниками. В отношении моей семьи — она мне не обещала что сможет обеспечить ее выезд. Когда мы возвратились с вокзала до-

мой — положение в Харькове улучшилось, и те сведения, которые мне приходилось слышать о положении на фронте говорили что противник отброшен дальше от Харькова чем был он несколько дней перед этим.

Поэтому мы о выезде остро вопрос не ставили, а решили что может быть не придется совсем уезжать.

В крайнем случае было решено, что если всем не удастся выехать — то семья останется в Харькове, а я один уеду, т. к. вся моя работа которую выпускал и которая была направлена против немцев — была подписана моей фамилией^{<115>}.

Я лично и жена рассчитывали, что на случай, если немцы займут Харьков, — они может быть семью не тронут, т. к. все они русские и живут не на моей фамилии. До момента моего ареста о выезде моей семьи мы конкретно еще не решили.

Вопрос: Знаете ли Вы Соколовскую Эмму Михайловну и если знаете, то расскажите что Вы говорили с ней по вопросу Вашего выезда с Харькова?

Ответ: Да, Соколовскую Эмму Михайловну я знаю. Это бухгалтер художественного фонда. Что я с ней говорил о моем выезде из Харькова я точно не припомню. Знаю, что она еще в августе месяце говорила мне, что в нее где-то, кажется в Ташкенте, есть родственники и что она соглашалась взять с собой всю мою семью. Но поскольку вопрос о выезде так конкретно не стоял — я с ней и не договаривался об этом. Больше об эвакуации моей семьи и меня из Харькова — я с ней не говорил. Видел я ее за несколько дней до того, как должен был ехать, — т. е. числа 18—19 сентября, но с ней тогда ни о чем не говорил, т. к. она собиралась уезжать.

Протокол с моих слов записан верно, лично мной прочитан, в чем и расписываюсь.

А. Введенский

Допрос прерван в 2¹⁰

Допросил:

Ст. следователь 3-го упр. НКВД УССР

Сержант госбезопасности

Дубок

¹¹⁵ Это действительно так (см. выше стихи из сборников «Фронт и тыл», а также показания Натальи Львовны Забины в протоколе допроса от 6 марта 1964 года, которые даны ею при прокурорской проверке дела, приведены ниже). Ему никак нельзя было оставаться, хотя бы по этой причине.

Показания обвиняемого

Введенского Александра Ивановича

10 октября 1941 г.

Допрос начат в 21⁵⁰

Вопрос: Знаете ли Вы Дворчик Михаил Абрамовича, как сколько и какие между Вами были взаимоотношения?

Ответ: Да, Дворчик Михаил Абрамовича я знаю как директора художественного фонда. Мне с ним приходилось сталкиваться как писателю, т. к. мои книги у них печатались. Никаких споров с ним я не имел и отношения между нами были нормальные.

Приходилось с ним спорить в отношении гонорара за печатаемые ими мои труды. Личных отношений у меня с ним не было.

Вопрос: А какие у Вас были отношения с Соколовской Эммой Михайловной?

Ответ: С Соколовской Эммой Михайловной у меня отношения были нормальные. Каких либо споров с ней я не имел. Когда приходилось с ней разговаривать — вели разговор по-хорошему.

Вопрос: Вам зачитываю показания Соколовской¹¹⁶ о том, что Вы в разговоре с ней заявили что с Харькова, на случай занятия его немцами Вы никуда не будете уезжать т. к. Вы по происхождению дворянин и поэтому никаких репрессий со стороны немцев Вы не боитесь.

Вы подтверждаете показания Соколовской?

Ответ: Такого разговора с Соколовской у меня не было и поэтому она говорит неправду. О занятии Харькова в августе месяце (а разговор у меня с ней был в августе) не было и речи. Я лично опасался репрессий со стороны немцев.

Поскольку у меня была мысль, что моя семья останется в Харькове и на случай занятия его немцами — я допускал, что я мог при ней сказать, что может быть мою семью не тронут. Однако, я не помню, чтобы я Соколовской об этом говорил. Я еще хочу сказать, что разговор с ней у меня был в здании худфонда и конечно я не мог в учреждении говорить такие слова.

Вопрос: Соколовская также заявляет, что Вы лично ей предлагали достать документы, удостоверяющие ее буржуазное происхождение — тогда немцы ее также не будут трогать. Это показание Соколовской Вы подтверждаете?

¹¹⁶ Показаний Соколовской в Уголовном деле нет.

Ответ: Соколовская говорит неправду. Я никогда с ней такого разговора не имел и в этом случае она также говорит неправду. Я ей никогда не предлагал остаться в Харькове и тем более не предлагал доставать документы о ее буржуазном прошлом. О ее происхождении мне также не известно.

Вопрос: Расскажите с каким майором Красной армии Вы разговаривали по вопросу выезда Вашей семьи из Харькова?

Ответ: У моей жены был один знакомый майор Красной армии по фамилии Курбатов¹¹⁷. С ним она познакомилась еще будучи в Ленинграде. Здесь в Харькове она с ним случайно встретилась в первой половине августа. В этот же период я с женой зашли к подруге жены — Зеленской Эвнике Львовне¹¹⁸ и там встретили этого майора, где я впервые с ним познакомился. Он мне объяснил, что он по специальности радист. Когда я у него спросил — разве может быть майор радистом, — он сказал, что он руководит радиосвязью или радиочастями, что их задачей является ловить все передачи в эфире и расшифровывать их. После этого раза, он в одном из разговоров с моей женой и Зеленской посоветовал им не уезжать из Харькова, т. к. еще не известно или Харьков будут сдавать, кроме того сам выезд с Харькова связан с многими трудностями и лишениями, тем более когда ехать с детьми.

Он также сказал им, что немцы не со всеми жителями расправляются, и то что пишет наша печать о зверствах немцев не совсем отвечает действительности.

Узнав, что я с семьей возвратился с поезда и не выехал — он одобрил наше решение. Причем хочу сказать, что в отношении лично меня — он также считал, что мне необходимо будет на случай оставления нашими частями Харькова — уехать отсюда. О разговоре Курбатова с моей женой и Зеленской по поводу того, что он им советовал не выезжать из Харькова — мне передала жена. Я лично с ним на эту тему не говорил.

¹¹⁷ Майора Курбатова я неплохо помню, видимо, командиры Красной армии вызывали у детей повышенный интерес. Почему-то я называл его (за глаза) «господин майор Курбатов». Впоследствии, анализируя обстоятельства ареста Введенского, мы с мамой приписывали ему во всем этом какую-то зловещую роль. Однако, после знакомства с уголовным делом, у меня подозрения о такой его роли ослабли. Но всё же появление имени Курбатова в материалах Уголовного дела непонятно. Возможно, хотя и маловероятно, он был провокатором, а возможно сам был репрессирован, и в числе своих знакомых назвал имена членов нашей семьи. Из дальнейших показаний Введенского можно сделать вывод о какой-то странной трепливости Курбатова, совершенно не свойственной майорам, да еще в военное время. Кто его знает, кем он был?

¹¹⁸ Эвника Львовна Зеленская (1914—2000), адвокат, давняя подруга Г. Б. Викторовой. В дружбе состояли и их родители. Отец Эвники Львовны, Лев Абрамович Зеленский, в тридцатые годы был репрессирован НКВД и расстрелян.

Протокол с моих слов записан верно, лично мной прочитан, в чем и расписываюсь.

А. Введенский

Допросил:

Ст. следователь 3-го управ. НКВД УССР

Сержант госбезопасности

Дубок

Протокол допроса

11 октября 1941 года

Плахтин Иван Алексеевич^{<119>}

Год рождения — 1907, место рождения — ст. Дебальцево Северо-Донецкой ж-д, национальность — украинец, из рабочих, член ВКПб, образование высшее, место жительства — г. Харьков, — дом «Слово» — кв. 14. Зав. сектором Облрадиокомитета

Вопрос: Знаете ли Вы писателя Введенского Александра Ивановича?

Ответ: Писателя Введенского А. И. я знаю примерно с 1937 года, т. е. с момента его приезда в Харьков из Москвы.

Вопрос: Что Вам известно об антисоветской деятельности Введенского и его социальном прошлом?

Ответ: Соцпроисхождение Введенского я не знаю. Со слов других членов Союза писателей мне известно, что Введенский в прошлом судим к 10 годам лишения свободы за к-р деятельность. По вопросу нынешней антисоветской деятельности Введенского могу показать следующее.

¹¹⁹ Иван Алексеевич Плахтин (1907—1985), украинский прозаик, драматург. Окончил литературный факультет Харьковского университета. Работал в Харьковском радиокомитете. Впоследствии работал ответственным секретарем альманаха «Харків»; в Гослитиздате Украины; главным редактором Херсонского книжно-газетного издательства; заведующим литературной частью Херсонского музыкально-драматического театра. В сокоповые годы, находясь в Харькове, прославился активной борьбой с космополитизмом.

19—20 сентября 1941 г. в связи с приближением линии фронта, по решению правительства была начата эвакуация населения г. Харькова.

20 сентября 1941 г. были получены эвакуационные документы для большой группы членов Союза советских писателей, находившихся в Харькове.

В числе прочих получил эвакуационные документы также и Введенский А. И.

Утром 20 числа я и дворник дома «Слово» Киченко^{<120>} и еще несколько человек подъехали автомашиной к дому, где проживал Введенский с тем, чтобы захватить его с женой и их вещи для поездки на вокзал.

Жены Введенского дома не оказалось, хотя он заранее знал о предстоящем выезде и сам Введенский с растерянным видом вынес маленький чемодан и небольшой узелок и уехал с нами. Позже на вокзал самостоятельно прибыла также жена Введенского.

Уже то обстоятельство, что Введенский по сути не берет с собой вещей, его растерянность, вызвали во мне сомнение в искренности желания Введенского эвакуироваться из Харькова.

Так впоследствии и оказалось. Погрузив вещи и усадив в вагон жену, Введенский вскоре же высадил жену обратно на платформу и забрав свой чемоданчик и узелок возвратились в Харьков мотивируя тем, что не могут ехать в таких условиях. Большая группа писателей в этот день выехала, а Введенский остался в Харькове.

Другими словами Введенский не собирался эвакуироваться из Харькова, а наоборот имел намерение оставаться даже в случае угрозы занятия города войсками противника, как это было в период начала эвакуации.

И это свое намерение Введенский осуществил, но был арестован. Хочу добавить, что Введенский был пассивен в общественной жизни Союза писателей^{<121>}.

¹²⁰ Антон Киченко, дворник, гроза писательских детей, жил с семьей в цокольном этаже дома «Слово».

¹²¹ Бросается в глаза острая неприязнь и искреннее раздражение Плахтина. Видимо, в его глазах поведение Введенского это потрясение основ миропонимания прагматика — что за гордыня? Какой-то чемоданчик и узелок, притом, что все писатели берут с собой неподъемное количество вещей. Понять Плахтина в чем-то можно — ему, выжиге, поведение обэриутского семейства чуждо и подозрительно, он не может себе представить, чтобы нормальные люди так бездарно подготовились к дальней дороге, может, он и в самом деле был убежден, что мы не собирались никуда уезжать. Для него Введенский воистину классовый враг! Интересно, что, видимо, для придания своим описаниям большей убедительности, о пожилой теще и малолетних детях он не упоминает, — во всем участвуют, как бы, только здоровые и молодые муж и жена. Ну а последняя фраза допроса, произнесенная, можно сказать, *post festum*, — гениальна! Ну, очень захотелось ее добавить. Ну, почувствовал мужик

Допросил:
Ст. оперуполномоченный 3 упр. НКВД УССР
Сержант госбезопасности

Богуславский

Протокол допроса

11 октября 1941

Следователь Дубок
допросил в качестве свидетеля Викторова Анна Борисовна

Рожд. 1913 г., иждивенка мужа — писателя, отец был инженером-строителем, закончила газетный техникум в г. Харькове в 1933 г.

О содержании ст. 89 УК УССР предупреждена.

По вопросу нашего выезда с г. Харькова могу сказать следующее: За несколько дней до того как мы должны были ехать с Х-ва мой муж Введенский Александр Иванович сказал, что он в числе 10 человек писателей должен остаться в Харькове для работы в газетах, и другой литературной деятельности и мы решили что я с детьми уеду раньше, а он поедет позже.

Приблизительно 20 или 21 сент. ко мне на квартиру позвонил писатель Смолич и спросил готова ли я уезжать.

Я ответила, что не готова. Тогда он сказал, чтобы я приготовилась на следующий день. Действительно на след. день нас предупредили о том, что мы будем уезжать, а затем приехала машина из Союза писателей, мы погрузили свои вещи и машина поехала на вокзал. Сами мы приехали на вокзал позже. Муж не собирался с нами уезжать, т. к. он должен был, как я указала выше, остаться в Харькове. Моя мать тоже не решила — будет ли она уезжать, т. к. она хотела дожидаться сына — т. е. моего брата, который был на окопах и не возвратился еще к тому времени в Х-в. Затем муж с вокзала снова возвратил-

такую подсознательную потребность. Интересно, возьмется ли кто-нибудь значение этой фразы и ее подтекст, объяснить человеку, никогда не жившему в СССР? Хорошо помню, что после войны, встречая Плахтина во дворе дома «Слово», а я общался с его сыновьями, ловил на себе его странные пристальные взгляды. Интересно, о чем он думал, страдал ли он, вспоминая свои свидетельские показания? Показания Плахтина вызывают у меня большее отвращение, чем даже показания Дворчика.

ся в город, где он должен был в издательстве «Мистецтво» получить деньги, т. к. у нас было очень мало денег. Никаких посадочных талонов он мне не давал¹²². Через несколько часов пришел муж и влез у вагон с другой стороны, — о чем мне сказал писатель Шовкопляс¹²³, который стоял у окна. Поскольку у вагоне было исключительно тесно, я лично сама решила, что я не поеду и начала выбрасывать вещи из вагона через окно, а затем и сама слезла с детьми. Я просила Шовкопляса и Трублаини¹²⁴ чтобы они передали мужу что я слезаю и муж также сошел¹²⁵. Два моих места так я и не смогла выбросить и они остались в вагоне. Последнее время у меня почти каждый день бывали припадки т. к. я болею эпилепсией и когда я увидела что в вагоне очень тесно я не хотела чтобы у меня в таких условиях случился припадок¹²⁶.

По приезде домой муж мне сказал, что изд. «Мистецтво» обещает, что он сможет уехать вместе с ними, а семье выезд они не обещали.

Тогда мы с мужем договорились, если это будет так — то он уедет, а я с детьми останусь в Харькове даже на случай прихода сюда немцев.

Мы считали, что поскольку я никакой активной деятельностью при Сов. власти не занималась, а почти всё время была домохозяйкой — может быть немцы меня не тронут, помню, что я лично еще говорила мужу, что я смогу немцам сказать, что Сов. власть арестовала моего отца и это может быть также будет одной из причин к тому что немцы меня не тронут.

Муж же при всех обстоятельствах должен был уехать с Харькова.

Вопрос: Как и сколько Вы знаете Курбатова и кто он такой?

Ответ: Курбатов — это командир РККА, звание у него майор, по специальности радист. С ним я познакомилась приблизительно в августе месяца в г. Харькове в гостинице Красной¹²⁷. Он раза три был у нас дома, а так

¹²² Документы на проезд и деньги были у бабушки (см. протокол допроса А. И. Введенского от 6 октября 1941 года).

¹²³ Юрий Юрьевич Шовкопляс (1903—1978), украинский прозаик.

¹²⁴ Николай Петрович Трублаини (Трублаевский, 1907—1941, погиб на фронте), украинский прозаик.

¹²⁵ В вагоне было настолько тесно, он так был забит вещами, что пришлось общаться через кого-то.

¹²⁶ Это у нее началось после сотрясения мозга в связи с падением. Я научился очень рано плавать, мама плавала много и хорошо, с самого моего раннего возраста, лет с шести, и всю жизнь, я всегда старался плыть с ней рядом, панически боясь, что в воде с ней случится приступ, а так я ее спасу. Отговаривать ее от дальних заплывов на глубокие места было бесполезно. (Со временем болезнь ушла.)

¹²⁷ В эти дни мы часто заходили в эту гостиницу, расположенную внизу Пушкинской улицы, в ее ресторан. Там, при общем продуктовом дефиците, еще какое-то время, без продуктовых карточек, подавали пирожные, но для того чтобы их заполучить, нужно было сесть за столик и сделать заказ, скажем, на чай с пирожными. Мы выпивали или не выпивали чай, а пирожные уносили домой. При этом, мы старались приходить

же раза три был у моей приятельницы Зеленской Эвники Львовны, которая проживала по ул. Дзерж. № 76 кв 1. Зеленская должна была уехать позавчера с эшелонем одного завода — кажется турбинного в г. Свердловск, или под Свердловск. Мужу я говорила, что с Курбатовым была знакома еще по Ленинграду, а здесь случайно встретила.

Этот Курбатов проживал в Харькове по ул. К. Либкнехта № 76 или 74 на 4 или 5 этаже. Прибыл он в Харьков с Ленинграда и здесь якобы на каких-то курсах читал лекции по радиodelу.

Первое время нашего знакомства он говорил мне и Зеленской, что пока из Харькова он не советует нам ехать никуда, т. к. тяжело ехать и по приезде на место также будет много трудностей с устройством а кроме того он говорил, что немцы мирных жителей, тем более женщин — русских не трогают, а больше всего расправляются с евреями.

Но последнее время он говорил, что если мы имеем возможность — то лучше уехать.

В день ареста моего мужа Курбатов заходил ко мне на квартиру и говорил, что уезжает в район военных действий. С этого времени я его не видела.

Писем он мне также не пишет и об этом мы с ним не договаривались. О военных действиях он мне и Зеленской рассказывал мало и откуда он знает как обращаются немцы с населением в занятых ими территориях я его не спрашивала.

Вопрос: Что Вам рассказывал муж о своем предыдущем аресте и о социальном происхождении своем?

Ответ: Муж рассказывал мне, что его отец был дворянин, но где и какое он имел имение он не говорил. Иногда он рассказывал, что в детстве на лето они ездили на дачу в Териоки. Но не помню, как он говорил — или это было собственное имение или дача. О своем первом аресте он мне говорил, что был он арестован за то, что входил в какую-то писательскую группировку в Ленинграде, и что и его товарищи-писатели писали такие стихи, которые были враждебны Советской власти. Говорил, что ему дали за это три года ссылки, но отбыл он только один год и его освободили.

Вопрос: А кто такие Ваши родители?

Ответ: Мой отец был инженером-строителем. Институт он окончил еще до Октябрьской революции. Был он член ВКПб с 1917 года. При Сов. власти был зам. главного инженера строительства Днепрогеса, затем начальником строительства г. Комсомольска. Позже работал в Москве. В 1937 году он был арестован органами НКВД и дальнейшая его судьба мне неизвестна.

втроем: мама, Петька и я, т. к. пирожные «давали», кажется, по две штуки на каждую присутствующую персону, за кою признавали и малолетних детей.

Мать моя почти всё время работала и работает медсестрой в институте переливания крови.

Протокол с моих слов записан верно, лично мной прочитан, в чем и подписываюсь.

Г. Викторова

Допросил:

Ст. следователь 3-го упр. НКВД УССР

Сержант госбезопасности

Дубок

Протокол допроса

Обвиняемого Введенского Александра Ивановича от 13 октября 1941 года

Начало в 16²⁰

Вопрос: Вам предъявляется обвинение в том, что Вы проводили антисоветские разговоры, в которых заявляли о якобы хорошем обращении немцев с населением в занятых ими территориях, отказался сам вместе с семьей эвакуироваться с г. Харькова, а также предлагали это делать другим лицам. Вы признаете себя виновным в предъявленном Вам обвинении?

Ответ: В предъявленном мне обвинении я признаю себя виновным только частично, а именно в том, что я собирался оставить семью в г. Харькове и в случае занятия его немцами, что я сомневался в правдивости сообщений о зверствах немцев, а также в том, что иногда меня люди спрашивали в порядке совета можно ли им остаться в Харькове на случай занятия немцами, я отвечал, что если у них нет какой-либо активной деятельности при Советской власти, то можно и остаться. В остальном я виновным себя не признаю ибо я лично не собирался оставаться в Харькове, а также не уговаривал кого-либо другого оставаться.

Протокол с моих слов записан верно, лично мной прочитан, в чем и подписываюсь.

А. Введенский

Допрос окончен в 16²⁰

Приложение [510]

Допросил:

Ст. следователь 3-го управления НКВД УССР

Сержант госбезопасности

Дубок

Утверждено.

Нач. следственной части

3-го упр. НКВД УССР

<Подпись>

13 октября 1941 г

Постановление (о предъявлении обвинения)

Город Харьков, октября 1941 г., «13» дня

Я, ст. следователь 3-го Управления НКВД УССР, сержант госбезопасности Дубок, рассмотрев следственный материал по делу № 148347 и приняв во внимание, что Введенский А. И. достаточно изобличен в том, что он проводил антисоветские разговоры, в которых заявлял о якобы хорошем отношении немцев с населением в занятых ими территориях, отказался совместно с семьей эвакуироваться из Харькова, а также предлагал это делать другим лицам,

Постановил

Введенского Александра Ивановича на основании ст. 126 и руководствуясь ст. 127 УПК УССР привлечь в качестве обвиняемого по ст. 54-10 ч. II УК УССР, о чем объявить обвиняемому под расписку в настоящем постановлении.

Копию постановления направить прокурору.

Старший следователь

<Подпись>

Настоящее постановление мне объявлено

«13» октября 1941 г.

Подпись обвиняемого

А. Введенский

Приложение [511]

«Утверждаю»
Зам. наркома внутренних дел ТАССР
Капитан государственной безопасности
Ченборисов

Справка

Народный комиссариат
внутренних дел
Татарской АССР
Тюремная больница
29 декабря 1941 г.
№ 1733
Телефон № 23—35

Заключенный Введенский Александр Иванович, 1904 г.р., умер 20.XII.41 года во время следования пути этапом из гор. Харькова в гор. Казань.

Начальник обл. больницы
ТО НКВД ТАССР
Военврач

Берлянд

Зав. делопроизвод. Больницы

Епифанова

«Утверждаю»
Зам. наркома внутр. дел ТАССР
Капитан государственной безопасности
Ченборисов
31.I.42.

Постановление (о прекращении следственного дела)

г. Казань, 30 января 1942 г.

Я, оперуполномоченный УНКВД по Харьковской области сержант гос-безопасности Лихоусов, рассмотрев личное тюремное дело № 1733 на об-

виняемого Введенского Александра Ивановича по статье 54—10 ч. II УК УССР, —

Нашел:

Обвиняемый Введенский А. И. 20 декабря 1941 года умер во время следования этапом из г. Харькова в г. Казань, о чем свидетельствует акт, составленный начальником и делопроизводителем областной тюремной больницы НКВД ТАССР. Руководствуясь статьей 198 УПК УССР, —

Постановил:

Следствие в отношении Введенского Александра Ивановича, обвиняемого по ст. 54—10 ч. II УК УССР, в порядке статьи 4 п. «а» УПК УССР производством прекратить.

Оперуполномоченный УНКВД УССР
по Харьковской области
Сержант госбезопасности

Лихоусов

<В переплет Уголовного дела вшита приведенная ниже справка от 17 сентября 1940 года о снятии старой судимости.>

КОМИССИЯ ПО РАССМОТРЕНИЮ ЗАЯВЛЕНИЙ О ПОМИЛОВАНИИ
при ПРЕЗИДИУМЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
Москва, Берсеневская набережная, Дом Правительства

«17» сентября 1940
№ 05-15871

Справка

Выдана гр-ну Введенскому Александру Ивановичу в том, что постановлением Президиума ЦИК СССР от 27 мая 1936 г. судимость с него снята.

Зам. Секретаря Комиссии

А. Селянин

2-мв

<Приводится выписка из справки (с грифом «секретно») Харьковской Книжной палаты от 25 февраля 1964 года. В справке приводятся некоторые издания, в которых печатался Введенский и названия стихов, среди них, приведенные выше, — из сборников «Фронт и тыл».>

Протокол допроса

г. Киев^{<128>}

6 марта 1964 г.

Я, старший следователь Управления КГБ при Совете Министров УССР по Киев. области капитан Разумный, допросил в качестве свидетеля

Забилу Наталья Львовна, 1903, место рожд. г. Ленинград, Украинка, чл. КПСС с 1940 г., образов. высшее Харьк. ИНО в 1925 г., писательница, член президиума Союза Сов. Писателей Украины.

Я, Забила Наталья Львовна, знала писателя Введенского, Александра Ивановича с 1935 г. до 1941 г; он был женат на моей близкой приятельнице.

А. Введенский был беспартийный, но вполне советский человек. В частности, в начале войны в 1941 г. в Харькове он очень много сотрудничал в «Агитокнах» — сатирических плакатах, редактором которых была я. Введенский писал остроумные и острые подписи к этим плакатам, в стихах, направленных против фашистов, Гитлера, агитируя за борьбу с врагами Советской родины. Эти стихи подписывались его фамилией, что свидетельствует о том, что ему и в голову не могла прийти мысль о сотрудничестве с оккупантами.

В сентябре 1941 г. Харьк. Обком предложил писателям (здоровым и не старым мужчинам), отправив жен и детей в эвакуацию, остаться в виде агитационной группы при Обкоме и работать по заданиям Обкома, а если придется эвакуироваться вместе с Обкомом. Во главе этой группы был писатель Трублаини, кот. впоследствии погиб на фронте. Некоторые писатели отказались от участия в этой группе по той или иной причине и выразили желание эвакуироваться. Среди них был и Введенский, кот. не хотел отправлять в эвакуацию больную жену с двумя детьми одну. Ему были даны «посадочные талоны» в эшелон, кот. отправлялся из Харькова 20 сентября 1941 г. С этим эшелоном отправлялась и я с маленькой дочкой и мужем. Но было выдано ошибочно двойное количество посад. талонов на один вагон и по-

¹²⁸ В это время Забила жила уже в Киеве, а не в Харькове.

лучилось такое жуткое положение, такая давка и теснота, что жена Введенского потребовала, чтоб они отложили отъезд и ехали не с этим эшелоном. Они вылезли из вагона и остались.

Не помню, советовала ли я Введенскому вылезти из вагона; но оставаться в группе при Обкоме я ему советовала, как и другим писателям — мужчинам. Я в это время была секретарем парторганизации Харьк. отделения Союза Писателей, и Обком формировал эту группу при моем содействии.

Б. директор изд-ва «Мистецтво» Ольга Калекина была в день эвакуации на вокзале, т. к. с этим же эшелоном уезжала ее мать и ее сынишка. Калекина оставалась еще на работе в Харькове и вполне возможно, что она предложила Введенскому работать в издательстве, а потом уехать вместе с ними. Где теперь находится О. Калекина — я не знаю.

Как уже мною сказано, А. Введенский не только не высказывался никогда в профашистском духе, но активно и открыто принимал участие в антифашистской агитации (в «Агитокнах»).

Свидзинского Владимира Ефимовича^{<129>} я знала только, как талантливого поэта и переводчика. Более близкого знакомства с ним у меня не было. Это был тихий и скромный человек, «кабинетного» характера, беспартийный. Никаких враждебных антисоветских высказываний с его стороны я не слышала ни лично, ни по отзывам о нем других наших товарищей — писателей.

Показания записаны мною собственноручно.

Н. Забила

Допросил ст. следователь УКГБ
Капитан

Разумный

Протокол допроса

г. Киев^{<130>}

6 марта 1964 г.

Допросил ст. следователь УКГБ
при СМ УССР по Киевск. обл.
Капитан Разумный

¹²⁹ Пересмотр дел Свидзинского и Введенского к готовящейся реабилитации обоих проходил в одно время.

¹³⁰ В это время Владко жил уже в Киеве, а не в Харькове.

Владко Владимир Николаевич, 1900, место рождения г. Ленинград^{<131>}, украинец, член КПСС с 1944 г., образование высшее, ИНО г. Воронежа, 1921г., писатель, Союз Писателей УССР.

Знаю Введенского Александра Ивановича и служебно (находился в одной писательской организации) и лично (был знаком семейно с ним и его женой).

Насколько мне известно до сентября 1941 г. — Введенский был вполне лоялен к Советской власти и принимал активное политическое участие в различных кампаниях.

Об этой группе я слышал, но об оставлении группы писателей на оккупированной территории мне ничего не известно^{<132>}. Входил ли в эту группу Введенский — не знаю.

Введенский с семьей пытался эвакуироваться в тыл Советского Союза в сентябре 1941 г.

Я отправлялся с ним и его семьей в том же вагоне, где было чрезвычайно тесно, люди сидели на мешках и вещах. Жена Введенского в это время прихварывала. И я рекомендовал Введенскому, коль скоро его жена была больна, поехать другим поездом, который должен был отправляться вскоре после нашего.

Калекиной я вообще не знаю, и была ли она в это время на вокзале, я не знаю.

Никогда я от Введенского никаких профашистских высказываний не слышал; наоборот, его деятельность была вполне советской. Более того, в первые месяцы войны Введенский принимал активное участие в «Окнах сатиры» и писал в них антифашистские стихи.

Свидзинского Владимира Ефимовича я знал очень поверхностно, по сути — только понаслышке. Поэтому я не могу характеризовать его в политическом отношении, что касается его деловых качеств, то он был известен как хороший переводчик.

Никаких фактов враждебной деятельности со стороны Свидзинского я не знаю.

Показания записаны мною собственноручно.

В. Владко

Допросил ст. следователь УКГБ

Капитан

Разумный

¹³¹ Владко, Забила и Введенский — уроженцы Петербурга, да и почти ровесники. И всех троих занесло в Харьков...

¹³² Речь о том, что эта группа писателей осталась бы на оккупированной территории никогда не шла. Видимо, это реакция Владко на некорректную (или неправильно понятую) «вводную» следователя.

<Приводится протокол допроса того же 1964 года Эвники Львовны Зеленской, близкий по содержанию протоколам допросов Забины и Владко.>

<Письмо, приведенное ниже, прислано из Киева Первым Управлением КГБ при Совете Министров УССР>.

Секретно.

Начальнику следственного отдела
УКГБ при СМ УССР в Харьковской
области.

Направляю протоколы допросов свидетелей Владко и Забины по делу Введенского А. И.

Первым Управлением КГБ при СМ УССР рекомендовано воздержаться от допроса в качестве свидетеля Смолича Ю. К.

Если же Вы сочтете допрос его необходимым, то он может быть произведен с разрешения Председателя КГБ при СМ УССР¹³³.

Приложение — протоколы допросов на
4-х листах.

12.III.64¹³⁴>

¹³³ Видимо, провинциальные харьковские «органы» наивно попросили столичные киевские «органы» допросить председателя правления Союза писателей Украины, Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета УССР, кандидата в члены ЦК Компартии Украины Юрия Корнеевича Смолича. Столичная контора ответила провинциальной, «типа», — Вы что, охуели, разве можно беспокоить литературных генералов по таким пустякам, как реабилитация какого-то Введенского!

¹³⁴ На этом описание материалов дела Введенского за № 148347 окончено. Но хотелось бы остановиться еще на следующем, —

В архивах Управления службы безопасности Украины по Харьковской области хранится Дело № 148343 (07500), фигурант которого Григорий Михайлович Дрозд, год рождения 1904, артист, беспартийный, украинец. Арестован 27 сентября 1941 года. Дело начато 2.X.41. Следователь Брюханов.

Обвинялся по статье 54, ч. II. «Пораженческие настроения. В резкой клеветнич. форме отзывался о боеспособности Кр. Армии и ее командовании, восхваляет фашизм, распространяет при этом провокационное измышление о том, что немцев бояться не следует, т. к. они мирное население не трогают, расправляясь только с евреями и коммунистами».

<Акт о смерти>

Акт

Смерти заключенного в пути
следования. Ст.
19 декабря 1941 года
Мы, ниже подписавшиеся нач конвоя
мл лейтенант Хорошилов
Комиссар конвоя политрук Чубанов
Врач эшалона болтвяница
Представитель
Составили настоящий акт в том
что заключенный Веденский
Александр Иванович
значайший в эшалоне списке
под порядковым № 71 и следовавший
в город Казань из внутренней
тюрьмы УНКВД гор. Харькова
родивший в 1904 году Следственной
по ст 54—10 ч II я.
Проживавший до ареста в
гор Харьков, Совнаркомовская ул дом № 8
кв. 2
Умер 19 Декабря 1941 года

Из его показаний: «Как чтец, котор. на протяж. всей своей трудовой деятельности являлся советским пропагандистом, в период военных действий выступал с сугубо а/ф произведениями в частности против самого Гитлера по радио и среди рабочих до самого последнего дня работы».

Григорий Дрозд «<...> в г. Казани освобожден и дело о нем прекращено производством и сдано в архив 1-го спецотдела НКВД УССР г. Актюбинск». Дело окончено 16.III.42.

Таким образом, арестован Григорий Дрозд был в тот же день, что и Введенский; номера заведенных на них уголовных дел близки друг другу; обвинялись по одной и той же статье уголовного кодекса; были этапированы в Казань одним и тем же тюремным эшелоном (в отличие от Свидзинского, который этапировался иначе), в Казани был освобожден.

После войны Григорий Дрозд работал диктором харьковского радио. О том, что он был репрессирован в одно время с Введенским, было известно. Г. Б. Викторова и ее друзья неоднократно пытались с ним разговаривать. Впечатление было такое, что о гибели Введенского на этапе он знал, однако, будучи крайне запуганным или связанным подпиской о неразглашении, ничего внятного ни о смерти, ни об обстоятельствах гибели Введенского не говорил. Даже после 1953 года.

в следствии заболевания
плеврит эксудативный
Труп умершего сдан на станции
для погребения

Нач. конвоя

Комисар

Хорошилов

Врач

Болтвяница

Представитель^{<135>}

¹³⁵ В марте 1995 года КГБ Татарстана выдал мне ряд материалов личного дела (№ 1733) заключенного Введенского, среди них акт о смерти. Акт написан от руки, слова «плеврит эксудативный» вписаны почерком, отличным от остального текста. Теперь стало возможным окончательно установить фактическую дату смерти — 19 декабря 1941 года, а не 20 декабря, как это числится во всех официальных документах. После сокращенного слова «станция»: «Ст. <.....>» — незаполненное место — пробел. В предложении «Труп умершего сдан на станции <.....> для погребения» — незаполненное место — пробел. На обложке личного дела заключенного стоит прямоугольный штамп: «Казанская спец. психиатрич. больница МВД Тат. АССР». Там же косая чернильная надпись: «Умер 20/XII-41 г. в этапе». В самом низу обложки сделана грубая надпись, возможно, поздняя, возможно, фломастером: «16078».

(Введенский и его семья были весьма непрактичны и легкомысленны. И бедны. У мужа и жены не было зимних пальто, в доме не было телогреек, теплой обуви, сапог, валенок; не помню, чтобы было мужское «теплое белье», кальсоны, плотные рубашки. Даже если бы Саша и догадался отправиться в тюрьму тепло одетым, надеть ему было бы нечего. Каресту не готовились. В тюрьму он ушел в легкой одежде, — в тонкой рубашке с запонками, легких туфлях, тонких носках; при галстук! На тюремной фотографии хорошо видна эта чистенькая белая рубашечка [«галстучек» и запонки уже успел отобрать дежурный надзиратель тов. Кайдалов]. Кто в таком виде идет в тюрьму?! Да и теплый харьковский сентябрь не располагал думать о предстоящем. Никакой одежды в тюрьмах тогда не выдавали. В своей записке, написанной перед этапированием, Введенский пишет, что их уводят [не увозят] из города. Где, когда их посадили в тюремный эшелон, неизвестно. Этапирование длилось два месяца. Поэтому причина смерти в эшелоне в декабре от простуды, от плеврита представляется мне вполне вероятной.)

Я получил из казанских «органов» эти документы в начале 1995 года. А недавно, говорят, почему-то аж где-то в далеком басурманском городе Париже, который раскинулся на берегах многоводной речки Сены, эти документы были опубликованы. У меня этой публикации нет, поехать за ней в этот город Париж я не могу: нету у меня этой пресловутой дурацкой шенгенской визы. Аборигены почему-то

<Справка о реабилитации>

УКРАЇНСЬКА РСР
Управління Комітета Державної
Безпеки при Раді Міністрів
Української РСР
по Харківській області

УКРАИНСКАЯ ССР
Управление Комитета Государственной
Безопасности при Совете Министров
Украинской ССР
по Харьковской области

10 апреля 1964 г.

№ 6/021820

г. Харьков

С П Р А В К А

Уголовное дело по обвинению ВВЕДЕНСКОГО Александра Ивановича, 1904 года рождения, на день ареста 27 сентября 1941 года проживавшего в гор. Харькове, постановлением Управления КГБ при СМ УССР по Харьковской области от 30 марта 1964 года прекращено по п.2 ст.6 УПК УССР, т. е. за отсутствием состава преступления.

НАЧАЛЬНИК ОТД. УКГБ ПРИ СМ УССР
ПО ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

САМАРКИН

уверены, что я намерен разбить палатку у дома 38 на набережной Орфевр, или у дома 21 на улице Бонье, или у дома 4 на улице Мари Роз, и буду до конца своих дней жить в этой палатке за ихний парижский счет. Но больше всего жители страны Франции опасаются, что я потребую похоронить себя на обожаемом ими цвинтарі Sainte-Geneviève-des-Bois. Кроме всего этого, от поездки в город Париж меня останавливает то, что я не умею, как теперь принято в этом городе, «принимать пищу» левой рукой.

Цвинтар (укр.) — кладбище при церкви.

буржуй во Францию бежал
как злое решето
француз французку ублажал
в своем большом шато

(Из Введенского)

Приложение [520]

**Прочие документы. Чистота порядка.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!**

— Вы — немец? — осведомился Бездомный.
— Я-то?.. — переспросил профессор и вдруг задумался. — Да, пожалуй, немец... — сказал он.

Всё, что касается Введенского — мне представляется интересным, в том числе и приведенные ниже документы. Кроме того, они в какой-то степени — зеркало времени. Конечно, они для любознательных и терпеливых. Но самое главное, — я не желаю опускать ни одной бумажки Александра Ивановича. Так что, если «ты меня уважаешь», — читай.

Тексты одних документов приводятся в полном объеме, по другим приводятся основные данные.

<Членский билет Союза Советских писателей СССР>

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Фотографическая карточка и личная подпись члена ССП СССР
т. *Введенского Александра Ивановича*

А. Введенский

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 1171

Тов. *Введенский А. И.*

Состоит членом союза советских писателей Ленинградской организации.
Время вступл. в ССП 17/V 1934 г

Председатель правления ССП СССР

В. Ставский^{<136>}

Секретарь правления

<Взносы уплачены по 1940 год>

¹³⁶ Владимир Петрович Ставский (Кирпичников, 1900—1943, погиб на фронте), писатель, администратор, был секретарем РАПП, генеральным секретарем Союза писателей СССР.

Из устава члена союза

§ 2. Членами союза советских писателей могут быть писатели (беллетристы, поэты, драматурги, критики), стоящие на платформе советской власти и участвующие в социалистическом строительстве, занимающиеся литературным трудом, имеющие художественные или критические произведения, напечатанные отдельными изданиями или в литературно-художественных и критических журналах (а также ставящиеся на профессиональных и клубных сценах) и имеющие самостоятельное художественное или научное (критические работы) значение.

<Свидетельство о браке>

Копия

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР Отдел Актов Гражданского Состояния

Харьковское городское

Бюро ЗАГС

22.XI.1937

г. Харьков, Харьковской обл.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ № 10399

Гр. *ВВЕДЕНСКИЙ Александр Иванович*

гр-ка *ВИКТОРОВА Анна Борисовна*

вступили в брак, о чем в книге записей актов

гражданского состояния о браке 22.XI.1937 г.

ноября тысяча девятьсот тридцать седьмого года

произведена соответствующая запись.

Фамилия после заключения брака:

он — *ВВЕДЕНСКИЙ*

она — *ВИКТОРОВА*

Зав. бюро ЗАГС

<Подпись>

<Членский билет Литературного фонда Союза ССР>

ССП ЛИТ ФОНД СОЮЗА ССР

ФОТО-КАРТОЧКА

и личная подпись члена Литфонда СССР

т. А. Введенский

Пролетарии всех стран, соединяйтесь^{<137>}!

Союз Советских Писателей

«ЛИТФОНД»

Союза ССР

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 1700

Фамилия *Введенский*

Имя, отчество *Александр Иван.*

Год рождения 1904

Член ССП, кандидат (подчеркнуть)

Когда вступил в члены Литфонда 1939 г.

Председатель
Литфонда СССР

<Подпись>

Правления Директор
Литфонда

<Подпись>

<Взносы уплачены по 1941 год>

Членами «Литературного Фонда Союза ССР» являются все члены и кандидаты в члены Союза советских писателей Союза ССР

Лица, вышедшие или исключенные из числа членов или кандидатов в члены Союза советских писателей Союза ССР, автоматически выбывают из числа членов «Литературного фонда Союза ССР».

В члены «Литературного фонда Союза ССР» могут быть приняты также:

а) лица, не являющиеся членами Союза советских писателей Союза ССР, но активно работающие в области художественной литературы и критики,

¹³⁷ Ты, как я подозреваю, не хотела читать раздел «Прочие документы», тебе показалось это скучным. Но посмотри, как интересно: членский билет Литфонда категорически предлагает пролетариям всех стран соединиться, а вот свидетельство о браке этого не предлагает.

имеющие самостоятельные труды и состоящие членами профессионального союза.

Выписка из устава Литфонда СССР.

Военный билет

<Выписка>

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ОБОРОНЫ СССР
1939

Будь готов к защите социалистического отечества!
Береги военный билет, прочти правила военного учета, знай и выполняй их!

Введенский Александр Иванович

Выдан *б* переучет. пунктом *Каганович. РВК*

« » *ноября* 1940 г.

Подпись

I. ВОЕННО-УЧЕТНЫЕ СВЕДЕНИЯ

2. Год рождения *б декабря 1904 г*
3. Отметка о категории учета *Запас Второй категории*
4. Группа учета *Н. К. О.*
5. Состав *рядовой*
6. № военно-учетной специальности *133*
7. Наименование военно-учетной специальности *годные необученные*

II. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

10. Специальность (гражданская) *писатель — детский*
11. Партийность *беспартийный*
12. Состоит ли в ВЛКСМ и с какого года *не состоит*
13. Национальность *Русский*
14. Родной яз. *Русский*
15. Знание иностранных яз. *читает и пишет по немецки со словарем*

16. Общественная группа. Рабочий, служащий, крестьянин-колхозник, крестьянин—единоличник *служащий*
17. Грамотность и образование Средняя школа *окончил в 1925 г. со слов*
18. Место рождения *г. Ленинград*

III. СВЕДЕНИЯ О ПРОХОЖДЕНИИ ПРИЗЫВА

19. Призывной комиссией Ленинградского ГВК в 1925 г. признан не годным по болезни (со слов)
11 ноября 1940 г.

Подпись

IV. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ В КАДРАХ РККА, РКВМФ, ВОЙСКАХ НКВД

Σ

21. Определение командования об использовании в военное время

Σ

Командир части

Военный комиссар части

11 ноября 1940 г.

IX. ОТМЕТКИ О ПРИЕМЕ НА УЧЕТ И СНЯТИИ С УЧЕТА

Принят на учет при 3 отд. РКТ г. Харькова
Нач. Воен. Уч. Стола

Подпись

11.XI. 1940 г.

XI. МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ЛИСТОК (ДЛЯ ИЗВЕЩЕНИЯ УЧЕТНЫХ ОРГАНОВ О ПРИЗЫВЕ ПО МОБИЛИЗАЦИИ)

Год рождения *1904 Введенский Александр Иванович*
Группа учета *Н. К. О.*
Состав *рядовой*
№ военно-учетной специальности *133*

XIII. ПРАВИЛА УЧЕТА ДЛЯ ВОЕННООБЯЗАННЫХ

<...>

Читал

А. Введенский

<Письмо Райвоенкомата в Союз писателей>

СССР — НКО
КАГАНОВИЧСКИЙ
РАЙОННЫЙ ВОЕННЫЙ
КОМИССАРИАТ
по 1 я части
«12» 9 1941г
№ 1/1209
г. Харьков

*Секретарю президиума Союза
Советских писателей*

Военнообязанный запаса тов. *Веденский*¹³⁸ *А. И.* направляется в Ваше распоряжение по месту прежней работы по прохождению учебно-практических сборов с «7» сентября по «12» сент. с.г. включительно.

Кагановичский райвоенком
батальонный комиссар

<Подпись>

Нач. 1 — й части

<Подпись>

Паспорт

Действителен по 18 сентября 1946 года

1. Имя, отчество, фамилия *Введенский Александр Иванович*
2. Время и место рождения *1904 г. 6/XII гор Ленинград*
3. Национальность *Русский*
II-30 № 519621
4. Подпись владельца паспорта *А. Введенский*
5. Социальное положение *Служащий*
6. Отношение к военной службе *Военнообязанный*

¹³⁸ Так в тексте.

7. Кем выдан паспорт *3 отд. РКМ НКВД гор Харьков*
8. На основании каких документов выдан паспорт *Спр. Каганович. РВК*
о здаче пасп. сер ХР № 559086 и ст. спр ф №1

Начальник Р.-К. милиции

<Подпись>

Начальник паспортного стола

<Подпись>

Дата выдачи *18/IX-41г.*

II-30 № 519621

9. Лица, внесенные в паспорт владельца

1. <i>Петр Александр.</i>	1937	сын	ст. спр.
2. <i>Викторов Борис А.</i>	1934	сын	ф №1

ПРОПИСКА

УССР ХАРЬКОВ 3 отд. РКМ

ПРОПИСАН 1/VII 38 г.

по *Совнаркомовская 8*

<Подпись>

<Направление на эвакуацию Облисполкома>

Харків, Держпром, 8 під'їзд
Пролетарі всіх країн, єднайтеся!

Харьков, Госпром, 8 подъезд
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УРСР
ВИКОНАВЧИЙ КОМІТЕТ
ХАРКІВСЬКОЇ ОБЛАСНОЇ РАДИ
ДЕПУТАТІВ ТРУДЯЩИХ

УССР
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ХАРЬКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№

« »

194 р^{<139>}

¹³⁹ Номер и дата не проставлены.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие тов. *Введенскому О. И.* в том, что он направляется в гор. *Алма-Ату*
Семья тов. *Введенского* состоит из *пять* человек:

Введенский О. И. ^{<140>}

Викторова А. Б. — жена

Викторова Е. В. — мать ^{<141>}

Введенский П. — сын

Викторов Б. — сын

Просьба к советским организациям оказать помощь в предоставлении квартиры и работы.

Нач. Облэвакоотдела
Зам. Председателя Харьковского Облисполкома

В. ВАЛУЕВ

<Направление на эвакуацию Союза писателей>

ВСЕУКРАЇНСЬКА СПІЛКА
РАДЯНСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ
ХАРКІВСЬКЕ
ОБЛАСНЕ ПРАВЛІННЯ
20/IX дня 19 41 р.
№ 1/2
м. Харків

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Пред'явитель сего член Союза Советских Писателей *Введенский О. И.* с семьей в составе жена — *Викторова А. Б.* и мать *Викторова Е. В.* по предложению директивных органов выезжает из г. Харькова и направляется на жительство в г. *Алма-Ата*

Просьба ко всем организациям оказывать всемерное содействие.

¹⁴⁰ Так в тексте.

¹⁴¹ Так в тексте.

Просим снять т. *Введенского А. И.* с военного учета в Харькове.

ОТВ. СЕКРЕТАРЬ СОЮЗА
СОВ. ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

Ю. СМОЛИЧ

СЕКРЕТАРЬ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ

Л. ЮХВИД

<Исполнительный лист о признании умершим>

МВД — УССР
ХАРЬКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ УМВД
по Харьковской области
г. Харьков, Горяниновский пер. №13, тел. 3—45—87

«15» февраля 1955 г. № 119

г. Харьков

Гр-ке *ВИКТОРОВОЙ Е. В.*

АРХИВНАЯ КОПИЯ.
КОПИЯ.

Исполнительный лист №-2—566

1946 года 22 августа Народный суд 3-го участка Кагановичского р-на г. Харькова решил:

Признать умершим в 1941 году гр-на *ВВЕДЕНСКОГО* Александра Ивановича, о чем выдано свидетельство жене — *ВИКТОРОВОЙ* Галине Борисовне.

Судья

<Подпись>

Печать. Секретарь

<Подпись>

ОСНОВАНИЕ: Ф. 279, оп. 1, д. 29, л. 252.

ЗАВ. ХАРЬКОВСКИМ ГОРГОСАРХИВОМ

ИНСПЕКТОР

ФЕДОРОВА

Свидетельство о смерти

IV-ЯР № 404942

Гр. *Введенский Александр Иванович*

умер *20 декабря 1941 г. Тысяча девятьсот сорок первого года.*

возраст *1904*

причина смерти —————

о чем в книге записей актов гражданского состояния

о смерти за *19 64 г.*

месяца *мая 04* числа произведена

соответствующая запись за № *21*

Место смерти: город ————— *селение*

район ————— *область*

Место регистрации: *Харьков, Киевский Рай. ЗАГС*

Дата выдачи *«04» мая 19 64 г.*

Заведующий бюро ЗАГС

<Подпись>

<О восстановлении в правах
члена Союза писателей>

ВЫПИСКА ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ № 93 ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
УКРАИНЫ от 19 июня 1964 года

«О восстановлении в правах члена Союза писателей СССР тов. ВВЕДЕН-
СКОГО А. И.»

В связи с посмертной реабилитацией восстановить тов. Введенского Алек-
сандра Ивановича в правах члена Союза писателей СССР с 27 сентября 1941 года.

Приложение [530]

Поручить Правлению Украинского отделения Литфонда СССР решить вопрос о выплате наследникам А. И. Введенского единовременного пособия в сумме 600 рублей¹⁴².

Заместитель председателя правления
Союза писателей Украины

П. ВОРОНЬКО¹⁴³

Ответственный секретарь
правления СП Украины

В. КОЗАЧЕНКО¹⁴⁴

Верно: Секретарь СПУ

<Подпись>

Одни.

Жидівські звички. Дети Баха

Європи серце гупає —
мов вирветься от-от...
Фашист у битву тупає,
свистить, як ідіот.

Павло Тичина¹⁴⁵

Німеччино, тремти! Я розвертаюсь!
Тобі ж кладу я дошку гробову.
Я стверджуюсь, я утверждаюсь,
бо я живу.

Павло Тичина

Итак, мы остались одни, мама, бабушка, Петька и я.

Может быть, самым странным, тревожным и грозным было время, когда наши уже ушли, а немцы еще не пришли. Тишина. Не рвутся ни бомбы, ни снаряды, нет стрельбы, не слышно этого жуткого свиста, сопровождающе-

¹⁴² Хорошая сумма ... прописью.

¹⁴³ Платон Никитович Воронько (1913—1988), украинский поэт.

¹⁴⁴ Василий Павлович Козаченко (1913—1995), украинский прозаик.

¹⁴⁵ Павло Григорович Тичина (1891—1967), український поет-академік.

го летящие бомбы. Возле главного входа в здание НКВД лежит труп в милицейской форме, «недвижен он лежал, и странен...», говорят, пристрелили свои же. Что, почему — неизвестно.

Всё везде брошено. Пацан из соседнего дома предлагает мне идти куда-то «грабить мануфактуру». Можно притащить домой из соседних учреждений канцелярский стол или стулья, дыроколы, пресс-папье¹⁴⁶, чернильные приборы, счеты. Можно разобрать паркетные полы на растопку.

Начали гореть здания НКВД¹⁴⁷. Неподалеку горело еще одно многоэтажное здание. В подвале этого дома — склад картошки, верхние этажи здания горят, а в этом темном подвале люди на ощупь набирают картошку. Бабушка в подвале, а я стою на улице и реву, боюсь, вот-вот здание рухнет. Наша соседка в этом подвале потеряла галошу, а бабушка нашла и принесла ей. Думаю, благодаря этой картошке мы пережили эту лютую зиму 1941—1942 года.

Был и еще один случай, благодаря которому мы выжили: уже во время оккупации, недалеко от нашего дома на Совнаркомовской, пала немецкая лошадь, и я притащил домой ее куски. Какой-то человек помог мне их рубить, а я еще отрезал кусок требухи. И этот мой «подвиг» всю жизнь вспоминали мои домочадцы.

Я с другими детьми стою на нашей улице. Мы видим, как вверх по Пушкинской степенно поднимаются огромные упитанные волосатые рыжие немецкие лошади-битюги.

Wer reitet so spüt durch Nacht und Wind?<¹⁴⁸

Неожиданно, в самые первые дни оккупации, явился к нам один наш знакомый, — раненый, командир Красной Армии, еврей, — Александр Абрамович Спектор. Сказал, что выходит из окружения. Пробыл у нас два дня и ушел. Я отчетливо помню свой страх, а дорогим моим женщинам — хоть бы что, отчаянными были. Слава богу, нас не продали соседи. Он благополучно отвоевал, в конце войны, уже бравым офицером, заезжал к нам,

¹⁴⁶ Пресс-папье — принадлежность письменного прибора в виде бруска с прикрепленными к нему листками промокающей бумаги. Использовалось в XX веке при письме перьевыми ручками.

¹⁴⁷ По некоторым сведениям, в этих зданиях НКВД были сожжены 1200 заключенных: см. журнал «Український Засів» (Харків), грудень 1992 — січень 1993, № 1.

¹⁴⁸ Из Иоганна Вольфганга Гете (1749—1832), поэта, немца. Поэтический перевод этой строки поэта Василия Андреевича Жуковского (1783—1852, умер в немецком Баден-Бадене) звучит так: «Кто скачет, кто мчится под холодной мглой?» Но насколько точно это соответствует немецким поэтическим словам немца Гете, я не знаю.

Введенский: «Не таков Д. Х. <Даниил Хармс>. Ему действительно может нравиться Гете. <...> Он <Хармс>, видите ли, любит гладкошерстных собак» (см. «Разговоры» Л. Липавского).

при этом пытался намекать, что тогда посетил Харьков чуть ли не по какому-то особому заданию, чему мы справедливо не поверили. После войны жил во Львове, я у него там однажды побывал.

Приютили мы одного молодого человека (опять же еврея), с родителей которого в свое время дружила наша бабушка, мать у него умерла, отец был расстрелян в тридцатые годы. Парень этот был еще не призывного возраста и потому не был мобилизован в армию. Прожил он у нас во время оккупации довольно долго.

Заходил к нам во время оккупации сокурсник моего дяди, немец по происхождению. Как его не интернировали после начала войны, непонятно, возможно, из-за излишней молодости. Был он в немецкой форме, но искренне сетовал на то, что не ушел из Харькова вместе с моим дядей.

Бабушка встретила одну знакомую девушку: «Боже, вы? Как вы не боитесь, с вашей-то фамилией?» Та что-то бормочет, убегает... Ничего страшного не случилось, пережила оккупацию.

Мама ходила на менку по каким-то селам, но что она там меняла, ума не приложу, — ни хрена у нас не было. Ну что у нас могло быть? — «Всё расхищено, предано, продано». Всё бабушкино было продано еще во время гражданской войны, разрухи и всех последующих голодх. Оставалась, правда, дореволюционная вечная, просуществовавшая до бабушкиной смерти, ручная немецкая зингеровская швейная машинка, которой, кстати, бабушка в те времена что-то подрабатывала. Возможно, эти бабушкины поделки мама и носила на менку.

Когда в соседнем доме поселились немцы, мои женщины им стирали, и я запомнил, что к своим грязным вещам немцы прикладывали мыло, остатки которого перепали нам. Расплачивались они какой-то едой, и однажды я с голода объелся немецким эрзац-медом, после чего долгие годы любой мед видеть не мог.

Воду носили из речки, спускаясь к ней по Черноглазовской улице.

Какой-то немец, разговорившись с бабушкой, заявил: «Сталин плохой, Гитлер плохой — русский хороший, немец хороший».

Немцы водили на водопой лошадей, я крутился рядом. Однажды какой-то немец усадил меня без седла верхом, я впервые в жизни сидел на лошади. Мы спустились к реке, когда лошадь наклонилась, я сполз с нее в воду.

еду еду на коне
страшно страшно страшно мне

я везу с собой окно
но в окне моем темно
(Из Введенского)

Мы пекли и продавали какие-то пирожки. Что за пирожки? Самим-то есть было нечего. Но, наверное, был какой-то в том смысл. Мороженая картошка, мороженный кормовой бурак, которые мы выкорчевывали из замерзшей земли на каких-то полях и огородах, превращавшиеся после оттаивания в мерзкое желе; картофельные очистки и гарбузы (тыквы) с каких-то свалок; просо, макуха, отруби, патока; затирка. Всё это оттуда, с тех времен. Голодали. Но, несмотря ни на что, на музыку из «Лебединого озера» мы с Петькой умудрялись, старательно выводя мелодию, петь: «Я голодный, я голодный, я голодный, аки пес...»

Мама курила. Мы для нее собирали бычки (окурки), рассыпали из них табак или махорку, сворачивали новые сигареты, используя подручную бумагу.

Маме случалось давать немцам по морде.

У бабушки была довольно-таки семитская внешность, сказалась ее немецко-шотландская кровь, поэтому ее часто, особенно в первые дни оккупации, останавливали на улице полиция и немцы, подозревая в еврействе. Мы умоляли ее не выходить из дома.

В начале оккупации к нам порознь зачастили вечно голодные мамини знакомые литераторы Л. и Т., мама разговаривала с ними на украинском. Зная о наших репрессированных, они, видимо, искали у нас родственные души. Но однажды, проявилась их патологическая звериная ксенофобия, и одновременно восхваление немцев (до войны они это не обнаруживали). К моему восхищению, мать их вытолкала взащей. Она в таких случаях не церемонилась. Позднее, в газете «Нова Україна», выходящей во время оккупации, мы прочли стишки одного из них, которые заканчивались строками: «<...> їх жидівський вождь веде».

Погрузив на детские саночки какой-то скарб, «по призыву немецких властей», покорно ушел, как тогда говорили, «на ХТЗ¹⁴⁹», наш сосед по дому старик Титиевский (его дочка Цилия эвакуировалась). На вопрос: «Куда же вы идете?» он отвечал в том духе, что ничего страшного нет: там будет создано гетто, некая резервация, ему надоела неопределенность и ничего с ним не случится. Близ ХТЗ находится Дробицкий яр, в котором уничтожили евреев Харькова, в их числе старика Титиевского. Похоже (да, так оно и было, я это хорошо помню), мои

¹⁴⁹ ХТЗ — Харьковский тракторный завод, расположен на восточной окраине города.

женщины понимали, что ждет Титиевского «на ХТЗ» и были в ужасе, но отговорить его было невозможно, он был как загипнотизированный и без всякого физического принуждения сам ушел на смерть. Да и мог ли старик что-либо сделать? Не знаю. Хотя, по моим теперешним меркам, он, может быть, и не был таким уж стариком¹⁵⁰. Проводить его на крыльцо дома высыпали соседи.

Осенью 1942 года открылись школы. Несмотря на всё, мать, как могла, придела меня, при этом умудрилась повязать и один из Сашиных галстуков, и я пошел в первый класс в сорок девятую школу на Черноглазовской. Учительница Полина Ивановна осмотрела класс, подошла ко мне и сказала: «А що це за жидівські звички носити краватку»¹⁵¹?» С тех пор я галстуков никогда не носил, а заодно, на всякий случай, и шляп.

Запомнились губные гармошки. Такое впечатление, что все немцы играли на них эту отвратительную «Lili Marleen»¹⁵². Дикие люди — дети Баха¹⁵³!

¹⁵⁰ Я обратился в организацию по увековечиванию памяти погибших в Дробицком яру с просьбой проверить, есть ли Титиевский в их списках? Они сказали, что такого в списках нет. Я им сказал, чтобы искали и внесли в свой список. Они спросили, как искать? Я сказал, что в архивах могла сохраниться домовая книга, и они могут сделать запрос. Они спросили, не родственник ли я? Я было хотел ответить: «<...> Я жив. / Я родственник <...>», но вовремя понял, что эбзриутов они не читали и могут потребовать паспорт. Поэтому я сказал, что не родственник. Они удивились. Они сказали, напишите заявление. Я написал. Думаешь, нашли? — И не искали. Но я таки разыскал в архиве домовую книгу, но она оказалась не довоенной, а времен оккупации, фамилии Титиевского в списке жильцов уже не было, но по поводу одной из квартир была карандашная приписка: «Квартира № 5 после Титиевского»... В этой домовой книге одни страницы были белыми, другие желтыми. Сотрудница архива объяснила мне, что желтые страницы — для лиц, подозреваемых в еврействе, в т. ч. полукровок, выкрестов. Я зарыдал, когда узнал, что этот опыт переняла современная харьковская еврейская благотворительная контора: в ее картотеке данные о полноценных евреях ведутся на белой бумаге, а о неполноценных — желтого. (Тенденция, однако.)

¹⁵¹ Краватка (укр.) — галстук.

¹⁵² «Lili Marleen» — немецкая песня, автор слов немец Ханс Лейп (1893—1983), музыка немца Норберта Шульца (1911—2002).

Впрочем, отвратительной эта песня казалась мне тогда. Сейчас отвратительной эта песня не кажется. Ее на немецком языке пели тогда поголовно все немцы. Вот ее первый куплет, —

Vor der Kaserne,
Vor dem großen Tor
Stand eine Laterne,
Und steht sie noch davor.
So woll'n wir uns da wieder seh'n,
Bei der Laterne wollen wir steh'n,
Wie einst, Lili Marleen.
Wie einst, Lili Marleen.

¹⁵³ Иоганн Себастьян Бах (1685—1750), композитор, органист, немец.

Вскоре немцы заняли и наши комнаты. Мы перебрались неподалеку в бывшие конюшни. Как мы туда перебирались, где взяли печку-буржуйку, как проводили от нее трубу в форточку, не помню. Но, между тем, все книжки, рукописи, письма были с нами. Печка вечно дымилась, а из стыков труб капала черная жидкая сажа. Это было особенно суровое время. Мы были там совершенно одни. Каждую минуту боролись за выживание. Было страшно холодно. Конюшня эта представляла собой длинный коридор, с одной стороны которого были стойла. В первом от входа стойле мы и жили, правда, наше стойло имело дверь. В торце коридора тоже была дверь, выходящая во двор.

Однажды, поздно вечером, в лютый мороз, в эту дверь раздался стук или какое-то поскребывание. Мама, Петька и я подошли к ней и отодвинули засов, снаружи стояла страшная грязная сгорбленная старуха и молча смотрела на нас. Мы захлопнули дверь и задвинули засов. На следующее утро мы не могли ее открыть (нужно было вынести парашу), что-то мешало. Когда наконец дверь с трудом приоткрыли, увидели окоченевшее тело. Старуха эта запомнилась навсегда. Когда Петьку, через многие годы, на подпитии, приходилось останавливать от дальнейшего приема спиртного, и он злился на меня, он говорил что-то вроде: «Чистеньким быть хочешь, а старуху ту помнишь?» Если бы тогда к двери подошла бабушка, старуху бы, конечно, пустили, но по поводу того, что был за стук, мы бабушке что-то соврали. Не знаю, как будет расценен этот поступок на Страшном Суде, найдут ли там какие-нибудь смягчающие обстоятельства?

Читали вслух «Войну и мирь». И это объяснимо: что было делать изнурительно длинными морозными вечерами? На улицу не выйдешь — не было обуви. Света не было, была копилка. Нужно было чем-то занять детей, отвлечь их от мучительного чувства голода. Нужно было читать что-то интересное и длинное, из вечера в вечер. Занимательная и детская литература были читаны-перечитаны. Так что удивляться нечему.

Как быстро население, в том числе и дети, начинает раболопствовать, — в ходу появилось слово «пан» в обращении к немцам и полицаям. В то время это было отвратительно. Никто из нас это слово ни разу не произнес.

Интересно, что к румынам, итальянцам, венграм (их с оттенком пренебрежения называли мадьярами), бывшим в Харькове в составе оккупантов, и слышными «слабаками», отношение населения было снисходительным и презрительным, в отличие от немцев, которых боялись и... уважали. Какая всё же публика ничтожество и дура!

Страшными и грозными были немцы с большими, на цепях, железными бляхами, висящими на их шеях. В таком виде немцы возникали на больших неуклюжих мотоциклах с колясками, почему-то только перед своими отступлениями.

Огромным праздником стал для нас временный приход наших войск в феврале 1943 года, но вид у них был очень плохой и обреченный. За эти дни к нам успело прийти письмо из Сибири с сообщением о том, что жив, здоров бабушкин младший сын, который после возвращения с окопов, перед вступлением немцев, пешком в неизвестное ушел из Харькова. Он добрался до своего старшего брата — до угольных шахт в Байдаевке, близ города Сталинска Кемеровской области. Это сообщение придало нам силы пережить второе вступление немцев.

Во время оккупации какое-то время на сцене украинского драматического театра давались цирковые представления. Мне запомнилась убогость этого зрелища.

Работал художественный музей.

Работала опера. Пел бас-кантанте Борис Гмыря¹⁵⁴.

В кинотеатре на Сумской улице одно время шло кино. Один фильм запомнился своим названием — «Жид Зюс» (мне запомнилось, что именно Зюс — с одной «с» и, уж точно, — жид, а не еврей). Это был немецкий антисемитский фильм, название которого, можно сказать, соответствовало названию романа Фейхтвангера¹⁵⁵ «Еврей Зюсс», но содержание было зловеще искажено.

Одно время работал даже зоопарк. Мне запомнились орлы, которые задумчиво восседали на искусственной каменной горке, серые волки, которые беспокойно бегали в глубоких вольерах, белые медведи. Чем они питались, я не знаю.

Какое-то время работали аптеки.

¹⁵⁴ Борис Романович Гмыря (1903—1969), оперный и камерный певец, Народный артист СССР (1951). Этих большевиков не поймешь, — одних людей, за то, что оставались в оккупации, хотя при этом арий из опер не пели, многие годы подвергали гонениям, а басу-кантанте, который в оккупации пел песни и арии из опер, в 1951 году, еще при жизни Сталина, присвоили звание Народного артиста...

¹⁵⁵ Лион Фейхтвангер (1884—1958), романист, драматург, немец.

От Южного вокзала до парка Горького ходил трамвай.

Ходили немецкие рейхсмарки и немецкие рейхсфенниги.

Однажды бабушка, Петька и я вышли на Сумскую улицу, шли вдоль здания Обкома партии, подняли головы и оцепенели: прямо над нашими головами, под балконами, раскачивались повешенные. Смотреть на казни, как наших, так, впоследствии, немцев и полицаев мы не бегали: считали дурным тоном, интеллигентами были...

Бабушка послала меня на Губернаторскую улицу отнести в детский дом какой-то еды. При мне невозмутимый возчик выносил из подвала и грузил на подводу мертвые голые детские тела.

Очень много подростков, и во время оккупации, и после войны, гибло из-за неосторожного обращения с оружием и снарядами. Собирали осколки бомб и снарядов, особым шиком было сказать, что осколок ты нашел еще тепленьким, не успевшим остыть после взрыва.

В начале 1942 года родила мамина подруга. Мужем ее был еврей. Она предусмотрительно, опасаясь соседей и дворника, переехала к родителям, родила в их доме, а отцом младенца каким-то образом оформили деда (он в свое время, в тридцатых, тоже был репрессирован, потом выпущен). Этот дед, доцент инженерно-строительного института, наладил изготовление спичек, а мы торговали этими спичками.

23 августа 1943 года — долгожданное освобождение Харькова. Возвращаются эвакуированные. Отношение к оставшимся в оккупации нехорошее, презрительное, с превосходством. Такое отношение и со стороны властей и, естественно, в школе со стороны вернувшихся из эвакуации детей и учителей. Такое отношение и со стороны многочисленных «граждан еврейской национальности», и если бы не «приличное воспитание», вполне можно было заразиться антисемитизмом «на бытовом уровне». Помнятся некоторые надменные писательские жены из дома «Слово», многие из которых, как мне казалось, унизительно-снисходительно относились к маме. Ее то принимали на работу, то увольняли. И так многие годы.

В школе ученикам начали давать маленькую круглую булочку и к ней чайную ложку сахара.

Не могу не рассказать об одной характерной черте матери и бабушки: они обе очень доброжелательно, с большим интересом относились к любым людям, воспринимая каждого изначально положительно, вне зависимости от репутации. Приведу характерный пример, правда, относящийся к несколько более поздним временам. — Был у меня один друг детства, безнадежный разгильдяй, из тех, к кому детей из «приличных» семей и близко не подпускали. Изгой. А мои дорогие женщины неизменно относились к нему по-людски: с неподдельным интересом, усаживали за стол, кормили, расспрашивали. Впоследствии стал он уголовником-рецидивистом. В перерывах между отсидками он наезжал в Харьков и, пугая соседей по коммунальной квартире, неизменно заходил к ним, иной раз и без меня, принося с собой бисквитно-кремовый торт и... цветы. (В конце концов он погиб на зоне в результате каких-то разборок¹⁵⁶.)

В заключение приведу несколько строк из воспоминаний Смолича, — «За кілька днів після визволення Харкова від німців, я прилетів туди самольотом, захворів і до мене прийшла Галя Вікторова — чорна, худя і голодна — і кинулась мене цілувати, не зважаючи на моє попередження про ангіну...»

¹⁵⁶ С этим моим другом детства связан смешной эпизод. Однажды, на заре моей туманной юности, приехав в Харьков, он, разыскивая меня, пришел в мою вышестоящую строительную контору. У большого строительного начальника шло совещание. Мой друг, отстранив секретаршу, ворвался в огромный начальнический кабинет. Был он при всех своих шрамах, татуировках, со своим взглядом исподлобья и подхорошим Бахусом. Спросил у совещания, где меня найти. Совещание сразу пронизательно определило, что связываться с таким человеком опасно: его вид демонстрировал, что в случае чего он может разнести всю их контору, и униженное совещание покорно разъяснило, где меня искать. Я в то время был очень молод, бледен и худ, внешне чем-то неуловимым напоминал интеллигента, хотя и без очков, без галстука и без шляпы, поэтому меня почти не знали. На начальство это нетипичное событие произвело настолько сильное впечатление, что оно меня сразу сильно зауважало и стало здороваться за руку. Думаю, этот случай способствовал моему карьерному росту в тех пределах, которые позволяла моя беспартийность. Должен заметить, что общение с этим моим другом убедило меня в справедливости пошлой пословицы «От сумы и от тюрьмы не зарекайся», в моем случае — «от тюрьмы»: однажды мы с ним, бродя по городу и на ходу распивая бутылку за бутылкой, от избытка чувств раскачали и опрокинули телефонную будку, потом мой приятель почему-то выволок из троллейбуса водителя и побил его. С тех пор я всегда выступаю за либерализацию правосудия и, на всякий случай, являюсь категорическим противником смертной казни. Конечно, этот рассказ к Введенскому никакого отношения не имеет: избежать графомании не очень получается. Но не удержался.

Бахус — бог виноградарства, вина и веселья в древнеримской мифологии.

«— Превосходная лоза, прокуратор, но это — не “Фалерно”?»

— “Цекуба”, тридцатилетнее, — любезно отозвался прокуратор».

Самым большим праздником для нас всегда был День Победы, святой день 9 мая.

Слава богу, закончил этот изнурительный раздел.

Письма, телеграммы, автографы¹⁵⁷.

Вы сделали великое дело, сохранив Шурины вещи...

Наверное, мы уже не увидимся

Ідуть дощі. Холодні осінні тумани
клубочаться угорі і спускають на землю
мокрі коси. Пливе у сірі безвісті нудьга,
пливе безнадія, і стиха хлипає сум.

Михайло Коцюбинський¹⁵⁸, «Fata morgana»

Каждый гражданин Советского Союза
имеет право на эпистолярное наследство.

Дорогая, возьми себя в руки, сосредоточься, почитай эти письма. Они очень интересны. Интересны всем — и описанием быта, и людскими судьбами, и чем только не интересны! Кроме того, знакомство с ними будет полезно, если тебе когда-нибудь придется разбираться с понятием «философия существования» (по-немецки «экзистенциализм»¹⁵⁹).

¹⁵⁷ Приводятся в хронологическом порядке. В тех случаях, когда дата в письмах не указана, они располагаются по предположительной дате их написания.

¹⁵⁸ Михайло Михайлович Коцюбинський (1864—1913), український письменник, перекладач, громадський діяч.

¹⁵⁹ Экзистенциализм (лат. *existentio* существование) — крайне реакционная форма современного идеалистического мракобесия в буржуазной философии и литературе (Хейдеггер, Ясперс, Сартр); стремится подорвать доверие к науке, доказать бессмысленность жизни, бесплодность общественной деятельности, несостоятельность нравственности; пытается внушить трудящимся идею бесцельности борьбы против сил реакции; одно из гнусных средств отравления общественного сознания идеологами империализма. — Словарь иностранных слов. Москва, 1949.

Мартин Хейдеггер (Хайдеггер 1889—1976), философ, немец.

Карл Ясперс (1883—1969), философ, немец.

Жан-Поль Сартр (1905—1980), французский писатель, философ, публицист, Нобелевский лауреат (от премии отказался).

Автограф А. И. Введенского Е. В. Сафоновой¹⁶⁰

Помните Елена,
Что в жизни всё тленно,
И взявший у Вас в долг,
Всё таки человек а не волк.
Примите вместо долга пока,
Эту книжку от Вашего должника.

А. Введенский

2 июня 1937 г.

Автограф Н. Н. Асеева¹⁶¹

Александру Введенскому и детскому и недетскому.

Н. Асеев

Телеграммы А. И. Введенского к Г. Б. Викторовой¹⁶²

ХАРЬКОВ СУХУМИ

ПОЧЕМУ ТЫ МОЛЧИШЬ ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ТЕЛЕГРАФИРУЙ СУХУМИ ВОЛО-
ДАРСКАЯ 16 ВВЕДЕНСКИЙ

ХАРЬКОВ ЛЕНИНГРАДА

ДУМАЮ ВОСЬМОГО ПРИЕХАТЬ ХАРЬКОВ ПРИВЕЗУ ПОВЕСТЬ СООБЩИ
ДИТВИДАВУ¹⁶³ ЛЮБЛЮ ЦЕЛЮЮ

¹⁶⁰ Елена Васильевна Сафонова (1902—1980), театральный художник и книжный график, дочь первого директора Московской консерватории, пианиста, дирижера Василия Ильича Сафонова (1852—1918). В 1932 году находилась в ссылке вместе с Хармсом и Введенским. Автограф на книжке: А. Введенский. О девочке Маше, о собаке Петушке и о кошке Ниточке / Рисунки Е. Сафоновой. — Москва-Ленинград, Издательство детской литературы, 1937.

¹⁶¹ Николай Николаевич Асеев (1889—1967), поэт. Автограф на книжке: Николай Асеев. Высокогорные стихи. — Москва, издательство «Советский писатель», 1938. (В некоторых публикациях текст этого автографа приводится неточно.)

¹⁶² Даты не проставлены.

¹⁶³ Дитвидав — Детиздат (укр.).

Письмо А. И. Введенского к Г. Б. Викторовой¹⁶⁴

Галочка милая, любимая

Я страшно сильно без тебя соскучился. Ужасно как то всё глупо получается, меня вызвали в Москву, а по моем приезде началась бесконечная канитель, и в результате только 8-го со мной подписали один договор, который я должен выполнить к 20 мая, а тогда заключат следующий. И это по этому подписанному, не выслали аванса, который обещали выслать 10-го (всего 450 р.) сейчас я во 1) сам без денег, а во 2) очень волнуюсь, что их не выслали. В Ленинград я поехал по тому что не было денег жить больше в Москве, номер стоил мне 32 р., а так как истекли уже 2 недели, то он начинал уже стоить 48 р., вот я и решил пока уехать в Ленинград. Здесь я наконец сдал эти стихи про лошадок, которые надо было переделать, потом Чиж принял стихи про теленка, и наконец, обещают здесь в Детиздате заключить со мной договор. Но пока что денег нигде не дали, а в договор я тоже не очень верю. Скучаю без тебя и без Петеньки страшно, и очень за вас волнуюсь и беспокоюсь. Надеюсь что, всё-таки, деньги из Москвы не пришли случайно и что 16 или 17-го, т. е. в следующий платежный день их вышлют. Тогда я немедленно переведу тебе телегр. 150 р., больше пока не смогу, потому что в Л-де я сейчас ничего не получу, а мне самому нужно на билет до Москвы, да еще прожить там надо. В Москве если я к 20 мая сдам работу, то платить будут только 22-го, когда я, наконец, и думаю выехать к вам домой. Галочка любимая, славная, хорошая моя девочка не сердись на меня, что всё так глупо получается, пока выходит так, что всё что я в Москве заработаю, всё на меня и уходит, этого, конечно не было бы, если бы мы жили тут вместе. Немедленно по приезде в Москву узнаю насчет комнаты. По рассказам это очень хорошо. Эта дама у которой квартира из 4-х комнат в центре Москвы с ванной, газом и телефоном. В этой квартире живет только она и ее сын школьник. Сдает она комнату за 200 р., весь вопрос в том чтобы пустила с семьей. Ну вот пока и всё.

Целую тебя крепко, крепко.

Поцелуй от меня Петеньку и Борьку.

Привет маме.

Саша

¹⁶⁴ Дата не проставлена. Предположительно 1938 год.

Письмо А. И. Введенского к Г. Б. Викторовой

<На конверте:

Почтовый штамп Ленинграда 14.V.1939, почтовый штамп городского сортировочного отделения Харькова 16 мая 1939, почтовый штамп второго городского отделения Харькова 17.5.39.

Обратный адрес — Ленинград ул. Маяковского 11 кв. 8^[165] Введенский А. И.>

Милая Галочка,

Приехал, а папу похоронили уже вчера. Нельзя было больше ждать. Все мои документы пересланы в Москву. Когда там буду получу билет. Высылаю копию справки. Из Ленинграда уеду 19-го, по приезде в Москву сразу же позвоню.

Если достану денег вышлю и отдашь долги.

Ну вот пока и всё.

Целую тебя крепко крепко.

Саша

Письмо В. В. Стерлигова¹⁶⁶ к Г. Б. Викторовой¹⁶⁷

Дорогая кума!

Вот Вам сюрприз: хотите или не хотите, но ощутил в себе властные права и обязанности по отношению к Вашему сыну. И вполне законные.

¹⁶⁵ Это адрес Хармса. (Маяковского — бывшая Надеждинская.)

¹⁶⁶ Владимир Васильевич Стерлигов (1904—1973), живописец и график, учился у Малевича, иллюстрировал детские произведения Введенского в журналах «Еж» и «Чиж», в 1934 году был репрессирован, прошел лагеря, участник войны, был контужен.

Казимир Северинович Малевич (1878—1935), художник, теоретик искусства, философ. На гражданской панихиде по нему Хармс прочитал свое стихотворение «На смерть Казимира Малевича». А художник Татлин ненавидел художника Малевича, но когда Малевич умер, Татлин всё-таки пошел посмотреть на мертвого. Посмотрел и сказал: «Притворяется». (Об этом рассказывал Николай Харджиев.)

Владимир Евграфович Татлин (1885—1953), живописец, график, художник-конструктор, театральный художник.

Николай Иванович Харджиев (1903—1996), искусствовед, литературовед, прозаик.

¹⁶⁷ Дата не проставлена. Предположительно 1939 год. Написано чернилами. На обороте, карандашом — письмо Е. В. Сафоновой, приведено вслед за этим.

Поэтому начну с категорических требований: немедленно высылайте карточку Пети.

Возмущен случившимся безобразием: натурально папа принес к Елене Васильевне, моей куме две карточки Пети. Очень хорошие. Одну дал куме, а другую положил себе в карман! Мне же обещал, что напишет Вам и Вы пришлете.

Пусть ходит со своим обещанием, а я решил обратиться к Вам, дорогая кума с требованием: немедленно высылайте карточку на адрес Елены Васильевны.

Затем заверяю Вас, что буду вмешиваться в жизнь Пети в пределах своих прав и обязанностей до конца дней своих.

И уверяю Вас, что шуток тут нет.

Желаю и Вам всякого добра и блага.

Петьку целую.

Ваш кум

Стерлигов

<На письме рисунок>. Петя! Помнишь жукусью которую тебе делал?

Письмо Е. В. Сафоновой к Г. Б. Викторовой¹⁶⁸

Я вдруг забыла Вашу фамилию, как
будто Викторова — напишу двойную.

Милая Галя,

Напишите пожалуйста, как дела, как Вы доехали? Удалось ли послать мой ящикек¹⁶⁹? Шура уехал в тот же день и я успела еще ему проиграть в шестьдесят шесть. С игрой в конце что то затерло, но у меня приняли 2 литографии и даже кажется собираются заплатить.

Досвиданья, Галя, целую Вас и Петруху.

Ваша кума

¹⁶⁸ Написано карандашом на обороте письма Стерлигова (приведено перед этим). Дата не проставлена. Предположительно 1939 год.

¹⁶⁹ Об этом ящике см. ниже — комментарий в сноске к письму Е. В. Сафоновой к Г. Б. Викторовой от 8.XII.67.

Письмо Л. С. Липавского к Г. Б. Викторовой¹⁷⁰

Дорогая Галя!

<...> Возможно, — страшно вымолвить, — что я рисовался Вам в Ваших мечтах более красивым, чем оказалось на самом деле. И именно это разочарование или потрясение заставило Вас так быстро покинуть вокзал.

До сих пор я не разрешил этой задачи. Но признаться, именно эти сомнения остановили мою руку, когда я хотел вновь послать Вам телеграмму о своем проезде через Харьков.

Теперь, дорогая Галя, Вы знаете всё. Умоляю Вас, не сообщайте ничего Шуру: он болтун и передаст Тамаре содержание этого письма. А я сказал Тамаре сначала, что я Вас не видел, меня встречал один Шура; а потом сказал, что Вы на вокзале были, но были случайно, потому что у Вас в Харькове принято гулять по вокзалу. Если она теперь узнает, что это не так, у нее могут зародиться сомнения, ее доверие ко мне будет подорвано.

Остаюсь Ваш

Л. Липавский

Письмо Л. Г. Шпет¹⁷¹ к А. И. Введенскому

Москва. 24. XI. 1940 г.

Я действительно не верила, что Вы напишете мне. И не ждала письма. Получив его, не узнала по почерку на конверте.

Но спасибо даже и за такое грустное.

Это всё-таки теплое человеческое слово. А мне сейчас трудно живется.

Идет смотр детских театров. Каждый день я бываю на двух спектаклях, а по утрам — на обсуждениях. В промежутках я должна успеть показаться у себя в театре. Я всё время хочу спать. Дочка плачет и не хочет, что бы я уходила. Театры показываются не блестяще, очень средне. Все усталые, волнуются и живут с ощущением никчемности того, что делается. Мне жалко людей. А люди противные. Каждый только о себе думает.

И всё это было-бы для меня, вероятно, совсем по другому, и было бы интересно, и весело, если-бы не то, что у меня умерла мама. Я не плачу

¹⁷⁰ Дата не проставлена. Предположительно 1939 год.

¹⁷¹ Ленора Густавовна Шпет (1904—1976), театральный критик, педагог, один из основателей Центрального театра кукол (театра Образцова), в 1938—1964 гг. — заведующая литературной частью этого театра, дочь знаменитого философа Густава Густавовича Шпета (1879—1937, расстрелян).

и не грущу. Я не позволяю себе об этом думать. Но только это одно имеет для меня значение. И мне всё кажется невероятным и искусственным, что жизнь бежит даже не споткнувшись. И нет во всем мире человека, для которого хоть сколько-нибудь важно было выражение лица, с каким она лежала в гробу, ее застывшие тонкие и чудесные пальцы, ее большая, трудная и мучительная жизнь, — и то, что от этой жизни, от этих рук, от ее немощного тела осталась только горсть пепла, которую я уже не могу любить, не могу обнять, и которую я должна молча закопать в землю.

Я не рассчитала... Мама умерла раньше, чем родилось то существо, которое должно заместить ее и занять пустующее место. И вышло так, что мне теперь не к кому вставать по ночам, не за кого беспокоится, и мне пусто и как-то стыдно жить.

Видите, я пишу Вам вовсе не о театре, — я не знаю даже, что о нем и написать. Театр как театр, заведенная машина. Вы думаете, что подвигается «Варьете»? Нет. Мы только на словах всё быстро делаем.

Но Ваш «концерт» и песенки разрешены ГУРК'ом^{<172>}.

Спокойной ночи.

Я так и не поняла, почему не можете, и почему не к чему написать мне о чем-то, что и меня касается или касалось. Хоть оно и прошлое, а не забывается.

Ваша

Л. Ш.

Об Вас спрашивали Макарьевы^{<173>}, — почему Вы не зашли к ним, когда были в Л-де?

Письмо Е. В. Сафоновой к А. И. Введенскому

1.12.40

Милый Александр Иванович.

¹⁷² О пьесе Введенского для театра Образцова «Концерт-варьете» см. выше.

ГУРК — речь идет о Комитете по контролю за репертуаром при Главном управлении по делам литературы и издательства (Главлите).

Какое сильное письмо...

¹⁷³ По-видимому, — Леонид Федорович Макарьев (1892—1975), актер, режиссер, драматург, один из основоположников и активных деятелей российского детского театра, профессор Ленинградского института театра, музыки и кинематографии; Вера Алексеевна Макарьева (Зандберг, 1897—1975), актриса.

Сегодня я получила Ваше письмо от (26-го), которое письмо меня окончательно разстроило. Я Вам кажется дня три-четыре назад, когда взяла Вашу пьесочку в Затейнике послала сотню.

Завтра пошлю Вам около двухсот телеграфом, п. ч. мне нужно для этого пойти в сберкасса.

Анна Григорьевна просила Вам передать, что материал им требуется военный на будущее время. 40% в журналах будет военного материала вообще. Имейте это ввиду.

До Шпет дозвонилась только сегодня. Насчет денег она говорит, что дело темное. Репертком всё утвердил. А про деньги, что Вам удавалось их устраивать из за хороших отношений с директором, а ей наврядли. М. б. лучше Вам приехать и лично это делать, она говорит.

Напрасно Вы пишете разные слова про иронические улыбки и разводите мазохизм. Сколько я смогу столько пришлю всегда, но я должна руководствоваться в этом деле двумя идеями: 1) тем, что отец учил нас деньги в долг давать, но списывать их в расход, и следовательно руководствоваться тем сколько я имею право их списывать их в расход. 2) тем что я обременена многочисленными сложными и довольно тяжелыми обязанностями. Это я пишу чтоб это было раз и навсегда известно, т. к. сих жизненных принципов мне придется придерживаться в сей и будущей жизни, и разводить самодисциплину ибо я человек неорганизованный и во многом увы Вам подобный. Я к Вам чудно отношусь, Александр Иванович, и пишу всё вышеизложенное отнюдь не из желания Вас унижать и ущемлять, а просто вы для меня никак не посторонний человек. Вот.

Письмо Е. И. Введенской¹⁷⁴ к А. И. Введенскому

8/VII-41г.

Дорогой Шурочка! На днях узнала от Тамары, что ты ей звонил по телефону, почему ты не позвонил мне. У нас пока всё по старому, я по прежнему работаю у себя в больнице, а Саша¹⁷⁵ тоже на старом месте, только почти совсем не бывает дома, за всё время ночевал дома раза 4. Володю призвали в прокуратуру, он вчера уехал. Муся с Юрой и Женечкой уехала в Ярославск. обл., а Кока остался с дедушкой и бабушкой. Пиши подробно о себе, как Петенька и Галя.

¹⁷⁴ Евгения Ивановна Введенская (1908—1946), сестра А. И. Введенского, педиатр, умерла от туберкулеза.

¹⁷⁵ Александр Левитан, муж Е. И. Введенской, врач.

Пиши, как можно чаще.
Целую тебя крепко, крепко.
Привет Гале.

Твоя

Женя

Письмо Е. И. Введенской к А. И. Введенскому

18/VII-41

Дорогой Шурочка! От тебя письма так и не имею. Очень была рада поговорить с Галей по телефону и узнать, что у вас пока всё благополучно. От Муси из гор. Ростова Ярослав. обл. получили письмо. Живут они в школе, обедают в столовой какого-то завода. От Володи тоже имеем открытку, он находится не далеко, его адрес: Действ. Кр. Армия П. П. С № 44 Военная прокуратура. От Шашиного отца нет никаких известий, его мать с сестрой и племянником уже в Оренбурге. Я себя очень скверно чувствую, еле работаю, а работать чем дальше, тем придется больше. Саша в Лен-граде почти совсем не бывает, вот уже 4 дня, как его нет, начала уже беспокоиться.

Пиши, как можно чаще.

Привет Гале, поцелуй Петеньку.

<Неразборчиво...> очень много работает по труд. пов<инности> за го-
родом. Целую тебя крепко, крепко.

Женя

Письмо Т. А. Липавской к А. И. Введенскому

6/IX¹⁷⁶

Дорогие Шура, Галя и всё ваше детское семейство. Очень обрадовалась получить от вас весточку и узнать, что все здоровы, живы, благополучны и на месте. Думаю, что Шура уже тоже дома. Завидую Петькиной выносиливости, проткнуть ногу гвоздем и на другой день уже прыгать — это какое-то завидное свойство, но наверное только детское.

¹⁷⁶ Дата написания этого письма 6/IX — 1941 года не вызывает сомнения.

У нас всё тихо, спокойно Лёня^{<177>} всё там же, но вот уже две недели как я его не видела, приехать он не может, но сведения о нем я имею, то это письмо, то телефон, то ктонибудь оттуда приедет и передаст свежий поклон.

Нюрочка^{<178>} и Валя^{<179>} и Яша и Надя^{<180>} с Мишей^{<181>} все здесь, все здоровы, Нюрочка очень много работает и стала, черная, загорелая, ей это очень к лицу. Чувствует она себя хорошо, не болеет, но очень устает.

Мама моя очень сильно больна, она уже почти не ходит и почти ослепла. Это так ужасно, так больно на нее смотреть. Саша здесь, Женя хотела уехать. Сейчас только позвонила Женя. Она здесь и никуда не едет. Пишите ли вы ей. Надо бы Шуре ей написать. Я работаю всё инструктором ПВХО по жактам.

Как бы хотелось быть вместе с вами а то иногда такая тоска возьмет и хочется быть с друзьями. Пишите хоть чаще, а то вы не балуете письмами. Пора бы и Шуре научиться писать.

Целую вас всех огулом.

Тамара

Письмо Т. А. Липавской к А. И. Введенскому¹⁸²

13 сентября^{<183>}

Дорогие Галя и Шура

Пишу второе письмо на расстоянии нескольких коротких дней.

Мы пока все живы и здоровы.

Лёню вижу, но теперь гораздо реже, т. к. я к нему ездить не могу. Но вчера он приезжал сам, сегодня проводила его.

¹⁷⁷ Леонид Савельевич Липавский находился в армии под Ленинградом.

¹⁷⁸ Анна Семеновна Ивантер (1906—1996), вторая жена Введенского, — вместе с другими работниками Студии Леннаучфильм рыла окопы под Ленинградом.

¹⁷⁹ По-видимому, — Валентина Ефимовна Гольдина, в замужестве Каменская (1902—1968), художник по тканям.

¹⁸⁰ Надежда Александровна Друскина (1903—1962), переводчик с английского, жена М. С. Друскина, брата Якова Семеновича Друскина.

¹⁸¹ Михаил Семенович Друскин (1905—1991), музыковед, педагог, пианист, брат Якова Семеновича Друскина.

¹⁸² Письмо впервые опубликовано и прокомментировано В. И. Глоцером в журнале «Русская литература» (Санкт-Петербург), 1996, № 1.

¹⁸³ Дата написания этого письма 13 сентября 1941 года не вызывает сомнения.

У нас часто бывает Яша, он просил вас кланяться, в особенности Пет<ь>ке. Даниила Ивановича я давно не видела, он еще 23 августа уехал к Николаю Макаровичу^{<184>}.

Нюрочка приезжала на два дня, она похудела, похорошела.

Лёнина сестра Нина^{<185>} живет у нас. Я продолжаю свою инструкторскую работу по жактам, это берет у меня очень много времени.

Друскины снова сошлись и живут сейчас все рядом со мной и теперь Яша помогает мне по хозяйству, вместе ходим за покупками и мне веселее.

Маме стало сейчас лучше, она даже бродит по квартире.

Пишите как можно чаще, теперь мне как-то сильно не хватает вас и многое я дала бы, чтобы быть сейчас вместе с вами. Как живет сейчас Петушок? Помнит ли он меня. Я его крепко целую, Борю тоже. Женя и Саша здесь. Марина Владимировна^{<186>} живет сейчас там же где и Шварц^{<187>}. Ну вот пока и все новости. Дм. Дм.^{<188>} видим часто, у них начались занятия.

Еще раз прошу вас писать.

Тамара

Привет Галиной маме.

Письмо Е. В. Сафоновой к А. И. Введенскому

<Открытка. Обратный адрес: Е. Сафонова Москва 121 Плющиха 31 кв 11>.

1.X.41

Дорогой Александр Иванович, ну как же Вы живете? Как Галя и дети? Уехали ли они как Вы предполагали или нет? Детский вопрос самый пожалуй тя-

¹⁸⁴ 23 августа 1941 года был арестован Даниил Иванович Хармс. Николай Макарович Олейников к этому времени не только был арестован, но и расстрелян. И в этом письме Тамара Александровна Липавская в завуалированной форме («Даниила Ивановича я давно не видела, он еще 23 августа уехал к Николаю Макаровичу») сообщает в Харьков об аресте Хармса.

¹⁸⁵ Нина Савельевна Липавская, сестра Л. С. Липавского.

¹⁸⁶ Марина Владимировна Малич, во втором браке Вышеславцева, в последнем Дурново (1912—2002), преподаватель французского, в эмиграции (Венесуэла) — владелица книжного магазина. Вторая жена Хармса.

¹⁸⁷ Евгений Львович Шварц (1896—1958), драматург, сценарист, мемуарист, детский писатель.

Марина Владимировна, после того как в дом на Маяковской (Надеждинской), 11, попала бомба, переехала в «писательскую надстройку» (канал Грибоедова, 9), где жил и Е. Л. Шварц.

¹⁸⁸ Дмитрий Дмитриевич Михайлов (1892—1942, по другим данным 1891—1941), филолог, преподаватель, участвовал во встречах чинарей.

желый в нашей жизни, для меня также, т. к. на мне лежит ответственность за Илюшу^{<189>}, он в Угличе, и надо его переплавить в Иваново, всё очень сложно. От сестер^{<190>} получаю изредка письма, последнее было не очень радостное от 14.IX. Работаю «поденщицей» (около 22 р. в день) в Вахтанговском театре. Народ там приятный, но очень холодно и работа тяжелая физически. Писала задники всё время на ногах, болели отчаянно первые дни ноги и правая рука от тяжелой кисти, но обтерпелась и не так устаю. Когда то мы с Вами увидимся? Скучно без Ваших наездов. Всеволод и Феня шлют привет. Я тоже куме и Петрухе. Володя на днях переезжает с дачи с семьей. Не знаю где лучше или где хуже.

Ваша

Е. С.

Письмо Е. И. Введенской к Г. Б. Викторовой

<Письмо — треугольник (без конверта) со штампом «ПРОСМОТРЕНО Военной Цензурой 11267»>

15/VI-45 г.

Дорогая Галинька! Наконец таки получила от Вас письмо.

Если бы вы знали, как оно меня опечалило и расстроило, я всё еще надеялась, что Шура быть может жив, а оказывается его нет. Боже мой, Боже мой как тяжело, теперь у меня не осталось ни одного родного человека. Володю брата я не считаю за родного, т. к. он относится ко мне хуже чем чужой, он совершенно мной не интересуется и мне не пишет. Мы ведь с Шурой так друг друга любили. Очень рада, что Петенька во многом похож на Шуру. Мой же Женя¹⁹¹, мне кажется и лицом и характером похож на Петю. У него такие же кудрявые, как у Пети волосы и серые глаза (у меня и у Саши глаза карие). Он такой же шумный и живой каким был Петя маленький. Я сейчас болею вот уже 2 недели лежу в постели. Здоровье мое совсем пришло к концу, не знаю сумею ли

¹⁸⁹ Илья Кириллович Сафонов (1937—2004), инженер-связист, племянник Е. В. Сафоновой.

¹⁹⁰ По-видимому, речь идет об Анне Васильевне Сафоновой-Тимиревой (1893—1975) и Ольге Васильевне Сафоновой (1899—1942).

¹⁹¹ Евгений Александрович Левитан (р. 1943), сын Е. И. Введенской, пианист, музыкальный педагог, профессор Уральской консерватории им. М. Мусоргского и Челябинской академии культуры и искусств.

уже я поправиться. Я так похудела, что на меня страшно смотреть. Почему Вы ничего не пишете про свою маму и братьев? Сегодня же посылаю Вам 300 р., быть может сумеете купить ребятам обувь и снять Петеньку^{<192>}. При первой же возможности вышлю еще. Саша пишет, он сейчас находится в каком-то городе недалеко от Берлина. Он пишет, что теперь скоро увидимся. О будущем пока ничего не думаю, при таком здоровье трудно загадывать вперед. Ну, вот пока и всё. Целую Вас и целую крепко, крепко.

Пишите.

Ваша

Женя

Письмо приятельницы Е. И. Введенской к Г. Б. Викторовой

<Обратный адрес: Ленинград ул. Льва Толстого 6-ца Эрисмана, туб. отд. Введенской Е. И.>

24.08.46

Ленинград

Здравствуйте Галя!

Пишу Вам по просьбе Жени, сестры Шуры. Она сейчас находится в Ленинграде, лежит в очень тяжелом состоянии в больнице у нее туберкулез да еще гнойный плеврит вот уже с апреля она лежит здесь. Саша уехал уже два месяца тому назад. К его родителям, повез маленького Женичку. И до сих пор нет ничего, ни писем, ни сам не едет^{<193>}. Как Вы живете, как Ваш Петенька? И вообще какова жизнь в Харькове? Напишите Женечке, она будет очень рада. Галя! А меня Вы тоже должны помнить. Я бывала у Жени, когда Вы приезжали в Ленинград и я Вас и Петеньку отлично помню. Меня зовут Тамара, я блондинка.

Желаю Вам всего хорошего.

Тамара^{<194>}

¹⁹² О, господи. Милая, милая Женя, при ее то состоянии еще и деньги посылает... А с обувью действительно была катастрофа, ее не было, никакой.

¹⁹³ В некоторых публикациях писали, что Александр Левитан погиб на фронте. Очевидно это не так (см. также письмо Е. И. Введенской к Г. Б. Викторовой от 15/VI-1945).

¹⁹⁴ Тамара (не путать с Тамарой Александровной Липавской) — это приятельница Евгении Ивановны Введенской, никаких данных о ней у меня нет.

Письмо Я. С. Друскина к Г. Б. Викторовой

3.IV^{<195>}

Дорогая Галя!

Это письмо к Вам уже третье. Правда первые два были написаны давно и повидимому по неверному адресу.

Мне очень хотелось бы знать, как Вы живете, как Петя, кто он, чем интересуется, знает ли Шурины стихи (взрослые).

Сохранились ли у Вас Шурины стихи?

У меня есть, но не много.

Я очень хочу Вас видеть, если Вы будете в Москве, я может быть и приехал бы на день или два. На долго я не могу, т. к. у меня дома больная^{<196>}. Если же в Москве Вы не бываете, может кто из Ваших знакомых придет в Ленинград? Тогда пусть зайдет ко мне.

Если Вы будете в Москве, то привезите Шурины стихи, лучше копии, а я привезу, что у меня есть.

Ответьте мне, пожалуйста, и кланяйтесь Пете и Вашему старшему сыну, которого я не знаю.

Знаете ли Вы, что сейчас переиздаются Шурины стихи? Издательства не всегда сообщают о переиздании, поэтому Вы возьмите журнальную и книжную летопись и пересмотрите ее за последние годы.

Я. Друскин

Мой адрес: Ленинград. Невский 150 кв. 93.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой¹⁹⁷

8/IV-57

Дорогая Галя,

Наконец мы узнали Ваш адрес, сделал это, правда, Яша, но не я. Очень хочется узнать как Вы живете, как Петя, как Ваш другой сын, я забыла его имя, как мама? Напишите пожалуйста подробно о себе и своей семье и всей Вашей жизни.

¹⁹⁵ Штмп ленинградской почты на конверте 3.4.57.

¹⁹⁶ Яков Семенович говорит о своей матери Елене Савельевне Друскиной (Гельфанд, 1872—1963).

¹⁹⁷ В конверт, вместе с письмом, трогательно вложены почтовые марки, чтобы Г. Б. не тратилась на их покупку.

Теперь дела. Я проверяла книжную летопись за 1956 г. весь и 9 № за 1957 г. и там я нашла несколько Шуриных книжек. Я точно всё выписала и посылаю эти сведения Вам. Я выписала всё, что в летописи было, многое я сама не понимаю, что это означает, но м. б. эти сведения пригодятся, поэтому я выписывала их.

В 1956 г. 1) Книжная летопись № 23 №31394 Введенский А. «Кто» стихи для дошкольн. Рис. Л. Юдина Москва Детгиз 1956 [10] с илл. 22 см. 500 000 [56—26946]

2) Книжная летопись № 5 1957 г. № 5418 Введенский А. «О девочке Маше, о собаке Петушке и кошке Ниточке» (повесть для мал. дет.). Рис. Н. Кнорринг. М. Детгиз 1956. 128 с. с илл. 20 см. 100 000 экз. (1—50 тыс.) 8 р. В пер. [57—942] 891.71—93.

3) Книжная летопись № 9 за 1957 г.

10202 Введенский А. «О девочке Маше, о собачке Петушке и о кошке Ниточке» (повесть для мал. детей) Рис. Н. Кнорринга. М. Детгиз 1956 г. 128 с. с илл. 32 см. 100 000 экз. (51—100 тысяч) в р. в пер. 891.71—93. [57—5251]

Я повторяю, многие цифры и круглые и квадр. скобки мне не ясны. Но очевидно они что-то говорят

Вам надо узнать имеете ли Вы еще право получить за эти книги деньги и постараться их получить. Право на авторское наследство продолжается 15 лет.

Напишите всё, что Вы знаете о Шуре, очень Вас прошу.

Привет всем. Петя уже наверное взрослый мальчик, хотелось бы его поводить, у меня есть его карточка, когда ему было 3 года. Напишите подробнее о нем.

Целую Вас.

Тамара

Мой адрес: Ленинград, П-3. Гатчинская, 8 кв. 4 Т. А. Л.

Письмо Я. С. Друскина к Г. Б. Викторовой

20.IV<¹⁹⁸>

Дорогая Галя!

Вчера я получил Ваше письмо и был очень рад, что нашел Вас. Но мне очень жалко, что в ближайшее время я не смогу увидеть Вас. В луч-

¹⁹⁸ Штамп ленинградской почты на конверте 21.4.57.

шем случае я смогу приехать к Вам в сентябре или октябре. Больна у меня мама, скоро 8 лет, а этой осенью еще сломала ногу и я не могу сейчас уехать из Ленинграда больше, чем на 2—3 дня. Поэтому я и надеялся, что Вы приедете в Москву, а еще лучше в Ленинград, Вы жили бы у нас. На юге я никогда не был, а если бы был, то конечно заехал бы в Харьков и нашел Вас, даже если бы Вы меня и не звали. Но, если осенью маме будет лучше и можно будет оставить, я приеду к Вам на неделю, если можно.

Теперь удовлетворяю Ваше любопытство. В 43—44 г. я получил от Вас письмо в Свердловске. Но Ваш адрес был написан только на конверте и номер дома неясно. Я ответил, но повидимому неправильно разобрал номер. Вернувшись в Ленинград, я и Тамара снова написали Вам письмо по другому адресу и ответа не было. У Жени в больнице я был с Тамарой, но не догадался спросить Ваш адрес, т. к. не знал, что Вы переписываетесь с ней. Сейчас очень жалко, т. к. тогда еще мог съездить к Вам или во всяком случае в Москву, когда Вы там были. Узнал же Ваш адрес очень просто: через адресный стол и удивляюсь и жалею, как это не догадался сделать раньше.

Теперь отвечаю на Ваши вопросы.

Письмо от Тамары Вы должно быть уже получили, так что о Тамаре не пишу. Нюрочку не видел уже очень давно, но Тамара должно быть написала о ней. Вам кланяются Глебовы Татьяна Николаевна¹⁹⁹ и Люсина²⁰⁰, Вы их знали и муж Татьяны Николаевны Владимир Васильевич Стерлигов, он хотел Вам написать, а может уже написал. Что касается до Володи, то я с ним не встречаюсь, а если случайно мы встречаемся на улице (очень редко), то делаем вид, что не знакомы. В Володе соединились все Шурины (по Харьковски Сашины) недостатки, при чем уродливо выросшие, и не одного из Шуриных достоинств. Поэтому видеть его мне просто неприятно.

Теперь о Шуриных вещах. Всё, что у меня есть, — Ваше, я же только хранитель их и Вы можете не беспокоится, я сохранил их во время блокады и эвакуации, а это было трудное время. Вы пишете, что у Вас сохранились обрывки Шуриных вещей. Если бы Вы могли переписать или перепечатать их и переслать мне, я был бы Вам благодарен²⁰¹. Но рукописи не присы-

¹⁹⁹ Татьяна Николаевна Глебова (1900—1985), художник, ученица Филонова, сотрудничала в журналах «Еж» и «Чиж».

²⁰⁰ Людмила Николаевна Глебова (1918—1990), сестра Татьяны Николаевны Глебовой.

²⁰¹ Ныне автографы Введенского находятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (фонд 1232, Я. С. Друскина).

лайте, я боюсь, как бы они по дороге не пропали. Если кто-нибудь из Ваших знакомых поедет в Ленинград, попросите его зайти ко мне.

Дорогая Галочка. А может быть Вы всё же могли бы получить командировку или что-нибудь в этом роде в Ленинград или хотя бы в Москву?

Напишите мне, когда у Вас отпуск и где Вы тогда будете.

Кланяйтесь Вашим детям.

Я. Друскин
(Яков Семенович)

Невский 150 кв 93.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой

12 мая^{<202>}

Дорогая Галя, письмо Ваше получила уже давно, но оно потрясло меня своим содержанием и я просто не могла сразу ответить.

Всколыхнулось всё старое, хорошее и всё страшное, что пришлось пережить и что хотелось бы забыть, но забыть это невозможно. Ведь ушли все близкие и родные. Но я рада, что есть Вы и что хоть поздно мы нашли друг друга и хочется верить, что мы с Вами как-нибудь встретимся. Я бы даже приехала к Вам в Харьков на некоторое время, мне так хочется повидаться с Вами и не через письмо поговорить. Хочу видеть Петю, я ведь помню его маленьким, кудрявым мальчиком, живым и жизнерадостным, а на карточке у него такой грустный вид. У меня есть его карточка, где ему наверное 3 года, у него такая задорная курчавая головка. Есть ли у Вас она т. е. карточка? Сравниваю теперешнюю карточку с карточкой Шуры, когда он тоже был почти такой-же молодой как и Петя и не могу решить похож ли он на него. Борю я тоже очень хорошо помню, хотя видела его только в Лещиновке. Смогу ли я к Вам приехать это выяснится приблизительно через месяц, а Вы мне пока напишите можно ли приехать и можно ли достать номер в гостинице или еще лучше частную комнату, я ведь надолго приехать не смогу. Если я смогу приехать, то приеду в свой отпуск и мне нужно обязательно отдохнуть, а стеснив Вас я и сама не отдохну, и Вам не дам отдохнуть. В письме всего не напишешь, скажу только, что за войну я потеряла всех. Лёня погиб на фронте в начале войны, в 42 г. у меня в один день умерла ма-

²⁰² Год не обозначен, но позволяет достоверно датировать письмо 1957-м годом, хотя бы и тем, что в этом письме Тамара Александровна, которая родилась в 1903 году, пишет о предстоящем в следующем году выходе на пенсию.

ма и тетя и мы вдвоем с сестрой^{<203>} хоронили их, без гроба, в простынях, уложив могилу еловыми ветками. В живых осталась сестра, моя племянница и муж сестры.

Сестра сейчас перенесла тяжелую операцию катаракты и пока плохо видит, ее муж был за границей 2 г. и оттуда приехал совершенно больным человеком^{<204>}, он перенес там инфаркт а к этому присоединилась сердечная недостаточность: будет ли он жить — не ясно, у него непрерывные сердечные припадки, которые тянутся от 9—10 ч. подряд. Из наших друзей Хармс погиб так же, как и Шура, Олейников тоже. С женой Олейникова, Лариссой^{<205>}, я переписываюсь, она живет в Одессе и у нее уже большой сын Саша^{<206>}, он кончает Одесский университет, пишет стихи, он приезжал в Л-д и был у меня. Мне он понравился, но на Олейникова похож мало. Лариса получила извещение, что Ник. Макар. умер 1945 г., он реабилитирован, также как и Д. И. Я получила письмо из Москвы с целым списком писателей, о которых меня просят дать биографические сведения, сведения о их творческих интересах и там в том числе и имя Д. Ив. Многих из писателей, о которых они просят дать сведения я просто не знаю. Евг. Львович Шварц живет в Л-де, очень болеет, недавно очень торжественно отмечали его 60^{ти} летие. Заболоцкий^{<207>} в Москве, кто-то сказал, что от него ушла жена^{<208>}. Его я ни разу не видела, он никогда не заходил ко мне, хотя и бывал в Л-де. Я работаю в электротехническом ин-те. Боюсь, что в этом году мне придется принимать приемные экзамены, очень не хочется, т. к. это испортит мне отпуск. Вот это обстоятельство и положение в семье сестры и определит мои перспективы на отпуск. Я через год выхожу на пенсию, вот такая я старая. Не дождусь этого момента, уж очень трудно работать, здоровье плохое, я ведь всю блокаду провела в Ленинграде. Живу я со своей приятельницей и вместе с ней растим ее сына Шуру, которому сейчас 20 лет. Он в ВУЗ не попал и кончает сейчас

²⁰³ Софья Александровна Мейер.

²⁰⁴ За какой там — «<...>» за границей 2 г. и оттуда приехал совершенно больным человеком <...>!» — Конечно, эвфемизм, наверняка сидел.

²⁰⁵ Лариса Александровна Олейникова (1907—1996).

²⁰⁶ Александр Николаевич Олейников (р. 1936), геолог.

²⁰⁷ Николай Алексеевич Заболоцкий (1903—1958), поэт, переводчик, детский писатель. В 1938 году был репрессирован, в 1944 году освобожден из-под стражи, в 1946 году вернулся из ссылки.

«Н. А. <Заболоцкий> (возмущенно): Немцы! У них вообще сплошное безобразие. Там, например, Тельман сидит уже который месяц в тюрьме. Можно ли такое представить у нас?..» (см. «Разговоры» Л. Липавского).

Эрнст Тельман (1886—1944), немец, деятель немецкого рабочего движения. В 1933 году арестован гестапо. Убит в концлагере Бухенвальд.

²⁰⁸ Екатерина Васильевна Заболоцкая (Клыкova, 1906—1997).

техникум. Приятельница эта со времени блокады очень больная, у нее стенокардия, она часто лежит в б-цах, Шуре, когда он стал жить со мной было 4 или 5 лет, а теперь он юноша. Племяннице моей 27 лет и у нее 6 летняя дочка Оля. Я ее очень люблю. Рассказать можно было бы больше, но в письме получается очень длинно и вообще письма очень несовершенный способ общения. Ответы на вопросы приходят через неделю, две, а то и три.

Но всё-таки Вы напишите подробнее о себе, о своей жизни, о маме, я очень рада, что Вы нашлись. Напишите поскорее. Где вы работаете? Я очень много работаю, не только на работе, но и дома. Яшу вижу очень редко, у него очень больна мать и он не оставляет ее ни на минуту, он очень хороший сын. Он даже бросил работу. Но в тяжелые минуты, Яша всегда со мной всегда посоветует, поддержит. Летом он всегда уезжает с матерью куда-нибудь на дачу, вот и сейчас наверное скоро уедет в Пушкин, он считает, что воздух Пушкина хорошо действует на мать. Ей 80 с чем то лет. Она болеет уже несколько лет подряд, ухаживая за ней, Яша сам стал лучшим врачом для нее, он изучил ее организм, реакцию ее организма на разные лекарства, он сам делает ей уколы и всякие прочие процедуры и если она еще жива, то только его усилиями и энергией. Я такого сына еще не видела. Но в минуты перерыва он попрежнему интересуется всем наукой, искусством во всех видах, но играть, не играет, т. к. роюля с блокады нет.

Вот и всё. Жду от Вас письма.

Целую крепко Вас и если можно Вашу маму. Целую мальчиков.

Т.

Письмо Я. С. Друскина к Г. Б. Викторовой²⁰⁹

Дорогая Галечка.

Завтра у меня будет Петя. Конечно, я хочу его видеть, потому что он Ваш и Шурин сын. В последний раз я видел Петю, когда Шура приезжал с ним без Вас. У Пети был альбом с картинками, он мне показывал и называл то, что там нарисовано, и был очень удивлен, когда я стал путать его, называя трамвай коровой, а корову — вороной. Поскольку Шура был чинарем-авторитетом бессмыслицы, я предложил ему, показывая картинки Пете, каждый день называть их новыми именами, на что Шура ответил: заведи своего сына и так и учи его. А в первый раз я видел Петю, когда приезжали

²⁰⁹ Дата в письме не обозначена. Предположительно 1963 год.

Вы, Шура и Петя и остановились в Астории. Я зашел к Вам с Даниилом Ивановичем днем, а Шура куда то ушел.

Шурины вещи, конечно, хранятся у меня. Я показывал их нескольким понимающим молодым людям, и они поняли их. Один из них перепечатывает всё, что у меня сохранилось. Когда он кончит, я хотел бы передать Вам, только не почтой. Если кто-нибудь от Вас приедет в Ленинград и ему можно будет передать, то я передам, если от Вас будет письмо. Потому что широко распространять Шурины стихи пока еще не стоит. А лучше всего, если бы Вы сами могли к нам приехать.

Был ли у Вас Леонид Натанович Чертков²¹⁰? Ему лет 30, я думаю не больше, он пишет статью о обериутах²¹¹ в энциклопедии. Он знает Харджиева и с ним можно говорить, поэтому, когда он был у меня в декабре, я читал ему вещи Шурины и Хармса. Он их понял и сказал: мы думали в Москве, что в 30 годы жизнь кончилась, а оказывается у вас был расцвет. Стихи Шурины ему нужны были, конечно, не для статьи, а потому что он интересовался ими, для будущего времени. Я ему рассказывал и о Вас, его интересует всё о Шуре, и он собирался к Вам приехать.

Вчера у меня были Стерлиговы — Владимир Васильевич и Татьяна Николаевна (Глебова), мы говорили о Вас и о Пете. Они тоже хотят видеть Петю, но Тамара не знает ни его адреса, ни телефона, а завтра Стерлиговы уезжают. Если Петя случайно сегодня позвонит Тамаре, то можно будет устроить их встречу. Они, конечно, кланяются Вам и передают привет.

Так вот, Галечка, какое получилось длинное письмо. Я буду рад, если Вы ответите, а еще больше, если Вы приедете.

Я. Друскин

Мой письменный адрес: Ленинград С. 24. Невский 150. кв. 93.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой²¹²

Дорогая Галя,

Хотя Вы мне не пишете, но я решила написать Вам и узнать как Вы все живете, как здоровье, кем стал Петя, где он, как Ваш старший сын?

²¹⁰ Леонид Натанович Чертков (1933—2000), поэт, прозаик, литературовед, переводчик, в 1957 году арестован, приговорен к пяти годам лишения свободы, освобожден в 1962 году.

²¹¹ В этом письме Друскин пишет «обереуты», а не так, как пишут теперь «обзриуты», между прочим, это слово во всех письмах встречается только один раз.

²¹² Штамп ленинградской почты на конверте 29.2.64.

Дело у меня к Вам, Галя. Сейчас собираются писать статью о Шуре и Д. И. Есть ли у Вас что-нибудь напишите и можно ли дать Ваш адрес?

У Я. С. умерла мать, я живу неважно, плохо с глазами. Писать много не могу. Жду письма от Вас о Вашей жизни и жизни всей Вашей семьи и ответа на мой вопрос.

Целую Вас.

Т. Липавская

Мой адрес: Л-д П-49 Блохина, 4/3 кв.1 Тамара Александровна Липавская.

Письмо Я. С. Друскина к Г. Б. Викторовой

15 авг^{<213>}

Дорогая Галечка.

Прошло уже больше месяца, как я написал Вам письмо, а от Вас нет никаких известий и меня это очень волнует. Две недели тому назад я был у Тамары и она тоже не имеет от Вас писем. Операция у Тамары, говорят, прошла хорошо, но Тамара ничего почти не видит оперированным глазом и в сентябре снова будет операция. — Что же тут хорошего?

Напишите пожалуйста, что у Вас, хотя бы несколько слов.

Я. Друскин

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой

2/XI. 64

Дорогая Галя,

Вы не сердитесь, что я не сразу Вам ответила, но я выбираю время писать письма в зависимости от состояния глаз и общего самочувствия.

Очень понимаю Ваши расстройства по поводу обмена комнаты, т. к. сама этим занимаюсь и по-видимому, безрезультатно. Я живу в очень большой квартире, — у нас 8 комнат и 18 человек жильцов, огромная общая площадь, которую очень трудно убирать, когда приходит наша очередь и очень трудно

²¹³ Год не обозначен. Предположительно 1964.

найти человека, а ни я, ни моя приятельница делать этого не можем, а самое главное, у нас отвратительный состав жильцов и вот хотелось бы сменяться, но воз и ныне здесь. Очень много стоит это нервов, а нервы никуда не годятся.

Не можете ли Вы обратиться в Союз писателей, чтобы Вам помогли обменяться. У Вас ведь действительно положение безвыходное, у меня то ведь сама комната очень хорошая и поэтому мне невозможно ни к кому обращаться, никто ведь не будет вникать в такие тонкости как болезнь и взаимоотношения, а у Вас другое дело — у Вас недостаток площади, а это как раз тот принцип, по которому решается вопрос улучшения жилплощади.

Яков Семенович шлет Вам свой привет и говорит, что он от Вас письма не получал, Вы наверное неправильно написали адрес.

Пишу Вам его снова.

Ленинград, С-24 Невский, 150 кв. 93 ЯСД. Шурины стихи никому без проверки не давайте. Жду Вас к себе как и писала раньше. Только если это будет летом поставьте меня заранее в известность т. к. я летом ненадолго (недели на 3—4, а то и 2 уезжаю в деревню), а зимой и весной можно без предупреждения.

<...> Мне по письмам Вашим очень нравится Ваша мама, я только не знаю, как ее имя и отчество. Петя тоже видно очень ее любит. Так тепло он о ней говорил когда был у меня. А свойство Вашей мамы всех мирить и со всеми мириться это просто образец мудрости и мужества, и этому надо у нее учиться всем нам, но как трудно со всеми мириться, когда вокруг вопиющие несправедливость и безобразие. Мирить легче. Ваша мама, видимо, чудесная женщина. Ну, когда Вы приедете мы обо всем подробно поговорим, письма очень не совершенный способ общения. Берегите свои нервы и свое здоровье.

Желаю Вам удачи при обмене площади и вообще во всех Ваших начинаниях. Привет маме, Пете и даже Боре, которого я, хоть и маленького, а всё-таки знала, но это было так давно и так коротко, что я ничего не помню. Пишите мне когда у Вас будет настроение. Целую.

Тамара

Письмо Я. С. Друскина к Г. Б. Викторовой

Дорогая Галечка!

Получили ли Вы мое письмо, в котором я писал о последнем законе для книг реабилитированных: срок давности для этих книг считается со времени реабилитации. Я рад за Вас и за себя: может это приблизит Ваш приезд в Ленинград. Напишите, пожалуйста, как живете, приедете ли и когда.

Кланяйтесь Вашим детям.

Вам кланяются Тамара, Татьяна Николаевна, Владимир Васильевич и Люси́на.

Я. Друскин

19.XI^{<214>}

Письмо Я. С. Друскина к Г. Б. Викторовой²¹⁵

Дорогая Галечка

Очень трудно писать, когда Вы не отвечаете или Ваши ответы теряются. Поэтому простите, что письмо будет краткое. Передаст его Вам Миша Мейлах^{<216>}, студент-филолог. Я хорошо знаю его и вполне доверяю ему. Он интересуется и серьезно занимается стихами Шуры-Саши. Миша расскажет Вам, что сейчас делают некоторые молодые литераторы, чтобы, наконец изданы были не только детские, но и взрослые вещи Даниила Ивановича и Шуры, а так же, что и Миша сделал для этого.

Миша едет в Харьков, чтобы встретиться с Вами. Вы давно писали мне, что у Вас сохранились некоторые Шурины рукописи. Если Вы можете передать их Мише или переснять их и дать ему снимки, я разберу их, Миша отпечатает и Вы получите их^{<217>}. Даже, если сохранились только незаконченные отрывки, всё равно это очень интересно и важно.

<...>

Жду Вашего письма, рукописей или их копий.

Я. Друскин

Письмо Я. С. Друскина к Г. Б. Викторовой

Дорогая Галечка

Большое спасибо за фотографии, письма и особенно за стихи. Они все интересны, но Где и Когда — одна из лучших его вещей наравне с Потеч

²¹⁴ Год не обозначен. Предположительно 1964 (после января 1964).

²¹⁵ Дата не проставлена. Предположительно 1965 год.

²¹⁶ Михаил Борисович Мейлах (р. 1945), филолог, в 1983 году был арестован, освобожден в 1987 году.

²¹⁷ То, что было передано в этот период, а также в последующие годы, в основном, обратно не возвращалось.

и Разговоры. Как хорошо, что Вы сохранили ее. Из вещей, написанных после 1938 г. у нас есть только Элегия. Где и Когда, мне кажется, написана в 1940—41 г. — как Вы думаете?

В Москве Миша ничего не нашел, только 5 писем Д. И. Он вчера приехал, вечером был у меня и отчитывался. Миша очень доволен пребыванием у Вас. Он пишет Вам, а может уже написал, тогда Вы знаете, что Михалков обещал с кем-то поговорить, чтобы стихи Шуры-Саши напечатали в Московском дне поэзии 1966 г. Правда, я не очень верю его словам и обещаниям, вряд ли он вообще что-нибудь понимает в Шуриных стихах, во всяком случае ничего не сохранил из его стихов, также как и многие другие, начинающие сейчас хвастать знакомством с Шурой, стихи же, которые у них были, или растеряли или уничтожили. И они еще называют себя писателями и поэтами.

Знаете, что изображает смешная фотография Даниила Ивановича с моноклем? Это воображаемый брат, Иван Иванович, приват доцент Санкт Петербургского Университета, повидимому эстет и мистик.

Очень хорош автопортрет Д. И. и вообще все фотографии.

Дорогая Галечка. Вы давно не писали не только мне, но и Тамаре и не отвечали ей на два письма, которые Вы должно быть и не получили, т. к. Тамара писала их по старому адресу. Тамара сегодня звонила, узнать о Вас — она знала, что Миша был у Вас — кланяется Вам и детям, я тоже, а также и Лидия Семеновна (моя сестра)^{<218>}, которая, хотя и не знакома с Вами, но знает Вас по рассказам Тамары, Миши и моим.

17.II^{<219>}

Я. Друскин

Ленинград С-24.

Невский пр. Дом 150, кв. 93.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой²²⁰

Дорогая Галя,

Мне не везет, когда-то я послала Вам письмо на ул. Дзержинского, а Вы переехали на ул. Чернышевского, тогда я написала Вам 2 письма на ул. Чернышевского, а Вы взяли да переехали на ул. Чайковского. Делаю последнюю попытку и пишу на ул. Чайковского, если письмо Вас и здесь не заста-

²¹⁸ Лидия Семеновна Друскина (1911—2005).

²¹⁹ Год не обозначен. Предположительно 1966.

²²⁰ Штамп ленинградской почты на конверте 4.4.66.

нет, я начну думать, что Вы просто прячетесь от меня. На какую же улицу из великих наших предшественников Вы теперь переедите?

Всё что Вы прислали Якову Семеновичу, как то всколыхнуло прошлое оно стало каким то отчетливым и как бы настоящим и оттого что это всё не настоящее, а только кажется им делается очень грустно и очень ноет сердце. Ведь всё это было и никогда не будет.

<...>

Я Мишу который был у Вас не видела, а Яков Семенович вразумительно его ни о чем не спросил, да его пожалуй, сейчас интересует только творчество Д. И. и Ш., а не жизнь.

Приезжайте к нам — поговорим спокойно, не торопясь за столом.

Если надумаете — напишите, потому что я думаю куда-нибудь летом поехать подышать воздухом.

Научите меня — как менять комнаты, я так хочу поменяться, но у меня ничего не выходит. Мечтаю о комнате с балконом, т. к. зимой я вообще на улицу не выхожу, я бы хоть выходила на балкон.

<...>

Целую.

Тамара

Напишите мне.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой

Дорогая Галя,

17/IV^{<221>}

Ваше письмо меня расстроило и поэтому мне хочется скорее узнать как Вы себя чувствуете сейчас и хочется верить, что Вам уже лучше и Вы дома. Не затрудняйте себя, но как будет настроение напишите мне, как Вы себя чувствуете, напишите хоть коротенькое письмо; я надеюсь, что Ваши вульгарные боли прошли.

<...> Милая Галя, мне очень стыдно, но я не знаю как зовут Вашу маму — напишите мне пожалуйста. Внешне я ее помню, а вот имя забыла.

Яша собирался Вам тоже написать, я его изредка вижу, т. к. зимой я почти не выхожу. На днях пойду к нему. У нас еще зима — 10°.

Я Мишу не видела, но этот год тем не менее, даже больше чем год, был так насыщен воспоминаниями, так всколыхнул всё и поэтому как то хочет-

²²¹ Штамп ленинградской почты на конверте 17.4.66.

ся вспомнить еще что-нибудь и непрестанно думаешь о том времени, о времени, которое я и не мыслю себе забыть и не хочу *забыть*, хотя это и тяжело. С Яшей как то иначе. Шура и Д. И. как бы живут для него в их произведениях и поэтому ему, мне кажется, легче.

Очень хотелось бы повидаться и поэтому если сможете — приезжайте.

Пока поправляйтесь быстрее и пишите о себе, о своем здоровье и вообще о чем хотите. Я всему рада буду.

<...>

Целую Вас хоть вы и язва (по Вашему собственному признанию).

Тамара

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой²²²

Дорогая Галя

Наконец-то получила от Вас письмо, рада, что Вы поправляетесь от одной болезни, но плохо, что схватили другую, да еще, по-видимому, по собственной вине и беспечности, разве можно сидеть на земле вскоре после выхода из больницы. Я знаю, что Вы гораздо моложе меня, но Вы видимо совсем молодая, если позволяете себе такую роскошь, я имею в виду беспечность и смелость. Надо же себя беречь, плохо жить больной. Яков Семенович просил Вам передать, что мысленно он пишет Вам письма каждый день, Вы не обижайтесь на него, он живет только произведениями Ш. и Х., о них он может много и хорошо говорить, он будет стараться, чтобы их издали и в лице Миши (которого Вы знаете, а я не знаю) он нашел большого, настоящего единомышленника, а в жизни он какой-то очень сосредоточенный забывчивый, смотрящий куда-то в далекое — в прошлое и в будущее.

<...>

Может быть соберетесь к нам в Л-д, т. е. ко мне, только предварительно напишите, а то ведь лето и я куда-нибудь хочу уехать, а предварительно можно обо всем договориться. <...> Не болейте и пишите.

Т.

Мой дом теперь носит № 6/3, в остальном всё то же.

²²² Штмп ленинградской почты на конверте 25.5.66.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой

27/XII^{<223>}

Дорогая Галя,

Снова пишу Вам. Мне хочется сказать, что композитор-додокафонист Годлянский^{<224>} — собирается написать хор на стихи Шуры: или на «Элегию», или на «Ковер— гортензия», или на «Сутки». Он будет в Ленинграде скоро и тогда, наверное, будет об этом разговор. Яков Семенович считает, что это хорошо во всех направлениях и очень перспективно, но Вы главное решающее лицо и, мне думается, что Вам должно быть приятно любое и всякое признание Шуры. Напишите, что Вы об этом думаете. Кстати в Тарту в марте очевидно «Элегия» будет напечатана в журнале Тартуского университета. Жду от Вас письма с ответом на вопросы предыдущего письма и на вопросы этого письма. Здесь в Ленинграде собираются даже ставить некоторые вещи Шуры на сцене — опытной площадке при Театральном институте. Кроме радости за то, что Шуру признают и им интересуются многие, в особенности молодежь, мне Галя очень хочется знать как Вы себя чувствуете, как Ваше здоровье. <...> Я уже 8-ой год на пенсии. Галя, очевидно из необоснованного любопытства всё хочу Вас спросить о судьбе некой Веры Павловны^{<225>} (кажется она была один период с Олейниковым<)>, если Вы знаете о ней что-нибудь, м. б. можно было бы узнать нет ли у нее вещей Ник. Макаровича и даже Шуры. И не может ли быть Шуриных вещей у Забиллы? Дорогая Галя, хотя для меня сейчас никаких праздников не существует, всё-таки поздравляю Вас с Новым Годом будьте здоровы и по мере возможности счастливы.

Я. С. шлет привет. Целую Вас.

Тамара из Л-да

Письмо Я. С. Друскина и Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой

<Рукою Я. С. Друскина, — >

(26.II) 67.

4.III

²²³ Год не обозначен. Предположительно 1966.

²²⁴ По-видимому, — Виталий Алексеевич Годзяцкий (р. 1936), композитор — см. письмо Я. С. Друскина к Г. Б. Викторовой от 4.III.67.

²²⁵ По-видимому, речь идет о Вере Дражевской (см. выше).

Дорогая Галечка

Уже давно я хочу Вам написать и много раз собирался, но всё не получалось: я не умею писать писем. Вы меня поймете, потому что Шура-Саша ведь тоже не любил и не умел писать писем. А Ваши письма мне очень нравятся.

Должно быть Миша Вам уже писал, что в Университете собираются издавать альманах (как в Тарту — 300 экзempl.) и Миша предложил стихи Шуры-Саши. Он сделал сообщение и читал стихи (3 часа). Они были выслушаны с большим интересом и сочувствием, но что дальше выйдет из этого сочувствия — я не знаю, уж очень трудно пробивать косность.

Киевский композитор Годзяцкий собирается писать музыку не на Элегию, как мне раньше говорили, а на Потец, как он сам мне сказал. У Стравинского²²⁶ есть «Потоп» — это философско-религиозная вещь в форме балета с пением. Годзяцкий говорил мне, что он собирается сделать что-то в этом же роде. Вас не должно смущать «балет». У Стравинского балет с пением — не обычный балет, насколько я знаю, потому что не видел, а только слушал музыку. Я думаю по замыслу, как мне рассказывал Годзяцкий, это правильно, ведь сыны и танцуют вокруг отца и песни поют, а что получится из его замысла — не знаю.

В театр. Институте Хармс был поставлен, если уж по настоящему судить — плохо. После постановки (через несколько дней) я позвал их к себе и читал им Д. И. и Шуру-Сашу. Им очень понравилось. Затем зашел разговор о Беккете — английском абстракционисте (абстрактный театр), пьеса которого напечатана в Иностранной литературе²²⁷. Я сказал им, что пьеса очень плохая — тенденциозная и скучная. Они возмутились. Тогда я сказал им, что прочту настоящий абстрактный театр и прочел Шурины Разговоры. Произвело очень сильное впечатление и они признали, что хотя Разговоры написаны за 20 лет до Беккета, но после них Беккет — ничто. Затем я предложил им поставить Разговоры на весеннем экзамене (в этом году они кончают). Некоторые сразу же поддержали меня, некоторые боялись, что это трудно. Хотя я за всю жизнь был в театре не больше 10, в крайнем случае 15 раз, но я вполне ясно представляю себе, как можно поставить Разговоры, т. е. идею постановки и даже некоторые подробности, потому что знаю Шу-

²²⁶ Игорь Федорович Стравинский (1882—1971), композитор, дирижер.

²²⁷ В десятом номере журнала «Иностранная литература» за 1966 год была опубликована пьеса («трагикомедия в двух действиях») Беккета «В ожидании Годо» (перевод с французского М. Богословской).

Во вступительной статье (автор А. Елистратова) говорится: «Редакция журнала “Иностранная литература” представляет ее <пьесу> на суд своих читателей, чтобы познакомить их с одним из направлений, которыми определяется “духовный климат” буржуазной культуры современного Запада».

ру, его вещи и как он представлял бы себе постановку Разговоров. Там всё ясно сказано: действия нет, он об этом и говорил, всё действие — как бы действие, только в словах. Это сказано и в самих Разговорах. Что выйдет из постановки — я не знаю, боюсь, что ничего, студенты театр. института погружены в текущие дела и боятся неожиданностей, а постановка Разговоров — риск. Во всяком случае, если они рискнут, то я буду принимать участие в постановке, чтобы не получилось, как с Д. И. — поэтическая пошлость.

Четыре Шуриных стихотворения (Элегия, Ковер Гортензия, Гость на коне, четвертое — кажется Сутки) будут напечатаны в Антологии поэзии под ред. Паперного²²⁸, но не в 67, а в 68 г. — так по крайней мере говорят сейчас, а что будет — не знаю. У меня еще есть некоторые планы, занимается этим помимо Миши еще один аспирант Пушкинского дома, суеты много, а толку пока всё таки еще мало. Но я уверен, вернее надеюсь, что в 67—68 г. будет толк. Я занимаюсь этим не по долгу, а потому, что дело Шуры, Д. И. — также и мое дело.

Тамара говорила, что Вы предполагали приехать к нам. Это было бы очень хорошо и я всё время жду Вас, и Тамара также. Мы уже с Тамарой поспорили: я сказал, что т. к. Лида уехала в Кисловодск, то Вы сможете остановиться у меня — комната свободная, а Тамара говорит, что Вы будете жить у нее. Так что сейчас у Вас есть две комнаты в Ленинграде и они, т. е. комнаты и их хозяева ждут Вас.

<Рукою Т. А. Липавской, — >

Дорогая Галя, я сейчас у Яши, как Яша говорит — ему помешали закончить письмо его мальчики (какие мальчики я не знаю, я никогда их не видела), и я воспользовалась возможностью написать Вам и заодно спросить: где обещанная телеграмма и почему Вы не едете? Выбор комнат большой, но я жду Вас к себе.

<...>

Целую Вас.

Т.

<Рукою Я. С. Друскина, — >

<...>

Целую.

Я.

²²⁸ Зиновий Самойлович Паперный (1919—1996), литературовед, писатель.

Письмо Я. С. Друскина к Г. Б. Викторовой

Дорогая Галечка.

Могу Вас обрадовать: в Тарту вышли тезисы студенческих докладов и среди них два доклада Александра^{<229>} — Мейлаха о Шуре-Саше и о Д. И. Для Шуры сделали даже исключение: напечатали два стихотворения, хотя в тезисах докладов это не принято делать. Но может Вы уже всё знаете: Миша пошлет или послал Вам студенческий сборник. Миша снова читал им не только Д. И., но и Шуру. На конференции были и московские студенты и приглашали его в Москву. А в Тарту собираются издать альманах и тогда, конечно, напечатают и Шуру и Д. И. Но когда это будет — неизвестно, и издание первого сборника затянулось на 1½ года. Во всяком случае начало уже есть: после почти 40 летнего перерыва снова изданы взрослые стихотворения Шуры. Один сборник тезисов Алекс. хотел передать Македону^{<230>} (он написал, кажется книгу о Заболоцком), чтобы он написал свой отзыв о стихах — Элегии и Значение моря. Напишет ли — не знаю. Если что-нибудь узнаю — напишу, конечно Вам и вышлю. Но скоро Вы не ждите — всё движется очень медленно.

Я рад, что Вам понравилось у нас и Вы довольны. Мы тоже. Поэтому ждем Вас летом.

Тамара кланяется Вам и целует Вас.

Лида тоже.

Я тоже.

Ваш

Я.

14.VI^{<231>}

Письмо Е. В. Сафоновой к Г. Б. Викторовой

8.XII.67.

Дорогая Галя,

Очень меня обрадовало получение Вашего письма за № 1.

Теперь буду с нетерпением ожидать когда Петю отправят в командировку в Москву, очень хочется мне его повидать.

²²⁹ Анатолий Анатольевич Александров (1934—1994), филолог.

²³⁰ Адриан Владимирович Македон (1909—1994), литературовед, критик, ученый-геолог, в 1937 году арестован, освобожден в 1946 году. Мать Македонова расстреляна в 1937 году.

²³¹ Штамп ленинградской почты на конверте 18.4.67.

<...>

От Миши получила очень трогательное письмо с рождественским поздравлением вчера. Я Мишу очень полюбила, он меня повидимому тоже. Кстати его рождение 20-го января. Можете его поздравить (не с днем Парижской коммуны).

О Вашей маме я много слыхала от Алекс. Ив. Он к ней чрезвычайно хорошо относился. Передайте ей пожалуйста большой привет, хотя я с ней и не знакома.

<...> О Боре тоже много слыхала от Шуры. Помню как он восхищался Бориным критическим отзывом о какой то кинокартине. На вопрос «интересная ли?» он ответил «Интересная, но скучная»^{<232>}.

<...>

Живу я с сестрой, кот. Шура отправлял посылки некогда из Харькова, за что я ему и по сей день глубоко благодарна^{<233>}. Вообще вспоминаю я его часто и с большой любовью. Прелестный был человек.

Я получаю пенсию в размере 105 р. Имею грудную жабу, гипертонию и сердечную недостаточность. Вполне могла бы обойтись без этих излишеств.

Пожелайте мне выиграть по лотерее, тогда приеду к Вам в гости.

Привет всем Вашим. Пете скажите что я его очень жду когда он будет в Москве. Может всё же навестить свою крестную, кот. (см. Зощенко — речь в Пушкинском доме) носила его на руках.

Еще к Вам просьба: если на жизненном пути Вам встретится одноклассник прозы М. Булгакова — пришлите мне его. В Москве не достать. Я всем пишу об этом. Но пока без реальных результатов. Одна надежда на Мишу, но и то слабая.

²³² Интересно, как люди этого круга, гуманитарии, чувствительны к слову: по прошествии почти тридцати лет Елена Васильевна помнит такие вещи.

²³³ Сестра, которую упоминает Елена Васильевна, это Анна Васильевна Сафонова-Тимирева, гражданская жена легендарного адмирала Александра Васильевича Колчака (1874—1920), главы Белого движения, расстрелян. С 1920 по 1955 год (с небольшими перерывами) Анна Васильевна находилась в ссылке. Ее сын от первого брака, Владимир Сергеевич Тимирев (1914—1938), расстрелян.

Когда я первый раз прочел это письмо Елены Васильевны, то подумал: что за посылки ее сестре? Посылать какие-то посылки, в моем представлении, Введенскому совершенно было не свойственно. Я не представлял его заколачивающим посылочные ящики (он, что называется, гвоздя в стену забить не мог), я не представлял его собирающим посылки. И наконец со временем понял: Елена Васильевна готовила эти посылки и, в целях конспирации, просила близких людей отправлять их Анне Васильевне (в места ее ссылки) из других городов. Введенский перевозил посылки в Харьков и отправлял их из Харькова. (В приведенном выше письме Е. В. Сафоновой к Г. Б. Викторовой, написанном в 1939 году, также идет речь о некоем ящичке, который в тот раз должна была отправить из Харькова Галина Борисовна.)

Целую Вас. Будьте здоровы и благополучны.

Ваша

Е. Сафонова

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой

8/IV^{<234>}

Дорогая Галя,

Очень поздно отвечаю на Ваше письмо, долго болела, почти два месяца — началось с гриппа, потом радикулит, до сих пор мне делают уколы, но я уже практически здорова. Начинаю выходить. Одновременно со мной Татьяна Павловна^{<235>} перенесла воспаление легких, заболела позже меня и раньше поправилась. Когда обе болели было трудно, Саше бюллетеня по уходу за матерью не дали.

Как хочется услышать, что у Вас всё и со всеми благополучно, поэтому жду от Вас письма.

<...>

Вот и все мои личные новости. Вижу Яшу, Яша видит Мишу и Александра, они всё таки не совсем отошли. Мишу уже утвердили в защите его диссертации.

Но есть у меня и грустная новость 1/IV умер Володя Введенский, я, правда, с ним никогда не встречалась и на похоронах не была, но было общение в газете и Нюрочка была на выносе. Было очень пышно.

Целую вас всех включая Петю.

Приезжайте к нам. Привет от Т. П. и Саши. Целую.

Т.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой²³⁶

Дорогая Галя,

Не писала Вам давно, т. к. плохо себя чувствовала, а тут начались коммунальные дразги, которые снова на меня плохо действовали. От Вас то-

²³⁴ Штмп ленинградской почты на конверте 9.4.71.

²³⁵ Татьяна Павловна — приятельница Т. А. Липавской.

²³⁶ Штмп ленинградской почты на конверте 23.10.72. Штмп харьковской почты 25.10.72.

же давно нет писем. Почему? Всё ли у Вас благополучно. Как мама, Петя, Боря, как Ваше здоровье. Яша тоже плохо себя чувствует, у него хроническая пневмония, которая время от времени дает себя знать. Сейчас как раз такое время. Ответьте на все вопросы.

Дорогая Галя, у меня опять к Вам несколько вопросов по поводу Шуриних стихов. Я Вам дам строчки, которые у меня, а Вы если нужно по подлиннику исправьте их и пришлите мне поскорее то как написано у Шуры.

У меня так

стр. 7: если я и есть поляк

стр. 8: я полковник и поляк (есть подозрение что это не поляк, а намок подтвердите пожалуйста)

стр. 29: СОНЯ (летя им навстречу в странном виде)

стр. 49: пастила или пастилка

стыдно нам но мы подстилка

стр. 119: иль икотка в общем страсть (или икота?)

дальше идет прозаический текст короткий:

ГОРСКИЙ (Федор Петрович) А ты не перебивай и т. д. после слова в комнату слово бац, а потом доказано. Я пожалуй напишу весь этот отрывок:

ГОРСКИЙ (Федор Петрович) «А ты не перебивай. Следовательно я считаю, что подсудимый не мог даже войти в ту комнату, бац доказано». Вот этот отрывок, вопрос идет о наличии или отсутствии слова бац.

Вот и все вопросы, стихотворение у меня пронумеровано по строчкам, прозаические отрывки тоже идут как одна строчка.

Я хочу взяться опять за словарь^{<237>} после большого перерыва и мне нужны уточнения. Очень прошу Вас помочь мне. Надеюсь, что работа отвлекает меня, у меня очень мрачное настроение. А Вы не пишете и не приезжаете. Жду от Вас подробных сведений о всей Вашей семье, ну и ответа на мою просьбу.

Заболоцкий процветает, вышел его двухтомник, а с В., Х. и Л. не так. Очень грустно.

Дорогая Галя, вспоминайте хоть изредка Ваших ленинградских друзей, ведь Шура сказал:

«нас осталось немного
и нам осталось недолго»

Это ведь очень верно. Поэтому я целую Вас пока могу и жду письма.

²³⁷ Тамара Александровна Липавская составила Словарь языка Введенского. — Хранится в рукописном виде, на карточках, в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (фонд 1232, Я. С. Друскина).

Привет маме и Пете. Почему ему не дают командировку в Л-д? Еще раз целую и жду ответа.

Т.

Привет от Т. П., С. и Яши.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой²³⁸

Дорогая Галя,

Только вчера вечером послала Вам письмо поэтому нового писать нечего. Но я забыла попросить Вас проверить еще одну последнюю строчку: у меня

«дыхание память вот и мое»

прошу подтвердить

мое или всё

Еще раз целую и очень прошу ответить, м. б. Вам удастся сделать это в одном письме. Приезжайте.

Вас все целуют.

Т.

Письмо послала вчера в 8 ч. в., а это сегодня 23/X в 3 ч. дня, думаю что Вам удастся соединить все мои просьбы в одно письмо и не сердитесь, что я беспокою Вас, когда приедете поговорим.

Привет обратно

всем. Так у нас теперь говорят.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой

23/X/76

Дорогая Галя,

Вы написали очень хорошее, правдивое письмо. Я его, конечно, прочитала Яше. Мы очень рады за Вас, я считаю, как и Яша что Вам повезло и никаких угрызений, сомнений и ощущения неправоты поступка у Вас не должно быть. Я очень рада, что около Вас хоть и в таком возрасте будет близкий человек. По Вашим описаниям он чудесный человек и любит Вас. Ведь дети

²³⁸ Дата написания этого письма 23 октября 1972 года не вызывает сомнения.

у Вас уже взрослые и у них своя жизнь, сейчас своя жизнь будет и у Вас, Вы ведь сами знаете, что значит иметь возле себя друга, который думает в первую очередь о Вас.

Поэтому мы все, т. е. Яша, Татьяна Павловна и я от всей души поздравляем Вас и Вашего мужа²³⁹, хотя мы его и не знаем. Желаем всего хорошего — дружбы и душевного спокойствия, но нас всё таки не забывайте, — мы остаемся Вашими друзьями. Пишу короткое письмо, потому что мы тоже сделали ремонт, простудились с Татьяной Павловной и Сашей и очень устали.

Кончаю письмо еще раз и совершенно искренне желаю Вам всего хорошего в жизни и полного сознания правоты Вашего поступка. Во всяком случае скажу, что Вашему Ване повезло найти такого человека как Вы. Передайте привет маме, Пете и всем Вашим родным.

Целуем Вас Т. П., Яша и я.

Ждем Вашего письма, хотя Вам наверное сейчас некогда.

Ваша

Тамара

У нас всё по старому.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой²⁴⁰

Дорогая Галя,

Пишу как всегда с запозданием. Простите. Как вы все живете, как здоровые мамы? У нас всё по-старому, только немного хуже.

Галя, это письмо в какой-то степени деловое и потому прошу ответить поскорее.

Я Вам писала, что мы с Яшей сдаем всё в архив и просьба к Вам такая:

1) Не можете ли Вы вспомнить в каких годах и сколько раз Шура приезжал в Ленинград из Харькова, это поможет установить дату написания некоторых его произведений, которая не совсем точна и ясна.

2) Напишите какие у Вас или Пети есть подлинники, т. к. сдавая вещи в архив нужно указать у кого находятся подлинники, никто у Вас их не отнимет, но такое у нас правило. Пусть то будут варианты или даже отрывки его вещей. Всё это никак не ущемит Вас и Петю тоже. Напишите обо всем что у Вас сохранилось.

²³⁹ Иван Львович Забелло (1910—1983), инженер-строитель, кандидат технических наук, муж Г. Б. Викторовой с 1976 года, брат Н. Л. Забилы.

²⁴⁰ Штамп ленинградской почты на конверте 14.03.78.

3) Хотели с Яшей сказать Вам, что Вы сделали великое дело, сохранив Шурины вещи при тех страшных условиях, ведь если бы не Вы, навсегда пропали бы его некоторые вещи, напр. «Где Когда», «Аз Буки и Веди» и «5 или 6» и еще что-то, что я забыла. Сдавая в архив мы указали, что подлинники были у Вас и Ваше имя войдет в список лиц, которые сделали это святое дело.

К сожалению, взрослых вещей Шуры за 1934—35 гг. совсем нет, их сожгла Нюрочка во время войны, так сказала она сама, что она сожгла мы не знаем, и она не знает, но мы полагаем, что это 1934—35 гг. Этого уже не восстановишь. Очень жаль, так как от Шуры осталось какая-нибудь четверть того, что он написал и даже это сделало его великим. Моя порция бумаги кончается, кончаю и я, желая вам всем здоровья и душевного покоя. Целую Вас и всех.

Т.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой²⁴¹

28/III. 78

Дорогая Галя,

Я сейчас стала надоедать Вам письмами, простите, но нам с Яшей пришла в Голову* мысль попросить Вас переписать нам стихотворения, которых у нас нет, а именно: «С потолка времени на мох» и Рукопись без названия (пьеса) где д. л. Таня, Дрессировщик, Пристань, Капитан, если это большие рукописи и их трудно переписать от руки, то, если можно перепишите их на машинке, но нужно дать верной машинистке, чтобы не пропал подлинник. Мы Вам за переписку заплатим. Сделайте это для нас, Галя. Это нужно и для архива, где будет указан только адрес, где хранятся подлинники. У Введенского так мало сохранилось, что каждая новая вещь имеет огромное значение. Всё таки что-то начинают понимать. Это всё, конечно, для будущего, а Вы сами понимаете, что нам надо торопиться, чтобы сделать всё возможное для Шуры. Кроме того у меня к Вам большая просьба. В стихотворении, которое есть у Вас и в котором есть исправления Ш. написано Вами так: «Мне жаль, что я не зверь», а у меня в копии написано: «Мне жалко что я не зверь». Сверьте пожалуйста где правильное слово. Дело в том, что это стихотворение без названия и это его первая строчка, но всё стихотворение дальше написано с начальных строк первой строчки

Мне жалко что я не зверь

²⁴¹ Штамп ленинградской почты на конверте 29.03.78.

Мне страшно, что я не...

Мне невероятно обидно что...

Мне жалко что я не...

Мне жалко что я не...

Мне трудно ...что я с минутами...

Мне страшно ...что я двигаюсь не так как...

Мне не нравится что я смертен

и кончается

Мне страшно что я неизвестность

Мне жалко что я не огонь

Ваш вариант нарушает строй всего стихотворения, но если у Шуры так, то надо это принять за правильное. Если можно перепишите и его, оно не очень длинное <...>

Если можно, Галя сделайте, то что мы Вас просим, потому что нас топят, да и доживать будет легче когда всё, что от тебя зависит сделаешь.

О детских вещах писать ничего не надо, т. к. они известны, иногда печатаются их всего 60 произведений. Если сделаете, то что я прошу, то переписанное перешлите ценной заказной бандеролью чтоб не пропало в пути на мое имя, т. к. Яша на улицу не выходит.

Что будет летом пока неизвестно, Яша очень слаб, я чувствую себя тоже неважно, по 2—3 недели мы не видимся, а говорим по телефону.

Я очень рада, что Вам жить стало лучше и легче и что у Вас есть верный друг. Рада, что и маме Вашей стало легче. Передайте ей отдельный привет от меня.

Да, забыла, стихотв. «с потолка времени на мох» — это начало стихотв. или одна из строчек. Кроме того, знаете ли Вы, что псевдоним Лёни — Савельев; Липавский его настоящая фамилия, которую, как Вам известно, носил и я. А «Часы и карта Октября» это книга Савельева.

Подлинники вообще по почте посылать нельзя, опасно, их надо присылать с оказией с верным человеком.

Будьте все здоровы и с душевным покоем. Всем привет, обязательно Пете, я его очень люблю.

Татьяна Павловна плохо себя чувствует, очень болят ноги, колени, плечи, на улицу не выходит. Нас выручает Саша.

Напишите обязательно можете ли Вы исполнить нашу просьбу, потому что переписка вещей займет у Вас время, а нам хочется узнать сможете ли Вы это сделать. Простите, что беспокою Вас. Увидимся ли мы когда нибудь? Это зависит от Вас.

Целую, будьте здоровы.

Тамара

Стихотворение без названия: «Мне жалко, или жаль», теперь называют Ковер гортензия, т. к. такой рефрен, повторяемый 3 раза.

Письмо не последовательное, сумбурное, но, м. б. Вы всё поймете.

Привет от Т. П. и С.

* голову — с б. буквы я написала по ошибке и небрежности.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой²⁴²

Дорогая Галя,

Простите, что долго не писала Вам и не поблагодарила за присланные Шурины вещи, но не моя в этом вина. Эта весна, да и зима оказались очень тяжелыми: болел Яша, Т. П., в апреле заболела моя сестра одновременно с тем как Т. П. слегла в постель и я бегала из дому к сестре каждый день, потом заболела сама.

Яша и Я (с маленькой буквы) очень благодарны Вам, Вы сделали великое дело, сохранив всё, что Вы сохранили, главным образом «Где Когда» т. к. эта вещь без Вас пропала бы навсегда.

Вторая причина моего молчания, это то, что мы с Яшей переехали в Пушкин и влипли в очень неприятную для нас историю. Хозяйка нас во всем обманула и главное в кв. клопы²⁴³. Мы отсюда вынуждены уехать как можно скорее, так что и в Пушкине я не смогла Вам сразу ответить.

²⁴² Штамп ленинградской почты на конверте 22.06.78.

²⁴³ Поди, клопы тебя еще не кусали: клоп это насекомое с колющим хоботком, питающееся кровью людей.

лакей был в морде как ливрей
ужели это Ржев поляк
и три домашние клопа
как няньки светят тополя
но слышны крики и пальба
наш англичанка уж бежит
одет в курчавое жабо
медведь их видом поражал
медведь он ягода болот
он как славянка сударь Смит
не всё напишете в письме

(Из Введенского)

Если это не секрет* напишите в котором году и месяце родился Петя, т. к. это <поможет> уточнить год написания Шурой его стихотворения Аз Буки Веди, т. к. Вы Яше сказали, что стихами из этой вещи

«Я по улице ходил» и т. д.

Шура укачивал Петю. Мне почему то кажется, что Петя родился в октябре 1937 г.

Кроме того Яша просит, если Вы помните, написать что Шура говорил обо всем этом содружестве, т. е. Олейникова, Хармса, Липавском и Друскина. Может быть что нибудь удержалось в Вашей памяти. О каждом в отдельности.

Кроме того напишите о Вашей жизни, о здоровье всех и где Вы проводите лето?

Желаю всем здоровья.

Привет от Яши и Т. П.

Целую.

Т.

*Я надеюсь, что Петя не скрывает свои года.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой

7/182

Дорогая Галя

С опозданием, но поздравляю Вас и всех Ваших с Новым Годом, пусть он будет лучше предыдущего, счастья вам всем, здоровья и благополучия.

Раньше не писала очень болела правая рука, да и сейчас болит, видимо навсегда.

Вы просите написать о моем бытие, оно сейчас превратилось в житие как сказал однажды Яша, но он пророчил его нам, а досталось оно мне. С Татьяной Павловной всё также, улучшений нет и вероятно не будет, хотя хочется верить в чудо. Звонил мне Миша, хотел придти, но я сейчас не могу принимать, некогда. Говорил, что был у Вас. Желаю всем здоровья и здоровья. Целую Вас и маму.

Мужу от меня привет: от прекрасной незнакомки.

Будьте все благополучны и хоть изредка пишите, буду рада.

Целую.

Тамара

Т. П. и С. тоже поздравляют Вас.

Пете привет.

Галя, Вы когда-то задали мне вопрос читала ли я воспоминания А. Порет о Д. И. Читала, но не в журнале «Панорама искусств», а в ходившей по рукам рукописи на машинке. Надо Вам сказать, что более омерзительной и лживой надуманной рукописи я не читала. Там каждое слово ложь и восхваление себя. Она наврала на Д. И. выставила Шуру в каком-то дурацком виде, ни одного слова правды нет в ее воспоминаниях. Это воспоминания не о Д. И., а о себе самой, самовосхваление, самовлюбленность и влюбленность всех в нее. Вранье о Браудо^{<244>} и шутке с ним связанной Д. И. Т. к. у Яши есть доказательства ее вранья и ей кто-то передал об этом, она сначала хотела позвонить Яше будучи в Л-де, но узнав о записных книжках Д. И. не позвонила и, говорят, переделала свои воспоминания, их я не читала. Но то, что я читала это издевательство над памятью Д. И. и Шуры. Одна мерзкая ложь. Хотелось бы всё-таки прочесть, как она переделала 1928—29 годы самой близкой дружбы с Д. И. И я рада, что Вы не знали тогда Шуры^{<245>}, он таким не был, как пишет А. Порет.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой²⁴⁶

9/VI

Дорогая Галя,

Меня очень расстроило Ваше письмо относительно Миши. Мне он по телефону сказал, что он выслал, это было уже порядочно.

Ваша вина в том, что Вы очень доверчивы. Миша очень не обязательный человек, я уже имею много от него подарков, которых я в глаза не видела. Это было еще при Яше. В том числе и книги, которые он обещал Вам.

Неужели Вы отдали ему подлинники? К тому же письмо Д. И. к Шуре он уже у Вас брал и у меня есть фотокопия этого письма. Зачем нужно ему было брать снова^{<247>}.

Надеюсь, что Вы уже всё получили от него и напишите мне.

Хочется верить, что у Вас всё благополучно. Об этом тоже жду письмо.

²⁴⁴ Исайя Александрович Браудо (1896—1970), пианист, органист, педагог, музыковед.

²⁴⁵ Так в тексте.

²⁴⁶ Штамп ленинградской почты на конверте 10.06.82.

²⁴⁷ На эту же тему см. письмо Бориса Маркевича к Галине Викторовой от 12.05.82.

У меня всё также, писать не о чем. Вот разве что очень болит правая рука и я вынуждена кончить это неинтересное письмо.

Привет всем Вашим от меня.

Вас целую и жду письма.

Т.

Привет от Саши.

Письмо Т. А. Липавской к Г. Б. Викторовой. Последнее

21/VI. 82

Дорогая Галя,

Как Ваше здоровье и здоровье всех близких Вам?

Может быть я надоедаю, но меня интересует судьба письма Д. И. Получили ли Вы его наконец. Дней десять или две недели тому назад Миша звонил мне из Москвы и спрашивал № Вашего телефона. А я даже не знаю есть у Вас телефон или нет. Но ведь Миша был у Вас в Харькове. Почему же он не взял № Вашего телефона. А мне и не нужен Ваш телефон, т. к. я никогда не говорю ни с кем, а только пишу.

Надеюсь, что у Вас всё благополучно. У меня всё то-же. Писать нечего.

Р. С. Как Миша собирается переслать Вам письмо Д. И. Это ведь большая ценность и просто по почте его посылать опасно.

Мы всегда ценные рукописи пересылали с оказией и с верными людьми.

Целую Вас.

Тамара

Наверное мы уже не увидимся^{<248>}.

Ну, вот и всё.

Не показалось ли тебе, что количество расстрелянных и репрессированных на условную единицу этого текста несколько превышает норму?

Страшны ли тебе, после всего здесь услышанного, какие-либо трудности «в работе и личной жизни»?

²⁴⁸ В этом году Тамара Александровна Липавская умерла.

Да здоровствует нерушима́я дружба́ между немецким, русским, еврей-
ским и украинским народами!

На майдані пил спадає,
Замовкає річ...
Вечір.
Ніч.

Целую.

Л. С. Липавский

Разговоры

«Разговоры» являются аутентичной (насколько это возможно вручную) записью бесед, происходивших в 1933—1934 гг. в узком кругу «чинарей» и их друзей. Публикуются по машинописному экземпляру, хранившемуся в архиве Лидии Семеновны Друскиной. Впервые полностью: «Логос», 1993. № 4. Подг. текста и примеч. А. Г. До этого частично воспроизводились в следующих изданиях: Липавская Т. А. Встречи с Николаем Алексеевичем и его друзьями. — В сб. «Воспоминания о Н. Заболоцком», М., 1984. С. 52—56 (далее — Липавская); Липавский Л. Из разговоров «Чинарей». // Аврора. 1989. № 6. С. 124—131. Публ. Л. С. Друскиной (далее — Аврора); Липавский Л. Разговоры. // Московский наблюдатель. 1992. № 5—6. С. 54—63. Подг. текста, примеч. и проч. пост. слова А. Г. (далее — МН). Основные участники «Разговоров»: Л. Л. — Леонид Липавский; Д. Х. — Даниил Хармс; Н. М. — Николай Макарович (Олейников); А. В. — Александр Введенский; Н. А. — Николай Алексеевич (Заболоцкий); Я. С. — Яков Семенович (Друскин); Д. Д. — Дмитрий Дмитриевич (Михайлов — друг Липавского, университетский преподаватель и автор книг о городах); Т. А. — Тамара Александровна (Липавская — жена Л. С. Липавского). Кто такие упоминающиеся эпизодически М., С. и Ч., здесь гадать не хочется.

Н. М. сказал: Меня интересует — питание; числа; насекомые [1]; журналы; стихи; свет; цвета; оптика; занимательное чтение; женщины; пифагорейство-лейбницеиство; картинки; устройство жилища; правила жизни; опыты без приборов; задачи; рецептура; масштабы; мировые по-

ложения; знаки; спички; рюмки, вилки, ключи и т. п. [2]; чернила, карандаш и бумага; способы письма; искусство разговаривать; взаимоотношения с людьми; гипнотизм; доморощенная философия; люди XX века; скука; проза; кино и фотография; балет; ежедневная запись; природа; «АлександрГриновщина»; история нашего времени; опыты над самим собой; математические действия; магнит; назначение различных предметов и животных; озарение [3]; формы бесконечности; ликвидация безразличности; терпимость; жалость; чистота и грязь; виды хвастовства; внутреннее строение земли; консерватизм; некоторые разговоры с женщинами.

Н. А., отвечая на тот же вопрос, произнес: Архитектура; правила для больших сооружений. Символика; изображение мыслей в виде условного расположения предметов и частей их. Практика религий по перечисленным вещам. Стихи. Разные простые явления — драка, обед, танцы [4]. Мясо и тесто. Водка и пиво. Народная астрономия. Народные числа. Сон. Положения и фигуры революции. Северные народности. Уничтожение французов [5]. Музыка, ее архитектура, фуги. Строение картин природы. Домашние животные. Звери и насекомые. Птицы [6]. Доброта-Красота-Истина. Фигуры и положения при военных действиях. Смерть. Книга, как ее создать. Буквы, знаки, цифры. Кимвалы. Корабли.

Д. Х. сказал, что его интересует [7]. Вот, что его интересует: Писание стихов и узнавание из стихов разных вещей. Проза. Озарение, вдохновение, просветление, сверхсознание, все, что к этому имеет отношение; пути достижения этого; нахождение своей системы достижения. Различные знания, неизвестные науке. Нуль и ноль [8]. Числа, особенно не связанные порядком [9] последовательности. Знаки [10]. Буквы. Шрифты и почерк. Все логически бессмысленное и нелепое [11]. Все вызывающее смех, юмор. Глупость. Естественные мыслители [12]. Приметы старинные и заново выдуманные кем бы то ни было. Чудо [13]. Фокусы (без аппаратов) [14]. Человеческие, частные взаимоотношения. Хороший тон. Человеческие лица. Запахи. Уничтожение безразличности. Умывание, купание, ванна. Чистота и грязь. Пища. Приготовление некоторых блюд. Убранство обеденного стола. Устройство дома, квартиры и комнаты [15]. Одежда, мужская и женская. Вопросы ношения одежды. Курение (трубки и сигары). Что делают люди наедине с собой. Сон. Записные книжки. Писание на бумаге чернилами или карандашом. Бумага, чернила, карандаш. Ежедневная запись событий [16]. Запись погоды. Фазы луны. Вид неба и воды. Колесо [17]. Палки, трости, жезлы. Муравейник. Маленькие гладкошерстные собаки. Каббала [18].

Пифагор. Театр (свой). Пение. Церковное богослужение и пение. Всякие обряды. Карманные часы и хронометры. Пластроны. Женщины, но только моего любимого типа. Половая физиология женщин. Молчание.

Л. Л. интересуется: Время. Превращение и уничтожение пространства. Несуществование и непредметное существование (например, — запах, теплота, погода). Исследование смерти. Как может быть частный случай. Мировые линии, слова, иероглифы [19]. Тело, рост, дыхание, пульс. Сон и видение себя во сне [20]. Сияние, прозрачность, туман. Волна [21]. Форма дерева. Происхождение, рассечение и изменение ощущений. Гамма, спектр. Черный цвет. Смысл чувства (например, — ужас, головокружение) [22]. Неубедительность математических доказательств. Строение круга. Вращение, угол, прямая. Шахматная доска, как особый мир. Рай, нравственность и долг. Правила жизни. Счастье и его связь с некоторыми веществами и консистенциями. Чистота. Что значит прекрасное. Окраины, пустыри, заборы; убогость, проституция. Описи, энциклопедии, справочники, иерархии. Предки, евреи. Типы женщин. Причины полового тяготения [23]. Судьбы жизней. Траектория революции. Старость, угасание потребностей. Вода, течение. Трубы, галереи, тьюбики. Тропическое чувство [24]. Связь сознания с пространством и личностью. О чем думает вагоновожатый во время работы. Волосы, песок, дождь, звук сирены, мембрана, вокзалы, фонтаны. Совпадения в жизни. Длительность при общении, когда минует уже и интерес, и раздражение, и скука, и усталость. Одинаковое выражение лица у разных женщин в некоторые моменты.

Я. С. беседа с Л. Л. сказал: У Чехова в одном рассказе женщина смотрит на бутылку на окне, на дождь и мужика, проезжающего по улице, и не знает, к чему бутылка на окне, к чему дождь или мужик, т. е. у нее не мысли, а тени. Мне, да я думаю и всем, это должно быть понятно.

Л. Л. нашел в еврейской энциклопедии описание праздника возлияний, оно ему понравилось: «Кто не видел радости водочерпания, тот не видел радости в своей жизни. Благочестивые люди и общественные деятели плясали перед народом и распевали хвалебные песни, а хор левитов, расположенный на пятнадцати ступенях, ведущих из мужского отделения в женское, играл на разного наименования инструментах, распевая в это же время псалмы восхождения. Член синедриона, правнук Гиллеля, раббан Симон бен Гамман не стеснялся жонглировать для увеселения народа, подбрасывая и подхватывая восемь горящих факелов, без того, чтобы они на лету не сталкивались. Настроение было глубоко религиозным. Одни восклицали: Блаженна наша молодость, что за нее не приходится краснеть нашей старости. Другие же пели: Блаженна наша старость, что искупила грехи вашей молодости!»

Я. С. сказал: Есть три писателя — Сервантес, Гоголь и Чехов. В древности Аристотеля называли просто Философом. Так и Чехова можно называть просто Писателем.

Я. С.: Почему богословские и мистические книги, после Евангелия написанные, имеют неприятный привкус?

Л. Л.: Писавшие их стремились к власти... Они основывались на Евангелии, а оно отрицает пользу книг.

Л. Л.: Можно представить себе человека, не покупающего билета в лотерею из боязни проиграть, даже если билет бесплатный. Таков и ты, Я. С., отрекшийся от любви, знакомых и многого другого.

Я. С.: Это не так. Это вышло случайно...

Затем: Удовольствие, например, от массажа, говорит Я. С., имеет две стороны, как бы душу и тело.

Затем: Некоторые положения и события кажутся различными, на самом деле они на одном стебле. Поэтому и говорят, рассказывая сон: Тут зазвонил звонок, или зажглась электрическая лампочка, а может быть случилось что-нибудь другое. И поэтому Я. С. однажды казалось, когда он шел по краю панели, что он улитка и ползет по краю листа. Это не галлюцинация, не сравнение, и не мечта.

Пили водку за выздоровление Н. М. 22 июля (Запись Д. Х.)

Л. Л.: Счастливы вы, что не прекращаете работы и знаете точно, над чем работать.

Н. А.: Это кажется, что я знаю. А работать надо каждому, несмотря ни на какие обстоятельства.

Л. Л.: Да, на них следует смотреть, как на неизбежное, может быть, собственное отражение или тень. Или второго игрока, нужного для шахматной партии. Но есть другое, что препятствует: ошибка или непоправимое преступление, допущенное ранее. Тут, я думаю, ничего нельзя вернуть. А плодоношение, ведь, только признак правильной жизни и я бы сказал чистоты.

Н. А.: Вы во власти преувеличений и смотрите внутрь, куда смотреть не стоит. Начать по-новому можно в любой момент, это и будет искупление.

Л. Л. подумал, что это упрощение. В том-то и ловушка времени, что произвольное в какой-то момент, потом становится незыблемым. Дерево выбрало неправильный угол роста, что тут поделаешь, когда это уже осуществилось?

Затем: Удивительная легенда о поклонении волхвов, сказал Н. А., высшая мудрость — поклонение младенцу. Почему об этом не написана поэма?

Затем: Чудеса Евангелия не интересны, но само оно кажется чудом. И как странна судьба его, на что обычно не обращают внимания: в нем всего одно предсказание и оно, уже скоро выяснилось, не сбылось; последние слова действующего лица — слова отчаяния. Несмотря на это оно распространилось.

В чем суть опьянения?

Н. А.: Его можно сравнить с курением или чесанием; раздражение кожи, легких, стенок желудка. В этом удовольствии.

Я. С.: Одной физиологией не объяснить. Суть в освобождении от личного, самого неприятного, что есть в мире.

Л. Л.: Предметы схватываются глазом более четко, цельнее. Они как бы вырастают или готовятся к полету. Да, они летят [25]. Человек теряет свое место среди предметов, подвластность им. Это и дает освобождение от индивидуальности.

Затем: О планере: он мог, ведь, изобретаться в любую эпоху, может быть так и случалось, а потом снова забывали. И о плавании и полете.

Н. А.: Я переплыл реку с поднятыми руками! (Он воздал похвалы плаванию: плывущий испытывает радость, недоступную другим. Он лежит над большой глубиной, тихо лежит на спине, и не боится пропасти, парит над ней без опоры. Полет — то же плавание. Но не аппаратный. Планер — предвестие естественного полета, подобного искусству или полетам во сне, об этом и мечтали всегда).

Я. С.: Планер, или лекарство, продляющее жизнь на несколько лет, или сорт ликера, все это одинаково безразлично, не имеет значения; когда придет смерть, не об этом вспомнишь.

Л. Л.: Тот, кто делит мир на вещественное и иное, как линией лист бумаги, совершает ошибку. Я. С.! Ты думаешь, что возвышаешь мир, открывая иное, и не будучи в состоянии сказать о нем ни слова. Ты оказываешь неуважение ему. Наверное, все вещи многозначительны, хотя и в разной степени. Полет освобождает от тяготения, а оно основное образующее тела. Поэтому полет и освобождает. Что же касается до мысли перед смертью, то, может быть, этой мыслью будет некоторый эпизод детства, или свет сквозь ресницы, или что другое, мы не знаем этого. Но полет и плавание служат изучению жизни и смерти.

Я. С. и Д. Х. ехали на 38 номере; (Запись Д. Х.).

3-го августа Н. М. и Д. Х. собрались у Н. А. в Эрмитаже. Н. М. говорил о методе писать стихи, о прекращении жажды к разнообразию и о желудочной теории.

Н. А. говорил: Поэзия есть явление иератическое.

Д. Х. говорил в тот вечер мало.

Мы пили пиво и ели сыр, кроме Н. М., которому еще после болезни нельзя много есть. (Запись Д. Х.).

Н. М. и Л. Л., возвращаясь из водолечебницы, говорили:

О зрении.

Л. Л.: Как известно, изображение в глазу получается перевернутое; между тем видим мы все правильно. Почему? Вверх-вниз: это только отношение к движению тела или руки, оно определяется ориентировкой по уже известным по положению предметам и движению глаза. В том случае, когда этими признаками пользоваться нельзя, возможна ошибка. Это подтверждает опыт с булавкой: ее подносят так близко к глазу, что видна уже не она сама, а ее тень, падающая на дно глаза; и она видна в перевернутом виде.

О границах тела.

У низших организмов бывают болезни, при которых их насквозь прорастают чуждые жильцы, водоросли или бактерии. А они продолжают жить, точно и не замечая этого... Ногти в начале живые, сам человек, а в конце их можно стричь и резать, как режут дерево или железо.

О науке радости.

Можно ли достичь, чтобы радость была обычным состоянием. Л. Л. думает, что можно. Неприятности на девять десятых воображаемы; они происходят от зависти, представления себя на месте другого, или от горечи при представлении возможного будущего. Но ведь все это на самом деле не реально. Человек выходит без галош, потом ему кажется, что пойдет дождь и он уже огорчается. А ведь если и пойдет, то на самом деле в этом неприятности никакой нет или она ничтожно мала. Радость под руками, но чтобы ее ощупать, надо скинуть привычки мешающие этому, пройти через некоторый аскетизм. Он будет легко отряхивать все неприятности, как пыль с одежды, — современный святой, он будет всегда радостный, хотя и не веселый. И даже боль тут не препятствие. Разве боль от одеколона после бритья (заметил Н. М.) не одна из самых острых болей? Но мы знаем, на нее не стоит обращать внимания, и не замечаем ее... Радость и горе не противоположности и безразличие не середина между ними, как нет среднего между целым и растрескавшимся. Радость нормальна.

О сфинксах. Н. М. считает, что в них действительно заключены загадки, но не аллегорически, а буквально. Это каменные ребусы. Искусство, верно, и началось с задавания загадок.

О выражениях воды.

Н. М.: В любом пятне или подтеке всегда видится прежде всего лицо. Бесконечные выражения лиц, это выражение воды.

Об американцах.

Н. М.: В них есть нечто старинное. Сотни обычных вещей они делают по-своему, точно и скромно, как йоги.

О спорте.

Н. М.: Он хорош, пока личное дело и бесстыден, когда собирается много людей.

Разговор шел от Калинкина моста до Летнего сада.

А. В. прочел «На удаление зуба» [26].

Л. Л. эта вещь очень понравилась, так же как и Д. Х. Потом Д. Х. изобразил полет мухи: подняв глаза и разводя руки, он повторил несколько раз: Тю-тю-тю. Этим он рассмешил всех.

Я. С.: Твоя ошибка в том, что ты классифицируешь. Если разделить на четыре рода, их окажется пять; на пять, будет шесть. Поэтому не надо искать числа, а просто описывать один из родов. Если хочешь, дели на такое и не такое.

Л. Л.: Но в математике есть же классификация.

Я. С.: Это другое дело. Там не общая точка зрения, а частная, для данного случая. Так, тройное деление правильно лишь для треугольников на плоскости, для иных нет. Всех же, наверное, не охватить, в самом таком задании ошибка.

Л. Л. не согласился. Но его одолевала простуда. Я. С. тоже был простужен. Разговор затих.

Сон Я. С.: Ему вновь привиделся его бывший учитель Г. [27]. Тот был просветлен, но не интересен. Встреча произошла очевидно на железнодорожных путях, были тут рельсы и провода. Я. С. попросил подбросить его вверх: испытание на чудо. Если сделает, тогда неинтересно: значит, это призрак, ведь Г. давно умер. Неужели не догадается? — думал Я. С. Нет, не догадался и подбросил, высоко, но все же это можно было объяснить и естественно. Я. С. вновь попросил о том же. На этот раз учитель подбросил его выше телеграфных проводов. Значит, чудо. И сразу учитель стал Я. С. неинтересен и пропал. Ведь во сне так всегда: что становится безразличным, то перестает существовать.

Я. С.: В представлении о чуде погрешность; представишь, что оно осуществилось, и уже не интересно.

Л. Л.: Чудо, верно, все-таки не в факте, а в стиле.

Д. Д. и Л. Л. говорили об архитектуре, почему дома надо строить из камня.

Камень — шероховатое, твердое тело, на нем печать страшно медленного и долгого изменения; он тяжел; он вышел со дна моря или из земли; у него свой состав.

Здание охватывает пространство в высоту. В нем должна быть прочность и долговременность. Оно хранит. Глыба, положенная на глыбу, дает возрастание прочности. А металлическая конструкция, чем больше, тем более хрупка. Каменная архитектура есть использование тяготения, игра с ним; металлическая — использование сил сцепления.

Дерево это ткань, оно продукт роста и подвержено разложению. Бетон аморфен, как газ. Камень же не аморфен и не ткань, а стихия. Он не отлит по случайной форме и не сломлен, а высечен. Он консерватизм земли.

Очень трудно сказать, в чем тут дело. Камень долговечен. К нему прикасаешься с уважением.

Н. М.: Замедленная съемка показывает, как грустны все движения человека. Но интереснее было бы снимать так не ходьбу или падение, а человеческое лицо.

Н. М. скромно пил чай, развивая перед хозяевами свои любимые теории питания. От взора его не ускользнуло, что муха села на блюдце с сахаром. — Смотрите, — сказал Н. М., — муха минует один сахарные песчинки и стремится к другим. Это показывает, что они в действительности не одинаковы. Вряд ли, чтобы у мух не было индивидуальных особенностей вкуса, как и у людей.

Н. М.: У Н. А. непременно должны быть глисты в кишках. Этим я объясняю прекрасный цвет его лица. — Н. М. говорил серьезно.

Н. М. считал себя знатоком эндоптического зрения. Его занимало, что делается у него в глазу. Он наблюдал пятна или помутнения, искры и волокна. Пятна плывут группой медленно на границе поля зрения, пока не пропадают. Искры совершают непрерывное движение, как туча мошек вечером перед хорошей погодой. Волокна крупны, они бледны и неподвижны. Есть еще другие волокна, крупнозернистые, они похожи на водоросли или морские животные.

Н. М. на основании различия движений этих телец и их размеров (он вычислил их), устанавливает, что видит человек в своем глазу. Он считает также, что пятна находятся довольно далеко от дна глаза, это сгустки в стекловидном теле, они поворачиваются вместе с глазом и уплывают из-за стремления уловить их в центр зрения. Искры или светлые точки, наоборот, обладают самостоятельным движением.

Л. Л. с горечью говорил о крушении Словаря [28].

Л. Л.: Ни ты, Я. С., ни те другие, не желаете сотрудничества и не способны к нему. Вы не подчиняетесь даже тем правилам, которые сами установили. А главное, каждый из вас уверен, что только он и делает замечательные вещи; в других людях собственно никакой нужды нет. Неуважение к соседям — незавидная привилегия. Да, вы не потратите усилия, чтобы вникнуть, что считает другой. Капризность и истерический деспотизм одного (Я. С.), несокрушимый эгоизм и суетность другого (А. В.), недоверчивость к смыслу всякой работы и лукавство третьего (Н. М.), вот, что есть на самом деле.

Я. С.: Ты бы сам что-нибудь делал, тогда, может быть, были бы результаты.

А. В., тот легко и с готовностью покаялся.

А. В.: Мне дико везло это время в карты. Каждую ночь я проводил в ресторане и не засыпал раньше шести. Так что даже устал и все это надоело. В валютном баре в еще пустой комнате, я видел девушку, сидевшую на ковре и ожидавшую иностранцев...

Д. Д. предложил Л. Л. писать вместе книжку о последних днях перед весной 1914 года, о расцвете того времени и неизбежной, все же неожиданной катастрофе. Люди, которые суетились и решали. И вот, все конечно, неовозвратимо.

Д. Д. и Д. Х. впервые познакомились друг с другом. Они разговаривали о замкнутости эр, о неправомерности выхода из своей эры; о ложности понятий «первобытный человек» и «первобытная земля», — их никогда не было, всегда была своя высота и своя сложность; о постоянном идейном имуществе человечества; об увядании нашей науки.

Интересно, что они не слушали друг друга, но остались одни другим вполне довольны.

Л. Л. время от времени входил в разговор. Н. А. писал шуточную оду и сам от удовольствия смеялся. Н. М. спал в соседней комнате.

Т. А.: Почему в человеческом устройстве есть что-то постыдное и унижительное?

Л. Л.: Это нечистота от противоречия между индивидуальностью и природой. Когда у морского животного через канальцы непрерывно протекает вода, это и его питание и выделение, тут нет ничего шокирующего. Но ведь и само это животное почти жидкость. В человеке неизбежно сохранен тот же принцип, но человек уже резко ограничен от среды и чужд ей. Грязь, это и есть постороннее или лишнее, притом основное вещество.

Н. А. прочел: «Облака» [29].

Л. Л.: Поэмы прошлого были по сути рассказами в стихах, они были сюжетны. Сюжет — причинная связь событий и их влияние на человека. Теперь, мне кажется, ни причинная связь, ни переживания человека, связанные с ней, не интересны. Сюжет — несерьезная вещь. Недаром драматические произведения всегда кажутся написанными для детей или для юношества. Великие произведения всех времен имеют неудачные или расплывчатые сюжеты. Если сейчас и возможен сюжет, то самый простой, вроде — я вышел из дому и вернулся домой [30]. Потому что настоящая связь вещей не видна в их причинной последовательности.

Н. А.: Но должна же вещь быть законченной, как-то кончатся.

Л. Л.: По-моему, нет. Вещь должна быть бесконечной и прерываться лишь потому, что появляется ощущение: того, что сказано, довольно. Мне кажется, что такова и есть в музыке fuga, симфония же имеет действительно конец.

Н. А.: Когда-то у поэзии было все. Потом одно за другим отнималось наукой, религией, прозой, чем угодно. Последний, уже ограниченный расцвет в поэзии, был при романтиках. В России поэзия жила один век — от Ломоносова до Пушкина. Быть может сейчас, после большого перерыва пришел новый поэтический век. Если и так, то сейчас только самое его начало. И от этого так трудно найти законы строения больших вещей.

Я. С. прочел «Вестники» [31]. Л. Л. она очень понравилась. С незначительной грустью подумал Л. Л., что хотя он и дал название и тему этой вещи, написать ее он бы не мог.

Л. Л.: Это искусство, но это и истина. Почему так не может быть? Мы отвыкли от поэтических исследований. Между тем писали же когда-то поэмы — руководства по огородничеству. Потому что исследование и взращивание овощей казалось тогда прекрасным... Напрасно, однако, ты не упомянул о сне вестников. Кроме того исследование все же не дает ясно-го, ощутимого представления о том, о чем говорит. Нет перехода, цепочки, от обычных представлении к необычным. Впрочем, это мне кажется всегда о всех произведениях, что они останавливаются там, где должны были бы начаться.

Я. С.: О сне вестников надо написать особо...

Затем: о рояле.

Я. С.: В этом инструменте есть своя особая чистота, которая ощутима настоящему пианисту. Так как у меня этого ощущения нет, а также и темперамента, я и не мог бы, несмотря на мягкость тембра и некоторую свойственную мне лиричность, стать хорошим пианистом. Но однажды, навер-

ное, всякий может сыграть гениально. Помню, когда я шел, давно, на экзамен, я очень волновался; конечно, я больше всего боялся забыть и остановиться на половине с поднятыми руками. Однако, когда я стал играть, я откинул голову и смотрел в потолок; не почему-либо, а просто так, по привычке. И я сам удивлялся, что могу делать пальцами все, что угодно. Это было, пожалуй, блаженство.

Худ и желт был Я. С., имел воспаленные глаза, но на здоровье не жаловался.

Д. Х. и Н. М. говорили о чистых стариках, которые купаются в ключевой воде каждый день и никогда ни из-за чего не огорчаются. Хотя они и пример долголетия, но противны.

Потом Н. М. смотрел сквозь дырочку в записной книжке на лампу. Д. Х. хотел объяснить закон преломления света в хрусталике, но не смог, так как забыл этот закон.

Л. Л.: Когда подумашь, сколько поколений было до тебя, сколько людей работало и исследовало, когда видишь толщину энциклопедического словаря, проникаешься уважением. Однако это неверно. Производное и второстепенное исследовано со страшной подробностью, главное неизвестно точно так же, как тысячи лет назад. Я приведу два примера. Каждый из живших испытывал половое тяготение, удовольствие от поцелуя, некоторых прикосновений и движений. Но никто, хотя опыта тут казалось бы хватает и не нужно никаких специальных лабораторий, не объяснил, что же его тянет, в чем тут удовольствие, почему прикасаются к тому же, проделывают такие движения. Также каждому предстоит умереть. Но никто не сказал ничего толкового о смерти. Никто не поставил даже вопроса прямо: «Все, что мы видим в смерти, это уничтожение тела; все, что нас интересует — есть ли это и уничтожение жизни и сознания». Четыре слова: уничтожение, тело, жизнь, сознание. Но посмотри во все словари и книги, там нет объяснения этих слов; о них либо не упомянуто, либо идет не относящаяся к делу болтовня. Как будто на все это и не смотрели совсем. Действительно, наука уже давно не смотрит прямо, а ощупывает, изучает по мелочам и косвенно. Очевидно, потому что до сих пор, когда смотрели, ничего не видели. И понятно, почему. Ведь все принимали время, пространство, предметность мира за что-то данное, неразложимое, о чем и говорить не стоит, а надо считаться с таким, как все это есть. Это было искажение в самом начале, закрывавшее все пути. Когда, например, Декарт исходил из «Я мыслю, значит я существую», то это была уже насквозь ложная основа. Потому что с еще большим правом можно сказать, что «не я мыслю» или «я не существую», или т. п. Были взяты уже неправильно завязанные узлы и вместо того, что-

бы их развязывать, пошли плести дальше. Сейчас, как и всегда, надо начинать с самого начала; и поэтому понятно, что отличительный признак людей, которые это чувствуют, интерес к тому, что такое время. Ибо это замок на двери и его-то и надо открыть, а для этого развинтить. Сейчас надо задавать вопросы прямо, помня, что данные для ответа найдутся, если хорошенько присмотреться.

А. В.: Можно ли на это ответить искусством? Увы, оно субъективно. Поэзия производит только словесное чудо, а не настоящее. Да и как реконструировать мир, неизвестно. Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провел как бы поэтическую критику разума — более основательную, чем та, отвлеченная [32]. Я усумнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием здание. Может быть, плечо надо связывать с четыре. Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал. И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые. Я даже не знаю, должна ли быть одна система связей или их много. И у меня основное ощущение бессвязности мира и раздробленности времени. А так как это противоречит разуму, то значит разум не понимает мира [33].

Л. Л.: Искусство не обязательно должно быть субъективно. Наоборот, высшее искусство, например, панихида, создавалось как имеющее объективное и непреложное значение, как обязательное. Оно утверждает свою систему. И если есть иллюзорные системы, то есть и настоящая. Например, система лепестков цветка. Подлинная система может иметь много отражений или вариантов, но она одна, иначе был бы невозможен переход из одного варианта в другой.

Л. Л. излагал Д. Д. свою теорию слов [34]. Она сводится к пяти принципам. Первый: слова обозначают лишь то, что они есть на самом деле — напряжение и разряжение; поэтому они не имеют предметного значения, а обозначают изменения среды подобной жидкости. Второй: таблица их исходных (дыхательных) элементов с тождественными значениями, дающие параллельные ряды, так что каждый язык как бы переплетение многих языков (рядов); состав элемента — согласная с гласной или согласная с полугласной и гласной. Третий: значение элемента неограниченно; но мы можем его очертить тремя понятиями — стремить(ся), тянуть(ся) и хвата(и)ть. Четвертый: все последующие значения образуются сужением и приложением к частным случаям значения исходного элемента. Пятый: формы всех слов образуются из исходных элементов по законам «вращения».

Л. Л.: Я не рассчитываю, что моя теория может быть признана. Она противоречит не каким-либо законам, а что хуже, самому стилю современной

науки, негласным правилам, управляющим ее нынешним ходом. Никому даже не будет интересно ее проверять, к ней отнесутся заранее, как к решению задачи о квадратуре круга или вечного двигателя. Тот путь, которым я шел, считается в науке слишком простым, спекулятивным, заранее опозоренным. Но, говоря по правде, я не считаю стиль современной науки правильным...

Затем: о Хлебникове.

Л. Л.: Я не могу читать Хлебникова без того, чтобы сердце не сжималось от грусти. И не внешняя его судьба тому причиной, хотя и она страшна. Еще страшнее его внутренняя полная неудача во всем. А ведь это был не только гениальный поэт, а прежде всего реформатор человечества. Он первый почувствовал то, что лучше всего назвать волновым строением мира [35]. Он открыл нашу эру, как может быть Винчи предыдущую. И даже своими стихами пожертвовал он для этого, сделав их только комментарием к открытию. Но понять, что он открыл и сделать правильные выводы он не мог. Он путался и делал грубые и глупые ошибки. Его попытки практического действия смешны и жалки. Он первый ощутил время как струну, несущую ритм колебаний, а не как случайную и аморфную абстракцию. Но его теория времени — ошибки и подтасовки. Он первый почувствовал геометрический смысл слов; но эту геометрию он понял по учебнику Киселева. На нем навсегда остался отпечаток провинциализма, мудрствования самоучки. Во всем сбился он с пути и попал в тупик. И даже стихи его в общем неудачны. Между тем он первый увидел и стиль для вновь открывшихся вещей: стиль не просто искусства или науки, но стиль мудрости.

А. В. пришел внезапно, без предупреждения, и сразу проявил свойственную ему деятельность. Он звонил по телефону в разные места, интересовался ценой материи, лежавшей на столе и готов был уже ее купить, бурно ел и пил. Затем он стал с Л. Л. играть в шахматы на папиросы и уже не отвлекался разговорами.

Д. Х. и Л. Л. сидели в ванной комнате при топящейся печке и беседовали о взаимоотношениях людей.

Д. Х.: Я произвожу неправильное впечатление. Я глубоко уверен, что я умнее и менее талантлив, чем кажусь.

Д. Д. советовал Л. Л. укрепить его теорию слов данными современного языкознания. Тогда сомнения в правильности имеющихся в ней звуковых законов отпадут и она станет убедительной.

Л. Л.: Я не сомневаюсь, что они сойдутся. Но это меня не интересует. Я уверен в правильности моей теории, так как проверял ее на фактах, а не на выведенных другими законами. Для этого нужно иметь влечение к языкознанию, а у меня его нет. Мне важно, что моя теория не требует никаких предварительных знаний и никакого другого материала, кроме того, который у всех под руками: слов одного языка. В этом ее отличие от современной науки: та требует особой сложной техники исследования, передаваемой через книги и университеты. А ведь мы всегда, во все времена, мечтали о знании прямом и не обставленном сложными сооружениями: Всмотрись, подумай по сути — и поймешь! Но вся наука сейчас система боковых, периферических доказательств, собрание ловких приемов угадывания. Я не верю, что для того, чтобы понять мир, нужно читать философские книги или заниматься в физической лаборатории. Мир, очевидно, устроен так, что его суть сквозит в любом его кусочке.

Д. Д.: Для чего нужен язык, в чем его функция?

Л. Л.: Он разрезает мир на куски [36] и значит подчиняет его. Но он, как и жестикация, естественный вывод природы, ее дыхание, жизнь или пение. Человек плывет на звуках, как лодка на море, чем сильнее становится волнение и больше качает, тем ему веселее. Он продельвает все более сложные движения, он узнает существование моря.

Я. С. прочел «Чем я противен».

Л. Л.: Тут есть черты национальные, а также, выражаясь твоим шифром, пртр [37]. Это отвращение к индивидуальности, к ее неизбежной нечистоте. Такое чувство бывает обычно после полового соединения, оно давно уже замечено, как особая тоска этого события, ощущение бесцельности действия. Но у тебя оно освобождено от обстоятельств и объекта, поэтому направлено на все и прежде всего на себя.

Затем: О стиле.

Я. С.: Стиль лучше всего понимали китайцы, они говорили, самое важное — содержание. Действительно, не нужно стремиться к точности выражения. Это и недостижимо: само мышление — создание неточностей. И однако словами можно выразить все: сочетание неопределенностей дает в некоторых случаях то, что нужно, определенность. Когда пишешь, надо только думать, что тут самое важное, и записывать то. Тогда окажется, написано хорошо.

А. В.: В людях нашего времени должна быть естественная непримиримость. Они чужды всем представлениям, принятым прежде. Знакомся даже с лучшими произведениями прошлого, они остаются холодными: пусть

это хорошо, но малоинтересно. Не таков Д. Х. Ему действительно может нравиться Гете. В Д. Х. не чувствуешь стержня. Его вкусы необычайно определены и вместе с тем они как бы случайны, каприз или индивидуальная особенность. Он, видите ли, любит гладкошерстных собак. Ни смерть, ни время его по-настоящему не интересуют.

Л. Л.: А Н. М. это разве как-то интересует?

А. В.: Нет, но Н. М. подобен женщине; женщина ближе к некоторым тайнам мира, она несет их, но сама не создает. Н. М. — человек новой эпохи, но это, как говорят про крестьян, темный человек.

Л. Л.: Он глядит назад...

Затем: О суде.

А. В.: Это дурной театр. Странно, почему человек, которому грозит смерть, должен принимать участие в представлении. Очевидно, не только должен, но и хочет, иначе бы суд не удавался. Да, этот сидящий на скамье, уважает суд. Но можно представить себе и такого, который перестал уважать суд. Тогда все пойдет очень странно. Толстый человек, на котором сосредоточено внимание, вместо того, чтобы выполнять свои обязанности по распоряжку, не отвечает, потому что ему лень, говорит что и когда хочет, и хохочет невпопад.

Я. С.: Я бы предложил, чтобы судья, вынесший смертный приговор, исполнял его сам, вступив с осужденным в поединок. При этом судье бы давались некоторые преимущества в оружии. Все же был бы риск, суд избавлялся бы от нереальности, от судьбы требовались бы некоторые моральные качества.

Я. С. прочел «Это и то» [38] Д. Д.

Д. Д.: Это гносеология. А гносеология никому не интересна.

Л. Л.: Отвлеченность философии и ее терминология — предрассудок. «Я философ, а это эмпирическое и меня не касается», — глупая фраза.

Д. Д.: Разве, например, «Экклезиаст» отвлеченная вещь?

Я. С.: Некоторые предвидели ту перемену в людях, при которой мы сейчас присутствуем — появилась точно новая раса. Но все представляли себе это очень приблизительно и неверно. Мы же видим это своими глазами. И нам следовало бы написать об этом книгу, оставить свидетельские показания. Ведь потом этой ясно ощущаемой нами разницы нельзя будет восстановить.

Л. Л.: Это похоже на записи Марка Аврелия в палатке на границе империи, в которую ему уже не вернуться да и незачем возвращаться.

Н. А. видел сон, который взволновал его, сон о тяготении.

Н. А.: Тяготения нет, все вещи летят и земля мешает их полету, как экран на пути. Тяготение — прервавшееся движение и то, что тяжелей, летит быстрее, нагоняет.

Д. Х.: Но ведь известно, что все вещи падают одинаково быстро. И потом, если земля препятствие на пути полета вещей, то непонятно, почему на другой стороне земли, в Америке, вещи тоже летят к земле, значит, в противоположном направлении, чем у нас.

Н. А. сначала растерялся, но потом нашел ответ.

Н. А.: Те вещи, которые летят не по направлению к земле, их и нет на земле. Остались только подходящих направлений.

Д. Х.: Тогда, значит, если направление твоего полета такое, что здесь тебя прижимает к земле, то, когда ты попадешь в Америку, ты начнешь скользить на брюхе по касательной к земле и улетишь навсегда.

Н. А.: Вселенная, это полый шар, лучи полета идут по радиусам внутрь, к земле. Поэтому никто и не отрывается от земли.

Он пробовал еще объяснить свой взгляд на тяготение на примере двух караваев хлеба, одного 10 1/2, другого 11 1/2 фунтов, которые кладут на весы. Но не смог. И скоро прекратил разговор.

Научные разговоры.

Я. С.: О моем бессознательном затрудняюсь что-либо сказать, но мое подсознательное просто глупо.

Задача: достать упавшую в дымоход вьюшку; рукой не дотянуться, так как дымоход делает петли. Ответы:

Л. Л.: Привести слона из зоосада, он достанет хоботом.

Д. Д.: Опустить на веревке кошку, она вцепится когтями.

Д. Х.: Чтобы она вцепилась, надо сначала воспитать в кошке условный рефлекс на чугун. Это не трудно; надо натирать все металлические вещи в комнате мышами.

Затем: О чудесах природы.

Д. Х.: Сверчки самые верные супруги среди насекомых, как зебры среди зверей. У меня в клетке жили два сверчка, самец и самка. Когда самка умерла, самец просунул голову между прутьями и покончил так самоубийством.

Л. Л.: Удивительно, что крокодилы рождаются из яиц.

Д. Х.: Я сам родился из икры. Тут даже чуть не вышло печальное недоразумение. Зашел поздравить дядя, это было как раз после нереста и мама лежала еще больная. Вот он и видит: люлька, полная икры. А дядя любил поест. Он намазал меня на бутерброд и уже налил рюмку водки. К счастью, вовремя успели остановить его; потом меня долго собирали.

Т. А.: Как же вы чувствовали себя в таком виде?

Д. Х.: Признаться, не могу припомнить: ведь я был в бессознательном состоянии. Знаю только, что родители долго избегали меня ставить в угол, так как я прилипал к стене.

Т. А.: И долго вы пробывали в бессознательном состоянии?

Д. Х.: До окончания гимназии.

По приезде Н. М. с Кавказа он беседовал с Л. Л. о тюркском театре, о японских добровольцах для торпед, о бобылях и о философии интеллигенции в разные времена.

Н. А.: Что такое, по вашему мнению, физическая масса?

Л. Л.: Индивидуальность вещества. Каждое отвечает на воздействие по-своему, одно покладисто, другое нет. Мера сопротивления на воздействие, или иначе, инерция и есть масса. А так как есть много разных родов воздействия, то я думаю, можно говорить не только о массе, вычисляемой по сопротивлению движения, но и о массе термической (теплопроводности), электрической и т. п. Даже о массе логической.

Д. Д.: Об эпохах можно говорить, пользуясь медицинскими терминами. Средневековье, в отличие от нашего времени, было компенсированной эпохой. Впрочем, оно стало разрушаться уже в XVI веке. И этот перелом достиг наибольшей остроты сейчас. Но новая эпоха еще не началась, это все разложение старой, новая придет лет через сто... В Средние Века и у вселенной и у города были центр и границы.

Л. Л.: Центр и границы, это смысл.

Д. Л.: Теперь же их нет. Вселенная бесконечна и бесструктурна. В деревне центра нет, разве кладбище. В городе им прежде была площадь с колодцем; теперь площадь только проход. Лишь ночью город приобретает какое-то устройство, оно выражается в расположении линий электрического света. Дом также потерял свой смысл. В деревне кое-где еще сохранились какие-то украшения на нем, воспоминания о знаках, отгоняющих чужое, знаках дома-крепости...

Затем: О знаках в жизни, которые говорят каждому ясно, что существующие сейчас представления мира неправильны. О нормальной длительности сна. Об ошибках определения времени при астрономических наблюдениях, когда наблюдатель помещает события в то время, когда они еще не произошли. О легенде призвания варягов и значении слова варяг. О деревенской бане (причем Н. А. рассказал относящиеся сюда эпизоды из собственной жизни).

А. В. и Л. Л. состязались на дальность зрения правым и левым глазом, на быстроту умножения в уме, на эрудицию (фамилии министров и членов Государственного Совета) и на то, кто больше забыл за свою жизнь.

Я. С. пришел в девять часов.

А. В. читал «Правила пользования автоматическим телефоном», вытянув ноги в желтых ботинках и гетрах. Я. С. опустил веки и сел подле него. Я. С. был мертвенно бледен.

Л. Л.: Ты бы разрешил снять с тебя маску, а то неровен час, не знаешь, что с тобой случится.

Я. С. вместо ответа заговорил о французах.

Я. С.: Они просто-напросто свиньи, страна свиней. Наверное, где больше бьют, там люди все-таки становятся лучше.

А. В.: Какое это имеет значение, народы и их судьбы. Важно, что сейчас люди больше думают о времени и смерти, чем прежде; остальное все, что считается важным — безразлично.

Л. Л.: Я же думаю, что судьбы народов не безразличны. Что в общем произошло? Большое обнищание, и цинизм, и потеря прочности. Это неприятно. Но прочность, честь и привязанность, которые были раньше, несмотря на какую-то скрытую в них правильность, все же мешали глядеть прямо на мир. Они были несерьезны для нас, вроде средневековых карт. И когда пришло разорение, оно помогло избавиться от самообмана. И нынешняя наука, например, лучше науки XVIII и XIX вв.

А. В. купил пол-литра водки; он отлил половину, так как хотел пойти еще на вечер.

Я. С.: Что Н. М., рассказывал что-нибудь интересное?

Л. Л.: Нет.

Я. С.: Почему-то человек, побывавший на лоне природы, обычно глупеет.

А. В. пил, вопреки обычному, скромно: он хранил себя для дальнейших событий. «Пей, — уговаривал Л. Л., — это пробуждает угаснувшие способности».

И вот А. В. ушел на другой вечер, все равно, что в другой мир. Я. С. и Л. Л. остались одни.

Я. С.: Ты бы обязал проходящих к тебе пять-шесть человек записывать что-нибудь по заранее выбранной формуле, например: «Фалес сказал...» [39]. Предположим, они будут ходить к тебе еще лет десять. Получится шестьдесят вещей. Можно будет отобрать штук двадцать и соединить. Это будет правильное произведение. Ведь все значительные произведения составные, даже части, их составляющие, плохо связаны, например, в «Дон Кихоте».

Затем: О счастье.

Я. С.: Возраст дает не мудрость, что-то более трудно определимое. Со мной это случилось в тридцать лет. Интересно, что в ночь на эту дату мне приснился умерший учитель [40]. С тех пор я стал и писать по-другому, и по-

казывать написанное, и думать иначе. Я понял гениальное стихотворение: «Когда для смертного умолкнет шумный день...» [41]. Это имеет большое значение, что прожито полжизни. И я уже не уверен, что прожито удачно. У меня теперь две формулы: «Я не считаю порядок событий, относящийся ко мне, совершенным» и «Не надо мне ни славы, ни богатства, ни почестей, мне нужна спокойная жизнь». Я совсем не тянусь к тому, что называют «общественным пирогом».

Л. Л.: Мы говорили с Н. М., что когда-то было там нищезанятие и всякое такое, вроде богоборчества, а теперь у тех людей, наверное, одна мечта, чтобы их не притеснял и уважал управдом. Впрочем, спокойная жизнь без почестей это, верно, иллюзия. Спокойствие именно дает связь с окружающим миром, ощущение, что нужен для него.

Я. С.: Я недавно думал, почему я не женюсь, не имею дела с женщинами. Я насчитал двенадцать причин. Но по правде говоря, я думаю, что причина всего одна: не было до сих пор, значит, ни к чему и дальше... Да, еще я стал интересоваться тем, что раньше мне казалось пустым: теориями счастья и блаженной жизни. Эпикурейцы, может быть, совсем и не глупы, это нерешенный вопрос. Но мне кажется, что счастье в неторопливости. И поэтому я всегда с удовольствием думаю, что вернусь домой.

Л. Л.: Я не представляю себе счастья на заброшенной станции. Неторопливость кажется счастьем, наверное, только больному или уставшему человеку. Когда я был в Новом Афоне, мне было невыносимо видеть каждое утро все то же сияющее небо, чувствовать крепкий запах тамошних растений, всю силу и цинизм той природы. Но я знал, что эта же природа была бы изумительна, если бы я был страстно влюблен, она бы тогда не подавляла, а усиливала счастье. Так что виноват был я. Неторопливость дает счастье только как пауза. И мне кажется, что счастье невозможно без торопливости и суеты, без власти и влечений. И тогда человек, спящий ночью по улице, высматривающий себе на несколько часов проститутку, кажется мне сравнительно счастливым. И кажется мне, такой должна была быть и моя судьба, от которой я неправильно уклонился. Конечно, это отчасти мрачное счастье. Однако А. В., предчувствующий сейчас неожиданности, сидя на диване рядом с малознакомой женщиной, ощущая в желудке водку смешанную с вином, живет сейчас как игрок, живет интереснее в данный момент и счастливее нас.

Я. С.: Не знаю, власть меня никак никогда не прельщала. А разговоры А. В. по телефону мне кажутся глупыми и противными, и тут я не могу ничего поделать. Счастье я ощущал только в освобождении от торопливости. Так, недавно, когда я ехал в автобусе, мне очень хотелось пойти в уборную. И когда я наконец попал, куда хотел, я был искренне рад. Вся-

кое другое счастье, по моему опыту, приходит всегда не вовремя, с опозданием, когда стремления к нему нет и приходится себя убеждать, что оно еще осталось.

Л. Л.: Да, надоедает жить в мире твердых тел. Вот шкаф, вентилятор, библиотека, я не ощущаю в них ничего нужного или близкого. Очевидно, устройство жизни таково, что счастье получается только в напряжении всех сил, в тревоге и торопливости. А дальше? Самое странное, мне все чаще кажется, что мы не имеем права на дальше, и нет нужды в нем. Это даже важнее, чем существует ли на самом деле дальше. Для мухи же не требуют бессмертия, какая претензия считать, что оно нужно нам. Индивидуальность мне часто представляется совершенно неценным, пузырек на воде, которому естественно и справедливо лопнуть. Или — два изгиба одной волны, личность и окружающее, произойдет интерференция, их не станет.

Я. С.: Нет, я не согласен.

Такой разговор произошел между Я. С. и Л. Л., двумя смертными существами.

Д. Х.: Не хотите ли пойти к Н. А.? Там уже Н. М. и кроме того еще пирог.

Л. Л.: Не совершить ли нам по пути преступления, иначе говоря предательства.

Д. Х.: Я уже совершил его однажды сегодня, но готов вторично.

И они зашли по дороге в пивную и выпили по кружке. У Н. А. прочел Н. М. «Похвалу изобретателям» [42].

Н. А.: Мне нравится. Чего-чего тут нет. Не знаю только, хорошо ли «бирюльки».

Н. М.: Не хочешь ли ты этим сказать, что много требухи?

Тут началась особая словесная игра, состоящая в преобразовании, подмене и перекидывании словами по неуловимому стилистическому признаку. Передать ее невозможно; но очень большая часть разговоров сводилась в этом кругу людей к такой игре; победителем чаще всего оставался Н. М. На этот раз началось с требухи и кончилось головизной.

Л. Л.: Представьте себе толстый и честно написанный роман, в котором в самом конце автор вдруг решил блеснуть: «Гость в ответ покачал головизной».

За столом обсуждалось происхождение слова «каяться».

Н. М.: А по вашей теории, что это значит?

Л. Л.: «Чети-каяти», от значения «хватать, цеплять, брать» в частности затем «зацеплять другого человека действиями или словами, задирать, ругать». Оттого и — неприкаянный — «неприбранный, без приюта». «Каяться» — это значит, ругать или истязать самого себя.

Н. М.: Научите же и нас, как списывать теории с академика Марра!..
[43] А по-моему, слова, начинающиеся на П, обозначают шар.

Н. А.: Например, шар?

Н. М.: Это иностранное слово.

Н. А.: Тогда, круг?

Н. М.: Тоже иностранное.

Между тем ели пирог и Д. Х. бесстыдно накладывал в него шпроты, уверяя, что этим он исправляет оплошность хозяев, забывших начинить пирог. Потом он стал рассуждать о воспитании детей, поучая Н. А.

Д. Х.: Надо ребенка с самого раннего возраста приучать к чистоте. И это совсем не так сложно. Поставьте, например, у печки железный лист с песком...

Младенец же спал в это время в кровати и не знал, что о нем так говорят. Но Н. А. эти шутки были неприятны.

И вот, попив и поев, ощутили ясно, что мыслей никаких нет. Как далеко было то время, когда Н. М. провозгласил мудрость кузнечика и начертил на знамени жука [44]. Когда Д. Х. верил сам, что не сегодня-завтра он станет святым и начнет совершать чудеса; пока же подготавливался к этому, ставя себе каждый день клизмы. Тогда и другие блистали, кто чем. Теперь настала долгая эпоха безмыслия.

Н. А.: Чем заниматься друг другом и растекаться, не лучше ли поиграть молча, раз сказать нечего?

Так и поступили: стали играть в кораблики.

Д. Д., Д. Х. и Л. Л., распивая водку и закусывая копченым сигом, беседовали.

Д. Д.: Мы соответствуем немецким романтикам прошлого века, они ничего реального не дали, но остались в истории.

И он раздавал роли, кому Шлегеля, старшего или младшего, кому Новалиса, Шлейермахера и других.

Л. Л.: Сходство заметно пока лишь в первой части. Впрочем остаться в истории не такое уж утешение. Представьте себе: «Эта книга переживет вас; от вас, написавшего ее, уже ничего не останется, кроме гниющего тела, поедаемого червями, а вашу книгу будут еще переиздавать и читать в продолжение пятидесяти или шестидесяти лет».

Затем: Об отличиях народов.

Д. Д.: Древние греки чувствовали только пространство, евреи — только время. Поэтому греческая культура и прилагается так легко ко всем народам. И поэтому же они, наверное, любили мальчиков. Ослабление чувства времени проявляется прежде всего в неуважении к смене поколений, к рождению. Но можно спросить, почему же тогда у греков были мифы,

и откуда у евреев способность к коммерческой спекуляции. Я толкую это как психические экскременты, чуждые им.

Л. Л.: Все это страшно неточно. Пространство надо не противопоставлять времени, а выводить из него. Что касается евреев, то спекуляция коммерческая сестра спекуляции философской. У евреев потеря прочности и в связи с этим стремление прикрепиться к абсолютному, тоска по нему, по центру, боязнь провинциализма. Это и есть то, что кто-то назвал семитической серьезностью. Чувство ребенка, покинутого матерью, и в связи с этим застывший в глубине страх и стремление укрыться, поглубже зацепиться за окружающее, коммерческие и философские спекуляции, беспокойство. Все это могло возникнуть только при разрыве с природой, родиной, при необычайной физиологической живучести и восточном ощущении преходящести, своей слабости перед миром... Впрочем я полагаю, что все это можно было бы выяснить точнее, если бы были учтены физиологические особенности народов; это можно сделать хотя бы по статистике болезней, ведь они связаны с конституцией, особенно психические и кожные. Рассуждая же без этих данных, легко воспользоваться недоброкачественными теориями, вроде неопределенных слов о «психическом экскрементае». Это немецкий способ мышления, интеллектуальный импрессионизм.

Д. Х.: Наш способ деления вообще, очевидно, неправилен. Мы как бы пользуемся целыми числами, а в природе границы проходят на каких-то дробях. Что же касается евреев, то в них что-то есть, какой-то компас.

Д. Д.: Самое трудное и тайное — время. Почему астрономия призрачнее, чем история? Потому что там изменения так медленны, что их почти не принимают во внимание.

Д. Х.: Я думаю, что дело не в самом времени, а тут только нагляднее всего неправильность нашего человеческого метода. Болезнь во всем теле, яснее всего она проявилась в прыщике, нам и кажется, что болезнь в нем.

Л. Л.: Я думаю, что время все-таки сердцевина, это стержень мира; вернее мир — развернутое время.

Затем: Об эпохах.

Д. Х.: Мысль о сходстве атома с солнечной системой по устройству не верна. Мир на самом деле устроен наверное остроумнее и проще. Идея эта принадлежит по типу своему не современной науке, а, скорее, науке времен Фламариона [45]. Это было очень хорошее, но бесплодное время. Тогда Фламарион жил, как блаженный, взбираясь каждую ночь на свою башенку; а по утрам, наверное, на восходе солнца писал книги. Тогда появились первые автобусы, они изображались в журналах на политипажах, в кватрирах и на улицах горел газ, и гордились всемирной выставкой в Париже.

Л. Л.: Время восторженного упрощения.

Д. Д.: Романтики отходили от быта и были мечтателями, мы же, наоборот, стремимся к быту.

Л. Л.: Интересно, как образуется круг людей. В Москве, можно сказать наверняка, нет таких людей. И интересно, что подходящие друг другу люди находят, натыкаются один на другого, будто случайно, но, как закон, всегда.

Д. Х.: Наше отличие, что мы думаем не лбом, и не затылком, а теменем, особым местом мозга.

Л. Л.: Никогда не было столько неправильностей и никогда все же не было такого ощущения правильности и величия мира.

Д. Х.: Нам бы нужен был наш журнал, особенно для Н. М. А для меня свой театр.

Д. Д. стал показывать имевшиеся у него архитектурные журналы.

Д. Х.: У меня привычка каждый раз перед сном рисовать планы воображаемых квартир [46] и обставлять их мебелью.

Д. Д.: Это сейчас единственно живая архитектура.

Затем: О хиромантах. Почему они никогда не пробовали проверить линию жизни на руках покойников в любой мертвецкой. О спиритах, почему они не садят в свой круг рядом с медиумом только что умершего человека. О повторяемости кругов в жизни, они все не доводят повторения до замыкания. О том, что наводит ужас на Д. Х., бобылях, русской бане, бородатых священниках, одном возгласе в панихиде. О драке мужиков в распущенных рубахах, их истеричности. О рынках, пахнущих уборной.

Затем: Д. Д. читал стихи Гете по-немецки. Д. Х. восторгался, Л. Л. не понимал по-немецки.

Н. А.: Книга Джинса [47] мрачная, не дающая ни на что ответа. Поражает страшная пустота вселенной, исключительность материи, еще большая исключительность планетных систем и почти полная невозможность жизни. Все астрономическая случайность, притом невероятная. Чрезвычайно неуютная вселенная.

Л. Л.: Все же она показывает, что вселенная имеет свой рост, рождение и гибель. Она драматичнее и индивидуальнее, чем считали прежде.

Н. А.: Конечно, звезды нельзя сравнивать с машинами, это так же нелепо, как считать радиоактивное вещество машиной. Но посмотрите на один интересный чертеж в книге, распределение шаровых скоплений звезд в плоскости Млечного Пути. Не правда ли, эти точки слагаются в человеческую фигуру? И солнце не в центре ее, а на половом органе, земля точно семя вселенной Млечного Пути.

Я. С.: Я знал Лао Цзы до сих пор только в русском переводе, который не дает о нем представления. Немецкий гораздо правильнее; но тоже не

слишком хорош. Приведу один пример: в русском тексте стоит слово самка; в немецком — вечноженственное. И то, и другое, очевидно, не подходит. Но в немецком все же меньше банальностей. У Лао Цзы, оказывается, совсем не так много нравственных мест; хотя, конечно, он не безнравственный философ. Там где в нашем тексте стоит «Добродетелен властвующий над собой», надо читать на самом деле «Добродетелен бездеятельный». Начинает Лао Цзы так: «Тао, которое мы знаем, не настоящее Тао, и имя, которое мы знаем, не настоящее имя». Он был старшим современником Конфуция, жил почти в то же время, что Пифагор и Будда... Хочешь, давай вместе, пользуясь русским и немецким, восстановим Лао Цзы. Это интересный опыт перевода при отсутствии подлинника, если он удастся, можно будет потом начать переводить недошедшие вещи Аристотеля, Фалеса, Пифагора и других. Работы хватит: потеряно много.

Н. А. (входя): Я меняю фамилию на Попов-Попов. Фамилия двойная, несомненно аристократическая.

Затем: О номогенезе, книге Берга [48].

Л. Л.: Все же она не открывает законов, а только доказывает, что они есть, дело не в случайности, и не в одних внешних воздействиях. Бергсон уразумел это прежде, но у того не было такого подбора любопытных и важных фактов. Сейчас, однако, уже открываются такие законы, теория параллельных рядов, проверенная на злаках. Параллельные ряды, это есть и в языке.

Я. С.: Ну как, Н. А., нашли вы для меня работу, не требующую особых усилий. Под усилием я понимаю всякое напряжение. Находите поскорей, а то я останусь без службы и мне очень нужны будут деньги.

Н. А.: Я бы предложил вам, если вы на меня не обидитесь, стать трубочистом. Это замечательная профессия. Трубочисты сидят на крышах, под ними разнообразные ячейки жактовских массивов, а над ними пестрое как персидский ковер небо. Да, объединение таких людей, я подразумеваю альянс трубочистов, могло бы изменить мир. Итак, становитесь, Я. С., трубочистом.

Я. С.: Не подходит. Увы, это требует особого напряжения.

Н. А. (направляя разговор в общее русло): Заметили ли вы, что в этом году первый снег выпал хлопьями, а не крупной. Это к неурожайному году. Итак, не бросить ли нам благородную кость?

Психологический разговор.

Л. Л.: Я — безответный. На днях открыли вентилятор и меня стало в него тянуть. Хорошо, что Т. А. заметила, когда я был уже под потолком, и ухватила меня за ножку. А то еще: купаюсь я и задумавшись, сам не соображая, что делаю, открыл затычку ванны. Образовавшийся водоворот увлек меня. Напрас-

но цеплялся я за гладкие края ванны, напрасно звал на помощь. К счастью мой крик услышали жильцы, взломали дверь и в последний момент спасли меня.

Д. Х.: Мой организм подточен. Вчера, когда вставал с постели, у меня вдруг хлынула из носу кровь с молоком.

А. В. нашел в себе сходство с Пушкиным.

А. В.: Пушкин тоже не имел чувства собственного достоинства и любил тереться среди людей выше его.

А. В.: Недавно Д. Х. вошел в отсутствие Н. М. и увидел на диване открытый том Пастернака [49]. Пожалуй Н. М. действительно читает тайком Пастернака.

Н. А. сидел у Л. Л. В это время вновь позвонил Д. Х. по телефону, опять о билетах на Реквием.

Н. А. копировал с энциклопедического словаря автографы, а Д. Д. беседовал с приехавшим Д. Х. Гете, Моцарт, Шуберт так и слышались у них в разговоре имена великих людей. Л. Л. это надоело. Он вспоминал строчки А. В. из автобиографии:

«Гениальному мужчине
Гете, Пушкин и Шекспир,
Костомаров и Пуччини
Собрались устроить пир» [50].

Затем Н. А. играл как всегда в «трик-трак» и напевал несложную песенку: «Один адъютант имел аксельбант, а другой адъютант не имел аксельбант».

Потом о Н. М.

Он появляется в редакции без цели, как фланер, в странной одежде и спортивных туфлях зимой [51]. Его все всегда принимают хорошо. Он садится и начинает бесстыдно издеваться. Что, — говорит он писателю, — опять пошлятину наворотил? А редактору: Зачем вы разговариваете с ним, ведь он мошенник, ему нужны только деньги... Все это правда, но принимается с улыбкой, за остроумие. Вообще шутки его напоминают шутки Ивана Ивановича из повести Гоголя [52] — «а хлебца тебе, наверное, тоже хочется?» К тому же они направлены на тех, кто беззащитны, кто действительно пишет плохо. Так говорит Н. М., выполняя свою общественную функцию законодателя вкусов, вроде Петрония при Нероне. Ему дана привилегия говорить правду, как в старину шутам. Так прежде принимали симпатичного и талантливого, но спившегося вконец человека. Он проходит, как особое явление природы, не входящее в обычный круг, не подчиненное общим правилам.

В конце концов к нему относятся хорошо, потому что считают за редкое и прекрасное произведение природы. А таланты нужны, как украшение, любому времени, любому строю. И поэтому ему все-таки перепадает небольшая часть земных благ. Он может, если захочет, прожить как эстетический прихлебатель.

Н. М. и Л. Л. встретились на Реквиеме.

Л. Л.: Что же вы пропали?

Н. М. (по обычаю ускользая от вопроса): У меня теперь телефон, могу его вам дать.

Л. Л. удивился.

Н. М.: Жена захотела. Телефон стоит уже три дня и до сих пор я не заметил, чтобы он приносил счастье.

Потом о Реквиеме.

Л. Л.: В нем нечеловеческая властность.

Н. М.: Да, оказывается, человеческий голос таинственен. Если им правильно пользоваться, он выше всего... А последние части написаны, кажется, уже не Моцартом, а по его указаниям, уже после его смерти.

Л. Л.: Прошу вас, не стесняйтесь и вы; если вам нужно, я с удовольствием сделаю вам это одолжение, закончу то, что вы не успеете.

А. В.: Д. Х. уже неделю питается супом, который варит сам, супом со сметками... А билеты на Реквием, которые он предлагал Н. А. и дал Н. М., были на самом деле не даровые; Д. Х. купил их.

А. В. и Л. Л. говорили о количестве денег, потребном человеку. А. В. считал, что тут нет и не может быть границ; чем больше, тем лучше. Л. Л. говорил, что много денег нужно лишь при честолюбии, чтобы не отстать от других. А так достаточно и не слишком много.

Потом о вдохновении.

А. В.: Оно не предохраняет от ошибок, как это думают обычно; вернее, оно предохраняет только от частных ошибок, а общая ошибка произведения при нем как раз не видна, поэтому оно и дает возможность писать. Я всегда уже день спустя вижу, что написал не то и не так, как хотел. Да и можно ли вообще написать так, как хочешь? Д. Х. говорил когда-то, что искусство должно действовать так, чтобы проходить сквозь стены. А этого нет.

Л. Л.: Неизвестно, что такое вдохновение. Но оно напоминает пристальный взгляд, ясность и свободу. Это острое внимание, восхищение миром. Так что ему близки умиление, головокружение при просторе, забвение себя. И, заметь, тут есть всегда естественная легкость, как бы пропадает всегдашнее трение, и вместе пропадает ощущение времени. Откуда это и истинно ли оно? Тут пока можно сказать только приблизительно: попасть в течение мира и плыть по нему, как по течению реки. А истинно ли, это

близко к другому нерешенному вопросу: когда любят, чего только не видят в женщине; действительно ли замечают тогда недоступное другим, или все это только странная иллюзия?

Затем о людях.

А. В.: Люди новой эпохи, а она наступает, не могут иметь твердых вкусов. Взять к примеру тебя, где твои вкусы? Можешь ли ты ответить на вопрос: ваш любимый писатель? Правда, у тебя на полке стоят книги, но какой случайный и шаблонный подбор! Между тем прежде были люди, которые отвечали, не затрудняясь: Я люблю Плиния Старшего.

Л. Л.: Если бы у меня не было вкуса, мог ли бы я вести четыре года работу редактора в государственном издательстве!

А. В.: Но в конце концов тебя же оттуда выгнали.

Затем снова о деньгах.

А. В.: Мама мне до сих пор простить не может, что в день, когда я выиграл в карты тысячу рублей, а она попросила у меня денег, я дал ей пятерку.

Л. Л.: Тысячу рублей? Когда же это было?

А. В.: Этой осенью. И куда они разошлись, не знаю. Помню, что купил галстук.

А. В. прочел стихотворение без названия [53], жалобу на несовершенство человеческой природы.

Л. Л.: Изумительно, как тут точно и правильно поставленные вопросы остаются в то же время искусством. Оно прекрасно как преломление света. В других твоих вещах бывает, что равнодушие настолько властвует над ними, что они почти перестают быть искусством. Тут же есть особое благородство или изящество. Это элегия. В начале какой-то стороной напоминает некоторые хлебниковские вещи — «звери, когда они любят...» [54]. Но Хлебникову никогда бы не удалось сказать так просто: «Еще у меня есть претензия, что я не ковер, не гортензия».

А. В.: Это стихотворение, в отличие от других, я писал долго, три дня, обдумывая каждое слово. Тут все имеет для меня значение, так что пожалуй о нем можно было бы написать трактат. Началось так, что мне пришло в голову об орле, это я и написал у тебя, помнишь, и прошлый раз. Потом явился другой вариант. Я подумал, почему выбирают всегда один, и включил оба. О гортензии мне самому неловко было писать, я сначала даже вычеркнул. Я хотел кончить вопросом: почему я не семя. Повторений здесь много, но по-моему, все они нужны, если внимательно присмотреться, они повторяют в другом виде, объясняя. И «Свеча-трава» и «трава-свеча», все это для меня лично важно.

Затем поехали к Д. Д., там говорили об общности взглядов.

А. В.: Если некоторые слова у людей совпадают, это уже много; сейчас можно только так говорить.

Л. Л.: Вот, я прочел гениальную книгу: «Учение о цветах» [55]. Фауста я не мог дочитать, скучно, а тут все прекрасно.

Н. М.: О цветах есть у Лейбница замечательные мысли. Точно не помню, но суть в том, что цвета, это мельчайшие фигуры, треугольнички и т. п. И стекло, не пропускающее определенного цвета, это просто решетка, неподходящая для таких фигур.

Д. Х.: Что же Н. М. не расскажет вам открытия, которое он сделал вместе с женой. Они теперь работают, как супруги Кюри.

Н. М. рассказал, как взбивая белки в сосуде с инкрустациями, они вдруг заметили, что в другом сосуде на воде появилась такая же рябь квадратиками.

Д. Д.: Не от звука ли это? Звук ведь дает узоры. Проверьте это меняя сосуды.

Затем спор о бане.

Н. М.: Я примирю вас. Баня моет, ванна очищает посредством осмоса и диффузии. Это совсем другое. О, это великая вещь, две среды, разделенные перепонкой.

Д. Х. сообщил, что скоро будет жить в новой комнате.

Н. М.: А как вы устроите ее, по-левому или по-пошлому?

Л. Л.: Скажите, Д. Х., тяжело Вам оставаться в Вашей левой комнате [56], когда все уйдут и вы остаетесь один?

Д. Х.: Я понял, какую комнату я люблю: загроможденную вещами, с закутками.

Д. Д.: Все люди, очевидно, делятся на жителей пещер и жителей палаток. Вы, конечно, житель пещеры. Самые лучшие жилища — английские квартиры в несколько этажей. Устанешь заниматься в нижней, идешь отдыхать в верхней. Высота ведь дает отдых. Я даже пробовал становиться на стул, прислоняясь к печке, что ж, это было хорошо.

Л. Л.: Это легко выполнимо: делать очень высокие кресла, высотой, скажем, с шкаф. Вы приходите в гости, садитесь в кресла и беседуете, как два монарха.

Д. Х.: Даже когда в библиотеке достаешь книгу с верхней полки и читаешь ее на лестнице, не спускаясь, это приятно. Было бы удобно избирать высоту положения по теме: когда разговор снизится, оба опускаются на несколько ступенек вниз, а потом с радостью вновь лезут наверх.

Н. М.: Люльки надо, в каких работают маляры, и дергать ее самому за веревку.

Д. Д.: Архитектуру до сих пор рассматривали неправильно, извне. Но ее суть во внутреннем, жилом пространстве. Даже целый город в средние века был как бы одной квартирой, жилым пространством. Потому улицы в нем кривы и узки. Кто строит комнату себе, заботясь главным образом о проходах? Сейчас же улицы для движения, это не жилое, а мимоходное пространство.

Затем Д. Д. заговорил о романтиках.

Д. Х.: Да, вы конечно Тик. Я выпил свой чай. Налейте пожалуйста чаю бывшему Гете.

Н. М.: А вы слышали о теории, напечатанной в американском журнале? Земля — полый шар, мы живем на ее внутренней поверхности, солнце и звезды и вообще вся вселенная находится внутри этого шара [57]. Конечно, она совсем небольшого размера, и если мы могли бы ее пролететь по диаметру земли, мы попали бы в Америку. Ясно, что тяготение при этом имеет радиальное направление от центра шара, оно есть отталкивание.

Д. Д.: Значит, когда мы роем яму, мы пытаемся выйти из нашей вселенной? Вот она, оказывается, пещера, вселенная.

Н. М.: И значит моя теория распространения света мгновенно неверна.

Д. Х.: Стратостат все поднимался, поднимался и вдруг оказался в Америке. Все, конечно, изумлены; как это могло настолько отклониться от направления, проверяют приборы. А на самом деле просто пролетели насквозь вселенную.

Д. Д.: Что же находится там, за шаром земли? Совершенно неизвестно?

Д. Х.: Где-то на дне океана есть дыра, через которую можно выбраться на внешнюю поверхность вселенной.

Л. Л.: Некоторые глубоководные рыбы иногда туда заплывают, оттого у них такой таинственный вид.

Д. Д.: Нет, это конец вселенной. Она начинается в центре со света, потом, на внутренней поверхности, вода и органическая жизнь, потом все тверже, пока не доходит до абсолютной твердости, за ней уже ничего не может быть.

Н. М.: Как не может быть температуры ниже абсолютного нуля. И как должен быть предел у чисел.

Л. Л.: Так что пространство замыкается землей. Если открыли бы, что не только размер вселенной, но и размер земли преувеличивался, да и все время небольшое, скажем с человеческую жизнь, все происходит за этот промежуток и только проецируется в иллюзорные бесконечные времена.

Н. М.: Есть же такая теория, что все, и события, и другие люди, и его обиды, и прошлое, и будущее, представляется одному человеку.

Д. Д.: Солипсизм? Это тупик, он ничего не объясняет.

Н. М.: Нет, ведь и сам этот человек себе представляется, он свой собственный сон [58].

Л. Л.: Сон несуществования. У меня было сказано в «Разговоре о воде» — «большому сну снится, что он маленький сон, маленький сон, которому снится большой сон». Большой сон, это — мир, маленький — индивидуальность.

У индусов очень разработанная мифология, тысячи разных богов; но все они, говорят, существуют, пока Брама закрыл глаза.

Д. Д.: О дыре в океане, это есть еще в Гильгамеше [59]. Он доходит, наконец, до подземного царства, встречается там умерших людей. Конечно, он их расспрашивает. И они отвечают: Здесь не лучше, чем у вас... Это, по моему, лучший эпос — Гильгамеш.

Л. Л.: Индивидуальности как бы зайчики, многократные отражения одного и того же луча. Отсюда и время: описание взаимоотношения большого и маленького миров. Но как оно могло возникнуть?

Н. М.: Да, как оно могло возникнуть?

Д. Д.: Время, это рождение и рост.

Л. Л.: Время, это волна. Но это не объясняет.

Н. М.: Во всяком случае все теории о времени — четвертом измерении самые неверные и неинтересные.

Д. Д.: Я прочел роман А. В. [60]; по правде говоря, он мне в целом не понравился. Это касание всего и не всегда правильное.

Л. Л.: А. В. говорил, что проза для него таинственна; ему не нравится в его романе бытовой тон. Тон пожалуй биографически-протокольный, он во многом возбуждает брезгливость. Но конец романа замечателен.

Н. М.: Я считаю, что проза А. В. даже выше его стихов. Это основа всякой будущей прозы, открытие ее. В этом и удивительность А. В., что он может писать, как графоман, а выходит все прекрасно. Недостаток его другой, в том, что он не может себя реализовать.

Л. Л.: Что это значит?

Н. М.: Найти условный знак, вполне точный. Гоголь и Хлебников его, например, не нашли. Все вещи Гоголя, конечно, не то, что нужно было ему написать, они действуют только какой-то своей эманацией. О Хлебникове нечего говорить. Впрочем, я считаю А. В. выше Хлебникова, у него нет тщеты и беспокойного разнообразия Хлебникова. Но Пушкин, Чехов или Толстой реализовали себя. В этом, очевидно, и есть гениальность Толстого: реализовать себя до конца без гения невозможно.

Л. Л.: Я понимаю это так — поставить печать. У Гоголя, я знаю, вы с этим не согласны, такова должна была быть вторая часть «Мертвых душ». Когда читаешь ее, точно всходишь на высокую гору; понятно становится, почему Гоголю казались недостойными все его прошлые вещи.

Д. Х.: А для Н. А.?

Л. Л.: Его поэзия — усилие слепого человека, открывающего глаза [61]. В этом его тема и величие. Когда же он делает вид, что глаза уже открыты, получается плохо.

Д. Х.: Гений, который изумительно себя реализовал — Моцарт.

Н. М. (прощаясь): Этот год был годом безмыслия, плохим годом для нас. Я думаю, в следующем начнется очень медленное оживание.

Л. Л.: Кто-нибудь уж не оживет.

Н. А.: Я заключил договор на переделку «Гаргантюа и Пантагрюэль» [62]. Это, пожалуй, даже приятная работа. К тому же я чувствую сродство с Рабле. Он, например, хотя и был неверующим, а целовал при случае руку папе. И я тоже, когда нужно, целую ручку некоему папе.

Л. Л.: Видали наших друзей?

Н. А.: Д. Х. и Н. М. были у меня. Удивительно, до чего дошло: неинтересно стало даже спрашивать друг у друга, написал ли что-либо. Было скучно, хотя Д. Х. говорил много.

Д. Д. принес показать гравюры Пиранези [63].

Д. Д.: У него камни похожи на растения, а растения на камни. Почему камень оживает именно тогда, когда разрушается?

Л. Л.: Недавно я проснулся ночью и лежал без дела и сна в темноте. Знаете, тогда приходят странные мысли. Мне казалось ясным, что насекомые рождаются из психики, из плохих мыслей и чувств, своего рода самозарождение. Камень, толща, разрушаясь индивидуализируется в растения, деревья. Это похоже, как если бы кожа человека стала растрескиваться, отдельные ее кусочки поползли, стали жить и производить. Но что заставляло Пиранези рисовать это тогда без конца, тюрьмы, вокзалы, фабрики. Или в мостах и лестницах есть что-то священное, винтовая тайна?

Д. Д.: XVIII век был весь охвачен чувством разрушения и гибели. Вы не представляете себе, какое впечатление, например, произвело тогда Лиссабонское землетрясение [64]. А ведь теперь, конечно, и глазом бы не моргнули.

Затем: О войне.

Д. Д.: Знаете, что больше всего напоминает война? Службу, учреждение. Или, если хотите, она нам ничего не напоминает, потому что длится все время, и сейчас. Такие времена бывают. Если бы вы, например, вдруг перенеслись в Московскую Русь, вы не нашли бы там ничего нового.

Л. Л.: Пространство, полагаю я, это схема достижимости, всех возможных переходов или усилий. Так как при построении этой схемы нет никаких особых условий, то она будет однообразной и продолжать ее можно сколько угодно: то есть пространство оказывается всюду одинаково проходимо и бесконечно. По этой схеме и располагаем мы весь мир соответственно тому, как на опыте, — или в проекции опыта, — достигаем мы каждую его часть.

Это о пространстве; теперь о прямолинейности.

Число возможных способов переходов между любыми двумя, началом и концом, — не установлено никаким особым условием, их можно считать сколь угодно, то есть, бесконечно. Тот способ, при котором требуется наименьшее количество переходов или усилий, чтобы достичь конца, называется прямым, прямой линией. Все остальные сравниваются с ним: степень кривизны есть степень отличия от прямой.

Это о прямой; теперь о фигуре или очертании.

Можно приписать какой-либо части пространства особое условие: некоторые из вообще возможных способов переходов в нем будут невозможны. Тогда получится фигура. Почему, однако, этот показатель невозможности таких-то переходов представим только для одно- или двухмерных частей пространства? Ясно, например, в чем ограничение движений существа, ползущего по поверхности яйца, по сравнению с летающим существом. Но как представить, что и для летающего свободно какие-то пути на самом деле запрещены, хотя оно этого и не замечает?

Я думаю, это можно понять, если вникнуть в то, что такое — охват.

Переходы следуют один за другим, в очередности, в этом суть пространства. Но мы можем их представить зараз, это и будет охват. Он и дает возможность сравнения разных способов переходов. У нас имеется иерархия из трех охватов, мы называем их объемом, поверхностью, линией. Чтобы дать представление о кривизне пространства пользуются таким приемом: воображают еще один охват, при котором можно было бы сравнивать объемы по кривизне, как поверхности или линии. Я думаю, что такого нового охвата существовать не может. Это лишь фикция, позволяющая математически выразить кривизну пространства.

Но в чем же тогда в действительности эта кривизна? В том, верно, что все возможные для нас способы достижения не исчерпывают всех возможных вообще, могут быть более прямые, то есть непосредственные. Мы не вполне правильно располагаем мир в схеме достижимости.

Так, смутно, представляется мне это дело.

Я. С. не возражал, но оставался грустным.

Я. С. (жалуется входя): Я ощущаю свои три с половиной пуда и мне это тяжело. Кроме того, я чувствую свои потовые железки. В этом тоже нет ничего приятного.

Л. Л.: Это ипохондрия. Ты сам в ней виноват, ты ее взращиваешь. Разве хорошо перед сном десять раз снимать и снова надевать дверной крючок? Это суеверие. Так не трудно и с ума сойти.

Я. С.: Ты был бы прав в своих упреках и мог бы смеяться надо мной, если бы я десять раз надевал дверной крючок. Это было бы конечно суеверие. Но ведь я делаю это восемь раз. Не можешь же ты требовать, чтобы я был так легкомыслен, что бросал вызов судьбе, садился, как безумный, в трамвай, сумма цифр которого составляет или делится на девять?

Затем: О богатстве.

Я. С.: Где принцесса? Где моя принцесса, куда она затерялась? Декарт имел такую принцессу, он преподавал ей науки и за это имел приличное содержание и не нуждался в деньгах. А я? Если встретите принцессу, непременно передайте, что я с нетерпением жду, когда пригласит меня к себе в преподаватели.

Л. Л.: Но, Я. С., Декарт много знал, он мог преподавать. А ты, что ты знаешь?

Я. С.: Ерунда, Декарт тоже не любил читать и был лентяй. У него была мечта: вставать поздно. Единственное его преимущество: школа ему дала больше знаний, чем нам с тобой.

Л. Л.: У него были врожденные способности к математике.

Я. С.: Я вроде того ребенка, который заметил, что король гол [65]. Это, кажется, моя специальность — быть таким ребенком.

Л. Л.: Есть игра, складывать пальцы по-разному, чтобы на стене получались всякие тени. У тебя такое же отношение к математике. Что ни проделаешь с числами, всегда что-нибудь получится; это конечно любопытно. Можно, например, перемножать номера телефонов. Но ты к тому же любишь еще ниспровергать. Быть тебе в математике шлиссельбуржцем Морозовым [66].

Н. М. привесят жернов на шею, за то что он соблазнил одного из малых сих. Брось математику, Я. С.! Разве мало других наук. Например, география...

Я. С.: Отстань.

Затем: Об открытиях и способе писания.

Я. С.: Когда-то полет имел большой и непонятный нам смысл. Чем кончилось? Тем, что, — как ты сам сказал, — полетел глупый человек.

Л. Л.: Это сказал не я, это сказал однажды Н. А.

Я. С. (с неудовольствием): Ну, все равно, пускай это сказал я. Но почему так получилось? И этот конец не случаен. Так будет верно и с иерографией, которой занимались мы [67], так же неудачно, как Лейбниц. Среди великих мыслей, которые все время преследуют человечество, число их ограничено и невелико, имеется и арифметика вестников. Я говорю о расположении точек, оно принадлежит к действительно существующим вещам. Но об этом в другой раз.

Л. Л.: Райты были последними нетехническими воздухоплавателями, это придает им возвышенность. Тут разница между открытием и изобретением. Открытие, это рождение глаза из света.

Я. С.: Есть разные виды гения. Леонардо да Винчи, например, никогда ничего не кончал. И хотя это считается недостатком, ясно чувствуется, в этом была и его ценность. В этом смысле я сходен с ним. Рафаэлю, верно, стоило кистью мазнуть и получалась картина; а тому нужно было лет пятнадцать. Но выходило никак не хуже.

Л. Л.: Под гениальностью подразумевают очень разное: особую живучесть, производительность или работоспособность. Она, например, эта сила хватки, ощущение жизни и неугомонность, была, судя по разговорам, у Гете, у Наполеона. Затем особые способности, своеобразие, дающее человеку новый угол отношения к миру, как бы расцвет его с неожиданной стороны. И, наконец, особое проникновение. Здесь, наоборот, получается удивительное однообразие и совпадение для людей разных времен и народов. Если бы таких людей собрать вдруг вместе, они бы почувствовали сродство и знали бы о чем говорить.

Я. С.: Не надо писать больших вещей, это предрассудок. У Лейбница всего две большие вещи и обе скучные. Как раз по этим вещам называют его рационалистом, пишут о нем в учебниках по истории философии. Обе полемические, одна — против Локка [68], и это уже смешно, когда человек за всю жизнь написал две большие вещи, а обе полемические. Настоящие же мысли, гениальные, в его маленьких вещах, страницы на две, на четыре. Почему так?

Л. Л.: Я думаю, тут разница между записью и разговором. У индусов этому делению соответствовало в сочинениях суть и комментарии. Первое — открытие, то, что увидел этот человек и мог сказать только он. Второе — следствие, разъяснения и приложения, они могут со временем меняться. Им помогало в таком делении то, что они, кажется, еще не имели письменности, а память нельзя перегружать. Так же, как будто поступают и математики. Их основные работы коротки, в несколько страничек, а учебники толсты. Но разговор недолговечен, это кружение и разведка. Но запись, это объективное, в мир входит нечто новое, такое же как минерал или растение: тут нужна сдержанность.

Л. Л.: Почему-то у всех образцов имеются неприятные стороны. У Платона то, что разговаривают всегда горшечники, сапожники и гимнасты и все стараются друг друга переспорить. У Шекспира выражения вроде — пусть лопнут мои легкие! В Библии назойливые повторения, описания зданий с обязательным обозначением строительных материалов и количества локтей.

Н. А.: Быть бы Я. С. еврейским начетчиком, а он сбился с пути и оттого тоскует.

Л. Л.: Его женили бы тогда шестнадцати лет, так что ему не нужно было бы об этом думать. Жена бы работала, а он предавался мудрости и пользовался почетом и уважением.

Затем: О возрасте.

Л. Л.: Старость не значит дряхлость. Некоторые способности, например, аккомодация хрусталика, ослабевают уже с самого детства. Но какие-то глубокие способности не слабеют, а расцветают с возрастом. Поэтому люди, которые не стареют, ничтожны и противны. Таков, например, критик Ч. Дряхлость же, это самоотравление плохой жизни. Иные старики как бы отбросы собственной жизни, яд своих прошлых незавидных поступков. Других испытание старостью обличает иначе. Это те, кто не делали ничего плохого, потому что по сути ничего не делали. Такие старики имеют ложно светлый вид, они незаметно и легко истлевают. Глаза становятся глупыми, прозрачными, за ними ничего нет. Тело как легкая шелуха, дунешь на нее, она разлетится и не останется от нее и следа, как будто человека никогда и не существовало.

Таблица возрастов, составленная Н. А. вместе с Л. Л.

От 0 до 10 лет — младенец

От 10 до 20 лет — дитя

От 20 до 30 лет — отрок

От 30 до 40 лет — юноша

От 40 до 50 лет — молодой человек

От 50 до 60 лет — зрелый муж

От 60 до 70 лет — в самом соку

От 70 до 80 лет — пожилой

От 80 до 90 лет — старик

От 90 до 100 лет — глубокий старик

От 100 до 110 лет — на склоне лет

От 110 до 120 лет — маразматик

От 120 до 130 лет — при смерти

От 130 до 140 лет — агоник

От 140 до 150 лет — при последнем издыхании

Т. А.: Но ведь нормальная длительность человеческой жизни семьдесят лет. Так например считают немцы.

Н. А. (возмущенно): Немцы! У них вообще сплошное безобразие. Там, например, Тельман сидит уже который месяц в тюрьме. Можно ли это представить у нас?... А деревья живут очень долго. Баобаб — шесть тысяч лет. Говорят, есть даже такие деревья, которые помнят времена, когда на земле не было еще деревьев.

Л. Л.: А щука? Почему ваши предки не завели себе щуки? У вас в аквариуме плавала бы фамильная щука, напоминая вам о всех живших до вас Агафонах.

Н. А. (взглянув себе на ноги и заметив на коленях заплаты): Когда буду богатым, заменю эти заплаты бархатными; а посерединке еще карбункулы нашью.

Т. А.: Много вам нужно в месяц, чтобы не нуждаться в деньгах?

Н. А.: Тысячу. Первые шесть месяцев жил бы на пятьсот, чтобы выплатить долги, а потом бы в свое удовольствие.

Т. А.: Вы ведь и сейчас живете, не плачете.

Н. А.: Как сказать, иной раз и зарыдаешь, когда отовсюду разом поднажмут платежи, а платить нечем. Ну, впрочем, чего мы заговорили об этом...

А. В.: Д. Х. недавно опять выкинул штуку, без всякой причины был со мной груб. Объясняют, что это у него от нервности. Но почему эта нервность вдруг пропадает, когда он имеет дело с более важными людьми? Ты говорил когда-то: если бы тебе вдруг пришлось стать курьером или лакеем и я бы тебя встретил, я бы сделал вид, что с тобой незнаком, не подал руки. Я готов против этого всегда спорить. Но Д. Х. действительно расценивает людей по чинам. Правда, чины эти не общепринятые, а установленные им самим. Но это уже все равно. А раз так, я могу спросить, не я ли по чину выше?

Л. Л.: Перемены отношений действительно происходят, но дело в другом. Связи, соединявшие нас, несколько человек, распадаются. Найдутся другие связи, но уже совсем не те, просто по сходству профессий или быта...

А. В. сейчас это не интересовало. Ему сейчас важно было только то, что касалось его самого. Он говорил обиженно, но, впрочем, без всякой злонамеренности. Просто припадок сентиментальности по отношению к самому себе. И он искал сочувствия. Под конец он смягчился.

А. В.: А знаешь, Д. Х. однажды при дамах начал вдруг снимать с себя брюки. Оказывается, он нарочно пришел для этого в двух парах брюк, одни поверх других.

А. В. (прощаясь): И зубы у меня как клавиши, на какой ни нажмешь, больно [69].

Д. Д.: Конечно, лучший век для жизни был XIX. Короткий промежуток в истории, он может быть не повторится, когда человека, считалось, надо уважать просто за то, что он человек. Тогда к этому так привыкли, что думали, так будет продолжаться вечно.

А. В.: А наука того времени?

Д. Д.: Она не определяла жизни. Дарвинизм, борьба за существование, а в жизни суд присяжных, последнее слово подсудимому, постепенная отмена смертной казни. Но наука показывала: что-то подгрызает корни этого века.

Л. Л.: В конце прошлого века и в начале нашего часто в книгах, в тексте или на полях писали слово «sic» с восклицательным знаком. Почему?

Д. Д.: Это у русских меньшевиков. Оно обозначало непомерную гордыню и сектантское всезнайство, при котором все кажется так ясно, что иное

мнение считается своего рода умственным уродством. Короче говоря, «sic» означало: кто не согласен — дурак.

Я. С. прочел «Признаки вечности». Эта вещь написана по поводу неудавшейся попытки Я. С. бросить курить. Она понравилась Д. Д.

Д. Д.: Прежде были рассуждения и философские системы. А теперь просто регистрация увиденных вещей. И это убедительнее.

Я. С.: Да, я уже давно не могу читать философских книг, неинтересно.

Затем: О стиле в математике.

Я. С.: Я понял, что значит метод в математике: это — стиль. Таких стилей было немного, по числу великих математиков. И может даже быть такой великий математик, который не сделал никакого другого существенного открытия, кроме открытия нового стиля. Не таков ли Н. М.? Я же лишь философ, зашедший по пути в математику; такой может сделать и открытия, но все-таки не он настоящий правитель математики.

Л. Л.: Я могу только сказать — цифры, или иначе, системы счисления, это тот мостик, на котором происходит встреча человека с числом.

У Д. Д. встретился Л. Л. с П. [70]. Тот излагал свою теорию сказки. Все волшебные сказки — варианты одной основной с семью действующими лицами и точной цепью эпизодов. Вот эта цепь:

Отец отлучился; запрещение что-то делать.

Это все же делают.

Появляется соблазнитель или похититель; беда.

Прощай, отчий дом! Герой едет исправлять беду.

Встреча с неизвестным существом; испытание.

И тот дарит ему подарок в путь.

Подарок указывает дорогу.

Поединок с врагом.

В поединке герой получает отметину — печать.

Добыча похитителя возвращается; теперь скорее домой!

Погоня!

Дома никто не узнает его.

Самозванные герои оспаривают его подвиг; состязание с ними.

Печать случайно открывается и свидетельствует.

Второе рождение героя.

Свадьба и царство.

Таким образом по близости любой сказки к этому образцу можно судить о ее возрасте. Сходство же сказок, конечно, не от заимствования, а от того, что все они порождены одним отношением к миру.

Л. Л.: Вы считаете это только законом волшебных сказок и даже именно этим отличаете волшебные сказки от всяких других. Но не есть ли это

основа вообще всех мифов, обрядов, сюжетов, от диккенсовских романов до американских кинокомедий? Те сказки, которые не причисляются к волшебным, отличаются, по-моему, лишь тем, что в них исчезло ощущение страха, это усохшие сказки. Так, по крайней мере, мы судим непосредственно. И разве произведения Гоголя не сказки?

П. не согласился. Он боялся потерять разграничение, право на научность. Однако, он сказал, что в «Книге мертвых» [71] в точности те же действующие лица, сюжет и смысл.

Л. Л.: Но в чем же этот смысл, в чем ключ сказки?

П.: Совсем кратко. Все, что разыгрывается в сказке, разыгрывается в душе; но это не представляемые, а действительные приключения. Никаких рассуждений и иносказаний в сказке нет, все точно и конкретно. И ее герои — души. У человека по древним верованиям всех народов много душ. Сколько именно? По одним сообщениям, четыре, по другим семь, девять. Разница, наверное, от того, что путешественники-исследователи плохо понимали туземцев, что они хотят сказать... Чтобы душе достичь цели, ей надо пройти через беды, разрешить точно поставленные задачи, получить коня или птицу, сразиться со змеем, добыть золотоволосую царевну и т. д. Только тогда она находит то, что ищет, что ей нужно. Что именно? Кажется, себя. В «Книге мертвых» душа всегда говорит «я — Озирис» [72], но странствует как раз потому, что ищет Озириса.

Так говорил П. Но в голосе его не было уверенности. Может быть он не верил в то, что говорил и в другой раз объяснял бы иначе.

Л. Л.: Почему у царевны золотые волосы?

П.: Золото — свет; царевна помечена светом.

Л. Л.: Субъективного не существует, всякая ассоциация признаков действительного сродства вещей и на ассоциации и метафоры нельзя ссылаться, их следует объяснять, сводить к действительным связям. Вы говорите: золото — свет. Фрейд говорит: золото — кал, деньги. Разбираясь в значениях слов я заметил, что красное и черное — варианты одного и того же, руда, это и ископаемое, кровь и зола. Также: черное и чермное, две варианты формы одного слова. Почему так? Цвет внутренности, разрыв вглубь, порождение мрака. А что означает змей?

П.: Это мне кажется понятным. Змей наиболее физиологичен, ползает на брюхе и не может подняться. Он становится еще страшнее, когда у него отрастают крылья.

Л. Л.: Змей, это обнаженный желудок, поглощение. Червь и чрево — варианты одного слова. Возможно, что всякий ужас есть ужас перед неопределенным. Ведь в этом и есть уничтожение: потеря своей определенности. Ужас поглощения, всасывания [73], головокружение перед зыбью, отвра-

щение к топи, дрожащему желе, медузам, касторовому маслу, вшам, клопам, паукам и т. п. К тому же и движения змеи не прямолинейны, они зыбки, извилисты или, иначе, лукавы... А почему в сказке три сына?

П.: Утроение — закон сказки. Может быть три при первоначальном, очень ограниченном счислении, значило просто: много.

Л. Л.: Вряд ли была эпоха такого счисления. А если бы была, то в другие эпохи «много» поочередно означалось бы двумя, четырьмя, пятью и т. д. В чем же преимущество трех? Я думаю, три обозначает в сказке «все», исчерпывающую полноту. На это оно имеет некоторое право. Когда «все» познается, т. е. делится, оно делится непременно на три части: устанавливается разность, а разность есть отношение двух вещей, при котором само отношение разности становится третьей вещью. Само тело человека построено по этому принципу: оно симметрично и имеет туловище... Да, и костяная нога, и лес, и волосы, все имеет свое значение. И меня всегда занимало составить алфавит вещей с их значениями [74]. Ведь в вещах нет ни символов, ни аллегорий. Но сами они кристаллизации мировых принципов. Так крик не имеет никакого постороннего значения, но он выражает боль. Поэтому к мифам надо подходить не как к ошибкам, а как к правильным наблюдениям.

Д. Д.: Существует очень много теорий, объясняющих как и когда могла быть придумана Библия. Тураев [75] же принял ее просто за правильный исторический источник и это оказалось самым плодотворным.

Л. Л.: И еще, не надо гоняться за доказательствами. Это только иллюзия, достоверность от них не увеличивается. В самом деле, что такое доказательство? «То, что я говорю, вполне соответствует тому, что вы признали за правильное прежде». Но это прежде признанное совсем недостоверно и новое может ему противоречить. Лучше сказать: «Я вникнул и увидел, что это так; вникните и вы».

Л. Л.: Разговоры Гете с Эккерманом [76] несравненно приятнее и интереснее тех, что я записываю. В них нет претенциозности и отвлеченности. Потому что оба они работали и разговоры не подменяли им работы, помогали ей. Величие Гете конечно не в знании каких-то особых тайн, а наоборот в его обычности. Он ясен духом как всякий добросовестно и бескорыстно работающий человек. Как благородно, когда люди работают свободно и скромно. На них приятно тогда смотреть. Гете умел выбирать для исследования такие области, где не требуется специальных знаний или способностей. Он внимательно слушал, что говорила природа. И поэтому он выбрал в себя два столетия, XVIII и XIX, а своим учением о цветах зашел еще дальше. В этом, а не в его одаренности, главное его величие. Пушкин был, веро-

ятно, одареннее Гете. И у Гете была своя ограниченность. Но он сумел стать в правильное положение, так что само время, как прилив, приносило ему свои ценности. Его разговоры производят впечатление разговоров в раю. Мы же неблагополучны и скудны.

Т. А.: Существуют традиционно признаваемые великие люди, между тем не все из них действительно великие, есть и обыденные.

Как определить разницу между великим и обыденным?

Л. Л.: Для этого нет нужды знать, тут часто можно судить по одной фразе. Отбор же и оценка в науке так же случайны, как и в искусстве. Жизнь предъявляет очень смешанные практические требования, только время их очищает. А говорить о великих людях с каким-то особым благоговением, это просто бесплодно.

Д. Д.: Вы знаете, что умер Андрей Белый?

Л. Л.: У него был талант, но дряни в нем было еще больше, чем таланта.

Н. А.: Единственная вещь, которую можно читать, это «Огненный ангел». Да и то, она не его, а Брюсова.

Затем: О национальных типах.

Л. Л.: У меня странное впечатление, что все чистые национальные типы похожи друг на друга. Чистокровный немец похож на чистокровного русского.

Д. Д.: Знаете, кто очень похож на русского крестьянина? Я нарочно смотрел в этнографических атласах: австралиец. Такой же бородатый мужичок.

Н. А.: Некоторые находят, что у меня профиль и фас очень различны. Фасом я будто русский, а профилем будто немец [77].

Д. Х.: Что ты! У тебя профиль и фас так похожи, что их нетрудно спутать.

Н. А.: Чистые типы это основа; помеси, даже конституций, это дурное человечество.

Л. Л.: Я думаю, что чистые типы не где-то в прошлом, а образуются во все времена. Смешение дает гораздо больше браку, но зато нередко особо ценные экземпляры.

Затем: О созвездиях. Затем: О блохах.

Д. Х.: Моя бывшая жена имела удивительную способность. В любой момент она могла залезть рукой себе за пазуху и вытащить оттуда несколько блох. Больше таких людей я не встречал. Меня самого блохи кусают не так часто. Правда, крупные блохи. Откроет дверь, откинет одеяло и ляжет на постель, так что мне почти нет места...

Тут же Д. Х. сообщил, что у него живет канарейка, которую он кормит своими глистами.

Затем Д. Х. рассказал историю исполнения одной из вещей Гайдна [78], когда музыканты один за другим задувают свечи, складывают инструменты и уходят. Затем — историю сторожа скотобойни, сломавшего руку.

(У Д. Х. есть рассказ на эту тему. — *Примечание Т. А. Липавской, сделанное много позднее.*)

А. В.: Новгород мне понравился. Компания, вопреки ожиданию, оказалась хорошей. Это привело меня к теории, что плохих людей вообще нет, бывают только обстоятельства, при которых люди неприятны.

Л. Л.: Удобная теория.

Затем: О Я. С.

А. В.: Он пишет теперь так, что трудно высказать об этом мнение. Нельзя возражать, так же, как о стихах или рассказах нельзя сказать, верны они или не верны.

Л. Л.: Просто мы слушаем друг друга без внимания. Искусство воспринимается на слух, а для оценки мысли нужно напряжение, для которого мы ленивы. Но даже и так о вещах Я. С. можно сказать, хороши они или нет, а это признак, правильны ли они.

А. В.: «Признаки вечности» мне нравятся. Но я не согласен, что время ощущается, когда есть неприятности. Важнее, когда человек избавлен от всего внешнего и остается один на один со временем. Тогда ясно, что каждая секунда дробится без конца и ничего нет.

Л. Л.: Когда нет событий, ожидания, тогда и времени нет; настает пауза, то, что Я. С. называет промежутком или вечностью, — пауза, несуществование. Это кажется странным: разве можно перестать существовать и потом вновь существовать? Но ведь тут много сторон, в одном существовании прекращается, в другом отношении продолжается. Ожидание, это участие в токе событий. И только тогда есть время.

А. В.: Я. С. говорит — при ожидании неприятного.

Л. Л.: Да, потому что тогда есть утрата и сопротивление событию. А при приятном сливаешься с событием, отдаешься ему. Поэтому, например, при восторженном слушании музыки невозможно сказать, сколько прошло времени. Воздушный шар парит по ветру, поэтому он не чувствует движения, для него ветра не существует. Поезд же чувствует движение по толчкам, по тряске. Есть как бы две волны: волна человека и волна мира. Когда волна человека совпадает с волной мира, настает то, что Я. С. зовет промежутком или вечностью (он это заметил в кратком освобождении от уроков, в курении). Когда же не совпадает, тогда существование, сотрясение, время. Но есть, очевидно, еще третье соотношение, когда происходит перекидывание из одних сторон существования в другие, разрешаемое совпадениями разных волн; это качание — игра со временем, ритм... Следует только иметь в виду, что волна мира кажется нам движущейся потому, что мы глядим на все с другой волны: саму по себе ее движущейся нельзя назвать так же, как и волну самого человека.

А. В.: И несмотря на все рассуждения время стоит несокрушимое, все остается по-прежнему. Мы поняли, что время и мир по нашим представлениям невозможны. Но это только разрушительная работа. А как же на самом деле? Неизвестно. Да, меня давно интересует, как выразить обыденные взгляды на мир. По-моему, это самое трудное. Дело не только в том, что наши взгляды противоречивы. Они еще и разнокачественны. Считается, что нельзя мнотить апельсины на стаканы. Но обыденные взгляды как раз таковы.

Л. Л.: Почему же теории о времени не убедительны, не могут поколебать ничего. Потому что время прежде всего не мысль, а ощущение, основанное на реальном отношении вещей, нашего тела, в широком смысле, с миром. Оно коренится в том, что существует индивидуальность, и чтобы выяснить, что такое время, надо произвести реальные изменения, попробовать разные его варианты. Это возможно, так как мы действительно по-разному воспринимаем время при разных физических состояниях. Но Я. С. предпочитает не делать этого, а удовлетворяться тем, что он заметил, намеками. Это импрессионизм.

А. В.: Это может дать результаты.

Л. Л.: Да. Главное, надо понять, что существование и несуществование относительно. Существовать, это значит просто — отличаться. Поэтому и может быть: отличается (существует) по отношению к этому, но не отличается (не существует) по отношению к тому. А прежде они не входили в круг исследования, принимались за незабываемые данные. Несуществование казалось собственно какой-то иллюзией, о нем ничего нельзя сказать. Они представлялись наподобие скалы и пропасти за ней. На самом же деле: зыбь и пена над ней.

Я. С.: Прежде говорили — жалко умереть в восемнадцать лет. Я этого не понимаю. Чего жалко и почему жалко в восемнадцать лет, а в семьдесят не жалко или не так жалко? Жалели, верно, красивой жизни, чтения газет по утрам, посещения театра, комфорта, знакомства с женщинами. Умер молодым, а мог бы еще столько раз пойти в театр, узнать столько новостей, которые будут напечатаны в газете. Но все это нелепо. Красивой жизни не существует. Внешним признаком этого служит отсутствие интереса к женщинам. Сейчас даже непонятно, как это было вокруг женщины столько насочинено.

Л. Л.: Есть неистребимое чувство, что в мире имеется какая-то тайна. Распускание цветка прекрасно и жалко его не увидеть. То же и о человеке. Нехорошо умереть, не выполнив ничего. Неизвестно, есть ли у нас предназначение или нет, но чувство этого и связанной с ним ответственности есть. Даже когда умирает молодое животное, жалко.

Л. Л.: Вы очень удачно показываете, как Н. М. застегивает пальто. В чем тут дело?

Д. Х.: Только в том, что он застегивает пуговицы обеими руками. Наш генний вообще со странностями. Вы не поверите, но, честное слово, он до сих пор не умеет узнавать по часам время.

Н. М.: Странно все же, что Я. С. еще что-то думает, мы об этом уже давно забыли. Писать для самого себя, все равно что острить наедине с собой, не смешно. Нужно иметь людей, в расчете на которых пишешь. Сколько? Немного, достаточно, может быть, двух, трех. Но их нужно иметь непременно.

Л. Л.: У Пушкина было всего несколько таких читателей, особенно к концу его жизни. Число их постепенно убавлялось, их вытесняли из жизни. Но они были связаны общими вкусами. Я так объясняю ненависть Пушкина к Александру I: он считал его человеком своего круга, который должен был оказаться защитой и покровителем, но изменил. Николай I другое дело: тот был чужд и с ним возможна была простая коммерческая сделка.

Н. М.: Гоголю не для кого было писать в его последние годы, это ясно чувствуется.

Затем: О китайских вещах.

Н. М.: Они прекрасны. Обычно очень ценятся древнеегипетские вещи и они действительно хороши; но по сравнению с китайскими они грубы, как шероховатость телеги по сравнению с лакированностью автомобиля.

Л. Л.: А откуда пошло умение палехских мастеров?

Д. Д.: Я думаю, хотя не имею доказательств, что оно пошло тоже из Китая. Палех на Волге, а у Древней Руси была большая торговля с Персией и другими восточными странами.

Н. М.: То искусство кончилось. Современные японские вещи все равно что германская дешевая продукция.

Затем: О магометанстве.

Н. М.: Для меня оно загадочно. Ведь у него нет никакой идеи, это бездарный плагиат других религий. И однако оно распространилось и до сих пор держит власть.

Л. Л.: Мы сейчас недаром чаще чем «хорошо» говорим о чистоте, правильности или точности. В каком бы роде ни писал, но всегда должна быть твердость, власть вещи, независимо от того, готовы ли ее встретить приветливо или нет.

Затем: О мгновении.

А. В.: Расстояние измеряется временем. А время бесконечно дробимо. Значит, и расстояний нет. Ведь ничего и ничего нельзя сложить вместе.

Л. Л.: Почему ты решил, что мгновение бесконечно мало? Свобода дробления, это значит, мгновение может быть любой величины. Они, верно, и бывают всякой величины, большие и малые, включенные друг в друга.

А. В.: Если бы это было так, тогда понятно, почему, как ни относиться ко времени, нельзя все же отрицать смены дня и ночи, бодрствования и сна. День, это большое мгновение.

Л. Л.: Примечательные состояния: ясности, дальности, значительности, смущения, примирения.

Ясности. Оно наступает внезапно, без причин и полно сдержанной и огромной радости. Все прекрасно, видно особенно ясно и доставляет удовольствие смотреть на все. Ощущение, как будто находишься среди бесшумно и точно работающих механизмов; либо в чистом выстланном кафелем бассейне, где течет вода и не спеша происходят непонятные тебе события.

Значительности. Когда какая-либо обыденная картина, — беседа людей в другой комнате, которую наблюдаешь через открытую дверь, — вдруг кажется страшно важной, имеющей особый смысл. Люди и вещи встают как живой иероглиф.

Смущения. Это отдаленность от собственной индивидуальности. Можно пояснить сном: иногда видишь, тебя преследуют, нагоняют, сейчас нанесут удар; но в самый страшный момент начинаешь чувствовать, что этот бегущий собственнo не ты, все более и более не ты, и страх исчезает. Вроде того и в жизни. Удивление перед самим собой, что вот существует такой с фамилией, наружностью, поступками, судьбой, — и он имеет к тебе отношение, это ты. Озадаченность такой нелепостью и чувство, что вот, вот поймешь в чем здесь путаница.

Наконец, примирения. Оно наступает после неприятностей и волнений. Это минуты покоя, разбитости и умиления. Состояние банкрота, которому кажется, что он беседует с Богом. — Мой милый, мой любимый, говорит Бог. Я мучаюсь вместе с тобой всеми твоими мучениями. Я проделываю всю твою жизнь с тобой. — Но как же, говорит банкрот, или Ты не всемогущ, или Ты сам так устроил, зачем?

— Не надо говорить об этом, отвечает Бог, этого тебе все равно сейчас не понять.

Д. Х. и Л. Л. говорили о пытках.

Л. Л.: Это то, с чем никак не возможно примириться, что не умещается ни в какой философской системе. Между тем чудовищная жестокость существует и когда говорят «азиат», подразумевают именно эту жестокость. Очевидно, лишь очень небольшая часть человечества лишена в некоторой степени ее, для остальных это обычное дело.

Д. Х.: Есть русская жестокость, еще хуже «азиатской». Она тем страшнее, что какая-то бестолковая, почти добродушная и легко сменяется жалостью и слезами, тоже не имеющими никакой цены.

Я. С. встретил гостей радостно. Он вынул тетрадь с математическими таблицами и стал показывать что-то Н. М.

Н. М.: Я думаю, не поступить ли в университет на математическое отделение. Знаете, это хорошо, пройти математику досконально, без цели.

Я. С.: В университет? Но ведь вам же придется пройти массу ненужного и неинтересного.

Н. М.: Я прежде сам так думал. Но теперь мне кажется, что в математике нет неинтересного.

Я. С.: Так ведь можно изучать самому.

Н. М.: Это не то, вы не будете среди людей, которые этим занимаются. Не будет уверенности, что вы в курсе. Да и действительно вы не будете в курсе, потому что не будете участвовать в разговорах. Вы окажетесь провинциалом. Так же как в литературе печатаются только знакомые редакторов, так и в науке могут работать только те, кто связаны между собой, входят в группу. Пришлите по почте что угодно в любой журнал, этого даже не прочтут. Все люди ленивы. Так и должно быть.

Л. Л.: Обыкновенная дорога в науке самая правильная. Только она дает право на открытие. Об этом праве не говорят, но оно имеет непреодолимую силу. Это закон экономии внимания: выслушивают только тех, о которых известно, что они хоть знают, что было сделано в этой области до них... Но все же вы, Н. М., в университет, конечно, не поступите...

Н. М.: И Л. Л. было бы с кем поговорить, если бы он был в университете. А так с кем ему говорить о его теории слов? Но его слушали бы лингвисты, только если бы Л. Л. сам стал лингвистом.

Л. Л.: И все же есть случай, я думаю, когда можно работать одному. Это когда науки, в которой работаешь, еще нет, ты сам ее создаешь. Тут нет фундамента, на котором ты строишь, значит и нет владельцев этого фундамента.

Я. С. налил немного водки и выпил без закуски. Потом он прочел свои вещи: о точках и об окрестностях вещей.

Л. Л.: Мне не нравится математизированный стиль, стремление заключить в формулы. Точнее от этого не становится, а чувствуется какое-то самодовольство; вот как чисто сделано и лаконично, а если трудно понять, так мне дела нет до читателя.

Н. М.: Нет, формулы, по-моему, правильный путь. Я. С. мешает поэтичность. Науку и искусство не спутать. «На холмах Грузии лежит ночная мгла» [79] действу-

ет неизвестно чем; наука же действует непрерывно сообщением нового, занятностью... В математике интересно то, что тут есть какая-то автоматичность. Математика там, где операции могла бы делать и машинка: почему-то это привлекает.

Я. С.: Как ни написаны вещи, которые вы прослушали, но в них указано то, чего прежде не замечали. Дано, например, определение несуществования и его различных видов. Вы же этого не заметили.

Н. М.: Если так, тогда это написано плохо. Надо писать так, чтобы было заметно. Во Франции редакторы газет проверяют фельетоны, читая их извозчикам. Это правильно. Надо писать так, чтобы было понятно прачкам.

Затем: О людях.

Н. М.: Почему вы, Я. С., не любите Н. А.?

Я. С.: Люди делятся на жалких и самодовольных; в Н. А. нет жалкого, он важен, как генерал.

Н. М.: Это неверно. Разве не жалок он со всеми своими как будто твердыми взглядами, которые он так упрямо отстаивает и вдруг меняет на противоположные, со всей своей путанностью?

Я. С.: А Д. Х.?

Н. М.: Он — соглашатель, это в нем основное. Если он говорит, что Бах плох, а Моцарт хорош, это значит всего-навсего, что кто-то так говорит или мог бы говорить и он с ним соглашается... Я же не соглашатель, а либерал. Что значит, у меня нет безгласности к людям и их мнениям.

Л. Л.: Но вы их не уважаете.

Н. М.: Да, пожалуй. На склоне лет я с ужасом замечаю, что характер у меня плохой, может быть от дурного воспитания. Да, я плохо отношусь к людям.

Л. Л.: И капризно. В вас нельзя быть уверенным, в любой момент вы можете без причин проявить грубость. Вы относитесь к людям неровно, либо презрительно, либо верите в их авторитет, как женщина. И никогда не известно, где граница вашего самоволия.

Н. М.: Если бы можно было убить без всяких неприятностей для себя, чтобы избавиться от забот и нужд, я бы это сделал. [80]

Л. Л.: Так как вы этого никогда не пробовали, то очевидно это лишь слова. На прощание Я. С. сыграл две вещи Баха.

Н. А. и Л. Л. беседовали за пивом.

Н. А.: Н. М. все ходил по гостям, а в последние дни даже это прекратил. Уехал он в грустном настроении с двумя рублями денег на почтовом поезде. Не понимаю, что с ним делается. Нужно иметь волю не поддаваться и чем-то интересоваться.

Л. Л.: Не у всех одинаковая выносливость. А как Д. Х.?

Н. А.: Он все не пишет ничего. Он надеется на свой театр. Коли и это не удастся, тогда, сказал он, придется сдаться. Но что это значит — сдаться? А Я. С.?

Л. Л.: Слова обозначают основное — стихии; лишь потом они становятся названиями предметов, действий и свойств. Неопределенное наклонение и есть название стихии, а не действия. Есть стихии, например, тяжести, вязкости, растекания и другие. Они рождаются одни из других. И они воплощены в вещах, как храбрость в льве, так что вещи — иероглифы стихий. Я хочу сказать, что выражение лица прежде самого лица, лицо — это застывшее выражение. Я хотел через слова найти стихии, обнажить таким способом души вещей, узнать их иерархию. Я хотел бы составить колоду иероглифов [81], наподобие колоды карт.

Д. Д.: Не думаю, чтобы этого можно было достичь, изучая язык. Вы хотите найти собрание иероглифов для всех случаев, как бы общую азбуку мира, между тем мир, это индивидуальная история, рассказанная в иероглифах; каждый частный случай, это особенная история, со своим законом; и весь мир — частный случай, имеет особенность.

Кто придумал рюмку, ее прекрасную форму, ее жизнь преломления света? Сама она похожа на цветок и на камень и жидкость в ней тоже.

Д. Д.: Говорят о плохих эпохах и хороших, но я знаю, единственное отличие хорошей — отношение к видимому небу. От него и зависит искусство. Остальное не важно. Нам, например, кажется, писать по заказу плохо. Но прежде великие художники писали по заказу, им это не мешало.

Д. Д.: Произошла потеря осязаемости вещей, вместо них встали кредитные билеты.

Л. Л.: Что такое отношение к видимому небу? Чувство мира, как своего дома, своей семьи. Оно выражается во всяком труде — часовщика и поэта. Ведь труд, это познание мира, любовь и уважение к нему. Древние звали бога ремесленником. Когда же это чувство пропадает, пропадает искусство. Некоторые считают это неизбежным, винят тут машины. Я не думаю, что это так. Сейчас ощущают машины, как подсобные орудия. Древние ощущали их, как игрушку. Но разве нельзя ощущать их, как астрономические тела на земле? Правда, пока машины для этого были слишком грубы, они работали всегда в перенапряжении, с неумелой растратой сил. Но уже сейчас создается другая, отличная от прежней техника... Но если не в них, так в чем же дело? Потеря благополучия, отрыв от мира, это коренится очень глубоко. В конце концов, в том, что человек может передвигаться в несравненно большем круге, чем тот, который связан тесно с его жизнью. Пока было еще резкое отличие того, что до горизонта, от того, что за горизонтом, было еще ничего. «За горизонтом», это почти не касалось. Горизонт не только про-

странственный, но и временной (связь со своим родом), и численный (число людей и событий, с которыми связан), и понимания (механический мир, подобный в устройстве человеческому телу, движениям мускулов). Теперь все эти горизонты, предохранявшие человека от встречи с величием мира, исчезли. С ним исчезло и чувство связи со всем миром, права на место и внимание в нем, чувство близости мира и важности событий, в нем происходящих. Большинству людей сейчас страшно и неуютно. И тут не может быть настоящего искусства. Какую уверенность в значительности и важности Троянской войны нужно было иметь, чтобы написать о ней двадцать четыре песни [82]. И даже уже падающее искусство, роман, держалось еще на том же. Надо было придавать огромное значение переживаниям отдельного человека, чтобы подробно описывать их. Все это прошло.

Затем: Об островах Маори, куда пускают только вполне здоровых и хорошо сложенных людей, чтобы вывести райскую расу людей; об островах, где живут племена, зовущие мужчину сначала именем его жены, потом именем его ребенка. О профетических признаках в биологии.

Под конец спор о том, нужно ли считаться с направлением истории, спор длинный и бесплодный. Н. А. спорил бестолково и с обидами. Он сказал: «Я изложил эти мысли в Торжестве Земледелия [83] и удивляюсь, что никто смысла поэмы не понял». В словах его было нечто неприятное.

А. В.: Правда ли, что двое ученых доказали неверность закона причинности и получили за это нобелевскую премию? [84]

Л. Л.: Не знаю. Это связано верно с теорией квант, о которой я слышал, что там законы мира понимаются как статистические. Я сам думаю, что отвыкнуть от закона причинности гораздо легче, чем это обычно кажется. Ведь, если мы и считаем о камне, что он неизбежно упадет с высоты, то о себе мы, по крайней мере, практически, не думаем так, что наши поступки неизбежны. И тут нет никакой нелепости.

Затем: О музыке.

Л. Л.: Меня интересует, чем воздействует на человека музыка. Она самое демаскированное искусство, ничего не изображает. Остальные же как бы что-то представляют, сообщают. Но ясно, они действуют не этим, а так же, как музыка.

А. В.: Когда люди едут на лодке или сидят на берегу моря, они обычно поют [85]. Очевидно, это уместно, музыка как бы голос самой природы.

Л. Л.: А в самой природе ее совсем нет... Музыка как бы очищает человека от накопившихся в нем неправильностей, ядов. Она как вода засыхающему растению. Она вообще больше всего напоминает жидкость, ее течение. Еще ее действие сходно с действием полового акта: после него чувствуется

успокоение и освобождение; в большом же количестве она опьяняет и расслабляет. Вибрация и ритм, дыхание инструмента, деревянного или медного. Правильное дыхание, которое меняет и дыхание слушающего, растворяет его в себе, проникает ритмом жизнь мускулов и тканей. Это избавление от кривизны индивидуальности по отношению к миру, растворение и разряжение, игра со временем, сводящаяся к его уничтожению. В этом суть искусства.

О неврастении.

Что такое неврастения? Постоянное затаенное беспокойство, точно внутри что-то сведено судорогой, окаменевшая готовность к защите. Прежде я думал: ее можно лечить только одним, счастьем. Но ведь счастье присутствует и в вещах и в силах.

Обычно думают: человек, это его тело. Но это все равно, как если бы весовщик думал: весы, это та чашка, с которой я имею постоянно дело, на которую я кладу гири; на самом деле, весы, это отношение обеих чаш. Человек, это отношение тела и мира, он опирается как бы на две волны. Их взаимное покачивание и есть человек.

Я говорю это к тому, что выпрямлять покачивание можно с разных сторон.

Природа лечит неврастению, и воздух, и вода, получается как бы продувание человека, его кровеносных сосудов, его дыхательных и прочих трубочек. И короткая легкая дремота, когда дыхание удлиняется, и невесомость при плавании, и широкое разнообразное пространство, и музыка, и массаж, вообще всякий ритм. Почему работа лечит неврастению? — Она выводит человека из застоявшегося рукава воды в русло, возобновляет обмен сил человека с миром.

Тик лечат, как известно, не усилием преодолеть его, а искусством расслабления. При разряджении исчезает комок, освобождается от искривления чистый правильный ритм. В этом, наверное, и польза гипноза и электризации; они требуют, как предварительного условия, разряджения.

Техника разряджения не пользовалась вниманием, в особенности в Европе, так как практическая жизнь требует напряжения, усилий, — они дают результаты.

Я. С.: Четыре важных вещи, которые я хочу сообщить. I. Миру присуща приблизительность; поэтому никогда не надо говорить точно, в числах. II. Страх — порождение расстояния; представление смерти — представление бесконечного расстояния. III. Мир определяется всего несколькими знаками, как-то — небытие, время, смерть, деревья или вода. IV. Сознание не подвержено ограничениям пространства и времени, оно может быть сразу в разных местах, следовательно возможно, что оно одно для всех людей и каждому кажется, что оно именно его.

Л. Л.: Во всем этом чувствуется что-то правильное. К сожалению твои пункты не только не объясняют, но даже не дают зацепки для объяснения вещей, о которых ты говоришь. Тут нет посредствующих звеньев, какой бы то ни было связи с имеющимися у нас житейскими представлениями. И можно ли говорить: «вне ограничений времени и пространства». Ты не объяснил, в чем эти ограничения, не показал, как представлять себе «вне времени и пространства»; и значит, фраза бессмысленна. Да и как нелепо ставить пространство и время рядом, как равноправное, — это уже не дает шансов их понять. А те знаки мира, которые ты перечислил, так тождественны и общеприняты, что бесплодны. Нельзя открывать тайн мира набегами; ясновидением, при котором брезгливо отбрасываются все посредствующие звенья. Тут смесь гордости с трусостью. Гордость, говорить только об основах мира; трусость, не прокладывая к ним пути сквозь ежедневный житейский опыт. Это нахальное мышление.

Л. Л. изложил Д. Д. свою теорию неврастении.

Д. Д.: Это не ново. Учителя музыки, например, больше всего обращают внимание на то, чтобы руки у учеников были расслаблены. Гимнастика Дельсарта также основана на разрядении.

За водкой.

Н. А.: Женитесь, Я. С., вы не знаете, как приятно быть женатым.

Я. С. (обращаясь к Д. Х.): Вы прекрасны. Давайте же поцелуемся.

Д. Х.: А в вас есть нечто величественное. Я с удовольствием с вами поцелуюсь, если вам это не неприятно.

Н. А. (внезапно): Ну, как, отыгран-то действует?

Я. С. хочет налить еще водки себе, но обнаруживает, что бутылка пуста.

Л. Л.: Вы родились под счастливой звездой, Д. Х. Природа вас щедро одарила. Про вас можно сказать словами Н. М.: «Митька Загрязский — талантище!» А что хорошего дала вам эта звезда? Или, может, в окончательном перерасчете неважно, что человек сделал?

Д. Х.: Если и так, все равно нельзя думать об этом перерасчете.

Я. С.: Я думал, в чем недостаток европейского образа мысли и я нашел его. Этот недостаток: несерьезность или, иначе говоря, талантливость. Про Лао Цзы разве можно сказать, что он талантлив? Он был всю жизнь архивариусом, по-нашему, значит, вроде библиотекаря, а писать не стремился никогда. Кажется, под конец жизни он покинул город и на пути солдат попросил его записать на память то, что он знал. Он больше уже не вернулся. Может быть и первые европейские мыслители были такими же. Но пор-

ча началась уже давно, с Сократа, Платона и Аристотеля. И вот, в Европе собственно не было философии. Разве Беркли — философ? Конечно, он очень удобен для истории философии, потому что вся его мысль — пустяковая, годится для оканчивающего гимназию. И все другие тоже боялись касаться основных вещей, даже не замечали их. Так что Канту не трудно было увенчать все это толстой книгой, вообще отрицающей возможность философии... Да, началось с Сократа. Сколько он болтал перед смертью! И все после него писали так, что видно: вот, это я писал. К чему это? Знаешь логику Дармакирти? Это только комментарий на логику Дигнаги [86]. Дигнаги жил в пещере, он написал логику на песке. Кто-то проходил мимо и стер. Снова написал Дигнаги и снова прохожий стер. И так в третий раз. Тогда Дигнаги написал: «Зачем стираешь? Если заметил ошибку, укажи». После того прохожему стало стыдно стирать... Я понял, не надо специально думать, давать себе задания. Надо быть неспособным и несообразительным. Не вносить в писание ничего личного, никаких имен... Прежде мне казался правильным стиль Розанова. Теперь я вижу, это конец. Он и сам говорил, что пишет для уборной. Это звучит красиво, но все же это ни к чему. Все та же европейская линия: Августин — Абельяр — Паскаль — Руссо — Розанов... Итак я отверг последнего (перед ним был Платон), последнего своего кумира. Теперь их больше не осталось.

Д. Д.: Музыкант — тот же настройщик, он настраивает душу человека. Зачем? Он и сам не знает этого. Потому занятие музыкой само по себе бессодержательно. И повышенный интерес к музыке, как было в прошлом веке в Германии, признак поглупения. Это же относится и к отдельным людям, например, к Д. Х.

Л. Л.: Но это не только музыка, все искусства только настраивают. Поэтому человек, слушающий музыку в концертном зале, нелеп. Он делает вид, что занят; на самом деле он пуст. Так же глуп человек и в картинной галерее. Искусство уместно в житейской обстановке, дома, в гостях, на празднике. Оно должно приходить как бы случайно, к людям, связанным друг с другом, как невзначай приходит молчание в разговоре, тогда оно хорошо. Тем и был приятен прежде театр, что он был частью общего быта, местом праздничной встречи.

Д. Д.: Музыка сама по себе — явление чисто европейское, даже только последнего времени. У других было пение или музыка, как аккомпанемент. У греков она служила чему-нибудь: либо битве, либо пиру, либо религии.

Л. Л.: А как вы объясняете воздействие музыки на человека?

Д. Д.: По-моему, тут нет ничего таинственного, это физиологическое действие, которое проверено опытами; ведь лечат же музыкой сумасшед-

ших. Вибрация инструментов, которая передается телу, наподобие электрической индукции. Гораздо таинственнее живопись, ее воздействие. Почему перспектива — признак падения живописи?

Л. Л.: Мне это малопонятно... Что же касается настроений, которые возбуждаются искусством, то тут, ведь, еще ничего не исследовано. Надо было бы составить дерево настроений. Это было бы вместе дерево стихий или пульсации: ведь в основе всех настроений лежат напряжение и разряжение.

Затем: О русской литературе, о том, что она выше европейской. Затем: О Розанове, о том, что он был первый фашист.

Д. Х.: Я хотел бы быть директором. Человек должен чувствовать, что от него зависят какие-то люди, только тогда то, что он делает, будет правильно. Человек, имеющий власть, право расстреливать, всегда имеет преимущество перед другими. Он чувствует реализацию своих слов и ответственность. Я же лично хотел бы быть директором театра...

Д. Х.: Вот, чего я не выношу. Пенки, баранина, маргарин, лошади, дети, солдаты, газета, баня. Баня, это то, в чем воплотилось все самое страшное русское. После бани человека следовало бы считать несколько дней нечистым. Ее надо стыдиться, а у нас это национальная гордость. Тут стыд не в том, что люди голые, — и на пляже голые, но там это хорошо, — тут дымность, и затхлость, и ноздреватость тел.

Затем: О людях.

Д. Х.: В Н. М. стихия бани, она и дает ему силу. Он ходит два раза в неделю в баню и там парится. Он очень белый. И стихи свои он сочиняет в бане, распевая их на полке. В нем нечто мужицкое и потому он так чуток к этому в людях, так ненавидит это. Он из нас самый русский, может быть даже по крови.

Л. Л.: Разве русскому лицу свойственен такой причудливый нос?

Д. Х.: Напрасно думают, что русское лицо мягкое и округлое, как у Н. А. Это финское. Русское именно с таким вострым носом. Впрочем, дело, конечно, не в крови.

Л. Л.: Вы правы, старорусские лица строги и аскетичны, в них нет той смазанности черт, какая обычно приписывается русскому лицу.

Д. Х.: В Н. М. необычная озлобленность. Среди нас, правда, нет хороших людей; но Н. М. обладает каким-то особым разрушительным талантом, чувствовать безошибочно, где что непрочное и одним словом делать это всем ясным. Поэтому-то он так нравится всем, интересен, блестящ в обществе. В этом и его остроумие. И даже его теории пропитаны тем же. Разве можно придумать что-либо более оскорбительное, от чего ученый физик, если

бы услышал, полез на стенку, что-либо вернее попадающее в слабый пункт физики, как утверждение, что свет вообще не имеет скорости, распространяется мгновенно?

Л. Л.: А Я. С.?

Д. Х.: У нас у всех остроумие странное, вроде того, как бы половчее сказать: «Я — идиот», или «у меня ноги потеют». Но Я. С. лучше всех нас носит созданную им маску. Конечно, она как-то соответствует ему. Все его поведение разработано чрезвычайно тонко: и эти ссылки, что он не умеет говорить, и что у него способности ограничены, и подчеркивание, что он идет в уборную. Он возвел свои недостатки в новые добродетели, в особые достоинства, гордится своей неврастением.

Л. Л.: Он из тех гордецов, что сами готовы любому уступить дорогу и отойти в сторону, лишь бы не получать толчков. Такие становятся деспотами своего несуществующего царства. Это нехорошо, потому что в теоретической области капризы недопустимы, тут нельзя быть ни деспотом, ни мечтателем, ни неврастеником...

Затем: О судьбах.

Д. Х.: Среди нас есть такие, путь которых уверен и ясен. У них есть профессия. Другие в очень рискованном положении: они как бы создают новые профессии. Конечно, у нас в чем-то, в чутье, есть преимущество перед настоящими учеными; но нет необходимого — знаний. Наше общество можно вернее всего назвать обществом малограмотных ученых. Но как любой шахматный кружок дает лучшему в нем звание категорного игрока, так и среди нас каждый может стать знатоком в какой-то своей области, где ему карты в руки. И это как будто намечается. Я не знаю, как вас назвать, Л. Л., философом или как иначе, но по-моему, у вас намечается свой путь, отличный от известных.

Л. Л.: Не знаю; во мне нет оригинальности, как, например, в Н. М., и все же я на многие вещи смотрю совсем по-иному, чем это принято; тут, кажется мне, объясняется просто тем, что у меня прирожденное свойство: я смотрю пристально там, где остальные скользят взглядом; во мне еще раз воплотилась «семитическая серьезность».

Об инстинкте.

Есть три способа объяснения инстинкта. Первое: насекомое соотнобразит как человек. Второе: случайная цепь действий, отобранная и удержанная отбором времени. Третье: таинственное, отличное от разума, свойство. Все три объяснения бесплодны. Но тут дело не только в инстинкте, а вообще в целесообразности, встречающейся в природе, например, распределение листьев на дереве, — откуда она.

Я думаю, что мы удивляемся ей так же, как у Мольера кто-то удивляется тому, что всю жизнь говорит прозой [87]. Инстинкт не какое-либо специальное свойство, особый механизм, а все те же основные свойства мира, жизни, проявляющиеся в частных случаях. Для его объяснения не надо вводить никакого добавочного фактора. Тут происходит то же, что, обычно, при попытках объяснения, например, изотропии пространства или коммутативности сложения: подыскивают, почему так, а на самом деле так потому, что нет никакого добавочного условия анизотропии или некоммутативности, — задача оказывается перевернутой, для них-то надо подыскать добавочный фактор, нарушающий общий закон.

Что такое инстинкт? То, что дает возможность животному производить целесообразные действия, хотя оно и не знает цели.

Животное находится в положении, не соответствующем продолжению его жизни. Это можно назвать исходным положением. Затем оно переходит в соответствующее продолжению жизни положение. Это можно назвать конечным положением. Цель поступков, которые переводят его из начального в конечное положение, это будут инстинктивные поступки. Возможность и условия их даются устройством тела животного и устройством окружающего мира. Поступки эти целесообразны. Почему животное, не зная ни своего устройства, ни устройства мира, ни конечного положения, находит правильный путь к этому положению?

Пример. Младенец не имеет материнского молока. Это исходное положение. Младенец получает молоко. Это конечное положение. Хватание груди и втягивание молока, это инстинктивный поступок. Чем его объяснить?

Конечно, это не какое-либо специальное свойство, а выражение в частном случае основного закона всего живого: хватание и втягивание. Живое — то, что растет, включает в свою структуру окружающее. Этот же закон — вариант общего мирового закона расширения или растекания, уничтожения разностей уровней, или вернее, просто разностей.

Но откуда младенец узнает, как пользоваться ловко органами своего тела, в данном случае губами? Почему он как будто понимает устройство своего тела, знает, как его использовать в окружающем мире? Движение губами, это очень простой случай, но бывают другие, когда действие гораздо сложнее, например, история с осами «парализаторами» описанная Фабром [88]. Откуда знает оса устройство своего жала и тела своей жертвы?

Конечно, ответить на это точно можно лишь изучив подробно осу и ее жертву, узнав, чем привлекает нервный центр жертвы осу, наверное, оса чувствует его, находит к нему прямой путь, как мы на свет или собака по запаху, потому что это самый простой путь.

Как бы ни было сложно использование устройства тела в инстинктивном поступке, принцип объяснения тут: соответствие устройства тела и поступка; тело строится по тем же принципам, оно как бы основной, отстоявший во плоти, поступок. Младенец втягивает молоко, потому что его тело, как всякое живое тело, по сути — втягиватель, оно и образовалось как втягивающий процесс.

То, что из одного источника или стороны одного и того же, имеет естественное соответствие. Не удивляемся же мы, как ловко устроен круг, не только изнутри кругло, а извне посмотришь — тоже кругло. Или, что треугольник так хитро устроен, что у него не только три стороны, но и три угла. Для того, кто не понимал бы, что это одинаково вытекает из того же самого принципа фигуры, это было бы действительно странно.

Собаке, чтобы бежать за добычей по кратчайшей прямой линии, не надо изучать геометрии и распространения света по прямой, собака сама существует по тому же закону, воплощает его в своем беге. И если пчела, как говорят, строит стены улья по геометрическому закону, который дает наибольший объем при наименьшей затрате материала, это значит, что принципы геометрии и принципы механики, воплощающиеся в работе пчелы, всего-навсего два выражения одного и того же принципа.

Л. Л. рассказывал Н. М. о неврастении, как нарушении равновесия — «масло в спирту», об искусстве, как балансировании по времени и о времени, как ускорении. Н. М. слушал внимательно, но не выражал ни согласия, ни несогласия. Он только сопоставил с теорией неврастения искусство дыхания.

Н. М.: Йоги говорят: кто не ощущает ритма в мире, тот не ощущает счастья. А ощутить ритм нужно прежде всего в дыхании.

А. В.: Да, сейчас все идет таким скорым темпом, что и в любви придется объясняться скороговоркой... И все же лестница остается прежней, от поцелуя руки через все полагающиеся обряды сближения. Ее только проходят быстрее. А вот чтобы среди самого спокойного разговора предложить женщине отдаться и она сразу же согласилась, нет, это несбывшаяся мечта.

Недавно мы с Н. М. ухаживали в одной комнате за двумя. Только я стал целовать в полумраке свою в шею и уши, раздался отчетливо голос Н. М.: Что, брат, уши грызешь? И потом он все время вмешивался с вопросами о том, как идут дела и с советами. Это было мучение.

О температуре.

Л. Л.: Нож и скатерть одной температуры; но наощупь нож холоднее. Почему? Потому что металл теплопроводней, или, иначе, обладает меньшим

тепловым сопротивлением, он быстрее уравнивает температуру с телом, чем скатерть. Таким образом чувство тепла зависит от скорости передачи тепла, от, так сказать, крепости раствора «тепло/время». Очевидно, это же касается и других чувств, — частота волн световых, звуковых, — но в температурном чувстве это всего яснее. Думают обычно, время дает все в последовательности, оно бесконечно дробимо; неверно, миг дает качественное ощущение, а не очередность воздействий, он охватывает их зараз.

Почему мы не ощущаем температуру, равную температуре своего тела? Потому что температура — это разность, отличие от принятого за основное. Очевидно, это тоже относится ко всем чувствам, всем качествам. Но мы не обладаем постоянным звуком или светом тела, а температурой обладаем. Вероятно, если бы температура тела была всегда совсем постоянной (наощупь), мы бы приняли ее нулем, отсутствием температуры, как тишина — отсутствие звуков, собственный постоянный запах человека — отсутствие запаха и т. п. Тут мы входим в область исследования строения качеств, необычайную по интересу и до сих пор никак не разработанную, ибо не было к ней ключа, понимания существования как разности. Я говорю о том, что каждое чувство имеет свое, менее или более сложное, строение, свое количество измерений. В температурном чувстве измерение одно, сильнее или слабее тепло, скорость перехода температуры еще не выделена в особое качество. В световом чувстве — и в звуковом тоже, — оно уже отделено от силы, образуя особое качество, цвет или тон. Почему запахи никак не упорядочены, а вкус смутно распределяется по четырем качествам? Почему звук меняясь в силе не дает качества, а температура дает жар и холод, два различных состояния? Очевидно, потому именно, что есть разрез температур по их сравнению с температурой тела. Интересно, что этот разрез может быть осуществлен двояко: разрез надвое (жар, холод) или натрое (жар, тепло, холод), и способ деления четко не выбран. Черный цвет соответствует тишине; но тишина не ощущается как особое качество, а черный цвет — цвет. Потому что свет локализуется, тут несуществующее как свет существует как занимающее место, — наше пространство строится на светомускульном соотношении. Почему не существует звука, соответственного белому цвету? По той простой причине, верно, что есть световое солнце, но нет звукового, есть смена дня и ночи, а правильной смены звуков и тишины нет. Почему смесь цветов однообразна, серый цвет, и не выделяется, как что-то принципиально отличное от других цветов, а смесь тонов дает очень разные шумы? В чем принцип гаммы и принцип спектра, почему образовано такое-то количество тонов и цветов, их поколения и отношения родства. И много еще других тайн.

Тот, кто изучает это, присутствует как бы при рождении мира, его качеств; он видит, что каждое чувство имеет своеобразную историю, раскры-

вающую особую сторону мира, особый его принцип, который в других чувствах спрятан; он видит то, что предстает перед нами как незыблемое, данное, на самом деле сложное построение, его можно варьировать, делать другим; строение чувств можно изменять в воображаемых опытах и даже в реальных. Мир кажется ему изобретателем или художником; в каждом качестве заключена мировая история.

Температурный мир.

Представь себе, что в мире существуют только температуры, больше ничего. Вот тебе непространственный, беспредметный мир. Представь себе, что одна из температур — ты. Что будет?

К сожалению, я еще не могу охватить особенностей этого странного мира, слишком он непривычен. Я знаю, что существует только одна температура — ты, ты еще не существуешь. Ведь нет разности, нет, значит, собственно и самой температуры. А если две? И тогда ты собственно не существуешь. Потому что есть только одно отличие, одна разность, и, значит, она ни с чем не сравнима, не имеет признаков. Это предсуществование. А при трех? Может быть, это уже существование. Но какое странное: мир и ты будете одно и то же. Надо вводить еще и еще температуры, вернее, надо комбинировать их, создавая все новые отношения, разности, чтобы из несуществования переходить вверх по степеням усложнения, существования. Появится время, пространство, жизнь, сознание, отделение индивидуальности от мира. И все это в принципе достижимо одним несуществующим элементом. Ведь если есть А, можно его соотнести с самим собой, А/А будет В. Дальше можно получить уже сколько угодно новых элементов. Такое их получение, при котором и как бы все остается то же самое, и как бы создается из ничего новое, лучше всего назвать вращением.

Я знаю, это так странно, что кажется бессодержательным или нелепым. Между тем так и возникают все качества мира; чтобы в этом убедить, надо было бы исследовать конкретную историю какого-либо качества. Только так можно представить себе постепенное возникновение индивидуальности, сознание, представить, как чувствует мир дерево, коралл, медуза, рыба, червь, младенец во чреве матери, составить для каждого из них язык.

Воображаемые модели мира, вроде температурной, незаменимы для изучения его свойств и понимания разнообразия его вариантов.

О пространстве.

Оно — особая, частная схема достижимости или времени. Поэтому его составляющие — расстояние (очередность) и выбор (охват).

Говорят: нота фа дальше от ноты до, чем нота ми; то есть говорят о расстоянии. Почему же это расстояние не считается пространственным?

Когда играют зараз несколько инструментов, можно вниманием выделить звук одного из них, потом перейти к другому, третьему, пока не вернешься к первому, не пройдешь полный круг. Почему же тут угол внимания и круг не считаются пространственными?

Потому что пространство есть сравнение расстояний и выбора (углов) поступком. Сравнение усилием или, если смотреть извне, мускульным напряжением и разряжением. Ведь наше тело не обладает другими родами усилий, световыми, температурными или иными. Количество усилий, ходов и есть расстояние. Конечно, в абстрактном пространстве оно и измеряется абстрактными усилиями, в физическом, например, может измеряться ходами световой волны, в геометрическом вообще никак не определенными ходами. Итак, пространство есть схема или стандарт возможной последовательности поступков.

Так как эта схема не ограничена дополнительными условиями, то она и дает неопределенность пространства по размеру, делимости, свойствам: бесконечная продолжаемость его и делимость, изотропия. Из этого и следовало бы выводить геометрические формулы, а не так, как их выводят сейчас, периферическими рассуждениями.

Так как усилие, это преодоление сопротивления (мускульным способом), то пространство — схема полной повсеместной твердости мира. Так как, однако, усилия разделены паузами, то твердость должна все время перемежаться чем-то не требующим никакого усилия, пустотой. При бесконечной дробимости пространства получается однообразное чередование твердости и пустоты, чего-то загадочного — несуществующего никак и занимающего место. Так пространство отделяется от мира. Получается геометрическое, точечное, и физическое, пустое, в котором точкой или системой точек плавает мир. Поскольку эта схема не вполне соответствует действительности, приходится идти на очень сложные построения, чтобы ее исправить, приблизить к реальности.

Чувство пустоты, какого-то активного несуществования порождает страх.

Расстояние и выбор, это два подхода к любому месту, два измерения пространства. Однако сам выбор может расчлениться, из общего закона выбора может выделиться особый частный, имеющий почему-либо важное постоянное отличие. Так, думаю я, выделилось третье измерение, по вертикали: тут постоянно ощущается неодинаковость усилий, ввиду тяготения. Можно, конечно, еще дальше расчленить выбор, ввести новые измерения; это никак не обогащает пространства да и надобности в этом нет: больше постоянных сил, кроме тяготения, действующих всегда в одном и том же направлении, нет.

Пространство мускульных поступков — вариант вообще достижимости; поэтому геометрические законы и имеют гораздо большее значение,

чем наглядное, в чертеже. Поэтому-то современные геометры и стараются не основываться на чертежах, утверждают, что точки, линии, поверхности, объемы, это слова, под которыми можно подразумевать что угодно.

Вес сказанное относится вообще к пространству поступков. Но наше пространство, житейское, в котором мы располагаем мир по данным наших чувств, есть частный, особый вариант этого пространства. Дело в том, что наше пространство основано на координации движения и света, мускульных усилий и зрительных впечатлений. Они очень разнятся друг от друга. Например, зрительное чувство имеет плавный переход от полного света до темноты. Мускульное имеет резкий разрыв: мы или касаемся чего-либо или нет. Есть много и других различий, дающих нашему пространству своеобразие. Стереоскопичность его, конечно, мускульная поправка к зрительному ощущению.

Эта мускульно-свето- (и, наверное, еще гравитационно-) координация довольно зыбка. Может случиться, под влиянием различных физиологических условий, показатели разных чувств («кривые сопротивления») начинают вдруг работать вразброд, противоречить друг другу. Пространство разрушается. Мы ощущаем это как смазывание локализации, головокружение.

Так как пространство не дано, а вырабатывается, оно захватывает не все, опытом и тренировкой можно, так сказать, «опространствить» или, наоборот, «распространствить» различные ощущения, различные элементы мира. Есть такие, которые находятся в промежуточном состоянии. Таковы запах, звук, тепло. Это заметно и в выражениях языка. Мы говорим «тепло!», к чему это относится, к предмету, к телу. Еще яснее это на примере собственного тела. Не странно ли, что зуб болит, а какой именно зуб, указать не можешь. Наконец, такие физиологические состояния, как раздражение или удовольствие либо совсем не относятся к телу, либо относятся очень неопределенно. Маленькие дети обычно указывают врачу как болезненное совсем не то место, где в действительности происходит процесс, дающий боль.

Да, пространство это наука, которой мы учимся в детстве, так же как языку, только еще раньше.

Если же мы хотим исследовать строение нашего пространства, избавиться от его неправильностей, мы должны прежде всего сравнить его с другими возможными построениями пространства. Их тысячи, но изучив несколько, легко представить остальные. Можно построить, например, звуковое пространство или оставить световое, но совершенно изменить его, введя системой зеркал постоянное искривление светового луча. Мало ли какие опыты можно проделывать в воображении, представляя, каким пространство окажется для существа, живущего в таких или иных условиях. И тогда мы и наше привычное пространство поймем вернее.

Но всегда лучше, если это возможно, делать не только воображаемые, а и реальные опыты. Тут они вполне осуществимы. Мы, например, измеряем расстояние в уверенности, что наше тело постоянного размера. Для некоторых животных это правило неприменимо. Мы можем представить их пространство, искусственно сделав зыбкими размеры руки («резиновые перчатки»). Или использовать парность глаз, снабдив один из них одним стеклом, другой другим. Все это, конечно, первое, что приходит на ум. Но это способ реально изменять пространство.

Л. Л. рассказал о возникновении пространства Д. Д. и Я. С. Они отнеслись к этой теории без интереса. За несколько лет до того, при самом возникновении теории, Л. Л. сообщил о ней Н. М., Д. Х. и С. Выслушав, С. посоветовал Л. Л. не заниматься не своим делом, заняться лучше, скажем, критикой литературы. Но он был серьезен. Н. М. нашел блестящий ответ на то, что говорил Л. Л., тонкий и остроумный: он начертил на бумаге закорючку, вроде «крожицы кривой» и сказал: «Вот, значит, каким будет пространство». Тогда Д. Х. прибавил к закорючке хвостик и сказал: «Нет, вот каким». После этого все трое ушли. «Резиновые перчатки» еще долго не забывались, служили предметом разнообразных шуток.

Я. С.: Нельзя, говоря об основных вещах, пользоваться такими производными и неправильными выражениями, как мускулы. Надо не брать термины из анатомии или физиологии, — а с ними и их ложные понятия, — а придумывать свои термины. Объяснять пространство мускульными усилиями нелепо.

Л. Л.: Этим и неприятны были философские книги, что писавшие их считали себя владельцами царства идей, отделенного от всего остального мира. И ты тоже боишься соединять основные мировые принципы с конкретными вещами, протянуть между ними ниточки. Конечно, легче говорить общими формулами настолько широкими, что в них только на какую-то долю есть правильность. Но мне хочется достичь точности. А ты брезгаешь касаться обычных вещей.

Я. С.: Я исследовал деревья [89].

Л. Л.: Что ты в них исследовал? Ты уловил в них только намек, туманное очертание их значения, и ты уже горд... Между поступками и мыслями нет принципиальной разницы и мне жаль, что я не могу проверять мыслей на опыте. Ибо не стоит считаться с чужими мнениями, но с действительностью считаться надо.

Затем: О Пастере.

Фабр рассказывает, что когда Пастер взялся спасти шелковичного червя от заразы, он не знал даже того, что знает каждый школьник, — что гусени-

ца превращается в куколку, а потом в бабочку. Очевидно, он не был знаком с самыми основными трудами по этим вопросам. Однако, скоро он узнал все это на опыте, нашел возбудителя заразы и спас Французское шелководство.

«В» и «на».

Почему говорят: в Малороссию, но на Украину; в Остен, но на Ривьеру; в Крым, но на Кавказ?

Потому что «на» обозначает проникновение без сопротивления, когда нет точной границы, а «в» прохождение через границу. Первое для географических и этнографических районов, второе для административных и политических. Крым прежде был царством.

А. В.: Я читаю Вересаева о Пушкине. Интересно, как противоречивы свидетельские показания даже там, где не может быть места субъективности. Это не случайные ошибки. Сомнительность, неукладываемость в наши логические рамки есть в самой жизни. И мне непонятно, как могли возникнуть фантастические, имеющие точные законы, миры, совсем не похожие на настоящую жизнь. Например, заседание. Или, скажем, роман. В романе описывается жизнь, там будто бы течет время, но оно не имеет ничего общего с настоящим, там нет смены дня и ночи, вспоминают легко чуть не всю жизнь, тогда как на самом деле вряд ли можно вспомнить и вчерашний день. Да и всякое вообще описание неверно. «Человек сидит, у него корабль над головой» [90] все же, наверное, правильнее, чем «человек сидит и читает книгу». Единственный правильный по своему принципу роман, это мой [91], но он плохо написан.

Л. Л.: Но ведь это относится ко всему искусству вообще. Разве в музыке, например, не свое время? Разница лишь в том, что музыку и не считают описанием жизни, а роман считают.

А. В.: Может быть я оптимист, но я считаю теперь, что стихи надо писать редко. Я, например, еще до сих пор живу все тем же стихотворением о «гортензии» [92]; чего же мне писать новое, пока старое, так сказать, приносит проценты.

Л. Л.: Все твои теории были всегда в высшей степени практичны: они оправдывают то, что ты в данный момент делаешь.

А. В.: Я понял, чем я отличаюсь от прошлых писателей, да и вообще людей. Те говорили: жизнь — мгновение в сравнении с вечностью. Я говорю: она вообще мгновенье, даже в сравнении с мгновением.

Д. Х.: Я уважаю Н. М., а Н. А. и А. В. люблю. Так за больным Н. М. я, наверное, не стал бы ухаживать, а за теми стал.

Т. А.: Бросьте, Д. Х., ни за кем вы не будете ухаживать; ведь вы, чуть кто заболит, всегда бежите прочь.

Д. Х. говорил, что ему нравятся неискренние люди, вроде Ч.

Л. Л.: Это понятно. Почему мы относимся страстно к людям, ненавидим подлецов? Потому что мы чувствуем себя участниками событий, сталкиваемся с людьми реально или потенциально как бы на узком мостике над пропастью. Тут благодущие исчезает. А вы не участвуете ни в какой борьбе, можете смотреть точно с луны, для вас люди вроде бирюлек. Но проигрывает в последнем счете как раз не участвующий в игре.

Д. Х.: Как-то мы шли с Н. М., оба мрачные. И я придумал игру: кому что подарил бы, если б мог. Мы сразу развеселились. Это самое приятное, дарить [93].

Л. Л.: Да, подарок это маленькое чудо. Жалко, что праздники так однообразны. Если бы устраивать их так, чтобы в каждый день дарили что-нибудь особенное, принятое в этот день.

Затем: О гармонии.

Д. Х.: Это единственное, чем я горжусь: вряд ли кто чувствует так гармоничность в человеке, как я. Может быть на всей земле всего тысяча таких людей. Одни чувствуют ее в руках, другие в голосе, а я во всем. И это совсем не правильность черт. Можно быть одноглазым и гармоничным. Особенно гармоничность видна на пляже. Там же она развивается. Сначала человек чувствует себя белой сосиской с красными пятнышками и ему всех стыдно; спина ниже туловища. А потом перестает думать об этом; ходит голый спокойно и с достоинством. Это останется в нем даже зимой, когда он наденет костюм. Одежда и нагота, то и другое, наши органические состояния, нельзя пренебрегать ни одним. А голым всего удобнее быть на пляже. Есть даже оправдывающая причина: купаются.

Л. Л.: Почему же вы тогда против бани?

Д. Х.: Там все заняты делом, культ мочалки. Трут так, что стирают уже внутренности, проступивший сквозь кожу почечный жир [94]. А на пляже безделье.

Л. Л.: А спорт?

Д. Х.: Там борьба, это тоже мешает.

Т. А.: Нельзя ли хоть без свидетелей, ходить голым, скажем, по лесу?

Д. Х.: Нет, одному нельзя. Одному ничего не сделать. Так же как в совершенном одиночестве и стихи не будут писаться. Путь М. вернее, чем путь Н. М. Недаром Н. М. проповедует теперь тихую гибель.

Д. Д.: В мясе голубей есть что-то неприятно сладковатое; такого вкуса, наверное, и человеческое мясо.

Д. Х.: Я как раз люблю все такого вкуса. Телячьи ножки, которым серозная жидкость придает мягкость и сладковатость; устрицы, они нравятся мне

своей слизистостью. Я знаю: для большинства людей отвратительно все раздутое, мягкое, зыбкое. Между тем в этом сущность физиологии. И мне это не неприятно. Я могу спокойно приложить к губам паука или медузу.

Л. Л.: Вещи этой консистенции замечательны тем, что одновременно и возбуждают отвращение и сулят наслаждение. Эта двойственность есть и в том, что возбуждает половое чувство. Как будто всякое сильное наслаждение — в разрушении структуры [95].

Д. Д.: В этом суть инстинкта поедания.

Л. Л.: Поедание и половое соединение два следствия одного и того же принципа.

Д. Х.: Все же нам понятно это именно через половое чувство, через физиологию.

Л. Л.: Тут очевидно суть в освобождении от каких-то ограничений индивидуальности, от напряжения ее, возвращение в стихию.

Д. Х.: Если так, то наибольшее наслаждение должно давать самое аморфное. Пересыпание песка приятно, потому что напоминает, будто струится вода. Но газ еще аморфнее воды. Почему же в газе нет ничего прельщающего?

Л. Л.: Вода покладиста, но не бесхарактерна, она обладает некоторым сопротивлением, принимает в земной среде какую-то свою форму. А газ просто растекается и исчезает. Он для нас как бы не существует, не стихия уже, а абстракция.

Н. А.: Я тут познакомился с одним человеком и он мне даже нравился, пока я не узнал, что его любимая картина «Какой простор!» [96]. В этой картине весь провинциализм, неопрятность и бездарность старого русского студенчества с его никчемной жизнью и никчемными песнями. А как оно было самодовольно! Осинový кол ему в могилу...

Знаете, мне кажется, что все люди, неудачники и даже удачники, в глубине души чувствуют себя все-таки несчастными. Все знают, жизнь — что-то особенное, один раз и больше не повторится; и потому она должна бы быть изумительной. А на самом деле этого нет.

Д. Х.: Из нас всех Я. С. единственный, который при всех условиях жил бы так же, как живет сейчас. Его произведения будут любопытны, хотя бы их нашли через тысячу лет; но не более, чем любопытны.

Л. Л.: Не думаю так. В Я. С. есть необычайное, если можно так выразиться, мыслительное чутье. Ведь и все мы, прежде всего, не обсуждаем мысль, а как-то чувствуем ее. И это чутье в Я. С. еще удивительно обострилось благодаря тому, что он в отличие от всех других мыслителей не подвержен соблазнам. Я говорю вот о чем: мир можно сравнить с государством, а мыслителей с бухгалтерами, находящимися у него на службе. И вот, все они, быть

может не замечая этого сами, старались по долгу службы составить наиболее благополучный баланс, свести концы с концами во что бы то ни стало. Все подтасовывали, хотя бы уже оттого, что стремились создать стройную систему. Я. С. не чувствует себя на службе у мира. То, что ему кажется смутным, он оставляет смутным. Он необольстим.

Н. М.: У художников есть одно преимущество перед писателями: они могут без конца рисовать то, что они видят, например цветы. И всегда это интересно и хорошо, большего и не надо; это и есть натурализм.

Л. Л.: Я думаю, тут дело в том, что цветок для познания бесконечен, а человек нет. Ведь человека дают в искусстве, как индивидуальную историю, как личность. Но может быть такой взгляд, когда и человеческие жизни предстанут писателю так же, как цветы художнику. Это тогда, когда смотреть на них не изнутри жизни героя, а так как глядит на волны человек, сидящий у моря. Тогда вещь раздвигается и в нее можно включать все, что угодно. Так написана Илиада, в которой в поэзию превращено все, что попало в поле зрения: и битвы, и споры, и родословные, и корабли, и рождения, и смерть, и картины на щите. Но для этого, наверное, нужна и другая поэтическая форма, чем принятая теперь. Гекзаметр, например, непрерывен и он естественен, как дыхание; рифма же рассекает стихи, как мир для нас рассечен на предметы, на причины и следствия; гекзаметр отличается от рифмованных стихов, как орган от рояли. Я думаю, рифмованные стихи появились и исчезнут, это недолговечная вещь. Или вы думаете и через две-три лет будут так же писать стихи с рифмами?

Н. М.: Да, я в этом уверен.

Шахматная доска.

Л. Л.: В собрание священных предметов должна войти и шахматная доска. Потому что она представляет особый замкнутый мир, вариантный нашему миру. Так же есть в ней время, но свое, — пространство, предметы, сопротивление, — все свое. Там механика, точная и не худшая, чем наша, которую изучаем на земле и на небе. И с этим особым миром можно проделать решающий опыт: дематериализовать его.

Начать с того, что видимые фигуры заменить тем, что они на самом деле есть, силовыми линиями на доске. Затем разрезать шахматную доску на поля, составить колоду, разыграть шахматную партию в карты. Затем заменить эту колоду подобранной по соответствующей системе таблицей знаков; превратить ее в одну формулу, в которой при изменении одного знака, претерпевают изменения все. Обозначить конечный вид этой формулы, то что зовется в партии матом, и вывести законы преобразования формулы из начального вида в конечный.

Так один из миров превратится в саморазворачивающийся рассказ неизвестно о чем.

Я. С.: Меня интересует счастье. Помнишь у Пушкина: «С Богом в дальнюю дорогу» [97]. Что там? Один убит, другой пропал без вести, «живиль нет, узнаешь сам», дочь живет где-то в глуши, и Лизгоре, но «с мужем ей не скучно там». И тот мир, в который они провожают убитого, похож на мир теней, неизвестно, что хорошего там. Все же ясно, все эти люди счастливы. Им не страшно большое пространство, им не может быть скучно, и нет у них чувства ничтожества, которое понятно нам.

Л. Л.: Ты прав, у них невеселое счастье, но это счастье.

Я. С.: Кто же эти люди? Моряки или рыбаки [98], жители побережья. Это не случайно. У Гамсуна тоже действие происходит всегда в прибрежном поселке. Или среди леса. Но лес, в конце концов, то же море. И, пожалуй, люди у Гамсуна тоже в большей или меньшей мере счастливы. В чем же счастье? Как ответить на это точно, исследовать счастье наподобие того, как Гете исследовал цвета?

Л. Л.: Есть один признак, по которому счастье можно отличить всегда от удовольствия. Когда удовольствие минует, оно становится совершенно безразличным, его не стоит вспоминать. А счастье и в старости, уже не существуя, сжимает сердце, вызывает умиление, улыбку или слезы. Неувядаемость, вот испытание счастья.

Затем: О разговорах и вещах одного ключа.

Я. С.: В разговорах переходят от одной темы к другой по какому-то закону; потом вдруг покидают линию, по которой шли, начинают другую. Я бы хотел узнать законы разговора. Для того, чтобы их установить, мне придется исследовать гораздо шире, как математику, который решая частную задачу добивается формулы наиболее общей, предусматривающей и такие случаи, которые фактически не встречаются. Я хочу создать математику разговоров.

Л. Л.: Есть, особенно это видно в искусстве, вещи одного ключа. Я говорю не о подражаниях, они, конечно, встречаются страшно часто, но это не интересно. Я говорю о таких вещах, как, например, «Есть упоение в бою» [99] Пушкина и «Оратор римский говорил» [100] Тютчева. Или: романы Мопассана и «Парижанка», фильм Чаплина в кино. Трудно определить, чем эти вещи совпадают, но чувствуется это ясно. Стоило бы составить книгу таких параллелей. Это дало бы больше для понимания искусства, чем все теории эстетики.

Д. Д.: Единственный сейчас правильный путь для изучения истории, это рассматривать не целые государства, а небольшое общество, что ли, компанию друзей, и наблюдать на этом культурном континууме все законы.

Л. Л.: Говорят, когда муравьи тащут соломинку, они тащут ее совсем не кратчайшим путем. Так же, верно, добираются и люди до цели. Отчего никто не проследит исторической траектории хотя бы на небольшом отрезке.

Затем: О Киевской и Суздальской Руси, о реформе Столыпина, о бездорожье, об эпохе 1910—1913 гг., о норманнах, о причинах переселения народов.

Затем: Об архитектуре; здание должно быть в пейзаже, этим, верно, особенно прекрасны монгольские монастыри: огромные степи и вдруг среди них роскошный монастырь, точно жемчужина в раковине пустыни.

Н. М.: Я видел несколько раз во сне, что я умираю. Пока смерть приближается, это очень страшно, но когда кровь начинает вытекать из жил, уже совсем не страшно и умирать легко [101].

Н. А.: Мне кажется, я видел даже больше, момент, когда будто уже умер и растекаешься в воздухе. И это тоже легко и приятно... Вообще во сне удивительная чистота и свежесть чувств. Самая острая грусть и самая сильная влюбленность переживаются во сне.

Л. Л.: Бывают и тусклые, неотвязные сны, когда продолжается то, что мучило днем. Один видит, что он все играет в карты, другой, что он работает, третий, что он без удовольствия общается с женщинами. Это похоже не на сны, а на мысли, не желающие остановиться, отделившиеся и ставшие почти самостоятельными.

Д. Х.: Это желудочные сны [102].

Л. Л.: Я лично очень плохо запоминаю сны, но и другие, мне кажется, запоминают тоже не сами сны, а ближайшие к ним ассоциации, которые приходят при просыпании. Между тем, можно было бы проследить искусственно сны [103]. Некоторые люди в особой обстановке говорят вслух, что они видят во сне. Удивительно, как меняется их голос, насколько искренней, чем обычно, он становится.

Н. А.: Когда среди ночи проснешься под впечатлением сна, кажется его невозможно забыть. А утром невозможно вспомнить. Но сам тон сна настолько отличается от жизни, что те вещи, которые во сне гениальны, кажутся увядшими и ненужными потом, как морские животные, вытасканные из воды. Поэтому я не верю, что можно во сне писать стихи, музыку и т. п., чтобы потом пригодилось.

Л. Л.: Я однажды видел во сне, я читаю стихи, они мне казались изумительными. Я ничего не запомнил, только одно сравнение, которое там было. Приблизительно вот что: луна всходит на небо, как воин на крепостную стену, и, если присмотреться, на ней изображен воин на крепостной стене.

Н. М.: Когда я голодал двадцать дней, чтобы избавиться от малярии, по ночам видел все тот же сон, будто я что-то съел, было страшно обидно, что испортил все дело. От малярии я так вылечился.

Д. Д.: А как вы себя тогда чувствовали?

Н. М.: Чувствовал необычайную легкость. В голове полная ясность. Есть совсем не хотелось. Не надо было следить, чтобы менять положение тела осторожно, не делать резких движений: сердце не выдерживало, от внезапного движения становилось дурно. И еще было скучно, какая-то пустота. Когда я раз прибавил в стакан воды капельку лимона, это показалось огромным событием.

Н. А.: Еще бы, целый мир вкуса был выключен.

Н. М.: Вообще голодание благотворительно: оно сжигает те остатки пищи, которые постоянно находятся в кишках, покрывая их изнутри толстым слоем, и гниют. Голодание освобождает от них.

Д. Х.: Но перед началом голодания непременно надо поставить клизму. Это мне говорили и в тюрьме опытные люди. Иначе голодание опасно и вредно.

Д. Д.: Значит те явления, которые обычно наблюдают у голодающих, не обязательны?

Н. М.: Да, это отравление ядами кишечника. Люди умирают от горячки. Еще до этого они начинают вонять.

Л. Л.: Вы ведь ставили одно время себе регулярные клизмы, Д. Х.?

Д. Х.: Да, я пробовал применять учение йогов [104].

Н. М.: У моей жены есть две тетки, уже старые, они всю жизнь ежедневно ставят себе клизмы. Они выглядят сейчас, как девочки. Конечно, книги йогов написаны плохо, с глупыми цитатами, но это потому, что они писались для европейцев, рассчитаны на глупых англичан. Йоги несомненно знают что-то, чего мы не знаем, они мудрые люди. Они нашли, как правильно жить, точные правила жизненной игры. А в этом все дело.

Н. А.: Что тут особенно важного, — просто особая физкультура, физиологическая гимнастика.

Н. М.: Да, гимнастика, и начинай с нее без личных претензий.

Д. Х.: Академия художеств тоже не дает таланта, однако пройти в ней курс нужно, чтобы овладеть техникой рисования.

Л. Л.: Это ложное облегчение; нельзя учиться отдельно технике. Это приобретается при чем-то.

Д. Д.: Каждый должен черпать из своей культуры. Наша нравственная техника основана на жертве, на том, что зерно не дает ростка, если само не умрет [105]. Без этой сути техника поведения пуста.

Н. М.: Человеку зубная боль мешает думать о чем-либо, он должен прежде всего избавиться от нее. Ему указывают как, а он не хочет и еще на что-то ссылается.

Н. А.: Верно и зубная боль чем-то ценна. Ваши йоги самодовольны; это противное занятие — прислушиваться к своим кишкам.

Д. Х.: Если ты будешь ругать йогов, я пририсую к Рабле усы и проходя мимо монголобурятского общежития сделаю неприличный жест...

Тут Н. А. вдруг порозовел; он встал и, махнув в воздухе рукой, ни с кем отдельно не попрощавшись, ушел.

Н. М.: Глупо, глупо ведет себя; и всегда так, когда с ним спорят. На что обиделся? На то, верно, что когда разговаривал по телефону, Д. Х. назвал его уткой.

Д. Х.: Нет, дело в том, что он сел за диваном, вне общего внимания, ну, ему и стало потом обидно.

(Тут они были неправы: Н. А. не выносил, когда разговор превращался в краснобайство; как раз это послужило когда-то толчком к его разрыву с А. В.)

Д. Х.: Но вообще весь этот разговор о йогах пошел по какому-то неправильному пути. Бывает так, тогда разговор следует сразу прекращать. Споры всегда бесплодны, каждый говорит в них не то, что нужно.

Затем Д. Х. представлял своего воображаемого брата Ивана Ивановича [106].

Д. Х.: Это бывает с каждым: расходишься чересчур, становишься уже хвастуном, взял нотой выше, чем нужно. Как только поймашь себя на этом, сразу сбавь тон, прекрати разговор. Признаком такого экстаза от самого себя, от того, вон как ловок, служит у многих людей покраснение носа, когда они говорят.

Л. Л.: Да, сам человек еще не замечает, что ему стыдно, а нос это уже чувствует. Это самое впечатлительное место, нос. Но что такое стыд, почему при нем краснеют, еще, кажется, никто не сказал.

Д. Х.: Нахальство — самое неприятное. Я детей потому так не люблю, что они всегда нахальные.

Л. Л.: От детей нужно требовать двух вещей: правдивости и уважения к взрослым. Они должны привыкнуть к уважению, почувствовать, что есть, может быть, и непонятное, но более важное, чем сам. Иначе вырастет пустой человек. Не уважающий своих родителей становится или негодяем или неврастеником, несчастным человеком.

Затем: О занятиях.

Д. Х.: Я изобрел игру в ускоритель времени. Беру у племянника воздушный шарик, когда тот уже ослабел и стоит почти в равновесии в воздухе. И вот один в комнате, подбрасываю шарик вверх и воображаю, что это деревянный шар. Спокойно подхожу к столу, читаю, прохаживаюсь, а когда шарик уже приближается к полу, подхватываю его палкой и посылаю опять

под потолок. Другое занятие: пугать таксу. Я сделал собственное чучело из своего пальто и шляпы, показываю на него таксе и делаю вид, что сам испуган, прячусь. Такса тоже пугается до сумасшествия, лает, бежит прочь... А читать мне трудно. Я и так читаю очень медленно, а тут еще приходится делать все время «зайчики». Когда я читаю, это очень непривлекательное зрелище. Переворачивать страницы мне лень, а прекратить чтение тоже очень трудно: надо остановиться на хорошем слове.

Н. А.: Вчера я встретился с Н. М. и Д. Х., мы обличали друг друга.

Л. Л.: Разговор о личностях и отношениях — самый неинтересный разговор. Но бывает, за ним кроется нечто важное, определение позиций на будущее. Тогда это шифрованный знак еще неясного поворота.

Н. А.: Он никак не помогает делу, искусству, писанию. Для него личные дела не важны.

Л. Л.: Думаю, что важны, только связь тут не простая.

Н. А.: Были бы лишь подходящие условия для писания. Д. Х., например, нужен театр; Н. М. свой журнал; мне две комнаты, а я живу в одной.

Л. Л.: Это имеет не большее значение, чем хорошо ли очинен карандаш, какого сорта бумага. Если вам трудно, то что же сказать, например о Д. Д., Я. С., обо мне? У вас троих — Н. М., Д. Х. и у вас, — есть большие преимущества по сравнению с теми тремя. Прежде всего вы знаете точнее, что вам делать. Вам лично — писать стихи. Затем, вы талантливы; это ясно чувствуется всеми, это ценится, облегчает жизнь. Затем над вами не висит угроза самой простой гибели: не на что будет жить; в конце концов вы всегда уверены, стоит только вам захотеть, и деньги будут. Ваша жизнь легче, вы не работаете, как поденщики; а Д. Д. и Я. С. работают так. И все же мы, пожалуй, делаем больше, чем вы.

Н. А.: Мы все живем, как запертые в ящике. Больше так жить невозможно, при ней нельзя писать.

Л. Л.: Я знаю все это. Но мы не директора фабрик, для которых одиночество прекращает возможность дела. Все великие волны поднимались всегда всего несколькими людьми. У нас, мне кажется, были данные, чтобы превратить наш ящик в лодку. Это не случилось, тут наша вина. Вина А. В., которому плевать на нее, кроме личного удовольствия; в результате он не скучает только с теми, кто играет с ним в карты. Ваш разрыв с А. В. был первым знаком общей неудачи. Вина Д. Х., который при своей деланной восторженности глубоко равнодушный человек. Вина Я. С., который деспотичен, как маниак. И главная вина — Н. М. Ее трудно определить. Не в том дело, что он спокойно срывает любое общее начинание, например, словарь. Что внес, как законную вещь, ложь, и, значит, неуважение друг к другу. Он единственный мог стать центром и сплотить всех. Он всегда естественно становился на неуязвимую позицию человека, который всегда сам по себе, да-

же в разговоре, там же, где появляется ответственность и можно попасть в смешное или неприятное положение, он ускользает.

Н. А.: Напрасно вы вините. Просто люди разные и не было желания грести вместе. Свободы воли ведь нет. Это яснее в искусстве. Надо писать как можно чаще, потому что удача зависит не от тебя, пусть будет хоть больше шансов.

Л. Л.: Пусть вы только проводник, но от вас зависит продолжать быть проводником или нет, хорошим или плохим.

Н. А.: К этому все и сводится: создать такие условия, дать максимум в искусстве. Ящик оказался плохим помещением, значит, следует его разломать и выйти из него. Что ж, компания распадается. Когда у меня в гимназии были товарищи, тоже казалось, неужели я буду без них. Но жизнь все время создает новое. Сейчас дело уже не в компании, сейчас — спасайся, кто может.

Л. Л.: Да, кто может, спасется. Но я думаю, что это был единственный возможный выход. А теперь ясно, оставлен на самого себя.

Н. А.: Главное, уже не весело вместе. Видали вы, как Н. М. едет в гости. Унылый, воротник поднят, кепочка маленькая, длинный нос опущен книзу, в кармане стручок перца на случай если будет водка.

Л. Л.: На что похоже время? Самый этот вопрос кажется странным. Так привыкли мы к тому, что время единственно, всеобъемлюще, ничего подобного ему нет, мы находимся в нем, как в воздухе.

Его и не замечали сначала, как воздух. Но в воздухе есть свои зоны сгущения, разряжения, есть его несовпадения с движением человека, ветер. Это позволило его исследовать. И время тоже не однообразно.

Если бы удалось, хотя бы мысленно, выкачать время, поняли <бы>, как будет без него.

Мы ощутили <бы> неискоренимое удивление: как это может быть — было и нет. Или все всегда существует или ничего и никогда не существует. Очевидно, есть какая-то коренная ошибка, от которой надо освободиться, чтобы понять время. И мы нащупываем среди обыденных вещей те, которые многозначительны, точки, под которыми спрятаны ходы внутрь. Мы хотим распутать время, зная, что вместе с ним распутывается и весь мир, и мы сами. Потому что мир не плавает по времени, а состоит из него.

Время похоже на последовательность, на разность и на индивидуальность. Оно похоже на преобразование, которое кажется разным, но остается тождественным.

Мы хотим видеть уже сейчас так, как будто мы не ограничены телом, не живем.

На этом кончается запись разговоров. Разговоры происходили и 1933 и 1934 гг. В них участвовало семь человек.

Зачем я предпринял эту неблагодарную работу? И как хватило терпения ее довести до конца?

Меня интересовало фотографирование разговоров, то, чего, кажется, никто не делал: я пробовал сохранить слова нескольких связанных друг с другом людей в период, когда связь их стала разрушаться; мне хотелось составить опись собственных мыслей, чтобы знать, что делать дальше.

<1933—1934>

[1] Ср. стихотворения Олейникова: «Кузнечик, мой верный товарищ...», «Муха», «Таракан», «Из жизни насекомых», «Жук-антисемит» и др. (соотв. № 2, 56, 57, 58, 61—67 по изд.: Олейников Н. Пучина страстей. Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург и А. Н. Олейникова; сост., подг. текста и примеч. А. Н. Олейникова. Л., 1990 (далее — *Пучина страстей*). Известно, что у Олейникова дома была энтомологическая коллекция.

[2] Ср. в стих. «Служение Науке»: «Везде преследуют меня <...> / Мечты о спичках, мысли о клопах, / О разных маленьких предметах» (*Пучина страстей*. № 27).

[3] Ср. стих. «Озарение» (*там же*. № 28). в котором, возможно, пародируется чинарская идея «иероглифов» (см. ниже).

[4] Ср. стихотворения из цикла «Столбцы»: «Футбол», «На рынке», «Свадьба» и др. (См. напр.: Заболоцкий Н. Собрание сочинений в трех томах. Том первый. М., 1983 (далее — *Заболоцкий*). Соотв. С. 343, 352, 357).

[5] Пренебрежительные высказывания о французах встречаются и ниже в «Разговорах».

[6] К 1933 году относится поэма Заболоцкого «Птицы» (*Заболоцкий*. С. 112).

[7] Вариант этого текста (возможно, запись, сделанная Хармсом по просьбе Липавского) воспроизведен в публ.: Дневниковые записи Даниила Хармса. Публ. А. Устинова и А. Кобринского // *Минувшее*. Вып. 11. Париж, 1991 (далее — *Минувшее*). С. 471—472; Хармс Д. «Боже, какая ужасная жизнь и какое ужасное у меня состояние». Записные книжки. Письма. Дневники. Публ. В. Глоцера // *Новый мир*. 1991. № 2. С. 193—195 (далее — *НМ*).

[8] Ср. трактат Хармса под таким названием. (Здесь и далее тексты, воспроизведенные в том же издании — журнале «Логос», — упоминаются без дополнительных ссылок).

[9] Многие тексты Хармса связаны с построением и нарушением числовых последовательностей; ср. трактат «Числа не связаны порядком...»

[10] В записях Хармса нередко встречаются знаки и графические символы; часть их, в т. ч. хармсовская «тайнопись», поддастся расшифровке и толкованию. См. об этом: Никитаев А. «Тайнопись» Даниила Хармса. Опыт дешифровки. // Даугава. 1989. № 8. С. 95—99; Герасимова А., Никитаев А. Хармс и «Голем». // Театр. 1991. № 11 (далее — *Teamp*). С. 36—50.

[11] Ср. известную запись Хармса «Меня интересует только чушь...» (см.: *НМ*. С. 218).

[12] О людях этого типа, людях «с улицы», которым свойственны, в частности, «некоторый алогизм в стиле мышления и иногда творческая сила, неожиданно пробужденная психической болезнью», и к которым всегда тянуло Хармса, вспоминал его друг В. Н. Петров. См.: Петров В. Н. Даниил Хармс // Публ. В. Глоцера. // Панорама искусств 13. М., 1990. С. 243.

[13] Ср.: Герасимова А. Даниил Хармс как сочинитель: Проблема чуда. (Статья была опубликована в журнале «Литературное обозрение» году в 1993; есть в интернете на сайте utka.ru).

[14] По воспоминаниям, Хармс любил и умел показывать фокусы, носил для этого с собой раскрашенные шарики для пинг-понга. См., напр.: Портрет А. И. Воспоминания о Данииле Хармсе // Публ. В. Глоцера. Панорама искусств 3. М., 1980. С. 358—359.

[15] Одно из свидетельств этого хармсовского интереса — сохранившиеся в его бумагах планы воображаемых квартир (ср. о них ниже в тексте «Разговоров»).

[16] К этому времени (1933) относится так называемый «дневник» Хармса, в котором он вел практически ежедневную запись событий (воспроизведен в изданиях, упомянутых в примеч. 7). Известна также более поздняя запись в «голубой тетради»: «Каждый день раскрывай эту тетрадку и вписывай сюда не менее полстраницы. Если нечего записать, то запиши хотя бы по примеру Гоголя, что сегодня ничего не пишется» (*НМ*. С. 215).

[17] «Колесо» — один из важных для Хармса иероглифов (здесь и далее это слово употребляется в «чинарском» смысле), очевидно, связанный с понятием «чистоты» и «реальности искусства». Так, напр., в письме к К. Пугачевой от 16 октября 1933 г. Хармс пишет: «Я не знаю каким словом выразить ту силу которая радует меня в Вас. Я называю ее обыкновенно *чистой*» (далее в черновике зачеркнуто:) «или водой или вертящимся колесом» (Фонд Друскина в РНБ (далее — *Фонд*), № 395. Л. 6.). Ниже в письме речь идет о том, что настоящее искусство, обладающее «чистотой порядка», принадлежит к «первой реальности», «оно обязательно реально». (Письма Хармса к К. Пугачевой см., напр.: Хармс Д. «Я думал о том, как прекрасно все

первое!»// Публ. В. Глоцера. // Новый мир. 1988. № 4. С. 133—142). О связи воды с колесом ср. в стих. 1933 г. (2 сентября) без названия, которое начинается так: «Я понял будучи в лесу / вода подобна колесу» и, судя по окончанию («я лег / и мысли больше нет»), описывает своего рода медитативное состояние. Сохранилось выполненное Хармсом изображение «колеса» с подписью «REAL» (воспр. в изд.: Хармс Д. Полет в небеса // Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. А. А. Александрова. Л., 1988. С. 5; (далее — *Полет в небеса*) в цвете — на 1-й стр. обложки журнала *Temp*).

[18] О «каббалистических» занятиях Хармса говорится, в частности, в вышеупомянутой статье «Хармс и “Голем”» (*Temp*).

[19] «Иероглиф двузначен, — писал Я. С. Друскин в своем исследовании творчества Введенского «Звезда бессмыслицы», — <...> собственное значение иероглифа — его определение как материального явления — физического, биологического, физиологического, психофизиологического. Его несобственное значение не может быть определено точно и однозначно, его можно передать метафорически, поэтически, иногда соединением логически несовместных понятий, т. е. антиномией, противоречием, бессмыслицей. Иероглиф можно понимать как обращенную ко мне непрямую или косвенную речь нематериального, то есть духовного или сверхчувственного, через материальное или чувственное» (*Фонд*. № 15. Л. 5; также: *Аврора*. С. 109). Термин «иероглиф» был введен в круг «чинарей» Липавским. Ниже в «Разговорах» можно найти смутные упоминания о некоем словаре иероглифов, который участники «Разговоров» намеревались совместно составлять, и разбираются причины, по которым идея не была осуществлена. (Попытку выстроить подобный «словарь» на основе личного языка Введенского см.: Герасимова А. Уравнение со многими неизвестными. Личный язык Введенского как система знаков // Московский вестник. 1990. № 7 (далее — *МВ*). С. 192—206; к сожалению, вместо термина «иероглиф» в этой статье употребляется неудачное выражение «символ-знак»).

[20] Одно время Липавский вел запись своих снов (тетрадь «Сны». *Фонд*. № 68). Аналогичные записи, выросшие в целое философское произведение «Сон» (часть книги «Сон и явь»), есть и у Друскина. Между прочим, достоверно известно, что записью (собираaniem) чужих снов занимался как раз в то время (нач. 1930-х гг.) и бывший обэриут Конст. Вагинов; см. его роман «Гарпагопиана» (одно из предварительных названий — «Собира-тель снов»), напр., в собр.: Вагинов К. Козлиная песнь: Романы. / Вступ. ст. Т. Л. Никольской, примеч. Т. Л. Никольской и В. И. Эрля. М., 1991.

[21] Ср. ниже в тексте о «волновом строении мира» (примеч. 35).

[22] Ср. трактат Липавского «Головокружение» (*Фонд*. № 60).

[23] Ср. в трактате Липавского «Исследование ужаса» (*Фонд*. № 61).

[24] Там же.

[25] Ср. в трактате Хармса «Предметы и фигуры»: «такой предмет РЕЕТ».

[26] Очевидно, небольшой прозаический текст Введенского «Заболевание сифилисом, отрезанная нога, выдернутый зуб»: «<...> Выдернутый зуб. Тут совпадение внешнего события с временем. Ты сел в кресло. И вот пока он варит щипцы, и потом достает их, на тебя начинается надвигаться время, время, время, и наступает слово вдруг и наступает наполненное посторонним содержанием событие. И зуб исчез. Все это меня пугает. Тут входит слово никогда». По воспоминаниям близких, Введенский боялся зубного врача (см. воспоминания Е. С. Коваленковой в наст. изд.).

[27] Неоднократные встречи и беседы во сне с покойным Л. В. Георгом, преподававшим словесность в гимназии им. Лентовской, где учились Друскин, Липавский, Введенский, описаны Друскиным в упоминавшемся дневнике (не назвать ли его «ночником») — исследовании «Сон». Об этом сне и его возможном толковании см. в упоминавшейся статье «Даниил Хармс как сочинитель: Проблема чуда».

[28] См. примеч. 19.

[29] Текст поэмы не сохранился.

[30] Ср. известный «случай» Хармса под названием «Встреча». (Полный текст: «Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе во свояси. Вот, собственно, и все»).

[31] Исследование Друскина «Вестники и их разговоры», в котором идет речь о параллельном мире и населяющих его существах (Фонд. № 5).

[32] Имеется в виду «критическая философия» Иммануила Канта («Критика чистого разума» — 1781, «Критика практического разума» — 1784, «Критика способности суждения» — 1790).

[33] Ср. рассуждения о том же в «серой тетради». Характерный «модернистский» образ рассыпавшегося мира возникает у Введенского также в поэме «Кругом возможно Бог» («Весь рассыпался мир»), стих. «Четыре описания» («Не разглядеть нам мир подробно, ничтожно все и дробно») и в некоторых других текстах. Здесь же, не настаивая и не проверяя, но памятуя о китайской составляющей фрагментарного образования Введенского, интересно процитировать деталь из частного письма Н. А. Сосновского, которое совпало по времени с подготовкой настоящего издания: «Вообще вся китайская символика на 90% строится на омонимичности звучания, а не как у нас — на ассоциации образов. Вот число “4” плохое не потому, что числовое значение какое-то не такое, а просто “четыре” омонимично “смерти”».

[34] Трактат Липавского «Теория слов» (Фонд. № 58) является попыткой самостоятельно построить теорию происхождения и функционирования слов.

[35] Иероглиф «волна» как знак относительности, колебания между жизнью и смертью, предметным и не предметным мирами важен и в системе иероглифов Введенского (ср.: *МВ*. С. 201).

[36] Об этой теории Липавского и перекличке ее с теориями американского лингвиста Б. Л. Уорфа упоминает Друскин в «Чинарях» (*Аврора*. С. 113).

[37] Значение этого звуко сочетания остается пока что темным. Можно, однако, вспомнить здесь аналогичное темное место у Хармса в «Правилах жизни», составленных им в ноябре 1927 г., где пункт 5-й обозначен как «п — р», без каких-либо объяснений. (См.: *Минувшее*. С. 445).

[38] Трактат Я. С. Друскина (*Фонд*. № 6) — попытка построить логико-философскую систему от нуля, при помощи первичных логических понятий и операций. Очевидно, этим трактатом инспирировано стихотворение Хармса «Нéтеперь».

[39] Ср. в письме Друскина к Хармсу «Как меня покинули вестники» (1937): «Я думал написать словарь или собрание исследований и каждое начиналось бы так: «Вот что сказал ученик Фалеса, когда учитель замолчал, так как вдохновение покинуло его».

[40] Л. В. Георг.

[41] Начало стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминание» (1828).

[42] Т. е. стих. «Хвала изобретателям» (*Пучина страстей*. № 26), 1932, где, в частности, есть следующая строка-обращение Олейникова к изобретателям различных «мелких и смешных приспособлений»: «Бирюльки чудные, — идеи ваши — мне всего дороже!»

[43] Марр Николай Яковлевич (1864/65—1934) — лингвист, востоковед, автор «яфетической теории» происхождения языков («Новое учение о языке»).

[44] Ср. в стих. Заболоцкого «Школа Жуков» (1931): «Время кузнечика и пространство жука — Вот младенчество мира» (*Заболоцкий*. С. 112).

[45] Фламарион Камиль (1842—1925) — французский астроном.

[46] Ср. примеч. 15. Об этой же привычке Хармса пишет Друскин в «Чинарях» в связи с «бытностью» Хармса, то есть с его вниманием к быту, к мелочам и деталям повседневной жизни.

[47] Джинс Джеймс Хопвуд (1877—1946) — английский физик и астрофизик, чьи книги издавались в русском переводе: «Вселенная вокруг нас» в 1932, «Движение миров» — в 1933 г.

[48] Берг Лев Семенович (1876—1950) — физико-географ и биолог, с 1946 г. академик, в 1918—1930 профессор географии Петроградского / Ленинградского университета, автор ряда работ, в том числе «Номогенеза» — теории эволюции живых существ, которая в 30-е годы была подвергнута суровой критике как противоречащая основам дарвинизма.

[49] Ср. свидетельство А. Гитовича о Заболоцком, который сказал ему в 1927 г.: «Я, знаете, не читаю Пастернака. Боюсь, еще начнешь подражать» (в кн.: Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы». Изд. 1-е. Л., 1968. С. 103).

[50] Увы, об этой «автобиографии» нам больше ничего не известно.

[51] Деталь, отмеченная несколькими мемуаристами. Так, И. Рахтанов пишет: «Он расхваливал мне боксерские ботинки, которые купил накануне. Ему очень хотелось, чтобы все сотрудники его журнала обзавелись такими же удобными, легкими, недорогими». (Рахтанов И. Рассказы по памяти. М., 1971. С. 109).

[52] Имеются в виду беседы гоголевского героя с нищими: «Гм! что ж тебе разве хочется хлеба?» обыкновенно спрашивал Иван Иванович. «Как не хотеть! голодна, как собака». — «Гм!» отвечал обыкновенно Иван Иванович: «так тебе, может, и мяса хочется?... Ну, ступай же с Богом... ведь я тебя не бью!» («Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

[53] Стихотворение «Мне жалко, что я не зверь...» («домашнее» название — «Ковер гортензия»).

[54] Строка из стихотворения В. Хлебникова «Люди, когда они любят...» (1911).

[55] Иначе «Учение о цвете» (конец 1820-х гг.) — теоретическое сочинение И.-В. Гете о природе цвета и цветовосприятии, направленное против ньютоновской теории цвета.

[56] Есть разноречивые воспоминания современников о комнате Хармса: одним запомнилась «левая», авангардистская комната, украшенная разными забавными приспособлениями, другие утверждают, что комната была вполне обычная. Очевидно, комната, где жил Хармс до этого «переселения», была «левой», а та, в которую он переселился (в той же квартире) — «обычной».

[57] Впервые теория «полой вселенной» была выдвинута американцем Дж. К. Саймсом (John Cleves Symmes), бывшим пехотным капитаном, который в 1818 г. разослал всем членам конгресса письмо, где говорилось: «ВСЕМУ МИРУ. Я заявляю, что земля полая и населена внутри <...> Я обязуюсь доказать реальность выдвигаемой мною мысли и готов исследовать внутренность земли, если мир согласится помочь мне в моем предприятии». По его мысли, внутри земли находятся пять концентрических сфер, обитаемых как снаружи, так и изнутри; благодаря отверстиям на полюсах можно перемещаться с одной сферы на другую. В 1869 г. аналогичное озарение снизошло на другого американца: Сайрус Рид Тид, специалист по алхимической литературе, стал издавать газету «Огненный меч», к концу ве-

ка собрал более 4000 фанатиков и основал свою религию, построенную на идее полой земли. В 1914 г. на старые номера «Огненного меча» случайно наткнулся немецкий авиатор Бендер. В своей теории он использовал также идеи американца Маршала Б. Гарднера, доказывавшего в работе 1913 г., что солнце находится не над землей, а внутри, причем его лучи оказывают на жителей земли давление, удерживающее их на вогнутой поверхности. Наружная поверхность сферы представляет собой бесконечную каменную скалу; в центре сферы — абсолютная пустота, в которой находятся Солнце, Луна и призрачный мир (шар синеватого газа, в котором мерцают зернышки света, принимаемые нами за звезды). В тридцатые годы учение Бендера распространилось среди немецкого офицерства, затем стало одной из официальных космологических теорий немецкого рейха, одобренных самим фюрером. В 1943 г., однако, эта теория потерпела крах, не подтвердившись на практике: пытаясь обнаружить английский флот, немцы направили радары прямо в небо, но не получили желаемого результата. (Этой справкой я обязана М. Д. Столповскому, в свое время обратившему мое внимание на соответствующий эпизод заварильной, но увлекательной книжки: Повель Л., Бержье Ж. Утро магов. Власть магических культов в нацистской Германии. (Пер. с франц.) М., 1991. Есть сомнение, что фамилия первого теоретика «полой вселенной» произносится именно так; в книге он назван «Саймонсом».) Отмечу, что в бумагах Хармса имеется чертеж «полой вселенной», на котором обозначены следующие концентрические сферы (от края к центру): «Земная кора на которой мы живем»; «Море лав»; «Огненное кольцо Тартарара»; «Празвезды»; «Пустота»; «Кольцо движения»; «Кора Земля век» (?); «Жидкая Радуга»; «Яйцо Мира или Ноль».

[58] Ср. «Душевный праздник» Друскина.

[59] «Гильгамеш» — шумеро-аккадский мифологический эпос (3-е — нач. 2-го тыс. до н. э.).

[60] Очевидно, речь о романе «Убийцы вы дураки», который считается утраченным и пока не обнаружен.

[61] Ср. письмо Заболоцкого к Введенскому «Мои возражения...», где он упрекает последнего в «слепоте».

[62] Выполненное Заболоцким переложение этой книги для детей печаталось в № 4—10 журнала «Еж» за 1934 год, затем вышло отдельным изданием: Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. Для детей обраб. Н. Заболоцкий. (Илл. Г. Доре, послесл. и примеч. Б. Реизова). М.; Л., 1935. Ср. статью Заболоцкого «Рабле — детям» (*Заболоцкий*. Т. 1. С. 525—530).

[63] Пиранези Джованни Баттиста (1720—1778) — итальянский рисовальщик и гравёр, часто изображавший зарастающие развалины.

[64] Лиссабонское землетрясение произошло в 1755 г.

[65] То же самое сказано Друскиным о Хармсе в «Чинарях».

[66] Морозов Николай Александрович (1854—1946) — ученый, автор ряда трудов по химии, физике, астрономии, математике, истории, частично написанных в заключении: за участие в «Народной воле» Морозов был приговорен к вечной каторге, просидел в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях с 1882 по 1905 гг.

[67] Ср. примеч. 28.

[68] Против Локка была направлена «Теодицея» (1710) Г. В. Лейбница.

[69] Ср. примеч. 26.

[70] «П». — Пропп Владимир Яковлевич (1895—1970), филолог, фольклорист, с 1936 г. профессор Ленинградского университета; ср. его «Морфологию сказки» (1928), «Исторические корни волшебной сказки» (1946).

[71] «Книга мертвых» — древнеегипетский мифологический текст, составлявшийся начиная с периода Нового царства (с 18 в. до н. э.) и до конца истории Древнего Египта.

[72] Очевидно, к «Книге мертвых» восходит одно из письменных заклинаний Хармса, снабженное магическим рисунком: «Я о, я сирь, я ись...» (Автограф опубл. А. Александровым: *Полет в небеса*. С. 129; см. также «Хармс и “Голем”» (*Teamp*)).

[73] Подробнее об этом — в трактате Липавского «Исследование ужаса».

[74] Ср. примеч. 28.

[75] Тураев Борис Александрович (1862—1920) — востоковед, историк, филолог, академик Российской АН, автор, в частности, трудов по истории религии.

[76] Эккерман Иоганн Петер (1792—1854) — немецкий писатель, секретарь и друг И. В. Гете, чьи «Разговоры с Гете в последние годы его жизни» (1837—1848) впервые полностью вышли по-русски в 1934 г.

[77] Ср. в тексте Хармса «Однажды я пришел в Госиздат...», который можно приблизительно датировать тем же 1934 годом: «Теперь я все понял: Леонид Савельевич немец. У него даже есть немецкие привычки. <...> Даже по ногам видно, что он немец».

[78] Имеется в виду «Прощальная симфония» (1772) И. Гайдна.

[79] Стихотворение А. С. Пушкина (1829).

[80] Ср. в дневнике Е. Шварца: «он <Олейников> даже как-то предупредил меня, что близких людей нет у него. Что если ему будет нужно, то он и меня уничтожит. ... Да, он, вероятно, мог убить, но при случае и не в свою пользу» (Шварц Е. Живу беспокойно... Из дневников / Сост., подг. текста и примеч. К. Кириленко. М., 1990).

[81] Ср. примеч. 28.

[82] Речь идет об «Илиаде» Гомера.

[83] «Торжество Земледелия» (1929—1930) — поэма Заболоцкого, встреченная в штыки догматической критикой.

[84] По-видимому, речь идет о присуждении Нобелевской премии по физике в 1933 г. Э. Шредингеру и П. А. М. Дираку за создание квантовой механики. (Подсказано А. Т. Никитаевым).

[85] Утверждение достаточно голословное. Но из текстов Введенского можно заключить о той связи в его поэтике (т. е. подсознании), которая существует между иероглифами «лодка», «море», «музыка». Отмечу также, что мотив лодки, корабля, вообще передвижения по воде (традиционный мифопоэтический способ переправы в иной мир) играет немалую роль и в детских стихах Введенского, где присутствует, разумеется, в «снятом» виде.

[86] Дармакирти (Дхармакирти), Дигнага — индийские философы 5—7 вв., представители буддийской логики.

[87] Журден в пьесе Мольера «Мещанин во дворянстве» (действие 2, явл. 6).

[88] Здесь и ниже речь идет о книге французского энтомолога Ж. А. Фабра «Жизнь насекомых».

[89] Ср. в «Разговорах вестников»: «Меня интересует неподвижность деревьев. <...> Меня интересуют деревья в саду во время дождя. В их расположении я заметил небольшую погрешность. <...> Меня интересуют корни деревьев, скрытые под землей, то место, где они выходят наружу и гладкий ствол» (1933, *Фонд*. № 5. С. 19). Ср. в письме Хармса к Друскину «Пять неоконченных повествований» (1937) из тетради «Гармониус»: «14. Долго шумел философ. Но мы оставим эту шумную повесть и перейдем к следующей тихой повести о деревьях. 15. Философ гулял под деревьями и молчал, потому что вдохновение покинуло его». (Ср. примеч. 39).

[90] Ср. в «Серой тетради»: «Про человека, который раньше одевал шапку и выходил на улицу, мы говорили: он вышел на улицу. Это было бессмысленно. Слово вышел, непонятное слово. А теперь: он одел шапку, и начало светать, и небо взлетело как орел».

[91] См. примеч. 60.

[92] Т. е., стих. «Мне жалко, что я не зверь...»; см. примеч. 53.

[93] Ср. рассуждение о подарках в хармсовском «Трактате более или менее по конспекту Эмерсена».

[94] Ср. стих. Хармса «Баня» (в подборке текстов: Хармс Д. «Голые люди дерутся ногами...» // Россия. 1991. № 7 [15]. 16—22 февр. Публ. В. Глоцера).

[95] Ср. в «Исследовании ужаса».

[96] Картина И. Е. Репина.

[97] Начало стих. А. С. Пушкина «Похоронная песня Иакинфа Маглановича» (из «Песен западных славян», 1834). Ниже имеются в виду строки: «Дочь моя живет в Лизгоре; / С мужем ей не скучно там...».

[98] См. примеч. 84.

[99] Строка из песни председателя в пушкинском «Пире во время чумы» (1832).

[100] Начало стих. Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1836). Имеются в виду, очевидно, известные строки из этого стихотворения: «Счастлив [Блажен], кто посетил сей мир / В его минуты роковые...», соотносимые с предыдущей цитатой из Пушкина.

[101] В отрывке из «Разговоров», приведенном Т. Липавской, после этого идет цитата из стих. Введенского «Четыре описания»: «И признак жизни уходил из вен и из аорт» — очевидно, более позднее примечание Друскина или самой Липавской.

[102] Ср. в «голубой тетради» Хармса: «Спи мой мальчик и не пугайся глупых снов. Глупые сны от желудка».

[103] См. примеч. 20.

[104] В молодости Хармс интересовался учением йогов. Об этом говорят и выписанные в записных книжках названия соответствующих книг, и, например, такие записи: «Изучай и пользуй хатху и карму йогу» (вышеупом. «Правила жизни» 1927 г. — *Минувшее*. С. 445); через десять лет: «Когда-то у меня была поза индейца, потом Шерлока Холмса, потом йога, а теперь раздражительного неврастеника» (*там же*. С. 498).

[105] Пересказ слов Христа: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин: 12, 24); эти же слова Ф. М. Достоевский поставил эпиграфом к роману «Братья Карамазовы».

[106] О подобных хармсовских «представлениях» есть свидетельства в мемуарах; опубликована фотография, на которой Хармс «изображает своего несуществующего брата — Ивана Ивановича Хармса, бывшего приват-доцента Санкт-Петербургского университета» (*Полет в небеса*. С. 352; *МН*. С. 63; также в наст. изд.).

А. Герасимова

Бедный всадник, или Пушкин без головы. Реконструкция одного сна¹

«Горит бессмыслицы звезда...» — на все лады, особенно после публикации фрагментов исследования Я. С. Друскина «Звезда бессмыслицы», склоняют эту строчку Введенского из финала КВБ. Однако, как кажется, собственно бессмыслицы в его стихах нет. Все детали в высокой степени обусловлены, а бессмысленны они лишь постольку, поскольку бессмысленно сообщение на чужом языке: так иероглифическая надпись представляется непосвященному набором картинок. Именно «иероглифом», вслед за

¹ Для удобства и в целях экономии места в статье приняты следующие условные сокращения: «Медный всадник», петербургская повесть А. С. Пушкина — МВ; тексты А. И. Введенского: «Минин и Пожарский» — МиП; «Седьмое стихотворение» — 7С; «На смерть теософки» — НаСТ; «Ответ богов» — ОБ; «Все» — В; «Больной который стал волной» — БКСВ; «Пять или шесть» — 5/6; «Две птички, горе, лев и ночь» — 2Пт; «Зеркало и музыкант» — ЗиМ; «человек веселый Франц...» — ЧВФ; «снег лежит...» — СЛ; «Святой и его подчиненные» — СиЕП; «Факт, теория и Бог» — ФТБ; «Битва» — Б; «Значенье моря» — ЗМ; «Кончина моря» — КМ; «Суд ушел» — СУ; «Кругом возможно Бог» — КВБ; «Куприянов и Наташа» — КиН; «Мир» — М; «Гость на коне» — ГНК; «Четыре описания» — ЧО; «Очевидец и крыса» — ОИК; «Приглашение меня подумать» — ПМП; «Мне жалко что я не зверь...» (домашнее название «Ковер гортензия») — КГ; «Сутки» — С; «Потец» — П; «Некоторое количество разговоров» — НКР; «Елка у Ивановых» — ЕуИ; «Элегия» — Э; «Где. Когда» — ГК; «Серая тетрадь» — СТ. При ссылке на издание: Введенский А. И. Полное собрание произведений: В 2 т. М.: Гилея. 1993. (Вступ. ст. и примеч. М. Мейлаха. Сост. и подг. текста М. Мейлаха и В. Эрля) указывается только номер тома и страница.

чинарями, будем называть элемент «личного языка» Введенского — неудавшегося китаиста. Опорное положение, позволяющее сопоставлять тексты Введенского определенным образом и делать из этого соответствующие выводы, следующее: состояние сознания, породившего эти тексты, близко к «сумеречному», на грани света и тьмы, яви и сна, жизни и смерти, и основную креативную роль играет подсознание со своими детскими занозами, смысловыми сращениями и зацепками. Исследователь текста уподобляется археологу или детективу, по мелким уликам восстанавливающему картину некогда бывшего происшествия. Введенский для такого исследования-расследования — случай идеальный, в его текстах практически не отражены обстоятельства и события его внешней жизни, даже «духовной». В силу этого воспоминания современников не могут помочь восстановить картину жизни Введенского как нечто цельное, и даже зная в общих чертах канву, мы чувствуем, как все распадается на крупички разрозненных эпизодов. Меньше всего известно нам о детстве Введенского, и больше всего говорят об этом детстве его стихи, — если, конечно, читать их определенным образом.

Вообще детские впечатления — одна из главных составляющих обэриутского мира. Не воспоминания детства, не гальванизированная наивность и т. н. «свежесть восприятия», а скорее раскопанные из подсознания консервы, частью испорченные, претерпевшие необратимые изменения — протухшие, попросту говоря. Угощение, прямо скажем, на любителя. Но именно здесь можно отыскать заржавевшие ключи, которыми отпираются дверцы смыслов «бессмысленного», на сторонний взгляд, текста. Одним из этих ключей, одной из главных детских «заноз» Введенского представляется петербургская повесть А. С. Пушкина «Медный всадник» — произведение чрезвычайно важное для «петербургского текста» русской культуры, в частности, культуры 20-х — 30-х годов. Наш случай, однако, стоит особняком в привычном ряду культурной преемственности, одухотворенной сопротивлением насильственной смене эстетических ценностей (как, например, у пост-акмеистов, «ленинградских петербуржцев», учеников Н. С. Гумилева). Позже на детское восприятие наложились культурно-исторические сведения и причудливо с ними переплелись. Ниже мы постараемся показать это непосредственно на текстах, но начнем с навязчивой картинки: серый, ветреный денек, маленький Введенский гуляет с няней возле памятника Петру I и, возможно, слушает соответствующие стихи.

Николай Асеев на поэтической дискуссии ВССП в 1931 году критиковал обэриутов за «сомнамбулическую зачарованность стариной», за то, что пишут они так «не в шутку, не из баловства <...>, а всерьез полагая, что ими достигнута предельная простота и ясность неопушкинцев, та легкость

и непритязательность, которая вскользь отмечена Пушкиным как глуповатость поэзии», но «попытки восстановить нормальные эстетические каноны Пушкинской школы не только не приближают поэтическую практику этой группы к проблемам соцстроительства, а, наоборот, <...> уводят их через словарь, ритм, синтаксис, фонiku, рифму далеко назад» (цит. по: т. 2. С. 155—156).

Здесь есть рациональное зерно; вспомним одно из предварительных самоназваний будущих обэриутов — «Академия левых классиков». Фигура Пушкина явно интересовала Введенского: едва ли не единственное свидетельство самого поэта о том, что он что-то читает, находим в «Разговорах» Л. С. Липавского (запись бесед в кругу чинарей): «Я читаю Вересаева о Пушкине»; там же «А. В. нашел в себе сходство с Пушкиным» (это, впрочем, шутка: «Пушкин тоже не имел чувства собственного достоинства и любил тереться среди людей выше его»); там же Пушкин упоминается во фрагменте утраченной «Автобиографии»: «Гениальному мужчине / Гете, Пушкин и Шекспир, / Костомаров и Пуччини / Собрались устроить пир». Имя Пушкина встречается у Введенского неоднократно. Вздох о Пушкине — обрамление всего творчества Введенского, как целого, это начало и конец. «О Пушкин, Пушкин» — в МиП (1926), где вторая строка одного из первых же монологов — «пушки воздух теребят»; фонетическая переключка с фамилией поэта одновременно вводит генетически связанную с его творчеством тему битвы (см. ниже). В тексте поэмы, перегруженном, подобно взбесившемуся учебнику, именами собственными (как выдуманными, так и реальными: тут и князь Меншиков, и Борис Годунов, и Хлестаков, и Минин с Пожарским, и Разин, и Рабиндранат Тагор), Пушкин появляется еще дважды: «тот Пушкин был без головы / то знали львы не знали вы»; «не все напишете в письме / на это Пушкин отвечал». В последнем же — и хронологически, и по ощущению — тексте, ГК <1941>, вздох о Пушкине оказывается последним вздохом умирающего (умершего?) героя: «он припомнил весь миг своей смерти. <...> Всю ту — суету. Всю рифму. Которая была ему верная подруга, как сказал до него Пушкин. Тот самый Пушкин, который жил до него. <...> Ах Пушкин. Пушкин». Надо думать, рифма, верная подруга — вещь немаловажная, раз вспоминается в смертный час. И действительно, легкая, естественная, вполне традиционная (за немногими ранними исключениями) рифма у Введенского играет едва ли не текстообразующую роль: подсознательно «выскакивающая» рифма пользуется доверием поэта и беспрепятственно тянет за собой ворох цепляющихся друг за друга смыслов. Именно поэтому столь важны у него традиционные, часто «пушкинские» повторяющиеся смысловые рифмы, которые мы назвали «привычными»: море — горе, кумир — мир, конь — огонь, свечка — речка — печка,

волны — челны и т. п. Есть и прямые аллюзии, например, в зачине ОБ («жили были в Ангаре / три девицы на горе <...> / третьей прозвище Татьяна / так как дочка капитана»), но и по поверхностному впечатлению стих Введенского — как бы разложенный, перепетый пушкинский, причем воспринятый вначале на слух, еще не готовым к логическому осмыслению сознанием: сонным, детским, «без головы»; так, например, enjambements оно, как увидим ниже, не воспринимает. Вообще принятое у нас чтение Пушкина маленьким детям провоцирует их на ответные действия; однажды, например, довелось наблюдать, как семилетний мальчик, прослушав МВ, в течение двух часов исходил детски-алогичными пушкинообразными стишками. Как кажется, младенческие впечатления Введенского от этого текста дали первые всходы в 20-х годах; первый урожай засеялся «самосевом», второй же взошел и был осмыслен автором уже более сознательно, на фоне культурных реминисценций, на мощной мифопоэтической подкладке, к концу 30-х, результатом чего явилась главным образом небольшая пьеса «Потец».

Беремся утверждать, что именно «Медному всаднику» Введенский обязан рядом важнейших иероглифов. В целях как-то систематизировать наши наблюдения, распределим их по трем разделам: 1) сюжеты; 2) операторы; 3) персонажи.

1. Сюжеты

Каков сюжет самого МВ?

1. Царь задумал построить город.
2. Рождение города. (Апология города).
3. Экспозиция Евгения.
4. Поворот реки «обратно». «Казнь» — наводнение.
5. Евгений на льве, кругом вода: не сон ли?
6. Река отступает.
7. Путешествие в лодке.
8. Отчаяние Евгения. (Утопшая девица).
9. Сон — уже без вопроса. Евгений — ни жив, ни мертв.
10. Евгений «проснулся».
11. Бунт и бегство.
12. Смерть.

В этом сюжете три составляющих внешних, исходящих от царя и стихии (рождение города, наводнение, утопшая девица) и три внутренних (сон, путешествие в лодке, бегство). Все они так или иначе отражены в текстах Вве-

денского, которые, в силу общности эволюционирующих, но в целом постоянных иероглифов, есть смысл рассматривать как единую «сверхповесть».

1. *Рождение города*. Этот сюжет проявлен у Введенского слабее других, но опосредованное присутствие пушкинского зачина вполне ощутимо. Главное качество основанного Петром города, которое определяет дальнейший ход событий — это его местонахождение: «Под морем город основался». Приняв допущение, что рецепиентом исходного текста является детское сознание, мы можем представить себе, как трансформируется и какими подробностями обрастает в нем образ «города под морем» — не «ниже уровня моря», как мигом смекнет сознание взрослое, а именно под морем, на дне; город мертвых, которым и после Петра правит, как явствует из текста, «покойный царь», да еще с «полночной царицей». Иероглиф *море*, в традиционном мифопоэтическом значении — засмертная стихия, наиболее полно раскрывается в ЗМ и КМ, где выстраивается (ЗМ), а затем разрушается (КМ) миф о посмертном уходе людей в море и последующем выходе из него. Здесь же упомянем тексты других обэриутов. Так, «подводный город» Н. А. Заболоцкого реализует метафору города мертвых «под морем» в характерных для периода «Столбцов» натуралистических образах («Осьминог сосет ребенка, / Только влас висит коронка» — ср. в ЗМ: «кто на водоросли тусклой / постирать повесил мускул» и пр.). У Хармса в «Комедии города Петербурга» Петербург-Ленинград сплавляется в единый «Летербург», который можно осмыслить как призрачный город мертвых, где вместо Невы течет Лета (ср., напр.: Констриктор Б. Открытие Летербурга // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тез. и м-лы конференции. Л., 1990. С. 108—109). (Ср. также в известном детском стихотворении Хармса: «А вы знаете, что под <...> / Что под морем-океаном / Часовой стоит с ружьем?»).

Не дают Введенскому покоя и шведы, особенно вначале: «шведам усмешка и прошедшие дни», «возле шведов нам тепло держаться» (МиП); «обедают псалмы по-шведски / а в окнах разные челны / благовонный воздух светский / станет родственник волны» (НаСТ). В последнем примере упоминание о шведах сразу тянет за собой целый мини-конспект пушкинской поэмы, тянет нас дальше, к следующим иероглифам, как мальчик тянет за руку гуляющую с ним няньку. «И лес, неведомый лучам / В тумане спрятанного солнца, / Кругом шумел» — сравним со строками СиЕП: «восстав от сраженья / я видел лесок / я видел рожденье / туман колесо» — *рожденье*, возможно, корреспондирует с рождением города, а *колесо* имеет отношение не только к круговороту рождения/смерти, но и к иероглифу-оператору *кругом* («кругом шумел»), о котором ниже будет сказано особо, так же как и о другом важном операторе *окно*.

Результатом прорубания «окна в Европу» видится *пир* — не очень частый, но значимый иероглиф у Введенского (причем порой само слово «пир» отсутствует). В соответствии с фольклорным канонem пир может связываться с темой смерти, приобретая значение лично и универсально «последнего пира»: «и пир пустым остался» (МиП), «на земли последний пир» (М), «лежит в столовой на столе / труп мира в виде крем-брюле» (финал КВБ). Ситуация «пирушки» — фон для смертельного исхода в КВБ (сцена со Стирkobреевым) и в одном из «Четырех описаний». ЗМ: «это мы увидим пир <...> / холмы мудрые бросают всех пирующих в ручей» (ср. наводнение и утопленничество в МВ, где, кстати, волны дважды сравниваются с горами; у Введенского же, как и в мифопоэтической традиции, *гора* выступает эсхатологическим символом Бога, напр.: «ура ура / видна гора / мы пришли / это Бог / Бог (громко) / исчезни <...>» — СиЕП). К «пирующим» птицам адресуется «извлеченная из моря» *ночь*, сетуя на свое нечеловеческое несовершенство, в 2Пт, финал которого читается как конец света, универсальный и личный. В ОБ в ответ на наивные притязания: «я желаю пирога», «я желаю с Таней быть», «мы желаем пить коньяк» появляется грустный, самого себя страшущийся «ровесник» — вестник смерти («еду еду на коне <...>»), то же в КМ: «мы верим в то что не умрем <...> / мы любим пиво любим ром / играем с бабкой в размноженье», но «нынче к нам идут на вечер / море берег и звезда / мы устроим пир огромный / вылетает ангел темный / из пучины из гнезда». Ср. в КВБ, где, узнав о готовящейся у Стирkobреева пирушке, звонят и напрашиваются в гости два вестника смерти — паралич и метеорит.

2. *Наводнение*. Построив город, Петр обуздал Неву, как своего коня (ср.: «И тяжело Нева дышала, / Как с битвы прибежавший конь»), заковал ее в гранитные набережные, скрепил мостами, реализуя присущие ему материалы — камень, заложенный уже в имени, и металл, из которых и будет впоследствии изготовлен сам, в борьбе против воды, стихии *реки*, впадающей в *море*. Месть изнасилованной природы — наводнение: река повернула обратно. (Эта тема заложена Пушкиным еще в апологетическом прологе: «Когда, взломав свой синий лед...»; ср.: «синяя от своей непокорности река» — СТ). Иероглифы *река* и *море*, особенно в сочетании с этим иероглифом-оператором, наделены у Введенского эсхатологическим значением. Начало ЗМ: «чтобы было все понятно / надо жить начать обратно»; СиЕП: «о море о море / назад потеки». Обратное движение может быть присуще также *ночи*: «я вижу ночь идет обратно / я вижу люди понесло / моря монеты и могилу» (ФТБ; ср.: «в речке ночи вырастают / речка родина ночей» — ЗМ) или *лесу* («я вижу лес шагающий обратно» — КГ). Характерное для Введенского единство водяных и огненных знаков смерти так-

же может восходить к пушкинской образности: «Еще кипели злобно волны, / Как бы под ними тлел огонь»; здесь же отметим любимую Введенским привычную рифму *свечка-речка-печка*, а также возможность двоякого огненно-водяного осмысления слова «топить», актуального в связи со следующим пунктом.

Перед наводнением Нева у Пушкина «металась, как больной / В своей постели беспокойной», после — «тяжело <...> дышала, / Как с битвы прибежавший конь». Оба сравнения находим у Введенского, правда, вместо *реки* в обоих случаях ее «часть», впрочем, тоже активно действующая в МВ — *волна*. БКСВ: «увы он был большой больной / увя он был большой волной» — та же рифма у Пушкина: «Плеская шумною волной <...> / Нева металась, как больной». Ср.: «ну вот лежу убитый / гляжу на берег еле видный / читаю плесканье копыт» (МиП). П: «несутся лошади как волны», «лошадь была как волна» (атрибут умершего отца). Если Пушкин сравнивает реку с конем, то в 2Пт *море* сравнивается с другим атрибутом Медного всадника — *змеей*: «шипит внизу пустое море / как раскаленная змея»: «пустое» здесь соотносимо с зачином МВ («На берегу пустынных волн»), «раскаленная» — с затронутой выше темой единства огня и воды («кипели злобно волны, / Как бы под ними тлел огонь»). Оба сравнения объединены мотивом *битвы*.

Битва встречается у Введенского около 25 раз, обозначая, как показывает сравнительный анализ контекстов, конфликт между мыслью о жизни и мыслью о смерти в раздвоившемся сознании. Как и Пушкин («Осада! приступ!», «битва», «Насилье, брань...»), Введенский разнообразен в обозначениях этого иероглифа: *бой, пальба, война, сражение, сеча, битва, резня* и т. п. Пушкинской строкой заявлена связь *битвы* с конем, подкрепленная конным портретом Петра из «Полтавы», где коню уделено не меньше внимания, чем всаднику, причем появляется популярная привычная рифма *конь-огонь* (в МВ — дважды). Введенский же не выходит на нее напрямую или использует как внутреннюю («лихие кони жаром полны» — П; «вот конь в волшебные ладони / кладет огонь лихой погони» — Э). *Битва* (надо понимать, между жизнью и смертью) разворачивается в голове и теле «больного, который стал волной», в одноименном стихотворении: «так на войне рубила шашка / солдат и рыжих и седых / как поразительная сабля / колола толстых и худых» и т. д.; внутри него — «аул», где происходит некая смутная «резня»; собственно, он сам и есть этот аул («на стуле том сидел аул / на нем сидел большой больной»). В стихотворении, специально озаглавленном «Битва», находим целый пучок отсылок к МВ: «умираем умираем <...> / забавляясь на балу / в пышной шапке / в пыльной тряпке / будь богатый будь убогий / одинаково везде...», ср. в прологе пушкинской поэмы:

«Приют убогого чухонца» (и ниже более подробное изображение «финского рыболова»), — и «Вознесся пышно, горделиво», «К богатым пристаням стремятся», «говор балов», «Сиянье шапок этих медных»: уже здесь заявлена оппозиция *медный* — *бедный*, о которой см. далее.

Ряд параллелей обнаруживается со строками, описывающими реакцию «покойного царя» и его подданных на разрушительное наводнение. Беспечное любопытство народа, который «Теснился кучами <...>, / Любуясь брызгами, горами / И пеной разъяренных вод» перед самой катастрофой, можно сравнить с поведением Фомина в КВБ — он заявляет: «Пойду без боязни / смотреть на чужие казни», не зная, что отправляется на свою собственную казнь. Ср. далее у Пушкина: «Народ / Зрит Божий гнев и казни ждет» — «и ходят все в водобоязни / уж все готовы к виду казни» (МиП). На балконе появляется «покойный царь» и молвит: «С Божией стихией / Царям не совладеть»; ср.: «окончательный закон / встал над вами как балкон» (ЗиМ), а также речь царя в КВБ перед казнью Фомина, где констатируется беспомощность сильных мира сего перед феноменом смерти: «Это действительно тяжелый удар / подумать что ты пар / что ты умрешь и тебя нет». Высшие, однако, пытаются в меру сил подсобить безропотно гибнущим низшим: «В опасный путь средь бурных вод / Его пустились генералы / Спасать и страхом обуялый / И дома тонущий народ». *Генералы* не раз всплывают у Введенского, в частности, в СиЕП, где выступают противниками *сна*. 1 генерал: «восстав от сраженья / я видел лесок / я видел рожденье / туман колесо / я знал что туман / это обман...»; 2 генерал: «я знаю что сон / сидит за решеткой <...> / я знаю что ныне / материи власть». Ситуацию описывает пропагандист *сна*, убежденный сторонник его «покупки» — Святой: «сидят генералы / и гложут штыки / сидят адмиралы / и пьют океан / о море о море / назад потеки...». (Здесь же, кстати, еще одна возможная отсылка к Пушкину. Святой призывает подчиненных напрячься перед долгожданным наступлением *сна* (Бога): «ну еще одно усилие / вон вдали видна Севилья»; кроме рифмы, оправдать эту хулигански-неуместную Севилью нечем, кроме пушкинского: «Объята Севилья / И мраком и сном»: причем, не забудем, Инезилью приглашают выглянуть в *окно*). Наконец, заметим, что предвестником наводнения в МВ является *дождь*: «Сердито бился дождь в окно»; у Введенского же происходит (по созвучию) сближение *дождя* с *вождем/всадником*: «когда по крыше скачет вождь <...> / я думаю что это дождь <...> / я думаю что это Русь» (ср.: «Россию поднял на дыбы»), с другой стороны — «человек на коне / появляется в окне» (СиЕП) и т. д.

3. *Утопшая девица*. Этот сюжет, как правило, раскладывается на два: умершая девица и утопленник. Известно, что одна из сестер Введенского

умерла в раннем возрасте от туберкулеза; не зная подробностей, рискнем предположить, что с этим фактом может быть связана настойчивая, очевидно подсознательно укорененная тема *умирающей и умершей девицы/дочери*, присутствующая в развернутом или свернутом виде в НаСТ, В, СЛ, СТ, ЕуИ и др.; имя этой сестры, достаточно редкое, упоминается в стихотворении «Галушка» (1925): «к ней подойдет Евлалия / чтоб петь шептать». В неявном виде ср. в ПМП: «нас кругом трепещут птицы / и ходят синие девицы» — «бессмысленное» цветовое обозначение выступает как высокий (цвет воды и неба) и низкий (цвет мертвого тела) знак смерти. В связи с МВ укажем прежде всего на В, где умершая/умирающая девица не только *дочь* своих родителей, но и *жена* «лирического я». Пушкинская строка «Вдова и дочь, его Параша» (строка, смеем сказать, неустойчивая, сомнительная — конечно, не в силу грязного переосмысления последующими поколениями имени девицы, а потому, что требует либо добавочного местоимения, либо интонационного подчеркивания запятой), корреспондирует со строками В: «мне плохо, плохо. Мать и дочь» (выделено точками, как выше «Отец и мать», очевидно, в целях пародийного остранения), и ниже: «вдова поехала к себе / на кладбище опять». Смерть девицы наступает от объединения медом, она жалуется: «мне больно мама я одна / а в животе моем Двина», затем же, умирая, «икнула тихо. Вышла пена», т. е. своего рода наводнение с поворотом «обратно» наступает изнутри.

В СЛ девица умирает понарошку, временно. Посетив рай, где «вертелись вкось и вкривь / числа, дома и моря», она воскресает и заявляет: «я спала сказала братцы / <...> я совсем не умирала / я лежала и зияла / извивалась и орала». Последнее соотносимо с пушкинскими строками из описания наводнения: «Нева вздувалась и ревела, / Котлом клокоча и клубясь»; ср. в В: «ее животик был как холм», а также иероглиф *котел/котлы*, связанный у Введенского с inferнально-банной темой (как, например, в «Разговоре купцов с банщиком» из НКР) и с темой женского тела («и грудь твоя как два котла, / возможно что мы черти» — КиН).

Неосуществленный брачный союз — тема близкого к В по времени ОБ (1929), где матримониальные настроения персонажа, обозначенного «Он», нарушает нездешняя «птица гусь»: «я дрожу и вижу мир / оказался лишь кумир <...> / я не жив и не пловец» (NB *кумир*; «дерзкими пловцами» же именуются в МВ Евгений с перевозчиком). Гусю отвечают «Мы»: «слышим голос мрачной птицы / слышим веские слова / боги боги удалиться / захотела голова <...> / как нам быть без головы». Вообще мотив декапитации оказывается связан с мотивом утопленничества: «плыл утопленник распух / расписался я лопух / если кто без головы / то скажи что он ковыль» (2Пт). ЕуИ начинается с купания детей в ванне, после чего нянька отрубает

ет «девочке Соне Островой 32 лет» голову. В конце пьесы эти события трагедизируются в монологе Секретаря суда о Козлове и Ослове, которые вели к реке купать соответственно козлов и ослов, перессорились, обозвали друг друга: «— Голова твоя баранья, — Голова твоя коровья», и наконец уколошили всю скотину. В 6-м разговоре из НКР трое участников кончают жизнь разными способами самоубийства: один вешается, другой стреляется, третий топится, и именно топящийся сравнивает себя с Пушкиным: «я стою в шубе и в шапке, как стоял Пушкин»; ср. в МиП: «тот Пушкин был без головы». Поскольку декапитация у Введенского — универсальный образ сна/сумасшествия/смерти, тот же смысл имеет связь утопленничества со сном: «Пловец кием пошел на дно. Думал да думал и спал» (МиП); «уже они устали спать <...> пошли на речку утопать» (5/6); см. ниже о сне как внутреннем сюжете МВ. ЗМ: «мы на дне глубоком моря / мы утопленников рать <...> / будем бегать и сгорать»: утопленникам приписаны два действия, равно невозможные и равно осмысленные: бег может быть связан с бегом Евгения, сгорание же — с двуединой огненно-водяной сущностью засмертного мира.

4. Сон. Мотив сна пронизывает МВ насквозь. «Вражду и плен старинный свой / Пусть волны финские забудут / И тщетной злобою не будут / Тревожить вечный сон Петра!» — этим заклинанием завершается аполлогия «юного града», и, учитывая предшествующие «Петра творенье», «град Петров», можно идентифицировать «вечный сон Петра» — с «городом Петра», «вечным городом», долженствующим стоять «Неколебимо, как Россия»; не весь ли город — его сон? Далее, первая встреча с Евгением происходит в момент отхода его ко сну; о пробуждении же в «ужасный день» наводнения не сказано ничего, так что последующие события можно воспринимать и как кошмарное сновидение. Так, собственно, и воспринимает их герой, внезапно попавший из колеи привычных дум и мелких забот верхом на льва, в лапы бушующей стихии: «...или во сне / Он это видит? Иль вся наша / И жизнь ничто, как сон пустой, / Насмешка неба над землей?». (Ср. 5/6: «и думает ужели это сон <...> / этот сон насмешка»; НаСТ: «я спал как Боже мой уха <...> / и все кругом насмешливо / пред смертью улыбалось вежливо»; СЛ: «сон потеха для ворон»; ОиК: «Мы не верим что мы спим <...> / Мы не верим что мы есть»). Переправа через реку, отсутствие домика, безумный хохот Евгения — все происходит как бы в этом предположительном сне, пока сон как форма существования его бедного сознания не утверждается окончательно в строке, замечательной неожиданностью экспрессивного употребления слова «сон» и тем самым, оказавшей сильное влияние на Введенского: «Его терзал какой-то сон». Выходит, жизнь есть сон, а сам Евгений «ни зверь ни человек, / Ни то ни се, ни жи-

тель света / Ни призрак мертвый», ср.: «я не жив и не пловец» (ОБ), «я хожу и не хожу / я не это и не то / я пальто» (5/6: не отметилась ли тут и «Шинель» Н. В. Гоголя, заметим в скобках?). Непосредственно затем Евгений (так и не просыпавшийся, по тексту, с ночи перед наводнением) представлен спящим у пристани, и только тут наконец — «Бедняк проснулся», пошел бродить, восстал на Медного всадника и с позором бежал. Все, дальше скорая смерть.

Сон — главное событие для Введенского и его, с позволения сказать, персонажей. Даже не столько сон, сколько зыбкое состояние предсонного бреда, грани, перехода из одного мира в другой («Ни то ни се, ни житель света / Ни призрак мертвый») — предмет бесконечного любопытства, неиссякаемый источник вдохновения. Достаточно сказать, что ситуация сна/сновидения упоминается в известных нам текстах Введенского более 80 раз, в т. ч. в весьма значимых для нашего случая контекстах. СЛ: «как свинцовая рука / спит бездумная река», «или сонная умрет / во своей постели дочь»; ЧВФ: «из пучины злого сна»; ЗМ: «море время сон одно», «и была пальба и плач / сон и смерть по облакам»; КВБ: «Человек во сне бодрится, / рыбы царствуют вокруг», «Возможно, что земля пуста от сна / худа, тесна»; НКР: «побегать в комнате со снами». Как видим, *сон* родственен *морю*: сознание затопляется подсознанием (ср. в «Козлиной песни» Конст. Вагинова: «Надо уничтожить границу между сознательным и подсознательным. Впустить подсознательное, дать ему возможность затопить светящееся сознание»), суша — водой, на день «наступает ночь ума» (СТ). Обратим особое внимание на тему детства. 7С: «и на елях на сосне / как дитя лежал во сне», «тогда ребенок молодой / молиться сочиняет / болтает сонной головой / в подушку медную скучает»; здесь интересно двоякое значение слова «болтает» — мотает и говорит одновременно (т. е. речь идет о неконтролируемых словесных потоках, сопровождающих порой момент перехода в сон, «затопления» сознания), а также «бессмысленное» словосочетание «медная подушка», о котором еще вспомним ниже. СИЕП: «надо дети сон купить», «что знаем мы дети / о Боге и сне».

5. *Путешествие в лодке*. Мифопоэтический смысл архетипов «лодка», «переправа» хорошо известен, вряд ли стоит обсуждать его здесь подробно. У Введенского иероглиф *лодка* (включая заменяющие и сопутствующие *челны*, *корабли*, *весла* и т. д.) встречается около 25 раз. Довольно часто употребляется слово «челн», «челны», прямо отсылающее к пушкинскому лексикону. В НаСТ: «а в окнах разные челны» — представляется реминисценцией МВ: «Осада! приступ! злые волны / Как воры лезут в окна. Челны / С разбега стекла бьют кормой»; enjambement, как видим, остается незамеченным («как воры лезут в окна челны», читает дитя). В ряде случаев про-

исходит антропоморфизация лодки. ЗиМ: «Смотри — в могильном коридоре / глухое воет море, / и лодка скачет как блоха, / конечности болят у лодки. / О лодка лодка, ты плоха / ты вся больна от ног до глотки. / А в лодке стынет человек, / он ищет мысли в голове...». НаСТ: «тогда одевшись кораблем / он рассуждает королем»; КМ: «мечтает лодка»; КВБ: «Летать летаешь, / а глупа как лодка»; П: «я челнок челнок челнак»; НКР: «Я превращусь в подводную лодку» (6-й разговор — слова того, который собирается утопиться и сравнивает себя с Пушкиным). Намек на возможность подобного очеловечения лодки, отождествления ее с пловцом, вычитывается при желании из самого МВ. В первых же строках взору Петра предстает река: «бедный челн / По ней стремился одиноко». Таким образом, впервые эпитет «бедный», который впоследствии становится устойчивым определением Евгения, употребляется применительно к челну. Отметим здесь же, что во время наводнения плывут по улицам «Гроба с размытого кладбища» (гроб как материальный символ ладьи умерших); ср. «в лодке стынет человек», а также: «я вижу ночь идет обратно / я вижу люди понесло / моря монеты и могилу» (ФТБ).

6. *Бегство*. Раскрученный обходом «кругом» статуи Петра, подобно метательному снаряду, Евгений обращается в бегство — действие, с которым фонетически созвучен присущий беглецу эпитет. Эти два вида движения (кругом и прямо) сплавлены воедино в «5. Разговоре о бегстве в комнате» из НКР:

«Три человека бегали по комнате. Они разговаривали. Они двигались.

ПЕРВЫЙ. Комната никуда не убегает, а я бегу.

ВТОРОЙ. Вокруг статуй, вокруг статуй, вокруг статуй.

ТРЕТИЙ. Тут статуй нет. Взгляните, никаких статуй нет.

ПЕРВЫЙ. Взгляни — тут нет статуй...»

Затем беглецы оказываются последовательно сидящими в саду, стоящими на горной вершине и на берегу моря (где Первый произносит: «...море это сад. Он музыкальными волнами / Зовет меня и вас назад / Побегать в комнате со снами»; NB обратность) и вновь в комнате. Диалог продолжается:

«ВТОРОЙ. <...> Я бегаю чтобы поскорей кончиться.

ТРЕТИЙ. Какой чудака. Он бегаёт вокруг статуй.

ПЕРВЫЙ. Если статуями называть все предметы, то и то.

ВТОРОЙ. Я назвал бы статуями звезды и неподвижные облака. <...>

ТРЕТИЙ. Я убегаю к Богу — я беженец.

ВТОРОЙ. Известно мне, что я с собой покончил».

Сомнение в наличии статуй, вокруг которых происходит бегство, и именование статуями звезд и неподвижных облаков соотнесем с иллюзорно-

стью державного преследователя в пушкинской поэме и его вездесущей неподвижностью: ведь на самом деле Евгений убегает от монумента, который «неподвижно возвышался / Во мраке медною главой». Кстати, аналогичный пример неподвижного, безрезультатного бега есть в КВБ, причем с отсылкой к другому хрестоматийному пушкинскому тексту. Казненный («веревочным топором», т. е. повешение приравнено к декапитации) Фомин, поняв «ужас состоянья своего», «расписывается в своем отчаянном положении и с трудом бежит».

«ДЕВУШКА. Фомин ведь ты же убежал,

И вновь ты здесь.

ФОМИН. Я убежал не весь».

Отсылка отчасти ироническая, т. к. играет с ненормативным в современном языке употреблением глагола в строке «...и тленья убежит», в сочетании с известными школярскими шуточками насчет того, что «весь я не умру, но часть моя большая...». В случае с Фоминым, кстати, этой утраченной частью оказывается не только отнятая «веревочным топором» голова, но и «другое», отсутствие которого с разочарованием отмечает в одной из последующих сцен Венера (не в пример Соф<ье> Мих<айловне> из предыдущего эпизода), при этом монолог Венеры 4 раза прерывается ремаркой: «Вбегает мертвый господин». Заметим, что неподвижный бег — одно из распространенных сновидений. В отличие от реальности, где ситуация движения сулит, с течением времени, некоторые пространственные достижения, сон отменяет эту зависимость, разлагивает пространственно-временную связь. (Похожий эффект может возникать при употреблении некоторых веществ, когда, к примеру, восхождение по лестнице на второй этаж кажется движением по едущему вниз эскалатору и растягивается, по внутреннему ощущению, на годы; с психоделическими веществами Введенский, по ряду свидетельств, экспериментировал). Не потому ли в конце КВБ «Вбегает мертвый господин / и молча удаляет время»? Размышляя в СТ о времени и возможности его уничтожения, Введенский приводит в пример бегающую по камню мышь (ср., кстати, пушкинское же «Жизни мышья беготня»): если забыть слово «каждый» и слово «шаг», движение «начнет дробиться, оно придет почти к нулю». Далее тот же принцип применяется уже к человеку, который «заметил, что нет вчера, нету завтра, а есть только сегодня. И прожив сегодняшний день, он сказал: есть о чем говорить. Этого сегодняшнего дня нет у меня, нет у того который живет в голове, который скачет, как безумный, который пьет и ест, у того который плавает на ящике, и у того который спит на могиле друга». Перечень действий кажется случайным, но, возможно, в подсознательной основе здесь все тот же бедный Евгений. Знаменательно, однако, что архетипный сон — отчаян-

ное бегство от неподвижного памятника — настигает пушкинского Евгения именно тогда, когда он наконец «проснулся» и совершил свой единственный поступок. Впрочем, сюжет бегства отсылает нас к следующему разделу — об операторах, или каналах и направляющих движения в МВ и коррелирующих текстах Введенского.

2. Операторы

1. *Обратно*. Отчасти об этом операторе говорилось выше, в связи с сюжетом наводнения. Иероглиф обратности уже отмечался исследователями (в частности, Я. С. Друскиным, и вслед за ним М. Б. Мейлахом) как один из основных эсхатологических мотивов у Введенского. Так, например, в ГНК Друскин выделял «целую цепь семантических инверсий»: «эхо — отражение звука; <...> два мира, один мир над рекою, другой отражается в реке, как в стекле, один наш мир, другой антимир. <...> в поэтической модели антимира медаль носят не на груди, а на спине; закономерна и обратная рука: в зеркале правая рука становится левой <...> Л. Ландау сказал: «Если бы мы могли увидеть античастицу, она выглядела бы как отражение в зеркале соответствующей ей частицы». <...> Этот отрывок из «Гостя на коне» — поэтическое интуитивное предчувствие физической теории антимира» («Звезда бессмыслицы»). Добавим, однако, что «Гость на коне» из одноименного стихотворения, подобно другим эсхатологическим *всадникам* Введенского, имеет непосредственное отношение к Медному Всаднику, и, не отрицая положения о предвидении поэтом теории антимира, укажем на соответствующие места у Пушкина, в сочетании с мощной темой *реки*, повернувшей *обратно*, давшие, возможно, изначальный подсознательный толчок к последующему появлению строк: «он с медалью на спине», «он обратною рукою / показал мне: над рекою...» и др.: «И обращен к нему спиною, / В неколебимой вышине, / Над возмущенною Невою / Стоит с простертою рукою / Кумир на бронзовом коне»; «...Показалось / Ему, что грозного царя <...> / Лицо тихонько обращалось...».

2. *Кругом*. (Для начала в скобках отметим, что этот оператор частично синонимичен предыдущему — например, как строевая команда). Обход Евгения «Кругом подножия кумира» перед бунтом и бегством — возможно, неосознанный рудимент магического акта: круговое движение, как известно — важнейший элемент ритуальных действий у различных племен и конфессий. Перед этим еще дважды встречается в МВ слово *кругом* («кругом» шумит лес в прологе; «все ходит, ходит он <Евгений> кругом», обнаружив отсутствие домика) и один раз *вокруг* («Тихонько стал водить очами»). У Вве-

денского, как и у Пушкина, этот иероглиф встречается в двух значениях. Во-первых, в значении обхода, когда субъект движется вокруг объекта. Так, в «Разговоре о бегстве в комнате» это бег «вокруг статуй» «к Богу», то есть в смерть. В ЕуИ собака Вера ходит вокруг гроба Сони Островой, приговаривая: «Я хожу вокруг гроба. / Я гляжу вокруг в оба...». Ср. в ГК: «дубов гробовый видел дом / коней и песню вел вокруг с трудом». Во-вторых, — в значении окружения: субъект окружен объектом (немало внимания уделяется «иероглифу окружения» в «Звезде бессмыслицы» Друскина). В: «и все кругом насмешливо / пред смертью улыбалось вежливо»; ПМП: «нас кругом сияет день», «нас кругом росли цветы», «нас кругом трепещут птицы», «гляди кругом гуляют девы синие»; «Последний разговор» из НКР: «Воздух воздух он был окружен <...> облаками и предметами и птицами», «Мысли мысли они были окружены <...> освещением и звуками». КГ: «Нам непонятное приятно, / необъяснимое нам друг, / мы видим лес шагающий обратно / стоит вчера сегодняшнего дня вокруг»: за апологией «непонятного», «необъяснимого» следует, собственно говоря, картинка-экспозиция из зачина МВ («лес <...> кругом»), только раздувшаяся от грандиозных пространственно-временных нескладух, причем в роли повернувшей *обратно* стихии — *лес* (привет Шекспиру). В приведенных выше примерах из ПМП и «Последнего разговора» имеет место инверсия — в ПМП грамматическая, в «Последнем разговоре» — «семантическая», значение которой Друскин разбирает особо. Собственно, в силу этой инверсии понятия «субъекта» и «объекта» теряют безусловность, становятся взаимозаменяемыми (в этом эффекте, возможно, отчасти заключается магический, ритуальный смысл окружения обхода). Впрочем, тут мы переходим к следующему оператору — *окно*.

3. *Окно* — традиционный иероглиф канала связи между внешним и внутренним мирами, в обэриутской поэтике с ее вниманием к средствам и целям этой связи весьма значимый (в творчестве Д. Хармса, например, едва ли не центральный). Немалую роль играет он и в МВ, где претерпевает последовательное снижение. Вначале это пресловутое «окно в Европу», горделивая мечта царя. Затем мы видим последствия прорубания этого величественного умозрительного окна для отдельного человека: «Сердито бился дождь в окно», «...и он желал, / <...> чтобы дождь в окно стучал / не так сердито», но вот уже «злые волны / Как воры лезут в окна», смертоносная стихия *моря* врывается в маленькую частную жизнь, и потерявший ее человек, бездомный и безумный «родственник волны», обречен скитаться снаружи, питаясь «В окошко поданным куском».

У Введенского обнаруживается явная связь *окна* с водяной/огненной стихией, *ночью* (темнотой) и *всадником*: «в одном окне лишь виден мир / стригла там свечка умных рыб», «в окне он видит за избой / стоит пылаю-

щий бизон» (МиП); «что за горе / но в окно / смотрит море / и темно», «а в окнах разные челны» (НаСТ); «еду еду на коне / страшно страшно страшно мне / я везу с собой окно / но в окне моем темно» (ОБ); «человек на коне / появляется в окне» (СиЕП); «быть может море ты окно?» (КМ); «в окошко я вижу морскую пену» (КВБ); «а мы глядим в окно без шторы / на свет звезды бездушной» (Э). Приведенные цитаты относятся главным образом к периоду до 1931 года включительно (важный рубеж, пожалуй, для всех обэриутов, на внешнем уровне отмеченный арестом и кратковременной ссылкой Хармса и Введенского); позднее, возможно, поэт оказывается уже как бы «за» *окном*, и иероглиф теряет актуальность.

3. Персонажи

Персонажей, собственно, двое: Петр и Евгений, остальные (эпизодические) подвешиваются, как мы видели, к сюжетам. Между двумя персонажами прослеживается четкая оппозиция. Но вначале рассмотрим каждого из них в отдельности.

1. *Петр*. «Ты Петр ты памятник бесчувственный ты царь!» — восклицает Николай II, очередной «покойный царь», в хармсовской «Комедии города Петербурга». Медный Всадник — фигура весьма богатая: у него есть имя, статус, качества, атрибуты и функция.

а) *Имя Петра* находим у Введенского в любопытных контекстах. «КУМА ФОМА петрА попА <...> / луна катит волну / седую вдаль» («Галушка», 1925); «он к ней та — замуж за Петра» (МиП; с некоторой иронией по отношению к собственному хитроумию предположим: «замуж за Петра», за мертвого царя, властелина подводного города — не аллегория ли смерти? тем более что следующая строка — «там пролежала костяна тропа»). Вообще пьеса «Минин и Пожарский», с ее школярски-пародийным изобилием литературно-исторических квазиотсылок (среди них, кстати, откровенная цитата, вводящая — в совершенно «бессмысленном» контексте — другого беглеца от другого «грозного царя»: «Я узел а ты просо сеял ли, сеял ли, князь Курбский от царского гнева бежал»), в том числе к «петровским» реалиям (шведы, Полтава, «Обрей ему бороду она стеарином пахнет» и т. п.), разбита не на действия или акты, а на «Петровых», по иерархической восходящей: «Петров в штатском платье», «Петров в военном платье», «Петров в судейском платье», «Петров в духовном платье». (Ср. характерную для пушкинского словоупотребления притяжательную форму «Петров» в значении «принадлежащий Петру», омонимичную форме фамилии: «град Пе-

тров», «птенцы гнезда Петрова»). В первом же «Петрове» появляется князь Меньшиков, затевающий с самим собой спор о знатности:

«Князь Меньшиков. <...> Хорошо — поди сюда властитель.

Князь Меньшиков подходит.

Князь Меньшиков (к нему). Вот хотел бы я спросить зачем здесь родственник.

Князь Меньшиков (к нему). Хотел бы я знать: кто здесь родственник, уж не я ли. Ох, какой я знатный.

Князь Меньшиков (к нему). Ужели я не знатный <...>».

(Ср. цитированные строки из НаСТ: «обедают псалмы по-шведски / а в окнах разные челны / благовонный воздух светский / станет родственник волны», а также в КВБ диалог Фомина с Летающей девушкой после его казни: — «<...> Я жив. / Я родственник». — «Кто ты родственник небес <...>». Неожиданно для себя усматриваем некое воспоминание о Петре Первом в обозначении одного из действующих лиц ЕуИ: «Петя Перов, мальчик 1 года» (указание на инфантильную укорененность образа Петра в подсознании автора?). Не забудем также, что сына своего, родившегося в 1937 году, Введенский назвал именно Петром. Может быть, в слабой связи с этим именем состоит мотив *петуха*, образующего у Введенского привычную рифму *петух-дух*.

б) *Статус*. Прежде всего Петр — «памятник бесчувственный», статуя, монумент. Слово статуя осмысляется Введенским, видимо, не без участия инфантильных представлений о том, что после смерти человек превращается в памятник (так и хочется реконструировать разговор: «Это кто?» — «Царь Петр». — «А он живой?» — «Нет, он умер»). Так, в 7С «уж я на статую сажу» — начало маленького монолога Умершего. Промежуточное между явью и сном медитативное состояние описывается как уподобление неподвижному предмету: «вот в неподвижность я пришел / и сел на стол / и стал как столб / чтоб уловить звезды дыханье / и неба скучное рыданье» (ЗиМ). В ФТБ «я утром встал <...> / я поклонился монументу», и именно этот поступок, возможно, тащит за собой очередное восстание слов и предметов: «был сон приятным / шло число / я вижу ночь идет обратно / я вижу люди понесло / моря монеты и могилу <...>». СУ начинается с того, что «шел по небу человек / быстро шел шатался / был как статуя одет / шел и вдруг остался»; не «был статуей», но «был как статуя одет» (ср. ниже «будто Бог моя одежда») — возможно, потому, что речь не об окончательной смерти, а о некоем сне-репетиции «последнего суда», который потом все же «уходит». «Вокруг статуй», как помним, разворачивается побег «к Богу» в 5-м Разговоре. Наконец, в ГК: «Где он стоял опершись на статую. <...> Он стоял. Он сам обращался в статую», и далее рефренами: «Что же он сообщает

теперь деревьям. — Ничего — он цепенеет. <...> Что же он возражает теперь камням. — Ничего — он леденеет. <...> Что сделает он реке? — Ничего — он каменеет». (Отметим, что это место может быть связано также со сценой дуэли из 6-й главы «Евгения Онегина»: «Он постепенно костенеет», далее: «...труп оледенелый» и последующее превращение убитого поэта в «памятник простой» (XXXIV, XXXV, XL); там же в сравнении убитого с опустевшим домом находим образ *окна*: «Закрыты ставни, окна мелом / Забелены...» (XXXII)).

Но ведь в МВ нейтральная «статуя» не встречается. Ее заменяет *кумир* — в значении суженном, отнюдь не совпадающем с современной нормой. Слово это, услышанное Введенским и привязанное к зрительному образу, согласно нашему допущению, в детстве, осталось «не понятным» и в силу этого было нагружено специальными смыслами, поэтому и употребляется в стихах с некоторым, так сказать, недоумением. ОБ: «я дрожу и вижу мир / оказался лишь кумир / мира нет и нет овец / я не жив и не пловец» (NB связь с темой *пловца*). ФТБ: «ты сидишь в беседке мира / звездам и планетам брат / по дороге два кумира / шли из Луги в Петроград / шли кумиры и виднелись / ордена на них блестят / а пришли оцепенели / стали песней не летят». *Кумир-мир* — привычная рифма, восходящая к пушкинской традиции: «Вокруг подножия кумира / Безумец бедный обошел / И взоры дикие навел / На лик державца полумира»; ср. в стихотворении «Поэт» и др. КВБ: «Как церковный тать / обокравший кумира, / я прилетел наблюдать / эту стенку мира», — говорит Метеорит; сравнение избыточное, «для красного словца», кроме «я прилетел» ничего не сказано, так что строфа просто лишний раз напоминает о *кумуре* — грозной фигуре смерти и привычной рифме к слову «мир». В ЧО есть четыре «умир.(ающих)», рассказывающих о своей смерти, и еще четыре существа («вестники»? ангелы-хранители?): Тумир, Кумир, Зумир и Чумир. Три из заглавных букв этих имен омографичны, хотя бы отчасти, единице, тройке и четверке и тем самым соответствуют обозначениям: «1-й умир.(ающий)», «3-й умир.(ающий)», «4-й умир.(ающий)» (потому, вероятно, «ающий» и взято в скобки). Заглавное К в почерке Введенского немного напоминает цифру 2, но, конечно, отдаленно (мешает правый верхний хвостик); «Кумир» — единственное из четырех существующее в языке слово, — очевидно, и дало толчок к этой словесной игре, отражающей инфантильное представление о превращении умершего в *статую*. Рифмы *кумир-мир* в этом тексте нет, но слово «мир» четыре раза употребляет Тумир, пытаясь перечислить все, «что в мире есть», причем все перечисленные вещи и существа «сидят на краешке волны» (следует понимать — находятся на грани, «мерцают», в любую минуту могут быть поглощены «наводнением» — небытием).

Пушкинский кумир — «на бронзовом коне», *всадник*; усиленный мифопоэтической традицией, этот образ неоднократно возникает у Введенского как апокалиптическая конная фигура, несущая смерть/мысль о смерти, «конец». (У В. В. Набокова в рассказе «Музыка» вскользь замечено, что слово «конец» — как бы «конь и гонец в одном»). Этот мотив появляется около 30 раз, в том числе в ОБ (Ровесник: «еду еду на коне» и т. д.), СиеП («человек на коне / появляется в окне»), ГНК (где этот иероглиф «разворачивается», как, например, иероглиф *море* в ЗМ и КМ). Фигура всадника «на бронзовом коне», в которую превращается умерший отец — центральная в пьесе «Потец»: «Иноходец / с того света / дожидается рассвета»; «Отец сидел на бронзовом коне. <...> А третий сын то стоял у хвоста, то у лица лошади. <...> А лошадь была как волна. <...> Тут отец сидя на коне» и т. д. — тема всадника накладывается на тему посмертного превращения в статую. В другом месте отец и всадник разделены: «Средь мрака рыщут / Воют свищут / Отец и всадник и пловец» («Разговор купцов с банщиком», НКР), как вообще «человек» и «всадник»: «Богу молятся неслышно / море, лось, кувшин, гумно, / свечка, всадник, человек, / ложка и Хаджи-Абрек» (КВБ). В более поздних текстах *конь* (лошадь) чаще появляется отдельно, так как, возможно, приближаясь к смерти, «всадником» стал сам человек, ср. в Э: «пусть рысью конь спешит зеркальный <...> / пускай бренчит пустое стремя <...> / на смерть! на смерть! держи равнение, / поэт и всадник бедный».

Петр не только «памятник бесчувственный», а еще и *царь*, хотя Пушкин избегает называть его так почти до самого конца и называет лишь однажды («<...> грозного царя / Лицо тихонько обращалось»), в отличие от правившего тогда «покойного царя» на балконе. С краткой речью этого второго царя, умывающего руки перед разгулом стихии, в котором виноват Первый, сопоставимы, как уже говорилось, речи Царя в КВБ, снимающего с себя ответственность за казнь Фомина («Ах какой ужас. Это в последний раз»). Впрочем, в одном из посмертных воплощений становится царем сам Фомин, «И тогда на трон природы / сели гордые народы, / берег моря созерцать, / землю мерить и мерцать». Причем входит он в это воплощение сквозь «пылающий камин», со словами: «Человек во сне бодрится, / рыбы царствуют вокруг» (ср. выше об огненно-водяной стихии, о сне, о городе «под морем»). В качестве царя Фомин пытается убедить «родоначальников», что человек вовсе не царь и не цель природы, они же называют его «бедняком» («Мы бедняк мы бедняк / в зеркало глядим»); в предыдущей сцене Носов называет его сумасшедшим, а в одном из первых воплощений Нищий адресуется к нему: «Здравствуй Фомин сумасшедший царь». (Здесь же отметим известное пушкинское отождествление поэта с царем: «Ты — царь, живи один», особенно значимое на фоне сложных взаимоотношений с ца-

рем самого Пушкина.) Суммируя отмеченные моменты, рискнем предположить, что в миг смерти, который, по мысли Введенского, есть миг Чуда — остановки времени (СТ), царь и сумасшедший бедняк, «поэт и всадник бедный» становятся одним лицом.

Выше говорилось о сближении «дождя» с «вождем»; отождествляются с царем и другие «водяные знаки». Так, перед встречей с нищим, признавшим в нем «сумасшедшего царя», Фомин стреляется со Стирkobреевым из-за того, что тот называет его *морем* (Фомин: «Если я море, / где мои волны. / Если я море, / то где челны»; далее, кстати, влетает метеорит со словами: «Как церковный тать / обокравший кумира <...>»). А в ГК о реке, с которой прощается герой, говорится: «Река властно бежавшая по земле. Река властно текущая. Река властно несущая свои волны. Река как царь».

в) *Качества*. Прежде всего, *неподвижность* — ибо «памятник бесчувственный»; даже в зачине, еще не став памятником, Петр не двигается, а стоит на берегу. В противоположность ему Евгений все время перемещается, бродит, плавает, бежит — и только во время потопа, окруженный водой, поневоле застывает (но не «неподвижно», а «недвижно» верхом на мраморном льве («звере», «царе зверей»; ср. слова льва из 2Пт: «я царь зверей / но не могу открыть дверей», и вообще тему зверя, сетующего на несовершенство своей далекой от Бога природы, в ЧВФ, СЛ, КВБ, СТ и др. При этом нора, противоположная по смыслу *горе*, выступает атрибутом человека: «над возвышенной горой / над человеческой норой» — 2Пт), как пародия на конную статую Петра, равнодушно повернутую к нему спиной. Это же качество называет Введенский при попытке определить, что такое статуи, вокруг которых бегают три человека в комнате: «Я назвал бы статуями звезды и неподвижные облака» (НКР). Другое качество, противопоставляющее Всадника бедному Евгению чисто фонетически и в силу этого обогащающееся новыми смыслами — *медность*: тут фонетика пересиливает реальный материал (бронзу), из которого отлит памятник. Кроме Всадника, этим качеством обладают парадные сияющие «шапки»: «Сиянье шапок этих медных». У Введенского *медность* оказывается связана с темой *птицы (орла)* и *неба*. «О птичка медная», — обращается горе к одной из «пирующих птиц» в 2Пт; число птичек, впрочем, не вполне ясно, то это «две птички как одна сова», то «все четыре птицы». Образ этот соотносим с мифологическими (птичий полет над морем — зачин одного из индейских мифов о сотворении мира; в китайской мифологии встречаются птицы бииняо — одноглазые, однокрылые и одноногие, они могут летать лишь попарно), но в данном контексте, думается, уместно вспомнить символ русской державности — двуглавого орла, изображения которого, как и львы, были неотъемлемым элементом архитектурного облика города. *Медные орлы*

соседей в Э с «пиршеством»: «Не плещут лебеди крылами / над пиршественными столами, / совместно с медными орлами / в рог не трубят победный». Введенский нередко приписывает *птицам блеск, сиянье*: «ярких птичек колыханье» (МиП), «сверкают мохнатые птички» (КВБ), «Летят божественные птицы <...> / халаты их блестят как спицы» (Э). Металлический блеск может сопровождаться соответствующим звуком: «внимая стук птиц», «Но шашкой / Но пташкой / Бряцая» (НКР). *Блеск*, причем божественный, присущ и орлу: «видит разные орлы / появляются из мглы <...> / и беззвучные блестят» (СЛ); «Но им библейские орлы» (МиП); «Держал орел икону в кулаке. / На ней был Бог. <...> / И ты орел аэроплан / <...> горячей свечкой / рухнешь в речку» (КВБ); «Взлетят над ними как планеты / богоподобные орлы» (ЧО). Заметим, что блеск является также качеством (устрашающим) *моря и реки*: «все боятся подойти / блещет море на пути» (ОБ); «И рыбак сидящий там где река / незаметно превращается в старика. / Быть может он боится блеска» (С). Наконец, в ГК, тексте-развенчании иероглифов: «имело ли это море слабый вид орла. Нет оно его не имело». *Медность*, таким образом, оказывается небесным качеством и фиксируется как таковая в монологе собаки Веры (ЕуИ): «Бедный молится хлебу. / Медный молится небу». Оба качества — неподвижность и медность — говорят о нечеловеческой природе конного кумира.

Любопытные вещи обнаруживаются, если расширить *медность* до металличности вообще, к чему располагает и пушкинская неопределенность в обозначении материала, из которого сделан памятник: «Медный Всадник» «на бронзовом коне», взнузданном «уздой железной» (ср. «Заблудившийся трамвай» Гумилева: «Всадника длань в железной перчатке»). В СТ с металлом ненароком, в силу, может быть, рифмы, связывается море: «А воздух море подметал / Как будто море есть металл». (У Хармса в «Лапе» — небо: «Знаю небо — небо жесть»). В 7С «тогда ребенок молодой / молиться сочиняет / болтает сонной головой / в подушку медную сучает» (1927); через 10 лет в пьесе «Потец» умерший отец, перед тем как стать всадником «на бронзовом коне», обращается в порхающую по комнате подушку, в финале же нянька (та самая?) «укладывает отца спать, превратившегося в детскую косточку» (опять же отец и сын — всадник и человек — после смерти сливаются), и поет ему колыбельную, где есть, в частности, слова: «Эй кузнец куй! куй! / Мы в кузнице уснем / Мы все узники» — тут и «узда железная», и насильно скованная река, да и сон — нечто сковывающее. Превращение *металла* в *сон* ср. в ГНК: «я услышал конский топот <...> / я решил, что это опыт / превращения предмета / из железа в слово, в ропот, / в сон, в несчастье, в каплю света» (ср.: взнуздание коня/реки/страны «уздой железной» как причина «несчастья»-наводнения и «сна»-сумасшествия бед-

ного Евгения; проблему превращения предметов окружающего мира в слова на бумаге, именуемого литературой, здесь обсуждать, наверное, не стоит). Еще два интересных примера: «там петр великий и онан чашки куют» («Острижен скопом Ростислав», 1926) — здесь тема Петра I как «кузнеца» обретает, как бы нам ни хотелось это игнорировать, явно «фрейдистский» оттенок (ср. ниже об *отце*, а также примечание М. Мейлаха в т. 1 на с. 271, где в цитированной выше строке «Эй кузнец! куй! куй!» усматривается семантически «рискованное» сочетание); «засыпая стал памятником чугуным» — строка из записной книжки Д. Хармса 1925 года, и есть основания приписать эту строку Введенскому (см. <Рецензию> из записной книжки Хармса в Приложении к наст. изд.).

г) *Атрибуты*. *Орел*, символ державности, непосредственным атрибутом статуи Петра все же не является, являются же: *конь*, *змея*, *венок*. О *коне* говорилось выше в связи со всадником. Мотивы же *змеи* и *венка* в тексте МВ отсутствуют, так что здесь, очевидно, работает исключительно внешний вид фальконетова монумента.

Змея-червяк — один из иероглифов нижнего мира, связанный с земной, материальной (а не небесной, духовной, как орел) ипостасью смерти. МиП: «и шапка у него земля / ох шапка у него земля / сороконожка не змея»; ЧВФ: «ты сердитая змея / смерть бездетная моя»; КВБ: «В этом зеркале земля / отразилась как змея». Откровеннее физиологическая роль *червяка*: «в боку завелся червяк / оказалось он был мертвяк» (НаСТ), «и окровавленный твой вид / в земле червяк довольно скоро сгложет» (ЧО) и т. п. Лавровый *венок* украшает главу *кумира* как символ его героических заслуг, но есть и другое значение слова *венок*, *венчик* — это бумажная полоска со словами молитвы, надеваемая в православном обряде на лоб умирающего. Поскольку, как мы установили, *статуя* в поэтике Введенского — способ засмертного существования, оба значения сближаются. Нельзя не заметить, что мотивы *венка* и *змеи/червяка* часто переплетены, и дело тут не только, как мы предполагали, в роли венчика и червяка (при некотором перевертышном созвучии этих слов) в физиологической реальности посмертного пребывания, но и, очевидно, в верхнем и нижнем атрибутах Медного Всадника — вестника смерти. В МиП находим их включенными в целый комплекс интересующих нас иероглифов: «и князь на берегу стоит <...> / не птичке перейти мосты / перелетев он страстью был <...> / глядит в казенного очки / а рядом Днепр бежал и умерев / он стал обедом червячков / была ужасная комедия / блудник змеею спал беседуя / всему виною стал чиновник / и пухли крошечны веночки» (ср.: «На берегу пустынных волн»; размышления Евгения о том, что мосты, наверное, сняли, и «с Парашей будет он / Дни на два, на три разлучен»; страдание Евгения на месте сне-

сенного домика; казнь, червяк-змея, «Была ужасная пора», сон-насмешка, «Чиновник в лодке», венок). Там же в МиП об умершем: «холмом лежит как смерть бесстрашный / <...> над ним порхает уж червячок / он мяса бронзовый костяк». БКСВ: «<...> большой больной / сидел к живущему спиной / он видел речку и леса <...> / где водит курицу червяк / венок звонок и кракавяк» (здесь при желании можно уловить и экспозицию МВ, с *рекой* и *лесом*, и то, что Медный Всадник «обращен <...> спиною» к Евгению — мертвый к живущему). ЗМ: «а в челнах и там и тут / видны венчики минут»: не намек ли на «похороны времени» в «гробах с размытого кладбища»? ЧВФ: «между тем из острой ночи / из пучины злого сна / появляется веночек / и ветвистая коса / ты сердитая змея / смерть бездетная моя»; «пучина злого сна» вновь отсылает к образу терзающей Евгения стихии моря-сна; ср. «шипит внизу пустое море / как раскаленная змея» — 2Пт. СУ: «из червяков плести веночки / и думать что они цветочки».

Специальный смысл приобретает распространенная привычная рифма *конец-венец* (ср.: «конец — делу венец»): «как звери бегаем во мраке / откинув шпаги мысли фраки / на голове стучит венец / приходит нам — пришел конец» (КМ; NB зверь, бег во мраке); «Миру конечно еще не наступил конец, / еще не облетел его венец» (КВБ). Ср. в П, где нанизываются рифмы к слову «конец»: «Может быть Потец свинец / И младенец и венец»; «Батюшка наступает конец. / Зрю на лбу у тебя венец. / Зря звонишь в бубенец. Ты уже леденец». Здесь *венец* становится неотъемлемой принадлежностью умирающего/умершего Отца, он же *всадник* «на бронзовом коне», *статуя*-«леденец» (ср. ГК: «он леденеет <...> он каменеет»), бубенец же напоминает о стуке, бряцании (*медных*) *птичек* (ср.: «на голове стучит венец»). *Венец*, атрибут *отца*, ближе к небу, *змея* же — к земле, на которой существует человек, сын, бедный Евгений, попираемый, как и *змея*, копытами бронзового *коня*. Не к этой ли оппозиции восходит следующее темное место из 5/6: «вот я с лошади слезаю / а земля черна как фрак / в ней наверно есть червяк / червячек червячишко / как мой родственник сынишка»? (Правда, это же место может служить подтверждением существующего предположения (К. Кузьминского, Л. Кациса) о том, что *червь* у Введенского, например, в КиН (ремарка-рефрен, варьирующая поведение некоего «полумертвого червя»), имеет не столько библейский (по идее Друскина), сколько фаллический смысл, тем более, что процитированному отрывку предшествует внезапное откровение Сони: «как странно тело женское / ужасно не Введенское», на что Изотов и отвечает: «да да да я это знаю / правда люди это так / вот я с лошади слезаю» и т. д. Таким образом, *червяк*, возможно, намекает на то, благодаря чему, собственно отец и становится отцом своего сына, на непосредственную зависимость смерти от зачатия.

Да и в П отец вынимает из кармана «дуло одного оружия» (собственно «конец?»). Но, впрочем, это уже не наша проблематика).

д) *Функция* у Медного Всадника одна: пугать и преследовать, да еще, может быть, в допотопные времена заложить город, в котором можно будет пугать и преследовать. Это и есть функция «гостя на коне» — мысли о смерти, «страшного отца» в инфантильном восприятии, который родил сына для того, чтобы его потом пугать и преследовать. Избегая фрейдистских домыслов, процитируем предисловие М. Мейлаха, где говорится, что отец Введенского, Иван Викторович, оставлял, «по словам близких, впечатление “странное и мрачное”» (Т. 1. С. 10). Больше мы о нем ничего не знаем, кроме того, что работал он экономистом и что на похороны его Введенский из Харькова в Ленинград опоздал.

2. *Евгений*. Если Петр — фигура богатая, то Евгений — фигура во всех отношениях *бедная*. Имя его в текстах Введенского не встречается. (Евгенией, между прочим, звали и мать, и другую сестру поэта). Имя, статус, качества, атрибуты и практически функция Евгения — все это уместается в один эпитет, неотъемлемую принадлежность Евгения: *бедный* и в своей бедности противоположный медности Всадника.

Слово *бедный* появляется в «петербургской повести» 8 раз, сообщая всей линии Евгения рыдающую интонацию причитания. В первый раз — применительно к *челну* «убогого чухонца», затем уже к Евгению, но для начала как обозначение материального недостатка: «был он беден». Наводнение (называемое также «бедой» и «несчастьем»), однако, способствует осмыслению *бедного* как «несчастливого» (это слово единожды выступает определением Евгения); интонация причитания, плача подкрепляется повтором «бедный, бедный») и местоимением «мой» (трижды), так что, когда через несколько строк хозяин отдает квартиру Евгения внаймы «бедному поэту», это определение звучит как «другое» слово, характеризующее опять исключительно материальное положение, а «бедняк» применительно к Евгению читается как «бедняга» (впрочем, для пушкинского языка это норма). Ближе к финалу (сразу после того, как «прояснились / В нем страшно мысли»), Евгений теряет имя и именуется либо *безумец* (*бедный*), либо «он»; *безумие* и *бегство* фонетически усиливают эпитет, придавая ему сущностное, универсальное значение. По смерти ставшего безымянным безумца «его» эпитет возвращается к окольцовывающему поэму образу *рыбака*: «бедный ужин свой варит» (ср., между прочим, рыбаков из отрывка «вдоль берега шумного моря...», для которых приготовление супа — основное занятие). В том же семантическом поле находятся определения «убогий», «ветхий», «бледный». Последнее образует с *бедным* распространенную привычную рифму, используемую и Введенским: «и говорил: я бледен, беден» (БКСВ).

Эпитет «бледный» дважды включен Пушкиным в описание погоды: «И бледный день уж настает», «Из-за усталых, бледных туч». Возможно, именно антропоморфическая образность этих строк причудливо преломляется в трогательном диалоге: «о море море / большая родина моя / сказала ночь и запищала / как бедный детский человек / и кукла в ручках затрещала / и побледнел кузен четверг / сестра сказал он ночи темной / ты ночь я день глухой и скромный <...>» (2Пт). Бедность приветствуется Введенским и как качество текста: «Уважай бедность языка. Уважай нищие мысли» (НКР).

Кстати о *мыслях*. «Прояснились / В нем страшно мысли» — быть может, не без влияния этого впечатляющего пушкинского образа формируется у Введенского подсознательное представление о *мыслях* как о чем-то конкретном и отдельном, физиологически самостоятельном («часто мысли вынимаю <...> / мысли, мысли, не мешаю / вам пастись между тем» (ЗиМ); «я мысль из тела вынимаю / кладу на стол сию змею <...>» (ФТБ; NB *змею*); «на диване люди птицы / мысли мыши и кусты» (КМ); «я мысли свои разглядывал» (ОиК), «пощипывая свои усы мыслями», «поглаживая мыслями волосы» (П) и т. п.), в соответствии с фонетикой этого слова, говорящей скорее о чем-то конкретно-физиологическом (ср.: «мышы», «мослы», «сопли», в лучшем случае «мозги»), нежели о чем-то неосвязаемо-абстрактном, вроде «разума» или «дум».

«Прояснение мыслей» в Евгении — последняя вспышка перед окончательным превращением в «безумца бедного». Сумасшествие, «ночь ума» — так же, как и *сон*, является для Введенского репетицией смерти, предметом особого внимания. (Ср. формулу «мысль из тела вынимаю», «часто мысли вынимаю» с описанием мертвого «жука» у Н. А. Олейникова: «Он думал о сем, он думал о том, / Теперь из него размышления вынуты»). «Сумасшедшим» называют в КВБ умершего Фомина. Правда, прямая маркировка сумасшествия встречается у Введенского редко. Например в ФТБ, где утренний поклон «монументу» влечет за собой поворот *обратно ночи, моря* и др., дальнейшие события прочитываются как травестация финала МВ: прозрение — бег — безумие — смерть: «я все узнал. Я понимаю / я мысль из тела вынимаю / кладу на стол сию змею / ее ровесницу мою / я бегаю пустой по Польше <...> / вообще я был как сумасшедший / за мной виднелся только рай / и каждый голубь, лев прошедший / кричал скачи и помирай». Травестация здесь — от самоиронии: ведь вместо стихийной катастрофы — интеллектуальная, причем, возможно, спровоцированная самим субъектом (ср. «разумно слезла голова» в 5/6, мотив «покупки сна» в СиЕП — как в цитированном выше отрывке из «Козлиной песни» Вагинова: искусственное безумие с целью постичь арациональное); поэтому не «безумец бедный», а «как сумасшедший», и не смерть, а смешной совет голубя и льва «скачи и помирай». Далее в том же стихотворении появляется *всадник*,

также травестированный («это поле люди / поле боевое / еду на верблюде / еду я и вою»), и *Кумиры* (которые «шли из Луги в Петроград»), со своим каламбурным дуэтом: «мы есть мы / мы из тьмы / вы есть вы / где же львы?<...>», в финале же «окончательно / Бог наступил / хмуро и тщательно / всех потопил». Рациональное схождение с ума — нечто вполне чуждое Пушкину, который, как известно, предпочел бы безумию нищету («Не дай мне Бог сойти с ума...»). Чаще, чем само сумасшествие, упоминается Введенским его организованное оформление — сумасшедший дом (ЧО, КВБ, НКР, ЕуИ). «Уважай бедность языка. Уважай нищие мысли» — эта сдержанная апология бедности (языка), нищеты (мыслей) как раз из 1-го Разговора (НКР) — «Разговора о сумасшедшем доме», участники которого едут в сумасшедший дом, «обмениваясь мыслями»: «Я знаю сумасшедший дом, там живут сумасшедшие». — «Меня это радует. Меня это очень радует». Хозяин сумасшедшего дома встречает их, «открывая свое дряхлое окошко, как форточку», а перед тем смотрит в него, «как в зеркало»; ср. КВБ, где народы говорят Фомину: «Мы бедняк, мы бедняк / в зеркало глядим. / В этом зеркале земля / отразилась как змея <...> / При изучении земли / иных в больницу увезли, / в сумасшедший дом».

Наконец, в связи с темой безумия у Евгения все же обнаруживается один важный атрибут: *колпак*, деталь вряд ли случайная (в первоначальной редакции — «картуз»). Это слово, которым обозначен головной убор Евгения, уже безумного, звучит на современный вкус странновато и напоминает прежде всего о дурацком, шутовском колпаке — не последней вещи в обэриутском гардеробе (ср.: Мейлах М. Шкап и колпак: Фрагмент обэриутской поэтики // Тыняновский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 181—193). Среди нескольких упоминаний *колпака* у Введенского, отмеченных и в комментариях М. Мейлаха (напр., к 8-му разговору из НКР, где в *колпаках* приходят в баню купцы: т. 1. С. 279, 281), обратим внимание на следующее место МиП: «так выстроили город Ржев / охотник плюнул он чудак / носил с колючками колпак / сияла за плечом коса». Как видим, охотнику-чудаку в *колпаке* предшествует *рождение города*, а чуть далее находим строки: «где тумана спать бежал» (туман — сон — бегство) и «тот Пушкин был без головы / то знали львы не знали вы». Между прочим, Охотник как одно из главных лиц КМ активно обсуждает взаимоотношения человека со стихией *моря*. «Чудаком» же назван пушкинский Евгений в «Петербургских строфах» О. Э. Мандельштама: «Чудак Евгений — бедности стыдится...». Колючки на *колпаке* — возможный намек на терновый венец с отсылкой к романтизированному Пушкину лермонтовской «Смерти поэта» («И, прежний сняв венок, они венец терновый, / Увитый лаврами, надели на него»). Мотив *косы* — традиционного атрибута ал-

легорической фигуры смерти — соседствует с мотивом *венка* в ЧВФ: «между тем из острой ночи / из пучины злого сна / появляется веночек / и ветвистая коса»; видимо, *колпак-венец* — очередное «единство противоположностей» в выстраиваемой здесь оппозиции. В шуточном стихотворении Хармса «Я в трамвае видел деву...» носителем *колпака* выступает Введенский, причем совершаемое им в этом качестве действие («И Введенский снял колпак») повторяет жест пушкинского Евгения, который, проходя роковой площадью, «Колпак изношенный сымал». На пересечении всех этих смыслов персона в мученически-шутовском колпаке (с колючками) становится тем самым Пушкиным-Введенским, который «любил тереться среди людей выше его», «поэтом и всадником бедным».

* * *

Не знаю, удалось ли мне убедительно показать, как цепляются друг за друга цитаты, образуя причудливые конгломераты: тут торчит ухо Введенского, тут нога Пушкина, там фалда фрака, непонятно чья. Я хотела сделать краткое сообщение, сорвать цветочек, высунувшийся из воды, а за ним потянулась перепутанная куча подводных стеблей. Лично мне, после проделанной работы, представляется, что пушкинская поэма растворена в творчестве Введенского, как сахар в чашке чая, потому что, куда бы я свои стопы ни обращала, на меня отовсюду Всадник Медный с тяжелым грохотом скакал.

В заключение для красоты и, может быть, большей понятности нарисую схему-оппозицию, построенную при участии обоих поэтов.

Смерть — остановка времени (СТ), остановка бега времени, остановка страха. П: «Последний страх / Намедни / После обедни / Рассыпался в прах» (NB: *намедни?*), и вскоре уже «Нянька стала укладывать отца спать», уже нестрашного, «превратившегося в детскую косточку». Отец засыпает, сын обращается в *статую*. Поэтому и «всадник бедный», венчающий «Элегию», не столько контаминация «Медного Всадника» и «рыцаря бедного» (см.: Т. 2. С. 199, где приведено интересное размышление на эту тему Г. А. Левинтона), сколько Медный Всадник и бедный Евгений, ставшие перед смертью одним, вошедшие друг к другу в окно.

На смерть! на смерть! держи равненье
поэт и всадник бедный.

Ах Пушкин. Пушкин.

Все.

МЕДНЫЙ	БЕДНЫЙ
отец	сын
Бог статуя	человек
царь	подданный
река/море/дождь	челн, пловец
волна/гора, скала, камень	нора
неподвижность	бег
блеск, сверкание	чернота
огонь/вода	земля
орел, вообще птица	змея/червяк
конь	зверь
венец	колпак
вечность	время
разум	безумие
смерть	жизнь

ОКНО

смерть — остановка времени

Где он стоял опершись на статую.

Он сам обращался в статую

(цепенеет ... леденеет ... каменеет)

Смерть! — поэт и всадник бедный.

Р. С. Оказывается, еще не все. В контексте давно уже и не мной замеченного постоянного диалога между двумя антагонистами — Введенским и (ранним) Заболоцким интересно, что изложенные наблюдения проливают некоторый свет на два, пожалуй, самых темных стихотворения последнего. Не делая обобщающих выводов, присмотримся к этим текстам, обнаруживающим знаменательные совпадения с материалом настоящего исследования.

Один из них — «Баллада Жуковского» (1927). В основе «Баллады», самим названием своим намекающей на работу с элементами «старой» литературы, — конфликт между царем и утопленником. Появляясь во 2-й строке, царь «глядит в окно». «Утопленник всплывает», причем вода «ручьем течет на спину», и обращается к нему: «Ты, царь, — хранитель мира, / твоя восточная порфира / полмира вытоптала прочь» (ср. «державца полумира», как именуется «кумир» как раз перед неравным диалогом его с Евгением). Утопленник неявно винит царя в своих несчастьях: «жена одна в гробу шумит, / красотка-дочь с тобою спит, / мой домик стал портретом, / а жизнь — подводным бредом!» (ср. мотив погибшей дочери-жены). Появляется «любовница-жена» (дочь утопленника), которой «тело молодое / упало около крыльца, / как столбик молодецкий» (отдаленный перевернутый отзвук финала МВ?). Утопленник «берет поклажу на дыбы» и опускается обратно «в речку», а «царь мечется в окошке».

«Детство Лутони» (1931) — начинается диалогом Бабки и Лутони; из ее ответов на его вопросы выясняется, что «Ветер ходит по воде», а вода «Убежала в города». Затем Лутоня рассказывает, что ему приснился «Чудный город Ленинград», где «на крепости старинной / Мертвый царь сидит в меху, / Люди воют, дети плачут, / Царь танцует, как дитя» (ср. мотив «покойного царя», характерную деталь статуи Петра — звериную шкуру вместо седла, а также явно параллельное место из хармсовской «Комедии города Петербурга»: «Царь танцует / Ветер дует...»). Далее дети по предложению Бабки «поют Захарку», и пение их имеет устрашающие последствия: «Закачался мир подлунный <еще одна пушкинская аллюзия>, / Вздогнул месяц и погас. / Кто тут ходит весь чугунный, / Кто тут бродит возле нас? / Велики его ладони, / Тяжелы его шаги. / Под окном топочут кони. / Боже, деткам помоги». «Защити меня, стена!» — взывает Лутоня, но страшный Захарка зарится на него: «Вон сидит он за стеной, / Закрывается травой» (ср. в П: «Сыновья входят каждый в свою суеверную стену»). «Стал Лутонька меньше мухи, / Вкруг него дремучий лес», — произносит Захарка (ср. мотив окружения лесом); «Вкруг него лихие звери / Словно ангелы стоят. / Это кто стучится в двери?» — И бегущие звери отвечают: «Чудный город Ленинград!». Звери — защитники детского сознания Лутони от чугунного За-

харки — отождествляются с «городом Ленинградом», где «Под корабликом железным / Люди в дудочки поют, / Убиенного Захарку / В домик с башнями ведут!» — таким образом, в конце стихотворения Захарка («убиенный») неявно сливается с царем («мертвым»), причем смерть в обоих случаях — как бы понарошку: мертвый царь «танцует», убиенного же Захарку — «ведут».

Очевидно, все вышеизложенное — лишь частный случай, эпизод большого сюжета о «Медном Всаднике», как важнейшем иероглифе «старой» литературы и культуры, в художественной практике «левых классиков» — обэриутов, и подробная разработка этого сюжета — впереди.

1994

Сергей Бирюков
Кости времени и чувств

Доклад, прочитанный на Белградской конференции 2004 г., но не включенный в научный сборник по причине «недостаточной научности».

Все поэты загадочны. Каждый по-своему. Вообще непонятно — зачем они приходят в мир, зачем сочиняют они стихи, зачем эти стихи запоминаются некоторыми существами, зачем не запоминаются, зачем критик Б называет этих поэтов графоманами, зачем писательница К награждает поэтов комплексами, которые им и не снились, потому что у поэта хватает своих комплексов.

Речь пойдет об Александре Ивановиче Введенском (1904—1941). Он сто лет назад родился.

Яков Друскин — приятель и собеседник поэта — написал о нем так: «Введенский был человек, т. е. ел, пил, спал, зарабатывал деньги писанием большей частью ненужных ему детских стихотворений, ухаживал за женщинами, играл в карты. И тот же самый Александр Иванович Введенский вдруг отрешался от всех практических и интересных дел, усаживался в углу на стуле, подложив на колени книгу, на книгу бумагу — потому что своего письменного стола у него никогда не было — и писал стихи, за которые ему не только не платили денег, наоборот за которые тупые и злые люди убили его».

Друскину удалось ухватить самую невозможность объяснения — почему вот этот человек (см. приметы, перечисленные выше) вдруг пишет стихи (за которые и т. д.) и даже без письменного стола.

По одной из теорий поэты — проводники некоей незримой воли. Вот через него передается «сообщение». И этот человек немедленно отбрасывает карты, в которые только что с увлечением играл, и «усаживается в углу на стуле». То есть: «Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон», а как потребует...

Возможно, что так, а возможно, что нет.

Во всяком случае с Введенским у нас нет полной ясности на этот счет. Был ли он медиумом высших сил. А вообще-то, конечно, поэт — это медиум. Или он умел собирать нектар из всех цветов и преобразовывать его в мед поэзии.

Каков этот мед на вкус? А поэзия воспринимается как? Она, говорят, воспринимается сенсорно, то есть читаешь глазами, а в глазах есть такие окошки, через которые проходят токи поэзии. Ну, может, не окошки, а волоконца. Вы глазами по строчкам водите, а чувство, записанное в строчках, наматывается на волоконца и застревает там где-то, в позвоночнике.

По-научному тоже можно — «семантический ореол» данного размера... Это очень правильно — так объяснять, почему это нас трогает.

Но поэту «семантический ореол» дается изначально. Так у Введенского. Он просто записывает. Он записывает, как говорит. Он пытается записать размышление, которое проговаривается. Он как будто наговаривает стихи, а вовсе их не пишет. Он отменяет строфику и вообще формальные особенности стиха, пунктуации, сохраняет только разбивку на строки, почти случайную, просто вот это еще надо сохранить — строчка за строчкой и созвучия на концах строк. Запись может начинаться по-детски, как считалочка:

Будем думать в ясный день,
Сев на камень и на пень.
Нас кругом росли цветы,
Звезды, люди и дома.
С гор высоких и крутых
Быстро падала вода.

Потом все может усложниться, может перейти в некоторое количество вопросов, задевающих самые основания бытия.

Здесь я сделал перерыв и обратился к поисковым машинам в Сети, чтобы узнать, как же отмечают у нас 100-летие одного из самых необходимых поэтов XX века. Оказалось, что не очень отмечают. Но был вознагражден, так как попал на сайт, полностью посвященный А. И. Введенскому, созданный людьми, которые обозначены просто фамилиями — Мраков и Камский. Грамотный сайт — с полностью выложенным корпусом сочинений по из-

вестному двухтомнику, изданному десять лет назад «Гилеей» и давно раскупленному. С подборкой статей и подборкой редчайших фотографий. С форумом, записи с которого просятся в цитаты. Например, nowinter пишет:

«Обалденно!

а я думал кроме элегии и нету ниче

опа

спасибо»

Или пишет Samarkand:

«Очень рад был встрече с вашим прекрасным сайтом. Может я был Введенским в прошлой жизни? Что-то много общего, а его стихи прочитал только сегодня в первый раз на вашем сайте. А вообще хрен его знает. С уважением»

Или еще, копирую:

«37. Софья Ильинишна

Я пенсионерка из города Назаровска Пензенской Области. Пенсия у меня — 618 рублей. Разве можно на такие деньги сегодня прожить?

Вот почитала Введенского... Вроде бы отличный мужик. Может он мне поможет? Почему у вас на сайте нет его e-mail-а?»

«19. Виктор Соколов

Спасибо вам, Мраков и Камский, за отличный сайт о практически забытом поэте! Я был рад обнаружить его в новогоднюю ночь. Спасибо за подарок!»

Могут сказать, что этот форум не репрезентативен. А на самом деле вполне. И особенно в плане незнания. Только всеведущие критики могут рассуждать, жонглируя именами, что тот мол устарел, этот графоман, а вот этот гений. На самом деле — узок круг. Время активного просвещения осталось далеко позади. Но вот, слава Богу, который кругом возможно, что нашлись Мраков и Камский! И Введенский теперь существует по адресу vvedensky.by.ru, а также еще на двух сайтах. И «Софья Ильинишна» может письмо написать его представителям!

Да, так вот об основаниях бытия. Введенский вместе с Хармсом, Заболоцким, Бахтеревым разрабатывал особую драматургическую форму. То есть, конечно, каждый из них отдельно, но существует школа ОБЭРИУ, тут никуда не денешься. Идущая от Хлебникова, от футуризма вообще, но от Велимира в первую очередь. Это пьесы не пьесы, диалоги не диалоги, стихи не стихи. Это форма бесед с самим собой, с тем, кто внутри тебя, может быть. «Кругом возможно Бог». Здесь слово «возможно» означает и гипотезу, и доказательство поэтической теоремы. Доказательства в поэзии строятся по касательной.

В полилогическом произведении «Факт, Теория и Бог» действуют между прочим и такие персонажи, как Вопрос и Ответ. Причем Ответ отвечает

чаще, чем Вопрос вопрошает, а заканчивается все вопросом Ответа: **«мы кости?»**

Упершись взглядом в это вопрошение, вспомнив о «костях чувств», когда-то потрясших меня в монологе Носова из «Кругом возможно Бог», я кинулся перечитывать все другое. Понятно зачем. Чтение была захватывающим вдвойне, ибо захватывало само по себе возвращение в давно и недавно прочитанное, а во-вторых, у меня была сверхзадача — поиск костей, костного, скелета в общем. И оттого, что я не забывал об этом, напряжение нарастало.

Для начала я выписал себе из монолога Носова:

Важнее всех искусств
я полагаю музыкальное.
Лишь в нем мы видим **кости чувств**,
Оно стеклянное, зеркальное.

Но в «Кругом возможно Бог» оказалось несколько костяных клавиш. Стирkobреев разговаривает по телефону с Метеоритом (то есть небесным телом). Метеорит просится в гости. «Прилетайте», — говорит Стирkobреев и продолжает:

Горжусь, горжусь, кусок небесный
находит это интересным,
собрание пламенных гостей,
их столкновение **костей**.

Далее в этом же произведении, в интермедии «Беседа часов»:

Девятый час говорит десятому:
мы **кости времени**

Действующее лицо, поименованное Женщина, говорит Фомину и Носову:

Уж третий час вы оба здесь толчетесь,
все в трепете, в песке и в суете.
костями толстыми и голосом сочтетесь,
вы ездоки науки в темноте.

Еще Девушка там же говорит:

ведь мы еще не костяки

Последнее слово, понятно, не собственно кость, а труп, то есть окостенение, превращение. Заметим, что «костяк» встречается еще в произведениях «Минин и Пожарский» («Он мяса бронзовый костяк») и «Больной который стал волной» («Во мне остались пустяки / четыре печени да костяки»). Причем в этих случаях «костяк» может быть «основой».

Но пройдем дальше, по другим произведениям. В «Куприянове и Наташе» находим сразу же, с первых строк:

Пугая мглу горит свеча,
у ней **серебряные кости**.

Тут «кости» рифмуются с «гости», это рифма, вероятно, идущая из фольклора, следовательно, архетипическая.

В «Четырех описаниях» эта рифма вновь возникает, падежно измененная, мы уже встречались с ней (см. выше). А здесь 2-й умирающий(ающий) говорит:

Я не складывал частей,
я сидел и ждал гостей
без **костей**.

В «Госте на коне» —

Боль мою пронзила **кость**.

Во «Все»:

поесть немного может быть ухи
в ней много **косточек** янтарных
жирных сочных.

В «Очевидце и крысе», когда Он в третий раз начинает рассказ, там возникает кость:

Лежебока, бедный всадник,
мчится в тройке как лакей,
входит в темный палисадник,
кость сжимая в кулаке.

Отдает курсистке <кость> он,
подает старухе трость.
Каждый час встречая тостом,
он лихую гладит **кость**.

Наконец в неоконченных произведениях, фрагмент «Глаголы» заканчивается:

Время съело события. От них не осталось **косточек**.

Как видим, слово «кость», в единственном, множественном, падежно измененных вариантах, уменьшительно-ласкательном виде функционирует в разных текстах в диапазоне от нормативного до метафорического употребления.

Обэриуты предприняли совершенно непредсказуемую переработку реальности. В мире, обнаженном до костей чувств, костей времени, они улавливали божественное начало, не скованное ритуалом. Они входили в самую сердцевину создания, а оболочки, надстройки, слепленные людьми, очищались в поэтическом вихре до степени таких четких и прозрачных очертаний, что...

Однако любое утверждение за этим «что» влечет за собой слишком конкретизированную привязку. А это Введенскому противоположно. Хармсу нет. Заболоцкому нет. А Введенскому да. Не означает ни лучше, ни хуже. Просто он был вне находимости. Он и остается там, хотя есть умные и хорошие исследования. Но подходы только ищутся. Строгие определения здесь не работают и не гарантируют полного прочтения. Работа с текстами Введенского как с примитивами тоже лишь «частица дня, единица ночи» (а это может означать и невероятно много).

В этом месте я решил сделать короткий перерыв, чтобы набрать дыхания для окончания текста. А чтобы не образовалось пробела, или пустоты, я подумал, что следует включить стихотворение, написанное во время размышления над костями чувств и времени и, кажется, учитывающее костный состав поэзии А. И. В.

ПОЕЗД ВВЕДЕНСКОГО

итак погружается поезд в ночь
в крики-лязги-скрипы
ладонь прижата к ладони
записка

колеблется сон
падает на рельсы
лунным бликом
отраженным
извне
поезд движется
или стоит
в остановленном времени
в непространственном
трансе
дрожит
расплываются пятна
на грязном вагонном стекле
это все из реальности
остальное
стальное
оста — уста
молчание крепнет
сетчатка схватывает
периферийные объекты
вбирает
и гасит
уже навсегда
это поезд
змей поезда
вспоминаешь строку
и губы шевелятся
непроизвольно
репродуцируя тишину
медленную
как воздух
вязкую
как глина
острую
как лопата
стремительную
как смерть
поезд-поезд-поезд
папироса
в конце изгорания

бурый цвет огня
у самого мундштука
эстетика последнего часа
господи помилуй нас...

Здесь еще надо немного задержаться, а затем уже можно читать окончание эссе.

Читая «правильное искусство» Введенского, чувствуешь, как постепенно умирает все вокруг, как сам ты исчезаешь с поверхности и переходишь в область «универсального бога». И при этом поразительно, что это именно чтение приблизительно в том виде как написано (точного прочтения не может дать никто, даже тот, кто записывал).

Вообще, конечно, вся поэзия входит в нас неведомыми путями. Но в так называемое новое время поэзия приобретает особые возможности такого вхождения. «Грандиозная неудача» Хлебникова, Введенского и в целом всего авангардного движения заключается в том, что человечество еще не выработало инструментов восприятия. Впрочем, нельзя утверждать, что оно их выработало в окончательном виде и для восприятия так называемой классики. Судя по тому, что пишут об этой самой классике и как судят писателей. Поэтому (еще раз впрочем) возможно, это хорошо.

Александр Иванович Введенский — идеальный поэт нашего времени. То есть такого времени, которое находится в непрерывном движении, такого, в котором мы еще не знаем начала и конца. Это время есть материя нашего существования.

«Тут входит слово никогда»

А. В. Крусанов

Хроника жизни и творчества Александра Введенского

1904

23 ноября (6 декабря нов. ст.). Родился Александр Иванович Введенский. Отец — коллежский ассессор Иван Викторович Введенский (1870—1939), мать — Евгения Ивановна (урожденная Поволоцкая, 1876—1935). В семье было еще трое детей: брат Владимир (1906—1971) и сестры Евлалия (1909—1920) и Евгения (1908—1946).

1914

А. И. Введенский определен в Петербургский Николаевский кадетский корпус.

1917—1921

4 мая 1917. А. И. Введенский поступил в 4-й класс гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской (впоследствии 10-я Трудовая школа имени Л. Д. Лентовской), в которой учился до 1921 года. В той же гимназии одновременно учились Я. С. Друскин (1913—1919), Л. С. Липавский (1917—1920), Т. А. Мейер (1919—1921), М. С. Друскин. Отзывы учителей о А. И. Введенском за 1917/1918 уч. год: преподаватель истории А. Ю. Якубовский — «Прекрасный, б. м. луч-

ший по моему предмету ученик в классе. Развит, способен, активен, в беседах интересен»; преподаватель русского языка Л. В. Георг — «Хороший человек; развит, способен, но чрезмерно болтлив с учителем. Говорит охотно и много. Необходимо останавливать. Любознателен, но в суждениях не самостоятелен и поверхностен. Несмотря на свой рост, еще большой ребенок»; преподаватель математики Е. К. Озол — «Прилежный исправный ученик, способности небольшие. Успевает. Поведение удовлетворительное»; за 1918/1919 уч. год: преподаватель истории А. Ю. Якубовский — «Один из способных учеников класса. К сожалению, обнаруживает такие черты, которые в будущем мало хорошего обещают ученику. Несмотря на высокую для возраста и класса интеллигентность, проявляет во всем легкомыслие и поверхностность. С пылом молодой, юной души бросается на что-нибудь новое, но очень скоро остывает. Склонности и вкусы ученика в гуманитарной области. Но и здесь мало устойчивого. Мнения меняет быстро и не смущаясь. Сам жалуется, что лишен твердой воли. В оценках своих очень строг, на что не имеет, однако, права. Чересчур самонадеян и несколько влюблен в себя. К товарищам отношение неровное и несерьезное»; преподавателя русского языка Л. В. Георга — «Несколько скоростен в суждениях, но убеждению вполне доступен. Характера неровного, быстро остывает к своим увлечениям. Вкусы гуманитарные. Характера твердого нет»; преподавателя математики П. Ю. Германовича — «Гастролиер. Верхотряд. Мог бы работать много лучше. Способен. Дома ничего не делает». А. И. Введенский жил по адресу Съезжинская ул., д. 37, кв. 14.

1917—1918

Конец 1917 или 1918. В гимназии образовался коллектив поэтов (А. И. Введенский, Л. С. Липавский, В. С. Алексеев), совместно написавших поэму «Бык Будды» (не сохранилась).

1920

Май. Написано стихотворение «И я в моем теплом теле...».

Август. Написан «Отрывок из поэмы».

Ноябрь — декабрь. Написаны стихи из цикла «Дивертисмент».

1921

Январь. А. И. Введенский, Л. С. Липавский и В. С. Алексеев послали свои стихотворения на отзыв А. А. Блоку. Блок отметил на письме: «Получил 20.I.1921. Отв. 23.I. Ничто не нравится, интереснее Алексеев». Этот год А. И. Введенский считал началом своей литературной биографии.

Июнь. А. И. Введенский закончил 10-ю Трудовую школу имени Л. Д. Лентовской.

14 июня. Поступил работать конторщиком в бухгалтерию (с 15 ноября 1921 — счетоводом коммерческого отдела) на строительство электростанции «Уткина Заводь». Должность управляющего делами строительства занимал И. В. Введенский. Проработал до октября 1922 года.

С 1921 по 1930 г. женат на Т. А. Мейер.

1922

Январь. Сближение А. И. Введенского с Я. С. Друскиным. По воспоминаниям Я. Друскина, «возвращаясь с похорон ученицы нашей школы, мы начали разговор, тему которого определить трудно. Я назвал бы это разговором об ощущении и восприятии жизни вообще. В этих вопросах мы сразу же нашли общий язык. Так и возникло объединение нас троих <Я. С. Друскин, Л. С. Липавский, А. И. Введенский>. <...> В 1922—1923 годах Введенский почти каждый день приходил ко мне и мы вместе шли к Липавскому или они оба приходили ко мне. У Введенского мы бывали реже».

18 октября. А. И. Введенский подал заявление о приеме в число студентов ПГУ на правовое отделение факультета общественных наук (ФОН). В ПГУ в это время уже учились Я. С. Друскин, Л. С. Липавский и Т. А. Мейер.

1923

Зима 1923 — весна 1924. Работал в Фонологическом отделе ГИНХУКа вместе с И. Г. Терентьевым и М. С. Друскиным.

Конец года. Вместе с И. Г. Терентьевым и М. С. Друскиным от имени «ЧК на литературном фронте» посылал письма-рецензии известным литераторам Москвы и Петрограда (Эренбургу, Асееву, Третьякову, Сосновскому, Брику, Маяковскому и др.).

1924

6 мая. А. И. Введенский заполнил анкету для вступления в Союз поэтов.
14 ноября. Принят в Союз поэтов.

В течение года написаны произведения «Парша на отмени», «Полотенрам и онанистам» (*авторство коего, впрочем, сомнительно — А. Г.*).

1925

Март—апрель. Знакомство с Д. Хармсом. По воспоминаниям Я. Друскина: «Весной или летом 1925 года Введенский однажды сказал мне: “Молодые поэты приглашают меня прослушать их. Пойдем вместе”. Чтение стихов происходило, кажется, на Васильевском острове на квартире поэта Вигилянского <6-я линия, 42>. Из всех поэтов Введенский выделил Д. И. Хармса, друга Вигилянского. Домой мы уже возвращались вдвоем, с Хармсом. Так в наше объединение троих (Введенский, Липавский и я) вошел Хармс. Неожиданно он оказался настолько близким нам, что ему не надо было перестраиваться, как будто он уже давно был с нами».

Около 5 апреля. Записал экспромт в альбом Хармса.

23 мая. Написано стихотворение «Галушка», посвященное Л. Липавскому.

16 (17?) октября. «Вечер заумных поэтов» в Союзе поэтов (Фонтанка, 50) с участием А. Туфанова, А. Введенского, Д. Хармса и др.

3 ноября. Организационное собрание поэтов, примыкающих к Левому фронту на квартире И. И. Маркова (Дворцовая наб. д. 32, кв. 4). Присутствовали: А. В. Туфанов, Д. И. Хармс, А. И. Введенский, Б. К. Черный, И. И. Марков, Е. И. Вигилянский, Б. А. Запаладов.

12 ноября. Организационное собрание «Левого фланга». Присутствовали: И. И. Марков, А. В. Туфанов, Д. И. Хармс, А. И. Введенский, Б. К. Черный, К. В. Соловьев, Л. С. Липавский и др. Введенским написана «декларация»: «Ни эмоций ни смысла в искусстве не признаю. Единственной положительной до конца является бессмыслица».

25 ноября. Присутствовал на заседании «Левого фланга».

9 декабря. Присутствовал на заседании «Левого фланга».

11 декабря. Присутствовал на заседании Союза поэтов.

15 декабря. Выступление «Левого фланга» в Институте Истории Искусств.

23 декабря. Присутствовал на заседании «Левого фланга». Обсуждался проект обращения в литературные организации, предложенный Введенским и Туфановым.

30 декабря. Присутствовал на заседании «Левого фланга».

1926

5 января. «Заседание левого фланга. Порядок выступл. 1) Введенский, Хармс, Джемла <Е. И. Вигилянский>, <Б. К.> Черный, Туфанов, <И. И.> Марков, <Б. И.> Соловьев. 2) Соловьев, Марков, Туфанов, Черный, Джемла, Хармс, Введенский. О <Г. Л.> Богаевском. Мы строим свободную организацию и сами упираемся на старую».

13 января. Присутствовал на заседании «Левого фланга».

27 января. Заседание нескольких членов «Левого фланга» на квартире Введенского. Принято заявление о выходе Введенского, Хармса и Вигилянского из «Левого фланга».

31 января. Выступление «Левого фланга» в Доме работников просвещения.

Январь. Планировалось издание сборника «Положа руку на сердце!» при участии Хармса Введенского, С. Спасского, Г. Шмерельсона и др. Сборник не издан.

13 февраля. Написано стихотворение «Острижен скопом Ростислав», посвященное Д. Хармсу.

19 марта. Присутствовал на заседании ЛО ВСП.

3 апреля. Хармс и Введенский отправили письмо и свои стихи Б. Л. Пастернаку с просьбой сообщить о возможности напечатать их в альманахе издательства «Узел» или отдельной книгой, ввиду невозможности публикации их произведений в Ленинграде.

Апрель. Д. Хармс отметил в записной книжке: «В апреле сего года я читал первую книгу Рамачараки “Основы миросозерцания индийских йогов”. — Только я прочел ее, пришел Шурка и искушал меня. Я поддался искушению и сжег эту книгу. Потом каялся».

13 мая. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Пили у <И. И.> Маркова. Александр Васильевич <Туфанов> напился так, что дома были ему тросточкой, когда он пошел домой. Я тоже был <пьян> и слабо знал что делать». И. И. Марков жил по адресу Дворцовая набережная, д. 32, кв. 4.

15 мая. «Суббота 15 мая утро у Марковых. Ночь на воскресенье — бардак у Женьки <Е. И. Вигилянский>».

Конец мая — начало июня. Хармс отмечает в записной книжке адрес Введенского в Алушке: «дом отдыха Промбанка, б. дача Овчинникова».

Май — 11 июля. Создано произведение «Минин и Пожарский».

29 июля. Письмо Д. Хармсу.

- 6 августа. Письмо Д. Хармсу из Алупки, в котором, в частности, сообщал: «вчера 5 августа в четверг, я написал стишки под названием “Обмакни ДИТЯ”» (произведение с таким названием не сохранилось).
- 9 августа. В письме Д. Хармсу из Алупки (с фиктивным местом отправления: Сестрорецк) Введенский сообщал: «я еще написал стихи... Интересная подробность, во втором стихотворении оказалось столько же строк, сколько в первом... т. е. ровно 55 строчек».
- 11 августа. Письмо Д. Хармсу из Алупки: «Еще 10 авг. написал стихи назыв. ПОЖАР НА ПОЛЬЗУ» (Стихи с таким названием не сохранились).
- 21 августа. В письме Д. Хармсу из Алупки Введенский сообщал: «Большой популярностью здесь пользуются “случай на Жел. Дор.” который я помню наизусть и отрывок из “Польки затылки”, чуть ли не каждый день приходится их читать, а из моих вещей меня дразнят “Пеночкой стучит” и “хреном трет супругу”, — публика, надо сказать, идиотская, я здесь 18 числа написал еще стихи. Думаю 3го ночевать к тебе я вряд ли смогу придти, потому что ко мне наверно придет ночевать Тамара, если будут так увидимся днем 4го, а читку устроим 4го ночью».
- 17 сентября. Д. Хармс допущен к экзаменам по Кино-отделению Курсов искусствоведения при ГИИИ. Знакомится с членами театрального коллектива «Радикс» И. В. Бахтеревым, Г. Н. Кацманом, С. Л. Цимбалом.
- 20 сентября. Н. А. Заболоцкий написал открытое письмо «Мои возражения А. И. Введенскому, авторитету бессмыслицы».
- 21 сентября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Начали писать драму». Пьеса «Моя мама вся в часах» Д. Хармса и А. Введенского (утрачена) предназначалась для театрального коллектива «Радикс».
- 22—23 сентября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Писали вещь».
- 24 сентября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «3 ч. д. <В. М.> Дешевов. Ночь у Бахтерева». И. В. Бахтерев жил по адресу ул. Некрасова, д. 60, кв. 81.
- 25 сентября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Откр<ытие> Союза Писат<елей>. Экзамен. Палитр». Союз писателей располагался по адресу наб. Фонтанки, д. 50, кв. 25.
- 26 сентября. Вечером (7 ч.) на квартире И. В. Бахтерева состоялся сбор актеров, приглашенных для участия в спектакле «Моя мама вся в часах».
- 27 сентября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Совещ<ание> утром с Бахтер<евым>. 7 1/2 у Дешевой. Ночь у Введенского. У <Э. А. Русаковой>». В. М. Дешевов проживал по адресу Адмиралтейская наб., д. 6, кв. 31; А. И. Введенский проживал по адресу Съезжинская ул. д. 37, кв. 14.
- 28 сентября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «12 ч. д. — Репетиция <спектакля «Моя мама вся в часах»>».

- 29 сентября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «1 дня. Репетиция <спектакля «Моя мама вся в часах»».
- Октябрь. Д. Хармс принят на Кино-отделение Курсов искусствоведения при ГИИИ. Одновременно на Кино-отделение принят К. Б. Минц, на Театральное отделение — Е. И. Вигилянский и Д. Левин, на Отделение словесных искусств — И. А. Рахтанов, И. Г. Берлин, Ю. П. Варшавский, В. В. Ключиков. На втором курсе Театрального отделения в это время учились И. В. Бахтерев, С. Л. Цимбал и Г. Н. Кацман, на втором курсе Словесного отделения — К. К. Вагинов, на втором курсе Музыкального отделения — П. А. Вульфус.
- 1 октября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «III Репетиция 11 ч».
- 2 октября. В 11 ч. утра на квартире И. В. Бахтерева состоялась четвертая репетиция спектакля «Моя мама вся в часах». В тот же день Д. Хармс отметил в записной книжке: «Союз Пис<ателей>. Докл. <Е. Г.> Геркена».
- 4 октября. Запись Д. Хармса: «Попойка».
- 5 октября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «12 ч. Переписка ролей. У Т. А. Мейер>». Т. А. Мейер проживала по адресу Кронверкская ул., д. 23 кв. 71.
- 6 октября. На квартире И. В. Бахтерева состоялась пятая репетиция спектакля «Моя мама вся в часах». В тот же день Д. Хармс отметил в записной книжке: «У <Я. С.> Друск<ина> 9 ч. в. У Семена <Полоцкого>». Я. С. Друскин проживал по адресам Большой пр. П. С., 17 (1922—1930), Невский пр., д. 150 (с 1930), Гатчинская ул., д. 6 (1941—1942).
- 8 октября. В 1 ч. дня у А. И. Введенского состоялась шестая репетиция спектакля «Моя мама вся в часах».
- 11 октября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Репет<иция у> Бах<терева> 2 ч».
- 12 октября. Организаторы театральной группы «Радикс» С. Цимбал, И. Бахтерев, А. Введенский и Д. Хармс подали заявление в Гос. Институт художественной культуры (ГИНХУК) с просьбой предоставить им помещение для лабораторно-репетиционных работ в утреннее время.
- 13 октября. В 11 ч. утра у А. И. Введенского состоялась очередная репетиция спектакля «Моя мама вся в часах».
- 14 октября. На заседании Правления ГИНХУКа обсуждалось заявление театральной группы «Радикс» о предоставлении для репетиций белого зала Института. Решено зал предоставить. Музей и Институт художественной культуры располагались по адресу пл. Воровского (ныне Исаакиевская пл.), д. 9.
- 16 октября. В 2 ч. дня у И. В. Бахтерева состоялась очередная репетиция спектакля «Моя мама вся в часах».

- 18 октября. В 11 ч. утра в ГИНХУКе состоялась репетиция спектакля «Моя мама вся в часах».
- 20 октября. В 2 ч. дня в ГИНХУКе состоялась репетиция спектакля «Моя мама вся в часах».
- 21 октября. В 1 ч. дня в ГИНХУКе состоялась репетиция спектакля «Моя мама вся в часах».
- 22 октября. В 1 ч. дня в ГИНХУКе состоялась репетиция спектакля «Моя мама вся в часах».
- 26 октября. В 1 ч. дня в ГИНХУКе состоялась репетиция спектакля «Моя мама вся в часах». К репетиции Хармс пометил: «Антонио. Танец <3. И.> Бородиной».
- 27 октября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «В 12 ч. Собрание в чело-
лобитне. Стихи». Введенским написано стихотворение «Воспитание ду-
ши», посвященное Липавскому.
- 2 ноября. Рассуждение Д. Хармса о постижении высших тайн с помощью
нюхания эфира «по случаю нанюхивания Шурки».
- 3 ноября. «3 ноября “Моя мама вся в часах” была снесена в цензуру. Го-
ворили с <сотрудником Гублита С. А.> Воскресенским. Договорились
о просмотре спектакля не читая вещи».
- 4 ноября. Запланированная репетиция спектакля «Моя мама вся в часах»
в ГИНХУКе не состоялась. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Ре-
жиссеры не пришли и артисты вскоре разошлись».
- 5 ноября. Был в Союзе поэтов.
- 10 ноября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Репетиция <Радикса>
в 1 ч. дня. Забрали Заболоцкого и Вигилянского». «10 ноября. Радикс
рухнул».
- 12 ноября. Д. Хармс, И. Бахтерев, С. Цимбал, Г. Кацман выступали на вече-
ре ЛО ВСП. Это выступление Д. Хармс планировал следующим образом:
«Сию пятницу 12-го ноября хочу обставить боевыми положениями, из
коих суть следующие. После нашей читки выйдет Игорь Бахтерев и ска-
жет бессмысленную речь, приводя цитаты из неизвестных поэтов и т. д.
Потом выйдет Цимбал и также произнесет речь, но с марксистским укло-
ном. В этой речи он будет защищать нас, оправдывая наши произведе-
ния в глазах различной сволочи. Наконец две неизвестные личности,
взявшись за руки, подойдут к столу и заявят: по поводу прочитанного
мы немного сказать можем, но мы споем. И они что-нибудь споют. По-
следним выйдет Гага Кацман и расскажет кое-что из жизни святых. Это
будет хорошо». «В пятницу 12 ноября хочу прочесть: “Комедию города
Петербурга 1 ч.” <утрачена>, “Китобой” <утрачено>, “Казачью смерть”
и на бис “Историю одной войны” <утрачено>. Шуре советую прочесть:

“Воспитание души”, Отрывки из “Русского чтения”. На бис прочесть “Буря и дядя” (2-ая вариация 1. “Вьется речка долгополая”. 2. “Сиси Пиколка”. 3. “Воспитание души”. На бис прочесть “Буря и дядя”. 3-я вариация “А он неоднократно видел сон”, “Платон”, “Абеляр”, “Буря и дядя”, “Ответ девы”¹».

14 ноября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Ночь у Шурки <Введенского>».

22 ноября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «К 2 ч. у Шурки».

23 ноября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «23 нояб. Вторник. 1926 г. Я, Даниил Хармс, обязуюсь предоставить себя до субботы в смысле выпивок и ночей Александру Ивановичу Введенскому. Прим. Если выпивки не будет, которую Введенский признает достаточной, то срок переносится. Клянусь в исполнение этого самым святым для меня на свете».

24 ноября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Вечер наш в Пищевкусе». «Кацман, Бахтерев, Цимбал, Введенский, Хармс <...>. Вечер не состоялся».

25 ноября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Вечер с питьем». (См. 23 ноября 1926)

26 ноября. Запись Хармса: ночью «достали эфира с какими-то примесями. Дома маме было нехорошо от запаха. Я понюхал в первый раз».

¹ Текст под таким названием позднее был вписан Введенским в альбом Алексею Крученых. Вот он:

Ответ девы.

*Зачем же пакостишь ты дева
Немые эти ручейки,
Одутловатый хвостик древа,
вид памятника, речь оки?*

ответ девы:

А потому, что челноки.

А. Введенский

1913 г.

Факсимильная публикация его была предпринята В.Глоцером, см.: Независимая газета. ExLibris. 2 декабря 2004, в интернете: exlibris.ng.ru/person/2004-12-02/5_deva.html. В комментарии исследователь всерьез рассматривает дату «1913 г.» как дату создания текста, что не может не вызывать сомнения — дата скорее всего игровая и совпадает с периодом бури и натиска российского футуризма. — *Примеч. А. Г.*

27 ноября. Хармс записывает свою и Введенского программу ритуала «Откидывания».

3 декабря. Был на вечере Союза поэтов.

9 декабря. Подано «заявление в Кружок друзей камерной музыки о разрешении литературно-левого утреника». «Договор с Домом Искусств об устройстве вечеров Левого Фланга, а потом поочередно и всего Союза <поэтов>».

Вторая половина декабря. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Предполагаемые члены будущего “Фланга Левых”: А. И. Введенский, Н. А. Заболоцкий, И. В. Бахтерев, Д. И. Хармс, К. С. Малевич, Н. Дмитриев <Н. П. Дмитриев>, С. Л. Цимбал, <И. М.> Синельников, А. В. Туфанов, Е. И. Вигилянский, Матвеев из Университета, Г. Н. Матвеев из Владивостока».

«Во вторник в 6 ч. вечера придет ко мне Олимпов».

«29 <декабря 1926> у К. К. Олимпова, часов в 6». К. К. Олимпов проживал по адресу П. С. ул. Ленина (б. Широкая) д. 39 кв. 12.

23 декабря. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Вопрос о Вагинове. Сделать заседание с Малевич, Введенский, Заболоцкий. Бахтерев, Хармс, Вагинов. Решили без Вагинова».

Конец декабря. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Беседа с К. С. Малевичем. 1) Абсолютное согласие К. С. на вступление в нашу организацию. 2) Сколько активных человек дает он I разряда (мы 4 челов.). 3) Сколько II разряда (мы 7 челов.). 4) Дает ли он нам помещение (для малых заседаний комнату предоставили). 5) Связь с ИНХУКом. 6) Сколько очков под зайцем (мы: граммофон плавает некрасиво). 7) О названии (невозможность «Уновиса») <...>. 8) Какова верховная власть? (Мы предлагаем Малевича, Введенского, Бахтерева, Хармса)».

Конец 1926 — начало 1927. Письмо Д. Хармсу.

Первая публикация А. Введенского: в сборнике ЛО ВСП «Собрание стихотворений».

В течение года написано произведение «Начало поэмы».

1927

4 (9?) января. Утро поэтов Левого фланга (Кружок друзей камерной музыки).

14 января. Д. Хармс отметил в записной книжке: «На 14-ое янв. Начиная с 0 ч. выступление Радикса». Был в Союзе поэтов.

Середина января. Составил проект сборника Левого фланга. Участники: Введенский, Хармс, Заболоцкий, Вагинов, Бахтерев, Дмитриев, Кох-Боот (статьи «Мюзик-холл», «Бессюжетный балет»), Малевич, Бахтерев (статья о живописи). Сборник не издан.

Вторая половина января. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Жму руку Шурке <Введенскому>. Эфир это курица наоборот. Ждал чудес и верно. Что тебя тревожит, то и видишь. <...> Эфир. Как на электрической станции. Эфир для всех тоже самое. Все те же состояния. Состояния как островки. Нюхать нужно одному и в полумраке, и все-таки зря, ибо начало того, что нужно, не вспомнишь, а так это только удовольствие».

18 февраля. Хармс, Введенский и Заболоцкий и др. читали свои стихи на собрании Союза поэтов (Дом печати).

26 февраля. Введенский ночевал у Хармса.

27 февраля. Запись Хармса: «Был с Шуркой <Введенским> у Игоря Б<ахтерева>, Потом у Гаги <Г. Кацмана>. Вечером у ТАМ <Т. А. Мейер>. Ночевал Шурка у меня».

1 марта. Присутствовал на закрытом собрании Союза поэтов по обсуждению вопроса о 2-м альманахе ЛО ВСП. Участвовал в прениях.

5 марта. Д. Хармс написал стихотворение, посвященное А. И. Введенскому «В смешную ванну падал друг...».

Начало марта. Д. Хармс написал стихотворение «Комментарий к философии А. И. Введенского».

15 марта. Читал стихи на закрытом собрании Союза поэтов.

21 марта. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Ночь на 22-ое <марта>. Придет ко мне Шурка. Предполагаю сегодня ночью 1) Разобрать <шахматную> партию Гунсберга. 2) Пописать стихи. 3) Покушать редьку. 4) Сыграть в шахматы. 5) Прочсть Шурке мне: Ладонь киевлянина, и я в шинели».

Между 21 и 25 марта. Хармсом составлен план первого сборника «Радикса»: «Теоретический отдел: 1) Шкловский — О Хлебникове. 2) Малевич — Об искусстве (Запад. корреспон.). 3) Липавский — О чинарах. 4) Ключков — О левом фланге (радиксе). 5) Бахтерев — О живописи. 6) Кох-Боот <Г. Н. Кацман> — О театре. 7) Цимбал — Информация «Радикса». 8) Островский — Московский Леф. 9) Бухштаб — Константин Вагинов. 10) Л. Гинзбург. 11) Гофман. 12) Степанов. Творческий отдел: 1) Введенский — Прозу и стихи. 2) Хармс — Стихи и драма. 3) Заболоцкий — Стихи. 4) Бахтерев — стихи. 5) Вагинов — Прозу и стихи. 6) Хлебников —

- Стихи. 7) Туфанов — стихи ? Живопись: 1) Бахтерев. 2) Дмитриев. 3) Из Инхука. Графика: 1) Заболоцкий. 2) Филонов». Сборник не издан.
- 25 марта. Создание Академии левых классиков. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Так назвались мы с пятницы 25 марта 1927 г. Название пришло почти одновременно Гаге <Г. Н. Кацман>, Игорю <И. В. Бахтерев> и мне. Пришло оно у Кацманных, мы были там, чтобы писать декларацию и вот нас осенило название. Все согласны. Кроме Шурки <А. И. Введенский>. Этот скептик проплеванный ни на какое название, кроме чинаря, не гожд». Цель: «Борьба с халтурой. С косн<остью> форм и чувств. Новая форма — революц<ия>. Наши ближайшие задачи: 1. Создать твердую Академию Левых Классиков. 2. Для этого собрать конференцию и составить манифест. 3. Войти в Дом печати как секция Левых работников искусства. 4. Добиться вечера с танцами для получения суммы около 600 рублей на издание своего сборника. 5. Издать сборник».
- 26 марта. Вечер Левого фланга в ГИИИ.
- 28 марта. Выступление Академии левых классиков (Д. Хармс, А. Введенский и др.) на собрании литературного кружка Высших курсов искусствоведения при ГИИИ.
- 16 апреля. «В 2 часа дня арест Гаги К<ацмана>».
- Апрель — май. Хармс переписывает заглавия 36-ти произведений Введенского под названием «Оглавление Шуркиной тетради».
- 6 июля. Д. Хармс отметил в записной книжке: «На 6 июля 1927 года. 1. Позвонить Шурке. 2. Позвонить Игорю и узнать о контрамарках на Кшенека. 3. Убрать комнату. Послать Гаге открытку».
- 13 июля. Пометка в записных книжках Хармса: в пятницу или субботу <в Царское село> приедет Шурка. Письмо Введенского Хармсу в Царское село из Ленинграда.
- 17 июля. Письмо Введенского Хармсу в Царское село из Ленинграда.
- 21 июля. Письмо Хармса Введенскому из Царского села.
- 25 июля. Письмо Введенского Хармсу в Царское село из Ленинграда.
- 3 сентября. Письмо Введенского Хармсу из Алупки.
- 21 октября. Д. Хармс, А. Введенский, К. Вагинов, Н. Заболоцкий и др. присутствовали на закрытом собрании Союза поэтов (Дом печати), посвященном организационной структуре ЛО ВСП и его деятельности.
- Октябрь (?). Директор Дома печати Н. П. Баскаков предложил участникам Левого фланга, сменив название, стать поэтической секцией Дома печати. Предложение было принято, и группа, пополнившаяся студентами Кино-отделения Высших курсов искусствоведения при ГИИИ А. В. Разумовским и К. Б. Минцем, получила сначала название «Объединение ра-

- ботников реального искусства» (Обэзэриу), а затем более лаконичное «Объединение реального искусства» (Обэриу).
- 25 октября. «Первое утверждающее выступление Объединения работников реального искусства» (Дом печати, Фонтанка, 21). Выступали Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий, И. Бахтерев, К. Вагинов.
- 23 ноября. Заседание обэриутов в Доме Печати (8 ч. в.). «Повестка дня. Доклад о текущих делах. 1) Выработка принципов объединяющих поэтов и художников. 2) Выработка методов внутренней работы. 3) Выработка методов внешней работы. 4) Проект вечера “Три левых часа”. 5) Составление сметы на вечер. 6) Составление календаря <выступлений> в Д<оме> П<ечати>».
- 29 (?) ноября. Запись Хармса: «Втор. 7 ч. веч. Ассоциация Д<етских> П<исателей>».
- 30 (?) ноября. Запись Хармса: «Среда. 8 ч. в. Заседание Обэзэриу (Дом Печати)».
- 1 (?) декабря. Запись Хармса: «Пятн. 8 ч. Союз Поэтов».
- Начало декабря. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Олейниковым и Житковым организуется ассоциация “Писателей детской литературы”. Мы (Введенский, Заболоцкий и я) приглашаемся. Клюев приглашает Введенского и меня читать у каких-то студентов, но не в пример прочим, довольно культурным. В четверг, 8 декабря, утром надо позвонить Клюеву. Вечером в понедельник <5 декабря> съездить к Ермолаевой. Во вторник вечером (6 декабря) придут ко мне <Л. А.> Юдин и <Б. М.> Левин».
- 24 декабря. Заседание ОБЭРИУ в Доме печати (8 ч. веч.). Повестка дня: 1) Читка пьесы. 2) Разговор с Домом Печати о деньгах на перепечатку пьесы. 3) Распределение работ: а) по созыву актеров, б) по составлению плана спектакля.

В течение года написано произведение «Седьмое стихотворение».

1928

- 14 января. Вечер ОБЭРИУ (Дом печати, Фонтанка, 21).
- 24 января. Вечер ОБЭРИУ «Три левых часа» (Дом печати, Фонтанка, 21): 1) Выступали К. К. Вагинов, Н. А. Заболоцкий, И. В. Бахтерев, Д. И. Хармс, А. И. Введенский. 2) Демонстрация спектакля «Елизавета Бам». 3) «Вечернее размышление о путях кино» А. В. Разумовского и демонстрация «Фильма № 1 Мясорубка». Диспут.

Январь. Опубликована декларация ОБЭРИУ.

Февраль. Начал выходить детский журнал «Еж» при участии Д. Хармса, А. Введенского, Н. Заболоцкого, Н. Олейникова, Н. Венгрова и др. Редакция журнала «Еж» помещалась в Детгизе (Невский пр., 28).

27 февраля. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Позвонить Шуре относительно мирового, результаты оставить дома для передачи Николаеву. Сходить в Госиздат».

9 апреля. Директор Дома печати Н. П. Баскаков (1896—1938), благоволивший к деятелям левого искусства, решением партколлегии Ленинградской областной контрольной комиссии ВКП (б) за принадлежность к «ленинградскому подпольному центру» и распространение оппозиционных материалов исключен из партии и Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 21 апреля 1928 выслан в Сибирь на три года. При новом руководстве деятельность Дома печати была переориентирована на поддержку пролетарских литературно-художественных организаций. Запись Д. Хармса в конце декабря 1928: «Н. П. Баскаков. Камень (сибирь) Телефонный, 22».

Май — июнь. Введенский включен в список участников коллективной работы над переводами сказок братьев Гримм.

Начало августа. Переговоры Д. Хармса с уезжавшим за границу художником П. А. Мансуровым «о том, что мы будем посылать стихи в письмах таким образом, что их можно оторвать и переписать». Д. Хармс отметил в записной книжке: «Вещи, отправляемые в ***: Б. Левин — Улица у реки, Козел, Третий рассказ (1 лист); И. Бахтерев — Пастух, Путь в Нарым, Танец Ертышкина (> 1/2 л.), Ночное искушение; Д. Хармс — Елизавета Бам (2 листа), Казачья смерть, Искушение, Авиация превращений (> 1/2 листа), Скупость, Фокусы, Мария; А. Введенский — (1 лист), Вагинов и Забол<оцкий> — (1 лист)».

21 августа. П. А. Мансуров уехал за границу и увез с собой рукописи: «Хармс — Предметы и Фигуры, Казачья смерть, Фокусы, Серенада, Искушение, Падение с моста, Скупость, Елизавета Бам. Бахтерев — Пастух, Путь в Нарым, Описание Ертышкина. Левин — 4 рассказа. Вагинов — 2 стихотворения (На берегу, Токсово). Введенский — <названия произведений не указаны>».

Сентябрь. Издана книга: А. Введенский. На реке. Рис. Е. Эвенбах. Тираж 15 000 экземпляров.

29 сентября. После доклада В. Маяковского в Академической Капелле выступала группа ОБЭРИУ. А. Введенский прочитал коллективную декларацию и отрывки из произведений всех присутствовавших на сцене обэриутов (Д. Хармс, Н. Заболоцкий, А. Разумовский, Б. Левин, И. Бахтерев).

Октябрь. Издана книга: А. Введенский. Много зверей. Стихи для детей.

Рис. В. Ермолаевой. Тираж 15 000 экземпляров.

Конец октября. Планируется вечер с участием обэриутов. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Программа вечера: Местное сообщение. Доклад литературный — 10 м<инут>. Доклад астрономический — 10. Вагинов — 7. Заболоцкий — 10. Романс — 5. Антракт — 10 м. Доклад обэриутский — 5. Левин — 12. Хармс — 10. Кропачев жонглер — 3. Бахтерев — 5. Введенский — 10. Коллективное выступление — 3. Концовка — 2. Что нужно сделать: 1. <Сходить с Вагиновым в сумасшедший дом — зачеркнуто>. 2. Договориться с <К. А.> Шимкевичем. 3. <Мне поговорить с Колькой — зачеркнуто>. 4. Договориться с Женькой <Е. Вигилянский>. 5. Устроить читку с б. ЛенЛефом в четв. 1 ноября. 6. Сходить с Колькой <Н. Заболоцкий> в баню».

Конец октября. В результате расхождений между поэтами-обэриутами от группы отошли Вагинов и Заболоцкий. Д. Хармс отметил в записной книжке: «К обэриу. Считать действительными членами обэриу: Хармс, Бахтерев, Левин, Введенский. 4 челов. Литер. Секция. Вигилянский — администратор. Создать художественную секцию обэриу. Пригласить Бахтерева, Каплуна. Принцип: Не надо бояться малого количества людей. Лучше три человека вполне связанных между собой, нежели больше, да постоянно не согласных».

Ноябрь. Издана книга: А. Введенский. Мяу. Рис. П. Митурича. Тираж 15 000 экземпляров.

10 ноября. Запись Д. Хармса о выступлениях для детей: «1. В суб. 10-го ноября в 2 ч. дня выступление в Госиздате. 2. В 8 ч. вечера выступать в библиотеке Суворовский 16. 3. В воскр. 11 ноябр. в 11 ч. веч. на Путиловском заводе. Клуб Ильича. Я туда не поеду. 4. Во вторн. 23 ноябр. в 6 ч. веч. В. О. Большой 10. Библиот. им. Льва Толстого». «На диспуте: Усы углем. Есть суп. Председатель диспута Вигилянский. Поручить написать: 1. Театр. действо — Хармс. 2. Бессмысленный Доклад — Хармс, Бахтерев». 3. Конферанс. 4. Разработ<ка> приготовление — Все. 5. Худ. оформление — И. Бахтерев».

14 ноября. Д. Хармс отметил в записной книжке: «Заседание Обэриу».

12 декабря. Планировался «вечер в трех покусах» в ГИИИ под названием «Василий Обэриутов» при участии Б. М. Левина, Д. И. Хармса, фокусника А. А. Пастухова, И. В. Бахтерева, А. И. Введенского. Предполагалось театральное действие «Зимняя прогулка» И. В. Бахтерева и Д. И. Хармса, музыка П. А. Вульфуса. Вечер был отменен администрацией ГИИИ.

17 декабря. Запись Н. Харджиева: «Вечером — “лит. вечер” в Институте. Выступали Вагинов, Заболоцкий, Хармс, Введенский, Саянов. Среди

присутствующих» — Эйхенбаум, Каверин, младо опоязы и зловеющий “беспредметник” Туфанов — зам. пред. Земного шара, помешанный на гениальном Малларме. Заболоцкий очень талантлив».

26 декабря. Д. Хармс отметил в записной книжке: «В среду 26 дек. вечером в ½ 9 у Б. М. Эйхенбаума». «Эйхенбауму понравился Заболоцкий, может быть Введенский, но я никак ему не понравился. Это истина». Литературовед Б. М. Эйхенбаум проживал по адресу пр. Пролетарской Победы (Большой пр. В. О.), д. 60-в кв. 11.

В течение года написано стихотворение «Птицы».

1929

3 января. Написано стихотворение «Ответ богов».

25 января. Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий, К. Вагинов и др. были на закрытом собрании Союза поэтов.

10 марта. Д. Хармс и А. Введенский и др. постановлением общего собрания исключены из ЛО ВСП за неуплату членских взносов. (См. также 30 сентября 1929).

5 апреля. Написано стихотворение «Все», посвященное Н. А. Заболоцкому. Апрель. Издана книга: А. Введенский. Железная дорога. Рис. А. Порет. Тираж 15 000 экземпляров.

3 мая. Написано стихотворение «Больной который стал волной».

24 мая. Участвовал в вечере Союза поэтов (Дом печати).

8—9 июня. Создано произведение «Пять или шесть».

Июнь. Издана книга: А. Введенский. Путешествие в Крым. Стихи для детей. Рис. Е. Сафоновой. Тираж 20 000 экземпляров.

Июль. Издана книга: А. Введенский. Авдей — Ротозей. Рассказ для детей. Тираж 20 000 экземпляров.

15 июля. Написано стихотворение «Две птички, горе, лев и ночь».

Август. Издана книга: А. Введенский. Летняя книжка. Стихи для детей. Рис. А. Порет. Тираж 15 000 экземпляров.

Сентябрь. Издана книга: А. Введенский. На реке. Стихи для детей. 2-е изд. Рис. Е. Эвенбах. Тираж 15 000 экземпляров.

30 сентября. Правление ЛО ВСП утвердило решение общего собрания от 10 марта 1929 об исключении Д. Хармса, А. Введенского и др. из членов Союза поэтов за неуплату членских взносов.

9 октября. Б. Эйхенбаум подал заявку в Издательство писателей в Ленинграде на издание альманаха «Ванна Архимеда» при участии Заболоц-

кого, Введенского, Хармса, Н. Тихонова, Н. Добычина, В. Шкловского, В. Каверина, Ю. Тынянова. Б. Бухштаба, Л. Гинзбург и др. Сборник не издан.

Ноябрь. Создано произведение «Зеркало и музыкант», посвященное Н. А. Заболоцкому.

Декабрь. Издана книга: А. Введенский. Мед. Стихи для детей. Рис. Е. Эвенбах. Тираж 25 000 экземпляров.

12 декабря. Выступление обэриутов (Дом печати, Фонтанка, 7).

16 декабря. Выступление от журнала «Еж».

18 декабря. Выступление в пионерском клубе (4 ч. дня) на пр. Володарского (Литейный пр.), 49. Выступление в Союзе писателей (8 ч. веч.).

Конец 1929 — начало 1930. Хармс составляет план сборника «Ванна Архимеда»: 1) Заболоцкий — II беседа, Ночь гремела в бочке в быт, Падение Петровой, Бессмертие; 2) Хармс — Троекратное описание светила <утрачено>, Елизавета Бам, Полет в небеса, Искушение, Скупость, Тюльпанов среди хореев; 3) Введенский — Ответ Богов, Безумные звери, Две птички, горе, лев и ночь, Стариковская ночь; 4) Олейников — Карась, Ты устал от любовных утех; 5) Звенигородский <Е. И. Шварц> — Один развратник, У одного прекрасного портрета, Бегство. Сборник не издан.

К обэриутам примкнул писатель Ю. Владимиров.

1930

Январь. Начато издание детского журнала «Чиж» при участии Д. Хармса, А. Введенского, Н. Заболоцкого и др. Редакция журнала «Чиж» помещалась в Детгизе (Невский пр., 28).

Январь. Издана книга: А. Введенский. Рыбаки. Стихи для детей. Рис. В. Ермаловой. Тираж 20 000 экземпляров.

Январь. Написано стихотворение «Снег лежит...».

15 февраля. Вечер секции детской художественной литературы ВССП. Участники: В. Бианки, А. Введенский, С. Маршак, Л. Пантелеев, Е. Шварц, Д. Хармс и др. (Дом печати, Фонтанка, 7).

19 марта. Вечер секции детской художественной литературы Союза Советских писателей при участии В. Бианки, А. Введенского, Д. Левина, С. Маршака, Л. Савельева, Л. Пантелеева, Е. Шварца, К. Чуковского, Д. Хармса и др. (Большой зал Дома печати, Фонтанка, 7).

Март. Создано произведение «Святой и его подчиненные».

1 апреля. Вечер обэриутов (Б. Левин, А. А. Пастухов и Ю. Владимиров) в общежитии ЛГУ (Мытнинская наб., 5). Впоследствии (на допросе) Хармс признал: «Аудитория, состоящая из студентов, реагировала на наше выступление чрезвычайно бурно, требуя отправки нас в Соловки и называя нас контрреволюционерами».

9 апреля. В «Смене» опубликована разгромная статья по поводу вечера обэриутов, написанная сотрудником ГПУ Е. Е. Сно (подписана Л. Нильвич): «Их уход от жизни, их бессмысленная поэзия, их заумное жонглерство — это протест против диктатуры пролетариата. Поэзия их контрреволюционна. Это поэзия чуждых нам людей, поэзия классового врага». После публикации этой статьи выступления группы ОБЭРИУ были прекращены.

16 апреля. Создано произведение «Факт, теория, Бог».

Апрель. Издана книга: А. Введенский. Кто? Стихи для детей. Рис. Л. Юдина. Тираж 25 000 экземпляров.

Август. Издана книга: А. Введенский. Бегать, прыгать. Рассказы для детей. Рис. В. Ермолаевой. Тираж 10 000 экземпляров.

Октябрь. Издана книга: А. Введенский. Октябрь. Стихи для детей. Рис. Н. Свиленко. Тираж 25 000 экземпляров.

15 октября. Записка Введенского Хармсу: «Даня, был у тебя оставил вино. Зайду ночью выпьем. <...> Пей один (вино на окне). Половину я выпил».

Ноябрь. Изданы книги: А. Введенский. Ветер. Стихи для детей. Рис. А. Фонвизина. Тираж 20 000 экземпляров; А. Введенский. Зима кругом. Стихи для детей. Рис. А. Вольштейна. Тираж 75 000 экземпляров; А. Введенский. Коля Кочкин. Стихи для детей. Рис. Ю. Сырнева. Тираж 20 000 экземпляров; А. Введенский. Рабочий праздник. Стихи для детей. Рис. О. Пчельниковой. Тираж 75 000 экземпляров.

Декабрь. Издана книга: А. Введенский. В дорогу. Стихи для детей. Тираж 25 000 экземпляров; стихи Введенского опубликованы в «Сборнике Песня-молния».

4 декабря. А. Введенский, Л. С. Липавский, П. П. Калашников, Т. А. Мейер и др. были в гостях у Д. Хармса.

30 декабря. Введенский и Хармс намеревались участвовать в новогоднем писательском шахматном турнире. В листе для записи участников под № 1 записан А. И. Введенский; под № 35 записался и Хармс, но его фамилия зачеркнута.

С 1930 по 1936 г. женат на А. С. Ивантер.

В течение года созданы произведения: «Битва», «Значенье моря», «Кончина моря», «Суд ушел».

Март. Издана книга: А. Введенский. Конная Буденного. Рис. В. Курдова. Тираж 50 000 экземпляров.

Июль. Издана книга: А. Введенский. Бегать-прыгать. Рис. В. Ермолаевой. 2-е изд. Тираж 50 000 экземпляров.

Август. Издана книга: А. Введенский. Путешествие в Батум. Рис. Т. Глебовой. Тираж 50 000 экземпляров.

Сентябрь. Изданы книги: А. Введенский. Кто? Рис. Л. Юдина. 2-е изд. Тираж 30 000 экземпляров; А. Введенский. Подвиг пионера Мочина. Рис. В. Ермолаевой. Тираж 30 000 экземпляров.

11 сентября. Запись Хармса: «Приехал Шурка и Т. А. Мейер».

Сентябрь (?). Вечер с выпивкой на квартире следователя ГПУ Е. Е. Сно с участием Д. Хармса, А. Введенского и других. Введенский, спровоцированный Сно, поет царский гимн, что послужило впоследствии поводом для обвинения его в монархизме.

Сентябрь. Вечер на квартире П. П. Калашникова, где присутствовали Введенский, Хармс, Глебова, Порет, А. М. Браудо, К. Вагинов. Введенский читал поэму «Кругом возможно Бог».

Сентябрь. Создано произведение «Куприянов и Наташа».

Октябрь. Издана книга: А. Введенский. Октябрь. Рис. Н. Свиненко. 2-е изд. Тираж 25 000 экземпляров.

Октябрь. На дискуссии во Всероссийском союзе советских писателей (ВССП) под лозунгом «борьбы за большое искусство большевизма на участке детской литературы» рапповец М. Чумандрин охарактеризовал А. Введенского и Д. Хармса как писателей «пришедших с буржуазных позиций и отсиживающихся в детской литературе». На той же дискуссии редактор детского сектора Госиздата А. Серебряников подчеркивал, «главная опасность в детской литературе — это опасность “общечеловеческого гуманизма”, увод ребят от классовой действительности. Этим уводом занимаются “научные книжки” Житкова, Хармса, Бианки».

Ноябрь. Издана книга: А. Введенский. Письмо Густава Мейера. Стихи для детей. Рис. И. Шабанова. Тираж 50 000 экземпляров.

15 ноября. А. Б. Серебряников опубликовал статью в «Смене», в которой детская литература объявлялась «участком наиболее обостренной классовой борьбы». В той же статье содержалось обвинение обэриутов («литературных хулиганов, богемствующих буржуазных последышей») и в частности А. Введенского в том, что, будучи разоблачены и разогнаны в литературе взрослой, они не «самоликвидировались», а «нашли лазейку в детскую литературу» и продолжают свою деятельность. Статья заканчивалась при-

зывом: «Выгнать классового врага, окопавшегося в литературе, призванной воспитывать в коммунистическом духе советских ребят».

Декабрь. Изданы книги: А. Введенский. Зима кругом. Стихи для детей. Рис. А. Вольштейна. 2-е изд. Тираж 50 000 экземпляров; А. Введенский. Рыбаки. Стихи для детей. Рис. В. Ермолаевой. Изд. 2-е. Тираж 10 000 экземпляров.

10 декабря. Сотрудниками ОГПУ арестованы Д. Хармс, А. Введенский, А. Туфанов, П. Калашников, Н. Воронич, И. Андронников, впоследствии (14 декабря 1931) И. Бахтерев. А. Введенский был арестован в поезде на станции Любань, по пути следования в Новый Афон. Дом предварительного заключения (ДПЗ), где содержались заключенные, находился по адресу ул. Шпалерная, д. 25. После ареста Введенского его жена А. С. Ивантер сожгла в печке все хранившиеся в квартире рукописи.

12 декабря. Допрошен следователем А. В. Бузниковым. На допросе А. Введенский заявил, что «входил совместно с писателями Хармсом, Бахтеревым, ранее Заболоцким и др. в антисоветскую литературную группу, которая сочиняла и распространяла объективно контрреволюционные стихи».

13 декабря. Допрошен следователем А. В. Бузниковым. На допросе А. Введенский детализировал показания предыдущего допроса, а также признал, что был привержен монархическим настроениям.

15 декабря. Допрошен следователем А. В. Бузниковым. А. Введенский детализировал показания предыдущего допроса.

20 декабря. Допрошен следователем А. В. Бузниковым. А. Введенский детализировал показания предыдущего допроса.

26 декабря. Допрошен следователем А. В. Бузниковым. А. Введенский детализировал показания предыдущего допроса.

1932

9 января. Допрошен следователем А. В. Бузниковым. А. Введенский детализировал показания предыдущего допроса.

16 января. Введенскому объявлено Постановление о предъявлении обвинения.

17 января. Допрошен следователем А. В. Бузниковым. А. Введенский детализировал показания предыдущего допроса.

27 января. Допрошен следователем А. В. Бузниковым. А. Введенский детализировал показания предыдущего допроса.

31 января. Следователем составлено обвинительное заключение.

- 21 марта. На заседании выездной сессии коллегии ОГПУ ОГПУ вынесено постановление: А. И. Введенского «из-под стражи освободить, лишив права проживания в Московской и Ленинградской областях, пограничных округах и крупных городах сроком на три года». Согласно воспоминаниям Е. И. Грициной (сестры Хармса), «папа ездил в Москву к Морозову, которого он хорошо знал еще со времен заключения. Поэтому Данию и Введенского скоро отпустили».
- Март. Издана книга: А. Введенский. П. В. О. К обороне будь готов. Стихи для детей. Рис. Т. Глебовой. Тираж 25 000 экземпляров.
- 21 июня. Письмо Введенского Хармсу из Курска.
- 22 июня. Письмо Введенского Хармсу из Курска.
- 1 июля. Письмо Введенского Хармсу из Курска, в котором, в частности, сообщал: «Я сейчас уезжаю на 5 дней в деревню куда меня командирует редакция газеты. вернусь 5 июля. Пиши мне на новый адрес Первышевская 16. Там же и ты будешь жить. Это и есть наша с тобой квартира».
- 13 июля. Д. Хармс выслан вслед за А. Введенским в Курск (на 4 месяца).
- 17 августа. Запись Хармса: «Мне стало дурно. <...> Была страшная слабость и билось сердце. <...> Я лежал боясь двигаться и ждал А. И. <Введенского>. Когда он пришел, мы поговорили, попили чай и я успокоился, но почувствовал нервное переутомление».
- 27 августа. Запись Хармса: «Обедал с А. И. <Введенским> <...>. А. И. пошел с С<афоновой>. гулять. <...> А. И. вернулся в 10 ½ часов. Он чувствовал себя неважно».
- 28 августа. Запись Хармса: «Я пошел с А. И. в туберкулезный диспансер. Нас послали в амбулаторию. Из этой амбулатории нас направили в другую. Мы пошли домой. Сели в трамвай, но не было тока и трамвай стоял. Я этого не люблю и пошел пешком».
- 29 августа. Запись Хармса: «Пили с А. И. молоко. Ходили на рынок за маслом. Были на почте. Пришел домой, слабость духа и тела. <...> Потом я ничего не делал. Читал «Очарованного странника». А. И. писал какую-то вещь, а потом пошел искать общество для преферанса».
- 31 августа. Запись Хармса: «На улице дождь. <...> В 11 пришел Введенский. Дождь».
- 5 сентября. Запись Хармса: «Питаюсь я плохо. Собственно ем один раз в день а и то не всегда. Днем рисовал. <...> Чувствую себя неважно. Я с каждым днем слабею. Так нельзя. Читаю негритянский роман “Домой в Гарлем”. <...> Пили с А. И. чай. Разговор был неинтересный».
- 6 сентября. Запись Хармса: «Поменялся с А. И. комнатами. О, сколько клопов было в А. И. кровати! Целый день воевал с ними, обдирал обои и мыл все керосином. <...> А. И. в бывшей моей, теперь его комнате с Маленкиной».

- 7 сентября. Запись Хармса: «Сегодня почти нечего есть. <...> Приходил Эрбштейн». Он с Введенским идет куда-то на вечеринку. Они зайдут к Сафоновой». Я просил их передать ей, что сегодня ее жду к себе».
- 8 сентября. Запись Хармса: «Есть нечего. <...> А. И. ушел по грибы. <...> Пришли Введенский и Сафонова». Принесли грибы. Хозяйничают».
- 9 сентября. Запись Хармса: «Сегодня очень скучно. Надоело сидеть в бездействии и больным. Одуры берет. Только и вижу Сафонову да Введенского». И оба скучны».
- 16 сентября. Вечером Введенский, Сафонова и Эрбштейн были у Д. Хармса.
- 18 сентября. Запись Хармса: «Была Сафонова. Сафонова и Введенский варили суп с мясом. В 7 часов оба ушли пить сливянку. Я читал лежа на кровати, но чувствовал себя отвратительно. Сегодня я выгляжу ужасно. Страшно похудел». Отправил письма Л. Пантелееву и <Л. П.> Владимировой.
- 26 сентября. Запись Хармса: «Сафонова вбежала в комнату, когда мы с А. И. пили чай. Ей придется уехать. Почти всех выселяют. Сафонова плачет и говорит, что ей не хочется больше так жить. <...> Ей надо ехать в Вологду».
- 29 сентября. Запись Хармса: «А. И. пошел в ГПУ и тоже попросился в Вологду. Ему разрешили».
- 1 октября. Введенский и Сафонова уехали в Вологду через Ленинград.
- 3 октября. Письмо Введенского Хармсу из Ленинграда.
- 20 ноября. Утром А. Введенский вместе с Д. Хармсом был на выставке «Художники РСФСР за XV лет» (Русский музей) и на вечеринке у Е. Д. Барш.
- 27 ноября. А. Введенским встречался с Д. Хармсом у Липавского.
- 28 ноября. Введенский уехал в Борисоглебск.
- 30 ноября. Письмо Введенского Хармсу из Вологды.
- 4 декабря. Письмо Введенского Хармсу из Борисоглебска: «Мой адрес: Кривой пер. 35».
- 6 декабря. Письмо Введенского Хармсу из Борисоглебска: «3 день подряд пишу некоторую вещь. Написал уже страниц 8—9, а конца еще нет. А детского пока не писал».
- 10 декабря. Письмо Введенского Хармсу из Борисоглебска.
- 18 декабря. Письмо Введенского Хармсу из Борисоглебска: «Если все будет хорошо скоро приеду. <...> Выеду я отсюда числа 25—26».

1933

- 7 мая. В одной из неопубликованных статей (1933) литературовед Т. С. Гриц отмечал: «На литературном знамени рождающейся сегодня поэтической школы — Хармса, Заболоцкого, Введенского, Олейникова — справедливо было бы начертать — “Велемир Хлебников”».

С июля до начала 1934. Регулярно участвует во встречах, зафиксированных в «Разговорах» Липавского.

Август. Введенский читал в кругу друзей свое «рассуждение» «Заболевание сифилисом, отрезанная нога, выдернутый зуб».

Издана книга: А. Введенский. Кто? Рис. Л. Юдина. Изд. 3-е. Тираж 100 000 экземпляров.

1934

26 апреля. От туберкулеза умер К. К. Вагинов. Похоронен на Смоленском кладбище.

17 мая. Введенский принят в Ленинградскую организацию Союза писателей СССР.

13 августа. Письмо Введенского Хармсу из Курска.

20 сентября. Запись Хармса: «Решили писать фильм втроем: Липавский, Введенский и я. Но я подумал и решил, что тройственный союз не получится, а потому я ухожу из этого союза».

29 октября. На заседании Правления Литфонда слушался разбор заявлений о ссудах и пособиях. Решено выдать Введенскому 300 руб. возвратной ссуды.

Издана книга: С. Заранек. Метель. Текст А. Введенского. Музыкальная инсценировка. Метод. указание Е. Кершнер.

В период с 1931 по 1934 созданы произведения: «Гость на коне», «Четыре описания», «Очевидец и крыса», «Приглашение меня подумать». В 1934 году написаны стихотворения «Мне жалко, что я не зверь...», «Сутки».

1935

9 января. Конфликт чинарей с Н. М. Олейниковым.

23 января. Написано стихотворение Хармса, свидетельствовавшее о накопившихся разногласиях среди чинарей: «Вот сборище друзей оставленных судьбою: / Противно каждому другого слушать речь; / Не прыгнуть больше вверх, не стать самим собою, / Насмешкой колкою не скинуть скуки с плеч. / Давно оставлен спор, ненужная беседа / Сама заглохла вдруг, и молча каждый взор / Презреньем полн, копьём летит в соседа / Сбивая слово с уст. И молкнет разговор».

Вышли книги: А. Введенский. Володя Ермаков. Рис. К. Кузнецова. Тираж 50 000 экземпляров; А. Введенский. Лето и зима. Рис. В. Кобелева. Тираж 100 000 экземпляров.

1936

18 марта. Записка Введенского с подписью: «В прошлом до 1930 г. обэри-ут Чинарь Авто-ритет бессмыслицы».

27 мая. Постановлением Президиума ЦИК СССР с Введенского снята судимость.

Август — сентябрь. А. И. Введенский по издательским делам приехал в Харьков и в Харьковском отделении Союза писателей познакомился с 23-летней Г. Б. Викторовой.

Изданы книги: А. Введенский. Катина кукла. Для дошкольного возраста. Фотографии Г. И. Грачева. Тираж 25 000 экземпляров; А. Введенский. Кто? Рис. Л. Юдина. Изд. 4-е. Тираж 100 000 экземпляров; А. Введенский. Лето и зима. Рис. В. Кобелева. Изд. 2-е. Тираж 50 000 экземпляров.

1937

10 апреля. На заседании Правления Литфонда слушалось заявление А. И. Введенского о выдаче ссуды 1500 рублей под гарантию Детиздата по 1 июня 1937 года. Решено требуемую сумму выдать.

3 июля. Сотрудниками НКВД арестован редактор журнала «Чиж» и член содружества «чинарей» Н. Олейников, входивший в круг постоянного общения А. И. Введенского. Расстрелян 24 ноября 1937.

13 сентября. На заседании Правления Литфонда слушалось заявление А. И. Введенского о выдаче ему ссуды в 1000 рублей под личное обязательство ввиду исключительно тяжелого материального положения. Решено выдать 750 рублей до 15 декабря 1937 под личное обязательство.

3 октября. На заседании Правления Литфонда слушалось заявление А. И. Введенского о выдаче ему пособия на рождение сына Петра (справка Харьковского ЗАГСа за № 16076 от 17 сентября 1937). Решено выдать 300 руб.

22 ноября. Зарегистрирован брак А. И. Введенского и Г. Б. Викторовой. Проживал в Харькове на ул. Совнаркомовской, д. 8, кв. 4. По воспомин-

нениям Б. А. Викторова: «Это одноэтажный дом, в коридоре (холле) которого был остекленный потолок, над ним стеклянная пирамидальная крыша. У нас были две большие проходные комнаты с большими окнами и высокими потолками. Во второй комнате, окнами выходящими на улицу, спали мама <Г. Б. Викторова>, Саша <А. И. Введенский> и Петька, там же Александр Иванович работал. В первой комнате, окнами выходящими во двор, где стоял большой стол, за которым мы все вместе обедали, спали бабушка <Е. В. Викторова>, мамин младший брат (студент) <В. Б. Виктор> и я».

Вышли книги: А. Введенский. Годинник в коробочці. Рассказ для детей дошкол. возраста, А. Введенский. Повість про дівчину Машу; А. Введенский. О девочке Маше, о собаке Петушке и о кошке Ниточке. Для дошкольного возраста. Рис. Е. Сафоновой; А. Введенский. Щенок и котенок. Рис. Е. Чарушина. (М.-Л.). Тираж 50 000 экземпляров.

В течение 1936—1937 гг. написаны произведения «Потец», «Некоторое количество разговоров». Писал инсценировки для Харьковского областного кукольного театра.

1938

25 января. На заседании Правления Литфонда слушалось дело о задолженности под личное обязательство А. И. Введенского (750 рублей). Решено взять исполнительный лист и послать украинскому Литфонду для взыскания.

19 марта. Сотрудниками НКВД арестован Н. А. Заболоцкий, входивший в круг общения А. Введенского.

16 апреля. На заседании Правления Литфонда слушалось заявление А. Введенского о предоставлении отсрочки погашения 758 рублей до декабря 1938 года. Решено в предоставлении отсрочки отказать и предложить судебному исполнителю взыскать указанную сумму.

В течение года написана пьеса «Елка у Ивановых».

1939

Май. Поездка А. И. Введенского в Ленинград на похороны отца.

14 мая. Письмо А. И. Введенского Г. Б. Викторовой из Ленинграда. В качестве обратного адреса указан адрес Д. И. Хармса.

19 мая. А. И. Введенский выехал из Ленинграда в Москву.

22 июля. На заседании Тройки Ленинградского отделения Литфонда разбирался вопрос «о мерах по взысканию задолженности». Д. Хармсу, А. Введенскому и другим было предложено «в 2-х недельный срок погасить задолженность, т. к. в противном случае будут предъявлены имеющиеся исполнительные надписи к взысканию».

Вышли книги: А. Введенский. Самый счастливый день. Рассказ для детей мл. возраста (Киев); Г. С. Якубович. Прятки. Игра для детей младшего возраста. Текст А. Введенского (Москва).

1940

Вышли книги: А. Введенский. Наташа и пуговка — Первое мая и девочка Мая. Рассказы для дошкольного возраста. Рис. И. Дайца. (Киев); А. Введенский. Люсина книжка. Рис. В. Зенькович. (Москва). Тираж 50 000 экземпляров; А. Введенский. Стихи. Рис. В. Викидина (М.-Л.). Тираж 50 000 экземпляров.

В течение года написано стихотворение «Элегия».

1941

Опубликованы произведения Введенского: в сборниках «Грізний сміх» (Киев-Харьков) и «Вперед, боевые полки! Песни» (Киев-Харьков). Вышли книги: А. Введенский. А ты? Рис. В. Коновалова (М.-Л.). Тираж 150 000 экземпляров; А. Введенский. Лето. Рис. Н. Кустова. (М.-Л.) Тираж 50 000 экземпляров. Сотрудничал в «Агитокнах», делал подписи к антифашистским плакатам.

В течение года создано произведение «Где. Когда».

20 сентября. Харьковским отделением Всеукраинского союза советских писателей А. И. Введенскому выдано удостоверение, согласно которому он и члены его семьи должны были эвакуироваться из Харькова в Алма-Ату. Перед отправкой поезда А. И. Введенский вместе с семьей принял решение не эвакуироваться из Харькова.

26 сентября. Выписано постановление на арест А. И. Введенского.

27 сентября. А. И. Введенский арестован в Харькове по обвинению в антисоветской и профашистской агитации и препровожден во внутреннюю тюрьму г. Харькова.

29 сентября. Допрошен следователем. На допросе Введенский объяснял причины, побудившие его отказаться от эвакуации из Харькова.

6 октября. Допрошен следователем. Введенский детализировал показания предыдущего допроса.

10 октября. Допрошен следователем.

13 октября. Введенскому предъявлено обвинение в том, что он проводил антисоветские разговоры и отказался эвакуироваться из Харькова. Осужден по статье 54-10 ч. II УК УССР. В тот же день на допросе по предъявленному обвинению Введенский частично признал себя виновным.

Ноябрь. В боях под Петергофом погиб Л. С. Липавский.

19 декабря. А. И. Введенский в возрасте 37 лет умер во время следования этапом из Харькова в Казань. Следственное дело прекращено 30 января 1942.

1942

2 февраля. В тюремной больнице Ленинграда в возрасте 36 лет умер Д. Хармс. Место захоронения неизвестно.

1943

Вышла книга: А. Введенский. А ты? Рис. И. Кулешова. (М.) Тираж 100 000 экземпляров.

1944

Вышла книга: А. Введенский. А ты? Рис. А. Боровской. (М.) Тираж 500 000 экземпляров.

1964

30 марта. Уголовное дело по обвинению А. И. Введенского прекращено «за отсутствием состава преступления».

19 июня. Президиум союза писателей Украины постановил: восстановить А. И. Введенского в правах члена Союза писателей СССР с 1927 сентября 1941 г. и выплатить наследникам А. И. Введенского единовременное пособие в сумме 600 рублей.

При составлении хроники использованы сведения, содержащиеся в записных книжках Д. Хармса, газетно-журнальные материалы, сведения из архива ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ЦГАЛИ СПб, РО ИРЛИ, а также материалы, опубликованные в следующих работах: Введенский А. И. Полное собрание произведений. В 2 т. М., 1993; Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее. 11. М.; СПб., 1992. С. 417—583; «...Сборище друзей, оставленных судьбою». В 2-х томах. Т. 1—2. М., 2000; Друскин Я. Дневники. СПб., 1999; Хармс Д. Полное собрание сочинений. Т. 1—3. СПб., 1997; Хармс Д. Незданный Хармс. Трактаты и статьи. Дополнения к т. 1—3. СПб., 2001.

Составитель глубоко признателен В. Н. Сажину за предоставление для данной хроники сведений из неопубликованных писем и документов.

В хронику включены только датированные произведения А. Введенского.

До февраля 1918 года все даты даны по старому (в скобках — по новому) стилю.

Александр Введенский. «СЕЛЬСК^{ий} и ЗАБЕЛ. аНЕГДОТ» (или десятое стихотворение)

Публикация, предисловие, примечания Т. А. Кукушкиной

«СЕЛЬСК^{ий} и ЗАБЕЛ аНЕГДОТ» — одно из самых ранних стихотворений Введенского, относящееся, вероятно, к 1923—1924 гг., периоду сотрудничества в фонологическом отделе Государственного института художественной культуры под руководством И. Терентьева. Оно было подано Введенским при вступлении в Ленинградское отделение Всероссийского Союза поэтов (1924—1929) в мае 1924 г. [1] вместе с другими стихотворениями, озаглавленными: «В Ленинградское отделение Всероссийского Союза поэтов. 10 стихов александравведенского». Девять из них, отпечатанные на машинке и пронумерованные римскими цифрами «I—IX», хранятся в Пушкинском Доме в архиве Союза поэтов и опубликованы [2]. Данное, десятое, было выявлено нами в коллекции П. Н. Лукницкого, поступившей в Пушкинский Дом в 1996 г. [3] Стихотворение написано черными чернилами, рукой Введенского на листе большого формата из банковской книги и пронумеровано римской цифрой «X». По стилистике, поэтике и графическому оформлению примыкает к произведениям начала 1920-х гг. «Парша на отмели» и «ПоЛоте^{ра} иЛ^иОНАН^исА^и». Стихотворные строки написаны то печатными, то письменными буквами, отдельные слова и части слов выделены прописными буквами разной величины. На обороте листа вписаны отзывы членов приемной комиссии Союза поэтов и А. В. Туфанова [4] о представленных стихотворениях.

В Союзе поэтов с самого начала неоднозначно реагировали на стихотворную практику Введенского и Хармса, вступавшего годом позже. Приемная комиссия не пришла к единому мнению о стихах Введенского, чем и объясняется

апелляция к заумнику Туфанову, единственный в истории Союза случай разрешения спорных вопросов с помощью другого лица, не члена комиссии. Елизавета Полонская [5], врач по профессии, по-видимому, даже заподозрила нечто неладное; по ее настоянию было решено вызвать Введенского «для личных объяснений» [6]. Состоялось ли это объяснение — неизвестно, но Туфанов свой отзыв дал, вписав его на обороте листа с десятым стихотворением. Как научный сотрудник Фонологического отдела ГИНХУК, Туфанов, безусловно, был знаком с экспериментальным стихотворчеством Введенского. Хотя в произведениях молодого поэта он не увидел элементов зауми в том значении, которое он вкладывал в это понятие, вектор творческих поисков, несомненно, был ему близок. Не удивительна и его заинтересованность в появлении в Союзе потенциального единомышленника. С самого возникновения организации Туфанов собирал вокруг себя учеников из числа союзной молодежи и содействовал приему участников неформальных «левых» литературных объединений [7]. По-видимому, его мнение и оказалось решающим, поскольку 14 ноября 1924 г., после летнего перерыва в работе правления, на обороте листа с десятым стихотворением появились лаконичные положительные резолюции трех членов комиссии, Н. Тихонова [8], Е. Полонской и А. Крайского [9].

Небезынтересно отметить, что 14 ноября Туфанов выступал на литературном вечере Союза и не исключено, что он и «напомнил» членам комиссии о полугодовой задержке с приемом Введенского. В тот же день Введенский был утвержден членом Союза [10]. Туфанов присутствовал на заседании правления как член ревизионной комиссии и, скорее всего, содействовал положительному решению. В свете последовавших вскоре творческих разногласий между двумя поэтами подчеркнем, что именно благодаря протекции Туфанова Введенский был принят в Союз поэтов.

Однако вопрос о точной дате приема Введенского остается открытым. 23 февраля 1925 г. правление снова обсуждало его кандидатуру и утвердило в Союзе [11]. Причина повторного утверждения неизвестна, но можно предположить, что он своевременно не уплатил вступительный взнос, как это нередко бывало впоследствии. Сам Введенский датой вступления считал 1924 г.; исключен одновременно с Хармсом 30 сентября 1929 г. в ходе перерегистрации, «чистки» членов Союза, формально — «ввиду продолжающейся неуплаты членских взносов и непогашения старой задолженности по ним» [12].

Стихотворение Введенского публикуется по автографу с сохранением особенностей написания и оформления; в угловые скобки заключены буквы, выпавшие, полностью или частично, при использовании делопроизводителем Союза дырокола. Отзывы членов приемной комиссии и А. В. Туфанова также публикуются по автографам; подчеркивания в текстах выделены курсивом, конъектуры заключены в угловые скобки.

<Десятое стихотворение>

Х

ФЕВРАЛЬ ПЯТОГО Кникса 71

СЕЛЬСКИЙ и ЗАБЕЛ
а НЕГДОТ.

а там позади болота
лежит израненный кофий
на нем персидская ленточКА
заВязанная в три узла
один узелок исчерпан
КУСТИ КАми до КонЦА
на двух других на двоих
воробьи свистят
 СКАЛЬСЯ СКАЛЬСЯ шоре Е
 ГОЛЫМ СЕРЫМ мешочком Е
на скалистом побережьи
соло солома суХЕЕТ.
КАК через тён тён перетён
Как через тюн тюн перет<ю>н
стала шерстяная коШка
по КОРДЕ внезапно бе<г>ать
на одной лапе клеймо КОСА
на языке СИБИРЬ КАЛЕНДарь
ряГа рыба
а ОНЕГА реКА
жиром и стекла
КИТАЙСКОГО Коня
КАПАЛ ЖИР И тёк и ТЁХ
пока его величество ширКАЛ блоХ.
 БЛОХЕ на спинке
 жур авли летят
 ласточка ЗЕ ркальная
 показывает заД
ПТИЧКИ ЛЮБЯТ СВЕРХУ гадить
КАК ИХ ЗА ЭТО НАКАЗАТЬ.
 тогда на зов наш отворился
 горшеч НИК Вышел из хИбарки
 ОЧКИ протерв поХвартуК дряхлый

сказавшись БЭ секунд майором
его глаза глядели прямо
его стояли ног и в землях
а ЧЕРВяки ползли своей дорогой
НЕСЛЫШНО ДЛЯ
морщинистых ушей мохнаТЫХ КОЗ
В освод ширлок
тут ги<а>цинты нЮхнут
ЗАТЫЛКАми широкими
ТОМУ Ж УЖ век
АХ старикан не затуши свечУ
Она как белое колено
ШИРОК Полях
глубок морях
песок оврагах
вонь часах.
СКАНЕЛ СКАНЕЯ НА ВЁДРЫШКАХ
Б В Г Д Е Ж З
И К Л М Н О ПРС А
УФХЦ Ч Ш

танк.
ветер на ^А коробром
увяли ВЕ_{елы}
вякса.

и нЕи звесно горДым ТИГрам
зачем им ЗАМУЖ выходить
вдоль мельниц ИМ приятней БЕГАТЬ
чем БЛОх У жон своиХ искать.

александрвведенский.

<Отзывы членов приемной комиссии ЛО Всероссийского союза поэтов>

Немыслимо! В<севолод> Р<ождественский> [13].

Считаю необходимым вызвать в Союз А. Введенского для личных объяснений. Может быть нужны срочные меры?! Е. Полонская.

Я думаю, тут дело несколько иначе. Надо спросить Туфанова, не знает ли он Введенского как футуриста-заумника. Многие строчки его, несмотря на их «нарочную» комичность — лучше многих строчек просто начинающих. Мне кажется, что Введенский нарочно пишет так, вырабатывая что-то. Это что-то нам еще не доходит до сознания в целом, но кусками воспринимается как Хлебниковская звуковая нить. Предлагаю отложить вопрос о нем до выяснения подробностей. Видно только одно, что косноязычие Введ<енского> рассчитано на введение в заблуждение. Он, вероятно, отлично справляется с т<ак> н<азываемым> гладким стихом. Я почти уверен в этом. Н. Тихонов.

Настаиваю на вызове Введенского в Союз, хотя бы в ближайший вторник. Полонская.

Многие отрывки очень умилительны. Действуют детской непосредственностью, но видно, что это далеко не детский лепет. Славно. Ничего не понимаю, а за прием. А<лексей> К<райский>.

<Отзыв А. В. Туфанова>

О стихах А. Введенского.

Заумь рождается при расширенном одновременном слушании эпох; в ней — беспредметность и безобразность, как переход к *иной* образности, к новому «имэджинизму» <sic! — Т. К.>. В зауми — переход к новой культуре через разрушение самого себя. Она должна быть органически связана со стихией праязыка или своего родного языка. Она должна истекать из основного биогенетического закона о филогенезисе; нельзя перепрыгивать через Пушкина и переходить сразу к зауми.

Вот почему я думаю, что в стихах А. Введенского еще нет зауми. А с другой стороны — явное разделение образов по соотношениям их между природой, стихиями и человеком, т. е. в смысле образности это и не имажинизм.

«Хороший человек», «Прекрасный столяр» и пр<очее> в смысле классич<еской> школы не образы, а обыкнов<енная> прозаич<еская> речь.

Это не заумь, не имажинизм, не классицизм, а скорее нейтрализация словесного пласта — балаган из слов искателя «лефовских» приключений, не считающегося с требованиями органической связи с языком и его прошлым.

Мне кажется, принять в Союз все-таки можно, но не как заумника, а как искателя «лефовских» приключений, или даже в качестве «футуриста». Начинающие — всегда футуристы.

Председатель Земного Шара Зауми
Александр Туфанов.
6 июня 1924 г.

<Повторные отзывы членов приемной комиссии ЛО Всероссийского союза поэтов>

Принять в Союз — 14 / XI. Н. Тихонов, Е. Полонская.
Принять. А. Крайский.

[1] В анкете для вступления, заполненной 6 мая (РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 2. № 60. Л. 28), Введенский назвал себя футуристом. Вступительная анкета и анкета от 4 марта 1926 г., заполненная для перерегистрации в Союзе, опубл.: Конст. Вагинов и А. Введенский в Союзе поэтов / Публ. В. Эрля // Wiener Slawistischer Almanach. 1991. Bd 27. S. 222—224; Введенский А. Полное собрание произведений: В 2 т. / Вступ. ст., примеч. М. Мейлаха; Сост. и подгот. текста М. Мейлаха и В. Эрля. М., 1993. Т. 2. С. 136—137.

[2] РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 2. № 79. Опубл.: Введенский А. 1) Полное собрание сочинений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. Мейлаха. Ann Arbor, 1984. Т. 2. С. 192—195; 2) Полное собрание произведений. Т. 2. С. 109—112; Конст. Вагинов и А. Введенский в Союзе поэтов. С. 224—228.

[3] РО ИРЛИ. Ф. 754. Коллекция. Альбом XI. № 26. Стихотворение впервые опубл.: Александр Введенский и Даниил Хармс в ленинградском Союзе поэтов и ленинградском Союзе писателей (По материалам архивов Пушкинского Дома) / Вступ. ст., публ. и коммент. Т. А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 год. СПб., 2010. С. 543—588. Павел Николаевич Лукницкий (1902—1973), писатель, поэт, журналист, с декабря 1926 по октябрь 1929 г. был техническим секретарем правления Союза поэтов.

[4] *Туфанов Александр Васильевич* (1877—1942) — поэт-заумник, один из организаторов и руководителей объединений ленинградских «левых» поэтов второй половины 1920-х гг. («Орден заумников», «Левый фланг»). Созданная им теория зауми в поэзии изложена в его книге «К зауми» (1924).

[5] *Полонская Елизавета Григорьевна* (1890—1969) — поэтесса, переводчица, очеркист, врач. В 1920-е годы входила в литературную группу «Се-

рапионовы братья»); в 1924 г. — в число учредителей ЛО Всероссийского союза поэтов.

[6] Запись в журнале регистрации заявлений и решений приемной комиссии от 4 июня 1924 г.: РО ИРЛИ. Ф. 754. Коллекция. Альбом XI. № 27. Л. 1 об.

[7] Весной 1926 г., в частности, Туфанов составлял ходатайство в Союз поэтов о пересмотре отрицательного решения в отношении члена «Левого фланга» Игоря Маркова. Его заявление опубл.: К истории «Левого фланга» ленинградского отделения Союза поэтов / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова // Русская литература. 2008. № 4. С. 184—185. В архиве Союза сведений о заявлении нет; вероятно, оно не было подано.

[8] *Тихонов Николай Семенович* (1896—1979) — поэт, прозаик, переводчик. В 1920-е годы входил в литературную группу «Серапионовы братья»; в 1924 г. — в число учредителей ЛО Всероссийского союза поэтов; в 1927—1929 гг. возглавлял ЛО Всероссийского союза поэтов.

[9] *Крайский Алексей Петрович* (наст. фам. Кузьмин; 1892—1941) — поэт, прозаик, член Пролеткульта, один из организаторов и руководителей Петроградской ассоциации пролетарских писателей «Космист» и Петроградской / Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ПАПП / ЛАПП). В 1924—1928 гг. — товарищ председателя ЛО Всероссийского союза поэтов.

[10] Протокол заседания ЛО правления Союза поэтов № 12: РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 2. № 14. Л. 12.

[11] Протокол № 15: Там же. Л. 15 об.

[12] Из протокола заседания ЛО правления Союза поэтов № 76/8: РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 2. № 16. Л. 24. Опубл.: Jaccard J.-Ph., Устинов А. Заумник Даниил Хармс: Начало пути // Wiener Slawistischer Almanach. 1991. Bd 27. S. 170—171. Этот эпизод подробно изложен в нашей работе, указанной в примеч. 3.

[13] *Рождественский Всеволод Александрович* (1895—1977) — поэт. Входил в состав первого, Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов, возглавляемого А. Блоком, затем — Н. Гумилевым (1920—1921); в 1924 г. — в число учредителей ЛО Всероссийского союза поэтов; в 1924—1925 гг. — в состав правления Союза.

Х

ФЕВРАЛЬ ПЯТ ^{ого}
КНИКАТ

Брежнев

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОТЫ

Руб. Кол.

а НЕ ГВОЗДЬ
а там позади бочога
лесной израильской кофее
на нем перинская пирожка
заветная в три угла
одни узелок шестерни
кусты камей до конца
на двух друзьях на дворе
воробьи свистят

СКАЛЬСЯ СКАЛЬСЯ шоре Е
ГОЛЫМ СЕРЫМ шесточком Е
на шашке побрякушки
сало салома сужает.
как через реку реку перелет
как через реку реку перелет
страна шестерни кошелька
по корбе шестерни бочога
на одной пале шестерни
на ошкы СИБИРЬ КАЛЕНВАРО

РАГА рига
ОБЕГА РЕКА
жиром и шестерни
КИТАЙСКОГО КОМ

КАПАЛ ЖИРИ РЕКА РЕКА
пока его шестерни ширкал бочога
БЛОХЕ на шестерни
жид шестерни шестерни
шестерни шестерни
КАЗЫВАЕТ ЗАВ

ПРИЖКИ ЛЮБЯТ, СВЕРХУ гадит
КАК их за это НАКАЗАТЬ

тогда на зов шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни

а ШЕРВАНЕ шестерни шестерни
НЕСЛЫШНО ЗА
шестерни шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни

АХ шестерни не шестерни шестерни
она как бочога шестерни

ШИРОК шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни

КАНЕЛ СКАНЕЛ НАВЕДРЫШКАХ

Б В Г Д Е Ж З
И К Л М Н О П Р С
У Ф Х Ц Ч Ш Щ

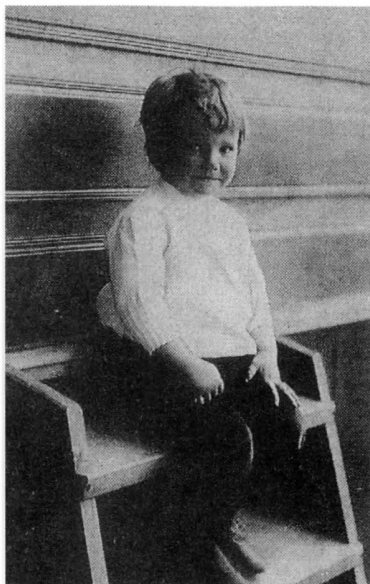
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни

и шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни
шестерни шестерни

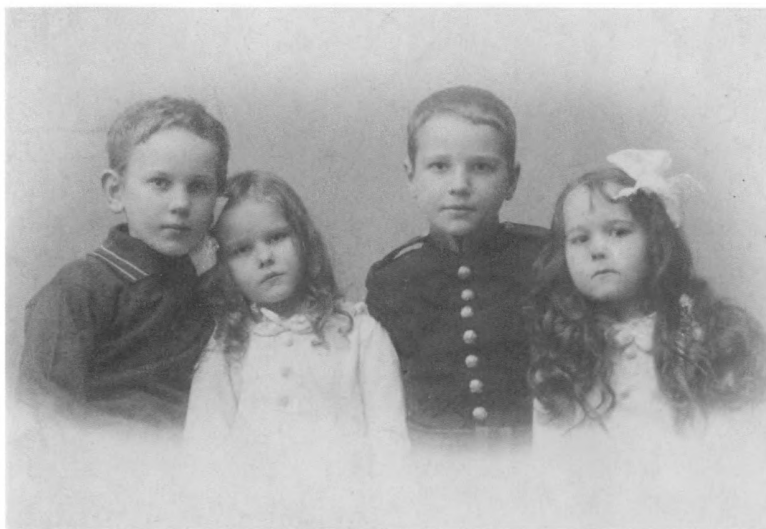
шестерни шестерни

Шура Введенский в Иркутске. Фотография
И. В. Булатова

Иркутск, 1907. На обороте корявая надпись: «Бабушке милой дорогой Шура своей рукой»

Шура Введенский (третий слева) с братом Володией и сестрами Евгенией и Евлалией. Санкт-Петербург, середина 1910-х гг.

Шура Введенский (второй слева) с сестрами и братом. Санкт-Петербург, середина 1910-х гг.

Мать, Е. И. Поволоцкая-Введенская

Сестра Евгения

Санкт-Петербург, Съезжинская ул., 37 (угол Кронверкского проспекта) — дом, где жила семья Введенских (фото А. Дмитренко, июль 2010)

Александр Введенский, 1922

Леонид Липавский, 1910-е гг.

Яков Друскин, 1920-е гг.

Санкт-Петербург, ул. Плуталова, 24. Здание бывшей школы имени Л. Д. Лентовской, где в 1917—1921 гг. учился Введенский (фото А. Дмитренко, июль 2010)

Петроградская 10 трудовая школа имени Л. Д. Лентовской. Выпуск 1921 г., 20-я группа (воспитатель А. Якубовский). *1 ряд:* М.(?) Шайкевич, А. Введенский, неуст. лица (4), З. Тереховко; *2 ряд:* О. Григоров, П. Андреев (рисование, лепка), С. Алексеев (Аскольдов) (психология), А. Якубовский (история), неуст. лицо, Т. Мейер В. Иванов (директор), А. Голубев (история), Н. Золотарев (психология, логика), неуст. лица; *3 ряд:* А. Краминская, А. Корженевская, Л. Георг (русский язык), Л. Раевская (французский язык), Т. Иванова (география), неуст. лица (3), Л. Александрова; *4 ряд:* Г. Неменова, П. Германович (математика), С. Левина, Э. Бульванкер, Е. Аладжалова, А. Иванова, Е. Штейдинг, М. Друскин

Празднование 20-летия литературной деятельности Михаила Кузмина. *Слева направо, нижний ряд:* Евсей Старосельский, Ида Наппельбаум, Антон Шварц, Ольга Черемшанова, Юрий Юркун, Александр Введенский, С. Членов. *Сидят, второй ряд:* Лиля Наппельбаум, Фредерика Наппельбаум, Константин Вагинов, Павел Медведев, Анна Радлова, Михаил Кузмин, Всеволод Рождественский, неизвестная, Нина Шишкина, Владимир Чернявский, Николай Ключев, Константин Федин. *Стоят:* Александра Федорова, Тамара Данилова, Василий Калужнин, Михаил Фроман, Валентина Баршева, Анна Ахматова, Михаил Лозинский, Сергей Радлов, Евгений Шварц, Николай Чуковский, Захар Хацревин. *Верхний ряд:* Николай Баршев, Ф. Бунина, Павел Лукницкий, Наталья Сурина. Фотография М. Наппельбаума. 11 октября 1925

Батуми, 1930

Анна Ивантер, 1930-е гг.

Александр Введенский, Тамара Мейер,
1920-е гг. (фотомонтаж из альбома
Т. Мейер (Липавской))

Тамара Мейер (Липавская), Яков Друскин,
1930-е гг. (фотомонтаж из альбома
Т. Мейер (Липавской))

Елизавета Фохт, 1930-е гг.

Александр Введенский. Фотография
из членского билета Союза
писателей. Ленинград, 1934

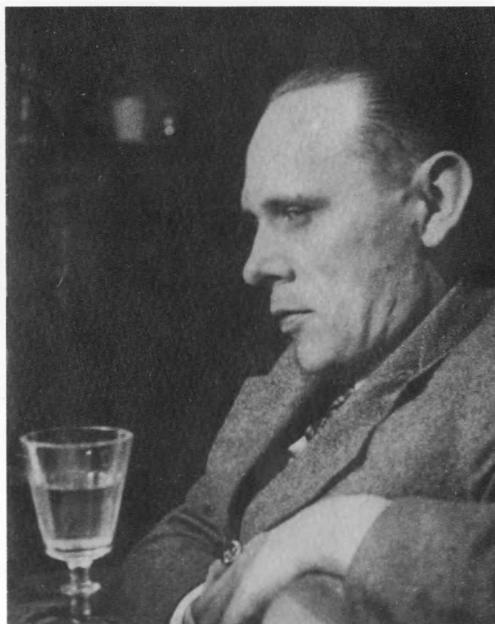
Александр Введенский и Николай Олейников, начало 1930-х гг.

Дом, в котором жили Введенский и Хармс в Курске, ул. Первышевская, 16, ныне — ул. Уфимцева, 14 (фото М. Амелина)

Лестница на второй этаж
в доме в Курске

Даниил Хармс. Ленинград,
1938

Даниил Хармс. Автошарж из письма Александру Введенскому в Харьков

то все случилось и гаврля
меду собой, что Александр
Мванович пришел из
Венгрии.

Помню, что Мванович
древний человек под
спом. Это я говорю
в календаре своем.

Но Александр Мванович
пошел по лесу даму
бывает, что он будет
всегда и не даст
век не уйти в лес и
близко обидеть.

Большое дело Александр
Мванович мойш макарна.
Кто он и всегда с
своими суждениями
едает почти то
с ким, а может быть
иногда больше.

В макарна Александр
он говорит, что
тошнит и тошнит

когда
ходить

Вр Мванович
шел не
и иногда
се даже
но кимина
Александр
и виле
а потому
и, что

то даже и не кимина.
Виле я то не буду
говорю, значит это правда.
Скорее со мной никому
не советую, ~~а~~ все равно
он останется в дурака,
но то му то я виле то
перестану.

Да и не виле макарна
со мной, еще и не
такие пробавим. Виле
Умичи. Даром, что
с виду и говорить то не

Теперь я пишу несколько
слов об Александре Мвановиче.

Это болтун и азартный
игрок, но ~~он~~ ~~он~~ ~~он~~
~~он~~ ~~он~~ ~~он~~ ~~он~~
за что я его ценю,
так это за то что он
мне покорен.

Виле и кимина
покурит он передо мной
и только ждем с макар
второй кимина на
канон и буду кимина.

Виле и кимина
это и кимина и Александр
Мванович кимина кан
виле кимина кимина
волю.

За это я кимина
кину кимина и кимина:
"На, носи." Виле с
и и кимина.

Когда Александр Мванович
приедет в Госудат,

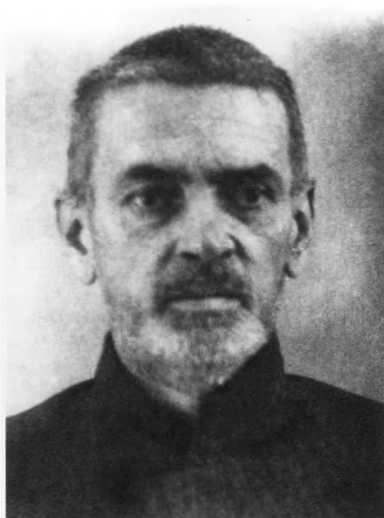
Даниил Хармс. Из текста под зачеркнутым названием «Как я всех прешаю» (В частном собрании. Вариант текста, известного под условным названием «Как я растрепал одну компанию»)

Даниил Хармс «в роли» своего воображаемого брата Ивана Ивановича. Ленинград, 1938

Галина Викторова и Александр Введенский на пароходе. Кавказ, 1936

Борис Климентьевич Викторов. Тюремная
фотография. Ростов-на-Дону, 1937

Борис Климентьевич Викторов, 1926

Волейбол во дворе дома на Совнаркомовской, 8. Галина Викторова (в тельняшке), бере-
менная сыном Борей. Харьков, 1934

У Липавских: Александр Введенский и Галина Викторова.
Ленинград, 1938

Портрет Галины Викторовой
работы Д. Шавкина, 1940

Кавказ, 1936

У Липавских: Александр Введенский, Галина Викторовна, Леонид Липавский, Тамара Липавская. Ленинград, 1938

С сыном Петей. Харьков, 1938

Дом в Харькове на Совнаркомовской, 8. (Два арочных окна — той комнаты, где Введенский работал; два прямоугольных окна справа — другой (проходной) комнаты.)

Александр Введенский, 1939 или 1940

2. Лица, внесенные в паспорт вкладыше

№ по пор.	Фамилия, имя и отчество	Род- роств	Отношение к род. паспорту	На основании каких докум. внесен в пас.
1	Мельник Алексей 1937	сын	сын	см. см.
2	Викторов Борис Я. 1934	сын	сын	см. см.

ПАСПОРТ

Кар. Степанов Вильям

3. Особи, занесені до паспорта вкладкою:

Чер- гаш №	Прізвище, ім'я і по- батькові	Вік	Відношення до власника паспорта	На підставі яких доку- ментів внесли в пас.

ПАСПОРТ

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ—ОКРЕМІ ПОМІТКИ

ПАСПОРТ

ПРОПИСКА

УССР Харьковская обл. 38
Пр. п. Совнархозовская 8
П.А. Прописка

ПАСПОРТ

Фотография из военного билета. Харьков, 1940.

Последняя фотография до ареста (из паспорта). Харьков, 1941

Тюремные фотографии. Харьков, сентябрь 1941

Милые, дорогие, любимые
Всегда нас утешайте и радуйте
Любите всех и крепко и смело. Будем
жить все будет хорошо и даже
скоро увидимся.

Всегда вас крепко, крепко

А особенно Валерку и Лилию
ку. Все займемся мы делом

Всегда

Совнарком
Скляков
Викторов

Записка Введенского семье перед этапированием. Харьков, середина октября 1941.

Боря Викторов. Харьков. 1937

Петя Введенский. Харьков, 1941

Боря и Петя в Лещиновке, 1940

Портрет Галины Викторовой
работы Д. Шавыкина, 1945

Портрет Галины Викторовой
работы Д. Шавыкина, 1958

Галина Борисовна, Елизавета Васильевна, Петя, Борис. Харьков, середина 1960-х гг.

Леонид Липавский. Одна из последних фотографий

Яков Друскин, 1960-е гг. (фото М. Шемякина)

Тамара Липавская и Яков Друскин. Пушкин, 1970.

Надпись на фотографии рукой Тамары Липавской: «Пушкин, VII-1970 Т. Липавская и Я. Друскин Как видите, дело было 6 лет тому назад. Снимал нас друг Яши, дирижер из Киева Игорь Иванович Блажков. Я думаю это последний снимок»

Литературно-художественное издание

Введенский Александр Иванович

ВСЁ

Ответственный редактор М. Амелин

Компьютерная верстка: С. Валишин

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

109028, Москва, Покровский бульвар, д. 14/6.

Факс/тел.: +7 (495) 626-24-70; e-mail: izdatelstvo.ogi@yandex.ru

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВ ОГИ И Б.С.Г.-ПРЕСС МОЖНО ПРИОБРЕСТИ:

В РОЗНИЦУ В МОСКВЕ

- Книжный магазин «Москва», м. «Пушкинская», «Тверская», ул. Тверская, д. 8.
Тел.: (495) 629-64-83, 797-87-17.
- ТД «Библио-Глобус», м. «Лубянка», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1.
Тел.: (495) 781-27-37.
- Московский дом книги, м. «Арбатская», ул. Новый Арбат, д. 8.
Тел.: (495) 789-35-91.
- Дом книги «Молодая Гвардия», м. «Полянка», ул. Большая Полянка, д. 28.
Тел.: (495) 238-50-01.
- Книжный магазин «Фаланстер», м. «Пушкинская», «Тверская»,
Малый Гнезниковский пер., д. 12/27. Тел.: (495) 629-88-21.
- Сеть магазинов «Республика». Тел.: (495) 251-65-27.

В РОЗНИЦУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

- Санкт-Петербургский «Дом книги», м. «Невский проспект», «Гостиный двор»,
Невский проспект, д. 28. Тел.: (812) 448-23-55.
- Сеть магазинов «Буквоед». Тел.: (812) 601-0-601.
- Книжный магазин «Все свободны», наб. Мойки, 28. Тел.: +7 (911) 977-40-47.

ОПТОМ

- КД «Б.С.Г.-Пресс», Москва, Покровский бульвар, д. 14/6.
Тел. (495) 626-24-72; +7 (915) 110-36-50.
- «А. Симпозиум», Санкт-Петербург, 20-я линия В. О., д. 5/7.
Тел. (812) 325-66-61.

ISBN 978-5-94282-714-4

Подписано в печать 02.08.2013. Гарнитура OfficinaSans.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Объем 46 печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Доп. тираж 2000 экз. Заказ №

ВСё

